

9(37)
М-74

9(37)
М74 Модестов В.И.
Введение в римскую
историю. ч. I.
1902 Б.Ц.
1251264

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
РИМСКУЮ ИСТОРИЮ

INTRODUCTION À L'HISTOIRE ROMAINE
L'ETHNOLOGIE PRÉHISTORIQUE ET LES INFLUENCES CIVILISATRICES À L'ÉPOQUE
PRÉROMAINE EN ITALIE ET LES COMMENCEMENTS DE ROME
par BASILE MODESTOV
ANCIEN PROFESSEUR DE LA LITTÉRATURE ROMAINE
1-ère partie

ВВЕДЕНИЕ ВЪ РИМСКУЮ ИСТОРИЮ

ВОПРОСЫ ДО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХЪ
ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-РИМСКУЮ ЭПОХУ ВЪ ИТАЛИИ И НАЧАЛО РИМА

проф. В. И. МОДЕСТОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

съ 35-ю фототипическими таблицами
(воспроизведенными въ фотоцинкографическомъ заведеніи Тов. М. О. Вольфъ)

БІБЛІОТЕКА
Всѣдѣржавнаго універсітета
імя У. І. Леніна

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Г-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостинный дворъ, 18.

SOCIÉTÉ M. O. WOLFF
LIBRAIRIE
S T.-PÉTERSBOURG,
Gostinoi Dvor, 18.

1902.

Установа адукацїи
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П. М. Маша, ала"
БІБЛІАТЭКА

524359

ТИ П О Г Р А Ф І Я
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб., В. О., 16 л., № 5—7.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 декабря 1901 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловіе	СТРАН. IX — XV
-----------------------	-------------------

ГЛАВА I.

Каменный вѣкъ въ Италіи. 1. Палеолитическая эпоха. Ошибочное зъявленіе Моммзена объ отсутствіи каменнаго вѣка въ Италіи. Стр. 1—2.—Палеолитическая эпоха въ Лаціумѣ. 2—4.—Палеолитическая эпоха въ при-адриатической Италіи. 4—6.—Лигурійскія пещеры. Balzi Rossi. 6—10.—Передовыя Веронскія Альпы. 10.—Сицилія. 10—11.—Сардинія. 11—12. Палеолитическая эпоха въ Базилкатѣ	1 — 12
---	--------

ГЛАВА II.

Каменный вѣкъ въ Италіи. 2. Неолитическая эпоха.—Культурное значеніе неолитической эпохи. 13.—Распространенность неолитической эпохи на весь материкъ Италіи. 13—14.—Неолитическій вѣкъ въ Лаціумѣ. 14—15.—Могилы въ Стурголъ и въ Канталупо-Манделѣ. 15—16.—Могилы въ Тосканѣ и Умбріи. 16—18.—Неолитическій вѣкъ въ Пиденѣ. Искусственные гроты, Хижаны въ Пиденѣ. 18—19.—Мастерскія для выдѣлки каменныхъ орудій. 19—20.—Торговья сношенія по обмѣну матеріаловъ. 20.—Хижаны неолитической эпохи вообще въ Италіи. 20—22.—Искусственные пещеры въ Италіи, какъ мѣста погребенія. 22—23.—Искусственные гроты на о.о. Сициліи и Пьянозѣ. 23—24.—Природныя пещеры на материкѣ и островахъ, какъ мѣста погребенія: въ Пиденѣ, въ Лигуріи. 24—32.—Природныя пещеры на о. Сардиніи. 32—34.—На Пьянозѣ. 35.—На Сициліи. Пещеры Термани-Имерезе и Виллафратт. Пещеры южной группы. Пещеры Ладзаро и др. 35—41.—Открытая неолитическая стоянка Альба. 41—42.—Такая-же стоянка Стентинелло. 42—43.	13 — 43
---	---------

ГЛАВА III.

Каменный вѣкъ въ Италіи. 3. Конецъ неолитической эпохи. Периодъ энеолитическій.—Двѣ фазы неолитическаго вѣка. 44—45.	
--	--

Мѣста ранней фазы. 43.—Мѣста поздней неолитической фазы. 45—46.—Энеолитическій періодъ и важнѣйшія его мѣста. 46.—Могильникъ Ремедделло-Сотто. 46—49.—Важность этого могильника. 49—50.—Энеолитическія могилы на о. Сардинія. 50—51.—Особыя формы керамики Сицилійскихъ могильниковъ и ея раскраска. 51—53.—Вліяніе восточной торговли на Сицилію. 53—54.—Дольмены въ Сициліи. 54—55.—Причины, произведшія переворотъ въ неолитической культурѣ. Вышнія вліянія. 55—56.—Древность морскихъ сношеній Востока съ Сициліей. 56—57.—Раннія сношенія Кипра съ Сициліей. 58—59.—Кипръ — центръ распространенія мѣдной и бронзовой культуры. 59—61.—Происхожденіе энеолитическаго періода въ Сѣверной Италіи. 61—63.—Путь, какимъ шли мѣдныя издѣлія изъ Кипра въ Среднюю Европу и въ Верхнюю Италію. 63—66.—Иммиграція изъ-за Альпъ. 66.—Важность вопроса о до-историческомъ населеніи Италіи — 67—68.—Древность поселеній въ Италіи. 68—69.—Средиземноморская раса. 69—71.—Характеръ череповъ средиземноморскаго племени. 71.—Африканское происхожденіе черепного типа Греціи и Италіи. 71—72.—Переселеніе изъ Африки въ Европу. 72—73.—Значеніе тесрип Серджи. 73—75.—Лигуры и Пберы. 75—76.—Новѣйшія изслѣдованія о Лигурахъ. 76—77.—Методъ филологическо-лингвистическій. 77—78.—Языкъ Лигуровъ по Мюлленгофу и Д'Арбуа-де-Жюбэнвиллю. 78—80.—Методы археологическій и антропологическій. 80—82.—Родство Лигуровъ съ Пберами. 82—86.—Общность географическихъ названій на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ. 86—87.—Сиккуды. 87.—Поселеніе Сиккудовъ на островѣ. 88.—Несостоятельность мнѣнія о родствѣ Сиккудовъ съ Латинянами. 88.—91.—Сикканы. 91—92.—Различіе между Сиккудами и Сикканами. 92—94.—Наше несогласіе съ Орсп. 94—95.—Связь Лигуровъ и Пберовъ съ Африкой. Пшитадеры. 95—96.—Письменные знаки, какъ доказательство общности племени. 96—97.—Общность языка. 97—98.

Г Л А В А І V.

Бронзовый вѣкъ въ Италіи. Вторженіе новыхъ племенъ на Апеннинскій полуостровъ.—Признаки новой эпохи. 99—100.—Иммиграція изъ-за Альпъ. 100—101.—Вопросъ о Пелазгахъ. 101—103.—Сваинныя постройки (палафитты). 103—105.—Различіе между западными и восточными палафиттами. 105—106.—Террамары въ Италіи и ихъ исторія. 106—108.—Устройство террамарь. 108—112.—Отбросы въ террамарахъ и пожары. 112—113.—Позднѣйшія наслоенія въ террамарахъ. 113—114.—Число террамарь и область, ими занимаемая. 114—115.—Культура въ террамарахъ. 115—116.—Флора въ террамарахъ и растительная пища. 116—117.—Фауна въ террамарахъ. 117—118.—Животная пища. 118—119.—Промышленность въ террамарахъ. Керамика и рогообразная ручка. 119—120.—Предметы изъ дерева. Издѣлія изъ

СТРАН.

костп и рога. Издѣлія изъ бронзы. 120—121.—Принадлежать-ли
террамары по своему основанію еще каменному вѣку. 121—124.—
Виды бронзовыхъ издѣлій въ террамарахъ. 124—126.—Низкая
техника бронзовыхъ издѣлій въ террамарахъ. 126—127.—Могиль-
ники террамарь. Трупоожженіе. 127—128.—Характерная осо-
бенность населенія террамарь. 128—129.—Тождество культуры
палафиттъ Венетскихъ озеръ съ культурой террамарь. 129—131.—
Бронзы Гардскаго озера. Общность культуры съ долиной Дуная.
131—132.—Заключенія Пигорини. 132—133.—Наши заключенія.
133—134.—Происхожденіе народа и культуры террамарь и озер-
ныхъ палафиттъ Венетскихъ озеръ. 134—135.—Принадлежность
террамарь индо-европейскому народу, а не Лигурамъ. 135—138.—
Несостоятельность теорій Брнціо и Серджи о Лигурахъ, какъ
основателяхъ террамарь. 138—140.—Заключеніе о террамарахъ.
140.

94 — 140

Г Л А В А V.

Распространеніе первыхъ арійскихъ пришельцевъ изъ терра-
марь по Италіи.—Неизвѣстность причины выселенія изъ терра-
марь долины По. 141—142.—Террамара на берегу Юнійскаго
моря. 142—143.—Неосновательность возраженій Брнціо. 143—
143.—Движеніе черезъ Пиненъ и Апеннины къ Средиземному
мory. 143—143.

141 — 148

Г Л А В А VI.

Латиняне въ долину Тибра.—Связь террамарь съ Лаціумомъ. 151—
153.—Любовь къ опредѣленнымъ нормамъ въ террамарахъ и у
Римлянъ. 153—154.—Неосновательность смѣшенія палео-этнологи-
ческой школой Умбровъ съ Латинянами. 154—155.—Два вторже-
нія съ Сѣвера въ разное время. Большая разность въ языкахъ
Умбро-Сабелльской и Латинской вѣтвей. 155—157.—Могильники
Альбанскихъ горъ. Исторія ихъ открытія и разработки. 158—159.—
Связь Альбанскаго некрополя съ террамарами. 159—160.—Связь
съ неолитической эпохой. Увлеченіе г. Пинцы. 160—162.—Об-
рядъ трупопогребенія. 162—163.—Связь съ каменнымъ вѣкомъ
въ керамикѣ. 163—166.—Произвольность и нелогичность выво-
довъ г. Пинцы относительно культуры перваго желѣзнаго вѣка
въ Лаціумѣ. 166—167.—Вліяніе коренного населенія Лаціума на
латинскій языкъ. 167—170.—Видоизмѣненіе взглядовъ на составъ
латинскаго языка. 170—173.—Вліяніе культуры Виллановы на
Лаціумъ. 173—174.—Слабость этого вліянія въ погребальной ке-
рамикѣ. 174—176.—Добавочные сосуды въ могильникахъ Лаці-
ума. 176.—Бронзовые предметы. 176—178.—Значеніе малочислен-
ныхъ бронзовыхъ издѣлій въ Альбанскомъ некрополѣ. 178—179.—
Заимствованіе орнамента. 179.—Заключеніе о древности некро-
поля Альбанскихъ горъ. 179—181.

149 — 181

1*

Г Л А В А VII.

Первый желѣзный вѣкъ въ Италіи. Культура Виллановы.—Центръ культуры Виллановы и ея распространіе. 182—183.—Происхожденіе культуры Виллановы. 183—184.—Мнѣніе Ппгорини о происхожденіи ея изъ террамарь. 184—186.—Фонтанелла и Бисмантова—промежуточные стоянки между культурой террамарь и Виллановы. 186—188.—Несостоятельность теоріи о происхожденіи культуры Виллановы изъ террамарь. 188—190.—Произведеніе культуры Виллановы изъ энеолитическаго періода и странность этой теоріи. 190—191.—Умбры въ долинѣ По. 192—194.—Откуда пришли Умбры въ Италію? 194—195.—Племенное родство Умбровъ. 195—196.—Несостоятельность теоріи Серджи о прото-славянскомъ происхожденіи Умбровъ. 196—198.—Могильникъ Виллановы и мнѣнія ученыхъ. 198—200.—Принадлежность могильнаго типа Виллановы Умбрамъ, а не Этрускамъ. 200—201.—Устройство могилъ типа Виллановы 201—202.—Типическій оссуарій Виллановы и его орнаментъ. 202—203.—Бронза въ могильникѣ Виллановы. 203—204.—Письменные знаки на утвари Виллановы. 204—205.—Четырнадцать скелетовъ въ могильникѣ Виллановы. 204—205.—Относительная важность могильника Виллановы. 205.—Умбрскіе могильники близъ Белоньи. 206.—Могильникъ Беначчи I. 206—207.—Могилы Беначчи II. 207.—Могильникъ Арноальди. 207—208.—Начало трупопогребенія у Умбровъ, какъ результатъ этрусскаго вліянія. 208—209.—Интересные предметы иностраннаго ввоза. 209.—Остатки умбрскихъ жилищъ въ Фельсинѣ и ихъ первобытнѣйшій характеръ. 210.—Складъ бронзовыхъ предметовъ. 210—211.—Единство народа и культуры при-болоньскихъ могильниковъ и могилъ а rozzo въ Этруріи. 211—212.—Иностранныя вліянія, произведшія культуру Виллановы. 212—213.—Неосновательность теоріи о финскійскомъ вліяніи. 213—214.—Греческое вліяніе. 214—215.—Путь, какимъ шло греческое вліяніе. 215—217.—Начало сношеній Грековъ съ Италіками. 217—218.	182 — 218
Примѣчанія	219 — 246
Описаніе таблицъ	247 — 256
Sommaire des matières du livre présent.	

TABLE DES MATIÈRES

	PAGES
Préface.	IX — XV

CHAPITRE I.

L'âge de la pierre en Italie. 1. Époque paléolithique. Assertion erronée de M. Mommsen sur l'absence de l'âge de la pierre en Italie. — Époque paléolithique en Latium. — Époque paléolithique sur le versant Adriatique. — Cavernes de la Ligurie. Balzi Rossi. — Les Pré-Alpes Véronaises. — La Sicile. — La Sardaigne. — Époque paléolithique en Basilicate	1 — 12
--	--------

CHAPITRE II.

L'âge de la pierre en Italie. 2. Époque néolithique. Importance de l'époque néolithique au point de vue de la civilisation. Propagation de l'époque néolithique sur tout le continent de l'Italie. — L'âge néolithique en Latium. — Tombes à Sgurgola et à Cantalupo-Mandela. — Tombes en Toscane et en Ombrie. — L'âge néolithique en Picène. Grottes artificielles. Cabanes en Picène. — Ateliers pour la confection des instruments de pierre. — Relations commerciales pour l'échange des matières. — Cabanes de l'époque néolithique en Italie en général. — Grottes artificielles en Italie, comme lieux de sépulture. — Grottes artificielles en Sicile et en Pianose. — Cavernes naturelles sur le continent et sur les îles, comme lieux de sépulture. En Picène. En Ligurie. — Cavernes naturelles en Sardaigne, en Pianose, en Sicile: cavernes de Termini — Imerese et de Villafraati; cavernes du groupe du midi, cavernes de Lazzaro etc. — Une station néolithique ouverte: Alba. — Une autre station ouverte: Stentinello	13 — 43
---	---------

CHAPITRE III.

L'âge de la pierre. 3. Fin de l'époque néolithique. Période énéolithique. Deux phases de l'âge néolithique. — Lieux de la phase néolithique antérieure. — Période énéolithique et ses lieux les plus importants. — La nécropole de Remedello-Sotto. — Importance	
--	--

de cette nécropole. — Tombes énéolithiques en Sicile. — Formes spéciales de la céramique sicilienne et son enluminure. — Influence du commerce orientale sur la Sicile. — Dolmens en Sicile. — Causes, qui ont produit une révolution dans la civilisation néolithique. — Influences extérieures. — Ancienneté des relations commerciales de l'Orient avec la Sicile. — Très anciennes relations du Chypre avec la Sicile. — Chypre est le centre de la propagation de la civilisation de cuivre et de bronze. — L'origine de la période énéolithique en Italie du Nord. — Voie, par laquelle les ouvrages en cuivre venaient dans l'Europe et dans l'Italie du Nord. — Immigration de delà des Alpes. — L'importance de la question de la population préhistorique en Italie. — Race méditerranéenne. — Le caractère des crânes de la race méditerranéenne. — Origine africaine du type crânien de la Grèce et de l'Italie. — Émigration de l'Afrique en Europe. — Valeur de la théorie de M. Sergi. — Ligures et Ibères. — Les plus nouvelles recherches sur les Ligures. — Méthode philologo-linguistique. — Langue des Ligures d'après M. M. Müllenhof et D'Arbois de Jubainville. — Méthodes archéologique et anthropologique. — Parenté des Ligures et Ibères. — Communauté des noms géographiques dans les péninsules des Apennins et des Pyrénées. — Les Sicules. — Les Sicanes. — Différence entre les Sicules et les Sicanes. — Notre désaccord avec M. Orsi. — Lien des Ligures et des Ibères avec l'Afrique. Les pintaderas. — Les signes d'écriture, démontrant l'unité de la race. — L'unité de la langue 44 — 98

CHAPITRE IV.

L'âge du bronze en Italie. Irruption des races nouvelles dans la péninsule des Apennins. Indices de la nouvelle époque. — Immigration de delà des Alpes. — Question sur les Pelasges. — Constructions sur pilotis (palafittes). — Différence entre les palafittes occidentales et orientales. — Terramares en Italie et leur histoire. — Organisation des terramares. — Rebutis dans les terramares et incendies. — Couches postérieures dans les terramares. — Nombre des terramares et la région, occupée par elles. — Civilisation dans les terramares. — Flore dans les terramares et aliments végétaux. — Faune dans les terramares. — Aliments animaux. — Industrie dans les terramares. Céramique et manche cornu (lunulé). — Objets en bois. — Ouvrages en os et en corne. — Ouvrage en bronze. — Les terramares, appartiennent-elles, par leur fondation, encore à l'âge de la pierre? — Espèces d'ouvrages en bronze dans les terramares. — Technique inférieure des ouvrages en bronze dans les terramares. — Nécropoles des terramares. L'incinération. — Particularité caractéristique de la population des terramares. — Identité de la civilisation dans les lacs de la Vénétie et dans les terramares. — Bronzes du lac de Garde. Communauté de la civilisation avec la vallée du Danube. — Conclusions de M. Pigorini. — Nos conclusions. —

Origine du peuple et de la civilisation des terramares et des palafittes des lacs de la Vénétie. — Les terramares appartiennent à un peuple indo-européen, mais pas aux Ligures. — Le peu de fondement de la théorie de M. M. Brizio et Sergi sur les Ligures, comme fondateurs des terramares. — Conclusion sur les terramares . . . 99 — 140

CHAPITRE V.

Propagation des premiers immigrants aryens des terramares par l'Italie. Ignorance de la cause de l'émigration des terramares de la vallée du Pô. — Une terramare sur le bord de la mer Ionienne. Le peu de fondement des objections de M. Brizio. — Mouvement par le Picène et les Apennins vers la Méditerranée. — Lien entre le Picène et le Latium. 141 — 148

CHAPITRE VI.

Les Latins dans la vallée du Tibre. Lien entre les terramares et le Latium. — L'amour des normes déterminées dans les terramares et chez les Romains. — Le peu de fondement de la confusion des Ombriens avec les Latins par l'école paléoethnologique. — Deux irruptions de Nord dans les temps différents. — Grande différence dans les langues des branches umbro-sabellique et latine. — Nécropoles des monts Albains. Histoire de leur découvertes et de l'exploration. — Lien entre la nécropole albaine et les terramares. — Lien avec l'époque néolithique. — Exagérations de M. Pinza. — Rite de l'enterrement (inhumation) du cadavre. — Rapport avec l'âge de la pierre dans la céramique. — L'arbitraire et l'absence de logique dans les conclusions de M. Pinza au rapport de la civilisation du premier âge de la pierre en Latium. — Influence de la population primitive sur la langue latine. — Changement de vues sur la composition de la langue latine. — Influence de la civilisation de Villanova sur le Latium. — Faiblesse de cette influence dans la céramique funéraire. — Vases supplémentaires dans les nécropoles du Latium. — Objets de bronze. — Pourquoi il y a peu d'objets de bronze dans la nécropole albaine. — Emprunt de l'ornement. — Conclusion sur l'ancienneté de la nécropole des monts Albains 149 — 181

CHAPITRE V.I.

Le premier âge du fer en Italie. Civilisation de Villanova. Centre de la civilisation de Villanova et la propagation de cette dernière. — Origine de la civilisation de Villanova. — L'opinion de M. Pigorini, qui la déduit de terramares. — Fontanella et Bismantova, stations intermédiaires entre la civilisation des terramares et celle de Villanova. — Le peu de fondement de la théorie de l'origine de la civilisation de Villanova de terramares. — Objections de M. Brizio. — Déduction de

la civilisation de Villanova de période énéolithique et singularité de cette théorie. — Les Ombriens dans la vallée du Pô. — D'où sont venus les Ombriens dans l'Italie? — Parenté de race des Ombriens. — Le peu de fondement de la théorie de M. Sergi sur l'origine protoslave des Ombriens. — La nécropole de Villanova et les opinions des savants. — Les tombes de Villanova appartiennent aux Ombriens, pas aux Étrusques. — Organisation des tombes du type de Villanova. — Ossuaire typique de Villanova et son ornement. — Bronzes dans la nécropole de Villanova. Fer. — Signes d'écriture sur l'ustensile de Villanova. — Quatorze squelettes dans la nécropole de Villanova. — Importance relative de la nécropole de Villanova. — Nécropoles ombriennes près de Bologne et leur périodes. — La nécropole de Benacci I. — Les tombes de Benacci II. — La nécropole d'Arnoaldi. — Commencement de l'inhumation des cadavres chez les Ombriens, comme résultat de l'influence étrusque. — Objets intéressants de l'import étranger. — Restes des habitations ombriennes à Felsine et leur caractère primitif. — Dépôt des objets de bronze. — Unité du peuple et de la civilisation des nécropoles bolognaises et des tombes à puits en Étrurie. — Influences étrangères, qui ont produit la civilisation de Villanova. — Le peu de fondement de la théorie de l'influence phénicienne. — Influence grecque. — Voie, par laquelle venait l'influence grecque. — Le commencement des relations entre les Grecs et l'Italie 182 — 218

Notes 219 — 246

Description des tables 247 — 256

Sommaire des matières du livre présent.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Годъ съ небольшимъ назадъ, въ одномъ изъ засѣданій „Общества классической филологіи и педагогики“, которому было угодно избрать меня своимъ почетнымъ членомъ, я старался ходомъ своихъ римскихъ занятій объяснить *), какъ я пришелъ къ идеѣ книги, первая часть которой теперь предлагается вниманію русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Желая приступить къ исполненію занимавшей меня съ молодыхъ лѣтъ задачи изслѣдованія древнѣйшей Римской исторіи и пріѣхавъ съ этою цѣлью въ Римъ осенью 1891 года, я невольно обратилъ вниманіе на огромный археологическій и палео-этнологическій матеріалъ, накопившійся въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, какъ результатъ необычайно дѣятельныхъ раскопокъ какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ другихъ частяхъ новаго королевства. Въ матеріалѣ этомъ нужно было разобраться, и чѣмъ больше я въ него погружался, тѣмъ дальше въ глубь временъ отъ меня отодвигался пунктъ, съ котораго слѣдовало положить начало моему изслѣдованію. Такимъ-то образомъ и случилось, что я, исходя изъ разсмотрѣнія раскопокъ, произведенныхъ на восточныхъ холмахъ Рима и давшихъ наидревнѣйшій матеріалъ для исторіи города Ромула, отправился въ Альбанскія горы, археологическій матеріалъ которыхъ видимо обнаруживалъ періодъ, въ ббльшей своей части предшествовавшій жизни на Эсквилинѣ и Квириналѣ,

*) Рефератъ напечатанъ въ *Филологическомъ Обзорѣнн* 1900 г., т. XVIII, отд. 1.

и въ юго-восточную Этрурію, къ Фалискамъ, ближайшимъ родственникамъ Латинянь, совмѣстное жительство которыхъ съ послѣдними должно было обозначать періодъ еще болѣе древній. Этотъ болѣе древній періодъ естественно завелъ меня въ террамары долины По, гдѣ открытыя въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія свайныя постройки на сушѣ, въ соединеніи съ свайными постройками Венетскихъ озеръ, представляли собой самое начало арійскихъ поселеній на почвѣ Италіи. Естественно рождался вопросъ: кто же на этой почвѣ жилъ раньше, чѣмъ пришли сюда люди индо-европейскаго племени? Отмѣченное древними историками преданіе говорило о Сикулахъ, какъ первоначальныхъ обитателей Лаціума и сосѣднихъ съ нимъ къ Сѣверо-востоку мѣстностей Италіи. Отсюда слѣдоваль само собой другой вопросъ: кто были эти Сикулы, обитатели Италіи еще каменной эпохи? Поэтому я волей-неволей долженъ былъ обзрѣть Италію неолитической эпохи, и зайти въ Сицилію, гдѣ необыкновенно удачныя раскопки Орси въ восточной части острова, мѣстахъ поселеній Сивуловъ, открыли очень интересную культуру, которая, совпадая во многихъ пунктахъ съ культурой какъ неолитической Италіи съ ея островами, такъ и съ культурой Пиринейскаго полуострова и Южной Франціи, поднимала интереснѣйшій вопросъ объ огромномъ Иберо-Лигурійскомъ племени, составлявшемъ неолитическое населеніе не одной Италіи и даже не одной юго-западной Европы. Но какъ случайныя находки, такъ и раскопки въ окрестностяхъ Рима и въ римской Кампаньи, въ Пиценѣ, въ верховьяхъ Тибра, на сѣверномъ склонѣ Апеннинъ, въ передовыхъ Веронскихъ Альпахъ, въ Лигуріи и, наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ южной Италіи ясно указывали на присутствіе на Апеннинскомъ полуостровѣ человѣка еще въ четвертичный геологическій періодъ или въ палеолитическую эпоху. Надо было осмотрѣться и въ этой послѣдней.

Такимъ-то образомъ я мало-по-малу пришелъ къ тому, что древнѣйшую исторію Рима надо начать съ первыхъ слѣдовъ появленія въ долинѣ Тибра человѣка, чтобы войти въ городъ Ромула не съ пустыми руками и не съ мифическими и легендар-

ными сказаніями, переданными или отчасти придуманными древними историками и на всѣ лады толкуемыми новыми историками, а съ фактами послѣдовательно развивавшейся культурной жизни въ рукахъ. Таково, по мнѣнію автора, и должно быть *новое направленіе* въ разработкѣ древнѣйшей Римской исторіи. Оно единственно вполнѣ научное и единственно въ настоящее время плодотворное. Лишь одно это направленіе въ состояніи поставить предѣль, какъ я заявлялъ въ засѣданіи означеннаго ученаго Общества, „тому безграничному произволу, съ какимъ эпигоны критической школы, начатой такъ славно Нибуромъ и принесшей исторической наукѣ огромныя услуги, потерявъ всякую реальную почву подъ ногами, превратили первыя столѣтія Римской исторіи въ арепу проявленія самаго необузданнаго субъективизма, называя его, какъ бы въ насмѣшку, научной критикой“.

Мой настоящій трудъ, вышедшій изъ убѣжденія, что разрушительная въ Римской исторіи работа кончила свое дѣло и должна начаться работа созидательная,—но не въ смыслѣ приѣма на вѣру сказаній древнихъ писателей, а въ смыслѣ восстановленія на основаніи видимыхъ глазами и осязаемыхъ руками непосредственныхъ памятниковъ самой жизни, — является въ своемъ родѣ лишь первымъ опытомъ, которымъ я желалъ бы, и именно среди отечественныхъ ученыхъ, вызвать, современемъ, другіе, болѣе сильныя и болѣе удачныя.

Выходящей теперь въ свѣтъ *первой* его части предшествовали ближайшимъ образомъ слѣдующіе этюды автора, помѣщенные въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за послѣдніе годы: „Ученая жизнь въ Римѣ“ (1892), „Фалиски“ (1895), „Древнѣйшій періодъ Рима“ (1895), „Поэзія въ Римской Исторіи“ (1897), „О происхожденіи Сиколовъ“ (1897), „О томъ, откуда пришли, и кто были Латиняне“ (1898), „Еще о Сикулахъ, Умбагахъ и Латинянахъ“ (1899), „Памятники царскаго періода и древнѣйшая надпись на Римскомъ Форумѣ“ (1900), „Еще о памятникахъ царскаго періода и о древнѣйшей надписи на Римскомъ Форумѣ“ (1900).

Но, указывая свои предварительныя работы, я долженъ,

именно по отношенію къ 1-й, выходящей теперь въ свѣтъ, части своей книги, прежде всего вспомнить съ величайшей признательностью о трудахъ итальянскихъ палео-этнологовъ, которые настолько расчистили дорогу среди груды, добытаго раскопками трехъ послѣднихъ десятилѣтій, до-историческаго матеріала, что каждому свѣжему человѣку, какимъ явился я на это обширное и богатое поле, можно, при извѣстныхъ усиліяхъ и осторожности, двигаться уже безъ опасеній совершенно сбиться съ дороги. То, что, напр., сдѣлалъ Пигорини по отношенію къ террамарамъ, Бриціо къ культурѣ Виллановы, Орси ко всей до-исторической Сициліи, Колини къ неолитической эпохѣ и спеціально къ ея энеолитическому періоду, нельзя не назвать истиннымъ подвигомъ итальянской науки и ея громкимъ завоеваніемъ. Если же мнѣ, человѣку иного образованія, приходилось въ разныхъ и иногда важнѣйшихъ пунктахъ расходиться съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ столбовъ итальянской палео-этнологіи въ ихъ собственной области, то это касалось главнымъ образомъ вопросовъ, которыхъ палео-этнологія сама по себѣ рѣшать не можетъ, касалось преимущественно вопросовъ, гдѣ должно быть предоставлено полное право голоса филологу и историку.

Затѣмъ я долженъ сказать, что мое отношеніе къ палео-этнологическимъ вопросамъ не могло быть вполне такимъ, какъ къ нимъ относятся сами палео-этологи. Оно у меня было подчинено идеѣ, что съ палео-этнологическими данными въ рукахъ я иду къ началу Рима, главной цѣли труда, мною теперь предпринятаго. Поэтому я особенно выдвигаю впередъ лишь такіе пункты, которые ведутъ меня къ этой цѣли, не считая нужнымъ останавливаться на многихъ частностяхъ, которыя имѣли бы значеніе лишь тогда, если бы я имѣлъ въ виду написать полную и подробную картину до-исторической жизни Италіи. При этомъ до-историческая жизнь нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ областей мною или вовсе не затронута въ первой части моего труда, или затронута лишь мимоходомъ. Такъ, лишь мимоходомъ затронута культура палафиттъ центральныхъ и западныхъ Ломбардскихъ озеръ, хотя впрочемъ мои таблицы и не оставили безъ вниманія

ихъ палео-этнологическаго матеріала. Я не останавливался долго на этомъ пунктѣ потому, что разработка его для моей цѣли была безразлична. Что же касается до вышедшей изъ нихъ впоследствии такъ-называемой культуры Голасекки, то рѣчь о ней я отложилъ до того времени, когда пойдетъ вопросъ о Галлахъ въ Верхней Италиі. Далѣе, я почти вовсе не коснулся Венетской культуры перваго желѣзнаго вѣка, какъ и не затронулъ вопроса о народности Мессаповъ, поселившихся въ до-историческое время въ юго-восточномъ углу Италиі. Это, во-первыхъ, потому, что вопросы о Венетахъ и Мессапахъ связаны вообще съ вопросомъ объ иллирійскихъ поселеніяхъ въ Италиі, который я предпочелъ отложить до второй части своей книги, когда у меня пойдетъ рѣчь о колонизаціи съ Балканскаго полуострова. Равнымъ образомъ Южная Италиа вообще, какъ и Сициліа, будутъ подробнѣе рассмотрѣны въ связи съ вопросомъ о греческой колонизаціи. Но и тутъ подробность рассмотрѣнія надобно себѣ представлять лишь настолько, насколько она вызывается уясненіемъ состава римской культуры и хода исторіи великаго города.

Вообще говоря, вторая часть настоящаго труда, долженствующая быть болѣе интересною для читателя, должна восполнить, впрочемъ въ мѣру не только необходимости, но и возможности, все то, что можетъ показаться пробѣломъ въ настоящей. Но въ тоже время я превосходно сознаю, что и въ своей цѣлности мой трудъ, при данныхъ научныхъ матеріалахъ, несмотря на ихъ огромную массу, все еще недостаточныхъ, не можетъ быть окончательнымъ. Постоянно появляющіяся на свѣтъ новыя данныя и могущія всегда возникнуть новыя ихъ комбинаціи потребуютъ то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ неоднократной его передѣлки. Но въ передѣлкахъ раньше сдѣланнаго и заключается жизнь науки.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ закончить это предисловіе выраженіемъ живѣйшей благодарности всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствовали появленію его труда.

Прежде всего онъ считаетъ себя обязаннымъ воздать искреннюю и горячую благодарность итальянскимъ ученымъ, которые

оказывали ему разнообразныя услуги во время его занятій въ Римѣ. Таковыми услугами были: ученныя бесѣды, часто столь наставительныя для автора, присылка отдѣльных оттисковъ статей и мемуаровъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ, которыя не всегда можно имѣть подъ рукою, любезность, съ какою облегчались его занятія въ музеяхъ и библіотекахъ. Особенно считаю долгомъ назвать при этомъ Пигорини, Колини, Де-Кару, Серджи, Мариани, Гамуррини, Компаретти, Бриціо, Патрони, Джовенале, прибавивъ къ нимъ имена двухъ представителей Германскаго Археологическаго Института, Петерсена и Гюльзена. Не знаю, какъ и оцѣнить услуги проф. Колини, инспектора До-историческаго Музея въ Римѣ, который не только оказалъ мнѣ большую помощь въ выборѣ предметовъ, воспроизведенныхъ мною на приложенныхъ къ книгѣ тридцати двухъ первыхъ таблицахъ, жертвуя своимъ временемъ, но и простеръ свою любезность до того, что отмѣтилъ для меня мѣсто происхожденія каждаго изъ этихъ предметовъ и нумеръ, подъ которымъ тотъ или другой предметъ значится въ инвентарѣ Музея. При этомъ не могу не высказать своей радости, что большая часть представленныхъ мною фототипически предметовъ не была еще обнародована.

Затѣмъ моя полная и глубокая признательность должна быть обращена къ нашему Министерству Народнаго Просвѣщенія, которое въ лицѣ покойнаго Н. П. Боголѣпова оказывало мнѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ матеріальную поддержку въ моихъ римскихъ занятіяхъ, а въ лицѣ Петра Семеновича Ванновскаго съ полною готовностью помогло печатанію появляющейся теперь первой части моей книги. Безъ той и другой матеріальной поддѣрки появленіе настоящаго труда было бы вѣроятно не на малое время отсрочено.

Не могу не высказать слова благодарности и лицамъ, заведующимъ нашими большими библіотеками: Университетскою, Академическою и Публичною. Въ нихъ, какъ и въ ихъ помощникахъ, я постоянно встрѣчалъ любезность и содѣйствіе, которыя меня глубоко радовали.

В. М.

С.-Петербургъ,
31 Октября (13 Ноября)
1901.

P.S. Въ концѣ книги я прилагаю изложеніе въ краткомъ видѣ содержанія своей книги по-французски. Этимъ я не только удовлетворяю, хотя лишь отчасти, желанію своихъ заграничныхъ друзей, настаивавшихъ на томъ, чтобы я выпустилъ свой трудъ на болѣе распространенномъ языкѣ, чѣмъ русскій, но и собственной потребности имѣть для своего труда болѣе обширную публику, чѣмъ какую можетъ доставить наше отечество. Пользу такихъ сокращенныхъ содержаній на иностранномъ языкѣ я уже испыталъ, прибавивъ къ своему труду „О происхожденіи Сиколовъ“ латинское résumé, благодаря которому мой трудъ вызвалъ добрую дюжину рецензій на разныхъ языкахъ, немало ссылокъ на него въ ученыхъ изданіяхъ и желаніе нѣкоторыхъ ученыхъ съ нимъ ближе познакомиться. Хотя ученые, знакомые съ русскимъ языкомъ, въ Западной Европѣ теперь уже не такъ рѣдки, какъ прежде, и замѣтки о русскихъ ученыхъ книгахъ время-отъ-времени появляются въ иностранной печати, но все-таки, по крайней мѣрѣ до поры-до-времени, ученая книга, изданная на одномъ русскомъ языкѣ, рискуетъ быть очень мало замѣченною людьми компетентными.

ГЛАВА I.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ ВЪ ИТАЛІИ

I. Палеолитическая эпоха.

«Италія удивительно бѣдна памятниками первобытной эпохи и Ошибочное
заявленіе Мом-
мзена объ от-
сутствіи ка-
меннаго вѣка
въ Италіи. стоитъ въ этомъ отношеніи въ замѣчательной противоположности къ другимъ культурнымъ странамъ. Въ Италіи мы не встрѣчаемъ остатковъ вытѣсненнаго племени, каковыми въ кельто-германской области являются Финны и Лопари, а въ индійскихъ горахъ черныя племена, равно какъ и не находимъ тамъ до сихъ поръ доказательствъ наслѣдства исчезнувшаго первобытнаго народа, какое намъ, повидимому, открываютъ своеобразно сформированные скелеты, обѣдненные и могильныя мѣста такъ называемой каменной эпохи германской древности. До сей поры не появилось ничего, что дастъ право полагать, что существованіе человѣческаго рода въ Италіи древнѣе обработки поля и плавки металловъ; а если дѣйствительно внутри границъ Италіи родъ человѣческій когда-нибудь стоялъ на первобытной степени культуры, которую мы обыкновенно называемъ состояніемъ дикости, то во всякомъ случаѣ слѣды этого исчезли».

Такъ писалъ Моммзенъ ¹⁾ въ первыхъ изданіяхъ своей знаменитой «Римской Исторіи», въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ; тоже самое читаемъ мы и въ послѣдующихъ ея изданіяхъ, послѣднее изъ которыхъ вышло не далѣе, какъ двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Между тѣмъ, положеніе дѣла совершенно другое. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ раскопками и изслѣдованіями итальянскихъ археологовъ

и палео-этнологовъ выведено на свѣтъ такое множество памятниковъ до-историческаго быта въ ихъ отечествѣ, что теперь Италия можетъ поспорить со многими странами въ обилии данныхъ, доказывающихъ присутствіе на ея почвѣ человѣка въ отдаленнѣйшія эпохи существованія его на нашей планетѣ. Такъ-называемый каменный вѣкъ выступаетъ теперь на Апеннинскомъ полуостровѣ, равно какъ и на примыкающихъ къ нему островахъ, съ величайшей рельефностью и въ замѣчательномъ разнообразіи своихъ проявленій. Если нельзя сказать, что Италия переживала всѣ тѣ періоды каменнаго вѣка, какіе установлены Габріелемъ де-Мортилье въ его знаменитомъ «Le Préhistorique» (р. 131) для Франціи, то все-таки тщательными изслѣдованіями цѣлаго ряда ученыхъ теперь сдѣлано несомнѣннымъ, что человѣкъ жилъ въ Италиіи еще въ четвертичную эпоху, что онъ охотился еще за пещернымъ медвѣдемъ (*Ursus spelaeus*) и первобытнымъ быкомъ (*Bos primigenius*), былъ современникомъ пещерной гіены, мамонта и другихъ животныхъ этой геологической эпохи. Это установлено было раньше другихъ тѣмъ-же Габріелемъ де-Мортилье ²⁾ въ его мемуарѣ относительно геологіи окрестностей Рима, и затѣмъ подтверждено многочисленными находками въ разныхъ мѣстахъ Италиіи каменныхъ орудій древнѣйшихъ типовъ (шелльскаго, ашѣльскаго и мустьерскаго). Значительное количество этихъ свидѣтелей жизни человѣка въ четвертичную эпоху, которая въ археологіи соотвѣтствуетъ палеолитической, находится въ римскомъ *Museo Preistorico*, гдѣ образцы обитаго или грубо обдѣланнаго кремня собраны изъ разныхъ мѣстностей Итальянскаго королевства, а также во многихъ областныхъ музеяхъ, которыми такъ богата Италия.

Палеолитическая эпоха въ Лациумѣ.

Еще въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ Римѣ и Неаполѣ было возбуждено большое вниманіе къ сохранившимся многочисленнымъ слѣдамъ жизни человѣка въ древнѣйшую каменную эпоху въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима. Оно было возбуждено въ 1866 г. письмомъ Луджи Чезелли ³⁾ къ Пигорини и усилено преніями, происходившими въ засѣданіяхъ того-же года въ Институтѣ археологической корреспонденціи на Капитолѣ ⁴⁾, по поводу докладовъ Понци и Пигорини. Понци, въ засѣданіи 16 февраля 1866 г. указалъ на найденные въ 1859 г. аббатомъ Рускони шесть человѣческихъ зубовъ въ пластахъ травертина въ Капринахъ (подъ Монтичелли, близъ Тиволи), вмѣстѣ съ остатками животныхъ, частью породъ исчезнувшихъ, частью выслывшихся, частью до сихъ поръ обитающихъ въ этой мѣстности, и на разные каменные орудія той-же мѣстности, какъ ранней, такъ и неолитической эпохи. Пигорини, въ засѣданіи 23 марта, дополнилъ заявленія Понци указаніемъ на находку, сдѣланную еще въ 1810 году

Буше де Перть (Boucher de Perthes) ⁵⁾ въ одномъ гротѣ близъ Пало, гдѣ кости животныхъ лежали съ грубо обдѣланными кремневыми орудіями, и представилъ ученому собранію богатую коллекцію, составленную Чезелли изъ обитыхъ камней, найденныхъ у Ponte Molle (близъ Рима), относя эти орудія къ древнѣйшей каменной эпохѣ, именно къ той, когда современниками человѣка были большія млекопитающія животныя, нынѣ исчезнувшія. Онъ-же указалъ и на неолитическія орудія, найденныя въ Порто д'Анціо и въ Палестринѣ (также въ Римской провинціи). Въ томъ-же году появились два мемуара ⁶⁾ Понци о каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Римской Кампаньѣ. Въ слѣдующемъ (1867 году) появилось въ печати донесеніе Пигорини ⁷⁾ министру народнаго просвѣщенія о «Палеоэтнологіи въ Римѣ, Неаполѣ, Маркахъ и Легатствахъ», гдѣ уже подробнѣе говорится объ обдѣланныхъ рукой человѣка кремняхъ, найденныхъ въ дилювіальныхъ отложенияхъ Тибра у Ponte Molle вмѣстѣ съ костями исчезнувшихъ породъ животныхъ на глубинѣ 15—20 метровъ, и о томъ, что такія же орудія были найдены близъ Aqua Traversa, Tor di Quinto и близъ Ponte Mammolo, т. е. также въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима. Въ 1867 и въ 1868 гг. обнародовалъ два отчета объ остаткахъ каменной эпохи, «археологической» и неолитической (какъ и послѣдующихъ доисторическихъ эпохъ), сохранившихся въ Римской Кампаньѣ, М. Ст. де-Росси ⁸⁾, прибавивъ къ уже извѣстнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ были найдены орудія палеолитической эпохи, Орте, Витербо, Монтефьясконе и Алатри и указавъ на слѣды неолитической эпохи въ пещерѣ близъ Ponte Salago, въ двухъ миляхъ отъ Рима, и на разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ Римской Кампаньи орудія неолитической эпохи, между прочимъ и на стоянку Канталупо-Мандела, о которой мы будемъ говорить потомъ, какъ о представительницѣ конца неолитической эпохи, характеризуемаго въ настоящее время терминомъ *энеолитическаго* періода. Первый отчетъ сопровождается подробнымъ описаніемъ найденныхъ предметовъ, которые были изображены въ *Monumenti inediti* Института (Vol. VIII, табл. XXVII). Приложенная къ второму отчету литографическая таблица даетъ нѣсколько палеолитическихъ и неолитическихъ орудій и кремневое ядрище (nucleus). Въ 1878 году о находкахъ каменныхъ орудій въ отложенияхъ четвертичной геологической эпохи въ Римской Кампаньѣ говорилъ въ Неаполитанской академіи профессоръ Николуччи ⁹⁾, отмѣтившій, что эти наносныя отложения въ окрестностяхъ Рима доходятъ до 30 метровъ надъ уровнемъ нынѣшняго Тибра. Наконецъ, къ 1878 г. относится письмо ^{9а)} Нардони къ Кьеричи о томъ, что близъ озера Неми, гдѣ найдено было не мало кремневыхъ орудій и глиняной посуды, существовала будто бы въ палео-

литическій и неолитическій вѣкъ мастерская для обработки каменныхъ орудій, по словамъ Нардони, уже вторая, указанная имъ въ Лациумѣ.

Палеолитическая эпоха въ при-Адриатической Итали.

Возбужденное выше-означенными учеными вниманіе къ доисторическимъ древностямъ въ Римской области повело къ новымъ открытіямъ, какъ въ самомъ Лациумѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ полуострова. До тѣхъ поръ стоялъ какъ-бы изолированнымъ фактъ открытія Скарабелли ¹⁰⁾ еще въ 1850 году въ сѣверо-восточной Италиі, въ окрестностяхъ Гоччанелло, въ провинціи Имолы (Imola), большихъ кремневыхъ орудій миндалевиднаго типа, находящихъ себѣ соотвѣтствіе въ орудіяхъ шельскаго и ашѣльскаго типовъ (каковы на таблицѣ I, фиг. 1, 2 и 4), которыя, какъ мы упоминали, въ классификаціи Мортилье, являются надревнѣйшими типами человеческихъ орудій изъ камня.

Въ семидесятыхъ годахъ слѣдовали одно за другимъ открытія слѣдовъ палеолитическаго человѣка по преимуществу въ восточной, при-Адриатической Италиі. Таково было открытіе въ 1872 году большихъ кремневыхъ орудій, сдѣланное Анджело Анджелуччи близъ Фоджи у горы Гаргано, и вообще въ Капитанатѣ оказалось много палеолитическихъ остатковъ; затѣмъ большихъ объемовъ обитые кремни были найдены или указаны Маккіей въ провинціи Къети (см. табл. I, фиг. 1, 2, 4 и 7), обратили на себя вниманіе цѣлаго ряда ученыхъ, удостовѣрившихъ ихъ палеолитическій характеръ и ихъ полнѣйшее сходство съ шельскимъ типомъ ¹¹⁾ и недавно были снова разсмотрѣны въ спеціальному трудѣ, посвященномъ предметамъ каменной эпохи Абруццъ, Колини ^{11 а)}, нынѣшнимъ инспекторомъ доисторическаго музея въ Римѣ, который, колеблясь относительно хронологіи орудій типа Мустье въ Италиі, не сомнѣвается въ принадлежности къ слоямъ дѣйствительно палеолитической эпохи орудій шельскаго типа, хотя и не находитъ подтвержденія заявленію Биду (Bidou) ¹²⁾, что человѣкъ въ области Къети жилъ еще вмѣстѣ съ большими животными, удалившимися затѣмъ большею частию въ жаркій поясъ Африки. Но наиболѣе плодотворными оказались изысканія и раскопки, сдѣланныя Кончеціо Розой въ пещерахъ древняго Пицена, особенно въ долинѣ Вибраты. Тутъ въ первый разъ въ Италиі выступилъ на сцену каменный вѣкъ въ полномъ его развитіи, начиная съ древнѣйшихъ обитателей горныхъ пещеръ эпохи грубо обдѣланнаго камня до полного расцвѣта неолитической эпохи въ плодородныхъ долинахъ, идущихъ отъ среднихъ Апеннинъ къ Адриатическому морю. Результаты своихъ изслѣдованій изложены этимъ трудолюбивымъ ученымъ въ двухъ тщательно составленныхъ трудахъ ¹³⁾, посвященныхъ по преимуществу долинѣ Вибраты; самые же предметы, имъ собранные, находятся въ римскомъ Museo preistorico. Нѣкоторые изъ нихъ

имѣютъ сходство съ палеолитическими орудіями Римской Кампаньи. Въ горѣ Civitella del Tronto Роза нашелъ 45 пещеръ, находящихся не въ далекомъ разстояніи одна отъ другой; нѣкоторыя изъ нихъ онъ подробно описываетъ, каковы caverna di Salomone и caverna di Sant-Angelo. Но такъ какъ онъ нашелъ тамъ не только грубыя каменные орудія, но и грубую посуду, а равно слѣды угля и пепла и даже въ пещерѣ S. Angelo слѣды очага съ остатками костей и посуды, часть которой имѣла графитныя украшенія, то ясно, что пещеры ихъ были обитаемы не только въ палеолитическую эпоху, но и позже. Подобный фактъ отмѣчалъ Мих. Стеф. де-Росси и по отношенію къ пещерамъ Римской Кампаньи, а затѣмъ это было выяснено Исселемъ и Морелли по отношенію къ лигурійскимъ пещерамъ, которыя служили убѣжищемъ вплоть до римскихъ временъ; да и вообще теперь признано, что въ Италіи природныя пещеры не могутъ считаться мѣстами, гдѣ мы непременно должны искать слѣдовъ палеолитической эпохи и считать ихъ лишь убѣжищемъ «пещернаго человѣка». Впрочемъ, что касается пещеръ Пицена, палеолитическій или, какъ самъ Роза выражается, археолитическій вѣкъ въ этихъ мѣстахъ такъ тѣсно граничитъ съ началомъ неолитическаго, что орудія типовъ шельскаго и Мустье, найденныя имъ въ долинѣ Вибраты (см. табл. I, фиг. 3, 5, 6) и относящіяся къ палеолитическому вѣку ¹⁴), могутъ быть въ большей своей части отнесены къ первому періоду неолитической эпохи, которая въ этой части полуострова представляется естественнымъ развитіемъ предыдущей эпохи въ лицѣ одного и того-же племени, мало по малу вышедшаго изъ пещеръ въ долину и выработавшаго здѣсь черезъ соприкосновеніе съ другими населеніями иную культуру. Такъ именно смотритъ на ходъ этого развитія самъ Роза, который при этомъ еще сообщаетъ намъ, что эволюціонный процессъ, хорошо наблюдаемый въ переходѣ отъ палеолитической эпохи къ неолитической, ясно сказывается въ самомъ палеолитическомъ періодѣ, такъ что на орудіяхъ этого древнѣйшаго населенія можно видѣть и начало и конецъ палеолитической эпохи ¹⁵). Во всякомъ случаѣ, непрерывность человѣческаго обитанія въ долинахъ Пицена, начиная съ отдаленнѣйшей поры до временъ историческихъ и далѣе, наглядно видна въ музеяхъ Анконы и Асколи, столь интересныхъ для всякаго, занимающагося до исторической археологіей.

Но мы должны продолжать нашу рѣчь о слѣдахъ палеолитической эпохи въ Италіи. Мы видѣли ихъ въ Лаціумѣ, видѣли на Сѣверномъ склонѣ Апеннинъ, видѣли и на восточномъ, въ долинахъ, идущихъ къ Адриатическому морю отъ верхнихъ и нижнихъ Аbruццъ и у Гарганскаго мыса. Теперь мы должны отмѣтить присутствіе палеолитиче-

скаго человѣка и въ области верхняго Тибра, гдѣ, именно въ S. Egidio и въ S. Angelo di Celle, въ провинціи Перуджіа, были найдены Джузеппе Беллуччи въ отложеніяхъ четвертичной эпохи и описаны ¹⁶⁾ въ 1877 и 1878 г. кремневые орудія миндалевиднаго типа, уже намъ извѣстныя по находкамъ въ другихъ мѣстахъ. (см. табл. I). Отсюда мы должны подняться къ сѣверу за Апеннины, въ долину По, гдѣ въ мѣстечкѣ Траверестоло, въ Пармской провинціи, извѣстный натуралистъ и палео-этнологъ проф. Стробель ¹⁷⁾, съ которымъ мы нерѣдко будемъ встрѣчаться и впоследствии, собралъ въ 1883 г. множество грубо обитыхъ большихъ кремней разныхъ видовъ или разнаго назначенія вмѣстѣ съ ядрищами (nuclei), изъ которыхъ эти кремни выбивались, и осколками, доказывающими, что найденные предметы производились на мѣстѣ. Этотъ типъ *макролитическихъ орудій*, свойственныхъ лишь Италіи, гдѣ онъ прежде всего былъ описанъ Кьеричи по поводу находокъ въ Кьети (1878), не входитъ въ систему Г. Мортилье, указывая на извѣстную самостоятельность развитія палеолитическаго періода на Апеннинскомъ полуостровѣ, гдѣ съ другой стороны отсутствуютъ типы солютрейскій и мадленскій, которыми такъ богата палеолитическая Франція. Затѣмъ, двинувшись прямо на западъ, къ морю, мы наталкиваемся на Лигурійскія пещеры, на одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ оазисовъ человѣческаго пребыванія въ наидревнѣйшее время.

Лигурійскія
пещеры.

На Лигурійскія пещеры въ первый разъ было обращено вниманіе съ археологической стороны въ пятидесятыхъ годахъ, когда были нѣсколькими французскими археологами и инженерами произведены раскопки въ пещерахъ *Balzi Rossi* (Красныя скалы), первое описаніе которыхъ съ краткимъ обозначеніемъ содержимаго было сдѣлано докторомъ Форелемъ и инженеромъ Фурнэ ¹⁸⁾, и которыя потомъ (1867) стали болѣе извѣстны по описанію извѣстнаго французскаго изслѣдователя по до-исторической археологіи (между прочимъ, и русской) Эрнеста Шантра, но особенно благодаря изслѣдованіямъ д-ра Ривьера, а также Шульце и Орсини. Результаты работъ этихъ трехъ изслѣдователей подробно излагаетъ проф. Иссель во II томѣ ¹⁹⁾ своего капитальнаго труда: «*La Liguria geologica e preistorica*» (Genova, 1892). Въ шестидесятыхъ годахъ начато было изслѣдованіе и другихъ пещеръ Лигуріи. Въ 1864 г. Иссель обнаружилъ ²⁰⁾ свои раскопки пещеры, извѣстной теперь подъ названіемъ *Arene Candide* (Бѣлые пески), Раморино ²¹⁾ свои изслѣдованія относительно содержимаго пещеры *Verezzi*, близъ Финале. Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ были сдѣланы первыя изслѣдованія одной изъ самыхъ важныхъ пещеръ Лигуріи, именно *Pollera*, также въ округѣ Финале, полная раскопка и разработка матеріала которой произве-

дены въ 1885 и 1886 гг. аббатомъ Морелли ²²⁾, которому принадлежатъ прекрасный атласъ, приложенный къ упомянутому труду Исселла. Pollera, Arene Candide и Balzi Rossi среди множества пещеръ, которыми изобилуетъ Лигурія вмѣстѣ съ департаментомъ Приморскихъ Альпъ Франціи, въ настоящее время представляются наиболѣе изслѣдованными и изученными. Результаты этого изученія имѣютъ для до- исторической археологіи и палео-этнологіи Италіи огромную важность.

Изъ этихъ трехъ пещеръ или, лучше, разрядовъ пещеръ являются Balzi Rossi древнѣйшими по остаткамъ человѣческаго мѣстопробыванія *Красныя скалы* (Balzi Rossi), хотя есть въ Лигуріи и болѣе древнія пещеры, каковы delle Fate, del Rio и di Martino, di Galusso, di Pastore, Tana del Colombo, dell'Albarea и Giacche ra, которыя Иссель относитъ къ эолитическому вѣку, т. е. къ такому, гдѣ остатки человѣческаго существованія перемѣшаны болшею частью съ остатками млекопитающихъ животныхъ уже исчезнувшихъ видовъ (пещерный медвѣдь, пещерный левъ, особый видъ пантеры, извѣстный подъ именемъ *Felis antiqua* и др.). Но въ этихъ послѣднихъ пещерахъ найдены лишь нѣкоторыя части человѣческаго скелета и очень мало орудій древнѣйшей эпохи, и вообще слѣды сосуществованія человѣка съ этими исчезнувшими теперь животными недостаточно ясны, тогда какъ имѣются въ нѣкоторыхъ изъ нихъ явные слѣды обитанія въ неолитическую и даже въ бронзовую эпоху. Въ *Balzi Rossi*, находящихся на нынѣшней границѣ между Италіей и Франціей и представляющихъ собой рядъ красноватаго цвѣта углубленій и пещеръ въ прибрежныхъ скалахъ на уровнѣ отъ 27 до 28 метровъ надъ поверхностью моря, было найдено множество остатковъ животныхъ, составляющихъ кухонные отбросы въ родѣ датскихъ *kjökkenmøding* и въ числѣ ихъ остатки исчезнувшихъ породъ: пещернаго льва (*Felis spelaea*), первобытной козы (*Capra primigenia*), первобытнаго быка (*Bos primigenius*) и свиньи, называемой *sus lavatus*. Было также найдено и нѣсколько скелетовъ. Одинъ изъ нихъ, найденный Ривьеромъ въ пещерѣ изъ меньшихъ по размѣрамъ, *Varma du Cavillon*, на глубинѣ м. 6, 55 подъ первоначальнымъ уровнемъ, прекрасно сохранился, какъ показываетъ и его изображеніе у Исселла, и представляетъ собой крупнаго индивидуума, ростомъ въ м. 1, 5, съ характеристическими чертами типа Кро-Маньонъ. Его окружали или лежали близъ него между прочимъ остатки: пещернаго льва, пещернаго медвѣдя, первобытнаго быка, разныхъ видовъ оленя (*Cervus elaphus*, *Cervus Canadensis*, *C. Corsicanus*, *C. Carpeolus*), первобытной козы, серны. Черепъ былъ окруженъ большимъ числомъ (болѣе 200) морскихъ раковинъ, искусственно продырявленныхъ и относящихся къ виду *Cyclonassa peritea* и двадцатью зубами обыкновеннаго оленя, так-

же продыравленными. Въ другихъ частяхъ пещеры были найдены остатки пещернаго медвѣдя, пещерной гиены, а равно остатки *Felis antiqua* и *Arctomys primigenia*. Изъ птицъ, между прочимъ, орель и остатки воробьиной и куриной породъ. Изъ 60 видовъ раковинъ нѣкоторые происходятъ изъ Атлантическаго океана и могли быть оттуда принесены лишь человѣкомъ. Кости плотоядныхъ животныхъ почти всѣ носятъ явные признаки того, что онѣ были разбиты человѣкомъ (для извлеченія мозжечка). Рога козы и оленя ни разу не встрѣчаются въ цѣломъ видѣ, а являются матеріаломъ, употреблявшимся для грубой выдѣлки орудій и оружія. Далѣе, въ той же 4-й пещерѣ *Красныхъ скалъ* найдено было множество ручныхъ издѣлій, каковы наконечники стрѣлъ и копій, иглы, шила, долота, лоцило изъ оленьяго рога, масса предметовъ изъ кремня и яшмы и множество осколковъ. Обращаютъ на себя при этомъ вниманіе кремневые диски разныхъ величинъ и наконечники неправильной треугольной формы съ двойнымъ остриемъ, камень яйцевидной формы изъ серпентина съ слѣдами красной охры на износившихся частяхъ и обломокъ глинянаго диска, просверленный въ серединѣ, — единственный предметъ, очевидно болѣе поздняго происхожденія, изъ обожженной глины.²³⁾ Въ той же 4-й пещерѣ *Красныхъ скалъ* найдены были еще три скелета тѣмъ-же Ривьеромъ, а потомъ въ 1883 г. была разрыта 5-я пещера, носящая названіе *Barma Grande*, профессоромъ Орсини, и тамъ были найдены Лупъ Жульеномъ скелеты на глубинѣ м. 8,50 подъ первоначальнымъ уровнемъ, съ тою-же приблизительно обстановкой, и лежавшіе болѣе или менѣе въ томъ же положеніи, съ ориентировкой отъ востока къ западу. Всѣ длинноголоватаго типа, и одинъ изъ нихъ былъ ростомъ не менѣе двухъ метровъ. Принимая во вниманіе слой, въ которомъ были найдены скелеты въ обѣихъ пещерахъ, равно какъ и характеръ костей и издѣлій, ихъ окружавшихъ, Иссель естественно приходитъ къ заключенію, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ древностью, восходящей къ палеолитической эпохѣ.

Къ одной категоріи по фаунѣ и по нѣкоторымъ остаткамъ человѣческаго дѣйствія относится упомянутая раньше пещера *Верешини*, находящаяся вблизи моря между станціями Борджо-Верещици и Финальмарина, но она не носитъ слѣдовъ обитанія человѣка, а скорѣе временнаго посѣщенія ея сосѣдними обитателями. Искусственно разбитыя кости нѣкоторыхъ млекопитающихъ, нѣсколько раковинъ вида *Mytilus*, нѣсколько кусковъ кварцита и два булыжника серпентина, принесеніе которыхъ сюда — такъ какъ этотъ минералъ чуждъ этой мѣстности — нельзя приписать дѣйствіямъ природы²⁴⁾, таковы въ этой пещерѣ свидѣтельства обитанія въ этихъ мѣстахъ человѣка въ палеолитическую эпоху.

Вообще говоря, въ пещерахъ *Balzi Rossi* мы имѣемъ обиталища троглодитовъ, принадлежащихъ если не къ самымъ древнимъ обитателямъ этихъ мѣстъ, то, во всякомъ случаѣ, къ обитателямъ палеолитической эпохи. Они не знаютъ еще искусства обработки орудій посредствомъ полировки, не употребляютъ посуды, хотя умѣютъ пользоваться костями животныхъ, какъ острымъ оружіемъ, въ видѣ ли стилетовъ, или въ видѣ наконечниковъ копій. Никакихъ домашнихъ животныхъ они не имѣютъ. Живутъ они охотой, совсѣмъ не зная земледѣлія, и питаются, кромѣ убитыхъ на охотѣ четвероногихъ, рыбой и моллюсками. Изъ раковинъ этихъ послѣднихъ, какъ и изъ зубовъ травоядныхъ животныхъ, они любятъ дѣлать себѣ украшенія, вѣроятно нанизывая ихъ на какое-либо подобіе нити для ожерельевъ, или, быть можетъ, даже украшая ими свое, конечно, очень скудное, одѣяніе. Никакихъ слѣдовъ очага и вообще какого-либо дѣйствія огня не замѣтно, по крайней мѣрѣ слѣды его если есть, то слишкомъ не ясны.—Пещеры, въ которыхъ они обитали, давали имъ убѣжище отъ дикихъ животныхъ, которыя въ четвертичную эпоху, вѣроятно, предупредили человѣка посѣщеніемъ этихъ убѣжищъ, такъ что остатки въ нихъ костей пещернаго медвѣдя, пещернаго льва, гіены, *Felis antiqua*, быть можетъ, скорѣе являются остатками обитанія пещеръ этими животными до прихода въ нихъ человѣка, чѣмъ остатками добычи послѣдняго. Правда, этому предположенію противорѣчитъ фактъ находженія человѣческихъ орудій совмѣстно съ костями обозначенныхъ, теперь уже не существующихъ, животныхъ, при томъ въ случаяхъ, никѣмъ до раскопокъ Ривьера не тронутыхъ; но въ такомъ случаѣ мы не можемъ не удивляться мужеству, силѣ и уму первобытныхъ обитателей пещеръ, умѣвшихъ побѣждать, при крайнемъ несовершенствѣ своего оружія, костяного и каменнаго ²⁵⁾, звѣрей необыкновенной силы и свирѣпости. Впрочемъ, вопросъ о принадлежности сохранившихся въ этихъ пещерахъ костяковъ къ палеолитическому или къ началу неолитическаго вѣка, вопросъ спорный, а что касается до каменныхъ орудій, то тутъ съ издѣліями типовъ Мустье и Мадленъ есть и неолитическія ²⁶⁾.

Знаменитыя пещеры округа Финале, *Поллера* и *Arene Candide*, принадлежатъ по слѣдамъ обитанія къ другой эпохѣ. Правильнѣе было бы сказать: къ другимъ эпохамъ, такъ какъ онѣ были обитаемы не только въ отдаленную эпоху каменнаго вѣка, но и въ позднѣйшіе періоды вплоть до римскаго включительно. Та и другая пещера была обитаема и покидаема обитателями нѣсколько разъ, такъ что происходили значительные промежутки между однимъ періодомъ обитанія и другимъ. Каждое изъ этихъ обитаній оставило свой слой, прикрытый

подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣтелей (вторгавшейся туда воды) землей, каменьями и пр., такъ что одинъ слой видимо отдѣлялся отъ другого. Такихъ слоевъ въ Поллерѣ насчитывается 9, а въ Agene Candide 6 или 7. Въ Поллерѣ верхній археологическій слой состоитъ изъ остатковъ римской эпохи (черепицы, обломковъ амфоръ), а нижній, покоящійся на скалистомъ полу пещеры, заключалъ въ себѣ остатки животныхъ не тѣхъ исчезнувшихъ породъ, какими изобилуютъ пещеры *Красныхъ скалъ*, а такихъ, которыя живутъ и до сихъ поръ въ Италіи, хотя нѣкоторыя и не въ самой Лигуріи, какъ черный медвѣдь (въ Неаполитанскихъ Апеннинахъ), кабанъ и олень (въ Мареммахъ и на о. Сардиніи)*). Слѣдовательно, первоначальный археологическій слой Поллеры гораздо моложе пещеръ *Красныхъ скалъ* и сталъ откладываться тамъ уже къ концу четвертичной эпохи. Такъ какъ культурные остатки человеческого пребыванія въ ней, какъ и въ Agene Candide начинаются съ неолитической эпохи ²⁷⁾, то мы здѣсь на нихъ не останавливаемся.

При-Верон-
скія Альпы.

На континентѣ Италіи есть еще одинъ пунктъ, оставившій несомнѣнные слѣды палеолитического вѣка и замѣчательный тѣмъ, что населеніе тамъ съ той отдаленной поры существовало непрерывно до времени Римской республики. Это нѣсколько палеолитическихъ станцій въ передовыхъ Веронскихъ Альпахъ (община Бреоніо), гдѣ на высотѣ 1000 метровъ найдены были даже мастерскія палеолитическихъ орудій ашельскаго или шельскаго и солютрейскаго типовъ. Формы этихъ орудій, конечно, могли продолжаться въ неолитическій періодъ ²⁸⁾ у населенія, жившаго уединенно въ продолженіе тысячелѣтій и не привлекавшаго своей бѣдной природой никакихъ завоевателей, какіе вторгались въ Италію съ начала неолитическаго періода, и имѣвшаго вообще слабыя сношенія съ внѣшнимъ міромъ, но начало такой промышленности, рядомъ съ произведеніями которой мы встрѣчаемъ и настоящіе предметы неолитической эпохи, все-таки надо отнести къ палеолитической эпохѣ, по крайней мѣрѣ къ концу ея ²⁹⁾ или, наконецъ, самое позднее—къ началу неолитическаго періода, что въ сущности—сводится, особенно въ такой уединенной мѣстности, къ тому же самому.

Специя.

Что касается до острововъ, прилегающихъ къ Италіи, то достаточный матеріалъ для доказательства существованія палеолитической эпохи собранъ лишь въ Сициліи, особенно въ сѣверной и сѣверо-западной, равно какъ и на Липарскихъ островахъ. Онъ былъ сгруппированъ еще въ семидесятыхъ годахъ германскимъ палео-этнологомъ Андри-

*) Не водится на континентѣ полуострова одинъ муфлонъ (степной баранъ), котораго теперь можно находить только на о. Сардиніи. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ животныхъ, напр. черный медвѣдь и серна, ушли въ Альпы.

аномъ ³⁰⁾, который описываетъ содержимое костеносныхъ пещеръ въ окрестностяхъ Палермо, Термини Имерезе, Трапани и Сиракузъ, указывая на принадлежность этихъ костей животнымъ, какъ четвертичной, такъ и болѣе поздней эпохи и давая краткое описаніе палеолитическихъ орудій, съ изображеніями ихъ, въ приложеніи на трехъ таблицахъ. Это—орудія изъ кварцита и разновидностей кварца, состоящія всего болѣе изъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, ножей, скребковъ, шиль и топоровъ. Сицилію слѣдуетъ причислить къ древнѣйшимъ мѣстамъ человеческого обитанія въ Европѣ уже въ силу географическаго положенія острова, еще въ четвертичную эпоху, какъ это извѣстно геологамъ, ³¹⁾ составлявшаго одно цѣлое съ африканскимъ материкомъ, который и долженъ былъ дать поэтому первоначальное населеніе Сициліи. Да и послѣ отдѣленія территории острова отъ чернаго континента, связь его съ послѣднимъ не была порвана окончательно, такъ какъ островъ Пантеллерія, близость разстоянія котораго отъ Туниса такъ не велика, что африканскій берегъ, по словамъ Орси ³²⁾, почти ежедневно видѣнъ оттуда и легко достижимъ посредствомъ маленькаго судна, представляетъ естественный мостъ, соединяющій Сицилію съ Африкой. Хотя палеолитическій вѣкъ и не ясно выраженъ на самой Пантеллеріи, но измѣненность его каменной промышленности, продолжавшаяся во все послѣдующее время и представляющей до нѣкоторой степени пережитки типовъ шельскаго и мустьерскаго (по Орси), показываетъ, что первобытное населеніе этого острова пришло съ орудіями палеолитической эпохи. ³³⁾ Да и морское разстояніе между Африкой и Сициліей, простирающееся между мысами Сар Вон и Саро Воео, представляющими ближайшія разстоянія между Тунисомъ и Сициліей, въ 120 километровъ, таково, что не могло служить препятствіемъ и къ непосредственной эмиграціи изъ Африки въ ту отдаленную эпоху, въ какую было возможно переселеніе съ африканскаго берега на Пантеллерію. Впрочемъ о связи населенія Сициліи съ Африкой у насъ будетъ идти рѣчь впереди.

Не такъ ясно, какъ въ Сициліи, слѣды палеолитической эпохи на о. Сардиніи, и хотя Орсони ³⁴⁾, изслѣдовавшій палео-этнологію этого острова и находитъ типъ скелетовъ каменнаго вѣка общимъ съ палеолитическими мѣстностями Кро-Маньонъ, Солютрѣ, Balzi Rossi и др., чему въ извѣстной степени соотвѣтствуетъ и археологическій матеріалъ изъ грубо обдѣланнаго или обитаго камня, но самъ же Орсони не думаетъ, чтобъ человѣкъ прибылъ на этотъ островъ еще въ четвертичную эпоху, а склоняется къ тому, что появленіе здѣсь человѣка совпадаетъ уже съ образованіемъ настоящаго вида острова или, по крайней мѣрѣ, близкаго къ настоящему.

Палеолитическая эпоха, какъ мы знаемъ, совпадаетъ съ такъ-называемымъ постпліоценовымъ или четвертичнымъ періодомъ образованія нашей планеты. Періодъ этотъ частію предшествовалъ такъ-называемому ледниковому періоду въ Европѣ, частію сопровождалъ его и видѣлъ его окончаніе. Апеннинскій полуостровъ, по крайней мѣрѣ къ югу отъ По, не зналъ такого періода, хотя и долженъ былъ имѣть сравнительно съ теперешнею, пониженную температуру, и потому существованіе на немъ человѣка въ такую эпоху было благопріятнѣе, чѣмъ въ большей части Европы. Естественно послѣ этого, что онъ оставилъ слѣды своего пребыванія въ древнѣйшій каменный періодъ и на сѣверѣ, и на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ полуострова. Въ I таблицѣ мы представляемъ образчики орудій, оставленныхъ намъ первобытнымъ человѣкомъ страны, которою мы занимаемся; но самого человѣка этой отдаленной (палеолитической) эпохи мы почти не знаемъ. Осталось отъ той поры нѣсколько болѣе или менѣе неполныхъ скелетовъ, нѣсколько отдѣльныхъ костей и череповъ, по которымъ можно приблизительно опредѣлить физическій характеръ расы, къ которой принадлежалъ напр., обитатель Balzi Rossi на Лигурійскомъ берегу; остались тамъ и сямъ остатки пищи, которою онъ поддерживалъ свое существованіе, и по которой мы можемъ заключать, что онъ былъ охотникъ и отчасти рыболовъ, по крайней мѣрѣ былъ любитель моллюсковъ, раковинами которыхъ онъ пользовался для своего украшенія наряду съ зубами животныхъ и камешками. Но имѣлъ-ли онъ какія-либо религіозныя представленія, какія-либо понятія о семействѣ и общественномъ бытѣ, приходилъ ли къ идеѣ строить себѣ какое-либо подобіе жилищъ, или не имѣлъ ничего кромѣ пещеръ и гротовъ, куда онъ укрывался отъ дикихъ звѣрей и непогоды,—никакихъ слѣдовъ этого онъ намъ не оставилъ и, повидимому, все это было ему чуждо. Мы не знаемъ также и того, какъ совершился переходъ отъ такого совершенно еще дикаго состоянія къ состоянію неолитическаго вѣка, представляющаго собою уже извѣстную степень культуры не только внѣшней, но и внутренней культуры, разныя фазы которой мы можемъ прослѣдить отъ начатковъ обработки каменныхъ орудій до того момента, когда полированные и достигшія изящества каменные орудія начинаютъ мало-помалу замѣняться мѣдными, а потомъ и бронзовыми. Тутъ уже видная связь съ послѣдующими періодами вплоть до историческаго.

Послѣдній № *Bullettino di paleontologia Italiana* (Aprile-Giugno 1901) даетъ (р. 146) изображеніе палеолитическаго орудія изъ Базилкаты, напоминая намъ этимъ о существованіи палеолитической эпохи и въ этой части Италіи.

ГЛАВА II.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ ВЪ ИТАЛІИ

2. Неолитическая эпоха.

Неолитическій вѣкъ, иначе называемый вѣкомъ полированного камня, что впрочемъ не совсѣмъ идетъ къ Апеннинскому полуострову, былъ важнѣйшимъ періодомъ до-исторической жизни Италіи. Это былъ вѣкъ развитія той многосторонней и доведенной до извѣстнаго въ своемъ родѣ совершенства культуры, которая досталась латинскому (въ обширномъ смыслѣ слова) племени въ наслѣдство отъ предшествовавшаго ему населенія на Апеннинскомъ полуостровѣ съ прилегающими къ нему островами. Культура эта обнимала всѣ стороны жизни и при своей опредѣленности не могла не обнаружить вліянія на пришельцевъ съ сѣвера и сѣверо-востока, которые были окружены ею съ перваго момента своего поселенія. Быть домашній, быть экономическій и социальный, даже быть религіозный прибывшихъ на полуостровъ арійцевъ испыталъ на себѣ то самое вліяніе, какому подверглось русско-славянское племя, занявшее въ до-историческое время значительную часть территоріи восточной Европы, которая раньше его была обитаема племенами—чудскимъ на сѣверѣ, сѣверо-западѣ, сѣверо-востокѣ и въ центрѣ нынѣшней Россіи и тюркскимъ—на юго-востокѣ. Самые языки народностей умбро-сабелло-латинскаго племени подверглись въ своемъ составѣ коренному перевороту отъ соприкосновения съ обитателями неолитической культуры, съ которыми пришельцы современемъ смѣшались органически.

Культурное значеніе неолитической эпохи.

Приблизительно за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, когда, какъ можно полагать, произошелъ переломъ въ ходѣ жизни Апеннинскаго полуострова, вся нынѣшняя Италія жила еще каменными орудіями, къ которымъ, правда, въ это время уже примѣшивался въ извѣстной мѣрѣ мѣдныя; но основная культура страны была еще вполне неолитическая. Памятники этой культуры, заключившейся энеолитическимъ періодомъ, мы находимъ во всѣхъ областяхъ полуострова съ примыкающими къ нему островами. Это по преимуществу памятники могильные, т.-е. сохранившіеся въ мѣстахъ погребенія, но рядомъ съ ними есть не мало и памятниковъ, дошедшихъ до насъ изъ обиталищъ этого глубоко-древняго населенія, отъ которыхъ въ разныхъ мѣстахъ сохранились въ землѣ основанія, такъ называемые

Распространенность неолитической эпохи на весь материкъ Италіи.

у итальянцевъ *fondi di saranne*, или, наконецъ, изъ мѣстъ промышленной дѣятельности этого населенія. Количество дошедшихъ до насъ памятниковъ неолитической культуры, которою жила Италия не одно тысячелѣтіе, нельзя назвать малымъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя музеи въ Италіи, но оно постоянно возрастаетъ и возрастало бы гораздо больше, если бы археологическія раскопки на территоріи Итальянскаго королевства велись нѣсколько дѣятельнѣе. Въ связи съ тѣмъ, какъ велика или мала напряженность раскопокъ въ той или другой мѣстности, стоитъ до извѣстной степени и тотъ фактъ, что въ одной изъ нихъ неолитическая культура представлена наличными памятниками достаточно, въ другой—слабо, хотя, само собою разумѣется, тутъ играютъ роль и другія обстоятельства. Такъ, извѣстная мѣстность въ неолитическій періодъ была обитаема слабѣе, чѣмъ въ послѣдующіе, или въ мѣстности, обитавшейся въ неолитическое время, пожалуй, и сильно, произошли въ послѣдующія эпохи такія мощныя наслоенія или такіе перекопы въ почвѣ, что слѣды древнѣйшаго обитанія стерлись, потерялись, уничтожились. Какая возможность, напримѣръ, слѣдовъ неолитической эпохи (если предположить, что она тамъ существовала) въ пережившей такія глубокія метаморфозы римской почвѣ, когда въ ней, вслѣдствіе напряженной жизни въ республиканское время, особенно же вслѣдствіе строительной горячки во время имперіи, а наконецъ и въ силу послѣдующихъ полуторотысячелѣтнихъ наслоеній, такъ трудно добиться даже слѣдовъ времени царей! Но это не значитъ, что поселеній неолитической эпохи на римской почвѣ не существовало. Наша обязанность впрочемъ стоять на фактической почвѣ, и потому мы перейдемъ къ фактамъ, говорящимъ о жизни въ Италіи въ эпоху обдѣланныхъ каменныхъ орудій.

Неолитическій вѣкъ въ Лациумѣ.

Если начать съ Лациума, то нужно замѣтить, что въ его области, за исключеніемъ Рима и, пожалуй, нѣкоторой части Альбанскихъ горъ (Альбанскаго некрополя), не было систематическихъ археологическихъ раскопокъ подобныхъ тѣмъ, какіе были ведены въ Пизенѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ломбардіи, въ Лигуріи, на островахъ Сициліи, Сардиніи, Пьянозѣ, и др., и потому открытія, какія были сдѣланы, были случайны и происходили при ломкѣ камня, при насажденіи деревьевъ и т. п. Такъ, въ 1873 г., при ломкѣ камня въ окрестностяхъ Тиволи, на территоріи Монтичелли, было открыто нѣсколько человѣческихъ череповъ въ сопровожденіи неолитическихъ орудій (изъ кремня): топора, наконечниковъ стрѣлъ и скрепка, далѣе—обломковъ грубой глиняной посуды и остатковъ угля и костей животныхъ (овцы и оленя)³⁵. Раньше мы упоминали объ орудіяхъ неолитической эпохи, найденныхъ въ Порто д'Анціо, Палестринѣ и другихъ мѣстахъ Лациума. Но

эти спорадическія находки не могутъ быть основаніемъ для нашихъ сужденій.

Иное дѣло—могилы, которыми не только указывается обитаемость мѣста въ данную эпоху, но характеризуется ихъ устройствомъ и внутреннимъ убранствомъ самая эпоха съ ея отличительными свойствами. Поэтому обратили въ свое время и продолжаютъ до сихъ поръ обращать на себя большое вниманіе могилы, открытыя—одна въ отлогости Лепинскихъ горъ, идущей въ долину Сакко (древн. Trevis) подлѣ нынѣшняго мѣстечка Сгурголы, а другая въ отлогости Сабинскихъ горъ близъ Манделы или Канталупо, какъ это мѣсто обыкновенно называется. Обѣ могилы относятся, правда, къ тому переходному періоду, который, заключая собой неолитическій вѣкъ, называется у итальянскихъ археологовъ энеолитическимъ, на томъ основаніи, что въ немъ къ каменнымъ орудіямъ стали примѣшиваться мѣдные, но еще не появлялись или почти не появлялись бронзовые. Такъ какъ общій характеръ культуры этого промежуточного періода (орудія, погребальный обрядъ) неолитическій, то онъ и долженъ быть относимъ къ неолитической эпохѣ. Могилы какъ въ Сгурголь, такъ и въ Канталупо открыты случайно, — первая при посадкѣ деревьевъ, вторая при ломкѣ камня для построекъ, и потому нѣтъ вполне точнаго описанія положенія, въ какомъ онѣ были найдены. Но изъ того, что о нихъ было писано,—начиная съ Микеле Стефано де-Росси ³⁶⁾ и кончая инспекторомъ до-историческаго музея въ Римѣ проф. Авг. Андж. Колини, послѣдній трудъ котораго объ интересномъ могильникѣ Ремеделло-Сотто въ провинціи Брешии и энеолитическомъ періодѣ въ Италіи ³⁷⁾ можетъ служить по богатству собраннаго и разсмотрѣннаго матеріала превосходной справочной книгой относительно данныхъ энеолитическаго періода,—выходить, что могилы въ томъ и другомъ мѣстѣ принадлежатъ къ типу могилъ, устраивавшихся въ искусственныхъ гротахъ, къ типу, съ особенною полнотою развившемуся въ Сициліи. Что касается археологическаго матеріала, добытаго этими открытіями, то онъ въ настоящее время находится въ римскомъ До-историческомъ музеѣ, гдѣ лежитъ въ витринѣ и знаменитый скелетъ могилы, найденной въ Сгурголь. Знаменитъ онъ тѣмъ, что лицо его носитъ на себѣ до сихъ поръ еще ярко красную окраску киноварью, указывая на обычай, существовавшій въ разныхъ мѣстахъ неолитической Европы, раскрашиванія скелетовъ,—обычай, который стоитъ также въ связи съ практиковавшимся обрядомъ декарнизации труповъ ³⁸⁾, который съ особенною ясностью представляется погребальными пещерами восточной Сициліи. Одинъ изъ скелетовъ Канталупо находится въ нѣсколько скорченномъ положеніи. Скорченное положеніе на боку, по преимуществу на лѣвомъ, являющееся ха-

Могилы въ Сгурголь и въ Канталупо-Манделѣ.

ракетристическимъ признакомъ погребенія въ неолитическій вѣкъ не только во всей Италіи, но и во множествѣ мѣстъ Европы съ Россіей включительно, и даже въ Азій и Африкѣ³⁹), въ энеолитическій періодъ Лаціума уже видимо проходитъ и замѣняется въ известной мѣрѣ горизонтальнымъ положеніемъ на спинѣ и лежаніемъ на правомъ боку, а трупы вышеуказанныхъ могилъ въ Сабинскихъ горахъ, по *предположенію* Чезелли, имѣли сидячее положеніе, которое впрочемъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Мелилли и Коццо Пантано въ Сициліи, въ Ремеделло). Что же касается могильнаго убранства, то въ Сгурголь оно состояло изъ глинянаго сосуда, каменнаго топора съ отверстіемъ, изъ 16 кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ формы равнобедреннаго треугольника и мѣднаго кинжала древнѣйшаго типа, а убранство могилъ Манделы или Канталупо составляли у одного скелета грубый сосудъ и кремневое оружіе (копья, кинжалы, ножи и стрѣлы см. табл. VIII, фиг. 1—4), у другого только стрѣлы, около трехъ другихъ не было убранствъ, а только остатки разныхъ животныхъ (свиньи, лошади, домашней собаки, оленя [*Cervus elaphus*] и быка)⁴⁰).

Могилы въ
Тосканѣ и въ
Умбрин.

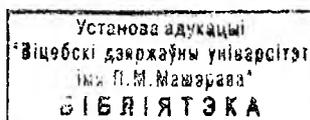
До сихъ поръ также мало появилось на свѣтъ неолитическихъ и энеолитическихъ могилъ въ Тосканѣ, хотя предметовъ неолитической эпохи въ разныхъ мѣстахъ Тосканы, Сѣверной и Южной найдено было не мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ окрестностяхъ Тразименскаго озера, есть несомнѣнныя свидѣтельства обитанія неолитическаго человѣка и даже мастерскихъ, въ которыхъ производились его каменная утварь и оружіе. Обиліе же этихъ орудій и отбросовъ указываетъ на то, что тутъ человѣкъ жилъ долго. Предметы этого рода въ большомъ количествѣ находятся въ Ареццскомъ музеѣ⁴¹). Колини⁴²) указываетъ на неолитическую могилу а fossa въ Камильяно (пров. Сіены) и энеолитическую погребальную пещеру въ Monte Bradoni (пров. Вольтерры). Первая принадлежитъ къ разряду могилъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ общее употребленіе при трупопогребеніи (ингумація), т.-е. могилъ all'aperto, выкопанныхъ просто въ землѣ на открытомъ пространствѣ, какъ и могилы нашего времени; вторая была пещерная могила, какихъ много въ Италіи, начиная съ пещеръ Лигурійскихъ, и какія мы сейчасъ увидимъ и въ другихъ мѣстахъ Тосканы. Въ первой найдена керамика довольно оригинальная: горшки цилиндрической формы и овальные, украшенные бугорками отчасти или по всему полю; первые не лишены сходства съ матеріаломъ, найденнымъ въ Лаціумѣ (въ Сгурголь и Канталупо), вторые ведутъ насъ, съ одной стороны, въ Лигурію, въ дольмены южной Франціи съ другой—въ восточныя террамары по обѣ стороны По. Это послѣднее,

обстоятельство показываетъ, что извѣстныя керамическія формы и орнаменты, бывшіе въ ходу въ каменную эпоху, держались и въ бронзовую. Что касается до найденнаго въ гротѣ Monte Bradoni, близъ Вольтерры, то въ этой могилѣ энеолитическаго періода, кромѣ многихъ предметовъ изъ мѣди (между прочимъ три кинжала, см. табл. X, 1—3), находились три коническихъ пуговицы изъ олова, что указываетъ уже на знакомство съ этимъ металломъ въ тотъ фазисъ энеолитическаго періода, но онъ однако, какъ рѣдкость, употребляется еще только для украшеній. Керамика же этой могилы, по замѣчанію Колина ⁴³), который ближе изучалъ ее, «сходна съ неолитическою и энеолитическою керамикой Апуанскихъ Альпъ, Пизанскихъ горъ, острова Горгоны, Тосканской Мареммы и проч.».

Къ находкамъ существованія неолитическаго или—продолженія его—энеолитическаго вѣка въ южной Тосканѣ недавно прибавилась находка могилы въ Roggio Aquilone въ общинѣ Маршано, близъ Перуджии (въ Умбріи). Тамъ былъ найденъ кинжалъ изъ краснаго кремня, подобный которому, хранящійся въ Болонскомъ музеѣ, былъ найденъ, по словамъ Бриціо ⁴⁴), также въ мѣстности Перуджии и также изъ краснаго кремня, что указываетъ на форму и на матеріалъ кинжаловъ этой мѣстности въ неолитическій періодъ. Но въ то же время замѣтна, именно по формѣ черенка, связь этихъ кинжаловъ съ кинжалами Канталупо-Манделы, какъ и связь по формѣ стрѣлъ, которыя совершенно совпадаютъ съ найденными въ той-же Канталупской могилѣ (разница только въ цвѣтѣ минерала). Что же касается до каменнаго молота съ большимъ отверстіемъ по срединѣ, то онъ напоминаетъ, какъ на это указываетъ Бриціо, ^{44a}) хранящійся въ римскомъ До-историческомъ Музеѣ молотъ, который былъ найденъ въ Валибонѣ (изъ провинціи Флоренціи). Изъ мѣдныхъ предметовъ, найденныхъ въ Поджо Аквилоне, обращаетъ на себя вниманіе плоскій топоръ, кппрскаго типа, и трехугольный кинжалъ съ пятью дырочками, напоминающій съ шестью дырочками кинжалъ Сгурголы, типъ котораго впрочемъ древнѣе.

Указанныя находки каменныхъ неолитическихъ орудій въ Лациумѣ и въ Южной Тосканѣ съ Умбріей были случайны и не многочисленны. Онѣ могутъ только свидѣтельствовать, что культура каменнаго вѣка, замѣченная нами здѣсь еще въ палеолитическій періодъ, не была чужда этимъ мѣстностямъ Италіи и впоследствии, и что она, пользуясь мѣстными матеріалами, развивалась здѣсь не изолированно въ каждой мѣстности, а обнаруживаетъ формой и орнаментомъ орудій, дошедшихъ, правда, уже изъ послѣдняго фазиса каменной культуры, связь этихъ мѣстностей между собою, связь, которая, какъ мы увидимъ дальше, существовала въ каменный вѣкъ между оселеными

Введеніе въ Римскую Исторію. Часть I.

и даже очень отдаленными одна отъ другой мѣстностями, даже между одною частью свѣта съ другою. Пока для насъ важно было указать лишь на фактъ существованія и развитія неолитической культуры въ мѣстахъ, гдѣ она наименѣе до сихъ поръ обнаруживалась, но гдѣ существованіе и развитіе ея имѣеть для насъ спеціальное значеніе. Мы знаемъ, такимъ образомъ, что мѣстность, гдѣ впоследствии возникла и развилась жизнь латинскаго племени и его ближайшихъ сосѣдей, никогда не была пустынною, а была обитаема какъ въ отдаленную эпоху грубо обитыхъ каменныхъ орудій первобытнаго человѣка, такъ и въ эпоху, когда каменная культура заканчивала свое существованіе и была въ періодѣ перехода къ металлической, стоя въ то же время въ видимой связи съ культурой населеній, жившихъ къ сѣверу и къ югу отъ Лациума и связанной съ нимъ географически-южной Этруріи.

Неолитическій вѣкъ въ Пиценѣ

Теперь мы пойдемъ въ тѣ центры неолитической культуры, гдѣ она, благодаря болѣе систематическимъ археологическимъ раскопкамъ, выразилась полнѣе. Въ этомъ отношеніи прежде всего заявляетъ о себѣ восточный берегъ Италіи, именно древній Пиценъ, нынѣшнія Марки. Мѣстность эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что на ней, какъ мы замѣчали уже, можно прослѣдить до-историческое населеніе съ самыхъ отдаленныхъ временъ человѣческаго существованія до начала желѣзнаго вѣка включительно. Здѣсь, переходя отъ совершенно необдѣланныхъ орудій палеолитической эпохи, находимыхъ въ природныхъ пещерахъ, къ издѣліямъ шлифованнаго камня, мы видимъ уже искусственные гроты (пещеры), устраиваемые въ холмахъ Абрुццскихъ Апеннинновъ, спускающихся уступами въ приморскую равнину. Искусственные гроты, которыхъ такъ много въ Италіи и всего больше въ Сициліи, устраивались собственно для погребенія; но очень вѣроятно, что они служили прежде всего для обитанія. Таковъ именно искусственный гротъ въ долинѣ рѣки Вибраты, въ холмѣ, называющемся *della Badia*. Кончеціо Роза, которому мы обязаны наибольшими раскопками въ Пиценѣ, думаетъ ⁴⁵⁾, что гротъ этотъ «былъ однимъ изъ первыхъ обиталищъ, построенныхъ рукою человѣка, когда онъ перешелъ съ горъ на вершины холмовъ», и что «долина Вибраты можетъ считаться соединительнымъ звеномъ между естественными пещерами и неолитическими хижинами».

Искусственные гроты

Хижины въ Пиценѣ

Собственно мѣстомъ обитанія неолитическаго населенія были хижины, слѣды которыхъ, сохранившіеся глубоко въ землѣ, такъ называемые у итальянскихъ археологовъ *fondi di saranne*, находятся въ долинѣ Вибраты въ большомъ количествѣ. Кончеціо Роза нашелъ ихъ до 281, размѣщенныхъ въ 15 деревняхъ. Тутъ найдено множество ка-

менныхъ орудій: 3,890 наконечниковъ стрѣлъ, 694 наконечника копій, 50 кинжаловъ, 156 обдѣланныхъ камней для метанія пращей, 40 снарядовъ для ловли рыбы (крючекъ, грузила для сѣтей или для уды, 29 археолитическихъ топоровъ, 523 неолитическихъ; затѣмъ много ножей, долотъ, пилъ, скребковъ, молотовъ и т. п.,—всего 15,121 предметовъ ⁴⁶⁾). Между ними были издѣлія изъ кости, напр. шила. Тутъ-же были найдены украшенія изъ раковинъ и камней, равно какъ и грубая темнаго или чернаго цвѣта посуда, выдѣланная изъ мѣстнаго глинянаго рудьяка съ примѣсью песку и зеренъ кварца.

Но въ этой искони обитаемой мѣстности мы находимъ не только могилы и основанія хижинъ, но и не мало мастерскихъ для выдѣлки каменныхъ орудій. Тотъ-же Кончеціо Роза, который познакомилъ насъ съ такимъ обиліемъ предметовъ каменнаго вѣка въ одной изъ долинъ между Абрудцами и Адриатическимъ моремъ, указываетъ намъ и главныя мѣста въ той-же долині, гдѣ происходила выдѣлка разныхъ орудій и оружія для войны и охоты. Мѣста эти слѣдующія: Gabbiano, Ravigliano, S. Giuseppe, Castagna, Ferrari, Ripoli, Piane, Mindoli и Gargufo. Онъ сообщаетъ намъ подробныя описанія найденныхъ вещей въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ и указываетъ способъ обработки разныхъ топоровъ, клинцевъ, долотъ, сѣкиръ, молотовъ, стрѣлъ разныхъ формъ (листомъ, овальныхъ, трехъугольныхъ, лунообразныхъ, съ хвостомъ и крылышками), копій, дротиковъ, пращевыхъ камней, снарядовъ для рыбной ловли, ножей, пилъ, шилъ, скребковъ и т. п. ⁴⁷⁾. Слѣды мастерскихъ, т.-е. такихъ мѣстъ, гдѣ находятся собранными, вмѣстѣ съ грубымъ матеріаломъ (ядрища, осколки), какъ кучи новыхъ предметовъ, обдѣланныхъ или только начатыхъ обдѣлываться, такъ и старыхъ, изношенныхъ, которые могли быть починены, слѣды эти были находимы и раньше въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи, и Роза самъ указываетъ на находки Скарабелли, доказывавшаго существованіе ихъ въ Имольскомъ округѣ еще въ 1850 г., Бонуччи въ Руво (въ Апуліи), на о. Эльбѣ въ 1865 г., Кокки въ мѣстности Кьянти (въ Тосканѣ) въ 1865 г., М. Ст. де-Росси подъ Корникуланскими горами (близъ Тиволи), въ 1867 г., Николуччи въ Сорѣ (на Лирисѣ) въ 1867 г., Беллуччи въ Перуджии. Но все это были лишь слабыя указанія на этотъ остатокъ глубокой древности сравнительно съ тѣмъ необычнымъ обиліемъ предметовъ, какое встрѣтилось въ поименованныхъ мѣстахъ долины Вибраты, которая послѣ этого заняла одно изъ важныхъ мѣстъ между до-историческими мѣстностями Европы. Въ недавнее время Орси ⁴⁸⁾ нашелъ минеральныя копи въ Сициліи въ горахъ Табуто, гдѣ Сикюлы добывали себѣ кремь для обработки и гдѣ эта обработка отчасти и происходила. Кафичи ⁴⁹⁾ указываетъ на существованіе

Мастерскія
для выдѣлки
каменныхъ
орудій

каменной мастерской въ С. Коно близъ Ликодіи Эвбейской. Какъ въ Сициліи, такъ и въ долинѣ Вибраты выдѣлка каменныхъ орудій происходила не только для мѣстнаго потребленія, но и для вывоза туда, гдѣ кремня нѣтъ. Что такія торговыя сношенія съ другими мѣстностями происходили и были довольно дѣятельны, это видно изъ обилія въ долинѣ Вибраты предметовъ изъ обсидіана, минерала, котораго въ Абрудцахъ нѣтъ, и который, слѣдовательно, въ сыромъ или обработанномъ видѣ долженъ былъ приходить сюда со стороны, но не изъ Умбріи, конечно, какъ предполагалъ Роза, такъ какъ въ Умбріи существованіе его не доказано, а скорѣе изъ южной Италіи, или же съ острова Эльбы, или съ о-ва Сардиніи, или изъ одного изъ о-въ Понтинскаго архипелага, какъ думалъ Николуччи⁵⁰⁾, при чемъ Умбрія могла быть лишь мѣстомъ транзита. Здѣсь, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся уже съ фактомъ торговыхъ сношеній въ неолитическую эпоху, и если мы возьмемъ во вниманіе, что предметы изъ обсидіана распространены болѣе или менѣе по всей Италіи, а между тѣмъ самый минералъ находится лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, именно на о. Пантеллеріи и на Липарскихъ островахъ, на о-вахъ Исхія и Прочидѣ, на Флегрейскихъ поляхъ (близъ Неаполя), на о-вахъ Тосканскаго архипелага, на о. Сардиніи, на о. Сициліи близъ Этны, то торговыя сношенія должны были быть въ ту эпоху очень дѣятельны. Колинн, указывая на дѣятельность этихъ сношеній, съ полнымъ основаніемъ выводитъ⁵¹⁾ изъ этого факта объясненіе чертъ сходства въ предметахъ производства, въ обычаяхъ и вообще въ характерѣ культуры населенія Италіи въ неолитическую эпоху, независимо отъ единства расы, о которомъ у насъ будетъ итти рѣчь впереди.

Хижинны не-
олитическ о й
эпохи вообще
въ Италіи

Основанія хижинъ (*fondi di capanne*), разсыпанныя отъ Альпъ въ юго-восточномъ направленіи до Гарганскаго мыса, служатъ драгоценнѣйшимъ памятникомъ жизни этого древнѣйшаго населенія. Они имѣютъ на указанномъ пространствѣ совершенно одинаковую форму, круглую или овальную, сидятъ глубоко въ землѣ и имѣютъ въ серединѣ яму для очага. Эта одинаковость формы, обнаруженная на столь большомъ пространствѣ, очевидно, шла и дальше Гарганскаго мыса, какъ это должны обнаружить современные раскопки въ Апуліи, Базиликатѣ и Калабріи и доходили до Ионическаго моря. Дѣйствительно, слѣды этихъ неолитическихъ жилищъ уже обнаружены въ древней Луканіи, какъ объ этомъ сообщаетъ V. di Cisso⁵²⁾, говоря объ основаніяхъ хижинъ круглой формы въ двухъ километрахъ съ половиной отъ селенія «*in contrada Gaolina tra i valloni la Terra e il Pesco*». Мало того, мы ее видимъ, хотя еще въ очень немногихъ образчикахъ, и въ Сициліи⁵³⁾. Обстоятельство это даетъ намъ одну изъ точекъ опоры для

выводовъ относительно (единства) населенія неолитической эпохи въ Италіи. Но прежде всего эти слѣды древнѣйшихъ жилищъ указываютъ намъ непосредственно, какія мѣста на полуостровѣ были обитаемы въ то время, когда человѣкъ или совсѣмъ еще не зналъ металловъ, или когда, пользуясь во всѣхъ случаяхъ своей обыденной жизни каменными орудіями, сталъ уже знакомиться съ издѣліями изъ мѣди, привозимой изъ далекихъ мѣстъ, какъ предметъ торговли, и, наконецъ, даже въ видѣ крайней рѣдкости, съ издѣліями изъ литой бронзы. Поднимаясь изъ Пицены къ сѣверу, мы видимъ эти основанія хижинъ съ сохранившимися среди нихъ каменными орудіями въ долинѣ По: на правомъ берегу въ провинціяхъ Реджо и Пьяченцы, на лѣвомъ—въ провинціяхъ Кремоны и Мантуи, въ сѣверо-западной Ломбардіи—въ провинціи Брешии. Къ югу отъ Пицены Николуччи открылъ ихъ близъ озера Лезины, въ Капитанатѣ. На западъ отъ Апенниновъ была въ 1897 г. найдена неолитическая хижина на Фалисской территоріи въ трехъ километрахъ къ западу отъ Фалерій. Въ 1898 г. слѣды этихъ хижинъ были открыты и въ самомъ Лаціумѣ, именно въ Палестринѣ⁵⁴). Всѣмъ извѣстны слѣды неолитическихъ хижинъ на о. Пьянозѣ и Сициліи.

Открытіе *fondi di saranne*, этихъ живыхъ слѣдовъ до-историческихъ обиталищъ, какъ мы уже замѣтили, принадлежитъ Кончеціо Розѣ и сдѣлано имъ въ 1871 году на нѣсколькихъ холмахъ долины Вибраты. Они оказались подъ черными пятнами, въ которыхъ, при копаніи въ нихъ, оказывался уголь, кости, обдѣланныя кремневыя орудія (см. ромбовидныя орудія на табл. III, фиг. 1, 3, 4, 5, 6, 10), и черепки отъ посуды. Особенно замѣчательнымъ оказалось одно пятно на холмѣ Бельведере, принадлежавшемъ древнему аббатству Коррополи. Эта яма, не тронутая плугомъ земледѣльца, дала много разнообразныхъ предметовъ каменнаго вѣка, но ничего, относящагося къ оружію. По сосѣдству съ нею были другія пятна, т.-е. другія ямы. Это значить была деревня. Такихъ деревень въ долинѣ Вибраты Роза насчиталъ до 15. Послѣ Розы наиболѣе интересныя открытія, начиная съ 1873 года, сдѣлалъ Кверичи въ провинціи Реджо въ Эмилии. И тамъ хижины не были изолированными, а въ одной изъ общинъ, именно въ *Razza di Campreggine*, въ 1876 онъ открылъ такъ много этихъ *fondi di saranne*, что тутъ, по видимому, дѣло шло не объ одной деревнѣ, а о цѣломъ ихъ рядѣ, въ которомъ жило цѣлое колѣно народа. Хижины, судя по ихъ наибольшему диаметру, имѣли ориентировку съ сѣвера на югъ; въ нѣкоторыхъ ямахъ ширина доходила до 4 метровъ. Около большой хижины группировались меньшія. Форма вездѣ круглая. Во многихъ изъ нихъ слѣды очага. Иногда

въ серединѣ ямы на днѣ ея находится другая, меньшаго размѣра, которая служила вѣроятно мѣстомъ погребенія ⁵⁶).

Искусствен-
ныя пещеры
въ Италіи,
какъ мѣста
погребенія

Основанія хижинъ дѣйствительно являются драгоценнымъ памятникомъ неолитической эпохи, указывая намъ не только мѣста обитанія, но и характеръ жилищъ, очевидно имѣвшихъ видъ шалашей, покрывавшихъ эти ямы и состоявшихъ изъ лежавшихъ на жердяхъ древесныхъ вѣтвяхъ и, вѣроятно, дерна. Кастельфранко ⁵⁷) сравниваетъ ихъ съ описываемыми Витрувіемъ хижинами Фригіянъ, которыя издали имѣли видъ скирдъ соломы. Но эти слѣды жилищъ обитанія не могли дойти до насъ въ большомъ количествѣ уже потому, что, находясь на открытыхъ мѣстахъ, они, по самой природѣ своей, подлежали въ теченіе вѣковъ легкому уничтоженію. Множество разъ возобновлявшіяся на тѣхъ же мѣстахъ новыя постройки и притомъ изъ болѣе прочнаго матеріала (дерева и камня), земледѣльческія работы, и даже просто атмосферическіе и вообще естественные дѣятели уничтожали не только легкій матеріалъ, изъ котораго строились шалаши, но и самыя ямы, служившія основаніемъ жилищъ человѣка каменнаго періода. Поэтому гораздо болѣе обильнымъ источникомъ какъ въ смыслѣ указанія населенныхъ мѣстъ неолитической эпохи, такъ и въ смыслѣ ея культурныхъ остатковъ служатъ намъ искусственныя пещеры или гроты. Этотъ источникъ свѣдѣній относительно данной эпохи могъ лучше сохраниться именно потому, что больше былъ скрытъ отъ глазъ людей и меньше подвергался вліянію дѣятелей природы, а слѣдовательно и меньше подвергался разрушенію въ послѣдующіе періоды жизни страны. Онъ распространенъ по всей Средней и Южной Италіи тамъ, гдѣ гористая мѣстность и свойство каменныхъ породъ позволяло устраивать внутри горъ или холмовъ погребальныя камеры. Устраивались эти помѣщенія такъ, какъ и хижины, въ силу представленія древнихъ, что могильное жилище должно быть устрояемо, какъ и жилище живыхъ: по смерти человѣкъ, по ихъ понятіямъ, могъ имѣть тѣ же потребности, которыя нуждались и въ соответственномъ удовлетвореніи. Поэтому въ могилу клались предметы, бывшіе человѣку привычными въ жизни: оружіе, украшенія, посуда, служившая для пищи и питья, и т. п. Въ силу такого представленія, форма погребальныхъ пещеръ соответствовала формѣ жилищъ, бывшей въ данную эпоху въ употребленіи. Когда хижины или дома были круглыя, были круглой формы и погребальныя гроты; стала входить въ моду четырехугольная форма для жилищъ,—такая же появляется и для погребальныхъ гротовъ. Устраивались жилища со входомъ при помощи шедшаго внизъ небольшого цилиндрическаго колодца,—такіе же входы дѣлались и въ погребальныя пещеры. Это

сходство формы и устройства погребальныхъ пещеръ и дошедшихъ до насъ основаній хижинъ поражадо еще Кьеричи ⁵⁸), когда онъ занимался изслѣдованіемъ о-ва Пьянозы и находилъ, что тамошніе искусственные гроты совершенно совпадаютъ по формѣ съ *fondi di saranne*, открытыми въ провинціяхъ Мантуа и Реджо (въ Эмилиі). Въ настоящее время это—общеизвѣстный фактъ, что не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ Европы архитектура первобытныхъ хижинъ и могилъ одинакова. Это прекрасно иллюстрировано Монтелиусомъ въ его упомянутомъ уже трудѣ, недавно переведенномъ на нѣмецкій языкъ: «*Der Orient und Europa*» (Stockholm, 1899).

Искусственные гроты, какъ мы сказали, находятся вездѣ въ Средней и Южной Италіи; но они находятся не только на материкѣ, но также и на островахъ, прилегающихъ къ Апеннинскому полуострову съ запада и съ юга. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ указать на Пьянозу, искусственные гроты которой принадлежатъ къ чисто неолитической эпохѣ; во второмъ—на Сицилію, гдѣ чисто неолитическій періодъ сохранился лишь въ гротахъ западной стороны, а въ Восточной Сициліи искусственные гроты, открытые и изслѣдованные Орси ⁵⁹) въ числѣ многихъ сотенъ, начинаются съ энеолитическаго періода, который, очевидно, наступилъ въ Восточной Сициліи раньше, чѣмъ въ Западной, и продолжаютъ въ послѣдующія эпохи, постепенно измѣняясь въ формѣ и въ качествѣ отдѣлки. Болѣе древніе имѣютъ печеобразное отверстіе (*a fognu*), составлявшее входъ, закрытый снаружи камнемъ. Входъ этотъ велъ въ корридоръ, изъ котораго черезъ другое отверстіе, закрывавшееся плптой, входили въ погребальную камеру круглой или эллиптической формы. Корридоръ или каналъ, *дромос*, какъ его называетъ Орси, пользуясь греческимъ терминомъ, былъ длиннѣе или короче, смотря по тому, какъ скоро достигалось вертикальное положеніе горы, подъ которымъ и устраивалась камера, иногда двойная. Таковы именно пещерныя могилы въ могильникахъ Бернардины, близъ Мелилли и Кастелуччо. Камеры этихъ могилъ были небольшія, имѣя въ діаметрѣ м. 0,95—2,00, или въ среднемъ м. 1,50. Сводъ былъ или плоскій съ выпуклыми стѣнами, или совершенно криволинейный. Вышина его очень малая, при которой нельзя было и думать человѣку стать на ноги, не доходившая даже и до полного метра (м. 0,70—0,90). Съ теченіемъ времени, когда каменные орудія стали замѣняться металлическими, сначала бронзовыми, а потомъ желѣзными, помѣщенія для покойниковъ устраивались и выше, и шире, а круглая или эллиптическая форма все болѣе и болѣе замѣнялась четырехугольною, какъ это было и съ жилищами, квадратная форма которыхъ смѣнила круглую сначала на

Искусственные гроты на о. Сициліи и Пьянозѣ

Востокѣ, затѣмъ и въ южныхъ странахъ Европы (прежде всего на о-вахъ Греческаго Архипелага), ⁶⁰⁾ а наконецъ, и въ остальной Европѣ. Подобно тому, какъ это было въ Сицили, и на Пьянозѣ форма искусственныхъ гротовъ—круглая и четырехугольная. Но въ то время какъ на Пьянозѣ, равно какъ и на Сардиніи, входъ въ могильную пещеру обыкновенно велъ посредствомъ прежде всего устраивавшагося колодца (pozzetto), изъ котораго и шла уже горизонтальная мина для устройства камеры, въ Восточной Сицили колодезь этотъ былъ болѣе или менѣе исключеніемъ, обусловливаемымъ иногда формой горы, какъ это было напр. въ могильникѣ полуострова Мадалены, греческаго Племмиріа (близъ Сиракузъ), но больше употреблялся въ Западной, какъ напр. близъ Капачи, неподалеку отъ Палермо, или близъ Джирдженти. Входъ посредствомъ колодца является и въ могилахъ «Сиккульской деревни», которую открылъ Патрони ⁶¹⁾ въ Южной Итали, именно въ Базиликатѣ, близъ Матеры. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что устройство погребальнаго грота при помощи входа черезъ вертикальный колодезь представляетъ собой очень древнюю ⁶²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень распространенную *) систему погребальной архитектуры. Мы видимъ ее въ Египтѣ еще при XII династіи, на о-вахъ Кипрѣ и Родосѣ, въ Финикии, на о-вѣ Мальтѣ, на Липарскихъ островахъ, какъ и на Сицили, Пьянозѣ и Сардиніи, о которыхъ мы только-что говорили. Эту-же систему мы видимъ впоследствии и въ основѣ этрусскихъ погребальныхъ камеръ, представляющихъ наиболѣе усовершенствованнаго вида устройство погребальнаго жилища въ Итали.

Природныя пещеры на материкѣ и островахъ, какъ мѣсто погребенія

Въ неолитическій періодъ погребали, впрочемъ, не только въ искусственныхъ гротахъ, но и въ природныхъ, какъ на материкѣ Итали, такъ и на островахъ ея. Природныя пещеры, служившія въ палеолитическій періодъ и въ эпоху переходную отъ палеолитической къ неолитической обиталищемъ для человѣка (а нѣкоторыя изъ нихъ и гораздо дольше, даже до временъ историческихъ), впоследствии, когда этотъ человѣкъ выучился строить для себя хижины, стали по преимуществу мѣстомъ погребенія. Говорю *по преимуществу*, такъ какъ есть несомнѣнные слѣды обитанія этихъ пещеръ и въ неолитическій періодъ: таковы — находимые въ нихъ огромные остатки пищи и многочисленные слѣды очаговъ, остатки угля и пепла, об-

*) Впрочемъ, еще болѣе распространенною въ неолитическій и энеолитическій періоды является система *корридорная*, идущая изъ Малой Азіи и Египта черезъ Италию въ Западную Европу вплоть до Скандинавіи включительно, система, которая въ Европѣ, по Монтелиусу, объясняется прямо восточнымъ влияніемъ. См. «Orient und Europa», I, p. 35 sq. Къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ при этомъ забылъ объ Итали иль, лучше, о Сицили.

стоятельства, явно свидѣтельствующія объ обитаніи и притомъ въ теченіе очень продолжительнаго времени. Кончеціо Роза ⁶³⁾ въ одной изъ горъ долины Вибраты нашелъ въ числѣ 45 природныхъ пещеръ, раздѣленныхъ одна отъ другой короткимъ разстояніемъ, немало такихъ, которыя носили явные признаки обитанія. Этого рода пещеры были всѣ обращены къ югу. М. Ст. де Росси ⁶⁴⁾ также говоритъ о слѣдахъ обитанія человѣка въ неолитическую эпоху въ пещерахъ Лаціума. Несомнѣннымъ представляется обитаніе человѣка въ эту эпоху и въ пещерахъ Лигуріи, которыя, по наблюденію Исселя и Морелли, издавшихъ между прочимъ такую прекрасную книгу, какъ уже упомянутая нами «*Liguria geologica e preistorica*» (Генуя, 1892), служили поочередно то мѣстами для жилья, то мѣстами погребенія, или даже одновременно для той и другой цѣли.

Изъ Пиценскихъ пещеръ мы имѣемъ подробное описаніе у Конч. въ Пиценѣ. Розы, пещеръ, извѣстныхъ подъ именемъ: *пещера Соломона* и *пещера Св. Атеа*. Лежація въ безпорядкѣ человѣческія кости, находимыя тамъ въ сообществѣ съ костями млекопитающихъ животныхъ, моллюсковъ и другихъ пищевыхъ остатковъ, указываютъ, повидимому, не столько на погребеніе, сколько на антропофагію. Такъ и думалъ Роза ⁶⁵⁾. Къ этому однако скептически относится Колини ⁶⁶⁾, который не видитъ фактовъ въ подтвержденіе антропофагіи не только по отношенію къ этимъ пещерамъ, но и по отношенію къ другимъ итальянскимъ пещерамъ, какъ то *Arene Candide* въ Лигуріи, пещера мыса *Св. Илии* на о. Сардиніи, пещера *Дьявола* на мысѣ Leuca, близъ Отранто, на Ионическомъ морѣ, и пещера *Лазаря* близъ Модики, въ Сициліи.

Изъ лигурійскихъ пещеръ, кромѣ *Красныхъ скалъ*, на которыхъ мы Въ Лигуріи останавливались говоря о слѣдахъ палеолитическаго вѣка въ Италіи, наибольшую извѣстностью пользуются и наиболѣе подробно описаны двѣ пещеры изъ округа Финале, именно *Поллера* и *Arene Candide* (Чистые пески), подробно изслѣдованныя нѣсколькими учеными, особенно аббатомъ Ник. Морелли ⁶⁷⁾, и описанныя Исселемъ въ изданной имъ вмѣстѣ съ Морелли упомянутой книгѣ о Лигуріи. Мы уже говорили, что какъ въ Поллерѣ, такъ и въ *Arene Candide* культурный слой очень великъ и раздѣляется на нѣсколько совершенно отдѣльныхъ поясовъ, показывающихъ, что пещеры эти были нѣсколько разъ обитаемы и каждому новому обитанію предшествовалъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ. Въ общемъ хронологія этихъ пещеръ идетъ отъ эпохи животныхъ, которыхъ уже нѣтъ въ Лигуріи, но которыя сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи, до римскаго времени включительно. Каждый изъ поясовъ, обозначающихъ извѣстный періодъ времени обитанія, состоялъ въ Поллерѣ изъ трехъ

своихъ собственныхъ слоевъ, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, идя снизу: сначала небольшой слой желтоватой земли, на которомъ часто образовывались сталактиты, достигавшіе иногда 20 сант. вышины, слой, покрывавшій предшествовавшій; за нимъ шель слой, состоявшій изъ утопаннаго и затвердѣвшаго пепла и угля, а затѣмъ уже слой темной земли, перемѣшанный съ костями, иногда обугленными, съ черепками битой посуды и разными отбросами⁶⁸⁾. Этотъ слой пояса и есть слой культурный. Тамъ и сямъ въ разныхъ мѣстахъ были разсыяны человѣческія кости. Но Морелли удалось открыть на глубинѣ и настоящія могилы, числомъ три, изъ которыхъ одна на глубинѣ трехъ метровъ. Въ ней лежалъ скелетъ взрослога челоуѣка на лѣвомъ боку, съ сильно скорченными ногами, держа лѣвую руку подъ головой, правую протянутою, а ноги его находились по направленію къ отверстию пещеры. Въ черепкѣ, лежавшемъ возлѣ головы покойника, находился кусокъ красной охры: указаніе на обычай краситься, подтверждающее искусственность окраски лица скелета, найденнаго въ Стурголь и хранящагося въ Римскомъ До-историческомъ Музеѣ. Подлѣ праваго бедра лежалъ топоръ изъ зеленого камня, трехугольной формы, очень износившійся отъ употребленія. Близъ лѣваго бока лежала козлиная голова; ниже находились кости оленя: ни первая, ни послѣднія не носили слѣдовъ горѣнія. Поверхъ крышки могилы, образованной изъ грубыхъ плитъ, были кучи пепла, угля, обожженныхъ костей и черепковъ, что указывало на погребальное пиршество. Такимъ образомъ, тутъ мы видимъ настоящее погребеніе неолитической эпохи съ яснымъ выраженіемъ погребальнаго обряда. Могила эта важна и тѣмъ, что скелетъ ея совершенно сохранился, и потому свойства его ясно опредѣлимы. Черепъ его долихокефальный (длинноголовый), съ выдающимися, надбровными дугами, особенно въ средней части лба, и съ почти квадратными орбитами. Плечи его велики и дюжи, но по разнымъ другимъ признакамъ видно, что это былъ челоуѣкъ пожилой. Скелетъ другой могилы, также устроенной и не заключавшей въ себѣ никакихъ орудій, той-же породы, но молодыхъ лѣтъ, съ болѣе выдающимися надбровными дугами и съ болѣе выраженнымъ прогнатизмомъ, но черепъ его поврежденъ паденіемъ какой-то тяжести. Въ третьей могилѣ лежалъ младенецъ, не вполне сохранившійся, но съ черепомъ долихокефальнымъ. На эту форму черепа лигурійскихъ пещеръ^{*)}, которая была свой-

^{*)} Кстати замѣтимъ, что въ Поллсрѣ найдено не менѣе 22 скелетовъ, а въ *Agene Candide* не менѣе 50. См. у Исселля въ *Liguria geologica e preistorica*. II, p. 239. Теперь, можетъ быть и больше, такъ какъ раскопки въ Лигурійскихъ пещерахъ продолжаются.

ственно неолитическому населенію всей Италіи съ ея островами и является не исключительною лишь въ концѣ этой эпохи, когда на Апеннинскій полуостровъ стали проникать новые этнологическіе элементы изъ-за Альпъ, мы должны обратить вниманіе, и отмѣчаемъ ее для нашихъ будущихъ выводовъ, когда коснемся этнографическаго вопроса этой эпохи.¹

Возвращаясь къ пещерѣ *Поллера*, мы должны сказать, что изъ найденныхъ въ этой пещерѣ предметовъ человѣческой промышленности главную массу составляютъ предметы изъ кости. Къ нимъ относятся между прочимъ 64 наконечника стрѣлъ и копій, одинъ наконечникъ стрѣлы съ крылышками, найденный на глубинѣ 3 метровъ, игла съ ушкомъ для шитья, найденная на глубинѣ м. 4, 50, пять очень заостренныхъ кинжаловъ (см. табл. V, фиг. 1—2, табл. III, фиг. 7, 8, 11, 12, 13, 14), три особаго рода ножа для сдирки кожи съ животныхъ, разные другіе предметы (лопатки, лоцила) и между прочимъ продыравленные зубы разныхъ животныхъ (кабана, волка, медвѣдя, собаки), служившіе, очевидно, для украшеній. Изъ каменныхъ предметовъ, среди которыхъ не мало ножей, гораздо больше топоровъ и между ними три изъ ядента, минерала, не принадлежащаго къ мѣстнымъ породамъ и вообще не обрѣтающагося въ Европѣ. Одинъ изъ ядентныхъ топоровъ изображенный на атласѣ Морелли (таблица XXVІІ, фиг. 4), приложенномъ къ книгѣ Иссея, имѣетъ особую цѣнность: онъ дошелъ съ рукояткой изъ оленьяго рога, вещь очень оригинальная. Есть топоръ о двухъ лезвіяхъ; есть кольца—одно изъ бѣлаго мрамора, другое изъ известняка; есть разные другіе предметы, обыкновенно находимые и въ другихъ мѣстахъ энеолитической культуры. Изъ глиняныхъ предметовъ, на которыхъ мы подробнѣе остановимся, говоря объ *Agene Candide*, гдѣ найдены болышею частью тѣ же виды и орнаменты, слѣдуетъ тутъ указать на двойной сосудъ, найденный Морелли на глубинѣ 4 метровъ, какъ на такой, который, по его замѣчанію, имѣетъ сходство съ двойными сосудами, найденными Шлиманомъ въ Троѣ ⁶⁹), а въ Италіи въ области Эсте ⁷⁰), на хлѣбецъ изъ красной глины съ ясными отпечатками пяти человѣческихъ пальцевъ и, наконецъ, на предметъ имѣющій полное сходство съ тѣмъ, что у испанцевъ называется *тинтадера* (см. табл. III, фиг. 15), предметъ продолговатой формы, который будучи обмакнутъ въ краску, служилъ въ Испаніи, у гуанчей Канарскихъ острововъ и у древнихъ мексиканцевъ для отпечатковъ на тѣлѣ извѣстныхъ знаковъ. Одинъ изъ такихъ предметовъ хранится въ Римскомъ До-историческомъ Музеѣ. Подобный предметъ былъ найденъ и въ одной изъ неолитическихъ хижинъ провинціи Реджо (въ Эмилиі). Найдено было

нѣсколько предметовъ металлическихъ изъ мѣди и даже одинъ изъ желѣза. Но говорить о нихъ здѣсь намъ нѣтъ нужды. Слѣдуетъ лишь сказать нѣсколько словъ объ остаткахъ найденныхъ въ пещерѣ костей животныхъ. Эти остатки относятся къ видамъ, какъ ихъ перечисляетъ Иссель ⁷¹⁾: ежа, волка, собаки, кошки, рыси, медвѣдя, барсука, куницы, лѣсной (*martora*) и каменной (*faina*), хорька, вепря, изубря, серны, козы, овцы простой и болотной (*ovis palustris*), степного барана (*mufflone*), быка, зайца, кролика. Кромѣ того кости 11 видовъ птицъ, между которыми Исселемъ отмѣчаются: *Corvus Corax*, *Puffinosorax Alpinus* и *Figula fusca*. Изъ моллюсковъ тамъ находятся разные морскіе, но особенно *Pectunculus*. Какъ это было нами замѣчено раньше, три вида четвероногихъ—рысь, изубрь и муфлонъ, теперь не встрѣчаются въ Лигуріи, а послѣдній и вообще чуждъ полуострову и встрѣчается лишь на о. Сардиніи.

Пещера Чистыхъ или Бѣлыхъ Песковъ (*Agene Candide*) находится къ западу отъ приморскаго городка Финальмарини, представляетъ собой огромное помѣщеніе въ 70 метровъ длины, въ 15 наибольшей ширины и около 5 вышины (у Поллеры длина 28 метровъ, ширина 18 и средняя высота 6) и такъ-же, какъ Поллера, имѣетъ свой культурный слой съ нѣсколькими поясами (6 или 7), явственно отличающимися одинъ отъ другого и показывающими, что и эта пещера была нѣсколько разъ обитаема и оставляема. Но и она, какъ и Поллера, служила не только мѣстомъ обитанія, но и погребенія. Это было замѣчено Исселемъ еще при первыхъ раскопкахъ, начатыхъ имъ вмѣстѣ съ проф. Перецомъ изъ Ниццы и проф. Раморнино изъ Генуи въ 1864 г., когда они увидѣли на нѣкоторой глубинѣ разсѣянные кости, которыя своимъ видомъ не отличали антропофагіи, а въ 1874 была имъ открыта и первая нетронутая могила, на глубинѣ м. 1, 60, такъ же, какъ это мы видѣли въ Поллерѣ, огражденная грубыми плитами, внутри которыхъ лежали разные принадлежности покойника, между прочимъ и куски красной охры, бывшіе прежде въ сосудѣ, и небольшой топоръ изъ ядента. Черепъ, принадлежавшій взрослому мужчинѣ, долихокефальный, но малыхъ размѣровъ, сжатъ въ бокахъ, расширенъ въ задней части, съ низкимъ и узкимъ лбомъ; нижняя челюсть въ восходящей части помѣщена очень косо и подбородокъ сильно выдается. Среди скелетовъ, найденныхъ въ тотъ же періодъ дономъ Феррандо, выдаются одинъ женскій съ маленькой головой, расширенной въ задней части, также долихокефальный, и одинъ съ черепомъ чрезмѣрно развитымъ въ длину (194 милл. при 155 въ поперечной части) и съ болѣе обыкновеннаго выдающимся над-орбитными дугами, притомъ-же еще выкрашенными въ красную краску. Въ 1876 году

найденъ былъ новый рядъ могилъ со скелетами, также съ долихоцефальными черепами и въ общемъ съ тѣми-же, какъ и у предыдущихъ, анатомическими особенностями, хотя и не безъ вариантовъ. Мы сочли не лишнимъ указать на эти особенности, тѣмъ болѣе, что въ Лигурійскихъ пещерахъ мы имѣемъ сохранившихся представителей, какъ слѣдуетъ думать, наиболѣе древняго населенія не только итальянскаго материка, но и значительной части Европы. Относительно типа скелетовъ, найденныхъ въ *Arene Candide*, мы мимоходомъ замѣтимъ, что дѣлавшій изслѣдованіе докторъ Инкоронато ⁷²⁾ очень невыгоднаго мнѣнія о физическомъ его строеніи и видитъ въ немъ типъ негровидный, замѣчая, что долихоцефальный оживальной формы черепъ, узкій, покатый лобъ, большія и густыя брови, которыя онъ предполагаетъ постоянно нахмуренными, лицо широкое по направленію къ челюсти, узкое въ орбитоносовой области, широкій носъ, большой ротъ, вооруженный страшными зубами, заостренный и трехугольный подбородокъ обитателей этой пещеры должны были производить болѣе отвратительное впечатлѣніе, чѣмъ какое производитъ нынѣшній типъ негритянской. Проф. Иссель ⁷³⁾, ничего не говоря о негритянскомъ типѣ троглодитовъ *Arene Candide*, также находитъ, что, «когда они, накрашенные охрой, одѣтые въ звѣриныя шкуры, потрясали страшнымъ каменнымъ топоромъ, идя на медвѣдей и волковъ на суровыхъ скалахъ Капрадонны, воображеніе намъ рисуетъ ихъ тощими, худощавыми, съ обильными и вчесанными волосами, низкимъ лбомъ, выдающимися скулами, вытянутыми челюстями, выдающимися подбородкомъ, впалыми глазами и лицомъ, носящимъ отпечатокъ дикой энергіи».

Культурный слой пещеры *Arene Candide* далъ въ сущности тѣ же предметы, что и культурный слой пещеры Поллеры, хотя, въ общемъ, онъ и нѣсколько новѣе послѣдняго. Между предметами изъ кости, кромѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій, кивжаловъ, стилетовъ (?), скребковъ, лощинъ и т. п., есть и головныя иглы, привѣски, даже фузайола; изъ раковинъ, обдѣланныхъ для украшеній, главнымъ образомъ для ожерельевъ, обращаетъ на себя вниманіе дугообразная палочка, которую Иссель ⁷⁴⁾ считаетъ имѣющею назначеніе быть носимою въ ноздряхъ, ссылаясь на подобный обычай у дикарей Новой Гвинеи, приводимый Мантегаццо въ его антропологическомъ трудѣ о Новой Гвинее ⁷⁵⁾; есть удочки, трубки для звуковъ изъ *Triton podifegum*, есть талисманъ изъ человеческого черепа, есть ложка. Между издѣліями изъ камня изобилуютъ топоры обыкновенныхъ формъ, большей частью маленькихъ и очень маленькихъ размѣровъ, при чемъ по красотѣ выдаются два изъ ядента, изъ которыхъ одинъ, очень ма-

лен.кій, находится въ доисторическомъ римскомъ Музеѣ, и одинъ изъ дюрита. Затѣмъ у Исселя перечисляются дискъ съ отверстиемъ, изъ ядеита, служившій, по мнѣнію Исселя ⁷⁶⁾, набалдашникомъ на палкѣ, лещила, ножи, изъ которыхъ одинъ изъ чернаго обсидіана, т.-е. изъ камня, котораго нѣтъ въ Верхней Италіи, далѣе — кремневые наконечники стрѣлъ съ преобладаніемъ овално-заостренной формы, скребокъ, жернова, оселки изъ зеленаго камня, песты, привѣски и перлы, но всего замѣчательнѣе осколокъ каменнаго сосуда, сдѣланнаго на станкѣ, что доказываетъ работу позднѣйшую, принадлежащую къ римской эпохѣ или даже еще болѣе позднему времени, т.-е. варварскому, по теоріи Пигорни ⁷⁷⁾. Къ каменнымъ предметамъ пещеры принадлежатъ также: ядрище кремневого, осколки какъ кремневые, такъ и другой породы, повидимому, ядеита, куски пемзы, охры, красной и желтой, и кварцовый кристалль. Изъ глиняныхъ предметовъ часть принадлежитъ римскому періоду, которымъ мы теперь не занимаемся. Сосуды же неолитическаго типа, сдѣланные отъ руки, имѣли, по замѣчанію Исселя, болѣею частью форму, болѣе или менѣе цилиндрическую, вынѣшнихъ обыкновенныхъ народныхъ кастрюль, затѣмъ овално-коническую форму съ плоскимъ дномъ; нѣкоторые осколки указываютъ на полу-овальную съ округленнымъ дномъ. Всѣ сосуды этихъ родовъ съ одной ручкой, имѣющей болѣею частью форму продыравленнаго ушка. Орнаменты сосудовъ появляются не только на стѣнкахъ ихъ, но, и на краяхъ, и на ручкахъ. На стѣнкахъ чаще всего—вдавленные (пальцами) или нацарапанные (ногтями, палочками) въ разныхъ простыхъ и волнистыхъ линіяхъ; на краяхъ сосудовъ орнаменты состоятъ въ рядѣ давленій пальцемъ или въ зубцахъ, нарѣзанныхъ какимъ-либо орудіемъ. Ручки рѣдко имѣютъ на себѣ орнаменты, но тѣ, какіе тамъ встрѣчаются, состоятъ въ рядѣ параллельныхъ поперечныхъ линій на каждой сторонѣ, а въ серединѣ идетъ рядъ нарѣзовъ. Изъ другихъ формъ глиняныхъ сосудовъ отмѣчаются лампы въ формѣ табачной трубки обыкновеннаго вида, стаканы, ложки; далѣе есть пивтандеры, о которыхъ шла рѣчь по поводу Поллеры, есть предметъ въ формѣ порога, какъ въ Поллерѣ въ формѣ хлѣба; есть покрышки для сосудовъ. Есть, наконецъ, скульптурные начатки въ видѣ глиняныхъ идольчиковъ, двухъ аляповатыхъ фигурокъ, изъ которыхъ у одной сохранилась почти вся верхняя часть тѣла, съ отбитыми руками, съ вовсе не намѣченными ртомъ и носомъ, а у другой только бюстъ, начиная отъ шеи, съ рѣзко очерченными женскими грудями ⁷⁸⁾. Эта послѣдняя имѣетъ болѣе правильную форму и сдѣлана, по замѣчанію Морелли, ⁷⁹⁾ изъ болѣе тонкой и лучше обожженной пасты, указывая на прогрессъ въ гончарномъ

производствѣ. Морелли не безъ основанія сравниваетъ первую съ идольчиками, найденными Шлиманомъ въ Троѣ, съ однимъ изъ которыхъ (№ 236 въ Plios) она имѣетъ наибольшее сходство по формѣ и размѣрамъ, а другую со статуэткой, найденной въ озерной стоянкѣ Люблины (Лайбаха). Стекланный дискъ и нѣсколько желѣзныхъ орудій указываютъ на болѣе позднюю эпоху.

Намъ остается указать на остатки животнаго міра въ пещерѣ. Вообще говоря, фауна этой пещеры разнообразнѣ фауны Поллеры. Кромѣ указанныхъ нами, находящихся въ этой послѣдней, тутъ представлены виды: *Sus palustris*, *Bos primigenius*, лисица, *Arvicola amphibius*, летучая мышь, леопардъ (представленный впрочемъ однимъ зубомъ), выдра, бѣлка, соня, дубовая мышь, домашняя мышь, обыкновенная крыса, полевая мышь, лошадь, лань, тюлень, дельфинъ. Между 67 узанными Морелли видами птицъ, которыми троглодиты *Чистыхъ Песковъ* питались, всего больше встрѣчается: *Columba livia*, *Columba aenas*, *Pyrrococcyx Alpinus*, затѣмъ *Columba palumba*, *Pica caudata*, *Coccythraustes vulgaris*. Изъ пресмыкающихся можно отмѣтить болотную черепаху и *Varanus*, нижняя челюсть котораго,—такъ какъ тутъ рѣчь идетъ о видѣ, чуждомъ странѣ,—прпрнесена въ Лигурию всего вѣроятнѣе изъ Сѣверной Африки, гдѣ этотъ видъ особенно водится. Мы обращаемъ большое вниманіе на факты подобнаго рода, такъ какъ они, собранные въ немаломъ количествѣ, даютъ основаніе для весьма важныхъ заключеній. Къ этимъ фактамъ относится и существованіе въ пещерѣ раковинъ извѣстныхъ моллюсковъ, какъ *Mitra oleacea*, водящійся въ Индійскомъ океанѣ*), или *Purpura haemastoma* и *Petella ferruginea*, раковинъ которыхъ найдено въ пещерѣ множество, а между тѣмъ, какъ замѣчаетъ Иссель, въ Лигурійскихъ водахъ этихъ моллюсковъ почти нѣтъ совсѣмъ, водятся же они, напротивъ, въ изобпліи у береговъ Туниса, Алжиріи и Марокко. Интересно также присутствіе среди моллюсковъ *Helix Ramoninaana*, исчезнуваго вида четвертичной эпохи, и ископаемаго *Dentalina*, принадлежащаго пліоценовой эпохѣ. Этотъ послѣдній видъ могъ, по Исселю, быть гдѣ-нибудь выкопанъ троглодитами и пошелъ на украшенія (напр., для ожерелья). Употребленіе въ пищу рыбъ свидѣлствуется костями *Polypriion cernium*, обыкновеннаго спара, *Sargus Rondeleti*, *Pargus vulgaris* и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе опредѣлимыхъ породъ.

*) Найденая Стробелемъ въ одной изъ неолитическихъ жилищъ Ривалтеллы (пров. Реджо въ Эмпіи) *Melcagrina margaritifera* относится къ этому-же роду экзотическихъ моллюсковъ, водящихся лишь въ южныхъ моряхъ. Обѣ онѣ едва-ли пришли въ Италію путемъ торговли. Тогда онѣ не были бы тутъ одинокими.

Обиліемъ свѣдѣній о содержимомъ Лигурійскихъ пещеръ, какъ замѣтилъ читатель, мы обязаны главнымъ образомъ обстоятельному труду Иссея, который далъ намъ нѣкоторыя основанія для выводовъ, сдѣланныхъ нами въ нашемъ трудѣ «О происхожденіи Сикуловъ», и потому мы не можемъ не отнести къ почтенному генуэзскому ученому съ полною признательностью. Для филолога, для историка, для археолога такіе труды есть истинная находка, безъ которой имъ въ извѣстныхъ вопросахъ нельзя было бы двигаться. Мы возвратимся къ этимъ даннымъ о Лигурійскихъ пещерахъ, когда будемъ рѣшать вопросъ о племенахъ, населявшихъ Италію въ неолитическій вѣкъ.

Теперь перейдемъ на острова.

Природныя
пещеры на
о-вѣ Сардиніи.

Орсони ⁸⁰⁾ даетъ намъ подробное описаніе природныхъ пещеръ о-ва Сардиніи, находящихся на южной оконечности острова, на мысѣ св. Иліи. Важнѣйшею изъ нихъ является пещера св. Варооломея, которую открылъ самъ Орсони и надъ которую возвышалось гигантское фиговое дерево. Пещеры эта переполнена человѣческими скелетами, въ сопровожденіи утвари, идущей отъ самыхъ первыхъ временъ неолитическаго періода, по мнѣнію Орсони, до бронзоваго (включительно) и даже до желѣзнаго вѣка. Древнѣйшее населеніе южной стороны острова, близъ Кальяри, неподалеку отъ берега, оставило огромные слѣды своего существованія въ видѣ сорныхъ кучъ, подобныхъ тѣмъ, какія найдены въ Даніи и извѣстные *kjökkenmødding*. Въ кучахъ этихъ находилось огромное количество раковинъ моллюсковъ разныхъ видовъ, морскихъ и землеводныхъ, но господствующими ихъ видами изъ морскихъ являются *Cardium edule*, *Mytilus edulis* и *Ostrea edulis*, а между землеводными преобладаетъ порода *Helix*. Тамъ же находились и кости животныхъ, разбитыя нарочно для извлеченія можжечка, какъ это мы видѣли и въ Лигурійскихъ пещерахъ. Рядомъ съ этимъ тамъ находились сотни обломковъ посуды, которая въ нижнемъ слобъ кучъ представляетъ грубую нечистую пасту, большею частью темную снаружи и красноватую внутри или по краямъ, дурно обожженную, а въ верхнихъ слояхъ посуда отличается уже однородностью пасты, имѣетъ черный и лоснящійся цвѣтъ. Есть сосуды съ ручками и безъ ручекъ; есть сосуды съ дырочками по серединѣ; форма посуды, вообще говоря, мало разнообразна. Много разныхъ орудій и оружія (топоры, молоты, ножи, скребки, наконечники стрѣлъ и т. п.) изъ твердыхъ породъ камня и особенно изъ обсидіана. Далѣе украшенія изъ раковинъ (ожерелья, браслеты, амулеты), наконецъ, снаряды для рыболовныхъ

сѣтей. Видно, что тутъ-же, вблизи этихъ сорныхъ кучъ, человѣкъ устраивалъ и свои очаги, такъ какъ тутъ-же находятся обожженные камни, угли и пепель. Поэтому можно думать, что пещера св. Варооломея не была жилищемъ человѣка, который скорѣе жилъ на морскомъ берегу на открытомъ воздухѣ или въ легкихъ шалашахъ; но Орсоли полагаютъ, что если гротъ и не былъ вначалѣ обитаемъ, какъ жилище, то служилъ въ извѣстныхъ случаяхъ убѣжищемъ, такъ какъ рядомъ съ нимъ найдены кучи, совершенно сходныя съ тѣми, о которыхъ мы только что говорили, съ тѣми-же остатками пищи и ручныхъ издѣлій. Изъ этого вытекаетъ, что населеніе, оставившее сорныя кучи по берегамъ, и отбросы, находящіеся при пещерѣ, было одно и то же. Служа, такимъ образомъ, мѣстомъ временнаго убѣжища для приморскаго населенія, гротъ св. Варооломея впоследствии, въ концѣ неолитическаго періода, судя по матеріалу, въ немъ находящемуся, былъ обращенъ въ мѣсто погребенія. Но тѣ изъ человѣческихъ скелетовъ, которые носятъ на себѣ слѣды обожженія костей, съ явными признаками насилія, нарѣзовъ каменными орудіями, и лежатъ въ соединеніи съ костями животныхъ, указываютъ, по мнѣнію Орсоли, прямо на антропофагію; и мы въ этомъ случаѣ скорѣе держимъ сторону Орсоли, чѣмъ сторону Колини. Погребенные скелеты отдѣлялись въ пещерѣ одинъ отъ другого глыбами, имѣя подле себя каждый грубѣйшей выдѣлки глиняные сосуды *опропачнутые*, обычай, котораго мы до сихъ поръ не встрѣчали въ Италіи, но который не чуждъ мегалитическимъ памятникамъ Финистерра, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ изслѣдовавшій ихъ Дюшателле, ⁸¹⁾; нашлись однако три сосуда прекрасной работы, указывающіе на ихъ иностранное происхожденіе. Среди каменныхъ издѣлій находятся осколки стекловиднаго и прозрачнаго обсидіана и куски порфира и діорита, нѣкоторые грубо обдѣланы въ форму топоровъ, шиль и т. п. Типъ скелетовъ, погребенныхъ въ гротѣ св. Варооломея, Орсоли считаетъ общимъ съ палеолитическими мѣстностями—Кро-Маньонъ, Солкотрэ, Ланжери, Balzi Rossi, d'Engis, de l'Homme Mort и, наконецъ, дольменовъ ⁸²⁾. Не входя въ разборъ этого антропологическаго заявленія, повѣрка котораго для насъ нелегка, мы принимаемъ его къ свѣдѣнію для будущихъ комбинацій. Что же касается до отношенія погребальной культуры грота св. Варооломея къ другимъ культурамъ и его хронологіи, то такому компетентному въ подобныхъ сравненіяхъ лицу, каковъ Колини, ⁸³⁾ кажется (насколько позволяетъ судить скудный для сравненія матеріалъ) «не подлежащимъ сомнѣнію, что въ его погребеніяхъ главнымъ образомъ представлена культура, параллельная и родственная той, которая больше всего изучена въ нѣкоторыхъ мегалитическихъ криптахъ, природныхъ пещерахъ, искусственныхъ

гротахъ и въ современныхъ имъ и сходныхъ погребеніяхъ Франціи и Иберійскаго полуострова, считающихся принадлежащими къ концу неолитической эпохи и зарѣ эпохи металловъ». Поэтому Колинн допускаетъ, что нѣкоторыя формы предметовъ, особенно глиняныхъ, указываютъ уже на стадію, приближающуюся къ бронзовой эпохѣ, и даже проникающую въ нее, какъ она проявляется въ странахъ западнаго бассейна Средиземнаго моря (См. таблицу X, фиг. 2—7). Въ общемъ, начиная съ древнѣйшей каменной эпохи, культура этой пещеры ближе къ культурѣ территории Франціи и Испаніи, чѣмъ Италіи, что не представляетъ никакой странности, въ силу не только географическаго положенія острова, но и расы, его населявшей, какъ это мы увидимъ въ свое время.

Это, но съ еще большимъ основаніемъ, можно сказать и о близъ лежащей пещерѣ св. Иліи. Тутъ тотъ-же археологическій матеріалъ, именно та-же посуда, тѣ-же орудія, тѣ-же остатки раковинъ, тѣ-же украшенія въ нижнемъ и въ верхнемъ слоѣ, тѣ-же кремь и обсидіанъ, съ прибавкой въ верхнемъ слоѣ еще двухъ шиль изъ мѣди, наконецъ—тѣ-же полубожженныя человѣческія кости. Только тутъ полусожженныя или даже прямо сожженныя части человѣческихъ тѣлъ въ верхнихъ слояхъ указываютъ на сожженіе, какъ на погребальный обрядъ, который видитъ здѣсь не только Орсоли, но и Колинн. По мнѣнію послѣдняго, ⁸⁴⁾ здѣсь идетъ рѣчь о неполномъ сожженіи человѣческихъ останковъ, которое не имѣетъ для этой эпохи себѣ аналогіи въ Италіи, но уже замѣчается въ концѣ неолитической эпохи и въ энеолитическій періодъ въ дольменахъ и въ пещерахъ, какъ въ природныхъ, такъ и въ искусственныхъ, Франціи и Паринейскаго полуострова, въ Round Barrows Великобританіи, въ могилахъ восточной Швейцаріи и въ могильникахъ сѣверной Богеміи и проч. Впрочемъ, явленіе, которое мы видимъ въ пещерѣ св. Иліи, именно расположеніе человѣческихъ костей подлѣ очага и поверхъ него, встрѣтилось на материкѣ Италіи въ пещерѣ, называемой Tana della Mussina, въ провинціи Реджо (въ Эмпіи), содержавшей массу археологическаго матеріала пѣз камня и костей, принадлежащаго къ позднему неолитическому періоду, а по глинянымъ издѣліямъ и къ бронзовому періоду террамаръ, какъ это достаточно выяснилъ еще Кьериччи ⁸⁵⁾, которому принадлежитъ изслѣдованіе этой пещеры, какъ мѣста погребенія. Слѣдовательно, при этихъ слѣдахъ трупосожженія въ концѣ неолитической эпохи не нужно забывать, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ прикосновеніемъ къ бронзовой эпохѣ, которой собственно и принадлежитъ трупосожженіе *).

*) Въ эту минуту, когда я просматриваю эти строки въ корректурѣ, у меня, къ сожалѣнію, еще вѣтъ подъ руками статьи г. Пиззи съ новыми мате-

О существованіи природныхъ гротовъ на о. Пьянозѣ, въ кото- на Пьянозѣ
рыхъ были найдены скелеты съ обдѣланными орудіями изъ кремня,
обсидіана и серпентина, извѣстно по сообщенію Форези ⁸⁶⁾, но до
сихъ поръ не появилось систематическаго изслѣдованія этихъ пещеръ,
и потому мы на нихъ не останавливаемся, а переходимъ къ Сициліи.

Сицилійскія природныя пещеры, служившія частію жилищами, на Сициліи
а частію мѣстами погребенія въ неолитическій періодъ, давно уже
обратили на себя вниманіе мѣстныхъ ученыхъ, каковы: Карло Джем-
мелларо, Анка, Мина Палумбо, Мауджини, Стоппани, Кавалларц,
Салинасъ и другіе, работами которыхъ воспользовался въ концѣ семи-
десятихъ годовъ баронъ Ферд. фонъ-Андріанъ ⁸⁷⁾, чтобы дать болѣе или
менѣе полную картину неолитической Сициліи, дополнивъ ее соб-
ственными тщательными изслѣдованіями. Послѣ него сдѣланы были
новыя изслѣдованія Мауджини, Тедалди, Орси и др., и такимъ обра-
зомъ, какъ Сицилійскіе музеи (Палермскій, Сиракузскій), такъ отчасти
и До-историческій Музей въ Римѣ обладаютъ достаточнымъ матеріаломъ
для того, чтобы говорить о неолитической эпохѣ въ Сициліи. Она
была распространена по всему острову, но особенно выдѣляется нѣ-
сколько пунктовъ, которые фонъ-Андріанъ сводитъ къ тремъ группамъ
природныхъ пещеръ. Первая—принадлежитъ Мадоннійскимъ горамъ, на-
ходящимся въ серединѣ сѣверной части острова. Вторая идетъ отсюда
внутрь его, сосредоточиваясь около Кастроджованни и Калтапписетты,
третья обнимаетъ главнымъ образомъ мѣстность вокругъ Этны, образуя
особыя группы къ сѣверу и къ югу отъ этой горы и имѣя своимъ
наиболѣе южнымъ пунктомъ гротъ Санъ-Ладзаро къ юго-востоку отъ Мо-
дики. Изслѣдованія этихъ пещеръ дали большое количество предметовъ,
каменныхъ, костяныхъ и глиняныхъ, достаточно характеризующихъ нео-
литическую эпоху Сициліи. Въ группѣ Мадоннійскихъ горъ обращаютъ
на себя вниманіе пещеры близъ Термини-Имерезе и близъ Виллафрати. Пещеры Тер-
мини-Имерезе и Виллафрати
Въ первой мѣстности выдается пещера Пулери, давшая много оскол-
ковъ глиняныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ хотя изъ грубой пасты съ
большою примѣсью кварцоваго песку, но хорошо отшлифованныхъ
внутри и снаружи. Посуда эта черноватаго цвѣта, болшею частію
кудо обожжена, въ общемъ груба, но заключаетъ въ себѣ не мало
экземпляровъ болѣе тщательной обработки, красивыхъ по формѣ, съ
ушками и съ орнаментомъ, мотивы котораго болѣе или менѣе средни

риалами, добытыми лишь на о. Сардиніи,—статья, которая была предназна-
чена для XI тома *Monumenti Antichi* академіи Линччезе, не полученнаго еще
въ Петербургѣ, и отдѣльный оттискъ которой, любезно обѣщанный мнѣ ав-
торомъ, мною также еще не полученъ. Новые матеріалы, обнаруженные г. Ши-
лой, мнѣ удалось видѣть лишь мелькомъ: они очень интересны.

не только и другимъ мѣстамъ неолитической Сициліи, но находятъ себѣ соотвѣтствіе и въ природныхъ пещерахъ нѣкоторыхъ мѣсть итальянскаго материка, о-ва Сардиніи, и даже въ дольменахъ Франціи и Португаліи. Въ своемъ трудѣ «О происхожденіи Сиколовъ», говоря о свойствахъ посуды, осколки которой были найдены Орси на неолитической стоянкѣ въ Стентинелло (Сиракуз. пров.), и орнаментъ которыхъ, состоящій изъ прямыхъ линій, идущихъ или отдѣльно одна отъ другой, что встрѣчается всего чаще, или связанныхъ между собою съ извѣстнымъ вкусомъ въ геометрическія фигуры, я уже указывалъ ⁸⁸⁾, вслѣдъ за Орси и Пигорини, на этническую связь, отличающую сходствомъ формъ и орнамента неолитической сицилійской посуды, съ внѣ-сицилійскими странами, такъ какъ иначе это сходство въ первобытной посудѣ, не могшей служить предметомъ заграничной торговли, трудно объяснимо. Однако тутъ есть формы и орнаменты, которые, повторяясь на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ южной Франціи, на этническую связь сицилійскаго населенія съ этими странами едва ли указываютъ. Таковъ, воспроизведенный у Андриана на IV таблицѣ колоколообразный кубокъ (*biscchiere a campane*) изъ Виллафрати съ орнаментомъ, который особенно часть, по его заявленію, на сосудахъ пещеры Пулери, и на сходство котораго съ внѣ-сицилійскими мѣстностями раньше особенно указывалъ Пигорини ⁸⁹⁾, а теперь указываетъ Коллин ⁹⁰⁾. Форма и орнаментъ его, состоящій изъ параллельныхъ горизонтальныхъ полосъ съ нарѣзными линіями и съ точками среди нихъ, повторяется не только на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ южной Франціи, но и въ сѣверной Франціи, въ Англіи, въ Даніи, на о. Рюгенѣ, въ Богеміи и въ Венгріи, какъ это послѣ Пигорини недавно иллюстрировано Монтелиусомъ ⁹¹⁾, который выводитъ эту форму съ Востока. Съ Востока выводитъ ее и Пигорини, но какъ предметъ, который будто бы отличаетъ только общую родину тѣхъ населеній Европы, гдѣ этотъ кубокъ встрѣчается, тогда какъ для Монтелиуса этотъ кубокъ является предметомъ ввоза путемъ торговыхъ сношеній. Последнее мнѣніе гораздо вѣроятнѣе. Кубокъ этого типа и орнамента былъ найденъ и въ неолитической могилѣ имѣнія *Santa Cristina* въ пров. Брешиа, слѣд. на сѣверѣ Италіи. См. изображеніе его на табл. XI, фиг. 1. Въ пещерѣ Джераче, дополняющей своимъ содержаніемъ найденное въ Пулери, найдено много каменныхъ орудій изъ кремня, кварцита и обсидіана вмѣстѣ съ обдѣланными костями и обломками глиняной посуды. Obsидіанъ, которымъ была богата Сицилія, какъ и прилегающія къ ней острова, начиная съ Пантеллеріи, найденъ здѣсь примѣшаннымъ къ глинѣ нѣкоторыхъ сосудовъ. Предметы изъ Джераче хранятся въ музеѣ Термни.

Пещеры Виллафрати (Поркоспина, Буффа I и II наиболѣе извѣстны) отличаются тѣмъ, что дали, кромѣ керамическихъ и каменныхъ остатковъ, значительное количество человѣческихъ скелетовъ, сохранившихся не въ цѣломъ видѣ и не такъ, чтобы трупы лежали распростертыми въ томъ или другомъ положеніи, а такъ, что вокругъ черепа лежали и кости. Эти человѣческіе остатки были подробно рассмотрѣны докторомъ Цуккеркандлемъ, который сдѣлалъ описаніе ихъ, вошедшее въ книгу Андриана (р. 44—65). Онъ находитъ ростъ ихъ не выше средняго и видитъ въ черепахъ два типа—длинноголовыхъ, которыхъ причисляетъ къ иберійской расѣ, и короткоголовыхъ, которыхъ причисляетъ къ Лигурамъ (!); но такъ какъ лигурійскіе черепа въ дѣйствительности такъ-же долихоцефальны, и Лигуры составляли съ Иберами одну расу, о чемъ у насъ будетъ рѣчь дальше, то эти соображенія д-ра Цуккеркандля не имѣютъ значенія. Изъ костей животныхъ найдены и указаны въ книгѣ Андриана: *Erinaceus europaeus*, *Felis catus ferus*, *canis vulpes*, *canis familiaris*, *lepus timidus*, *lepus cuniculus*, *Hystrix cristata*, *Sus scrofa*, *Bos taurus*, *Capra*, *Cervus* sp.; къ нимъ нужно прибавить черепаху и видъ лягушки. Видно, что обитатели этихъ пещеръ были люди мирные, питавшіеся мясомъ домашнихъ и кроткихъ животныхъ и пресмыкающихся, что они не были большими охотниками на дикихъ звѣрей, какъ на это указываетъ недостатокъ пригодныхъ для того орудій, которыя у нихъ состояли изъ кремневыхъ ножей, копій и стрѣлъ, напоминающихъ (мы слѣдуемъ Андриану) формы палеолитической эпохи, которая, какъ мы знаемъ въ сѣверо-западной Сциліи процвѣтала, и изъ обсидіановыхъ ножей и стрѣлъ, обдѣланныхъ удовлетворительно. На костяхъ не только кроткихъ животныхъ, но и человѣка Андрианъ указываетъ слѣды сильнаго исцарапанія и укуса, что свидѣтельствуетъ о присутствіи на островѣ въ то время сильнаго хищнаго животного, какова именно гіена, присутствіе которой на островѣ въ пещерахъ палеолитическаго періода свидѣтельствуется ея остатками и которая, значитъ, оставалась еще тамъ и въ неолитическій періодъ.

Орудія и керамика пещеръ Виллафрати собраны въ значительномъ количествѣ въ Палермскомъ музеѣ. Въ числѣ глиняныхъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе ложка, переданная на таблицѣ IV (фиг. 8) книги Андриана. Въ посудѣ рядомъ съ предметами, грубыми по пастѣ и отдѣлкѣ, пещеры Виллафрати дали такіа красивыя и правильныя формы горшковъ, кружекъ и чашъ, что у Андриана даже возникло сначала подозрѣніе (не оправдавшееся, впрочемъ), не вышли ли они изъ-подъ гончарнаго станка. Формы эти надобно считать скорѣе явившимися вслѣдствіе подражанія иноземнымъ, каковъ, напри-

мѣръ, раньше указанный колоколообразный безъ ручки бокаль, равно какъ и красивый орнаментъ изъ полостей, параллельныхъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ линий, волчьихъ зубовъ, перекрещивающихся линий и ряда точекъ на разныхъ сосудахъ, свидѣтельствующий о развити вкуса ⁹²⁾ обитателей этихъ пещеръ, который могъ получить также импульсъ со стороны вмѣстѣ съ керамическими формами, пришедшими, какъ слѣдуетъ думать, съ африканскаго берега. Относительно орнаментаціи сосудовъ слѣдуетъ отмѣтить еще тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ орнаментъ не снаружи, а внутри, и тогда наружная сторона остается безъ рисунка. Впослѣдствіи Салинасъ ⁹³⁾ обнаруживалъ керамическіе остатки изъ пещеры Моарда, близъ Монреале (пров. Палермо), которые совершенно совпадаютъ съ керамикой пещеръ Виллафрати ⁹⁴⁾ и очень похожи на керамику Стентинелло ⁹⁵⁾.

Внутренность острова Сициліи также содержитъ многочисленныя остатки неолитическаго вѣка въ разнаго рода каменныхъ орудіяхъ изъ обсидіана, базальта, андезита, гранита, серпентина, нефрита, и др., образцы которыхъ упоминаются Андрианомъ; но такъ какъ сколько-нибудь подробныхъ описаній природныхъ пещеръ съ ихъ содержимымъ мы нигдѣ не находимъ, какъ не имѣемъ ихъ и относительно группы пещеръ, которая вмѣстѣ съ Липарскими островами у Андриана называется сѣвѣрною и центръ которой составляетъ Этна, то мы прямо переходимъ къ той группѣ, главную часть которой составляетъ мѣстность, прилегающая къ Сиракузамъ, и которая у Андриана, вмѣстѣ съ мѣстностями Модикой и Джирженти, называется *южною*.

Пещеры южной группы

Изъ Сиракузскихъ береговыхъ пещеръ неолитическаго періода Андрианъ изслѣдовалъ: La Seggia, La Scorosa, dei Molinari и due Rareri. Первая, по своему обилію керамическихъ остатковъ, представилась ему обитавшеюся въ теченіе долгаго времени, а отсутствіе остатковъ человѣческихъ скелетовъ подтверждало ея значеніе какъ мѣста, служившаго для обитанія, а не для погребенія. Посуда, какъ и въ другихъ мѣстахъ неолитической Сициліи, представлена частію черепками изъ грубой пасты, частію и болѣе тонкой, съ орнаментами, сходными съ извѣстными намъ изъ раньше указанныхъ мѣстъ. Цвѣтъ ея сѣрый, но одинъ обломокъ носитъ слѣды окраски. Образцы орнамента представлены у Андриана на табл. V. Каменные орудія и стрѣлы—изъ кремня и обсидіана, большею частію хорошей обработкн. Особенно Андрианъ отмѣчаетъ кремневый ножъ съ ромбовиднымъ поперечнымъ разрѣзомъ, съ тщательно зазубренными краями, и другой пошире, съ ромбовиднымъ очертаніемъ. Наконечники стрѣлъ проще и разныхъ формъ, далеко отстающихъ отъ красоты экзем-

пляровъ Средней и Сѣверной Италіи времени расцвѣта неолитической культуры.

Въ гротѣ *La Scorosa*, стѣны террасы котораго круто спускаются къ морю, найдены и человѣческіе, хотя незначительные, остатки (зубы и кости), что, повидимому, говоритъ о погребеніи, множество осколковъ грубой посуды, хотя есть осколки и съ орнаментами, но никакихъ каменныхъ орудій. Есть слѣды угля. Въ пещерахъ *Молinari* найдены кремневые ножи, тождественные съ указанными въ *La Seggia*, и наконечники стрѣлъ изъ обсидіана; въ *Due raperi* подъ твердымъ известковымъ слоемъ найдено множество горшечныхъ осколковъ грубой работы, нѣсколько хорошо обдѣланныхъ орудій изъ кремня и обсидіана, фузайола изъ глины, два маленькихъ предмета изъ украшеній и нѣсколько человѣческихъ зубовъ, какъ и въ Скорозѣ; наконецъ, слѣды угля, и обожженная кругомъ земля. Такъ какъ доступъ въ эту пещеру, по положенію ея относительно моря, какъ и въ Скорозу, опасенъ, то слѣдуетъ думать, что та и другая могли служить только для погребенія, а остатки угля свидѣтельствуютъ въ такомъ случаѣ скорѣе всего о погребальномъ пиршествѣ. Сосуды безъ орнамента, и потому неизвѣстно, на какомъ основаніи Колини ⁹⁶⁾ говоритъ о сходствѣ ея керамики съ сосудами изъ Виллафрати, а каменные орудія, по замѣчанію Андриана, вполне напоминаютъ орудія пещеры *La Seggia*, съ которою она, какъ онъ думаетъ, и совпадаетъ по времени. Но то обстоятельство, что найденные тутъ осколки посуды всѣ безъ орнаментовъ, а на сосудахъ Седжи орнаментъ представляетъ даже разнообразныя формы, отнимаетъ у этого соображенія извѣстную долю основанія.

Наиболѣе южный пунктъ природныхъ пещеръ, изслѣдованныхъ Пещеры Ладзаро Андрианомъ, была Модика, близъ которой (въ 12 километрахъ) находится знаменитая пещера *Ладзаро*, которую послѣ него изслѣдовали проф. Мауджини и Стоппани, нашедшіе тамъ больше посуды и костей, какъ животныхъ, такъ и человѣка ⁹⁷⁾. Андрианъ поименовываетъ слѣдующихъ животныхъ: *Canis vulpes*, *Lepus timidus*, *Sus scrofa*, *Ros taurus*, *Capra* или *Ovis*, *Cervus elaphus*. Послѣ него были найдены *Sus aper*, *Canis lupus*, *Felis catus*, *Cervus dama* и *Ovis*, однимъ словомъ—животныя, которыми большею частію характеризуется послѣдній періодъ каменнаго вѣка, въ который Европа обзавелась домашними животными, принадлежащими и нашему времени. Каменныхъ орудій пещера дала не такъ много, и совсѣмъ мало изъ обсидіана. Между орудіями есть не только ножи, но и топоръ, костяныя пила и имъ подобныя предметы. Но что особенно обращаетъ на себя вниманіе, это то, что среди менѣе грубыхъ образцовъ посуды найдены были

орнаменты не только сдѣланные остріемъ, но и черной краской по красному фону,—орнаментъ изъ перекрещивающихся прямыхъ линій. Обстоятельство это связываетъ гротъ Ладзаро съ той эпохой, которая называется у Орси 1-мъ періодомъ Сикуловъ и характеризуется какъ эпоха энеолитическая. Есть впрочемъ еще одно обстоятельство, которое показываетъ связь пещеры или грота Ладзаро съ культурой энеолитического періода Сикуловъ: это—присутствіе среди остатковъ этой пещеры такой-же костяной продольной пластинки, какія въ четырехъ экземплярахъ найдены были въ могилахъ Кастеллуччо ⁹⁸). Пластинки эти, назначеніе которыхъ въ точности неизвѣстно, и которыя Петерсенъ ⁹⁹) считаетъ накладками на деревянные ножны кинжаловъ (почему же тогда не сохранились вмѣстѣ съ ними кинжалы?), имѣютъ своимъ главнымъ украшеніемъ идущіе во всю ихъ длину скарабеообразные шарики, при томъ обыкновенно такъ, что чередуются гладкіе съ содержащими въ себѣ украшеніе въ видѣ какой либо фигурки (лучеобразныхъ кружковъ, звѣздочекъ, завитковъ, усиковъ), а по обѣимъ продольнымъ сторонамъ идутъ рѣшетчатые квадратики. Узоры эти сдѣланы тонко остріемъ и искусной рукой, такъ что составляютъ полный контрастъ съ техникой другихъ издѣлій въ могилахъ Кастеллуччо близъ Спракузь, или въ самой пещерѣ Ладзаро. Ясно до очевидности, что эти предметы иностраннаго привоза. Между тѣмъ извѣстно, что точно такіе же предметы изъ кости найдены были въ археологическомъ слое второго города Троп ¹⁰⁰), гдѣ они также, по искусству обработки, являются гораздо выше мѣстныхъ издѣлій изъ кости. Следовательно, были привезены и туда. Какой мореплавательный народъ привезъ ихъ туда и въ Сицилію, мы не знаемъ, но всего менѣе можно думать о Финиціянахъ, такъ какъ привозъ этотъ долженъ относиться къ очень отдаленному, еще до-финиційскому, времени,—по Монтелиусу ¹⁰¹) къ половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Хр., т. е. къ времени кипрскаго господства въ Средиземномъ морѣ, о чемъ впрочемъ у насъ будетъ итти рѣчь впереди. Такимъ образомъ изъ неолитической пещеры Ладзаро мы выходимъ въ тотъ моментъ, когда въ нее стали доходить произведенія иноземной торговли, связывавшія ее съ однимъ изъ древнѣйшихъ археологическихъ пластовъ Гиссарлика. Что торговля эта проникла и въ другія пещеры острова въ неолитическую эпоху, это мы видѣли по колокообразному кубку изъ Виллафрати.

Но и южнѣе Модики, въ юго-восточномъ углу острова, близъ Пакино, Орси ¹⁰²) нашелъ природныя пещеры, служившія обиталищами для населенія неолитического періода. Одна изъ такихъ, въ Grotta Torruggi, на берегу моря, содержала въ себѣ многочисленные кремневые ножи, а также кости и раковины, какъ остатки ѣды; что

же касается до посуды, то немногіе осколки ея указываютъ на родство ея съ посудой открытой стоянки Стентинелло, описанной Орси раньше ¹⁰³), которая не отличается ничѣмъ существеннымъ, по формѣ и линейнымъ орнаментамъ, отъ посуды другихъ неолитическихъ станцій острова. Другая пещера той же мѣстности, *Grotta di Cala Farina*, большой и длинный природный туннель и не менѣе какъ въ 80 метровъ длины, служила обиталищемъ съ древнѣйшихъ временъ, но болѣе замѣтные слѣды оставили тутъ болѣе позднія эпохи, начиная отъ энеолитической и кончая византийскою.

Юго-западная Сицилія, конечно, также не была чуждою жизни неолитической эпохи, но описанія природныхъ пещеръ въ этомъ углу намъ неизвѣстны, а часто упоминаема пещера Монтеторо близъ Джирдженти искусственнаго происхожденія, а керамика ея съ черной окраской по черному, какъ и керамика пещеры Лабзаро близъ Модики, относится уже къ той эпохѣ, которую Орси называетъ первымъ сикульскимъ періодомъ, къ эпохѣ мѣдно-каменной, составлявшей конецъ неолитическаго періода и переходъ къ бронзовому періоду.

Наконецъ, намъ слѣдуетъ упомянуть о неолитическихъ стоянкахъ, Открытая неолитическая стоянка Альба не соединенныхъ ни съ *fondi di saranne*, ни съ природными пещерами, но дающихъ иногда большой палеонтологическій матеріалъ, характеризующій культуру чисто неолитической эпохи. Такова обширная на сѣверѣ Италіи (въ Пиемонтѣ) стоянка Альба, на лѣвомъ берегу рѣки Кераско, въ пров. Кунео, давшая множество типическихъ для неолитическаго вѣка, керамическихъ и каменныхъ остатковъ, значительная часть которыхъ находится теперь въ Доисторическомъ Музеѣ въ Римѣ. На табл. IV мы даемъ три образца кремневыхъ ядрищъ (фиг. 1—3), затѣмъ пять остатковъ кремневыхъ клинковъ для ножей (фиг. 4, 5, 6, 10, 13), изъ которыхъ нѣкоторые (какъ фиг. 10 и 13) ясно могли служить пилами, одинъ образецъ кремневого шила (фиг. 7) и четыре экземпляра (фиг. 8, 9, 11, 12) кремневыхъ скребковъ (*grattoirs*). Таблица II (фиг. 1—6) даетъ два топора и четыре долота. Таблица III даетъ (фиг. 2) обломокъ наручника (браслета) изъ ядента, одинъ образецъ (фиг. 3) ромбовиднаго кремневого орудія, и одно кремневое орудіе (фиг. 9) съ одною скопленною оконечностью посредствомъ отдѣлки. Таблица V даетъ шесть осколковъ глиняной посуды съ простѣйшими орнаментами на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Культурный слой этой станціи соответствуетъ первому торфяному пласту, гдѣ находятся уголья и разныя издѣлія оружія и орудій вмѣстѣ съ остатками костей животныхъ. Въ болѣе глубокомъ торфяномъ пласту уголье едва попадаетъ и въ то же время очень рѣдки остатки посуды. Въ среднемъ глиняномъ пласту нѣтъ ничего, а въ верхнемъ между прочимъ человѣческой

скелеть гораздо болѣе поздней эпохи, чѣмъ остатки костей въ нижнихъ пластахъ. Топоры—изъ хлоромеленита, ядента и нефрита, но изъ кремня рѣдки, тогда какъ находятся въ изобиліи кремневые ножи, скребки, осколки и ядрища. Работа топоровъ, какъ показываетъ наша таблица II, очень хорошаго качества. Посуда вся изъ грубой пасты, причемъ нерѣдко съ орнаментомъ, вдавленнымъ или нарѣзнымъ, какъ показываетъ наша V таблица. Общій характеръ культуры, обнаруживаемый каменными и глиняными издѣліями, соответствуетъ культурѣ неолитическихъ *fondi di saranne* и природныхъ пещеръ. Указывающей на это, Пигорини ¹⁰⁴) особенно отмѣчаетъ присутствіе съ одной стороны ромбовидныхъ кремневыхъ издѣлій и очень полированныхъ каменныхъ колець (наручниковъ). Предметовъ, характеризующихъ позднѣйшую стадію неолитическаго вѣка, какъ напр. наконечниковъ стрѣлъ съ крылышками или вообще хорошо обработанныхъ, нѣтъ, какъ совсѣмъ нѣтъ топоровъ или молотовъ съ отверстіемъ (сверлиною). Рѣзко выраженный этою стоянкой характеръ неолитической культуры ранняго періода и послужилъ намъ основаніемъ къ тому, чтобы дать на указанныхъ таблицахъ значительное число предметовъ именно изъ указанной станціи. Къ этому я долженъ прибавить, что раскопки этой обширной стоянки еще продолжаются и даютъ постоянно новые предметы. Водить ихъ все тотъ-же инженеръ Траверсо, который открылъ эту интересную станцію и дважды далъ ей описаніе: *Stazione neolitica di Alba. Alba 1893—1901*. Обширная коллекція предметовъ этой стоянки находится теперь въ До-историческомъ Музеѣ въ Римѣ.

Такая-же стоянка Стентинелло

Открытой стоянкѣ близъ Альбы соответствуетъ на о. Сициліи открытая стоянка Стентинелло неподалеку отъ Сиракузъ, открытая Орси ¹⁰⁵), который ею и началъ рядъ описаній своихъ необычайно счастливыхъ раскопокъ въ восточной Сициліи. Только здѣсь культурные остатки были найдены не въ томъ или другомъ геологическомъ пластѣ, а въ жирномъ черноземѣ двухъ рвовъ, служившихъ мѣстомъ для отбросовъ, гдѣ мы видимъ кости и вообще остатки съѣденныхъ животныхъ, среди которыхъ находилось много раковинъ моллюсковъ, но также и остатковъ рыбы. Млекопитающія животныя тутъ всѣ принадлежать къ числу домашнихъ: козель, баранъ, быкъ двухъ породъ (короткорогій, *Bos brachiceros* Rüt., и *Bos primigenius*), собака двухъ видовъ (большой и малой породы). Отсутствіе употребленія въ пищу обитателемъ этой стоянки дикихъ животныхъ подтверждается и тѣмъ, что не найдено никакихъ орудій охоты на нихъ. Кремневые ножи и даже найденный тутъ базальтовый топоръ, которымъ онъ могъ только защищаться, не годился для охоты. Эта недостаточность каменныхъ орудій тѣмъ поразительнѣе, что тутъ человѣкъ не имѣлъ для своей за-

щиты не только искусственныхъ, но и природныхъ пещеръ. А между тѣмъ, это былъ обитатель Сициліи, не чуждый артистическихъ способностей, какія онъ обнаружилъ въ своей керамикѣ, которая приготовлялась не только изъ (сравнительно) хорошей пасты, но и умѣло обжигалась, хотя и безъ гончарнаго станка, котораго, далѣе, обладала и разнообразіемъ формъ и разнообразіемъ орнамента, состоявшаго не только изъ прямыхъ или ломаныхъ линій, но и изъ разнообразной ихъ комбинаціи; онъ даже проявилъ попытки къ изображенію фигуръ животныхъ, а можетъ-быть, и человѣка. Подобныя попытки мы встрѣчали уже въ Лигурійскихъ пещерахъ (Aene Candide) и, кромѣ того, знаемъ, что такія фигурки были найдены Шлиманомъ въ первомъ городѣ Гиссарлика и затѣмъ встрѣтились въ гротѣ Карвайльгаль въ Испаніи. Съ другой стороны, керамика этой стоянки, отличаясь отъ формъ и орнаментовъ керамическихъ издѣлій столь многочисленныхъ искусственныхъ гротовъ Сициліи, въ то-же время отличаетъ аналогію съ формами и орнаментами дольменовъ Португаліи, равно какъ дольменовъ и погребальныхъ гротовъ Южной Франціи. Это даетъ основаніе Орси, опирающемуся на Пигорини ¹⁰⁶), видѣть между неолитическимъ населеніемъ Сициліи и населеніемъ Пиринейскаго полуострова и Южной Франціи связь этническую. Быть можетъ, основаній такого рода для вывода этнической связи еще недостаточно, но мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ выводъ двухъ выдающихся итальянскихъ палеоэтнологовъ, что сами приходимъ къ нему и помимо керамическихъ данныхъ.

ГЛАВА III.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ

3. Конецъ неолитической эпохи, — Періодъ энеолитическій.

Неолитическій вѣкъ въ Италіи и на островахъ ея не представлялъ собой одной культурной фазы, а имѣлъ постепенный ходъ развитія, какъ его имѣетъ и вся человѣческая жизнь на землѣ. Начало этого вѣка теряется въ той переходной эпохѣ, которая стоитъ между нимъ и палеолитическимъ вѣкомъ и существованіе которой, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи, какъ, напримѣръ, въ Лигурійскихъ пещерахъ (Balzi Rossi), въ Передовыхъ Веронскихъ Альпахъ и въ долинѣ Вибраты, въ одной изъ интереснѣйшихъ при-адриатическихъ мѣстностей, можетъ считаться несомнѣннымъ. Затѣмъ мы видимъ его развитіе въ сохранившихся по всей материковой и отчасти островной Италіи хижинахъ-ямахъ (fondi di capanne), въ природныхъ и искусственныхъ пещерахъ или гротахъ и даже въ озерныхъ палафиттахъ Западной и Средней Ломбардіи, о которыхъ мы будемъ говорить въ свое время.

Разсматривая эти мѣста, сохранившія намъ многочисленные слѣды неолитической культуры, мы видимъ, что культура эта имѣетъ фазы—*раннюю*, которую мы только-что по преимуществу разсматривали, и *позднюю*, съ которою связана эпоха перехода къ бронзовому періоду. Главными характеристическими признаками ранней эпохи служитъ то, что въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ орудій, каковы ясно опредѣленные, и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразныхъ формъ, наконецники стрѣлъ, большіе кремневые кинжалы, просверленные топоры и молоты, нѣтъ рѣдкихъ минераловъ,—предметовъ, находимыхъ уже въ верхнихъ неолитическихъ слояхъ жилищъ и погребеній, или появляющихся тамъ, гдѣ неолитическая эпоха является уже прямо въ своей новой фазѣ, каковы, напримѣръ, озерныя палафитты, и такія «основанія хижинъ» и могилы, которыя содержатъ въ себѣ уже предметы изъ *мѣди*. Присутствіе въ археологическихъ слояхъ этой послѣдней обо-

Двѣ фазы
неолитическаго вѣка

значаетъ уже конецъ неолитической эпохи и переходъ къ бронзовой. Понятно, что мѣста, гдѣ находятся единственно слѣды ранней фазы неолитическаго вѣка, гораздо меньше, чѣмъ мѣста съ археологическими слоями поздней фазы этого періода, такъ какъ, согласно съ вѣрнымъ замѣчаніемъ палеоэтнологовъ ¹⁰⁷), необходимо допустить, что мѣста, наиболѣе пригодныя для обитанія человѣка, по своему положенію, по близости воды, по условіямъ защиты и пропитанія и т. п., не переставали быть обитаемы въ теченіе послѣдующихъ періодовъ.

Къ мѣстамъ, представляющимъ собой исключительно раннюю неолитическую фазу, относятся, какъ это съ подобающимъ авторитетомъ указываетъ Колинни ¹⁰⁸), четыре группы неолитическихъ жилищъ-ямъ въ провинціи Реджо, въ Эмилиі: Альбинеа, Ривальтелла, Нижнее Кастельново и Калерно, хижины въ провинціяхъ Пьяченцы, Брешии, Мантуи, Модены, къ которымъ присоединяется станція Бузадель-Адамо въ области Тренто. Затѣмъ такія мѣста неолитической культуры, которыя слѣдуетъ отнести къ древнѣйшей ея фазѣ, находятся въ хижинахъ долины Вибраты (въ провинціи Терамо), въ стоянкахъ, прилегающихъ къ Лезинскому озеру (въ Капитанатѣ), въ стоянкѣ на рѣкѣ Кераско (въ провинціи Кунео) и въ тѣхъ многочисленныхъ природныхъ пещерахъ, въ которыхъ не было найдено наконечниковъ стрѣлъ. Къ этимъ пещерамъ, куда прежде всего относятся наиболѣе древнія по археологическому содержанію Лигурійскія пещеры, каковы Balzi Rossi, затѣмъ пещера Дьявола на мысѣ Левка, которая дала массу каменныхъ, костяныхъ и глиняныхъ предметовъ, пещеры Соломона и св. Ангела въ долинѣ Вибраты, нѣкоторыя изъ пещеръ Ближняго и Дальняго Аbruццъ, пещера Чиккетти близъ Матеры (въ Базиликатѣ), пещера Капрайо въ горахъ Нарни (провинціи Терни) и нѣкоторыя другія, менѣе изслѣдованныя.

Новая фаза неолитическаго вѣка является въ верхнихъ слояхъ многихъ природныхъ пещеръ, въ искусственныхъ погребальныхъ гротахъ, въ хижинахъ, построенныхъ на поверхности земли, въ могилахъ на открытомъ мѣстѣ, наконецъ, въ палафитгахъ нѣкоторыхъ озеръ Верхней Италіи. Она всего болѣе характеризуется наконечниками стрѣлъ извѣстной трехугольной формы, съ прямымъ или вогнутымъ основаніемъ, съ ножкой и безъ ножки, съ крылышками и безъ крылышекъ, и чѣмъ дальше къ концу неолитическаго вѣка, тѣмъ этого каменнаго оружія больше, и тѣмъ его отдѣлка чище и форма красивѣе. Надобно впрочемъ замѣтить, что наконечниковъ стрѣлъ гораздо меньше на островахъ (въ Сициліи совсѣмъ мало), чѣмъ на материкѣ Италіи, и притомъ на этомъ послѣднемъ обиліе ихъ въ раз-

Мѣста ранней неолитической фазы

Мѣста поздней неолитической фазы

ныхъ мѣстахъ не одинаково. Такъ, въ Лигурійскихъ пещерахъ, въ которыхъ археологическій слой доходитъ до историческихъ временъ, они очень рѣдки, какъ и въ Пиемонтѣ, но зато большое изобиліе ихъ въ стоянкахъ подъ восточными Альпами, въ долинѣ По, въ палафиттахъ каменнаго и бронзоваго періодовъ, въ могильникахъ на открытомъ пространствѣ, каковъ могильникъ Ремеделло въ провинціи Брешии; далѣе, особенно много ихъ въ Средней Италіи — въ Тосканѣ, Умбріи, Лациумѣ и въ Южной — въ Кампаніи и Базиликатѣ. Главной ихъ порой былъ энеолитическій періодъ каменнаго вѣка, бывшій заключеніемъ послѣдняго.

На этомъ энеолитическомъ періодѣ намъ нужно нѣсколько остановиться.

Въ обзорѣ слѣдовъ неолитическаго вѣка въ Италіи мы видѣли его заключительную фазу, энеолитическій періодъ, т.-е. присутствіе мѣди въ чисто неолитической культурной обстановкѣ въ Лациумѣ (Сгургола, Канталупо-Мандела), въ Тосканѣ (Кампаньяно, Монте Брадони) въ Умбріи (Поджо Аквилоне) и могли видѣть во многихъ другихъ мѣстахъ, но не имѣли пока въ томъ надобности. Для насъ было важно указать слѣды неолитической культуры въ Лациумѣ, который служить исходной точкой нашего изслѣдованія, и показать связь его въ культурномъ отношеніи этой эпохи съ ближайшими къ нему мѣстностями, каковы южная Тоскана и Умбрія. Но, собственно говоря, эта заключительная фаза каменнаго вѣка, какъ слѣдуетъ думать, было распространена по всей Италіи; по крайней мѣрѣ, мы находимъ многочисленныя слѣды ея и на сѣверѣ, и въ центрѣ, и на югѣ, именно начиная отъ подъ-альпійскихъ озеръ до Сициліи включительно. Самыми богатыми и въ то-же время наиболѣе характеристическими представителями энеолитическаго періода являются намъ два пункта: одинъ на сѣверѣ Италіи, другой на югѣ. Первый есть могильникъ Ремеделло-Сотто въ провинціи Брешии; другой выступаетъ передъ нами въ искусственныхъ гротахъ Сиракузской провинціи въ лицѣ такъ-называемаго *перваго* Сиккульскаго періода, по терминологіи Орси, почти всѣми принятой по отношенію къ до-исторической эпохѣ этого богатѣйшаго археологическими остатками острова.

Могильникъ Ремеделло-Сотто впервые былъ изслѣдованъ однимъ изъ основателей итальянской палео-этнологіи, Каэтано Кьеричи, сообщившимъ о результатахъ этого изслѣдованія въ 1884 году въ основанномъ имъ 1875 году, вмѣстѣ съ Пигорини и Стробелемъ, *Bullettino di Paletnologia Italiana* ¹⁰³). Такъ какъ важность такого некрополя была очевидна, то его раскопки, при участіи того-же Кьеричи, продолжались и въ 1885 году, а по смерти Кьеричи—въ 1886

Энеолитическій періодъ и важнѣйшіе его мѣста.

Могильникъ Ремеделло-Сотто

году, съ большимъ успѣхомъ, участникомъ въ предыдущихъ раскопкахъ дономъ Луиджи Рудзененти, опубликовавшемъ добытые имъ результаты въ мѣстномъ (брешіанскомъ) періодическомъ изданіи ¹¹⁰). Раскопками этими было установлено, что тутъ находится обширный некрополь, содержащій въ себѣ многія сотни могилъ и притомъ разныхъ періодовъ. Важнѣйшій могильникъ въ этомъ некрополѣ принадлежитъ неолитическому періоду, который тутъ занимаетъ совершенно опредѣленную площадь, не смѣшиваясь съ другими эпохами. Эти другія эпохи, оставившія тутъ свои могилы, принадлежатъ періодамъ: этрусскому, именно періоду при-болоньскихъ могильниковъ—Марцаботто и Чертозы,—галльскому и галло-римскому. Кромѣ могилъ были найдены и слѣды обиталищъ всѣхъ обозначенныхъ здѣсь періодовъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь населеніе, жившее съ конца неолитическаго вѣка до римскихъ временъ включительно, съ пустымъ промежуткомъ лишь для бронзоваго вѣка и для начала желѣзнаго.

Насъ занимаетъ въ данномъ случаѣ лишь энеолитическій періодъ, который по отношенію къ этому могильнику тщательно разрабатанъ, какъ мы не разъ упоминали, инспекторомъ До-историческаго Музея въ Римѣ проф. Анджело Колини ¹¹¹), представляющимъ собой въ послѣдніе годы одного изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ Пигорини по изданію его вышеупомянутаго журнала по итальянской палео-этнологіи. Главное достоинство этого замѣчательнаго труда заключается въ томъ, что, располагая огромнымъ палео-этнологическимъ матеріаломъ, какой представляетъ въ настоящее время римскій До-историческій Музей, и время отъ времени совершая поѣздки, для изученія музейевъ, въ разные мѣста Италіи, Колини, обладающій при этомъ въ своей области еще большой эрудиціей, дѣлаетъ обширныя сравненія матеріала, доставляемаго могильникомъ Ремеделло, съ неолитическимъ и энеолитическимъ матеріаломъ Италіи и сосѣднихъ съ нею странъ: Испаніи съ Португаліей, Франціи, Швейцаріи, южной Германіи и Австріи. Словомъ, это одна изъ лучшихъ работъ, какія были сдѣланы въ послѣднее десятилѣтіе въ области палео-этнологіи въ Италіи.

Руководясь этой работой, исчерпывающей собранныя раньше данныя, мы можемъ сообщить объ энеолитической части некрополя Ремеделло-Сотто слѣдующее:

Энеолитическій могильникъ, какъ показываетъ у Колини планъ дѣлаго некрополя на таблицѣ I, былъ самымъ южнымъ на той площади, на которой расположенъ цѣлый некрополь. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ — южнаго и сѣвернаго, изъ которыхъ каждый имѣлъ

форму параллелограмма. Южный отдѣлъ простирается отъ востока къ западу на 90 метровъ, а отъ юга на сѣверъ на 60. Могилы, выкопанныя въ землѣ, какъ выкапываются и наши могилы, были расположены правильными и параллельными рядами, отстоявшими одинъ отъ другого на 2 метра въ направленіи отъ востока къ западу, а одна могила отъ другой въ каждомъ ряду отстояла на 6 метровъ. Но находившіяся во главѣ ряда могилы образовывали собою группы въ двѣ или три могилы, заключая въ себѣ скелеты взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ. Наиболѣе важныя могилы, съ болѣе виднымъ могильнымъ убранствомъ, находились въ серединѣ и принадлежали только взрослымъ лицамъ, и чѣмъ ближе къ бокамъ, тѣмъ могилы были бѣднѣе и принадлежали нерѣдко лицамъ несовершеннолѣтнимъ и младенцамъ. Есть признаки, что по срединѣ могильника шла дорожка отъ сѣвера къ югу. Въ сѣверномъ отдѣлѣ могильника могилы были расположены группами, заключая въ каждой группѣ разныя градаціи по возрасту, по убранству, а иногда и соединяя въ группѣ оба пола. Но кромѣ этихъ, правильно расположенныхъ, отдѣленій могильника, находились и разбѣяныя тамъ и сямъ могилы того-же энеолитическаго періода, съ очень скуднымъ убранствомъ или и вовсе безъ такового. Одинъ изъ участниковъ раскопокъ, Бандьери, дѣлаетъ не лишнее основательности предположеніе, что въ южномъ отдѣлѣ могильника погребались лица, болѣе важныя въ общинѣ, съ ихъ семьями; сѣверный былъ предоставленъ массѣ населенія, при чемъ мѣста были распределены по семьямъ, а въ разбѣянныхъ могилахъ, внѣ могильника, погребались лица низшаго общественнаго положенія. Всѣхъ могилъ разрыто 117, а общее число ихъ должно быть не менѣе 300, такъ какъ въ самомъ могильникѣ разрыто лишь около половины могилъ, а внѣ его даже и менѣе десятой части ихъ. Глубина могилъ вообще не велика, отъ м. 0,60 до м. 1,10. Никакихъ видимыхъ знаковъ для обозначенія могилъ не было, или они не сохранились.

Мы входимъ во всѣ эти подробности потому, что здѣсь передъ нами въ первый разъ въ неолитическомъ вѣкѣ открывается, и притомъ уже достаточно изслѣдованный, могильникъ новаго типа, не пещерный, а открытый, и представляющій особенности, какихъ мы въ болѣе раннія стадіи этого вѣка не видѣли. Могилы здѣсь имѣютъ ийцевидную форму съ вогнутымъ дномъ и съ углубленіемъ въ боку для скорченныхъ ногъ. Трупы или, лучше, скелеты клались прямо въ землю безъ гробовъ. Каждая могила почти безъ исключенія содержала въ себѣ *одного* покойника. Положеніе его здѣсь уже не было, какъ въ болѣе раннее время, исключительно на лѣвомъ боку: нѣкоторые изъ скелетовъ, хотя рѣдкіе, лежали на правомъ боку, другіе,

чаще, на спинѣ. Эти послѣдніе обыкновенно держали руки и ноги въ протянутомъ положеніи, особенно женщины. Нашелся одинъ скелеть, который, лежа на спинѣ, подогнулъ ноги. Обыкновенно же скорченное положеніе принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которые лежатъ на лѣвомъ боку,—черта, общая всему неолитическому періоду. Въ нѣсколькихъ случаяхъ скелеть оказался неполнымъ, что даетъ поводъ Колини видѣть фактъ,—повторяющійся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ,—погребенія трупа, уже раньше погребеннаго въ другомъ мѣстѣ и сюда принесеннаго для окончательнаго погребенія уже въ видѣ костяка послѣ произведенной декарнизации трупа ¹¹²). Въ направленіи, въ какомъ лежали скелеты, соблюдалась извѣстная ориентировка: лежавшіе въ скорченномъ положеніи на лѣвомъ боку скелеты были обращены почти всегда головой къ сѣверо-западу или къ с.-с.-западу, лицо ихъ было обращено къ сѣверу или къ востоку; скелеты, лежавшіе распростертыми, были постоянно обращены головой къ югу и ногами къ сѣверу или къ сѣверо-востоку; лежавшіе на правомъ боку были обращены головой къ сѣверо-востоку и смотрѣли на юго-востокъ. Могильное убранство состояло всего чаще изъ кремневыхъ кинжаловъ и наконечниковъ стрѣлъ, не такъ часто изъ полированныхъ топоровъ. Вмѣсто каменныхъ кинжаловъ и топоровъ лежали иногда мѣдные. Глиняная посуда почти исключительно сопровождала костяки женщинъ. Оружіе въ могилахъ мужчинъ лежало въ извѣстномъ порядкѣ: кремневые кинжалы обыкновенно лежали впереди покойника, на высотѣ пояса, но такъ, что близъ ихъ основаній находилась кисть правой руки, а металлическіе — на груди остриемъ къ верху. Въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены остатки животной пищи, а въ землѣ, которою зарывались могилы, были иногда находимы остатки угля, что, повидимому, свидѣтельствуетъ о пиршествахъ надъ могилами.

Такой большой могильникъ, каковъ Ремеделло, и притомъ съ такими опредѣленными чертами пзвѣстной эпохи, естественно можетъ служить типомъ могильниковъ этой эпохи въ другихъ мѣстахъ страны. И дѣйствительно, онъ представляетъ удобную почву для сравненій со всѣми тѣми мѣстами, гдѣ проявилась культура конца неолитическаго періода, культура энеолитическая. На эту общность многихъ могилъ и могильниковъ другихъ мѣсть съ энеолитическимъ могильникомъ Ремеделло во всемъ томъ, что касается погребальнаго обряда и могильнаго убранства, указывалъ еще Кьеричи ¹¹³), пользуясь, главнымъ образомъ, пзвѣстными уже тогда могилами въ Сгурголь и Канталупо-Манделѣ, въ Лациумѣ, и могильникомъ въ Кумароль, въ Моденской провинціи. Но съ тѣхъ поръ свѣдѣнія о могиль-

Важность
этого могиль-
ника.

никахъ этого рода сильно расширились, и поле для сравненія широко раздвинулось. Въ разныхъ мѣстахъ Эмиліи, въ Тосканѣ, въ Маркахъ, въ Абрुццахъ, даже на островахъ—Сардиніи, Пьянозѣ и Сициліи, набралась масса матеріала, ставящаго могильникъ Ремеделло въ тѣсную связь съ близкими и отдаленными мѣстностями. Повсюду видна въ нихъ та же форма погребенія и скорченное положеніе на лѣвомъ боку съ господствующимъ обращеніемъ лица къ востоку или къ сѣверо-востоку, тѣ же треугольные кинжалы, тѣ же треугольные съ крылышками и съ ножкой кремневые наконечники стрѣлъ, тѣ же плоскіе топоры уже не только каменные, но, главнымъ образомъ, мѣдные, къ которымъ присоединяются еще, хотя не въ большомъ количествѣ, молотки съ отверстіемъ. Тутъ видно, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, съ одной стороны, наслѣдство чистого неолитическаго періода, какъ въ погребальномъ обрядѣ, такъ и въ части содержанія могильнаго убранства, съ другой—новыя вліянія, общія концу неолитическаго періода, краткая характеристика котораго дана нами выше. Колпни съ большою тщательностью и подробностью провелъ сравненіе Ремеделльскаго могильника со всѣми болѣе или менѣе изслѣдованными мѣстами, соответствующими ему на материкѣ Италіи и на островахъ ея, принадлежатъ-ли они къ искусственнымъ и природнымъ гротамъ, или къ могильникамъ на открытомъ пространствѣ, и для наглядности сравненія далъ болѣе тридцати таблицъ съ изображеніями каменныхъ и мѣдныхъ орудій и керамики изъ могилъ Ломбардіи, Тосканы, Эмиліи, Марокъ, Абрुццовъ, Кампаніи, Лаціума, Венеціанской области и острова Сардиніи. Но онъ только отчасти коснулся Сициліи, гдѣ энеолитическій вѣкъ получилъ особое развитіе.

Энеолитическія могилы на о. Сардиніи.

Энеолитическій періодъ Сициліи разсмотрѣнъ нами, на основаніи раскопокъ Орси, въ трудѣ «О происхожденіи Сиколовъ»¹¹⁴), и потому мы здѣсь коснемся его настолько, насколько того требуетъ сопоставленіе его съ тѣмъ, чѣмъ этотъ періодъ выразился на материкѣ Италіи. Представителемъ его на островѣ служатъ, главнымъ образомъ, могилы близъ Мелилли и въ Кастеллуччо, въ провинціи Спранкузы. Могилы эти, очень многочисленныя, устроены въ скалахъ, имѣютъ круглое или эллиптическое очертаніе, состоятъ изъ камеръ, къ которымъ чаще всего предшествуетъ небольшое преддверіе съ отверстіемъ наружу, имѣющимъ видъ печного отверстія или окна, и потому называются у итальянскихъ археологовъ *tombe a forno*, иногда *tombe a fenestra*. Могильная камера, въ древнѣйшихъ могилахъ малопомѣстительная (м. 1,50 въ діаметрѣ средней величины), съ очень низкими сводами (самая большая высота въ Мелилли 90 сант.),—такъ что для входа въ нее надобно было ползти,—отдѣляясь отъ преддверія въ формѣ

корридора (εὐρύος у Грековъ), иногда же вырытаго въ формѣ колодца, имѣла отверстіе, которое закрывалось замѣнявшимъ дверь камнемъ или плитой. Въ каждой камерѣ лежало по нѣскольку скелетовъ (иногда больше двухъ или даже до трехъ десятковъ), принадлежавшихъ, конечно, отдѣльнымъ семействамъ. Уже самая скученность скелетовъ на тѣсномъ пространствѣ показываетъ, что клались сюда не цѣльные трупы, а лишеныя мягкихъ частей скелеты, обыкновенное положеніе которыхъ было также не распростертое, но они лежали больше всего на спинѣ съ поджатыми ногами. Положеніе въ могилы не труповъ, а скелетовъ не есть исключительная принадлежность Сициліи, а свойственно многимъ странамъ въ неолитическую эпоху, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы, а равно и сѣверной Африкѣ (Тунису), какъ и самому материку Италиі ¹¹⁵). Что же касается до скорченного положенія на (лѣвомъ) боку, то оно, гораздо болѣе обычное на материкѣ Италиі, чѣмъ въ Сициліи, было распространено въ эту эпоху едва-ли не по всему европейскому материку, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыхъ курганахъ южной Россіи, равно какъ въ Азіи и Африкѣ ¹¹⁶), и, потому, наравнѣ съ горизонтальнымъ положеніемъ съ поджатыми ногами и декарнизацией труповъ, не представляетъ сикульской особенности, а распространенность обычая между разными народами, разбланными на огромномъ пространствѣ, исключая тѣмъ самымъ потребность связывать его съ особенностями какой-либо опредѣленной расы, какъ и обычай декарнизации труповъ, также очень распространенный въ древнемъ мірѣ. Не есть также сицилійская особенность известное устройство въ стѣнахъ горъ погребальныхъ пещеръ или гротовъ, которое было въ употребленіи не только на материкѣ Италиі, но и на островахъ ея, именно на Сардиніи и Пьянозѣ, о чемъ у насъ была рѣчь раньше, и которое съ древнѣйшихъ временъ употреблялось на Востокѣ (въ Египтѣ, на о. Критѣ, въ Финикіи и проч.) и перешло на Западъ черезъ Пиринейскій полуостровъ во Францію, въ Ирландію, Шотландію, Голландію, Германію, Данію и Швецію ¹¹⁷).

Отличіе сицилійскихъ энеолитическихъ могилъ отъ могилъ континентальной Италиі и западныхъ острововъ ея и, въ частности, отъ могильника Ремеделло, представителя энеолитической культуры Италиі, заключается прежде всего въ могильной утвари, а въ ней больше всего обращаетъ на себя вниманіе керамика. Тутъ—другія формы, указывающія на связь съ Востокомъ, и другая система орнаментаціи, свойственная только Сициліи. Такъ, уже въ могильникѣ Бернардини (Мелли), древнѣйшемъ изъ энеолитическихъ, мы встрѣчаемъ и кубки съ двумя высокими ручками, соответствующими ручкамъ *δέπας ἀμφιχόταλλον* Гомера ¹¹⁸), шарообразный сосудъ, напоминающій греческую

Особия формы керамики Сицилійскихъ могильниковъ и ея раскраска.

пиксиду, и грушевидную вазочку,—все сосуды, ведущіе насъ за аналогіями въ Микены и Трою. Въ отбросахъ близъ могильника Каstellуччо найдено цѣлое семейство чашъ съ трубчатой ножкой, которыя въ развитомъ видѣ напоминаютъ микенскія ¹¹⁹). Другую особенность сицилійской посуды энеолитическаго періода составляетъ ея раскраска. Обыкновенно по фону красноватаго цвѣта идутъ полосы темнаго разныхъ степеней (черный, каштановый, кофейный), иногда бѣло-желтаго, розоваго и даже ярко-краснаго цвѣта, какъ это особенно замѣчается на сосудахъ, найденныхъ въ отбросахъ близъ могильника Каstellуччо, которые дали массу обломковъ посуды той-же эпохи. Украшенія состоятъ изъ лентъ, фестоновъ, иногда завитковъ. Въ отбросахъ Каstellуччо раскрашенные сосуды были иногда одного цвѣта, которыми довольствовались для большихъ сосудовъ, каковы кадки для воды. Это стремленіе раскрашивать сосуды при дурной, въ общемъ, глиняной пастѣ ихъ и плохомъ обжигѣ невольно поражаетъ насъ. Оно указываетъ на развитіе вкуса, не соответствующее общему уровню культуры, какой свидѣтельствуется, между прочимъ, и отсталостью обитателей погребальныхъ энеолитическихъ гротовъ Сициліи въ видѣлѣ каменныхъ орудій сравнительно съ каменными орудіями, представляемыми италійскимъ материкомъ въ тотъ-же культурный періодъ. Впрочемъ, мы еще не кончили съ данными, касающимися сицилійской керамики разсматриваемаго времени. Данныя эти увеличились съ открытіемъ въ горѣ Табуто рудоконной мины для добыванія кремня, съ оставленными тамъ сосудами, служившими для питья и пищи рабочихъ, и новыхъ мѣстъ погребенія въ горѣ Монтерачелло. Обѣ эти горы находятся близъ Комизо, также въ Сиракузской провинціи. Формы сосудовъ тѣ-же, какія намъ даютъ могильники Мелилли и Каstellуччо въ отбросахъ послѣдняго. Но въ раскраскѣ есть новый элементъ: бѣлое по черному, какъ это именно замѣчено въ превосходно сохранившихся краскахъ на сосудахъ горы Табуто. Самый мотивъ рисунковъ, основу котораго Орсп (ему слѣдуетъ и Колинни) видитъ въ подражаніи плетенію корзинъ (*la tecnica del intreccio*),—что, какъ кажется, напрасно оспариваетъ Петерсенъ ¹²⁰),—въ сосудахъ этой горы сказывается еще яснѣе. Въ могильныхъ сосудахъ Монтерачелло тѣ-же формы и та-же орнаментировка, что и въ Каstellуччо и въ Мелилли, лишь съ прибавкой экземпляровъ, которые служатъ какъ бы переходомъ къ слѣдующему (бронзовому) періоду и какихъ мы раньше не встрѣчали. Таковы большія двуконическія вазы безъ окраски, которой не знаетъ керамика бронзоваго сикульскаго періода; такова чашка свинцоваго цвѣта съ свѣтлой глазурью на ея поверхности; бронзовый клинокъ кнжикала, и др. Но наиболѣе характерическая черта могилъ Монтера-

челло та, что мы здѣсь имѣемъ обиліе *мѣдныхъ* предметовъ, каковы ножи, кинжалы, топоры плоской формы. Въ Мелилли и Каstellуччо, гдѣ, правда, большая часть могилъ ограблена, мы находимъ присутствіе кое-какихъ бронзовыхъ предметовъ, явно привозныхъ, какова, напримѣръ, бронзовая спираль въ Мелилли, коромысло отъ вѣсовъ хорошей работы въ Каstellуччо, гдѣ также найдены четыре тонкихъ пластинки искуснойковки, два ножа въ формѣ оливкового листа, одинъ съ гвоздемъ въ основаніи для прицѣпленія ручки, другой съ бронзовой же ручкой, еще два клинка трехугольной формы.

Какъ попали эти бронзовые и мѣдные предметы къ населенію, Вліяніе восточной торговли на Сицилію. сущность культуры котораго вся неолитическая, объ этомъ мы будемъ говорить ниже; но здѣсь, въ заключеніе, мы должны прибавить, что на очень раннюю связь Сициліи съ Востокомъ указываютъ еще найденныя въ одной изъ могилъ Каstellуччо двѣ кости съ прекрасными рисунками изъ кружковъ, заключающихъ въ себѣ иногда разные узоры изъ звѣздочекъ, завитковъ и др., съ рѣшетчатой насѣчкой по сторонамъ, тѣ кости, подобную которымъ мы уже видѣли раньше въ гротѣ Ладзаро близъ Модики, и которая встрѣтилась также въ одномъ изъ древнѣйшихъ слоевъ Гиссарлика, именно во 2-мъ городѣ Трои. Двѣ одинаковыхъ костяныхъ пластинки были еще раньше найдены въ той же мѣстности и хранились въ Сиракузскомъ музеѣ. Пятая была вырыта Орси среди отбросовъ Каstellуччо, гдѣ находились въ большомъ количествѣ изношенные базальтовые топоры, обломки кремневыхъ ножей, нѣсколько скребковъ, двѣ стрѣлы въ формѣ равносторонняго трехугольника, базальтовый жерновой камень и масса осколковъ глиняной посуды, большей частью раскрашенной, какъ и въ могильникѣ. Что эти костяныя пластинки со столь изящной отдѣлкой служили предметомъ украшенія, это несомнѣнно, но и послѣ разъясненія Петерсена употребленіе этого украшенія остается неизвѣстнымъ. Одна изъ двухъ пластинокъ, найденныхъ Орси, лежала на днѣ могилы подъ черепомъ. Но изъ этого указанія нельзя сдѣлать никакого вывода. То, однако, что эта костяная привозная пластинка была найдена не только въ могилахъ, но и среди отбросовъ, показываетъ, какъ замѣчалъ и Орси, что она служила не для украшенія только могилъ, но и удовлетворяла какой-то потребности въ жизни.

Культура Сиколовъ того періода, которымъ мы теперь занимаемся, была въ основѣ своей неолитическая, и потому орудія и оружіе ихъ были каменные, состояли изъ кремня и базальта (обсидіанъ отсутствуетъ), рѣдко тонкой отдѣлки, а также изъ костей, изъ которыхъ, судя по отбросамъ близъ Каstellуччо, Сиколы дѣлали

Востока, но, съ другой стороны, ничто не мѣшает думать, что знакомство съ этой формой могилы было занесено въ Сицилію въ концѣ неолитической эпохи или въ энеолитическій періодъ точно такъ-же, какъ нѣкоторые предметы изъ мѣди и бронзы, какъ вышеупомянутыя костяныя пластинки, или, что еще важнѣе, появленіе въ одной изъ могилъ Кастеллуччо, на двухъ, закрывавшихъ могилу камняхъ, скульптурныхъ изображеній, явно своими спиралями воспроизводящихъ стелы микенскихъ гробницъ. Конечно, такая могила, гдѣ находились вмѣстѣ съ этими скульптурными плитами и обломки глиняныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ на гончарномъ кругу, должна принадлежать къ періоду, когда уже явно стало проникать въ Сицилію микенское вліяніе, которое произвело въ ней слѣдующій за энеолитическимъ, бронзовый, періодъ, но важность заключается въ томъ, что иностранныя вліянія, какъ видно и по ввозу мѣдныхъ предметовъ къ населенію, погребавшему покойниковъ въ Монтерачелло, начались гораздо раньше; слѣдовательно, рано могла быть занесена и могильная форма дольмена. То, что на материкѣ Италіи дольмены существуютъ лишь въ мѣстности, прилегающей къ Ионическому морю, только подтверждаетъ занесеніе этой могильной формы извнѣ, но далеко раньше греческой колонизаціи, такъ какъ въ самой Греціи дольменовъ не было. —

* * *

Теперь намъ предстоитъ рассмотреть вопросъ: какія обстоятель- Причины, произведшія переворотъ въ неолитической культурѣ. сдѣлали возможнымъ въ Италіи каменнаго вѣка переходъ къ культурѣ иного рода, гдѣ начинаютъ играть роль металлы, къ культурѣ энеолитической, а затѣмъ и къ бронзовой?

Крупныя перемѣны въ культурѣ страны всегда происходили и будутъ происходить подъ вліяніемъ двухъ причинъ: 1) вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, приходящихъ въ страну, главнымъ образомъ, путемъ торговыхъ сношеній; 2) вслѣдствіе иммиграціи въ нее народа съ другой культурой, которая водворяется въ ней или путемъ мирной колонизаціи, или путемъ завоеванія. Какая же изъ этихъ двухъ причинъ играла роль въ измѣненіи италійской культуры, какъ она сложилась вѣками или даже тысячелѣтіями, въ теченіе неолитическаго періода, въ круглыхъ, полувкопанныхъ въ землю, хижинахъ, а равно и въ природныхъ пещерахъ, куда жившій звѣроловствомъ и рыболовствомъ человекъ укрывался во время непогоды, и гдѣ часто хоронилъ своихъ покойниковъ? Или тутъ дѣйствовала не одна причина, а обѣ вмѣстѣ?

При рассмотрѣніи содержимаго въ природныхъ и искусственныхъ гротахъ Сициліи, какъ и могильника Ремеделло-Сотто, мы постоянно натыкались на предметы, которые выходили изъ ряда обыкновенныхъ,

Внѣшнія вліянія.

и замѣчали, что такіе предметы могли притти только со стороны. Таковы въ сицилійскихъ гротахъ нѣкоторые сосуды, обличающіе гораздо болѣе совершенную технику, чѣмъ какую обличаютъ сосуды мѣстнаго производства; таковы нѣкоторые бронзовые и костяныя издѣлія, обнаруживающія зрѣлое искусство въ обработкѣ и вкусъ цивилизованнаго народа. Видѣли мы также и совершенно новыя формы сосудовъ, которыя были своими лишь у населенія восточной части Средиземнаго моря, новые орнаменты, которыхъ раньше не было и которые при сравненіи съ орнаментами древнѣйшей посуды Кикладскихъ острововъ, острова Кипра и мало-азійскихъ береговъ, являются съ ними сходными или даже тождественными. Съ другой стороны, мы знаемъ, что мѣди на островѣ Сициліи нѣтъ, и что, слѣдовательно, мѣдные топоры, ножи, кинжалы должны были быть привезены оттуда, гдѣ не только есть мѣдь, но и гдѣ происходила ея выдѣлка. Если же не было въ Сициліи мѣди, то не могло быть и выдѣлки бронзовыхъ предметовъ, которые до тѣхъ поръ, пока мѣстное населеніе, съ увеличеніемъ потребности въ бронзовыхъ орудіяхъ, не выучилось само вырабатывать ихъ изъ привозимой мѣди, должны были получаться также изъ другихъ мѣстъ, гдѣ бронзовое производство процвѣтало. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что на островѣ Сицилію въ ту отдаленную эпоху, когда населеніе его еще жило каменной культурой, стали пріѣзжать продавцы мѣдныхъ издѣлій, потомъ бронзовыхъ, прпвозя съ собою также нѣкоторыя произведенія болѣе совершенной керамики и нѣкоторыя украшенія изъ кости. Была-ли въ этотъ отдаленный, каменный и энеолитическій періодъ какая-нибудь иммиграція, мы не знаемъ ничего положительнаго, но можемъ допустить, что нѣкоторые изъ заморскихъ обитателей, прибывая на островъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ оставались на немъ, что въ извѣстной степени подтверждается антропологическими данными, выведенными проф. Серджи ¹²⁷⁾ изъ череповъ, присланныхъ ему Орси изъ могильниковъ Кастеллуччо и Панталики. Въ томъ и другомъ могильникѣ оказывается нѣкоторая примѣсь череповъ другой расы, меньшая (два изъ двѣнадцати) въ первомъ могильникѣ (энеолитическомъ) и большая (пять изъ тринадцати) во второмъ (бронзоваго періода), череповъ, которые Серджи называетъ азиатскими кавказскаго типа (*sphenoïdes obliquus* и *rotundus*), прстивополагая этотъ типъ тому африканскому или евро-африканскому, который, по его теоріи, составилъ первоначальное населеніе всей южной Европы ¹²⁸⁾.

Древность
морскихъ сно-
шеній Востока
съ Сициліей

Но, собственно говоря, нѣтъ никакой нужды прибѣгать для объясненія иностранныхъ вліяній на Сицилію въ концѣ каменнаго ея періода, къ этой частичной иммиграціи, когда сама она была лишь

однимъ изъ явленій, сопровождавшихъ торговлю. Положеніе Сициліи въ средннѣ Средиземнаго моря, древнѣйшаго воднаго пути между-народнаго значенія, ставившее ее въ ближайшую связь съ Африкой, берега которой видны въ ясную погоду съ ближайшей къ Тунису оконечности, и дававшее ей значеніе узла сношеній между востокомъ, западомъ и югомъ Средиземноморскаго бассейна, было удобно для возникновенія мореходныхъ сношеній съ нею со стороны культурнаго Востока въ очень раннюю пору. Если нельзя оспаривать заявленія Монтелиуса ¹²⁹⁾ о томъ, что красота формъ каменныхъ орудій сѣвера Европы зависитъ отъ восточныхъ вліяній, шедшихъ изъ восточныхъ областей Средиземнаго моря на Сѣверъ двумя путями, западнымъ и южнымъ, еще въ каменную эпоху, то тѣмъ настоятельнѣе является необходимость обнаруженія этихъ вліяній въ Сициліи съ ея несравненно болѣе благопріятнымъ для нихъ географическимъ положеніемъ. И дѣйствительно, разныя основанія и, между прочимъ, не разъ упомянутыя нами костяныя пластинки съ кружками во всю ихъ длину, какія мы видѣли въ пещерахъ Виллафрати и Кастеллуччо и какія, съ другой стороны, были находимы во 2 мѣ городѣ Трои, указываютъ на морскія сношенія съ Сициліей еще въ до-микенскій періодъ. Ясно, что былъ тогда мореходный народъ, который привозилъ свои или чужія издѣлія одинаково какъ въ Трою (далеко до-гомеровскую), такъ и на островъ Сицилію. Народъ этотъ, культуру котораго, благодаря дѣятельнымъ и необычайно плодотворнымъ раскопкамъ, произведеннымъ особенно въ послѣднее десятилѣтіе англійскими и нѣмецкими учеными, явилась возможность прослѣдить за четыре тысячи лѣтъ до Р. Хр., былъ кипріоты. Въ одной изъ кипрскихъ могилъ въ Никосіи, вмѣстѣ съ предметами изъ мѣди открытъ вавилонскій цилиндръ-печатка Нарамъ-Сина, сына Саргона I (иначе Shargina), завоевателя Кипра, съ клинообразною надписью, теперь хорошо прочтенною. Такъ какъ Саргонъ I жилъ около 3800 г. до Р. Хр. ¹³⁰⁾, то, значитъ, употребленіе мѣдныхъ орудій на Кипрѣ слѣдуетъ допустить за четыре тысячелѣтія до христіанской эры, и это не должно смущать насъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ со-сѣднемъ съ нимъ Египтѣ большой спросъ на мѣдь былъ уже при первой династіи ¹³¹⁾, существованіе которой относится во всякомъ случаѣ къ пятому тысячелѣтію до Р. Хр. ¹³²⁾. Другія данныя, между прочимъ, одинаковые черные сосуды съ пунктированнымъ орнаментомъ, находимые вмѣстѣ съ мѣстными издѣліями въ кипрскихъ могилкахъ и въ мѣстахъ иностранныхъ поселеній въ Египтѣ, относящихся къ 12-й династіи, ведутъ насъ по крайней мѣрѣ къ половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. ¹³³⁾.

Раннія сно-
шенія Кипра
съ Сициліей

Еще не удостовѣрено окончательно, что Кипръ велъ уже тогда самостоятельную морскую торговлю съ Египтомъ, что, однако, при его положеніи между Египтомъ и берегами Передней Азии было очень естественно, тѣмъ болѣе, что вести торговлю, находясь между наибольшими культурными въ то время странами, каковы Вавилонъ и Египеть, было выгодно. Знаменитый изслѣдователь египетскихъ древностей, Флиндерсъ Петри¹³⁴⁾, открылъ въ Египтѣ существованіе, около 3000 лѣтъ до Р. Хр., ливійскаго народа, который состоялъ въ сношеніи съ Кипромъ, получалъ отсюда мѣдное и бронзовое оружіе и заимствовалъ у него разныя техническія особенности керамики. Но несомнѣнно прямыя сношенія Кипра съ Египтомъ Онефальшь-Рихтеръ¹³⁵⁾ находитъ съ началомъ 4-го періода кипрской культуры, который, по его расчету, простирался приблизительно отъ 2500 до 1600 г. до Р. Хр. Онъ называетъ этотъ періодъ кипро-кикладскимъ, такъ какъ въ то время, къ которому относятся многія клинообразныя надписи на цилиндрахъ, на Кикладскихъ островахъ открывается родственная съ Кипромъ культура, которая и произвела слѣдующій за нею періодъ микенской культуры. Къ этому періоду относятся раскрашенные сосуды, найденные Фуке на островѣ Санторинѣ (Ферѣ) подъ вулканическими изверженіями, какъ и полихромные сосуды, найденные Флиндерсомъ Петри въ Кагунѣ. Съ этой же эпохой совпадаетъ и полихромная керамика сицилійскаго энеолитическаго періода. Но сношенія Кипра какъ съ Сициліей, такъ и съ Троей, начались, конечно, раньше этого періода. Дѣло въ томъ, что на Кипрѣ и Гиссарликѣ замѣтно большое культурное сходство уже начиная съ 2-го города послѣдняго, который Шлиманъ принималъ за гомеровскую Трою, между тѣмъ какъ таковою, по болѣе точнымъ изслѣдованіямъ, могъ быть только большой сожженный городъ, составляющій шестое поселеніе на Гиссарликѣ, которое дѣйствительно соответствуетъ микенской культурѣ¹³⁶⁾. Между тѣмъ, костяныя пластинки, какія намъ встрѣтились въ Сициліи, найдены лишь во 2 мъ городѣ Троя, основаніе котораго Дёрпфельдъ, дѣлая самыя умѣренныя вычисленія, полагаетъ около 2500 г., и если этотъ городъ просуществовалъ 500 лѣтъ,—больше класть нельзя, такъ какъ на три города, 3, 4 и 5, предшествовавшіе микенскому періоду, надо положить не менѣе 500 лѣтъ,—то привозъ туда, а слѣдовательно, и въ Сицилію подобныхъ пластинокъ слѣдуетъ отнести не позже какъ къ концу 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. Такимъ образомъ, на этомъ основаніи мы могли бы положить начало сношеніямъ Кипра съ Сициліей (прямымъ или косвеннымъ—все равно) *по крайней мѣрѣ за 2000 лѣтъ до Р. Хр.* Тотъ нарѣзной геометрической орнаментъ, который мы видимъ въ керамикѣ Стентинелло и въ неолитическихъ гротахъ, орна-

ментъ, углубленія котораго заполнены бѣлой матеріей, орнаментъ, представляющійся удивительнымъ у населенія съ очень грубыми орудіями, прямо ведетъ на о. Кипръ, гдѣ мы находимъ и этотъ древнѣйшій нарѣзной геометрической стиль, и этотъ приемъ заполнения углубленій бѣлымъ веществомъ на сосудахъ краснаго или чернаго цвѣта. Эта система орнаментации сосудовъ, совпадающая по своему началу со 2-мъ городомъ Трои, держалась на Кипрѣ долго и оттуда распространялась по Европѣ въ теченіе ея неолитическаго періода и позже. Особенно много сосудовъ, напоминающихъ своими формами кипрскіе, съ геометрическими нарѣзными узорами (зигзагами, трехугольниками, четырехугольниками, зигзажными полосами), заполненными бѣлымъ веществомъ, встрѣчается въ свайныхъ постройкахъ австрійскихъ земель ¹³⁷). Равнымъ образомъ, подобные случаи и съ тѣмъ же орнаментомъ находятся въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи ¹³⁸), въ дольменахъ Франціи ¹³⁹) и даже въ Скандинавскихъ странахъ ¹⁴⁰). Эти же сосуды и съ такой-же орнаментацией встрѣчаются и во 2-мъ городѣ Гиссарлика ¹⁴¹), хотя и рѣдко, какъ встрѣчаются и на Кикладскихъ островахъ, культура которыхъ такъ родственна троянской раннихъ періодовъ, служа посредствующимъ звеномъ между этою послѣднею и микенскою ¹⁴²). Къ доказательствамъ ранняго вліянія Кипра на Сицилію слѣдуетъ отнести еще существованіе въ отбросахъ Стентинелло глиняныхъ фигурокъ, стремящихся изобразить животное или человѣка, подобныя которымъ мы видѣли раньше въ археологическомъ матеріалѣ пещеръ Agene Candide, гдѣ были найдены двѣ такихъ очень неопредѣленныхъ фигурки, но прототипъ которыхъ былъ найденъ еще въ 1-мъ городѣ Трои ¹⁴³) или, вѣрнѣе, въ кипрскихъ могилахъ 3-го періода (по терминологіи Онефальшъ-Рихтера), откуда онѣ распространились на Кикладскіе острова ¹⁴⁴), а также рано еще и въ Восточной Европѣ, именно черезъ Балканскій полуостровъ, въ нынѣшнихъ австрійскихъ земляхъ и, между прочимъ, находятся въ свайныхъ постройкахъ озеръ Люблянскаго (Лайбахскаго) и Мондзее ¹⁴⁵).

Такимъ образомъ, не прибѣгая ни къ какому новому населенію, Кипръ — центръ, какъ къ причинѣ измѣненія культуры Сиколовъ въ концѣ неолитическаго періода, мы находимъ Сицилію очень рано подверженною вліяніямъ высшей культуры, шедшимъ съ востока Средиземнаго моря, гдѣ господствующій тонъ, видимо, давалъ островъ Кипръ, культура котораго по своимъ раннимъ проявленіямъ уходитъ въ такую даль, что вся средиземноморская культура, начиная съ перваго поселенія на Гиссарликѣ, представляется сравнительно позднею. То, что такъ рано выдвинуло этотъ островъ на сцену исторіи, было богатство его мѣдныхъ копей, то богатство, которое и привлекло къ нему вниманіе

Кипръ — центръ распространенія мѣдной и бронзовой культуры.

Вавилона и завоеваніе его Саргономъ I и сыномъ его Нарамъ-Синномъ, оставившими на немъ свои слѣды въ клинообразныхъ надписяхъ ¹⁴⁶). Мы не можемъ утверждать, что исходнымъ пунктомъ мѣдной и бронзовой культуры въ Старомъ Свѣтѣ былъ именно островъ Кипръ, какъ это кажется нѣкоторымъ ученымъ, считающимъ весьма вѣроятнымъ, что на Кипрѣ появились мѣдныя орудія раньше, чѣмъ въ Халдеѣ и Египтѣ ¹⁴⁷), но во всякомъ случаѣ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря развитіе металлической культуры зависѣло отъ Кипра, самое имя котораго дало у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ названіе мѣди (лат. *cuprum*, нѣм. *Kupfer*). Оттуда и шелъ непосредственно или посредственно—въ данномъ случаѣ все равно—въ Сицилію токъ металлическихъ орудій, сначала мѣдныхъ, а потомъ бронзовыхъ, вмѣстѣ съ полихромными сосудами, распространившимися въ Египтѣ (найденъ Флиндерсомъ Петри въ Кагунѣ) еще при 12-й династіи, раньше конца 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., и найденными на островѣ Санторинѣ подъ вулканическими изверженіями (Фукэ), равно какъ и на островѣ Милосѣ (Дюмлеромъ), съ тѣми полихромными сосудами, которые вмѣстѣ съ металлическими (мѣдными и бронзовыми) орудіями и украшеніями и составили въ Сициліи энеолитическій періодъ.

Орсин ¹⁴⁸) относитъ этотъ періодъ Сицилійской культуры, совпадающій съ культурой второго города на Гиссарликѣ и родственной ему культурой Эгейскаго моря, и называемый имъ 1-мъ сиккульскимъ періодомъ, на первую половину 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Но, очевидно, начало этого періода нужно отодвинуть назадъ, болѣе согласуя его съ 4-мъ кипрскимъ періодомъ, который Онефальшъ-Рихтеръ ¹⁴⁹) основательно полагаетъ на время приблизительно отъ 2500 до 1600 до Р. Хр., принимая во вниманіе данныя вавилонскихъ цилиндровъ съ клинообразными надписями и данныя египетской хронологіи. Къ этому насъ прямо обязываетъ находка въ Кастеллуччо уже не разъ упомянутыхъ нами костяныхъ пластинокъ, вполне соответствующихъ найденнымъ во 2-мъ поселеніи Трои. Такъ какъ 2-й городъ Трои, по умѣренному расчету Дёрпфельда, приведенному нами раньше, относится ко второй половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., а костяныя пластинки Трои и Кастеллуччо видимо современны, то и энеолитическій періодъ Сициліи, находившійся подъ влияніемъ кипрско-трянско-кикладскаго періода средиземноморской культуры, долженъ въ общихъ чертахъ совпадать съ этимъ послѣднимъ. Поэтому и Монтелиусъ ¹⁵⁰), называющій неолитическій періодъ Сициліи древнѣйшимъ бронзовымъ ея періодомъ, прямо укладываетъ этотъ послѣдній во вторую половину 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., относя при этомъ собственно энеолитическій, по его мнѣнію, періодъ, кото-

рый, какъ онъ думаетъ, совпадаетъ съ культурой Стентинелло, гдѣ будто бы лишь по случайности не найдено металлическихъ предметовъ, къ болѣе раннему времени. Такъ, колоколообразные кубки, которые мы видѣли въ неолитическихъ гротахъ Сициліи, онъ относитъ къ половинѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., прибавляя: «если только они не древнѣе».

* * *

Обозрѣвая мѣста, сохранившія въ Италіи слѣды неолитической эпохи, мы видѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ Средней Италіи послѣдній ея фазисъ, который мы называемъ, вслѣдъ за итальянскими лео-этнологами, энеолитическимъ періодомъ, т. е. временемъ, когда въ каменную культуру стали вторгаться мѣдь и бронза въ видѣ рѣдкихъ орудій и украшеній. Такъ, мы видѣли мѣдные предметы въ могилахъ Стурголы и Канталупо-Манделы въ римской провинціи, въ гротѣ Монте Брадони близъ Волтерры, въ Поджо Аквилоне близъ Перуджии. Какъ попали туда эти предметы, объ этомъ спрашивать бесполезно. Очевидно, они могли попасть туда изъ одного изъ мѣстъ, куда эти предметы привозились, или гдѣ выдѣлывались, могли притти съ юга, могли притти съ сѣвера. Связи Сициліи съ энеолитическимъ періодомъ италійскаго материка мы не знаемъ. Намъ извѣстна до нѣкоторой степени лишь связь восточнаго берега Сициліи съ Южной Италіей уже слѣдующаго, бронзоваго, періода, именно въ открытыхъ Патрони ¹⁵¹) въ Базилликатѣ, близъ Матеры, могилахъ эллиптическихъ и четвероугольныхъ и также съ печеобразнымъ отверстіемъ, какое имѣютъ могилы и въ восточной Сициліи. Поэтому трудно думать, чтобы первые предметы изъ металла пришли въ Среднюю Италію (въ Лациумъ, Тоскану, Умбрию) съ юга, гдѣ они появились прежде всего въ Сициліи. Наибольшее развитіе энеолитическаго періода мы видимъ на сѣверѣ: въ Кумаролѣ (провинція Модена), въ Фонтанеллѣ (провинція Мантуя) и, насколько это извѣстно по сдѣланнымъ раскопкамъ, всего болѣе въ провинціи Брешиа, гдѣ въ 1899 г. открыты новыя могилы этой эпохи въ Santa Cristina, которымъ соответствуетъ, по мнѣнію Коллинн ¹⁵²), могила Ca'di Marco, найденная въ той же общинѣ (Fiesse), хотя тамъ и не нашлось мѣдныхъ предметовъ, и гдѣ расположенъ уже намъ ближе извѣстный большой некрополь Ремеделло-ди-Сотто.

Съ перваго взгляда понятно, что сѣверъ Италіи не могъ имѣть непосредственныхъ сношеній съ Кипромъ, какія могла имѣть Сицилія съ этимъ важнѣйшимъ источникомъ мѣди въ древнемъ мірѣ. Не могли подъ-альпійскія страны Италіи быть въ непосредственной связи и

съ тѣми островами Эгейскаго моря или съ тѣми приморскими пунктами материка Греціи, торговля которыхъ могла въ очень раннюю пору достигать, занимавшей такое центральное положеніе въ Средиземномъ морѣ, Сициліи. Слѣдовательно, возникновеніе мѣстнаго или энеолитическаго періода въ Ломбардіи естественно имѣеть не со-всѣмъ одинаковое начало съ сицилійскимъ. Какое же?

Мы не можемъ остановиться ни на минуту на предположеніи, высказанномъ въ 1884 году Кьеричи ¹⁵³⁾ въ статьѣ, въ другихъ отношеніяхъ очень важной и интересной, будто энеолитическую культуру принесли въ Италію Пелазги, прибывшіе, по Діонисію Галикарнасскому ¹⁵⁴⁾, въ Пизценъ изъ Элліа (!). Во-первыхъ мы о Пелазгахъ въ Италіи не знаемъ и не можемъ сказать ничего положительнаго, а вторыхъ, утвержденіе Кьеричи есть голое предположеніе, ничѣмъ сколько-нибудь осязательнымъ не подтверждаемое. Мы должны искать проникновенія въ Верхнюю Италію металловъ и прежде всего мѣдныхъ орудій такимъ путемъ, который бы заключалъ въ себѣ естественное объясненіе этого явленія. Хотя въ Италіи и есть залежи мѣди, напримѣръ въ Тосканѣ ¹⁵⁵⁾, въ Лигуріи ^{155a)}, а изъ острововъ—извѣстныя съ древности на Эльбѣ и Сардиніи, но нѣтъ никакихъ основаній думать, что здѣсь мѣдная культура возникла самостоятельно, какъ она не возникла самостоятельно и на Пиррнейскомъ полуостровѣ, гдѣ залежи мѣди отличались особеннымъ богатствомъ, привлекая туда рано морскую торговлю и чужеземную ихъ эксплуатацію. Разработка мѣдныхъ рудниковъ въ той и другой странѣ Европы могла возникнуть, конечно, современемъ и самостоятельно, но что въ Италіи этого не случилось и что первые образцы мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ были привозные, на это указываетъ фактъ, что такіе-же образцы топоровъ и кинжаловъ мы встрѣчаемъ не только за Альпами, но и въ восточныхъ областяхъ Средиземнаго моря, и на самомъ Кипрѣ. Эти плоскіе, простѣйшей формы, топоры, съ расширеннымъ и закругленнымъ слегка къ верху лезвіемъ, которые доставилъ могильникъ Ремеделло ¹⁵⁶⁾, находятся въ значительномъ количествѣ въ Будапештскомъ музеѣ ¹⁵⁷⁾, и, идя изъ Венгріи къ юго-востоку, мы можемъ прослѣдить эту форму до Кипра ¹⁵⁸⁾. Совершенно кипрскимъ по формѣ и длинѣ представляется также и плоскій топоръ съ закругленнымъ основаніемъ, найденный въ могилѣ Поджо-Аквилоне и недавно обнаруженный Бриціо ¹⁵⁹⁾. Кипрская форма—и топора изъ Сардиніи, обнаруженнаго у Колинни ¹⁶⁰⁾, съ сильно расширеннымъ округленнымъ лезвіемъ и рѣзко выдающимися наружу по обѣимъ сторонамъ краямъ. Такую форму мы видимъ въ швейцарскихъ и верхне-австрійскихъ свайныхъ постройкахъ, на греческихъ остро-

вахъ, ¹⁶¹) и нѣтъ сомнѣній, что она проникла во всѣ эти мѣста изъ Кипра, древнѣйшаго источника мѣдной культуры въ Европѣ. Типы предметовъ мѣдной культуры не такъ разнообразны, какъ бронзовой, но всѣ они сводятся къ кипрскимъ. Францъ Пульскій, авторъ книги «Мѣдный вѣкъ въ Венгріи», т. е. въ странѣ, наиболѣе богатой мѣдною культурой среди странъ европейскихъ, еще тогда, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, заявлялъ, что мѣдное оружіе въ Венгріи имѣетъ формы тождественныя съ Кипромъ ¹⁶²). Это какъ нельзя болѣе подтверждается, кромѣ разныхъ формъ топоровъ, об- щихъ Кипру, Греціи, Малой Азіи, Венгріи, Швейцаріи, листообразными кинжалами, рукоятка которыхъ своеобразно загнута, и форма которыхъ встрѣчается не только въ Венгріи, но и въ Швейцаріи ¹⁶³). Въ Швейцаріи, въ свайныхъ постройкахъ, встрѣчаются громадныя мѣдные топоры: и они также принадлежатъ съ имъ происхожденіемъ Кипру ¹⁶⁴).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что кипрскія мѣдныя издѣлія на- Путь, какимъ шли мѣдныя издѣлія изъ Кипра въ Среднюю Европу и въ Верхнюю Ита- лію. ходили сбытъ въ Европу помимо воднаго пути, какимъ они прихо- дили въ Сицилію, еще путемъ сухопутнымъ, вѣрнѣе всего черезъ Балканскій полуостровъ, гдѣ восточное вліяніе ясно чувствуется (въ Босніи) еще въ каменную эпоху, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ раскопки въ Бутмирѣ, близъ Сараева, гдѣ найдены осколки посуды съ спиральнымъ орнаментомъ, нарѣзнымъ и рельефнымъ, изданные въ относящейся къ этимъ раскопкамъ книгѣ Радимскаго ¹⁶⁵). Мы здѣсь не поднимаемъ труднаго вопроса о томъ, какъ именно шла торговая дорога изъ восточныхъ областей Средиземнаго моря въ центральную Европу. Шла ли она черезъ Кавказъ и Южную Россію и отсюда уже къ устьямъ Дуная, или она двигалась по Балканскому полуострову, начиная съ Босфора, или и тѣмъ и другимъ направленіемъ, мы не знаемъ; но существованіе этого восточнаго пути, называемаго у Мон- теліуса, — который считаетъ возможнымъ прибавить къ нему еще адриатическое направленіе, едва ли для этой эпохи допустимое, — «южнымъ», для насъ уже несомнѣнно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ мѣдныхъ и затѣмъ бронзовыхъ типовъ, встрѣчаясь къ югу отъ Венгріи и къ сѣверу отъ нея, неизвѣстны въ Западной Европѣ ¹⁶⁵), которая вела независимыя отъ балканскаго или дунайскаго пути сношенія съ Востокомъ. Такимъ образомъ, Сѣверная Италія могла пріобрѣсти первоначальное знакомство съ металломъ изъ Средней Европы. Что Альпы не служили препятствіемъ для сношеній долины По съ центральной Европой еще въ неолитическую эпоху, это доказы- вается проникновеніемъ въ Итанію упомянутыхъ раньше молотовъ съ отверстіемъ, которые находятся во множествѣ въ палафиттахъ

Средней Европы, представляя собой всѣ тѣ формы, какія имѣютъ многочисленные экземпляры, найденные въ Италіи. Молоты эти найдены въ Сгурголь (два) въ Поджо-Аквилоне (провинціи Перуджіи), въ разныхъ мѣстахъ Эмилиіи, Пицена, въ озерныхъ постройкахъ Арквы-Петрарки, Варезе, торбьеры Лавено (провинціи Комо) и въ нѣкоторыхъ террамарахъ. Изъ представленныхъ у насъ на таблицѣ XIII, фиг. 1, молотъ съ отверстіемъ по серединѣ принадлежитъ Джези (провинціи Анкона), а фиг. 2, съ отверстіемъ въ бокахъ, принадлежитъ террамарѣ Казарольдо ди Самбозето (провинціи Парма). То, что эти орудія—не италійскаго происхожденія, доказывается ихъ рѣдкостью, и къ этому заключенію приходили всѣ изслѣдователи, ими занимавшіеся: Квериччи, Беллуччи и въ особенности Коллини, который и указалъ, какъ на центръ ихъ распространенія, на палафитгы Средней Европы ¹⁶⁷⁾. Впрочемъ, это вѣрно только по отношенію къ Италіи, такъ какъ не изъ палафитгы Средней Европы, конечно, эти молоты, какъ и топоры съ отверстіемъ, распространились въ неолитическую эпоху по Россіи, отъ Пермской губерніи и даже Сибири до Финляндіи включительно и отъ Архангельской губерніи до Кавказа ¹⁶⁸⁾. По той дорогѣ, по какой приходили въ Италію изъ-за Альпъ молоты съ отверстіемъ, могли притти и первыя мѣдныя орудія и украшенія. На нашихъ таблицахъ, IX и частію X (фиг. 1—3), читатель найдетъ образчики мѣдныхъ топоровъ и кинжаловъ, какіе имѣются въ Италіи: топоры изъ станцій—Santa Cristina (IX, фиг. 4), Сгурголы (IX, 5), изъ Фалисской территоріи (IX, 2 и 6); кинжалы изъ Монте Брадони (X, 1, 2, 3) и изъ Santa Cristina (IX, 1); наконецъ, долото (IX, 3) изъ Менсано (Сіена). По фактурѣ топоровъ видно, что они мѣднаго производства; нѣкоторые изъ нихъ, какъ изображенный на табл. IX, фиг. 5, представляютъ прямое воспроизведеніе каменныхъ, но вообще формы ихъ таковы, что при нѣкоторыхъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, они находятъ себѣ соотвѣтствіе ¹⁶⁹⁾ съ за-альпійскими и особенно съ венгерскими, которые, въ свою очередь, какъ было сказано, представляютъ воспроизведеніе кипрскихъ формъ и вмѣстѣ съ этимъ большее разнообразіе типовъ. Мѣдные кинжалы, представленные у насъ, имѣютъ формы очень древнія, и это вѣроятно—мѣстныя издѣлія. Но эти мѣстныя издѣлія были вызваны образцами, пришедшими со стороны, хотя нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ явное воспроизведеніе каменныхъ орудій этого рода.

Вліяніе Пиринейскаго полуострова

Кромѣ вліяній со стороны Средней Европы, которыя, какъ мы видѣли, состояли въ связи съ торговлей, шедшей изъ восточныхъ областей Средиземнаго моря, въ тотъ-же неолитическій періодъ Италія могла до извѣстной степени испытывать и потокъ чужеземныхъ

вліяній, шедшихъ со стороны Пиринейскаго полуострова. Путь восточныхъ вліяній на Европу черезъ Африку и Пиринейскій полуостровъ Монтелиусъ не безъ основанія считаетъ болѣе древнимъ, чѣмъ путь черезъ Балканскій полуостровъ и Дунай. Это былъ (какъ мы видѣли), по его изслѣдованію, путь, которымъ изъ Азіи распространились по Западной Европѣ въ неолитическую эпоху дольмены и подземныя погребальныя камеры разнаго устройства ¹⁷⁰). Несмотря на то, что этотъ путь длиннѣе, шведскій ученый находитъ въ тѣ времена удобнѣе путь вдоль береговъ Европы, чѣмъ путь черезъ материкъ, и приводитъ въ примѣръ, какъ въ послѣдствіи европейцы долгое время ѣздили по Африкѣ и Австраліи вдоль береговъ и затѣмъ уже, слѣдуя теченію рѣкъ, проникали внутрь этихъ странъ ¹⁷¹). Не принимая этого утверженія за безспорное, мы должны, однако, взять во вниманіе то, что Италія въ древнѣйшее время была болѣе открыта для западнаго пути, чѣмъ для восточнаго, и, находясь сравнительно въ сосѣдствѣ съ Испаніей, привлекавшей своими мѣдными и серебряными рудниками предприимчивость восточныхъ мореплавателей съ давняго времени, могла до нѣкоторой степени естественно испытывать вліяніе тамошней металлургической промышленности. Само собою разумѣется, что вліяніе это прежде всего должны были чувствовать острова, лежавшіе на пути отъ востока къ западу, именно Сицилія и Сардинія. Что касается Сициліи, то Орси не разъ ¹⁷²) останавливался на естественности связи этого острова съ Пиринейскимъ полуостровомъ, на юго-востокѣ котораго Л. Сирэ ¹⁷³) открылъ столь родственную энеолитической Сициліи культуру и гдѣ производились ножевые и кинжальные клинки съ округленнымъ основаніемъ и безъ ножки, сходные почти до тождественности съ сицилійскими могильниковъ Панталики и горы Табуто. Связь эта, будучи первоначально этяпческою, естественно должна была сдѣлаться и коммерческою въ виду большихъ залежей металловъ (мѣди, серебра, золота), которыхъ въ Сициліи не было. Сходная съ троянскою утварь, особенно эти каменные идольчики ¹⁷⁴), копія найденныхъ въ 1-мъ и во 2-мъ поселеніяхъ Гиссарлика, показываетъ, какъ рано велсъ у этой страны торговья сношенія съ Востокомъ.

Не таково, конечно, было положеніе Сардиніи. Не стоя на прямой большой дорогѣ между востокомъ и западомъ Средиземнаго моря, она не могла получать въ древнѣйшую пору такихъ сильныхъ толчковъ съ Востока, какіе съ конца неолитической эпохи такъ замѣтны въ Сициліи, ни имѣть столь оживленныхъ сношеній съ Испаніей, которую связывала съ Сициліей международная торговля, направлявшаяся къ Пиринейскому полуострову съ Востока. Сколько-нибудь

дѣятельныхъ сношеній Сардиніи съ Востокомъ въ до-финикійское время мы не знаемъ, хотя сношенія эти были еще въ неолитическую эпоху, какъ на это указываетъ и колоколообразный кубокъ, какой мы встрѣтили въ неолитическихъ гротахъ Сициліи, и трехножные сосуды въ формѣ троянскихъ (см. табл. XI, фиг. 3), и кипрскіе мѣдные топоры съ расширеннымъ округленнымъ лезвіемъ, нами упомянутые, но получались ли эти и подобные предметы черезъ Испанію, или непосредственно мы сказать не можемъ. Однако, если они получались и непосредственно отъ восточныхъ мореплавателей, то эти послѣдніе, заходя въ Тирренское море, все-таки могли быть посредниками въ торговлѣ Испаніи съ Сардиніей и привозить оттуда металлы, въ которыхъ еще нуждался этотъ островъ вмѣстѣ съ восточными издѣліями. Что же касается большого сходства въ погребальной утвари Сардиніи съ утварью Пиринейскаго полуострова въ неолитическую эпоху, сходства, которое простирается и на дольмены южной Франціи, и на Лигурійскія пещеры, то тому въ древнѣйшее время причины были особыя, гораздо болѣе сильныя, чѣмъ торговые сношенія,—племенное родство населеній этихъ странъ, какъ мы увидимъ ниже. Но что въ началѣ эпохи металловъ между Испаніей и Сардиніей происходилъ торговый обмѣнъ, это отчетливо доказывается сходствомъ керамики этого періода въ Испаніи и на островѣ Сардиніи¹⁷⁵).

Иммиграція
изъ-за Альпъ.

Кромѣ вліяній торговыхъ сношеній, знакомство съ металломъ могло быть принесено въ Италію иммиграціей новыхъ элементовъ населенія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ это знакомство уже началось. Что иммиграція эта въ концѣ неолитической эпохи изъ-за Альпъ въ сѣверную Италію происходила, это не только вѣроятно, но и несомнѣнно. Въ энеолитическихъ могильникахъ Сѣверной Италіи, какъ мы это видѣли и въ Сициліи, къ долихокефальнымъ черепамъ, которые представляются господствующими, примѣшивается извѣстный процентъ брахикефальныхъ: на 10 череповъ въ Ремеделло Цампа¹⁷⁶) насчитываетъ 6 долихокефальныхъ и 3 брахикефальныхъ (10-го нельзя было опредѣлить, по его разрушенному состоянію). Ту-же пропорцію онъ нашелъ, рассматривая черепа и другихъ могилъ конца неолитическаго періода: Фонтанеллы, Кумаролы, Сгурголы, Канталупо-Манделы и Тальякоццо (эта послѣдняя—въ Абрुццахъ).

Это насъ привело къ вопросу о расѣ, населявшей Италію въ неолитическую эпоху, и о томъ, какіе новые элементы начали входить въ нее въ концѣ этого періода, или, что—тоже, къ началу эпохи металловъ.

Вопросъ о населеніи до-исторической Италіи, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадную важность для всякаго, приступающаго къ изученію римской исторіи. Ни что такъ сильно не опредѣляетъ будущаго характера исторіи народа, какъ его расовыя свойства, и многое въ его особенностяхъ, наклонностяхъ, обычаяхъ, культурѣ, какъ все это проявляется не только въ началѣ исторіи, но и въ цвѣтущую пору жизни народа, стоитъ въ ближайшей связи съ тѣми задатками, какіе даны были ему его племенной организаціей. Поэтому мы и обращаемъ на племенной вопросъ въ Италіи большое вниманіе, гораздо большее, чѣмъ это дѣлалъ до сихъ поръ какой бы то ни было историкъ Рима. Историки эти упоминаютъ о разныхъ народностяхъ, имена которыхъ сохранились у древнихъ писателей, какъ бы по обязанности, не видя въ этомъ ничего существеннаго для своей задачи, и обыкновенно умаляютъ до крайности роль элементовъ, не однородныхъ съ такъ называемыми «италиками», т. е. умбро-сабелло-латинянами. Извѣстно напримѣръ, какъ презрительно смотритъ Моммзенъ на Этрусковъ, имѣющихъ на самомъ дѣлѣ центральное значеніе въ началѣ историческихъ временъ Италіи, и отказываетъ имъ почти во всякомъ влияніи на римскую культуру. Съ этимъ колоссальнымъ промахомъ «Римской Исторіи» Моммзена, вообще, при своемъ блестящемъ изложеніи, не свободной отъ многихъ другихъ крупныхъ промаховъ во взглядахъ на народности, лица и событія, можно сопоставить то обстоятельство, что важнѣйшій послѣ Нибура представитель критической исторіи Рима, Швеглеръ, удѣлилъ такой важной народности, какъ Лигуры, всего полторы строки, заявивъ только, что отъ ихъ языка, кромѣ нѣсколькихъ названій мѣстъ, мы ничего не знаемъ. Иве (Ihne) считаетъ возможнымъ писать римскую исторію, не сказавъ ни одного слова о народностяхъ, составившихъ населеніе Италіи. Около пяти страницъ, посвященныхъ у Низе обзорнѣю всѣхъ народностей, такъ или иначе соприкасавшихся съ Италіей, отличаются замѣчательною поверхностностью, тѣмъ болѣе непростительною, что онъ писалъ свою книгу, — переведенную однако и на русскій языкъ, — въ такое время, когда до-историческая археологія успѣла открыть не мало данныхъ, выясняющихъ главные составные элементы древне-италійскаго населенія. Всю важность вопроса о древнѣйшихъ народностяхъ Италіи понималъ великій историкъ, каковъ былъ Нибуръ, который со свойственною ему феноменальною ученостію и старался указать происхожденіе и мѣсто каждой народности, входившей въ составъ населенія Италіи; но онъ долженъ былъ ограничиться лишь тогдашними средствами изслѣдованія подобныхъ вопросовъ, — разборомъ сказаній и филологическими соображеніями.

Важность вопроса о до-историческомъ населеніи Италіи

Отсюда въ его заключеніяхъ о происхожденіи и родствѣ этихъ народностей такъ много произвольнаго. Наши средства познанія въ подобныхъ вопросахъ другія. И при нихъ, конечно, для насъ остается много темнаго, но за то мы ничего не утверждаемъ, что не можетъ быть подкрѣплено фактическими данными. Данныя же эти приводятъ насъ къ заключеніямъ, о которыхъ историки, занимающіеся критикой мнѣевъ и сказаній, совсѣмъ и не думали.

Древность
поселеній въ
Италіи.

Древнѣйшимъ населеніемъ Италіи было то, которое оставило намъ свои слѣды въ природныхъ пещерахъ, въ основаніяхъ хижинъ, въ искусственныхъ гротахъ и, наконецъ, въ могильникахъ на открытыхъ мѣстахъ. Но мы видѣли еще болѣе ранніе слѣды въ грубообитыхъ орудіяхъ палеолитическаго вѣка въ разныхъ мѣстахъ Италіи, отъ Альпъ до Гарганской горы и еще далѣе къ Югу. Мы видѣли ихъ въ разныхъ мѣстахъ римской кампаніи въ рѣчныхъ отложеніяхъ четвертичной эпохи, видѣли большія орудія мидалевиднаго типа въ провинціи Имоль, дающія намъ надревнѣйшій образчикъ человѣческихъ издѣлій шедльскаго типа, какія встрѣтили мы также въ четвертичныхъ отложеніяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ провинціи Перуджин и въ мѣстностяхъ Ближняго Абруцца, въ провинціи Кьети, видѣли менѣе древнія орудія палеолитической эпохи, именно типа Мустье, въ долинѣ Вибраты древняго Пицена, видѣли слѣды этой эпохи на горѣ Гаргано и близъ нея, въ Базиликатѣ, и находимъ присутствіе палеолитическаго человѣка на сѣверномъ склонѣ Апеннинъ, въ провинціи Пармы, орудія этого типа въ передовыхъ Веронскихъ Альпахъ (Бреоніо) и въ Лигурійскихъ пещерахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ мѣстъ, каковы передовыя Веронскія Альпы, нѣкоторыя Лигурійскія пещеры, долина Вибраты въ Пиценѣ, существованіе человѣка продолжалось непрерывно съ палеолитической эпохи и въ болѣе поздніе періоды; въ другихъ этого постепеннаго перехода изъ одного періода въ другой мы не видимъ. Такъ, напримѣръ, въ римской провинціи мы находимъ тамъ и сямъ могилы, принадлежащія уже къ концу неолитической эпохи. Это, конечно, не значитъ, что человѣкъ въ первый періодъ неолитической эпохи тутъ не обиталъ, но значитъ лишь то, что мы тутъ болѣе раннихъ погребеній не нашли, какъ не нашли и бронзовой эпохи, по крайней мѣрѣ ея начала. Быть можетъ, та и другая еще найдутся въ болѣе широкомъ объемѣ.

Итакъ мы знаемъ, что Апеннинскій полуостровъ былъ обитаемъ еще въ эпоху пещернаго медвѣдя, пещерной гѣны и другихъ исчезнувшихъ животныхъ, современниковъ четвертичной эпохи, и съ тѣхъ лоръ прошелъ всѣ главные періоды, какіе человѣчество пережило въ другихъ странахъ. Въ теченіе этихъ періодовъ на него вторгались,

производили на немъ завоеванія, селились на немъ разные народы, для которыхъ онъ служилъ по своему климату, плодородію и затѣмъ богатству хорошей приманкой. То, что мы видимъ во времена историческія, начиная съ поселеній въ Южной Италіи и Сициліи древнихъ Грековъ, происходило въ извѣстной мѣрѣ и во времена до-историческія, даже самыхъ отдаленныхъ.

Такой породы людей, которая бы принадлежала исключительно Италіи, ея автохтоновъ, мы не знаемъ. Напротивъ, насколько позволяють судить о своихъ антропологическихъ свойствахъ сохранившіеся на почвѣ Италіи древнѣйшіе скелеты и черепа, мы находимъ въ нихъ представителей породы, существовавшихъ въ эту эпоху и въ другихъ мѣстахъ. То длинноголовое племя, которое мы видимъ распространеннымъ въ неолитическую эпоху во всей Италіи и на ея островахъ, мы видимъ также распространеннымъ и въ значительной части Европы: на западъ ея, въ центрѣ, на востокъ, даже на сѣверѣ. Слѣдовательно, это — племя, которое жило въ Европѣ съ очень отдаленныхъ временъ; но тщательныя антропологическія изслѣдованія показываютъ, что племя это принадлежитъ не одной Европѣ, а также и Африкѣ, и что центръ его распространенія не лежитъ въ какой-либо части Европы, а именно въ Восточной Африкѣ. Въ своей капитальной книгѣ: «Africa. Antropologia della stirpe samitica» (Togino, 1897) профессоръ антропологии въ римскомъ университетѣ, Джузеппе Серджи, въ доказательство этого послѣдняго тезиса представляетъ болѣе сотни изображеній головъ и череповъ съ ихъ подробнымъ описаніемъ, начиная съ древнѣйшихъ египетскихъ череповъ (муміи Сета I-го, Рамзеса II и III) и кончая новѣйшими черепами Канарскихъ острововъ, и даетъ при этомъ болѣе шестидесяти фотографическихъ портретовъ нынѣшнихъ типовъ, принадлежащихъ мароккинцамъ, сомаламъ, галласамъ, данакилямъ, по преимуществу женщинамъ. Не всѣ эти типы, но многія изъ нихъ, представляютъ несомнѣнное сходство съ южно-европейскими типами, другіе же видимо попорчены негритянскою кровью.

Въ своемъ рефератѣ, прочтенномъ въ 1892 г. въ Москвѣ, на съѣздѣ Средиземно-по до-исторической археологіи и антропологии, «О первобытныхъ обитателяхъ (области) Средиземнаго моря», проф. Серджи сдѣлалъ заявленіе, которое у меня было уже приведено въ статьѣ «О происхожденіи Сикулэвъ»¹⁷⁷⁾. Здѣсь необходимо привести существенныя черты его. «Я могу доказать», говорилъ проф. Серджи¹⁷⁸⁾, «что древніе Египтяне представляютъ народъ, многіе изъ этническихъ элементовъ котораго имѣютъ общее происхожденіе съ этническими элементами Сициліи, Сардиніи и Южной Италіи, слѣдовательно съ Иберами и

Лигурами. Это—не такіе аргументы, которые всегда представляются историками и археологами, но это—аргументы антропологическіе, вытекающіе изъ физической структуры древнихъ египетскихъ череповъ, которые, сохраняясь въ повязкахъ и бальзамѣ, являются теперь драгоценными документами для антропологическаго анализа». Исследовавъ 15 разновидностей этихъ древне-египетскихъ череповъ, онъ нашелъ, что 12 изъ нихъ находятся въ Южной Италіи и на островахъ Сициліи и Сардиніи. Продолжая заниматься этимъ вопросомъ, онъ объединилъ результаты своихъ работъ въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Origine e diffusione della stirpe mediterranea» (Roma, 1895). Для него уже стало ясно, что въ числѣ племенъ, какія населяли въ отдаленную эпоху земной шаръ, было средиземноморское племя, къ которому такъ-же точно относятся племена Сѣверной Африки, какъ и обитатели полуострововъ и острововъ Южной Европы. Онъ говоритъ: «Я прослѣдилъ народы съ ихъ этническими именами въ древней и новой исторіи, я исследовалъ, гдѣ это оказалось возможнымъ, древній и новый черепъ въ каждой этнической вѣтви, или только одинъ или другой, и я увидѣлъ фактъ въ одно и то-же время очень поразительный и очень любопытный, именно, что существуетъ десятокъ черепныхъ формъ, которыя я назвалъ разновидностями, общихъ народамъ, пменуемымъ Иберами, Лигурами, Италиками центральной части, южнаго и островнаго районовъ Италіи, общихъ народамъ Греціи, Малой Азіи, древнему Египту, всей Сѣверной Африкѣ, занятой нынѣ Берберами и Кабилами. Кромѣ нихъ находятся другія черепныя разновидности съ различными свойствами, но менѣе многочисленныя, въ разныхъ областяхъ Средиземнаго моря, примѣшивающіяся къ первымъ: онѣ тотчасъ заставляютъ думать, что это этническіе элементы, чуждые первымъ и общи всему бассейну Средиземнаго моря.

«Я могъ прослѣдить черепныя формы, сравнивая ихъ отъ одной области до другой, отъ Иберійскаго полуострова неолитической эпохи до до-исторической Лигуріи, отъ Эггуріи до Лациума, до неолитической Сициліи, отъ Греціи до Троицы въ Гиссарликѣ, на островѣ Критѣ въ могилахъ Микенской эпохи; я сравнилъ эти формы съ древней серіей формъ Египта и Туниса, и я увидѣлъ, что (вездѣ) господствуютъ тѣ-же самыя формы, тѣ-же самыя разновидности съ ихъ под-формами. Этотъ анализъ, сдѣланный по однообразному методу, мнѣ открылъ другой важный фактъ, именно, что древнія формы череповъ неизрѣменно совпадаютъ съ новыми въ тѣхъ-же областяхъ; лишь нѣсколько чуждыхъ элементовъ оказываются къ нимъ примѣшанными. Это подтверждаетъ устойчивость физическихъ свойствъ населеній въ продолженіе временъ и при разныхъ перемѣнахъ мѣста; а безъ такой

твердой устойчивости свойствъ не было бы возможности науки. Этотъ же фактъ даетъ результатъ, который кажется неожиданнымъ, именно, что средиземноморское племя отъ своего начала сохранилось неискаженнымъ, что, не смотря на чужеземныя вторженія въ разныя времена и въ разныхъ областяхъ, этнической составъ первобытныхъ народовъ не измѣнился и что проникшіе въ него новые элементы не могли его разстроить и измѣнить его сложную физиономію».

Эти типическія формы череповъ, общія средиземноморскому племени, какъ въ Европѣ, такъ и въ Африкѣ, по изслѣдованію Серджи, слѣдующія: 1) *эллипсоидныя*, которыхъ онъ представляетъ 12 образцовъ, взятыхъ съ о. Сардиніи, изъ Новилары (близъ Пезаро), изъ земли древнихъ Самнитовъ, изъ Гаррара, изъ Гинды, изъ южно-русскихъ кургановъ; 2) *яйцевидныя*, образцы которыхъ даютъ черепа древняго Рима, Сициліи, земли Галласовъ; 3) *пентагональныя*, взятые среди череповъ древняго Рима и изъ Гинды, но представленныя между прочимъ въ большомъ количествѣ въ московскомъ антропологическомъ музее (106 изъ 1500). Это главныя формы. Къ нимъ присоединяются второстепенныя: *ромбовидная*,—форма встрѣчающаяся рѣдко и представленная у Серджи черепами древне-египетскимъ, тунисскимъ и сардинскимъ; *платикефальная*, которая въ своемъ сдавленномъ и широкоемъ видѣ не принадлежитъ собственно средиземноморскому племени, но одна изъ разновидностей которой встрѣчается въ Сициліи, въ Египтѣ, въ могильникѣ Новилары, въ Испаніи и въ русскихъ курганахъ, и представлена у Серджи двумя сицилійскими черепами; *сфеновидная* или клинообразная, представленная сицилійскимъ и древнеримскимъ черепами, и, наконецъ, *трапециевидная*, представленная черепами сардинскимъ и древнимъ херсонезскимъ ¹⁷⁹⁾.

Характеръ череповъ Средиземноморскаго племени.

Дѣло антропологовъ повѣрять краниологическія данныя, приводимыя римскимъ профессоромъ въ основаніе и въ доказательство своей теоріи. Но если вѣрность данныхъ этихъ оспаривать нельзя, то не должны казаться слишкомъ смѣлыми и выводы, принятые уже не однимъ антропологомъ въ Европѣ, какіе авторъ теоріи средиземноморскаго племени на нихъ основываетъ. Выводы эти ему самому показались въ извѣстной долѣ поразительными по своей неожиданности. Онъ говоритъ:

«Наиболѣе насъ поразило тотъ фактъ, что мы нашли въ Восточной Африкѣ типическія формы того племени, которое мы изслѣдуемъ: никому никогда не приходило въ голову, чтобъ Греки и Римляне имѣли происхожденіе, общее съ Египтянами и тѣмъ менѣе—съ Африканцами Эѳіопіи и Сомали. Немного времени назадъ, де-Катре-

Африканское происхожденіе черепного типа Греціи и Итали.

фажъ писалъ, что о Римлянахъ не извѣстно почти ничего *); Николуччи **) писалъ, что римскій типъ—единственный въ центрѣ Италіи и безъ всякаго отношенія къ остальнымъ частямъ полуострова; другіе считали Грековъ и Римлянъ за чистыхъ арійцевъ. Ничего такого мы не замѣтили: морфологическія изысканія при помощи рациональныхъ методовъ привели насъ шагъ за шагомъ къ открытію происхожденія народовъ, столь знаменитыхъ въ исторіи человѣчества. Я могъ бы смѣшать вмѣстѣ подлинныя черепа древнихъ Грековъ и Римлянъ съ египетскими и иберійскими, древними и новыми, и съ африканскими черепами Абиссиніи, Тигре, Сомалии, подраздѣлить ихъ по типамъ и разновидностямъ, согласно ихъ специальнымъ формамъ, и пригласить наиболѣе опытнаго изъ краніологовъ, такого, который больше всѣхъ видѣлъ и изслѣдовалъ головъ человѣческихъ, сумѣлъ различить ихъ: почти невозможно, чтобъ между тѣми и другими нашлись типическія различія. Это—одно и то-же человѣческое племя, сохранившее свои физическія свойства, начиная съ своей конституціи, и не смотря на разбѣганіе и раздѣленіе, не смотря на примѣси другого племени, свойства эти продолжаютъ существовать неизмѣнно и свидѣтельствуютъ объ его происхожденіи ¹⁸⁰).

Переселеніе
изъ Африки
въ Европу.

Это средиземноморское племя, которое проф. Серджи выводитъ изъ Восточной Африки, пришло въ Египетъ (до-историческій) и отсюда распространилось, съ одной стороны, по Сиріи и Малой Азіи, съ другой—по Сѣверной Африкѣ вплоть до Атлантическаго океана, на которомъ заняло также Канарскіе острова. Съ сѣвернаго берега Африки оно двинулось въ разныя мѣстности Южной Европы, населило изъ Египта, еще въ до-египетскую эпоху, Грецію съ ея островами, проникло далѣе за Понтъ Эвксинскій въ Южную Россію, гдѣ оставило свои слѣды въ курганахъ, и оттуда пошло и дальше къ Сѣверу, такъ что элементы этого племени дошли до Ладожскаго озера. Тутъ Серджи, очевидно, имѣетъ въ виду находящійся въ геологическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго университета скелетъ, найденный проф. Иностранцевымъ въ Ладожскомъ озерѣ ¹⁸¹), хотя онъ никогда объ этомъ замѣчательномъ скелетѣ не упоминаетъ. Съ другой точки Сѣверной Африки, изъ Туниса, оно проникло въ Сицилію и Южную Италію, на острова Сардинію и Корсику, въ Приморскія Альпы, Піемонтъ и Швейцарію. А когда оно дошло по Сѣверной Африкѣ до Гибралтара, то перешло на Пиринейскій полуостровъ, въ Южную Францію, откуда, двигаясь далѣе, дошло до Ламанша, перешло въ

*) Т. е. въ племенномъ отношеніи.

**) Неаполитанскій антропологъ.

Англию и Ирландію ¹⁸²). Живыми доказательствами его распространенія служатъ черепа эллипсоидные, яйцевидные и пятиугольные, какъ долихо-кефальные, такъ и месо-кефальные. Лицевыя формы его также по преимуществу эллипсоидныя, яйцевидныя и пятиугольныя, а равно и трехугольныя. Это населеніе слѣдуетъ видѣть въ неолитическую эпоху не только въ Средней Европѣ, въ нѣмецкихъ *Reihen-gräber*, но и въ Скандинавіи, гдѣ оно сохранило формы тождественныя съ средиземноморскими. Объ этомъ римскій антропологъ заявляетъ въ новомъ своемъ трудѣ, носящемъ заглавіе: «*Intorno ai primi abitanti di Europa*» ¹⁸³). Въ Европѣ ему предшествовало племя Неандертальскаго человѣка, племя, собственно европейское, еще не совершенно утратившееся ¹⁸⁴). Вторженіе же средиземноморскаго племени въ Европу Серджи относить почему-то приблизительно къ Мадленской эпохѣ, представляющей, какъ извѣстно ¹⁸⁵), послѣдній фазисъ четвертичнаго геологическаго періода и палеолитическаго вѣка въ до-исторической археологіи, или ко времени, нѣсколько этой эпохѣ предшествовавшему ¹⁸⁶).

Теорія Серджи о средиземноморской расѣ, впрочемъ, не всецѣло ^{Значеніе те- ему принадлежащая ¹⁸⁷}), но имъ ранѣе задуманная, или по крайней ^{оріи Серджи.} мѣрѣ, наиболѣе развитая и доведенная до своихъ послѣднихъ предѣловъ, обсуждавшая уже нами въ статьѣ «О происхожденіи Сиккуловъ» ¹⁸⁸) и, кажется, тутъ она въ первый разъ въ ученой литературѣ была применена къ рѣшенію вопросовъ, касающихся древнѣйшей этнографіи Италіи. Тогда еще больше, чѣмъ теперь, несмотря на свою необыкновенную заманчивость, она казалась смѣлою, смѣлою потому, что она была новою, противорѣчившею всѣмъ представленіямъ объ этнографіи древняго міра, какія вошли въ сбзаніе филологовъ, историковъ и лингвистовъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы приходимъ къ убѣжденію, что основа ея вѣрная, именно то, что Южная Европа въ первобытныя времена получила населеніе изъ Африки. Профессоръ Серджи сдѣлалъ бы хорошо, еслибъ онъ, двигая свою «эвро-африканскую» расу изъ Египта въ Грецію, изъ Туниса въ Италію, изъ Марокко въ Испанію и Португалію, постарался, насколько возможно, опредѣлить, при какихъ геологическихъ условіяхъ это переселеніе происходило, т. е. каковъ былъ тогда видъ Средиземнаго моря по отношенію къ полуостровамъ — Балканскому, Апеннинскому и Пиринейскому. Дѣло въ томъ, что не такъ легко было населенію четвертичной эпохи, хотя бы и мадленскаго періода, перебираться на Критъ и оттуда на греческій материкъ, какъ это теперь можно совершить на пароходахъ, да и то не безъ труда, когда подѣзжаешь къ мысу Матапану. Необходимо, слѣдовательно, принять, что это переселеніе изъ Африки

въ Элладу совершалось при другихъ, болѣе благоприятныхъ для него географическихъ условіяхъ нашей планеты. Легче было, если принять нынѣшнее географическое очертаніе береговъ Средиземнаго моря, перебраться изъ Туниса на Сицилію прямо или черезъ Пантеллерію, и еще легче переплыть Гибралтарскій проливъ, чтобы перебраться на Пиринейскій полуостровъ. Онъ этого не сдѣлалъ, и мы, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, не беремъ помочь ему въ работѣ, которая требуетъ другихъ специальныхъ знаній, чѣмъ тѣ, какими мы владѣемъ. Однако, по отношенію къ Италиі, мы, пользуясь результатами изслѣдованій Теобальда Фишера, указывали на то, что въ четвертичную эпоху, по крайней мѣрѣ въ значительную часть ея, Сицилія еще была соединена съ Африкой и хотя она нѣсколько раньше происшедшаго тутъ раздѣленія была разъединена Мессинскимъ проливомъ съ Италией, но переправа черезъ этотъ проливъ, въ нѣсколько верстъ ширины (между мысомъ Фаро и Batteria di torre Cavallo проливъ имѣетъ всего 3.200 метровъ ширины, значитъ немного болѣе трехъ верстъ) не представляетъ и теперь, какъ и тогда, когда онъ могъ быть еще уже, никакого затрудненія. Но даже и въ томъ случаѣ, когда иммиграція изъ Африки на Апеннинскій полуостровъ была предпринята уже при отдѣленіи Сициліи отъ Африки, она не представляла большихъ затрудненій, коль скоро и теперь разстояніе между двумя мысами (Cap Bon и Cap Vooe) не превышаетъ 120 километровъ, а тогда оно должно было быть гораздо меньше, какъ на это указываютъ острова, лежащіе между Сициліей и Африкой, и всего болѣе Пантеллерія. Такимъ образомъ, никакой физической трудности для иммиграціи въ четвертичную эпоху изъ Африки въ Италию не было. Такъ какъ разрывъ Африки съ Сициліей, по предположенію вышеупомянутаго нѣмецкаго ученаго, произошелъ одновременно съ разрывомъ у Пиринейскаго полуострова или, лучше, вслѣдствіе этого послѣдняго, то и на Пиринейскій полуостровъ первая иммиграція могла послѣдовать еще по сухому пути. Но, разумѣется, не могъ остановить ее и проливъ, если онъ къ тому времени уже образовался. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что для первоначальнаго иноземнаго поселенія въ Южной Европѣ и специально въ Италиі, какъ и на Пиринейскомъ полуостровѣ, несравненно удобнѣе былъ путь изъ Африки, чѣмъ изъ Азіи и даже изъ Средней и Восточной Европы, такъ какъ горы, ограждающія Италию и Испанію отъ остальной Европы, представляютъ больше препятствій къ переселеніямъ, чѣмъ небольшія водныя пространства, при которыхъ чловѣкъ ясно видитъ, что происходитъ на другомъ берегу. А если взять во вниманіе еще то, что четвертичная эпоха совпадаетъ съ ледянымъ періодомъ въ Европѣ, при чемъ Апеннинскій полуостровъ былъ со-

всѣмъ отрѣзанъ отъ остальной Европы альпійскими ледниками, какъ почти и Пиринейскій льдами Пиринеевъ, то будетъ совершенно понятно, почему населеніе древнѣйшей каменной эпохи на томъ и на другомъ полуостровѣ должно было быть африканскаго происхожденія, какого была и древнѣйшая фауна на о. Сициліи ¹⁸⁹).

Мы не входимъ въ вопросъ, была ли обитаема Италія, или нѣкоторыя части ея, или тотъ или другой изъ примыкающихъ къ ней острововъ, до прибытія въ нее того племени, культуру котораго мы видѣли въ природныхъ пещерахъ, въ *fondi di saranne*, въ искусственныхъ погребальныхъ гротахъ, въ немногихъ дольменахъ и, наконецъ, въ могильникахъ на открытыхъ мѣстахъ. Вопросъ этотъ для насъ безразличенъ, такъ какъ древнѣйшее населеніе Италіи, какое мы знаемъ, есть то, которое было извѣстно писателямъ подъ именемъ Лигуровъ, къ которымъ на островахъ примѣшивались Иберы.

Лигуры и
Иберы.

Какъ одно изъ древнѣйшихъ племенъ на земномъ шарѣ, Лигуры (*Ligures*, *Λιγυρες*) были извѣстны еще древнимъ писателямъ. О нихъ говоритъ еще Гезіодъ въ извѣстномъ стихѣ, сохранившемся у Страбона ¹⁹¹), упоминая ихъ вмѣстѣ съ Эѳіопами и Скиѳами:

Αἰθιοπας τε Λιγυρες τε ἰδὲ Σκυθας ἰσχυρολυτους

Это тѣ три на разныхъ краяхъ земли (на Югѣ, Западѣ и Сѣверѣ) народа, съ именами которыхъ связаны отдаленнѣйшія странствованія Геркулеса. Эпитетъ *древнѣйшаго* народа даютъ Лигурамъ и римскіе писатели ¹⁹²). Римскіе писатели имѣли предъ собою Лигуровъ уже въ ихъ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ, какіе это племя, стѣсненное и отброшенное къ западу арійскимъ вторженіемъ на сѣверѣ Италіи, прогоняемое отовсюду, гдѣ новые пришельцы современемъ успѣли утвердиться, или покоряемое, завоевываемое впоследствии Этрусками, Галлами и, наконецъ, Римлянами, удержало за собой въ Италіи лишь территорію, имѣвшую границами съ Запада Альпы и рѣку Варъ, съ Сѣвера По, съ Востока Арно и съ юга часть моря, называвшагося Лигурійскимъ заливомъ (*sinus Ligusticus*), что теперь обозначается именемъ Генуэзскаго залива. Греческіе географы и историки хорошо знали, что Лигурамъ принадлежала юго-восточная Франція, Приморскія Альпы, Пьемонтъ, Ломбардія и весь берегъ Генуэзскаго залива до Пизы. Именемъ этого народа называлось море къ югу отъ береговъ Галліи, *Λιγυστικὸν πέλαγος*, какъ это значитъ у греческихъ географовъ ¹⁹³), что повторяютъ и римскіе, говоря о *Ligusticum mare* ¹⁹⁴) и *Ligurum aequor* ¹⁹⁵). Эратосѣену ¹⁹⁶) и вся Западная Европа представлялась лигурійскою, какъ и Пиринейскій полуостровъ для него былъ Лигурійскимъ ¹⁹⁷). Поливій ¹⁹⁸) зналъ, что они жили къ Западу до Роны, которая, по словамъ Авіена ¹⁹⁹) отдѣляла ихъ отъ Иберовъ, а

Скилакъ ²⁰⁰) считаетъ населеніе отъ Роны до Пиринеевъ смѣсью Иберовъ съ Лигурами. Но есть указанія на то, что Лигурамъ принадлежала когда-то и часть Иберійскаго полуострова ²⁰¹), откуда они выгнали будто бы Сикановъ ²⁰²), и часть Корсики ^{202а}). Затѣмъ, и въ представленіи самихъ древнихъ писателей, Лигуры въ древнѣйшее время не были ограничены сѣвер-западною Италіею и юго-восточною Франціею, а были распространены по всей Италіи. Такъ, они населяли Лапіумъ и были прогнаны съ римской территоріи (вмѣстѣ съ Сикулами) пришедшими изъ области Реате сакранами ^{202б}); жили и въ разныхъ другихъ мѣстахъ полуострова (*οἰκοῦσι μὲν καὶ τῆς Ἰταλλίας πολλὰχῆ*) ^{202с}) еще въ вѣкъ Августа. Но никто не зналъ, откуда пришелъ этотъ народъ въ Италію, гдѣ его родина ^{202д}). Одни производили ихъ изъ Греціи ²⁰²); другіе ²⁰²) говорили, будто они жили когда-то на сѣверѣ Галліи и были прогнаны оттуда Кельтами на югъ этой страны. Древніе знали однако, что они не Кельты ²⁰³) и отличали ихъ отъ Иберовъ ²⁰⁴). Древность этого народа была такъ велика, что его происхожденіе было дѣло темное, для проясненія котораго не было никакихъ подходящихъ преданій, *κατὰ οὐδέν*, по выраженію Діонисія.

Новѣйшія изслѣдованія о Лигурахъ.

Но то, что было не ясно для древнихъ, стало яснѣе лишь для современныхъ намъ изслѣдователей. Нибуръ ²⁰⁵), при всей своей проникательности, ничего не разъяснилъ относительно происхожденія Лигуровъ, а ограничился лишь заявленіемъ, что ихъ происхожденіе неизвѣстно, что было высказано, какъ мы видѣли, еще Діонисіемъ Галикарнасскимъ. Но, комбинируя указанія древнихъ и свои филологическія соображенія, онъ высказалъ для его времени смѣлое предположеніе относительно территоріальнаго распространенія этого народа: «Судя по этимъ слѣдамъ», говоритъ онъ, «мнѣ кажется въ высшей степени вѣроятнымъ, что этотъ народъ искони обиталъ отъ Пиренеевъ до Тибра, имѣя съ Сѣвера границами Северныя и Гельветскія Альпы». Швеглеръ, прямой наслѣдникъ и продолжатель Нибуровскаго критическаго метода, оставилъ Лигуровъ безъ всякаго вниманія. Что касается до Моммзена, то онъ въ своей Римской исторіи ²⁰⁶) не посвятилъ Лигурамъ, какъ одному изъ племенъ, населявшихъ Италію въ древнѣйшее время, и тѣхъ двухъ строкъ, какими почтилъ этотъ древнѣйшій народъ Италіи, Швеглеръ. Только у Эд. Мейера во второмъ томѣ его «Исторіи древности», гдѣ начинается исторія Рима, говорится нѣсколько строкъ о Лигурахъ, какъ о народѣ, входившемъ въ составъ первоначальнаго населенія Италіи, при чемъ высказано странное предположеніе, что, можетъ быть, Лигуры родственны Этрускамъ ²⁰⁷). Seriously принялись за изученіе Лигуровъ лишь въ два

послѣднихъ десятилѣтій, и принялись двумя путями: филологическо-лингвистическимъ и археологическо-антропологическимъ.

Въ первомъ отношеніи особенно интересны два изслѣдованія: Методъ филологическо-лингвистическій. неоконченное—Мюлленгофа въ «Deutsche Alterthumskunde» («Германскія древности»), т. III, р. 173—195 (Berl. 1892), и очень пространное Д'Арбуа де-Жюбэнвиля въ его Les premiers habitants de l'Europe (Paris, 1889—1894, 2-е изд.), vol I, р. 308 sq. Vol II, р. 46—215. Разбирая фонетику и производство словъ, признаваемыхъ имъ за лигурійскія, хотя они дошли въ латинской или греческой формѣ, именно названія лицъ, городовъ, отдѣльныхъ народовъ, племенъ, Мюлленгофъ, который раньше, въ I-мъ томѣ (р. 86), причислялъ Лигуровъ къ доарійскимъ племенамъ Европы, пришелъ потомъ, въ III томѣ, филологическо-лингвистическимъ путемъ къ возможности допустить въ нихъ арійское происхожденіе (р. 179). Д'Арбуа де-Жюбэнвиль, идя тѣмъ же путемъ, уже прямо увидѣлъ въ Лигурахъ индо-европейское племя, предупредившее другіе индо-европейскіе народы приходомъ въ Западную Европу (II, р. 215). При помощи тѣхъ-же филологическо-лингвистическихъ комбинацій тотъ и другой ученый постарались и опредѣлить границы расселенія этого племени, значительно распространявъ ихъ сравнительно съ тѣми, какія приписывали Лигурамъ древніе. Такъ, Мюлленгофъ отдаетъ Лигурамъ, кромѣ итальянской Ривьеры и долины По по рѣку Пьяве, не только Севенны, что дѣлалъ и Нибуръ, но и всю долину Роны, идя вверхъ и затѣмъ къ Востоку до устья Рейна, острова Корсику и Эльбу, Сѣверную Этрурію и нѣкоторыя части Южной, вида къ тому побужденіе въ лигурійскихъ названіяхъ: Сабатинское озеро, Циминское озеро, Циминская гора и дѣсь. Д'Арбуа де-Жюбэнвиль находитъ такія границы для своихъ филологическо-лингвистическихъ операций надъ неизвѣстнымъ намъ языкомъ Лигуровъ слишкомъ узкими. Онъ, кромѣ Италіи Сѣверной и Средней, острововъ Сициліи и Корсики, отдаетъ имъ не только значительную часть Иберійскаго полуострова, не только Южную Францію съ бассейномъ Роны и прилегающихъ къ нему небольшихъ бассейновъ на французскихъ берегахъ Средиземнаго моря, но и бассейны Гаронны, Луары, Сены, берега океана и Ламанша, заводитъ ихъ на Британскіе острова и ведетъ ихъ въ бассейны Мѣзы, Рейна, Везера, Эльбы и Дуная. И всему этому указателемъ служить тотъ языкъ, который намъ извѣстенъ менѣе, чѣмъ какой-либо изъ языковъ населявшихъ Европу въ древности народовъ, за исключеніемъ, пожалуй, этрускаго, отъ котораго, однако, мы все-таки имѣемъ нѣсколько тысячъ надписей.

Въ чемъ же заключается тотъ лингвистическій матеріалъ, на осно-

ванія котораго Мюлленгофъ и Д'Арбуа де-Жюбэнвиль строятъ свои теории и выводятъ свои заключенія?

Говоря вкратцѣ, онъ заключается въ слѣдующемъ:

Языкъ Лигу-
ровъ, по
Мюлленгофу и
Д'Арбуа де-
Жюбэнвилю.

Въ одной изъ дошедшихъ до насъ латинскихъ надписей (C. I. L., I, 199) 117 г. до Р. Хр. (637 отъ основ. Рима), содержаніемъ которой служить судебное рѣшеніе въ территоріальномъ спорѣ между Генуэзцами и Лангезцами, мы находимъ нѣсколько географическихъ, названій съ окончаніемъ на—*asca* (рѣки *Neviasca*, *Veraglasca*; ручьи—*Tulelasca*, *Vinelasca* или *Vinelesca*). Этотъ суффиксъ—*asca*, переходящій еще въ древности въ *esca*, и имѣющій рѣже встрѣчающуюся параллель въ *isca*, распространяетъ въ географическихъ названіяхъ на большомъ пространствѣ Европы, начиная съ нынѣшней Лигуріи. Такъ, его можно видѣть въ географическихъ названіяхъ на островѣ Корсикѣ, на сѣверѣ Испаніи и Португаліи, въ долинѣ Роны и сосѣдственныхъ съ нею департаментовъ Франціи, въ Швейцаріи, въ Баваріи. А такъ какъ онъ несвойственъ языкамъ кельтскому, греческому, латинскому, равно какъ и сѣверо-европейскимъ—литовскому, славянскому и германскому, то вполне основательно видѣть въ немъ принадлежность языка Лигуровъ, землѣ которыхъ онъ принадлежитъ, и какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ указанная надпись, находится тамъ у себя на родинѣ. Руководясь прежде всего этимъ суффиксомъ съ его указанными древними видоизмѣненіями, къ которымъ впоследствии (въ Средніе вѣка) присоединились новыя; *asco*, *aschi*, *osco*, *osca*, лигурійское происхожденіе которыхъ свидѣтельствуется употребленными въ *Tabula alimentaria* города *Veleja* (C. I. L. XI, 1147) названій *Ageliascus* и *Caudalascus*, Д'Арбуа де-Жюбэнвиль и отыскиваетъ Лигуровъ по Итали и по Европѣ. Такимъ образомъ, изъ Лигуріи онъ ведетъ ихъ въ Пиемонтъ, изъ Пиемонта въ Ломбардію, изъ Ломбардіи въ Венеціанскую область, оттуда въ Эмилію и тосканскую провинцію *Массу-Каррару*, вездѣ считая, сколько словъ: на *asca*, *asco*, *aschi*, *asche* въ той или другой области, обозначающихъ названія мѣстъ. Названій съ такими окончаніями въ означенныхъ мѣстахъ онъ насчиталъ 271, изъ которыхъ 90 падаютъ на Лигурію, какъ она въ качествѣ девятой Италійской области (*regio*) была образована въ своихъ границахъ Августомъ. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ-же операціи съ другими суффиксами этого рода—*usco*, *usca*, *osco*, *osca* и путешествіе съ ними автора по Сѣверной Итали, Швейцаріи, Эльзасу-Лотарингіи, Верхней Баваріи, Тиролю. Наболѣе сѣверными названіями являются: названіе рѣки *Urnasca*, нын. *Urnasch*, въ бассейнѣ Верхняго Рейна, и *Caranusca*, къ сѣверу отъ Меца—названіе, отмѣченное въ извѣстной географической картѣ времени Римской Имперіи, *Tabula Peutingeriana*. Съ Сѣвера

Французскій академикъ идетъ на югъ: на о. Корсику, оттуда въ 12 юго-восточныхъ департаментовъ Франціи, затѣмъ въ Испанію и даже Португалію, гдѣ лишь одно слово *Vipasca* или *Vipascum* свидѣтельствуеетъ о пребываніи Лигуровъ. Тѣ-же операциі дѣлаетъ въ меньшемъ размѣрѣ и Мюлленгофъ.

Но ни тотъ, ни другой не довольствуются этимъ характеристическимъ суффиксомъ *asca* съ его видоизмѣненіями. Мюлленгофъ, основываясь на именахъ упомянутой генуэзской надписи, каковы: *Blustiemelus*, *Ворю*, *Слахелус*, *Lebriemelus*, *Плаусус*, *Регенікус*, *Прособера* и др., равно какъ и на разныхъ другихъ особенныхъ формахъ именъ, встрѣчающихся на лигурійской почвѣ, находитъ возможнымъ приписать Лигурамъ цѣлый рядъ названій въ Италіи и внѣ ея. Таковыми должны быть, между прочимъ, слова съ формами производства на—*ll*, *nn*, *rr*; далѣе, къ языку Лигуровъ относятся группы гласныхъ — *oa*, *ia ie*, пожалуй даже окончанія на—*elius* и—*eius*, встрѣчающіяся на таблицахъ ниццеской (С. I. L, V, 7932) и велейской. Навѣрное, по Мюлленгофу, сюда принадлежатъ суффиксы—*atio*, впоследствии перешедшіи въ—*anius*,—*on*,—*oni*,—*uni*,—*in*,—*ini*,—*en*,—*eni*,—*ain* и особенно часто встрѣчающійся—*el*,—*eli*,—*ell*, также—*enn*,—*ull*,—*unn*,—*ub*. Затѣмъ этническія названія, гдѣ знакомъ производства служитъ *t*, какъ въ суффиксахъ—*ates*, *ati*, *iti* и т. д. Такимъ-же лигурійскимъ знакомъ словопроизводства въ названіяхъ служитъ *g*, чаще *s*, особенно въ формахъ—*is*, *es*, *as*, *us*, *ins*, *ens*. Отъ массы именъ, приводимыхъ въ видѣ примѣровъ, я освобождаю читателя. Имена эти принадлежатъ рѣкамъ, горамъ, селеніямъ, народамъ и лицамъ.

Мюлленгофъ не кончилъ своего изслѣдованія объ языкѣ Лигуровъ, какъ нами уже было замѣчено. За то онъ нашелъ плодovitаго дополнителя во французскомъ лингвистѣ, который къ языку Лигуровъ относитъ корни: *bormo*, *rot*, *seg*; суффиксъ *ra*, при помощи котораго образуется множество рѣкъ, которыя Д'Арбуа де-Жюбэнвилль усердно и перечисляетъ, присоединяя къ рѣкамъ и горную цѣпь Юры—*Jura*. Далѣе, сюда относятся, по нему, суффиксы—*entia*,—*antia*,—*ona* и—*na*,—*mino*,—*mina*,—*meno*,—*mna*,—*mno*; вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ суффиксы—*ati*,—*elo*,—*ela*; корень *sab*. Въ заключеніе Д'Арбуа де-Жюбэнвилль приводитъ нѣсколько словъ, какъ принадлежащихъ Лигурамъ. Одно изъ такихъ, указываемое Плиніемъ²⁰⁸), *asia*, рожь, которое французскій ученый передѣлываетъ въ *sasia*, ставя такую форму въ связь съ санскритск. *sasyam* и дѣлая его такимъ образомъ индо-европейскимъ, что, конечно, произвольно. Что же касается до словъ *roudos*, *eburos*, *multos*, которыя Д'Арбуа извлекаетъ изъ прилагательныхъ *Roudelius*, *Eburelia* или *Eborelia* и *Multelius* или *Mol-*

telius, передаваемыхъ надписями, то лигурійское происхождение этихъ словъ ничѣмъ не доказывается: менѣе подлежитъ сомнѣнію лигурійское происхождение слова *lemos*, вѣзь, имѣющаго связь съ рѣчкой Lem-uris и горой Lem-ur-inus, находившихся, по надписи (С. I. L., I, 199; V, 7749) близъ Генуи; очень можетъ быть, что и Леманъ, lacus Lemanius, какъ называется Женевское озеро, также носитъ лигурійское названіе. Что же касается до слова *alisa*, означающаго «кольха», давшаго происхождение названіямъ многихъ мѣстъ въ Франціи и Германіи, то его лигурійское будто бы происхождение можно оставить на ученой совѣсти члена французскаго Института, Д'Арбуа де-Жюбэнвиля.

Мы уже замѣчали, что соображенія почтеннѣйшаго французскаго академика, какъ и его нѣмецкаго предшественника, основанныя на филологическо-лингвистическихъ комбинаціяхъ, не въ состояніи рѣшить вопроса о происхожденіи Лигуровъ. Что ни тотъ, ни другой ученый въ своихъ выводахъ объ индо-европейскомъ происхожденіи Лигуровъ не имѣютъ твердой почвы подъ ногами, это доказывается сильнымъ колебаніемъ Мюлленгофа, оставляющимъ насъ даже въ невѣдѣніи, — отстаиваетъ ли онъ индо-европейское происхождение этого народа, раньше имъ положительно отвергавшееся, какъ и сознаниемъ шаткости основаній самимъ Д'Арбуа де-Жюбэнвилемъ, который раньше, говоря объ Иберахъ и заявляя, что Лигуры были ихъ древнѣйшими врагами, самъ сознается, что индо-европейское происхождение послѣднихъ не можетъ быть установлено *par les méthodes de la linguistique* ²⁰⁹). Впрочемъ, собранныя лингвистическимъ путемъ данныя того и другого ученаго не лишены значенія по вопросу о размѣщеніи лигурійскаго племени по Европѣ, такъ какъ выводы ихъ подтверждаются въ извѣстной мѣрѣ и другимъ путемъ. Данныя эти совсѣмъ не рѣшаютъ только вопроса о происхожденіи Лигуровъ. Мы, впрочемъ, къ нимъ возвратимся, когда у насъ пойдетъ рѣчь о латинскомъ языкѣ, равно какъ и о другихъ италійскихъ нарѣчіяхъ.

Методы археологическій и антропологическій.

Для насъ несомнѣнно, что для опредѣленія расовой принадлежности Лигуровъ методъ филологическо-лингвистическій оказывается недостаточнымъ и оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ. Къ нему должна притти на помощь, гдѣ можно, археологія и во всякомъ случаѣ антропологія. Одной антропологіи совершенно недостаточно, какъ недостаточно одного языка, чтобы установить родственную связь между народами. Языкъ, какъ это было хорошо извѣстно и раньше Серджи, бываетъ нерѣдко заимствованнымъ, и много было и есть до сихъ поръ на свѣтѣ народовъ, которые говорятъ языкомъ побѣдителей или колонизаторовъ, нисколько не принадлежа къ племени тѣхъ и другихъ. Черепа заимствовать нельзя, хотя многіе изъ антропологовъ и допу-

скаютъ видоизмѣненіе черепного показателя подѣ вліяніемъ племенной помѣси. Но относительно давно угасшихъ народовъ есть та опасность, что могутъ взять за типическіе такіе черепа, которые вовсе не принадлежатъ изучаемому народу. Такъ именно и случилось съ неаполитанскимъ антропологомъ Николуччи и съ англійскимъ ученымъ Исаакомъ Тайлоромъ. Тотъ ²¹⁰⁾ и другой ²¹¹⁾ объявили Лигуровъ туранцами, нашедши черепъ ихъ брахикефальнымъ. Съ Николуччи это произошло отъ того, что онъ, по заявленію Серджи ²¹²⁾, принялъ за лигурійскіе черепа «новые моденскіе», очень похожіе на туринскій, имъ описанный и принадлежащій къ типу кельтскому. Объ ошибкѣ Николуччи заявляетъ и генуэзскій профессоръ Иссель ²¹³⁾. Съ Тайлоромъ произошло это вслѣдствіе его недостаточнаго знакомства съ предметомъ вообще и съ антропологіей въ особенности. Онъ не изучалъ никакихъ лигурійскихъ череповъ, а смѣшивалъ ихъ съ брахикефальной расой Оверни и черепами фюрфоозской расы, давшей части Бельгіи и Франціи коротко-головое населеніе, и, принимая какъ фактъ, что лигурійскіе черепа брахикефальны, что Лигуры были малорослой и смуглой расой, онъ и объявилъ ихъ Лапландцами или Туранцами. Впрочемъ, все его изложеніе этого вопроса такъ запутанно, что трудно выяснитъ себѣ тѣ основанія, на которыхъ онъ основываетъ свое заключеніе. Мы упоминаемъ о теоріи Исаака Тайлора лишь какъ о попыткѣ разрѣшить вопросъ о племени Лигуровъ другимъ путемъ, чѣмъ какимъ рѣшаютъ подобные вопросы филологи и историки. Но попытка эта была крайне неудачна и сдѣлана очень поверхностно.

Антропологическимъ методомъ по преимуществу рѣшаетъ вопросъ о Лигурахъ нѣмецкій ученый, спеціальность котораго мнѣ неизвѣстна, докторъ С. Mehlis. Онъ посвятилъ этому вопросу двѣ статьи въ *Archiv für Anthropologie* 1899 — 1900 (Band XXVI), подѣ заглавіемъ: «Die Ligurefrage» (Вопросъ о Лигурахъ) ²¹⁴⁾. Исходнымъ пунктомъ для автора послужили раскопки неолитическихъ могильниковъ на Среднемъ Рейнѣ, и именно раскопки, произведенныя въ 1896 году близъ Вормса, гдѣ д-ромъ Кёлемъ открыты важнѣйшія изъ средне-рейнскихъ могильниковъ. Скелеты въ этихъ могильникахъ, за малыми исключеніями, принадлежатъ долихокефаламъ и лежатъ или распростертыми или съ поджатыми ногами (eine hockende Stellung). Расовый типъ во всѣхъ могильникахъ одинъ. Онъ имѣлъ средній ростъ (отъ 1,35 до 1,80 м.) и длинный черепъ при несоотвѣтственной высотѣ его. Большая часть могилъ снабжена сосудами, сдѣланными не на гончарномъ кругу, безъ ручекъ, а съ продыравленными приставками, съ линейными и точечными, наполненными бѣлой матеріей, орнаментами въ видѣ трехугольниковъ (волчьи зубы). Изъ орудій тутъ—

топоры съ отвёрстіемъ, длинныя долота, небольшіе топорики. Украшенія изъ камня (оденвальдскій сіенитъ), особенно же изъ раковинъ, изъ ископаемаго оленьяго рога и изъ синяго и сѣраго серпентина. Это долихокефальное племя Мелись признаетъ лигурійскимъ. Но, прежде чѣмъ притти къ такому выводу, онъ говоритъ о Лигурахъ въ Италіи и Южной Франціи, начиная съ указанія мнѣній о нихъ въ древности и кончая новыми учеными—нѣмецкими, французскими и итальянскими, особенно при этомъ останавливаясь на филологическихъ доказательствахъ Д'Арбуа де-Жюбэнвиля въ пользу арианизма Лигуровъ, на археологическихъ и антропологическихъ соображеніяхъ Исселя и примыкая къ теоріи средиземноморской расы Серджи. Это въ первой части. Во второй онъ рассматриваетъ распространеніе Лигуровъ во Франціи, въ Швейцаріи, Сѣверной Италіи, Германіи, приводя самыя разнообразныя мнѣнія ученыхъ, обращается къ антропологическимъ даннымъ изъ гротовъ и дольменовъ Франціи, рассматриваетъ данныя о неолитическихъ черепакахъ Швейцаріи и при-рейнской Германіи и приходитъ къ выводу, что долихокефальность особенно велика на Среднемъ Рейнѣ, меньше въ области Нижней Роны и еще меньше въ западной Альпійской цѣпи горъ. Обращается къ археологическимъ даннымъ, касающимся мѣстъ лигурійскихъ поселеній, и приходитъ снова къ теоріи средиземноморской расы Серджи, раздѣляемой въ Германіи, судя по его указанію, также Вислеромъ и Деникеромъ. По этой теоріи, какъ мы видѣли, Лигуры и Иберы—родственные народы, а не разныя племена, какъ думаютъ Мюлленгофъ, Д'Арбуа де-Жюбэнвиль, Декке и другіе ученые, главное оружіе которыхъ — филологическо-лингвистическія комбинаціи.

Но родства Лигуровъ съ Иберами д-ръ Мелись лишь коснулся, а между тѣмъ въ немъ и лежитъ корень рѣшенія этнологическаго вопроса о Лигурахъ.

Родство Лигуровъ съ Иберами

Еще въ своемъ трудѣ «О происхожденіи Сикуловъ» я высказалъ мысль, что черезъ Гибралтаръ ²¹⁵⁾ шли изъ Африки не только Иберы,—составившіе коренное населеніе Пиринейскаго полуострова и оттуда распространившіеся, по теоріи Серджи, черезъ Западную Францію до Британіи и Ирландіи включительно, что подтверждаетъ и Тацитъ ²¹⁶⁾, говоря о Силурахъ, населявшихъ юго-западную Британію, но и Лигуры, т. е. та часть ихъ, которая населила долину Роны,—приморскія Альпы, собственную Лигурію и долину По, откуда двигалась по восточному склону Апеннинъ и берегу Адриатическаго моря, въ Среднюю и Нижнюю Италію. Пространство между Роной и Пиринейями еще въ позднее время древности, какъ мы видѣли, представлялось такимъ, гдѣ Иберы и Лигуры смѣшивались. Этимъ путемъ

иммиграціи Лигуровъ въ Италію естественнѣе объясняется географическая связь Иберовъ съ Лигурами, чѣмъ если бы мы предположили что Лигуры Южной Франціи, Лигуріи и Сѣверной Италиіи проникли туда черезъ Сицилію и Южную Италію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудно было бы ожидать, чтобы центръ лигурійскаго племени былъ именно въ Сѣверной Италиіи и восточной половинѣ Южной Франціи. Онъ былъ бы тогда въ Кампаніи, Апуліи и вообще въ Южной Италиіи, всегда манившей къ себѣ своимъ превосходнымъ климатомъ и плодородіемъ. Что въ Южную Италію, въ неолитическую эпоху, населеніе проникало и съ Юга, черезъ Сицилію, это было очень естественно при тогдашней геологической конфигураціи материковъ европейскаго и африканскаго, о чемъ у насъ была рѣчь раньше; но преданія говорятъ о другомъ, именно о томъ, что и сама Сицилія получила завладѣвшее ея населеніе съ Сѣвера, съ материка полуострова. При идеѣ, что главная масса лигурійскаго населенія Италиіи пришла туда чрезъ Пиринейскій полуостровъ, мы легко объясняемъ себѣ не только тѣсную географическую связь Лигуровъ съ Иберами, но и связь этническую. Можно и даже естественно думать, что въ эпоху отдаленной иммиграціи изъ Африки въ Европу *не было отличія* между Иберами и Лигурами, которое образовалось между ними въ теченіе тысячелѣтій на европейской почвѣ, какъ не было опредѣленнаго различія между Литовцами, Славянами и Германцами, когда арійское племя стало занимать обширныя равнины восточной Европы, откуда потомъ стало проникать и далѣе на Западъ. Шли впередъ Лигуры, ихъ тѣснили Иберы; но это были Лигуры и Иберы будущаго. Или было и такъ: часть пришельцевъ оставалась на мѣстахъ, которыя положила занять; слѣдовавшія за ними тѣсны, видя ближайшія мѣста занятыми, проходили дальше, пока не находили возможнымъ остановиться; слѣдовавшія за ними, если не оттѣсняли ихъ, то также проходили дальше. Такъ дошли до Пиринеевъ, но не остановились передъ ними, а двинулись дальше. Одни изъ иммигрантовъ повернули къ Востоку, другіе шли дальше на Сѣверъ. Но эти передвиженія не были постоянными: это было медленное расселеніе въ продолженіе столѣтій. Часть, которая двигалась по берегу моря къ Востоку и заняла, наконецъ, Сѣверную Италію, составила тотъ слой населенія, который сталъ называться Лигурами. Оставшіеся на Пиринейскомъ полуостровѣ стали называться Иберами. Поднявшіеся къ Сѣверу по Западной Франціи и проникшіе на Британскіе острова общаго имени не имѣли и, подавленные въ послѣдствіи новой иммиграціей, исчезли изъ среды особыхъ народовъ, не оставивъ послѣ себя и именъ своихъ или передавъ ихъ своимъ покорителямъ. Въ послѣдствіи

часть Лигуровъ является на Пиринейскомъ полуостровѣ. Это было, конечно, вторженіе съ Сѣвера, такъ какъ границы лигурійскаго населенія съ иберійскимъ соприкасались, и борьба между ними была естественна. Впослѣдствіи произошло такимъ-же путемъ вторженіе Кельтовъ за Пиринеи, образовавшее тамъ, въ центральной части полуострова, смѣшанное населеніе кельтиберовъ. Такъ или иначе Иберы составили основное населеніе Пиринейскаго полуострова, какъ это было еще извѣстно Варрону²¹⁷⁾ и Страбону²¹⁸⁾, а Лигуры—Апеннинскаго. Что же касается прилегающихъ къ Италиі острововъ, то въ Сициліи было, повидимому, и другое населеніе въ лицѣ Сикуловъ—Лигуровъ и Сигановъ—Иберовъ, о чемъ мы подробно толковали въ своемъ трудѣ «О происхожденіи Сикуловъ» и особенно въ добавочной къ этому труду статьѣ подъ заглавіемъ: «Еще о Сикулахъ; Умбрахъ и Латинянахъ»²¹⁹⁾, и о чемъ будемъ говорить ниже. Островъ Сардинія принадлежалъ по преимуществу Иберамъ, какъ и нынѣшнее нарѣчіе горныхъ Сардинцевъ, считается болѣе близкимъ къ испанскому, чѣмъ къ итальянскому. Болѣе смѣшанное населеніе представляетъ Корсика, гдѣ, сосланный туда философъ Сенека, признавшій Сардовъ по языку и обычаямъ за Иберовъ, замѣтилъ здѣсь на тѣхъ же основаніяхъ, кромѣ греческаго элемента, еще элементъ лигурійскій²²¹⁾. Островъ Пьяноза, также заселенный еще въ неолитическую эпоху, можетъ быть прямо отнесенъ къ лигурійскимъ мѣстностямъ, будучи тѣсно связанъ съ континентомъ Италиі не только культурно²²²⁾, но и географически.

Родство Лигуровъ съ Иберами, не замѣчаемое филологами и лингвистами²²³⁾, но признаваемое палео-этнологами²²⁴⁾, видящими одну и ту-же культуру на обоихъ полуостровахъ, занятыхъ этими племенами, какъ и на островахъ, лежащихъ между ними въ Средиземномъ морѣ, подтверждается и антропологическими данными. Профессоръ Иссель, изслѣдовавшій черепа скелетовъ въ лигурійскихъ пещерахъ, приходитъ къ заключенію, что всѣ эти черепа, какъ палеолитическіе (по нему, міолитическіе), такъ и неолитическіе и позднѣйшіе, которые онъ называетъ *protostorici*, принадлежать къ расѣ Кро-Маньонъ, которую онъ видитъ, судя по ея слѣдамъ, распространившуюся по Лигуріи, Эмиліи, Истріи, Лаціуму, Сициліи, Сардиніи, Западной Франціи, Бельгіи, Южной Испаніи, видитъ на Канарскихъ островахъ и предполагаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ²²⁵⁾. Изслѣдовавшій черепа юго-восточной Испаніи, добытые замѣчательными раскопками братьевъ Анри и Луи Сирэ, и помѣстившій свое изслѣдованіе въ ихъ роскошномъ изданіи результатовъ этихъ раскопокъ докторъ Жакъ заявляетъ²²⁶⁾, что важнѣйшій элементъ конституціи этихъ народовъ со-

ставляетъ раса Кро-Маньонъ, которая представлена здѣсь самымъ очевиднымъ образомъ, какъ и во всѣхъ до-историческихъ стоянкахъ полуострова». Вотъ что говоритъ объ этомъ антропологическомъ родствѣ Лигуровъ съ Иберами Серджи ²²⁷⁾: «Антропологическія данныя вполнѣ подтверждаютъ это родство между Лигурами и Иберами, которые должны быть разсматриваемы, какъ двѣ большихъ вѣтви одной семьи, имѣющія много второстепенныхъ разновидностей, болѣе или менѣе расходящихся, но съ общими морфологическими свойствами. Иберы и Лигуро-Сикюлы, какъ вытекаетъ изъ моего изученія, имѣли вообще удлинненную голову, месо-долихо-кефальную, и въ то время какъ мы, съ одной стороны, имѣемъ двѣ сикюльскія разновидности, *eusampylos* и *isobathys*, общія иберійскому до-историческому населенію, съ другой—открывается, что Лигуры пещеръ *Agene Candide*, *Balzi Rossi* и *Ментоны* имѣютъ голову того типа, называемаго Кро-Маньонъ, который находится также въ томъ-же самомъ населеніи юго-восточной Испаніи въ началѣ эпохи металловъ. Это вытекаетъ изъ работы] надъ черепами Аргара д-ра Жака, который предлагаетъ на-стоящій типъ Кро-Маньонъ на таб. 69. нум. 65 (р. 824а), мужской. Такимъ образомъ, три лигурійско-сикюльскихъ разновидности, которыя находятся въ Италіи и на Сициліи, находятся и въ иберійскомъ населеніи до-историческихъ временъ». Профессоръ Серджи справедливо жалуется при этомъ на Николуччи, который, принявъ за лигурійскіе черепа совсѣмъ другіе, какъ мы на это уже указывали, призналъ Лигуровъ короткоголовыми и объявилъ Туранцами. Между тѣмъ, новыя изслѣдованія доказали, что Лигуры такъ же долихокефальны, какъ и Иберы, долихокефальность которыхъ доказалъ, кромѣ Брокка, еще Феррасъ де Маседа, разсмотрѣвшій 1000 португальскихъ череповъ изъ всѣхъ провинцій и нашедшій между ними лишь 70 брахи-кефальныхъ. Что касается до долихокефальности Лигуровъ, то кромѣ Иссееля, самого Серджи ²²⁸⁾, посвятившаго этому предмету цѣлый рядъ трудовъ, она доказывалась еще Цампой ²²⁹⁾ и Ливи ²³⁰⁾ на нынѣшнихъ итальянцахъ. Послѣдняго рода доказательства имѣютъ особую важность, такъ какъ подтверждаютъ, что не смотря на смѣшенія, происходившія въ теченіе тысячелѣтій, въ Лигуріи и въ остальной Италіи, за исключеніемъ Пьемонта, Ломбардіи, Венеціанской области и Эмилии, областей, куда кельтскій и другіе индо-европейскіе элементы внесли сплнную брахицефалию, господствующій элементъ долихокефальный, и онъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше къ Югу, равно какъ и на островахъ Сициліи и Сардиніи. Выводы Ливи основаны на 12.182 измѣреніяхъ, сдѣланныхъ надъ солдатами, причемъ 200 измѣреній принадлежатъ самому Ливи. Но, къ сожалѣнію, пользоваться

его данными я считаю для себя неудобнымъ, такъ какъ обозначенія долихокефальности и брахикефальности у него являются въ цифрахъ, не соответствующихъ общепринятымъ.

Общность географическихъ названій на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ

Кромѣ культурнаго сходства, выражающагося въ одинаковомъ устройствѣ могилъ, каковы погребальные гроты Италіи и Испаніи, острововъ Сициліи и Сардиніи, дольменовъ Португаліи и южной Франціи, затѣмъ въ погребальной утвари съ ея формами и орнаментами, на что мы въ теченіе этого сочиненія многократно указывали, кромѣ сходства краниологическаго въ населеніяхъ обоихъ полу-острововъ и прилегающихъ къ Италіи о-въ, сходства, подтверждаемаго и современными данными относительно черепного показателя на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ, общность расы Иберовъ и Лигуровъ подтверждается многочисленными общими географическими названіями на обоихъ полуостровахъ, на что было обращено вниманіе еще Вильгельмомъ Гумбольдтомъ ²³¹). Знаменитый филологъ и лингвистъ, изучая баскскій языкъ, собралъ немало общихъ тому и другому полуострову названій. Часть этихъ общихъ (или сходныхъ по корню) названій я привелъ въ своей статьѣ о происхожденіи Сиколовъ ²³²), но такъ какъ сочиненіе В. Гумбольдта далеко не всегда можно имѣть подъ руками, то я позволю себѣ воспроизвести здѣсь приводимыя имъ комбинаціи *). Эта поразительная общность мѣстныхъ названій привела Гумбольдта къ предположенію, что Иберы въ древнѣйшее время населяли также и Италію вмѣстѣ съ островами Средиземнаго моря, къ

*) *Iria* (Plin. I, 150, 6) у Тавриновъ (рѣка и городъ въ Лигуріи) напоминаетъ басское слово *городъ* и *Iria Flavia* у Каллаиковъ или Галлаиковъ въ Испаніи. *Uria* (Plin., I, 167, 4) въ Апуліи совпадаетъ съ басскимъ словомъ *uria* и городомъ *Urium* Турдуловъ. *Astura* (Plin. I, 152, 16), рѣка и островъ близъ Антіа и *Astura* рѣка въ Галлеціи, впадающая въ Дуэро или Дуро (*Durius*), *Astures*—народъ въ Галлеціи. *Asta* внутри Лигуріи (Plin I, 150, 8, нын. Асти въ Пьемонтѣ) и *Asta*, *Astigi* у Турдитановъ. *Ausones* напоминаетъ испанское *Ausa* и *Ausetani*. Рѣка *Arsia* въ Истріи (Plin. I, 175, 19) напоминаетъ *Arsa* въ Бэтуріи. *Basta* въ Калабріи (Plin. I, 166, 14) и *Basti* у Бастетановъ. *Basterbini* (Plin. I, 168, 7), вѣтъвъ Саллентиновъ; басское *erbestatu* значитъ выселяться, а *basoa* лѣсъ: отсюда,—какъ бы выселившіеся изъ лѣсстаго мѣста. *Biturgia* (Ptol. III, 1, p. 72) въ Этрурріи и *Bituris* Васконовъ. *Campania*, конечно, отъ *camprus*, поле; но *καμπος* у Гезихія, сицилійское слово, обозначающее ристалище, *Repubahn*, заключаетъ въ себѣ идею равнины, а басское *campron*, вѣтъ, заключаетъ въ себѣ идею пребыванія на открытомъ пространствѣ.—*Curenses* (Plin. I, 169, 5) Сабиняны и *litus Coreense* въ Бэтикѣ и «почти одинаково звучащее» *Gurulis* въ Сардиніи (Ptol. III, 3, p. 77). *Hispellum* въ Умбріи. Рѣка *Lambrus* (Plin. I, 173, 8), впадающая въ По и *Lambriaca* и *Flavia Lambris* Галлаиковъ. *Murgantia* городъ Сиколовъ (Diod. Sic. XIV, 78) и *Murgis* въ Испаніи, *Suessa* въ Лаціумѣ и (*Suessula*?) въ Кампаніи (Plin. I, 154, 10; 883, 9) и *Suessetani*, племя Илеретговъ (p. 111—118), и др.

ней прилегающими. Такое предположеніе дѣйствительно навязывалось само собой тогда, когда родство съ ними Лигуровъ не было установлено ни палео-этнографическими, ни антропологическими данными. Теперь же оно лишь можетъ служить подтвержденіемъ общности племени, раздѣлившагося на югѣ Европы на двѣ большихъ вѣтви: Иберовъ и Лигуровъ.

Одну часть этой второй вѣтви составили Сикюлы. По извѣстіямъ древнихъ писателей, Сикюлы сначала жили въ Италіи. Они, по преданію, были даже древнѣйшими обитателями Рима. Объ этомъ говорить не только болтливый Діонисій Галикарнасскій ²³³), но и такіе солидные изслѣдователи, какъ Варронъ ²³⁴) и Веррій Флаккъ ²³⁵), при чемъ Варронъ даже ссылается на старыя лѣтописныя сказанія (ut annales veteres nostri dicunt). Другіе писатели просто говорятъ, что Сикюлы были древнѣйшими или одними изъ древнѣйшихъ обитателей Лаціума. Такъ говоритъ Плиній ²³⁶), такъ относится къ нимъ Вергілій ²³⁷), мѣняя, впрочемъ, ради стихотворныхъ требованій, ихъ на Сикановъ. Въ этомъ же родѣ не стѣсняется замѣной и его комментаторъ Сервій ²³⁸). Разные писатели ²³⁹) навязываютъ Сикюламъ цѣлый рядъ городовъ въ Лаціумѣ и внѣ его, между прочимъ Тибуръ, гдѣ, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго ²⁴⁰), даже часть города и въ его время носила названіе Сикюльской (Eskelohv), два города (Фалерію и Фесценній въ землѣ Фалисковъ, а равно помѣщаетъ ихъ въ землѣ Сабинянь, въ Этруріи, въ Пиценѣ и даже говоритъ, что они населяли во время оно всю Италію. Затѣмъ преданіе говоритъ, что населявшіе Лаціумъ Сикюлы были оттуда прогнаны двинувшимися изъ Реатинской области Аборигенами, вспомошествоваемыми Пелазгами, какъ объ этомъ повѣствуетъ Діонисій Галикарнасскій ²⁴¹), Сакранами—по словамъ Веррія Флакка, передаваемымъ Фестомъ ²⁴²). Сакраны т.-е. сабинская молодежь долженствовавшая въ «священную весну» (veg sacrum) отправляться искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія, по заявленію Сервія ²⁴⁶), были изгнаны въ свою очередь Аборигенами, а Сикюлы изгнаны были будто бы Лигурами (sic!), эти послѣдніе Сакранами. Такимъ образомъ, преданія относительно изгнанія Сикюловъ отъ Лаціума очень сбивчивы и въ сущности указываютъ на фактъ нападенія на Лаціумъ, совершоннаго прибывшими съ Сѣвера завоевателями, которые въ преданіи называются именемъ (Sacrani), принадлежавшимъ молодежи Сабельскаго племени, но которые въ дѣйствительности являются тутъ Латинянами. Племя которое было частію завоевано, частію изгнано этими послѣдними, называлась Сикюлами. Народъ съ этимъ названіемъ является намъ на своихъ мѣстахъ лишь на островѣ, получившемъ отъ нихъ своихъ имя,—Сициліи.

Поселеніе
Сиколовъ на
островѣ

Для насъ тутъ нѣтъ никакой цѣли разбирать вопросъ о томъ, какимъ образомъ совершился переходъ Сиколовъ на островъ и совершился ли онъ на самомъ дѣлѣ въ этотъ періодъ борьбы пришельцевъ другой расы съ Сѣвера, или Сиколы гораздо раньше заняли на островѣ тѣ мѣста, въ которыхъ они намъ являются у греческихъ историковъ. Подробно мы входили въ эту путаницу извѣстій въ своемъ трудѣ о происхожденіи Сиколовъ ²⁴⁴). Тамъ мы допускали возможность удаленія Сиколовъ на о—въ подъ давленіемъ новыхъ пришельцевъ, которые, распространившись къ югу по полуострову, подъ разными названіями — Опиковъ или Осковъ, Энотровъ, Япиговъ (последніе поселились въ юго-восточной части полуострова и явились туда не въ одинъ періодъ съ первыми), нигдѣ не давали изгнанникамъ пристанища, заставили ихъ такимъ образомъ переплыть Мессинскій проливъ и тамъ найти себѣ болѣе прочныя мѣста для поселенія. Но съ этимъ предположеніемъ трудно вяжется установленный раскопками въ юго-восточной части Сициліи фактъ пребыванія Сиколовъ на островѣ по крайней мѣрѣ съ энеолитическаго періода, т.-е. съ послѣдней эпохи каменнаго вѣка, а между тѣмъ распространенія по Италіи пришельцевъ новой расы съ Сѣвера мы, на основаніи палео-этнографическихъ данныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, не можемъ допустить раньше конца бронзоваго вѣка. По крайней мѣрѣ, ни сожженія, какъ погребальнаго обряда новыхъ пришельцевъ, ни свайныхъ построекъ, въ которыхъ провело бронзовый періодъ вторгшееся новое племя въ долину По, мы не встрѣчаемъ въ Средней и Нижней Италіи раньше начала желѣзнаго или конца бронзоваго періодовъ. Недавно открытая близъ Таранто террамара на горѣ, заключающая въ себѣ всѣ характеристическіе признаки террамаръ Эміліи до рогообразной ручки и обоюдоостраго ножа включительно, относится уже къ концу бронзоваго періода, какъ заключаетъ и свой отчетъ о ней открывшій эту археологическую неожиданность профессоръ Квальяти ²⁴⁵).

Несостоя-
тельность
мнѣнія о род-
ствѣ Сиколовъ съ Латинянами

Такимъ образомъ, поселеніе Сиколовъ на Сициліи произошло, какъ слѣдуетъ думать, не подъ вліяніемъ натиска на нихъ пришельцевъ арійскаго племени съ Сѣвера, а раньше, по крайней мѣрѣ въ концѣ неолитической эпохи, такъ какъ мы видимъ памятники ихъ жизни въ восточной и юго-восточной Сициліи въ искусственныхъ гротахъ, гдѣ они погребали своихъ покойниковъ въ энеолитическій, бронзовый и желѣзный періоды, пока не были отодвинуты внутрь острова греческою колонизаціей. Уже этого одного факта, факта хронологическаго и неоспоримаго, достаточно для того, чтобы устранить, какъ не нужную, всякую рѣчь о родствѣ Сиколовъ съ Латинянами, защищаемомъ до сихъ поръ учеными ²⁴⁶), которые, рассуждал

о вопросахъ до-исторической древности и въ частности объ этнографической принадлежности того или другого исчезнувшаго народа, черпаютъ свои доказательства изъ преданій и филологическихъ комбинацій. Остатки какого-либо языка въ той мѣстности, гдѣ жилъ изучаемый народъ, конечно имѣютъ свою важность для этнографическихъ опредѣленій или заключеній, но только тогда, когда они согласуются съ данными болѣе осязательными, каковы археологическія или палео-этнографическія, антропологическія; иначе эти остатки легко могутъ быть приписаны не тому народу, о которомъ идетъ рѣчь, а совсѣмъ другому. Извѣстныя обозначенія вѣса и мѣры, употреблявшіяся сицилійскими греками съ явнымъ отраженіемъ въ этихъ названіяхъ латинскаго языка, объясняются естественнымъ образомъ оживленными торговыми сношеніями Сиракузъ съ Римомъ еще въ V ст. до Р. Хр., что прочно установлено исторіей, а введеніе въ обиходную рѣчь сицилійскихъ Грековъ нѣсколькихъ латинскихъ словъ, какъ *lepus*, животное, котораго въ Сициліи до начала V вѣка, повидимому не было ²⁴⁷), или какъ *catinus*, *patina*, названія столовой посуды, объясняется, кромѣ торговыхъ сношеній съ Римомъ, близостью италійскаго материка къ острову, на который съ конца V ст. до Р. Хр. стали поступать на службу то къ Грекамъ, то къ Финикіянамъ, въ качествѣ наемныхъ солдатъ, оски или самниты изъ Кампаніи. Но ничто не мѣшаетъ думать, что переходъ отдѣльныхъ группъ поселенцевъ изъ Южной Италиіи въ Сицилію происходилъ и раньше. Такимъ образомъ вошли въ языкъ сицилійскихъ Грековъ слова, какія вносятся всегда и вездѣ пришельцами и усваиваются въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ страны, гдѣ эти группы поселяются. И Варронъ ²⁴⁸), говоря объ употребленіи въ Сициліи названія зайца въ латинской формѣ, выражается такъ: «*нѣкоторые сицилійскіе Греки называютъ это животное λέπτορον*». Что же касается до употребленія вѣсовыхъ названій на манеръ римскихъ и даже съ обозначеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо латинскими словами, — *λίτρα* (соотв. *libra*) и *ἡμιλίτριον τριάς* (*triens*), *τετράς* (*quadrans*), *ἑξάς* (*sextans*), *οὐνκία* (*uncia*), *δεκάκιον* (*deunx*), *πεντάκιον* (*quincunx*), или такихъ словъ юридическаго или государственнаго языка, какъ *μοίτρον* (*mutuum*), *κάρκαρον* (*carcer*), то это только показываетъ, какъ были оживлены торговля сношенія между Сиракузами и Римомъ, или и вообще между Сициліей и Италіей, со времени развитія греческой колонизаціи въ Сициліи. Думать же, что Сиракузы, городъ обширной морской торговли, завели у себя дюдецимальную систему вѣса и денегъ, заимствовавъ ее у Сикуловъ, отгѣсненныхъ ими внутрь полуострова, и ради нихъ, намъ кажется просто наивнымъ (*sit venia verbo!*). Сиракузянамъ требовалась система вѣса не для мѣстнаго употребленія,

очень ограниченнаго, и имъ не было никакого труда подчинить своей, привезенной съ родины, системѣ побѣжденныхъ или удаленныхъ отъ берега варваровъ, которые, подчиняясь и раньше иноземной торговлѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ могильные памятники, начиная съ до-микенскаго времени до эпохи диллонскаго геометрическаго стиля въ керамикѣ, потомъ не только усвоили себѣ греческую культуру, но и слились съ греками въ одинъ народъ: имъ требовалась система, элементы которой они видѣли въ Средней Италиі, на которую прежде всего была направлена ихъ торговля, гдѣ былъ Римъ, Лаціумъ и Этрурія. Остаются названія городовъ съ характеромъ какъ бы латинскимъ и напоминающимъ названія городовъ или мѣстъ на материкѣ Италиі: но во-первыхъ латинское происхожденіе этихъ названій (*Μοργάντιον, Γαλαρία, Σερύστιον, Νέχτων, Κασιμίαι, Καμάρινα*) очень сомнительно, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказано, а существованіе соответствующихъ имъ названій на полуостровѣ можетъ свидѣтельствовать только объ этнической связи населенія Сициліи съ первобытными обитателями полуострова, какъ связь такого рода доказывается общностью многихъ типическихъ названій на полуостровахъ Пиринейскомъ и Апеннинскомъ ²⁴⁹).

Сколько бы ни приводили свидѣтельствъ будто бы изъ языка Сиккуловъ въ доказательство принадлежности ихъ къ Италикамъ или даже прямо къ Латинянамъ, противъ этого возстаетъ цѣлый рядъ самыхъ сильныхъ возраженій археологическихъ, хронологическихъ, филологическихъ, съ которыми никогда не въ состояніи справиться защитники родства Сиккуловъ съ Латинянами. Мы твердо знаемъ, что погребальный обрядъ Сиккуловъ и устройство ихъ могилъ соотвѣтствуютъ Лигурамъ въ Италиі, Иберамъ Сардиніи и Пиринейскаго полуострова, и нисколько не соотвѣтствуютъ Италикамъ террамаръ, Виллановы и другихъ при-болонскихъ могильниковъ, какъ и древнѣйшихъ могильниковъ Этруріи и Лаціума, т. е. арійскому населенію, не знавшему ни погребальныхъ гротовъ, ни погребенія труповъ или (правильнѣе) скелетовъ, окрашивания этихъ скелетовъ и т. п. Мы видѣли также, что сиккульскія могилы искусственныхъ гротовъ начинаются въ концѣ неолитической эпохи, т. е. въ энеолитическій періодъ, а между тѣмъ террамары, первыя безспорно арійскія поселенія въ Италиі, принадлежатъ бронзовому періоду. Мы видимъ, что латинскія слова въ сиракузской системѣ вѣса и монетныхъ подраздѣленій являются результатомъ торговыхъ сношеній Сиракузъ съ Лаціумомъ, какъ и латинскія названія двухъ-трехъ предметовъ домашняго обихода у сицилійскихъ Грековъ являются результатомъ частыхъ взаимныхъ сношеній народовъ Средней и Южной Италиі съ Сициліей, и что сходство названій нѣсколькихъ поселеній на островѣ и на материкѣ

Итали нисколько не говорить о томъ, что эти названія и тамъ и сямъ арійскаго корня. Мы увидимъ дальше, что латинскій и другіе италійскіе языки, ему родственные, приняли въ себя не мало элементовъ кореннаго населенія Итали, лигурійскаго. Но независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній, имѣеть большую важность и то, что сицилійскій историкъ Филистъ, Сиракузянинъ, которому могла быть хорошо извѣстна разница между элементами тогдашняго (IV вѣка до Р. Хр.) населенія Сициліи, прямо называетъ Сиколовъ Лигурами, ²⁵⁰), какъ Сикановъ—Иберами. Если въ первомъ случаѣ онъ стоитъ между греческими историками одинокъ, встрѣтивъ потомъ подтвержденіе въ латинскомъ поэтѣ Силиѣ Италикѣ ²⁵⁰), то не встрѣчаетъ и опроверженія. Относительно же Сикановъ онъ имѣеть за себя Фукидида ²⁵²), который прямо и рѣшительно называетъ ихъ Иберами. Ясно видно, что тотъ и другой историкъ видѣли въ остаткахъ этихъ народностей взаимныя различія и въ то-же время отличали и тотъ и другой народъ отъ всѣхъ другихъ. Фукидидъ зналъ, что Сиканы живутъ еще на западѣ острова и что остатки Сиколовъ есть еще въ Итали. Филистъ также зналъ, что Сиколы не одно и то-же съ Сиканами, такъ какъ они имѣють сходство съ Лигурами, а эти послѣдніе съ Иберами. Фукидидъ и Филистъ даже выводили Сикановъ изъ Иберійскаго полуострова ²⁵³). Это, разумѣется, ошибка, но она подтверждаетъ то, что было у историковъ основаніе видѣть въ Сиканахъ потомковъ Иберовъ. Съ этимъ, однако, нисколько не считаются филологи и лингвисты, довольные тѣмъ, что латинизированныя имена этихъ народовъ даютъ имъ будто бы возможность производить эти имена отъ латинскаго *sica* (коса) и тѣмъ утверждать ихъ родство съ Латинянами. Вопросъ о Сиканахъ былъ у греческихъ историковъ, занимавшихся исторіей Сициліи, очень живымъ вопросомъ. Всѣ они согласны въ томъ, что это племя очень древнее. Тимей ²⁵⁴) настаивалъ даже на томъ, что Сиканы — автохтоны на островѣ, обвиняя при этомъ Филиста, производившаго ихъ вмѣстѣ съ Фукидидомъ изъ Иберіи, т. е. съ Пиринейскаго полуострова, въ невѣжествѣ. Эфоръ, ²⁵⁵) не говоря объ автохтонствѣ Сикановъ, видѣлъ въ нихъ самыхъ древнихъ обитателей Сициліи. Вотъ каковы въ глазахъ древнихъ были эти «Латиняне», взявшіе будто бы свое имя отъ латинскаго *sica* ²⁵⁶), которое, однако, имѣеть долгое *i*, а не короткое, какъ *i* въ *Siculi* и *Sicani*. Это было, по всей вѣроятности, то населеніе, которое мы видѣли, начиная съ палеолитическихъ временъ въ природныхъ пещерахъ Сициліи сѣверо-западной и внутренней, и которое было распространено по всему полуострову, такъ что его слѣды мы могли видѣть и въ окрестностяхъ Сиракузъ въ неолитической стоянкѣ Стентинелло и въ юго-западной части острова въ пров.

Сиканы

Джирдженти, гдѣ, по нѣкоторымъ указаніямъ древнихъ ²⁵⁷), протекала рѣка Сиканъ, въ которой нѣкоторые ²⁵⁸) новые историки видятъ южную Гимеру, и названіе которой какъ бы перенесено было изъ Испаніи, изъ предполагаемыхъ прежнихъ мѣстъ поселенія Сикановъ у рѣки этого имени ²⁵⁹). Лингвистическія комбинаціи, какъ видно, и были причиною такого упорнаго принятія происхожденія Сикановъ изъ Испаніи, какъ подобныя комбинаціи вводятъ въ заблужденіе и новыхъ историковъ, филологовъ и глоттологовъ.

Но если Сиканы, будучи Иберами, пришли на Сицилію не изъ Испаніи, — мы скорѣе склонны предположить колонію сицилійскихъ Сикановъ въ Испаніи, — то едва ли они явились на островъ и изъ Италиі. Мы видѣли, что Сицилія была населена съ палеолитической или, по геологической терминологіи, съ четвертичной эпохи. Въ эту же эпоху, какъ мы видѣли, она долгое время не была еще островомъ, а была соединена съ Африкой, и потому первоначальное населеніе въ ней должно было быть то самое, что и въ Сѣверной Африкѣ, какъ и вся фауна того времени была въ ней африканская. Сиканы, которые считали себя сами автохтонами или признавались за таковыхъ нѣкоторыми изъ историковъ (Тимей), не знали своего происхожденія, какъ не знали своего Сикулы, подвергшіеся за это обвиненію со стороны Катона. Но, отдѣленные впоследствии моремъ отъ Африки, они вѣроятно чувствовали свое родство съ Иберами Пиринейскаго полуострова, съ которыми имъ приходилось сталкиваться, когда навигація, сначала микенская, потомъ финикійская и, наконецъ, греческая, возстановила до извѣстной степени сношенія между островомъ, расположеннымъ такъ выгодно въ Средиземномъ морѣ на пути мореплавателей, и юго-западнымъ материкомъ Европы. Тогда у сицилійскихъ Сикановъ и родилась мысль о своемъ родствѣ съ испанскими Иберами и о происхожденіи изъ этой страны, мысль, которая была усвоена изъ историковъ вѣроятно прежде всего Антиохомъ Сиракузскимъ, начавшимъ свою Сицилійскую исторію съ Кокала, царя Сикановъ ²⁶⁰), и отъ него перешла къ его младшему современнику Фукидиду и затѣмъ къ Филисту, также Сиракузцу, какъ и самъ Антиохъ. Конечно, и Фукидидъ и Филистъ не приняли эту мысль на вѣру (если дѣйствительно заимствовали ее отъ Антиоха, который, по мнѣнію Нибура и многихъ другихъ ученыхъ, служилъ источникомъ для Фукидида въ Сицилійской исторіи), а имѣли возможность отнестись къ ней критически. Фактъ — тотъ, что Сиканы въ древности считались Иберами и представляли собой древнѣйшее населеніе острова, расположеннаго между Италіей и современнымъ Тунисомъ.

Различіе
между Сику-
лами и Си-
канами

Что Сикулы были не одно съ Сиканами, видно во-первыхъ изъ того, что тотъ и другой народъ въ древности и именно на самомъ

островѣ считались различными. Сикуловъ не называетъ Иберами ни одинъ древній писатель; никто равнымъ образомъ не производитъ ихъ изъ Испаніи. Преданія единогласно приводятъ Сикуловъ въ Сицилію изъ Италіи. Во-вторыхъ, Сикулы на первыхъ-же порахъ на островѣ, гдѣ они, по свидѣтельству историковъ (Фукидида ²⁶¹), Діонисія Галикарнасскаго ²⁶²), заняли, прогнавши Сикановъ, восточную часть, наиболѣе плодородную, обнаруживаютъ другой характеръ въ культурѣ, погребая своихъ покойниковъ въ искусственныхъ гротахъ и имѣя посуду съ раскрашеннымъ орнаментомъ, вмѣсто природныхъ пещеръ и нарѣзного орнамента сиканской культуры, хотя вліяніе сикульской культуры уже чувствуется въ раскрашенныхъ сосудахъ въ пещерахъ Ладзаро близъ Модики и еще болѣе въ Монтерачелло близъ Джирдженти, гдѣ рядомъ съ природными гротами встрѣчаются искусственные. Здѣсь мы видимъ уже подчиненіе Сикановъ, которымъ принадлежала эта мѣстность, прилегающая къ Джирдженти ²⁶³), энеолитической культурѣ Сикуловъ.

Впрочемъ на этомъ вопросѣ нужно нѣсколько остановиться. «Какъ Греки закрыли собой съ теченіемъ времени Сикуловъ,—писали мы раньше ²⁶⁴),—такъ Сикулы закрыли собой Сикановъ, о которыхъ мы можемъ судить только по остаткамъ ихъ неолитической культуры, сохранившейся особенно въ западной части острова. Самое рѣзкое различіе между ними и Сикулами, кромѣ типичнаго погребальнаго обряда у этихъ послѣднихъ, котораго и слѣда мы не находимъ у неолитическихъ обитателей Сициліи, заключается въ росписной посудѣ Сикуловъ энеолитическаго періода, которая, представляя шагъ назадъ, сравнительно съ посудой Стентинелло и палермскихъ природныхъ гротовъ, въ качествѣ пасты и обжига, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ совершенно особый характеръ вкуса и промышленности у населенія, ее производившаго. Но точно опредѣлять расовыя отношенія между Сикулами и Сиканами не легкое дѣло... Не подлежитъ сомнѣнію, что совмѣстная жизнь въ теченіе столѣтій до того сгладила особенности Сикановъ, что мы, начиная съ энеолитическаго періода, видимъ въ Сициліи однихъ Сикуловъ, культуру которыхъ мы наблюдаемъ не только въ природныхъ гротахъ провинцій Катаніи и Сиракузы, но и на собственной территоріи Сикуловъ въ области Джирдженти (Агригента). Начатки этого сближенія мы видимъ еще и во время сохраненія Сикулами своей культурной особенности, какъ напримѣръ въ слѣдахъ раскраски чернымъ по красному на нѣкоторыхъ осколкахъ сосудовъ грота Ладзаро близъ Модики, на посудныхъ осколкахъ нѣкоторыхъ другихъ мѣсть (Джераче, Виллафрати, Пьетрарока), изслѣдованныхъ Андрианомъ, Мауджини и другими, а равно и въ обли-

женіи самыхъ формъ керамики. Иначе и быть не могло. Живя рядомъ, населенія поневолѣ сближаются. Какъ въ послѣдствіи Сикюлы вполне сблизились съ Греками, слились съ ними въ языкъ и культурѣ, такъ это было раньше и съ Сиканами, принявшими, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго общенія съ своими сосѣдями, болѣе развитую культуру Сикюловъ».

Наше не-
согласіе съ
Орси

Но это совершившееся обліженіе между обѣими древнѣйшими сицилійскими народностями не даетъ намъ права согласиться съ послѣдними заявленіями по этому предмету, сдѣланными Орси, которому однако такъ много мы обязаны раскрытіемъ культуры Сикюловъ. Прежде Орси, основываясь на разницѣ культуры отбросовъ Стентинелло съ культурой энеолитическихъ гротовъ Сикюловъ, заявлялъ ²⁶⁵), что культура, обозначаемая этими отбросами, принадлежитъ народу, «родственному съ населеніемъ дольменовъ, но отличному отъ Сикюловъ». Съ этимъ мнѣніемъ онъ оставался до тѣхъ поръ, когда встрѣтился съ сикюльскими сосудами въ провинціи Джирдженти, признаваемой областью Сикановъ; тутъ онъ сталъ находить ²⁶⁶), что не существуетъ никакой глубокой, существенной разницы между Сиканами и Сикюлами. Вступивъ потомъ въ споръ съ Патрони, полагающимъ рѣзкое различіе между обоими народами, Орси сглаживаетъ это различіе до того, что говоритъ ²⁶⁷) о «Сикано — Сикюлахъ, обитателяхъ до-эллинской Сициліи», противопоставляя ихъ общую «расу и культуру» культурѣ и расѣ Италиковъ-Арійцевъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего общаго въ устройствѣ могилы и въ похоронномъ обрядѣ. Наконецъ, въ статьѣ о Панталлѣ онъ уничтожаетъ уже всякое различіе между Сиканами и Сикюлами, говоря ²⁶⁸), что различіе между ними «чисто номинальное» и можетъ служить лишь для обозначенія хронологической разницы «между *Сикюлами* древнѣйшими и позднѣйшими».

Мы такъ не думаемъ. Принимая во вниманіе и признаваемую древними писателями особенность народности Сикановъ и Сикюловъ, а равно и особенность культуры Сикановъ, остановившейся на природныхъ пещерахъ и развивавшейся на островѣ съ четвертичной или палеолитической эпохи, мы считаемъ ихъ прямыми выходцами изъ Африки въ ту эпоху, когда получилъ населеніе и островъ Пантеллерія, и когда, быть можетъ, Сицилія, какъ и Пантеллерія, были связаны съ Тунисомъ если не всецѣло, то гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Сикюлы же, какъ объ этомъ говорить и литературное преданіе, перешли на островъ съ материка Италіи, гдѣ оставались ихъ соплеменники еще и въ историческое время (по свидѣтельству Оукидида) и гдѣ остатки ихъ бронзовой культуры, правда, уже

довольно поздніе, были найдены подлѣ Матеры. Правда, теперь выводитъ Сигановъ непосредственно изъ Африки и Орси ²⁶⁹), но онѣ ихъ совершенно объединяетъ съ Сигулами и если признаетъ послѣднихъ въ населеніи, открытомъ Патрони близъ Матеры, то, въ противоположность послѣднему, выводитъ ихъ изъ Сициліи въ Италію, а не наоборотъ.

Мы уже достаточно говорили о принадлежности какъ Лигуровъ, такъ и Иберовъ къ одному племени, которое вышло изъ Африки еще въ палеолитическую эпоху и населило западную половину Средиземнаго моря, именно два полуострова, Южную Францію и острова, прилежащіе къ Италіи и Испаніи. Мы говоримъ о западной половинѣ Средиземнаго моря, не считая возможнымъ слѣдовать за профессоромъ Серджи въ Абиссинію, къ Сомаламъ, Галласамъ и т. д., чтобъ оттуда вести хамитскія племена съ одной стороны въ Переднюю Азію, съ другой черезъ Египетъ въ Грецію съ ея островами и далѣе, къ Черному морю и даже за его предѣлы. Намъ была бы такая задача не по силамъ и она выходила бы даже изъ предѣловъ темы, нами разрабатываемой. Для насъ ясно лишь то, что Италія и Пиринейскій полуостровъ связаны своимъ населеніемъ тѣснѣйшимъ образомъ съ Африкой, именно Сѣверной и Западной. Въ отдаленныя времена оба полуострова были связаны съ Африкою и геологически, такъ что Пиринейскій полуостровъ съ этой точки зрѣнія является какъ бы придаткомъ Африки, и даже высказывалось мнѣніе ²⁷⁰), что Африка начинается отъ Пиринеевъ. Апеннинскій полуостровъ былъ уже оторванъ отъ связи съ Африкой Мессинскимъ проливомъ, но продолжала еще быть связанною съ нею Сицилія. Мы, разумѣется, не знаемъ такого момента, когда Африканскій материкъ сталъ посылать первыхъ поселенцевъ въ Европу, но связь его съ нею сохранялась еще въ неолитическую эпоху. Однимъ изъ свидѣтельствъ такой связи служатъ такъ-называемыя *пинтадеры*, эти глиняныя орудія, служившія для отпечатанія на глѣ извѣстныхъ фигуръ. Мы видѣли одно изъ такихъ орудій въ эмилийскихъ *fondi di sarapne* (см. его изображеніе на таблицѣ III, фиг. 15). Другое мы встрѣтили среди лигурійскихъ пещеръ въ *Agene Candide*. Совершенно такія-же орудія были найдены на Канарскихъ островахъ у Гуанчей и, что замѣчательно, также въ Юкатанѣ, въ Центральной Америкѣ ²⁷¹). Мы не станемъ пускаться въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ образовалась связь Западной Африки съ Америкой, связь, по поводу которой обыкновенно заходитъ рѣчь объ исчезнувшей Атлантидѣ и другихъ материковыхъ связяхъ между Старымъ и Новымъ свѣтомъ. Это — вопросъ не разъясненный, но для разъясненія

Связь Лигуровъ и Иберовъ съ Африкой. Пинтадеры

его требуются средства не филолога и археолога, а прежде всего геолога ²⁷²).

Письменные
знаки, какъ
доказатель-
ство общно-
сти племенн

Нѣкоторые, и прежде всего, Баррли ²⁷³), приводятъ въ числѣ доказательствъ единства племени Лигуровъ и Иберовъ съ населеніемъ Западной Африки надписи на скалахъ въ Лигуріи (на озерахъ delle *Maraviglie* въ *Val d'Inferno*, въ приморскихъ Альпахъ), въ Андалузій (*Piedra escrita Sierra-Morena*), въ Марокко (провинція *Sies*), на Канарскихъ островахъ (*Litregos* острова Ферро, въ долину острова Ферро, въ гротѣ Бельмако-Пальмы), наконецъ, надписи Новой Мексики, Соленого озера, Никарагуа, Колумбіи, Венецуэлы, Гондураса и *Stave-Sreesk* на Оріо. Сходство въ письменныхъ знакахъ оказывается между надписями Канарскихъ острововъ, андалузскими и американскими, но меньше съ лигурійскими ²⁷⁴). Подобныя надписи были потомъ открыты на мегалитическихъ памятникахъ въ южной Франціи, о чемъ сообщалъ парижскому антропологическому обществу въ 1893 г. Летурно, ²⁷⁵) и, сопоставляя эти письменные знаки съ испанскими, африканскими и Канарскихъ острововъ, приходилъ къ выводу; что мегалитическіе памятники Франціи принадлежатъ расѣ, пришедшей изъ Сѣверной Африки. Но затѣмъ сдѣланы были и другія открытія, которыя употребленіе подобныхъ письменныхъ знаковъ вывели изъ предѣловъ западной половины Средиземнаго моря, и ими воспользовался для подтвержденія своей теоріи проф. Серджи въ своей книгѣ «*Agii e Italicii*» (Туринъ, 1898, р. 206 sq.). Прежде всего тутъ выступаетъ на сцену открытіе извѣстнымъ, но увлекающимся палео-этнологомъ Ed. Piette въ гротѣ *Mas-d'Azil* между палеолитическимъ и неолитическимъ слоями валуновъ, окрашенныхъ перекистью желѣза, со знаками, частью алфавитоподобными, какъ на мегалитическихъ памятникахъ и на скалахъ, частью пиктографическими. Знаки эти—полосы, кружки (диски), кресты, диски съ отверстиемъ по срединѣ и съ лучами, отъ него исходящими, знаки, обозначающіе змѣй, деревья, лѣстницы, гарпуны, воду и, наконецъ, представляющіе настоящія буквы, какъ онѣ извѣстны по микенскому, финикійскому и греческому алфавитамъ. Именно оказалось, что девять изъ этихъ графическихъ знаковъ—тѣ-же самые, что силлабическіе знаки кипрскихъ надписей, а восемь принадлежатъ алфавиту Эгейскаго моря. Наконецъ, эти буквенные знаки *Масъ-д'Азиль* одинаковы со знаками надписей Малой Азіи, особенно съ троадскими. Высказавъ это сравненіе, Пьеттъ приходитъ къ заключенію, что или письмена эти въ отдаленнѣйшее время принесены на Востокъ вторженіемъ туда съ Запада, или эта письменность была въ до-историческія времена общимъ достояніемъ народовъ береговъ Средиземнаго моря и Архипелага ²⁷⁶). Такимъ образомъ, открывается,

если не всецѣло этническая; то культурная связь странъ всего бассейна Средиземнаго моря въ эпоху, которую такіе пылкіе палеоэтнологи, какъ Пьеттъ, относятъ къ тому времени, когда Европа только что вышла изъ палеолитическаго періода. Что на берегахъ Средиземнаго моря письменность существовала въ до-финикійскую эпоху; это теперь несомнѣнно, послѣ открытія Артуромъ Эвансомъ²⁷⁷), на островѣ Критѣ и островахъ Эгейскаго моря микенской письменности, что подтвердилось новыми открытіями (1900 г.) въ критскихъ городахъ Кносѣ²⁷⁸) и Фестѣ²⁷⁹). Фактъ существованія письменныхъ знаковъ, общихъ населеніямъ всего бассейна Средиземнаго моря, въ эпоху, древность которой восходитъ во всякомъ случаѣ не за одно тысячелѣтіе до Р. Хр., теперь можно считать упроченнымъ, хотя мы никакъ не осмѣлимся заходить съ нимъ за тѣ 16—20 тысячъ лѣтъ, какія назначаетъ Бордье²⁸⁰), приписывая знаки въ Масъ-д'Азилѣ мадленской эпохѣ, по крайней мѣрѣ концу ея. Дѣлать употребленіе этихъ знаковъ достояніемъ одной расы или, лучше, связывать съ распространеніемъ ихъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ распространеніе во всѣхъ этихъ мѣстахъ одного племени также довольно рискованно. Достаточно будетъ уже и того, если мы, принимая во вниманіе другія доказательства, увидимъ въ сходствѣ письменныхъ знаковъ Юго-западной Европы съ знаками Западной Африки и, пожалуй, центральной Америки доказательство сродства племени, способствовавшего ихъ распространенію. Но, строго говоря, это—доказательство культурной, а не племенной общности, хотя въ тѣ отдаленныя времена, каковы конецъ палеолитической и начало неолитической эпохи, культурная общность гораздо болѣе совпадала съ племенной, чѣмъ въ эпохи позднѣйшія, когда средства сообщенія, особенно морскія, стали сильнѣе и разнообразнѣе. Что касается до находженія болѣе или менѣе сходныхъ съ вышеуказанными (Масъ-д'Азилия) письменныхъ знаковъ Реберомъ²⁸¹) на скалахъ въ Валлискомъ кантонѣ Швейцаріи, то очень можетъ быть, что здѣсь они явились въ болѣе позднюю эпоху, тѣмъ болѣе, что подобныя-же знаки находилъ Келлеръ и въ швейцарскихъ палафиттахъ бронзовой эпохи, что, какъ замѣтилъ Серджи²⁸²), является продолженіемъ ихъ употребленія. Въ такомъ случаѣ здѣсь мы имѣемъ прямое доказательство распространенія древнѣйшихъ письменныхъ знаковъ путемъ культурнаго вліянія. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, весь этотъ вопросъ о письменныхъ знакахъ на скалахъ и въ гротѣ Масъ-д'Азилия требуетъ тщательнаго пересмотра, прежде чѣмъ дѣлать изъ приводимыхъ фактовъ какія-либо положительныя заключенія, какъ этнологическія, такъ и хронологическія.

Языкъ Лигуровъ, какъ мы знаемъ, не сохранился ни въ живой

Общность
языка

рѣчи, хотя бы преобразованной множествомъ поколѣній, ни въ какихъ-либо письменныхъ памятникахъ ²⁸³), кромѣ вышеозначенныхъ письменъ на скалахъ въ Val d'Inferno, въ Лигуріи, съ которыми мы не можемъ считаться; отъ языка Иберовъ остались ²⁸⁴) надписи, которыхъ такъ-же никто не понимаетъ, какъ и надписей на скалахъ въ Лигуріи, и баскій языкъ, который признается теперь, кажется, всѣми за остатокъ языка древнихъ Иберовъ ²⁸⁵). Такъ какъ баскій языкъ—живой, то, значить, его можно изучить и, изучивши, сравнивать съ живыми-же языками Сѣверной Африки, съ которыми непременно должно быть найдено сходство, если только эти языки, потомки древнихъ языковъ этихъ мѣстъ, общаго съ нимъ происхожденія. Эту работу и взялъ на себя берлинскій ученый фонъ-деръ-Габеленцъ, прочитавшій 22-го іюня 1893 г. въ засѣданіи Берлинской академіи наукъ мемуаръ, подъ заглавіемъ «Baskisch und Berberisch» ²⁸⁶), въ которомъ, сравнивъ числительныя, флексіи въ склоненіяхъ, словарь и фонетику въ языкахъ басскомъ, кабилскомъ и туарегскомъ, пришелъ къ заключенію о несомнѣнномъ родствѣ этихъ языковъ. Очень можетъ быть, что въ своемъ трудѣ «О происхожденіи Спкулловъ» я придалъ этому изслѣдованію больше значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ: по крайней мѣрѣ, недавно проф. Чечи прямо заявилъ ²⁸⁷), въ противоположность этому ученому, что баскій языкъ не поддается сравненію съ берберскимъ. Но попытка фонъ-деръ-Габеленца, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полного вниманія, и новыя изслѣдованія на этой почвѣ особенно важны. Если миланскому профессору Джакомино ²⁸⁸) удалось найти родство между языками баскимъ и египетскимъ, древнимъ и новымъ (коптскимъ), то было бы странно не найти его между ливійскими языками, языками народовъ, жившихъ къ западу отъ Египта и ближе къ Сициліи и Пиринейскому полуострову. Если, наконецъ, доказательства родства баскаго съ кабилскимъ и туарегскимъ недостаточно, то, принимая во вниманіе всю совокупность доказательствъ въ пользу тѣснѣйшей связи древнихъ африканскихъ населеній южнаго берега Средиземнаго моря съ населеніями полуострововъ Апеннинскаго и Пиринейскаго, можно быть увѣреннымъ, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области приведутъ къ удовлетворительному результату.

Очертивъ культуру конца неолитическаго вѣка и опредѣливъ населеніе, которое ему досталось отъ предшествовавшаго времени, мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ вторженіемъ арійскаго племени въ Сѣверную Италію и съ началомъ бронзоваго вѣка, что составитъ содержание слѣдующей главы нашего сочиненія.

ГЛАВА IV.

БРОНЗОВЫЙ ВѢКЪ ВЪ ИТАЛИИ.

Вторженіе новыхъ племенъ на Апеннинскій полуостровъ.

Мы видѣли, что въ концѣ неолитической эпохи стали въ могиль-
никахъ Италіи обнаруживаться вліянія съ Сѣвера, изъ-за Альпъ. Поя-
вились оттуда молоты съ отверстіемъ, которыми полны палафитты Швей-
царіи и при-дунайскихъ странъ, рѣдкіе минералы, нѣкоторыя формы мѣд-
ныхъ орудій и другія новости, каково, напримѣръ, въ Сгурголь окра-
шеніе лица и черепа покойника въ красный цвѣтъ, явленіе, которое,
кромѣ другихъ странъ Европы, наблюдалось и у насъ въ Южной Рос-
сіи²⁸⁹) въ курганахъ конца неолитической эпохи и болѣе поздняго вре-
мени, какъ и въ Испаніи въ началѣ металлической эпохи²⁹⁰). Въ самомъ
погребальномъ обрядѣ уже нѣтъ прежней строгости. Скелеты лежатъ не
только на лѣвомъ боку, съ скорченными ногами, но и въ другихъ поло-
женіяхъ. Такъ, въ могильникѣ Ремеделло нѣкоторые изъ скелетовъ
лежали на правомъ боку, другіе на спинѣ, одинъ лежалъ поджавши
ноги. Оріентація скелетовъ также не одинакова: хотя большая часть
ихъ лежала головой къ Сѣверо-Западу, съ ногами между Сѣверомъ и Во-
стокомъ, но находились и такіе, которые были обращены головой къ Югу,
ногами къ Сѣверу или къ Сѣверо-Западу, другіе же, именно лежавшіе
на спинѣ, были положены головой къ Востоку. Что касается до поло-
женія рукъ и предметовъ около скелета, то и тутъ не замѣчается
единства обряда. Лѣвая рука у мужчинъ чаще всего была протянута
къ черепу, какъ бы ею поддерживая голову, а правая обращена къ низу,
сложенная на животѣ, направляя кисть къ подлѣ лежащему кинжалу.
Но у другихъ лѣвая рука была опущена вдоль скелета, а правая лежала,
какъ въ вышеуказанномъ случаѣ. У одного изъ скелетовъ, лежавшихъ
на правомъ боку, кремневый кинжаль находился слѣва, а справа
стрѣла и топоръ остриемъ внизъ. У другого справа стрѣла, а слѣва

Признаки но-
вой эпохи

цѣлый рядъ маленькихъ орудій изъ раковинъ (*unio*), расположенныхъ одинъ подлѣ другого вокругъ боковъ. Иной разъ обѣ руки соединены у подбородка. Типъ черепной—не одинаковъ: изъ 10 череповъ, изслѣдованныхъ Цампой ²⁹¹), оказались шесть долихокефальныхъ, три брахицефальныхъ. Первые имѣютъ показателями 71,3 до 75,5, а вторые 82,3 до 88,6. Въ Канталупо-Манделѣ разница въ пользу брахицефалии еще больше: на три долихо- и месо-кефальныхъ (73 до 77) скелета, лежавшихъ въ нижнемъ слоѣ въ сопровожденіи лишь костей животныхъ, въ верхнемъ два съ сильною брахицефалиею (86—88) и съ обстановкой изъ каменнаго кинжала и наконечниковъ стрѣлъ, какъ въ Ремеделло. Такимъ образомъ въ концѣ неолитической эпохи примѣсь новыхъ племенныхъ элементовъ проникаетъ не только въ Сѣверную, но и въ Среднюю Италію. Мы не дѣлаемъ еще отсюда никакого заключенія, но указываемъ на фактъ, который имѣетъ въ ряду другихъ свое значеніе. Онъ вмѣстѣ съ другой физиономіей культуры, бросающейся въ глаза при взглядѣ на наши таблицы II—VII и VIII—IX, X, 1—31, изъ которыхъ первыя представляютъ начальный и средній періодъ неолитическаго вѣка, а вторыя—заключительный, служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что настаетъ другая эпоха. дѣятелями которой являются другіе люди, которые внесутъ въ Италію вмѣстѣ съ своими вѣрованіями другой обрядъ погребенія, другія жилища, другой складъ жизни, другія орудія, другое оружіе, другія украшенія, словомъ, другую культуру. Важнѣйшимъ признакомъ этой новой эпохи, съ ея новой культурой, есть введеніе металловъ. Въ могилкахъ энеолитическаго періода, какой представляется намъ могильниками Ремеделло, Канталупо, Стургола, Санта-Кристина, Кумароло и др., мы видимъ мѣдные топоры, мѣдные кинжалы, но съ общей обстановкой неолитической культуры. Въ палафиттахъ венецкихъ озеръ и въ террамарахъ Эмиліи мы увидимъ полное господство бронзы, настоящее развитіе бронзоваго вѣка, при которомъ орудія каменнаго вѣка являются лишь въ видѣ остатковъ уже совершенно пережитой эпохи.

Иммиграціи
изъ-за Альпъ

Раньше мы уже замѣчали, что перемѣна культуры въ странѣ производится двумя фактами: вліяніемъ внѣшнихъ сношеній съ нею, происходящихъ преимущественно путемъ торговли, и иммиграціей новыхъ народныхъ элементовъ. Торговля вноситъ въ страну новые предметы, даетъ ей понятіе объ иной, высшей культурѣ и вызываетъ подраженіе какъ новому вкусу въ житейской обстановкѣ, такъ и техникѣ въ выдѣлкѣ новыхъ предметовъ. Вліяніе иностранной торговли бываетъ сильно, но не настолько, чтобы измѣнить весь строй жизни въ странѣ, измѣнить ея религіозныя вѣро-

ванія и понятія. Сильнѣе и рѣшительнѣе дѣйствуетъ вліяніе иммиграціи новыхъ этническихъ элементовъ высшей культуры. Поражая воображеніе туземцевъ видомъ новой обстановки, новаго культа, новаго склада жизни, болѣе совершеннаго, иммиграція другихъ этническихъ элементовъ мало по малу и незамѣтно привлекаетъ къ подражанію одну часть туземнаго населенія за другою и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, обыкновенно измѣряемаго столѣтіями, подчиняетъ и всю страну требованіямъ внесенной пришельцами культуры, независимо отъ того, была ли эта иммиграція мирная или враждебная, завоевательная. Такъ, греческія колоніи въ Сициліи въ теченіе трехъ столѣтій совершенно эллинизировали почти все прежнее населеніе, навязавъ ему свой языкъ, вѣрованія, понятія, культурныя привычки, сдѣлавъ изъ Сиколовъ Сикеліотовъ, т.-е. Сицилійскихъ Грековъ. Такъ, Римляне романизировали Испанію, Галлію, Дакію, западную половину Сѣверной Африки (Тунисъ, Алжиръ, Марокко) и т. д. Само собою разумѣется, что мирная иммиграція дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ завоевательная, которая навязываетъ новую культуру путемъ насилія и предписаній, какъ напр. дѣйствовали Арабы въ Азіи, Африкѣ и отчасти въ Европѣ, навязывая покореннымъ народамъ мусульманство, какъ средство сохраненія гражданскихъ правъ, а нерѣдко и жизни. Иногда же завоевательная иммиграція въ странѣ, въ которую врывается, истребляетъ болѣшую часть населенія, отбѣсняетъ оставшуюся часть его въ лѣса и горы; или выгоняетъ за ея предѣлы и сама занимаетъ покинутыя мѣста: такимъ образомъ появляется въ этихъ мѣстахъ сразу новая культура вмѣсто прежней, исчезнувшей вмѣстѣ съ ея обитателями. Примѣняя сказанное нами объ иммиграціи, мирной и враждебной, къ Италіи, мы видимъ, что въ концѣ неолитическаго вѣка стала проникать въ Италію съ Сѣвера иммиграція новыхъ элементовъ, которая внесла въ нее каменные орудія новыхъ формъ, каковы молоты съ отверстіемъ и мѣдные топоры и кинжалы.

Къеричи не могъ объяснить себѣ этой перемѣны культуры иначе, какъ внесеніемъ ея новымъ народомъ, въ которомъ онъ видѣлъ Пелазговъ²⁹²⁾. Мы уже упоминали, что такой взглядъ на дѣло совершенно произволенъ, такъ какъ Пелазги въ Италіи принадлежатъ больше греческой фантазіи, принятой за историческое преданіе римскими писателями временъ Имперіи, и притомъ, за исключеніемъ Колумеллы и Плинія, позднѣйшими, каковы Макробій, Сервій, и даже выходящими за предѣлы Имперіи, каковъ Исидоръ, епископъ Севильскій; фактическихъ же данныхъ, какихъ-либо слѣдовъ, оставленныхъ Пелазгами, слѣдовъ, какіе оставались въ Италіи всѣми народами, въ нее вторгавшимися, отъ Пелазговъ не осталось. Остались такъ-называемые Пелаз-

Вопросъ о
Пелазгахъ

гическія стѣны въ Лаціумѣ, въ землѣ Сабинянъ, въ областяхъ Герниковъ, Марсовъ и Самнитовъ, а также въ нынѣшней Базиликатѣ, но *Пелазгическими* эти полигональныя стѣны названы французскимъ монахомъ, укрывшимся въ Италію во время французской революціи, Пети-Раделемъ ²⁹³), первымъ ихъ изслѣдователемъ, что не можетъ еще служить основаніемъ для разсужденія о Пелазгахъ, какъ одномъ изъ первобытныхъ народовъ въ Италиі. Правда, несмотря на весь упадокъ кредита теоріи объ италійскихъ Пелазгахъ послѣ разбора Швеглеромъ ²⁹⁴) извѣстной Нибуровской теоріи ²⁹⁵), Пелазги въ Италиі не исчезли со сцены новыхъ изслѣдованій и въ настоящее время имѣютъ сильнаго защитника въ лицѣ уважаемаго ученаго іезуита о. Де-Кары, который, кромѣ своего большого труда о Пелазгахъ ²⁹⁶), 2-й томъ котораго, гдѣ говорится о Пелазгахъ въ Италиі, въ настоящее время печатается, посвятилъ вопросу о строителяхъ полигональныхъ стѣнъ, Пелазгахъ, свой рефератъ «Del Lazio e dei suoi popoli primitivi» ²⁹⁷). Раньше его видѣлъ Пелазговъ въ лицѣ Япиговъ, смѣнившихъ въ юго-восточной Италиі народъ будто бы Туранскаго племени, который населялъ, по его мнѣнію, всю Италію «отъ Альпъ до мыса Левки», неополитанскій профессоръ Джустиніано Николуччи ²⁹⁸). Принимаетъ Пелазговъ въ Италиі, какъ строителей киклопическихъ стѣнъ, и Соломонъ Рейнакъ въ своей рецензіи ²⁹⁹) на вышеуказанный рефератъ о. Де-Кары, хотя и возстааетъ противъ его отождествленія Пелазговъ съ Гиттитами. Вотъ что именно говоритъ Рейнакъ: «Въ противность многимъ новѣйшимъ критикамъ, объявляющимъ Пелазговъ «этнографическимъ мифомъ», я, вмѣстѣ съ о. Де-Карой полагаю, что былъ нѣкогда въ Малой Азіи, въ Греціи и въ Италиі народъ этого имени, обладавшій особой цивилизаціей, о которомъ сохранили воспоминанія литературныя тексты и топонимія, но который еще съ большей наглядностью открывается въ остаткахъ воздвигнутыхъ имъ гигантскихъ сооруженій». Но дѣйствительно ли эти гигантскія сооруженія даже въ самой Греціи принадлежать Пелазгамъ? Не съ большимъ ли основаніемъ Гессельмейеръ, которому принадлежитъ специальное изслѣдованіе вопроса о Пелазгахъ ^{229а}), замѣчаетъ, что если Пелазговъ считать строителями этихъ киклопическихъ стѣнъ, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Евреи являются строителями египетскихъ пирамидъ? Такія чудовищныя сооруженія на самомъ дѣлѣ могли быть, говоритъ онъ, согласно съ заявленіями еще Отфрида Мюллера ^{229б}), воздвигнуты только тамъ, гдѣ цѣлый порабощенный народъ былъ употребленъ для нихъ въ качествѣ крѣпостныхъ работниковъ, и потому если Пелазги и строили стѣны Микенъ, Тиринеа, Аргоса и т. д., то они были только

рабочими, но не архитекторами. Конечно, вопросъ о народѣ, строившемъ полигональныя стѣны въ разныхъ мѣстахъ Италіи, стѣны, явно напоминающія собой подобныя постройки въ древнѣйшихъ городахъ Греціи и Малой Азіи, есть еще вопросъ темный, и предпринятая въ настоящее время раскопки близъ стѣнъ древней Норбы въ Лепинскихъ горахъ, быть можетъ, будутъ способствовать рѣшенію этого вопроса; но во всякомъ случаѣ стѣны эти не могутъ относиться къ глубокой древности, особенно къ энеолитическому періоду Италіи, куда относить италійскихъ Пелазговъ Кьеричи. Если полигональныя сооруженія Этруріи по своей Technikѣ гораздо моложе киклопическихъ стѣнъ въ землѣ Вольсковъ, Герниковъ, Марсовъ и т. д., то эти послѣднія могутъ превышать лишь нѣсколькими столѣтіями древность первыхъ; т.-е. если этрусскія стѣны, напр. стѣны Волтерры, не восходя раньше какъ къ VII вѣку до Р. Хр., по опредѣленію Гирардини³⁰⁰), то стѣны Алатри въ своей первоначальной кладкѣ (*prima maniera*, по выраженію Джовенале) могутъ восходить къ IX, быть можетъ къ X—XI, но и тогда не можетъ быть рѣчи объ ихъ происхожденіи отъ Пелазговъ, которые одинаково какъ древними, такъ и новыми учеными причисляются къ народамъ, обитавшимъ въ древнѣйшую пору жизни Европы. Интересно, что архитекторъ Джовенале, всего тщательнѣе разрабатывавшій вопросъ о киклопическихъ постройкахъ въ Лациумѣ, и вообще признающій за нимъ значительную древность, считаетъ доказаннымъ только то, что онѣ *до-римскія*, говоря, что «это все, что можно при настоящемъ состояніи свѣдѣній утверждать съ достовѣрностью»³⁰¹). Марта³⁰²), думаетъ, что вообще полигональныя стѣны въ Италіи принадлежатъ Этрускамъ, но это мнѣніе, основывающееся на неправильномъ предположеніи, что постройки этого рода находятся лишь въ «предѣлахъ страны, занятой нѣкогда Этрусками», не выдерживаетъ критики уже въ силу разнаго стиля постройки въ собственной Этруріи и внѣ ея. Такимъ образомъ, единственный фактическій матеріалъ въ Италіи, который нѣкоторымъ ученымъ желательно приписать Пелазгамъ, уходитъ у нихъ изъ рукъ, и намъ приходится по-неволѣ оставить вопросъ о нихъ въ покоѣ, какъ не подлежащій въ настоящее время никакому рѣшенію, кромѣ отрицательнаго³⁰³).

* * *

Покойный Кьеричи, заключая свою интересную статью о могильникѣ Ремеделло, испорченную лишь неудачнымъ предположеніемъ о Пелазгахъ, какъ носителяхъ энеолитической культуры, говорить: Свайныя постройки (палафитты)

«Обитатели террамаръ укоротили или прервали течение энеолитической культуры».

Заявленіе это совершенно вѣрно, только къ этимъ словамъ надо прибавить, что энеолитическая культура въ Италіи была прервана не оружіемъ обитателей террамаръ, а внесеніемъ ими болѣе развитой культуры—*бронзовой*.

Террамарами называются свайныя постройки на сушѣ по обѣимъ сторонамъ долины По, по преимуществу на южной. Это и есть тѣ доисторическія стоянки, которыми наиболѣе характеризуется бронзовый вѣкъ въ Италіи. Но свайныя постройки на сушѣ, иногда даже, какъ мы увидимъ, на горѣ, естественно не представляются явленіемъ, носящимъ оправданіе само въ себѣ: оно должно быть явленіемъ производнымъ. Свайныя постройки естественны на водѣ, гдѣ мы ихъ и видимъ какъ въ самой Италіи, такъ и къ Сѣверу отъ нея. Террамары вышли изъ этихъ озерныхъ построекъ, которыя характеризуютъ собой альпійскія страны и которыхъ особенно много въ швейцарскихъ и въ австрійскихъ озерахъ, но не мало и въ подъ-альпійскихъ озерахъ и болотахъ Италіи. Древнѣйшія изъ этихъ озерныхъ построекъ принадлежатъ еще дѣликомъ къ каменному вѣку и съ нимъ даже и окончили свое существованіе, каковы главнымъ образомъ стоянки озеръ Восточной Швейцаріи—Робенгаузенъ, Иргенгаузенъ (въ озерѣ Пфефиконъ) и почти всѣ стоянки Констанскаго озера; нѣкоторыя стоянки и изъ озеръ Западной Швейцаріи, какова Шаваннь (Шаффисъ), близъ Невплля, въ Биенскомъ озерѣ, представляютъ типъ стоянки древнѣйшаго періода неолитической эпохи. Къ каменному вѣку или къ его переходной эпохѣ относятся озерныя стоянки Верхней Австріи, которыхъ особенно много въ Attersee, затѣмъ въ Mondsee и Traunsee, далѣе — въ Хорутаніи, гдѣ находится особенно извѣстное Kutschachersee; въ Крапцѣ, въ озерѣ близъ Люблянъ (Лайбаха)—стоянка особенно интересная. Нѣкоторыя изъ палафиттъ представляютъ собой мѣдную эпоху, каковы именно станціи Биенскаго озера — Фениль и Зутцъ (Sutz), или станціи Saint-Blaise и Font Нефшательскаго озера. Въ главной изъ станцій этой эпохи, въ Фениль, найдено болѣе сотни предметовъ изъ чистой мѣди, и притомъ болѣею частью ковальной. Къ каменному вѣку или къ переходной эпохѣ принадлежатъ и палафитты озеръ и торфяныхъ болотъ Ломбардіи. Сюда относятся особенно станціи: торфяное болото Лагоцца (Миланской пров.), гдѣ совсѣмъ не найдено металлическихъ предметовъ и даже наконечниковъ стрѣлъ, но зато много остатковъ земледѣльческаго быта; Лагацци (Кремонской пров.) также торфяное болото, служившее, какъ и всѣ эти торфяныя болота, дномъ озера,—станція, принадлежащая также

къ неолитической эпохѣ, но съ признаками перехода къ бронзовому вѣку; Полада (Брешіанской пров.) богатѣйшая палафитта переходной эпохи, изъ которой мы даемъ на табл. XII изображенія: четырехъ кремневыхъ пилъ (фиг. 4, 5, 6, 7), одинъ наконечникъ стрѣлы изъ рога (фиг. 8), три кремневыхъ наконечника треугольной формы съ выжелобленнымъ полудуннымъ основаніемъ (фиг. 11, 12, 17), два кремневыхъ наконечника съ однимъ крылышкомъ (фиг. 10 и 16) и четыре геометрическихъ фигурки (фиг. 9, 13, 14, 15), на таблицѣ XIII маленькую мотычку изъ оленьяго рога (фиг. 3), кинжалъ, выдѣланный изъ лѣтня (фиг. 4), на табл. X два бронзовыхъ топора съ узкимъ лезвіемъ (фиг. 4 и 5), а на таблицѣ XIV, 10 разныхъ формъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ точечную орнаментацию, довольно тонкую, нѣкоторые веревочную, остальные гладки. Въ этой же палафиттѣ, стоящей на границѣ между западными и восточными Итальянскими палафиттами появляется и рогообразная ручка (*ansa cornuta*), сосудъ съ которой здѣсь и представленъ впереди другихъ (фиг. 1). Въ неолитическую эпоху основаны и станціи на озерѣ Варезе, съ главнымъ своимъ представителемъ островомъ Виргиніей, образовавшимся вслѣдствіе большого накопленія отбросовъ, начиная съ каменнаго вѣка, и продолжавшимъ быть обитаемымъ до времени Римской Имперіи. На таблицѣ XII мы представляемъ три кинжала, какъ свидѣтеля бронзовой эпохи палафитты этого озера, равно какъ и бронзовый топоръ съ широкимъ круглымъ лезвіемъ на табл. XI (фиг. 6). Почти къ началу бронзовой эпохи изъ палафиттъ Ломбардскихъ озеръ принадлежатъ, по мнѣнію Кастельфранко ³⁰¹⁾, палафитты озеръ Монате и Варано, хотя нужно вообще замѣтить, что бронзы не только въ Ломбардскихъ озерахъ переходной эпохи, но, какъ мы увидимъ потомъ, и въ Венетскихъ озерахъ и въ террамарахъ немногочисленны, особенно въ сравненіи съ швейцарскими и савойскими палафиттами бронзоваго періода, гдѣ, напр. въ оз. Бурже (Bourget), найдено болѣе 4,000 бронзовыхъ предметов ³⁰⁵⁾, что впрочемъ объясняется и болѣе продолжительнымъ существованіемъ швейцарскихъ и савойскихъ палафиттъ въ сравненіи съ итальянскими, и ихъ бронзы принадлежатъ главнымъ образомъ къ началу желѣзнаго вѣка ³⁰⁶⁾.

Свайныя постройки Западной и Центральной Ломбардіи, сооруженныя на озерахъ и образовавшихся изъ нихъ торфяныхъ болотахъ, представляются древнѣйшими палафиттами Сѣверной Италіи. Палафитты эти принадлежатъ по своему происхожденію еще къ каменному вѣку, именно къ той его эпохѣ, которая называется переходною. Въ нихъ почти всегда находятся бронзовые предметы, но бронза не

Различіе между западными и восточными палафиттами

составляетъ ихъ существенной принадлежности: она лишь слабѣйшій придатокъ къ ихъ костяной и каменной культурѣ, при которой онѣ основаны. Въ провинціяхъ Брешии и Мантуи, составляющихъ восточную часть Ломбардіи, начинается новый слой культуры, культуры чисто бронзоваго вѣка, при которой хотя каменные орудія еще и остаются въ той или другой степени, но они составляютъ лишь пережитокъ прежней эпохи, которая была существеннымъ свойствомъ палафиттъ Западной и Центральной Ломбардіи. На этомъ основаніи итальянскіе палео-этнологи, съ Пигорини во главѣ, вполне основательно раздѣляютъ свайныя постройки Верхней Италіи на *западныя* и *восточныя*, отличающіяся однѣ отъ другихъ какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и особымъ характеромъ культуры. Къ первымъ принадлежатъ исключительно озерныя и (теперь) болотныя палафитты; ко вторымъ террамары Восточной Ломбардіи и Эмили и озерныя палафитты Венетской области. Если свайныя сооруженія обѣихъ половинъ Верхней Италіи представляютъ собой въ общемъ особый типъ культуры, какого никогда не знала ни Средняя, ни Нижняя Италія и какого не знала и Сѣверная или Верхняя до прибытія новыхъ поселенцевъ, принесшихъ съ собою новыя формы жизни изъ-за Альпъ, гдѣ онѣ, какъ мы указывали, были распространены еще въ каменную эпоху, то особенно рельефно и оригинально этотъ новый типъ культуры, именно культуры бронзоваго вѣка, выразился въ террамарахъ, культура которыхъ впрочемъ совершенно, та-же, что въ Венетскихъ озерахъ. Это обстоятельство и заставляетъ насъ остановиться на нихъ подробнѣе.

Террамары
въ Италіи и
ихъ исторія

Въ широкой долинѣ, на обоихъ берегахъ По, на правомъ въ Эмліи, на лѣвомъ въ Восточной Ломбардіи, близъ рѣкъ и ручьевъ издавна замѣчались пригорки въ 3—4 метра вышины, образовавшіеся изъ жирной черноватаго цвѣта земли, смѣшанной съ органическими остатками. Эту жирную землю, называя ее *terra magna*, *maga*, эмилискіе крестьяне съ давнихъ поръ брали для удобренія своихъ полей, не подозревая, что она прикрываетъ собой остатки древнѣйшихъ поселеній. Не подозревали истиннаго происхожденія этихъ пригорковъ и ученые вплоть до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Правда, на нихъ было обращено вниманіе еще въ XVIII столѣтіи. Извѣстный натуралистъ того времени, Джамбагиста Вентури, въ книгѣ, изданной имъ въ 1822 г. подъ заглавіемъ: «*Storia di Scandiano*» (Модена, 1822) заявляетъ (р. 229), что онъ еще въ 1795 г. въ *Dizionario Topografico* Риччи, въ статьѣ *Arceto*, говорилъ о замѣченныхъ еще въ половинѣ столѣтія, въ областяхъ Реджо, Пармы и Модены, «различныхъ древнихъ, искусственно образовавшихся, кучахъ веществъ, годныхъ для усиленія пло-

дородія растеній». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался и объяснить причины образованія такихъ кучъ и пришелъ къ заключенію, что причины эти были тройкаго рода. Нѣкоторыя изъ кучъ, и именно въ Арчето, онъ приписываетъ Боямъ, Галльскому племени, поселившемуся въ IV ст. до Р. Хр. въ Циспаданской Галліи, ссылаясь на Юлія Кесаря³⁰⁷), говорящаго объ обычаяхъ Галловъ приносить послѣ битвы обѣтныя жертвы захваченныхъ на войнѣ животныхъ, а все остальное складывать въ одно мѣсто. Такимъ-то образомъ, по Кесарю, и образовались холмы въ священныя для нихъ мѣстахъ. Образовывались, продолжаетъ авторъ, такіе холмы или, по нашему, курганы и изъ могилъ знатныхъ Галловъ, вмѣстѣ съ которыми сжигалось все, что имъ было пріятно въ жизни: животныя, рабы, кліенты и пр. Второй источникъ образованія этихъ, годныхъ къ удобренію, кучъ жирной земли онъ приписываетъ Римлянамъ, во время владычества которыхъ въ этихъ мѣстахъ бѣдный классъ хоронился въ общихъ могилахъ, какія были и въ Римѣ на Эсквилинѣ и назывались *puticoli*³⁰⁸). Третій источникъ такихъ искусственныхъ пригорковъ Вентури видятъ въ остаткахъ древнихъ построекъ, развалившихся отъ времени или истребленныхъ пожаромъ, съ органическими остатками жизни людей, животныхъ и растеній. Тутъ-же мы узнаемъ, что многія изъ этихъ кучъ, годныхъ для удобренія, уже исчерпаны, и что нужно начинать обращаться къ новымъ. О какомъ-нибудь изученіи матеріала, скрывавшагося въ такого рода искусственно-образовавшихся холмикахъ, тутъ нѣтъ и рѣчи. Первый, кто обратилъ вниманіе на этотъ матеріалъ, былъ основатель итальянской палео-этнологіи Гастальди. Онъ, въ 1860 г., въ одномъ изъ засѣданій Итальянскаго общества естественныхъ наукъ³⁰⁹) представилъ нѣкоторые предметы изъ террамаръ Имолы, Модены и Пармы, полагая, что они происходятъ изъ мѣстъ погребенія. Первый, кто увидѣлъ въ этихъ памятникахъ палафитты, подобныя озернымъ, былъ пармскій профессоръ Стробель, открывшій въ 1861 г. сдѣлавшуюся впоследствии знаменитую террамару въ Castione dei Marchesi, въ Пармской провинціи, и возвѣстившій о ней въ «Пармской газетѣ» (№ 164). Вслѣдъ за тѣмъ Пигорини открылъ другую террамару тоже въ Пармской провинціи и вмѣстѣ съ Стробелемъ представилъ въ 1862 г. отчетъ³¹⁰) о своихъ изслѣдованіяхъ, въ которомъ они заявляютъ, что террамары суть остатки древнѣйшихъ обиталищъ. Но объяснить истинный характеръ этихъ обиталищъ выпало на долю Кьеричи³¹¹), который замѣтилъ, что эти свайныя сооруженія носятъ слѣды постройки одного ряда свай надъ другимъ, существованіе искусственнаго бассейна, въ которомъ были вбиты сваи, и шоссе, которое проходило по террамарѣ, поднимаясь по мѣрѣ того, какъ под-

нимался уровень лежавшей на сваях платформы. Стробель, Пигорини и Кьеричи и представляют собой тѣхъ научныхъ дѣятелей, которымъ вопросъ о террамарахъ обязанъ своимъ наибольшимъ развитіемъ. Въ 1875 г. былъ ими основанъ въ Пармѣ специальный органъ по палео-этнологіи, *Bullettino di paletnologia Italiana*, который и до сихъ поръ является однимъ изъ самыхъ важныхъ органовъ этой новой отрасли знаній, какъ по богатству матеріаловъ, такъ и по наискорѣйшему ихъ обнаруженію, а равно и по компетентной разработкѣ. Во главѣ его стоитъ теперь Пигорини, единственный оставшійся въ живыхъ изъ этого ученаго тріумвирата, и ведетъ его при участіи Кастельфранко, Колини, Исселя и Орси, изъ которыхъ наиболѣе дѣятельными работниками служатъ Колини и Орси. Первый состоитъ инспекторомъ организованнаго Пигорини и управляемаго имъ-же Музея до-исторической археологіи, а второй—знаменитый своими необычайно счастливыми раскопками директоръ музея древностей въ Сиракузахъ.

Въ нашу задачу не входитъ излагать въ подробности исторію открытій террамаръ и послѣдовательное развитіе взглядовъ на эти замѣчательные памятники древне-италійской жизни. Достаточно сказать, что въ настоящее время, благодаря всего болѣе трудамъ Кьеричи, Стробеля и Пигорини, твердо установлены точки зрѣнія какъ на устройство террамаръ, то-есть свайныхъ поселеній на сушѣ, и на культуру, ими представляемую, такъ и на происхождение народа, бывшаго носителемъ этой культуры въ Италіи.

Устройство
террамаръ

Что касается до устройства террамаръ, то объясненіе его сдѣлало особенно большой шагъ, когда въ 1877 г. Итальянское правительство поручило Пигорини подробное изслѣдованіе открытой раньше Стробелемъ пармской террамары въ Кастіоне Маркези. Это одна изъ самыхъ большихъ (отъ 8000 до 9000 кв. метр.) и наиболѣе сохранившихся въ своемъ нижнемъ слоѣ террамаръ и потому дала наиболѣе полный и цѣнный матеріалъ для опредѣленія характера свайныхъ поселеній въ долинѣ По. Отчетъ о ней напечаталъ Пигорини въ *Atti* римской Академіи Линчевъ 1882—1883 гг. ³¹²). Другія террамары, которыя открыты раньше и открывались потомъ, лишь подтверждали, въ главномъ, тѣ выводы, какіе дало изслѣдованіе террамары Кастіоне. Новыя данныя, содѣйствовавшія въ значительной степени уясненію вопроса, дала послѣ того лишь также большая террамара, разслѣдованная тѣмъ-же Пигорини съ особою тщательностью и найденная также въ Пармской провинціи, именно террамара Кастеллаццо ди-Фонтанеллато. О ней Пигорини далъ цѣлыхъ три изслѣдованія: одно, составленное въ 1889 г., въ 1-мъ томѣ *Monumenti Antichi*, издаваемыхъ Академіей Линчевъ; другое въ своемъ *Bullettino di paletnologia*

Italiana 1895 (XXI), гдѣ планъ ея явился въ исправленномъ видѣ, и въ то-же время въ *Notizie degli scavi* того-же года; третье, гдѣ планъ террамары былъ изданъ въ окончательномъ видѣ, въ *Bullettino di paleontologia Italiana* 1897 (XXIII). Таковы главные источники, служащіе къ ознакомленію съ тѣмъ, что такое были въ своемъ устройствѣ террамары въ долинѣ По. Сводъ данныхъ относительно того, что вообще извѣстно о террамарахъ, находится въ извѣстномъ, правда, уже очень устарѣвшемъ (оно относится къ 1879 г), но все еще годномъ къ употребленію теперь, сочиненіи Гельбига объ «Италикахъ въ долинѣ По» ³¹³), въ прекрасной статьѣ Кастельфранко, относящейся къ 1887 г. ³¹⁴), въ недавно указанной книгѣ Мёнро ³¹⁵) и въ моей статьѣ о происхожденіи Латинянъ ³¹⁶), относящейся къ концу 1898 г. Послѣ того появились новыя данныя, относящіяся къ террамарамъ на горѣ въ лицѣ двухъ террамаръ, изъ которыхъ одна, Монтата дель-Орто (Montata dell'Orto), въ провинціи Пьяченцы, окончательно доказала, что террамары на горѣ, которыхъ пропорціонально всего больше въ пров. Модены (9 на 16), имѣли всѣ особенности террамаръ въ равнинѣ; т. е. свайныя сооруженія, трапециевидную форму, деревянные контрфорсы, небольшой ровъ, въ которомъ изслѣдователь террамары, Скотти ³¹⁷), находитъ авгуральную борозду (solco primigenio или augurale), ту ограниченную площадь внутри, которую принято называть агх, внѣшній ровъ и, наконецъ, ту-же самую ориентировку съ параллельными сторонами западной и восточной; съ тою только разницею противъ террамаръ праваго берега По, что острый уголъ трапеціи обращенъ не къ Югу, а къ Сѣверу, въ силу спеціального положенія этой террамары относительно источника ея водоснабженія. Важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ усиливается тѣмъ, что эта террамара не испытала на себѣ никакого послѣдующаго поселенія и потому сохранилась въ наиболѣе чистомъ видѣ своей эпохи. Другая террамара, на которую мимоходомъ мы будемъ не разъ указывать впослѣдствіи, открыта на другомъ концѣ Италіи, на территоріи древняго Тарента и также сохраняла существенныя особенности террамаръ долины По, насколько то позволяла мѣстность на скалѣ, на которой она была построена. Объ этой, совершенно неожиданной террамарѣ, открытой въ 1899 г. молодымъ палео-этнологомъ Квальяти, ожидается еще подробный отчетъ послѣдняго въ *Monumenti Antichi* Академіи Линчеевъ ³¹⁸).

Свайныя сооруженія въ долинѣ По, называемыя террамарами, какъ на правомъ берегу рѣки, такъ и на лѣвомъ, всѣ имѣютъ одинаковую форму, четырехугольную, выходящую, какъ это выяснилось позднѣйшими раскопками, въ трапецію. Такая форма, т. е.

четвероугольная или, точнѣе, трапецевидная, соблюдалась въ построении всякой террамары, строилась ли она на мѣстности ровной, или гористой. Этотъ выводъ о формѣ террамаръ сталъ теперь несомнѣненъ и имѣетъ свое значеніе, какъ и всѣ другія опредѣленные нормы, которымъ слѣдовали въ устройствѣ своихъ свайныхъ поселеній обитатели долины По въ бронзовую эпоху. Но о значеніи этихъ данныхъ будетъ рѣчь впереди, а теперь мы прежде всего должны повторить, какъ правило, заявленіе Пигорини ³²⁰), которому наука наиболѣе обязана изслѣдованіемъ вопроса о террамарахъ. «Единственное различіе, какое можетъ представлять одна террамара по сравненію съ другою, заключается въ величинѣ площади и глубинѣ, находящихся въ соотношеніи съ числомъ обитателей, и съ продолжительностью существованія стоянки». Такимъ образомъ, всѣ террамары имѣли и одну и ту-же оріентацію. Приступая къ постройкѣ террамаръ, строители ихъ, слѣдуя началу солнечнаго восхода, проводили линію съ Востока на Западъ (*Decumanus* у Римлянъ) и затѣмъ линію, пересекающую ее съ Юга на Сѣверъ (*Kardo* у Римлянъ). Этимъ образовывались двѣ главныхъ улицы, которыя въ маленькихъ поселеніяхъ оставались и единственными. Твердое соблюденіе этихъ нормъ постройки позволяетъ даже опредѣлить день заложения каждаго поселенія этого рода. Въ своей статьѣ о происхожденіи Латинянъ я привелъ, по Пигорини ³²¹), сообщаемыя имъ данныя, какія директоръ римской астрономической обсерваторіи проф. Таккини опредѣлилъ для него астрономическимъ путемъ относительно дня заложения слѣдующихъ пяти террамаръ: Кастеллаццо (22 Февраля или 22 Сентября), Кастіоне (9 Марта или 18 Юля), Белланды (11-го Апрѣля или 31 Августа), Когоццо (25 Февраля или 19 Октября), Казале Цаффанелла (4-го Апрѣля или 2-го Сентября). Имѣя въ виду эти данныя, Пигорини, какъ впрочемъ еще раньше высказывался Кьеричи, ³²²) съ полнымъ основаніемъ полагаетъ, что закладка террамаръ происходила весной, т. е. въ такое время года, когда оставалось достаточно времени для производства работъ до наступленія зимней погоды. А работъ этихъ было не мало: устраивался снаружи ровъ, въ который проводилась вода изъ ближайшей рѣки, ручья, источника, при помощи канала. Ровъ этотъ окружалъ все полагаемое поселеніе и, слѣдовательно, имѣлъ четвероугольную (прямо- или косо-угольную) форму. Въ террамарѣ Кастеллаццо ди-Фонтанеллато, которую мы беремъ за образецъ ³²³), какъ наиболѣе тщательно изслѣдованную, каналъ и ровъ имѣли ширину въ 30 метровъ; глубина рва простиралась до 3 съ половиной метровъ, а ширина (на южной сторонѣ) т. 3,75. Параллельно рву, примыкая къ самымъ постройкамъ, шелъ

земляной валь, имѣвшій въ Кастеллаццо ширину 15 метровъ въ своемъ основаніи. Валь поддерживался контрфорсами изъ деревянныхъ срубовъ, наполненныхъ глиной и фашиникомъ и покрытыхъ сверху пескомъ и мелкимъ камнемъ. Ширина контрфорса 2 съ половиною метра. Черезъ ровъ пролагался широкій деревянный мостъ, шедшій на вершину вала и соединявшій поселеніе съ окружающею его мѣстностью. Внутри пространства, обведеннаго ровомъ и валомъ, шли ряды свай, крѣпко вбитыхъ въ расчищенную для постройки землю. Длина свай обыкновенно была два-три метра, а вырубались онѣ изъ вяза, иногда изъ дуба и изъ каштановаго дерева. Разстояніе между рядами свай также было опредѣленное ³²⁴), т. 0,90, въ другихъ случаяхъ т. 0,60, а между отдѣльными сваями т. 0,30. Сваи покрывались деревяннымъ помостомъ, который въ свою очередь покрывался пескомъ, глиной и мелкимъ камнемъ. На этомъ фундаментѣ и воздвигались хижины изъ соломы или прутьевъ, позже изъ смѣси соломы съ глиной, а быть можетъ и прямо изъ глины, хотя то и другое отвергалось Кьеричи ³²⁵), по мнѣнію котораго остатки кусковъ глины принадлежатъ позднѣйшему населенію. Хижины эти были круглой формы, какъ это можно заключить не только изъ древнѣйшихъ погребальныхъ урнъ латинскаго племени (табл. XXVIII), — древнѣйшія погребальныя урны, въ видѣ хижинъ, какъ извѣстно, воспроизводили собой форму жилищъ, какая была передъ глазами, какъ и древнія могилы (искусственные гроты, дольмены и пр.), — но и изъ формы древнихъ храмовъ, каковъ былъ храмъ Весты на Римскомъ Форумѣ (основаніе его сохранилось), храмъ Геркулеса на *Forum boarium*, храмъ богини культа братьевъ Арвальскихъ, *Deae Diae*, въ ея роцѣ по дорогѣ въ Остію, и какова была *Casa Romuli* на Палатинѣ, круглое основаніе которой считаютъ обнаруженнымъ раскопками среди другихъ *vestigia Romae Quadratae*. Эти круглые дома на помостахъ, лежавшихъ на сваяхъ, представляли собой видъ острововъ, мимо которыхъ проходили, перекрещиваясь взаимно, улицы съ Юга на Сѣверъ и съ Востока на Западъ. Это въ первый разъ было замѣчено въ 1881 г. на террамарѣ Белланда (Мантуя) и затѣмъ подтвердилось на террамарахъ Ровере ди-Каорсо (Пьяченца), и Кастеллаццо (Парма). Улицы состояли изъ укрѣпленныхъ деревомъ земляныхъ насыпей, которыя поднимались до уровня съ помостами. Такихъ улицъ въ террамарѣ Кастеллаццо было восемь: одна изъ нихъ наибольшей ширины (т. 15), шедшая въ направленіи отъ Юга къ Сѣверу, раздѣляла террамару на 2 равныхъ части, восточную и западную; другая, вдвое меньшей ширины (т. 7,50), шла въ направленіи отъ Востока къ Западу и раздѣляла террамару также на 2 рав-

ныхъ части: сѣверную и южную. Это были двѣ главныхъ улицы, первая, называвшаяся у Римлянъ *Kardo maximus*, вторая *Decumanus maximus*, параллельно которымъ шли въ томъ и другомъ направленіи *kardines* и *decumani minores*, и ширина ихъ была какъ разъ вдвое меньше ширины главныхъ улицъ ихъ направленія (м. 7,50 *kardines minores* и м. 3,75 *decumani minores*). Улица, раздѣлявшая террамару на сѣверную и южную части, если смотрѣть на нее съ западной стороны, направлялась къ серединѣ той *area limitata*, той возвышенной площадки, которая, будучи открыта въ первый разъ Пигорини въ террамарѣ Каstellazzo, представляется главнымъ мѣстомъ внутри террамары и названа поэтому итальянскими палео-этнологами *arx*; она соединялась съ этою площадкою посредствомъ мѣста черезъ внутренній ровъ, который окружалъ эту *area limitatam*. Пигорини³²⁶⁾ считаетъ возможнымъ, что улица эта, *Decumanus*, проходила и черезъ *arx* и упиралась въ восточную часть вала посредствомъ другого моста, но крайне трудно было удостовѣриться въ этомъ посредствомъ раскопокъ въ Каstellazzo. Относительно того, что называютъ *arx* въ террамарахъ, нужно замѣтить, что такъ какъ эта особенность террамаръ во всѣхъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ ея въ Каstellazzo, террамарахъ, именно въ пичентинскихъ террамарахъ Коломбарѣ ди Берсано, Ровере ди-Каорсо, Монтата-дella-Орто, находится всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, то Пигорини имѣлъ полное право утверждать, что, устраивая это искусственное возвышеніе, слѣдовали постоянно опредѣленнымъ нормамъ³²⁷⁾. Улицу кругомъ всей террамары составлялъ валъ вмѣстѣ съ относящимися къ нему контрфорсами, къ которымъ сходились всѣ улицы селенія. Вода, входившая въ ровъ черезъ каналъ, составлявшій острый уголь трапеціи, изъ котораго она распредѣлялась въ ту и другую сторону, выходила въ другой каналъ такой же ширины, какъ и самый ровъ (м. 30).

Отбросы въ
террамарахъ
и пожары

Характеристическою особенностью террамаръ было то, что обитатели ихъ, живя въ домахъ, построенныхъ на сваяхъ, всѣ отбросы ежедневной жизни бросали между этими сваями, — обстоятельство, кстати замѣтить, не свидѣтельствовавшее о любви къ чистотѣ этихъ обитателей, но чрезвычайно важное въ томъ смыслѣ, что оно сохранило для насъ драгоцѣнный матеріалъ для знакомства съ культурой этихъ древнѣйшихъ обитателей долины По. Даже тогда, когда нечистоты и всякіе отбросы доходили до уровня платформы, на которой стояли хижины, и жить на этихъ нечистотахъ и отбросахъ было нестерпимо, жители террамаръ все-таки не думали очищать отъ нихъ свои жилища, а на той высотѣ, до которой доходили эти отбросы, ставили новыя сваи и на нихъ новыя хижины, поднимая при этомъ

до соотвѣтственной высоты валь и улицы, которыя шли въ уровень съ покрывавшими сваи платформами, на которыхъ стояли хижины. Когда со временемъ и тутъ пространство между сваями наполнялось отбросами, то производилась третья постройка того-же рода со всѣми условіями первыхъ двухъ, т. е. съ повышеніемъ вала съ контрфорсами и уровня улицъ. Такихъ три, одна надъ другою, свайныхъ постройки Пигорини доказаль еще на пармской террамарѣ Казарольдо, гдѣ три слоя обозначаются очень ясно тонкой черной линіей, идущей отъ одного конца площади до другого ⁽²⁸⁾. Эти три слоя остались послѣ пожара, истребившаго поселеніе. Пожаръ этотъ могъ быть случайнымъ, но могъ быть и умысленнымъ. Дѣло въ томъ, что когда съ третьей постройкой на сваяхъ происходило то-же, что и съ двумя нижними, то четвертая надъ нею не воздвигалась, а третья, въ которой жить стало невозможно, сожигалась вмѣстѣ со сваями, ее поддерживавшими, и съ тѣмъ, что находилось между ними. Но производимый искусственно пожаръ захватываль иногда и нижнія сваи, что случалось и при случайныхъ пожарахъ или при такихъ, которые производились рукой непріятеля, и иногда такимъ путемъ выгорало все селеніе. Понятно, что бѣжавшіе при такихъ случаяхъ изъ селенія жители невольно оставляли тамъ предметы, даже вполне неповрежденные, т. е. такіе, которыхъ никакъ нельзя назвать отбросами, но которыхъ они въ поспѣхахъ не могли захватить съ собою, покидая селеніе. Отъ пожара погибалъ, конечно, не всѣ террамары. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., въ Кастіоне да Маркези, сохранились самыя сваи даже съ настилкой на нижнихъ сваяхъ. Впрочемъ, террамаръ съ сохранившимися сваями очень мало, да и тамъ сохранились хорошо лишь нижнія, среднія отчасти, а верхнія оставили только слѣды. Въ большинствѣ же террамаръ вообще сохранились только слѣды свай.

Нѣкоторыя террамары оканчивали свое существованіе вмѣстѣ съ выходомъ отсюда, вольнымъ или невольнымъ, ихъ строителей или ихъ потомковъ. Но другіе продолжали обитаться и въ послѣдующія времена, такъ что есть террамары, имѣющія подъ собою наслоенія, принадлежащія къ разнымъ эпохамъ. Верхній слой таковыхъ представляетъ остатки Среднихъ вѣковъ и даже болѣе новаго времени. Подъ нимъ лежатъ слой римскій. Подъ этимъ идетъ слой до-исторической эпохи свайныхъ сооруженій, подъ которымъ лежитъ тотъ нижній слой первоначальныхъ сооруженій, который и является свидѣтелемъ прибытія въ долину По поселенцевъ изъ-за Альпъ, носителей бронзовой культуры. Но и каждому изъ верхнихъ слоевъ соотвѣтствуетъ своя культура. Такъ, въ террамарѣ Кастеллаццо, кото-

Позднѣйшія
наслоенія въ
террамарахъ

рую, какъ мы раньше заявили, ради ея особенно полной разработки, мы беремъ за образецъ, поверхъ всего стояла средневѣковая крѣпость и церковь во имя св. Посидонія. Церковь эта была построена на развалинахъ римскаго храма круглой формы. Но между средневѣковымъ и римскимъ слоями находятся еще слѣды варварскаго слоя Лонгобардскаго времени. При подобномъ многовѣковомъ наслоеніи человѣческихъ жилищъ не могло не произойти такой пертурбаціи почвы террамары, чтобы предметы одной эпохи не попадали въ другую. Но есть въ той же террамарѣ мѣста, гдѣ послѣдующіе періоды не тронули древнѣйшихъ наслоеній. Здѣсь мы видимъ, что римскій періодъ лежитъ непосредственно на слобъ бронзовой эпохи, но ему предшествовалъ въ пзвѣстной степени слой культуры начала желѣзнаго вѣка. Такъ какъ между этимъ слоемъ и римскимъ временемъ нѣтъ промежуточнаго *), то это показываетъ, что террамара была покинута въ началѣ желѣзнаго вѣка, или, лучше, въ эпоху перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному, что можно сказать и вообще о террамарахъ, т. е. о времени, когда онѣ были покинуты ихъ обитателями, какъ это мы увидимъ ниже.

Число террамаръ и область, ими занимаемая

Число террамаръ, до сихъ поръ вообще извѣстныхъ, больше сотни, но число лучше извѣстныхъ, быть можетъ, будетъ равняться 85. Это не значитъ, конечно, что обитатели террамаръ нижней долины По ограничивались этой сотней свайныхъ поселеній: мы знаемъ, что масса пригорковъ, образовавшихся на мѣстахъ террамаръ, была ради хорошихъ удобрительныхъ качествъ ихъ жирной земли раскопана ихъ хозяевами. Другія террамары скрылись подъ позднѣйшими поселеніями. Такъ, извѣстна террамара подъ городомъ Пармой, планъ которой далъ Габріэль де-Мортилье ³²⁹⁾ еще въ 1866 году. Нѣкоторыя изъ сохранившихся еще не открыты, какъ это видно изъ того, что открытіе новыхъ террамаръ не прекращается. Последнею или, быть можетъ, одною изъ послѣднихъ является открытою террамара Савана (*Savana di Cibeno*) близъ Карпи (въ пров. Модены), отчетъ о разработкѣ которой былъ данъ въ официальныхъ *Notizie degli scavi* 1899 (р. 312 — 325) г. Инноченцо Далль-Оссо, въ отчетѣ, который вызвалъ сильную критику въ образцовой статьѣ Пигорини въ его *Bullettino di paletnologia Italiana* 1900 г. (стр. 102 —

*) Въ нѣкоторыхъ террамарахъ, какъ напр. въ *Servirola di Sanpolo* или какъ въ *Castellagano* (та и другая въ Эмилиіской пров. Реджо, (*Reggioin Emilia*), культурный слой бронзовой эпохи покрытъ слоемъ этрусской культуры. Въ послѣдней на этрусскомъ слобъ лежитъ еще римскій. См. Кьеричи въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1877 (III), р. 214 sq. и 186 sq., и Пигорини въ томъ же *Bullettino* 1900 (XXVI), р. 122.

125). Область, въ которой распространены извѣстные намъ террамары, не велика. Она идетъ отъ Имолы (въ пров. Болоньи), до провинцій Пьяченцы включительно, на правомъ берегу По, гдѣ самую западную оказывается террамара Ровере ди Каорсо, и до провинція Кремоны (включительно) на лѣвомъ берегу По, гдѣ были еще раньше извѣстны двѣ террамары, Кастелларо (въ общинѣ Vho) и Онъисанти (въ общинѣ Пьева Санъ-Джакомо), а недавно (1898) стала извѣстна, но еще не изслѣдована, террамара Коста Санта-Катерина, въ шести километрахъ къ сѣверу отъ Кремоны (въ общинѣ Тре Досси) ³³⁰). По счету Габр. де-Мортилье ³³¹), больше всего террамаръ въ провинціяхъ Пармы (20), Реджо (20) и Модены (17), а меньше всего въ Кремонѣ (2, теперь 3), Брешии (1) и (?) Равеннѣ (1). Мёнро ³³²) считаетъ 30 въ Пармѣ, 25 въ Реджо, 16 въ Моденѣ, 5 или 6 въ Болоньѣ, около 20 въ Мантуѣ, 8 въ Брешии, не упоминая совсѣмъ о террамарахъ Пьяченцы. Наглядный видъ расположенія террамаръ даетъ приложенная къ книгѣ Гельбига карта «верхне-италійскихъ свайныхъ поселеній».

Тѣ вонючія кучи отбросовъ и нечистотъ, которыя скопились подлѣ хижинами террамаръ между сваями и отравляли воздухъ пришедшаго изъ-за Альпъ въ долину По населенія, стали теперь для науки драгоценнымъ источникомъ палео-этнологическихъ свѣдѣній, послуживъ раньше великолѣпнымъ источникомъ удобренія для земледѣльцевъ Эмиліи и отчасти Ломбардіи. Разрывая эти кучи, имѣющія иногда до 5 съ половиной метровъ глубины (какъ напр. въ Кастеллаццо ди Фонтанеллато), мы находимъ въ нихъ все, что можетъ намъ сказать, среди какой обстановки растительнаго и животнаго царства жили эти люди свайныхъ поселеній на сушѣ, чѣмъ они занимались въ видахъ добычи себѣ средствъ пропитанія, что они употребляли въ пищу, какими орудіями они пользовались, какими ремеслами занимались, какія носили украшенія; мы можемъ, такимъ образомъ, возстановить передъ своимъ воображеніемъ содержаніе и степень культуры, этимъ населеніемъ свайныхъ построекъ достигнутой.

Разработка данныхъ, сюда относящихся, началась еще четверть столѣтія назадъ, когда Пигорини ³³³) въ трехъ засѣданіяхъ Института археологической корреспонденціи (нынѣшняго Германскаго археологическаго института), именно 14-го и 21-го января и 18 февраля 1876 года, возбудилъ необыкновенный интересъ своими сообщеніями и выводами, относящимися къ культурѣ свайныхъ поселеній нижней долины По. Это былъ первый сводъ доставленныхъ террамарами данныхъ, въ то время совершенно новыхъ. Три года спустя, вышла уже

цѣлая книга съ этими данными, составленная въ то время очень дѣятельнымъ членомъ поименованнаго института, Вольфгангомъ Гельбигомъ: «Италики въ равнинѣ По» (*Die Italiker in der Poebene, Leipz. 1879*). Съ тѣхъ поръ, конечно, новыя изслѣдованія, новыя открытїя внесли не мало измѣненій въ инвентарь данныхъ этой интересной культуры предковъ будущихъ Римлянъ. Обновленный сводъ этихъ данныхъ былъ представленъ десятокъ лѣтъ спустя послѣ выхода книги Гельбига однимъ изъ наиболѣе видныхъ итальянскихъ палео-этнологовъ, миланскимъ профессоромъ П. Кастельфранко въ одной изъ его прекрасныхъ статей, какія онъ помѣстилъ въ *Revue d'Anthropologie* 1887—1889 гг., обобщая результаты, добытые итальянской палео-этнологїей. Глава о террамаряхъ въ книгѣ Мэнро (*The Lake-Dwellings of Europe*) составлена по старымъ даннымъ, не выходящимъ за предѣлы мемуара Пигорини о террамарѣ Кастіоне Маркези, относящагося къ 1882—1883 гг., хотя книга англійскаго археолога вышла въ 1890 г. Очеркъ культуры террамаръ, съ описаніемъ нѣсколькихъ изъ нихъ, сдѣланный Бриціо въ 35 и 36 выпускахъ «*Storia politica d'Italia, scritta da una societa di Professori*» (Milano), сдѣланъ хотя очень искусно и съ знаніемъ дѣла, но съ подборомъ фактовъ къ оправданію личной точки зрѣнія автора, и не имѣетъ иллюстрацій. Большой, и притомъ иллюстрированный, сводъ данныхъ, привнесла книга Оскара Монтелиуса «*La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux. 1-ère partie, Italie Septentrionale*» (Stockholm, 1895). Очеркъ культуры террамаръ въ моей статьѣ о происхожденіи Латинянъ относится къ 1898 г. Въ немъ приняты во вниманіе и данныя послѣдняго десятилѣтія, разсѣянныя въ статьяхъ изданій Академіи Линчеевъ (*Notizi degli scavi* и *Monumenti Antichi*) и по преимуществу въ журналѣ Пигорини — *Bullettino di paletnologia Italiana*. Сдѣланная тамъ группировка ихъ естественно должна лечь въ основаніе и нижеслѣдующихъ строкъ.

Флора въ террамаряхъ "раствительная пища" Хотя надо считать около 3000 лѣтъ назадъ, когда террамары долины По прекратили свое существованіе, и хотя видъ этихъ мѣстъ, представляющихъ теперь одну изъ наиболѣе цвѣтущихъ странъ Европы, совершенно измѣнился, но дико растущая флора осталась въ нихъ прежняя. По изслѣдованіямъ, какія до сихъ поръ были сдѣланы ³³⁴⁾ лишь одно фисташковое дерево (*Staphylea pinnata* Линнея), плодовъ котораго сохранилось много въ изслѣдованной Пигорини террамарѣ Кастіоне, отодвинула свои границы болѣе къ Югу и не находится уже въ предѣлахъ террамаръ. Такимъ образомъ, мы находимъ въ террамарахъ: вязъ, оливу, яблоки, груши, терновую ягоду, дикую вишню, лѣсные орѣхи (*Corylus Avellana*), дикую фисташку,

бузину, деренъ, мохъ и желуди, которые человекъ въ то время, какъ предполагаетъ Пигорини, употреблялъ въ пищу, но вмѣстѣ съ этими лѣсными продуктами мы находимъ и ленъ, бобы и пшеницу (*triticum vulgare*),—послѣднюю съ ея разновидностями: *triticum vulgare hibernum* и *turgidum*. Воздѣлываніе пшеницы, льна и бобовъ указываетъ на занятіе земледѣліемъ. Оно, безъ сомнѣнія, не было очень развито, судя по тому, что земледѣльческихъ орудій, за исключеніемъ серповъ (табл. XVI, фиг. 1), не найдено. Плугъ, конечно, былъ, но деревянный состоявшій изъ куска изогнутаго дерева, *ἀροστρον αἰθέρου*. Гезиода, или хотя и нѣсколько сложный, но во всякомъ случаѣ безъ металла, который (бронза) былъ слишкомъ дорогъ для такого употребленія. Была и виноградная лоза (*vitis vinifera* L), отъ которой сохранились не только сѣмена, но также и вѣтки и стволы. Только вопросъ въ томъ, выдѣлывали-ли изъ этой дикой лозы вино, была-ли она годна къ тому, или его стала давать уже культивированная лоза, впоследствии привезенная въ Италію съ Востока. Во всякомъ случаѣ сосудовъ для выдѣлки или хранения винограднаго сока до сихъ поръ въ террамаряхъ не найдено. Болѣе вѣроятно знакомство жителей террамаръ съ медомъ, хотя бы и дикимъ, какъ на это могутъ указывать сохранившіеся сосуды съ отверстіемъ во днѣ, употребляемые до сихъ поръ въ Италіи для отдѣленія жидкаго меда отъ воска ³³⁵). Хлѣба изъ пшеницы еще не пекли, но приготовляли изъ растертыхъ при помощи ручныхъ мельницъ зеренъ болѣе или менѣе жидкую кашу, слѣды которой сохранились на нѣкоторыхъ сосудахъ. Употреблялось-ли льняное сѣмя въ пищу само по себѣ, или изъ него выдѣлывалось масло, это вопросъ спорный. Ткали-ли себѣ изъ льна одежду, это болѣе чѣмъ вѣроятно, но несомнѣнно, что вили изъ волоконъ его веревки. Уже одинъ веревочный орнаментъ на сосудахъ (табл. XXII, фиг. 2—6), обыкновенно лишенныхъ всякой орнаментации, можетъ служить тому доказательствомъ, а существованіе многочисленныхъ фузайоль, (табл. XXIX, фиг. 8—9), указываетъ на развитіе пряденія.

Міръ животныхъ въ террамаряхъ не очень разнообразенъ и не-Фауна въ тер-
совсѣмъ одинаковъ съ нынѣшнимъ. Онъ изслѣдованъ Стробелемъ ²³⁶), рамарахъ
который представляетъ его въ слѣдующемъ видѣ: *Erinaceus europaeus* L. (ежъ), *Ursus arctos* (медвѣдь), *Vulpes vulgaris* Briss. (лисица), *Canis familiaris* (домашняя собака), съ ея вариантами (*Spaletti. Strob., palustris, Rüt., matris optimaе*), *Lupus vulgaris* (волкъ), *Meles vulgaris* (барсукъ), *Martes foina* L. (хорь), *Felis catus* (дикая кошка), *Sus scrofa* (*ferus*) L. (дикій кабанъ), *Sus palustris* Rüt. (домашняя свинья), *Asinus Africanus* Sans. (осель), *Equus caballus* (лошадь, двухъ породъ, широкой и узкой), *Capreolus vulgaris* (козуля), *Cervus elaphus* (олень),

Dama platyceros (лань), *Cervus tarandus* (северный олень), *Hircus aegagrus* L. (козелъ), *Ovis arvensis* L. (овца), *palustris* Rött. (каприбуръ), *capricornus*, *O. musimonis*, *Bos primigenius* (допотопный быкъ); *domesticus*, *bos brachyceros* (обыкновенный), *Lepus timidus* (заяцъ), *Mus silvaticus* (полевая мышь), *Histrix cristata*, L. (даждобразъ), *Castor fiber* (боберъ), *Frugilegus segetum* (грачъ), *Gallus domesticus*, L. (домашний пѣтухъ), *Scolopax alba* (анета), *Ardea cinerea* (цапля), *Anser segetum* (дикій гусь), *Anas boschas*, L. (утка), *Felis europaea* (черепаха), *Vulpes* (видъ крота), *Esox lucius*, L. (щука).

Животная
пища

Видно, что жители террамаръ употребляли въ пищу какъ дикихъ, такъ и домашнихъ животныхъ, и что слѣдовательно, они были не только охотникъ, но и охотоводъ. Сравненіе породъ, тогдашней и нынѣшней, указываетъ съ одной стороны на исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ видовъ животныхъ. Проф. Стробель нашелъ даже, что свинья и овца породы террамаръ исчезли изъ Эмалія, какъ и быкъ меньшей расы, и собака, распавшаяся на много породъ, и что вообще, въ то время какъ дикія животныя стали мельче, домашнія крупнѣе. Изъ птицъ мы имѣемъ тутъ лишь грача, анета, цаплю, гуся, пѣтуха и утку. Рыбы кости представляютъ большую рѣдкость, но все-таки онѣ найдены, какъ напримѣръ въ террамарѣ Кастелларо (пров. Кремоны)³³⁷), и въ нѣкоторыхъ террамарахъ Модены и Пармы³³⁸), какъ и орудія для ловли рыбы. Представленный у насъ на таблицѣ XVII, фиг. 9; бронзовый рыболовный крючекъ найденъ въ Гардскомъ озерѣ, но такой-же найденъ и въ Моденской террамарѣ Монтале. Мнѣніе, будто жители террамаръ не ѣли рыбы, было распространено не разъ уже указанною нами книгой Гельбига³³⁹), составившаго его на основаніи филологической комбинаціи о различіи наименованія рыбы у Грековъ и Римлянъ. Мнѣніе это вошедшее въ нѣмецкую ученую литературу, было принято въ Греціи Цунтсомъ³⁴⁰), и въ Италіи Орси³⁴¹); но оно уже давно опровергнуто Пигорини³⁴²) и Стробелемъ³⁴³). Да было-бы и странно, если-бы люди свайныхъ построекъ въ террамарахъ, живя близъ рѣкъ и особенно такой многоводной, какова По, не пользовались живымъ богатствомъ водъ, когда рыболовство было распространено еще въ неолитическую эпоху не только въ Европѣ³⁴⁴), но и въ самой Италіи, какъ это доказано относительно долины Вибраты Кончеціо Розой³³⁵), цитуемымъ самимъ-же Гельбигомъ, вслѣдъ за разсужденіемъ о томъ, что «Италіки» въ долинѣ По, не ѣли рыбы. Однимъ изъ важныхъ доказательствъ употребленія жителями террамаръ въ пищу рыбъ служить, по основательному мнѣнію Пигорини, и то, что рыбная ловля была весьма развита у населенія палафиттъ Гардскаго озера, которое, какъ

это будетъ доказано ниже, было тождественнымъ съ населеніемъ свайныхъ построекъ и въ долину По.

Промышленность обитателей свайныхъ поселеній въ террамарахъ состояла въ выдѣлкѣ издѣлій изъ глины, изъ дерева, изъ кости и рога, изъ камня и бронзы. Качество оной было не высоко, не только ниже произведеній слѣдовавшаго за нею въ Италіи періода Виллановы, характеризующаго собой начало-железнаго вѣка, но, что замѣчательно, ниже даже произведеній бронзоваго-же вѣка въ свайныхъ постройкахъ оверъ Гардскаго, Фимонскаго и Арквы-Петрарки, въ Венетской области, равно какъ и произведеній этого-же періода въ Средней Европѣ. Глиняные сосуды, дѣлавшіеся еще, само собою разумѣется, отъ руки, т. е. безъ гончарнаго круга, и обжигавшіеся на вольномъ огнѣ или вовсе не обжигавшіеся, являются здѣсь почти всегда безъ всякаго орнамента, а если и есть на нихъ иногда какія-нибудь черточки, иногда борозды, то все это еще очень далеко отъ какого-нибудь геометрическаго стиля; чаще встрѣчаются украшенія, состоящія изъ бугорковъ на срединѣ сосуда. Образчики сосудовъ террамаръ безъ украшеній и съ вышеуказанными украшеніями мы даемъ на табл. XV. Тамъ-же читатель найдетъ и считаемую Пигорини за особую характеристическую черту керамики террамаръ лунообразную или рогообразную ручку (*ansa lunata* или *cognuta*), образчики которой всѣ взяты нами изъ Пармской террамары Кастіоне Маркези, особенно хорошо представленной въ римскомъ До историческомъ Музеѣ. Ручка эта, дѣйствительно, представляетъ очень своеобразную особенность террамаръ въ Италіи, которою эти свайныя поселенія на сушѣ рѣзко отличаются отъ озерныхъ и болотныхъ палафиттъ Центральной и Западной Ломбардіи. Ее мы также находимъ спорадически въ Пизенѣ, но особенно въ Римѣ ³⁴⁶); гдѣ она нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуемъ, что, между террамарами и населеніемъ Лаціума есть нѣчто общее, на что, впрочемъ, ниже мы обратимъ надлежащее вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо отмѣтить и то, что ручка этого вида не есть италійское изобрѣтеніе, такъ какъ она встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ, къ Сѣверу отъ Альпъ, именно въ Тюрингіи, Богеміи, Нижней Австріи, въ Центральной Штиріи и Венгріи ³⁴⁷). Встрѣчаются такіе сосуды и въ Истріи, что и понятно при близости этой страны къ Сѣверо-Восточной Италіи, и даже, повидимому, въ Босніи ³⁴⁸). Если же ручка эта была находима и въ такъ-называемыхъ *fondi di sarapne*, т. е. въ обиталищахъ Лигурійскаго населенія ³⁴⁹), то эти крайне немногіе случаи, и притомъ лишь въ той-же нижней долине По, ничего не могутъ измѣнить въ защищаемомъ Пигорини съ 1877 г. положеніи, что лунообразная ручка служить признакомъ раздѣла во-

Промышленность въ террамарахъ. — Керамика и рогообразная ручка

сточныхъ свайныхъ построекъ (террамаръ) отъ западныхъ палафиттъ, являясь характеристическою особенностью именно террамаръ и никакой другой мѣстности въ Италіи. Единичные случаи появленія какой-либо керамической формы въ другомъ мѣстѣ всегда возможны: ручка эта могла быть занесена въ *fondi di sarappe* Лигуровъ самими же обитателями террамаръ въ ихъ столкновеніяхъ враждебныхъ или даже иногда и мирныхъ съ прежними обитателями занятой ими мѣстности, или просто явилась результатомъ вліянія новаго населенія на старое. Если-бы эта керамическая особенность была распространена между Лигурами, то мы могли-бы думать, что пришедшая изъ-за Альпъ раса бронзоваго вѣка ее заимствовала отъ прежнихъ обитателей. Но ничего подобнаго мы не видимъ, а видимъ совсѣмъ обратное: лунообразная ручка является обычнымъ предметомъ керамической техники въ террамарахъ и исключительнымъ въ поселеніяхъ Лигуровъ. Заключение ясно. Что же касается до возраженій Бриціо и Серджи, считающихъ самыя террамары принадлежностью Лигуровъ, то мнѣніе это, несостоятельность котораго бросается въ глаза, будетъ обсуждено нами ниже.

Произведенія изъ глины въ террамарахъ не ограничиваются сосудами для того или другого употребленія: есть вещи разныхъ другихъ формъ и назначеній: цѣдилки, ложки, такъ-называемыя фузайолы, т. е. кружки съ отверстіемъ, назначеніе которыхъ частію служить орудіемъ для пряжи льна, пряслицы, какъ называютъ у насъ, частію въ видѣ привѣсокъ, и которые встрѣчаются во множествѣ не только въ бронзовый вѣкъ, въ Италіи, въ Сициліи, въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ, но и въ неолитическую эпоху и въ эпоху начала желѣзнаго вѣка. Наше изображеніе фузайоль на таблицѣ XXIX взято изъ террамаръ Эмиліи. Бываютъ находимы иногда и изображенія животныхъ, каковы напр. свинки и собачки, найденныя въ террамарахъ Горцано и Монтале (въ Моденской пров.), Монте Венера и Сервиrolа ди-Санполо (въ пров. Реджо), въ Кастеллаццо ди Фонтанеллато (Парм. пров.), но этого рода произведенія, обнаруживая восточное вліяніе, принадлежатъ уже поздней эпохѣ террамаръ, концу бронзоваго или даже началу желѣзнаго вѣка, какъ это выяснилъ Пигоринни по отношенію къ находкѣ (свинкѣ), сдѣланной въ террамарѣ Кастеллаццо ³⁵⁰).

Предметы изъ
дерева

Предметовъ изъ дерева не могло сохраниться много. Даже свай сохранились лишь въ немногихъ мѣстахъ, но всего лучше въ Пармской террамарѣ Кастіоне, нижнему слою которой мы обязаны вообще наилучшимъ сохраненіемъ дошедшихъ до насъ деревянныхъ предметовъ. Сюда относятся: рукоятки для бронзовыхъ топоровъ съ приподня-

тыми краями, остатки плетеныхъ корзины изъ ивы, фанелы, лопатки, долота, шила, ложила, блюда, миски, чашки, ложки большія и маленькія, задвижки, колотушки, клинья, диски, плавки, палки прямыя и крючкова-тыя, такъ-называемые *bâtons de commandement* (начальническіе жезлы), крючки для вѣшанья напр. корзины, обломки дуга. Замѣчательно, что не найдено топоричъ для каменныхъ топоровъ, равно какъ ни челноковъ, ни веселъ, безъ чего едва-ли могли обходиться обитатели свайныхъ построекъ, живя близъ рѣкъ и занимаясь рыболовствомъ.

Гораздо больше сохранилось издѣлій изъ кости и рога въ раз- Издѣлія изъ кости и рога ныхъ террамаряхъ. Къ нимъ относятся: иглы, шила, лопатки, мо-лотки, долота, гребни, цилиндрическія трубки, ручки для орудій малыхъ размѣровъ, головныя булавки, колесики для головки этихъ булавокъ, даже фузайолы, наконецъ, кабаньи и медвѣжьи зубы, служившіе въ видѣ украшеній. Мы даемъ изображенія шиль съ рукоятками изъ кости (табл. XVIII, фиг. 2 и 4), гребня изъ рога (табл. XX, фиг. 3), булавки и иглы изъ кости (табл. XXI, фиг. 1 и 5), колесика изъ рога (*ibid.* fig. 8), двухъ головокъ для головной булавки изъ рога (*ibid.* fig. 9 — 10), подбора для удила изъ рога (*ibid.* фиг. 7), долота и лопатки изъ кости или рога (табл. XVII, фиг. 1—4).

Но главнымъ и наиболѣе важнымъ производствомъ являются ору- Издѣлія изъ бронзы дія, оружіе и украшенія изъ бронзы. Этотъ-то матеріалъ и составляетъ характеристическую черту террамаръ, рѣзко отличая ихъ эпоху отъ предшествовавшей ей эпохи неолитической съ ея энеолитическимъ окончаніемъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы орудія каменнаго вѣка въ террамаряхъ совершенно уступили мѣсто бронзовымъ. Каменныхъ орудій въ нихъ достаточно для того, чтобы не считать бронзовый вѣкъ наступившимъ въ этихъ мѣстахъ разомъ. Правда, больше всего этихъ орудій попадаетъ въ террамаряхъ лѣваго берега По, въ Ломбардію; но они есть и въ террамаряхъ Эмиліи, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ, и даже вообще замѣчено, что они рѣдко попадаютъ въ обществѣ сосудовъ съ лунообразной ручкой.

Но эти каменные предметы, которыхъ много въ нижнихъ слояхъ Принадле- жать ли тер- рамары по своему осно- ванію еще ка- менному вѣку? террамаръ Ломбардіи и которые попадаютъ и въ террамаряхъ Эмиліи, служатъ-ли они доказательствомъ того, что террамары были осно- ваны еще въ каменный вѣкъ и принадлежатъ тому самому населе- ванію, которое въ другихъ мѣстахъ Италіи оставило слѣды своего пре- быванія въ природныхъ пещерахъ, въ *fondi di sarappe*, и хоронило своихъ покойниковъ въ искусственныхъ гротахъ, т. е. Лигурамъ? Такъ именно и думали и продолжаютъ до сихъ поръ думать Бриціо ³⁵¹⁾ и Серджи ³⁵²⁾, мнѣнія которыхъ по этому вопросу различаются лишь тѣмъ, что Бриціо, считая основаніе террамаръ дѣломъ Лигуровъ, имѣ

приписываютъ не только каменнаго, но и бронзоваго вѣка въ этихъ поселеніяхъ, тогда какъ Серджи, приписывая основаніе террамаръ представителямъ каменнаго вѣка въ Италіи, и Лигурахъ, поселяетъ въ нихъ въ началѣ бронзоваго вѣка пришедшихъ изъ-за Альпъ Аріицевъ, именно Кельтовъ. При этомъ Бриціо еще увѣряетъ, что бронзовая культура въ террамарахъ есть вліяніе Умбрскаго населенія: при-болоньскихъ мѣстностей, которому принадлежитъ начало желѣзнаго вѣка въ Италіи. Но тому и другому побѣдоносно отвѣчалъ еще въ 1884 г. Пигорини³⁵³), разбивая одинъ за другимъ все доводы, приводимыя тѣмъ и другимъ ученымъ въ подтвержденіе ихъ теорій. Бриціо въ подтвержденіе тождества населенія *fondi di sarapne* и террамаръ ссылается на то, что есть въ террамарахъ части принадлежанія къ чисто-каменному вѣку, другія къ переходному періоду и третьи наконецъ къ чисто-бронзовому, и что будто-бы каменные предметы, найденные въ первой части, совершенно сходны съ предметами *fondi di sarapne*. Пигорини отвѣчаетъ, что каменные предметы въ террамарахъ и въ *fondi di sarapne* *неолитической* эпохи совершенно различны и при этомъ ссылается на таблицы I и V третьяго тома своего *Bullettino di paleontologia italiana* (первая изъ этихъ таблицъ воспроизведена въ нашемъ приложеніи подъ № VII). Далѣе Пигорини совершенно отрицаетъ увѣреніе Серджи, будто во всѣхъ террамарахъ находятся каменные орудія; если же Серджи ссылается при этомъ на карту, приложенную къ книгѣ Гельбига, то ссылка эта неосновательна, и это Пигорини имѣетъ право сказать съ тѣмъ большимъ правомъ, что самъ составлялъ эту карту для Гельбига. Правда, устроители палеолитическихъ поселеній тамъ, употребляя *по преимуществу* камень, но нельзя говорить, что они не знали бронзы даже въ первый періодъ. Дѣло въ томъ, что предметы, находимые въ террамарахъ, представляютъ собой отбросы, а понятно, что такіа драгоценныя вещи, какъ бронзовыя, не выбрасывались умышленно: отъ того и происходитъ, что въ нѣкоторыхъ террамарахъ даже совсѣмъ не найдено бронзы. Пармская террамара *Casatoldo di Samboseto*, одна изъ самыхъ большихъ по пространству, ею занимаемому (3 гектара), какъ и по плотности культурнаго слоя (т. 3, 70), очень бѣдна бронзой, но тамъ не найдено и каменныхъ орудій. Слѣдовательно, отсутствіе или малое количество бронзы въ той или другой террамарѣ нисколько не есть доказательство принадлежности ея къ каменному періоду. Если бы, наконецъ, дѣло шло объ одномъ основномъ населеніи *fondi di sarapne* и террамаръ, то погребальный обрядъ первыхъ, т. е. ингумация труповъ, сохранился бы и въ террамарахъ, а обрядъ террамаръ не походилъ бы на обрядъ могилъ типа Виллановы,

всѣми признаваемо арийскимъ, а не лигурійскимъ. Но въ террамарахъ нѣтъ слѣдовъ ингумации, а въ нихъ тотъ-же обрядъ сожжения, что и въ арийскомъ мортальницѣ Виллановы и еродныхъ об- нильныхъ могильникахъ при болоньскихъ. Правда, Бриццо ³⁵⁴⁾ етадь увѣ- рять, что обрядъ групопожжения въ террамарахъ есть позднй, что ему предшествовалъ будто бы сначала обрядъ ингумации, а затѣмъ смѣшанный, но мнѣнне это основано не на фактахъ, а на предполо- женияхъ: относительно нѣсколькихъ скелетовъ, найденныхъ въ терра- марѣ Боволоне (Веронск. пров.), Пигорини не безъ основанія замѣ- чаетъ ³⁵⁵⁾, что это—скелеты времени Римской Империи. Не дальнѣй- шее разсужденне объ этомъ ведетъ насъ уже къ вопросу о племенн, которому принадлежитъ устройство террамаръ, а этимъ вопросомъ мы будемъ заниматься ниже. Между тѣмъ мы и безъ того пришли къ выводу, что нѣтъ никакихъ основаннй приписывать устройство тер- рамаръ населенно каменнаго вѣка, жившему въ кавернахъ и въ хижи- нахъ-ямахъ, отъ которыхъ сохранились многочисленныя слѣды въ землѣ, называемыя *fondi di saranne*. Что каменные орудя продолжали су- ществовать въ периодъ бронзовыхъ, то это такъ-же естественно, какъ потомъ въ периодъ желѣзнаго вѣка долгое время продолжаютъ употре- бляться бронзовыя орудя. Требовалось продолжительное время, чтобы какъ въ первомъ случаѣ бронза, такъ во второмъ—желѣзо удешеви- лись до того, чтобы сдѣлаться предметомъ общаго и затѣмъ исключи- тельнаго употребленна. Каменные шлифованные топоры продолжали существовать, говорить Колини ³⁵⁶⁾, во все продолженне бронзовой эпохи какъ въ западныхъ палафиттахъ и въ террамарахъ по ту сто- рону. Но, такъ отчасти и въ террамарахъ Эмилии и прекратились лишь въ началѣ желѣзнаго вѣка, какъ орудя, но продолжали оставаться въ немъ, наравнѣ съ наконечниками копй, лишь какъ предметы су- вѣрнй и культа и, какъ таковыя, клались въ разныхъ мѣстахъ въ мо- гилы въ Этрурнн, у Фалисковъ, въ Пиценѣ и даже у Сикуловъ со- хранились вплоть до эпохи греческой культуры; маленькй топорикъ былъ найденъ даже на груди христанской женщины въ Сиракузской катакомбѣ. Факты такого рода не мѣшаетъ имѣть въ виду, когда хо- тять на присутствн каменныхъ орудй въ террамарахъ основать вы- водъ относительно ихъ происхожденна изъ каменнаго периода.

Такимъ образомъ, несмотря на присутствне въ террамарахъ каменныхъ орудй, съ одной стороны, и произведеннй, принадле- жащихъ началу желѣзнаго вѣка, съ другой, несмотря даже на присут- ствнне нѣсколькихъ произведеннй, именно топоровъ изъ мѣди, каковъ напр., превосходный топоръ, найденный въ террамарѣ Кастюне Маркези (Парм- ской пров.), или топоры изъ Монтале и Реду (Моденск. пров.) ³⁵⁷⁾, на

нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на поселенія бронзоваго вѣка, пѣдѣлія котораго, въ нихъ въ большемъ количествѣ найденныя, служатъ въ въ одно и то же время и указаніемъ эпохи существованія этихъ поселеній, и указаніемъ степени культуры, насколько она характеризуется развитіемъ промышленности.

Виды бронзовыхъ издѣлій въ террамарахъ

Бронзовыя издѣлія, принадлежащія террамарамъ, довольно разнообразнаго типа, хотя и не столь разнообразнаго, какими являются бронзовыя издѣлія начала желѣзной эпохи, когда бронзовая культура достигла въ Италіи наивысшаго развитія. Тутъ мы находимъ топоры плоскіе (такіе бронзовые топоры впрочемъ являются въ террамарахъ лишь въ видѣ исключенія)³⁵⁸), съ поднятыми краями и съ крыльями (иначе называемые пальстабы), кинжалы или ножи, бритвы, серпы, шила, щипцы, пилы (собственно влагалища пилъ, которыя продолжали быть каменными,) копья, мечи, стрѣлы, головныя булавки, колесики, гребни. *Топоры* двухъ послѣднихъ видовъ у насъ представлены на табл. XVIII фиг. 1 и таблицѣ XIII, фиг. 5. *Кинжалы*, которые могутъ считаться и ножами, большею частію трехгранной формы, съ рукояткой или безъ нея, изображены на табл. XIX, представляющей собственно предметы изъ Гардскаго озера, предметы котораго, кстати замѣтить, вполне сходны съ предметами террамаръ. и на таблицѣ XVI, фиг. 3, изъ мантуанской террамары Villa Currella. *Бритвы*, то, что итальянскіе археологи называютъ *gasajo*, обоюдоострыя орудія, не менѣе характерическая особенность террамаръ въ бронзовой technikѣ, какъ рогообразная ручка въ ихъ керамикѣ, мы представляемъ въ четырехъ наиболѣе типическихъ формахъ на таблицахъ XX (фиг. 1 и 4) и XVI, (фиг. 4 и 5). Двѣ изъ этихъ формъ взяты изъ террамаръ (пармской Кастіоне, фиг. 1, табл. XX, и брешіанской Кастелларо, фиг. 5, табл. XVI), а двѣ другихъ изъ палафиттъ Гардскаго озера. Бронзовое *котле* съ втулкой изображено на табл. XV II, фиг. 3, и взято изъ брешіанской террамары Кастелларо, а два наконечника стрѣлъ на табл. XVII, фиг. 5 и 11; на табл. XXXI мы даемъ изображенія двухъ формъ *мечей* (фиг. 2 и 3), принадлежащихъ современному террамарамъ могильнику Повельяно Веронезе; четыре головныхъ *булавки* изъ Гардскаго озера даетъ табл. XXI (фиг. 2, 3, 4, 6), четыре другихъ изъ террамаръ пров. Пьяченцы и Модены даетъ таблица XVII, (фиг. 6, 7, 8, 10). Два шила съ костяной, орнаментированной кружками съ точками. ручкой, даетъ табл. XVIII (фиг. 2 и 4). О серпѣ, на табл. XVI (фиг. 1), происходящемъ изъ террамары Кастелларо (пров. Брешія), мы уже упоминали. Изъ этой-же террамары вышли и небольшіе щипчики (табл. XX, фиг. 2). Бронзоваго гребня римскій До-историческій Музей не имѣетъ, и потому онъ у насъ и не пред-

ставленъ. Изъ украшеній, принадлежащихъ къ позднему періоду террамаръ, мы на табл. XX (фиг. 5 и 6), даемъ двѣ фибулы, въ ихъ древнѣйшей формѣ, происходящія изъ палафиттъ Гардскаго озера, какъ и четыре фигуры подвѣсокъ (фиг. 7, 8, 9, 10). Фибула, какую стали находить въ террамарахъ Эмилии, равно какъ и въ палафиттахъ Гардскаго озера, представляетъ тотъ древнѣйшій типъ съ удлиненой дугой и однимъ завиткомъ,—называемый у итальянскихъ археологовъ *ad arco di violino*, т. е. фибула скрипичнымъ смычкомъ, — который представляютъ и фибулы, найденныя въ Микенахъ, откуда онѣ и пришли въ Верхнюю Италію. Путь, которымъ она шла, лежалъ черезъ Балканскій полуостровъ, какъ можно судить по тому, что такого-же типа фибула была найдена въ Босніи, въ Глазнацѣ³⁵⁹); такъ какъ такія фибулы найдены въ греческихъ могилахъ, современныхъ египетскому фараону Аменофису III, то ихъ и относятъ съ вѣроятностью къ XV ст. до Р. Хр.³⁶⁰). Такая фибула найдена также и въ Сициліи, именно въ Панталикѣ и въ Коццо ди Пантано. Орси³⁶¹), которому уже впоследствии пришлось встрѣтить фибулы микенскаго типа въ Сициліи, пришелъ-было, основываясь на сходствѣ микенской фибулы съ террамарскою, къ выводу, что тутъ слѣдуетъ видѣть не только современность культуры террамаръ съ микенскою культурой, что безспорно, но и этнологическую близость поселеній обѣихъ мѣстностей, что совсѣмъ неосновательно. Говоря о бронзовыхъ издѣліяхъ террамаръ, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ типъ ихъ топоровъ, который называется «съ крылышками» (*ad alette, à aillérons*), именно на то, что типъ этотъ составляетъ также одну изъ характеристическихъ особенностей террамаръ и родственныхъ съ ними палафиттъ Венецкихъ озеръ. Но особенность эту онъ раздѣляетъ съ Дунайской долиной и очень распространенъ въ собственной Австріи, въ Богеміи, Моравіи, Хорватіи, будучи уже очень рѣдокъ въ Швейцаріи, къ западу отъ которой онъ уже и совсѣмъ исчезаетъ. Здѣсь мы видимъ доказательство ближайшей связи культуры террамаръ и палафиттъ Венеціанской области съ культурой Венгріи и сосѣднихъ съ нею областей Средней Европы³⁶²). Нельзя не указать тутъ-же и на то обстоятельство, что существуетъ близкое родство между мечами террамаръ и болѣе поздними мечами некрополей Лаціума³⁶³), обстоятельство, которое такъ-же слѣдуетъ имѣть въ виду для дальнѣйшихъ соображеній, какъ и предыдущее. Что же касается до обоюдоострыхъ ножей, то слѣдуетъ замѣтить, что подобныя имъ орудія найдены и въ Сициліи, именно въ Панталикѣ, но такъ какъ въ ту эпоху трудно предполагать вліяніе террамаръ на Сицилію или наоборотъ, то слѣдуетъ признать, что былъ общій источникъ,

откуда этотъ типъ пришелъ и на сѣверъ Италіи, и на о. Сицилію. Всего естественнѣе источникъ этотъ, общій для столь отдаленныхъ одна отъ другой странъ, нужно искать не на Сѣверѣ, не на Западѣ, а на Востокѣ. Орси ³⁶⁴) предполагаетъ его въ до-микенскихъ археологическихъ слояхъ Эгейскаго моря, или въ Верхней Греціи, откуда онъ всего удобнѣе могъ достигнуть свайныхъ поселеній долины По. Но Пигорини ³⁶⁵) считаетъ возможнымъ такъ-же прибытіе его въ Сицилію изъ Эгейскаго моря, какъ и изъ Италіи, хотя и не прямо изъ террамаръ, а изъ Южной Италіи, куда, какъ это показали раскопки Ридолы близъ Матеры и раскопки Квальяти, близъ Таранто, проникли въ концѣ бронзовой эпохи колонні выходцевъ изъ долины По. Что же касается до самой Италіи, то, если и считать ихъ прототипы пришедшими съ Востока, что еще требуетъ доказательствъ (Пигорини считаетъ прототипы такихъ ножей или бритвъ относящимися еще къ энеолитической эпохѣ), здѣсь ихъ истинной родиной были именно террамары и палафитты Венетскихъ озеръ, гдѣ обоюдосоострыя бритвы (или ножи) только и находятся во всѣхъ своихъ формахъ — въ прямоугольной (фиг. 4, табл. XX), отгосной съ вырѣзомъ вверху и овальной дырой посрединѣ (фиг. 1, той-же табл.), или нѣсколько закругленной съ вырѣзомъ вверху и продолженнымъ отверстіемъ въ серединѣ (фиг. 5, табл. XVI), или, наконецъ, въ красивой формѣ съ нѣсколькими отверстіями въ серединѣ, раздѣленной продольно, и съ длинной ручкой, также съ отверстіями, и заключающей кольцо (фиг. 4 той-же табл.). Уже изъ этихъ формъ, какъ, пожалуй, не безъ основанія заключаетъ въ отмѣченной статьѣ Пигорини ³⁶⁶), развилась какъ форма ножа съ однимъ лезвіемъ, представляющая какъ бы половину прежняго ножа (бритвы) съ двойнымъ лезвіемъ (см. табл. XXX, фиг. 1), такъ и та полудлунная форма также съ однимъ лезвіемъ, которая является особенно типическою (табл. XXIX, фиг. 4) въ эпоху начала желѣзнаго вѣка, въ такъ называемый въ Италіи періодъ Виллановы.

Низкая техника бронзовыхъ издѣлій въ террамарахъ

Что касается техники бронзовыхъ издѣлій террамаръ, то она, какъ наиболѣе древняя техника въ Италіи, естественно стоитъ на низкой степени развитія и уступаетъ даже той technikѣ, которая была достигнута въ свайныхъ поселеніяхъ озеръ восточной половины Верхней Италіи ³⁶⁷), гдѣ бронзовыя издѣлія отличаются также и большимъ разнообразіемъ формъ, гдѣ имѣются также браслеты, серьги, ожерелья, т. е. такія украшенія, до которыхъ, повидимому, еще не доросли террамары. Именно видно, что бронзовая культура террамаръ представляетъ собой еще первую стадію развитія этого періода, на которой она и остановилась, хотя присутствіе въ нѣкоторыхъ террамарахъ издѣлій начала желѣзнаго вѣка и показываетъ, что обитаніе

террамарь тѣмъ-же населеніемъ прекратилось лишь съ наступленіемъ послѣдняго. Эту первобытность бронзовой культуры террамарь характеризуетъ и то, что всѣ ихъ издѣлія литыя, а не кованыя. Какъ доказательство, что эти бронзовые издѣлія производились на мѣстѣ, сохранились формы, въ которыхъ нѣкоторыя изъ нихъ выливались. Такова форма для топоровъ съ поднятыми краями, находящаяся въ римскомъ До-историческомъ Музеѣ и происходящая изъ Моденской террамары Горцано; такова форма для топоровъ съ крылышками, найденная въ террамарѣ Белланда (проф. Мантуи) и воспроизведенная въ *Bull. di paletnologia Italiana* VI, табл. VI, фиг. 4; формы для обоюдоострыхъ ножей (бритьевъ) воспроизведены у Гастальди въ *Nuovi cenni degli oggetti di alta antichità*, на табл. IV, фиг. 22, и въ вышеуказанномъ *Bulletino*, 1877 (III), табл. VI фиг. 4) изъ Санъ-Просперо (близъ Пармы).

Обитатели террамарь оставили намъ не только памятники своей жизни, но и памятники смерти. Кладбища или могильники, какъ это больше принято въ до-исторической археологіи, сохранились или найдены не во всѣхъ террамарахъ, но все-таки ихъ найдено нѣсколько. Таковы кладбища въ Монте Лонато и въ Пьесполе въ Мантуанской провинціи, въ Боволоне въ Веронской, въ Креспелано въ Болоньской, въ Казинальбо и Реду въ Моденской, Конеццато въ Пармской. Обширный некрополь въ округѣ Viadana (Мантуанской пров.) показываетъ, по мнѣнію Парацци³⁶⁸), что здѣсь было двѣ террамары въ одномъ мѣстѣ. Наконецъ, въ террамарѣ Каstellazzo ди Фонтанеллато (Пармской пров.), одной изъ самыхъ большихъ террамарь, состоявшей изъ восьми улицъ, кладбищъ было два: одно большое, къ юго-востоку отъ селенія, другое, меньшее, къ западу отъ него. Во всѣхъ этихъ кладбищахъ мы встрѣчаемся съ совершенно новымъ до того времени въ Италіи фактомъ: вмѣсто могилъ съ трупами или съ костяками покойниковъ мы тутъ видимъ горшки (урны) или оссуаріи съ пепломъ, т. е. вмѣсто трупопогребенія мы въ первый разъ въ Италіи встрѣчаемся съ совершенно организованнымъ обрядомъ трупосожженія. Ясно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ народомъ, который принесъ въ Италію не только обычай жить въ свайныхъ поселеніяхъ, не только бронзовыя орудія взамѣнъ каменныхъ, но и новыя религіозныя вѣрованія, требовавшія преданія бездыханныхъ тѣлъ огню. Таковъ былъ обычай арійскихъ народовъ, за исключеніемъ Персовъ, которые, поклоняясь огню, не сожигали имъ мертвыхъ. Сожиганіе труповъ въ бронзовый вѣкъ, когда арійское племя, появившееся въ Европѣ по крайней мѣрѣ въ концѣ неолитической эпохи, такъ ярко заявляетъ себя во всей Европѣ, въ противоположность прежнимъ населеніямъ, широко распространилось по Средней

Могильники
террамарь.
Трупосож-
женіе

и Сѣверной Европѣ, особенно на Западѣ. Особенность кладбищъ террамаръ заключается въ томъ, что оссуаріи съ пепломъ, какія тамъ находятъ, стоятъ вмѣстѣ, чрезвычайно тѣсно одинъ къ другому, обыкновенно въ два этажа. Они стояли не такъ, какъ это было потомъ, въ началѣ желѣзнаго вѣка, въ такъ-называемыхъ могилахъ *колодцомъ* (*tombe à pozzo*), гдѣ каждая урна имѣла свою опредѣленную могилу, свое особое помѣщеніе, а соприкасались одинъ съ другимъ и только изрѣдка отдѣлялись одинъ отъ другого какою-нибудь каменною перегородкой, какъ это было замѣчено въ Креспеллано, или окружены маленькими холмиками изъ мелкаго камня, какъ это встрѣтилось въ Монте Лонато. Кладбища въ Кастеллаццо ди Фонтанеллато показываютъ, что и для праха умершихъ также устраивались помосты на сваяхъ, какіе дѣлались для поселенія живыхъ, но эти мѣста для праха умершихъ устраивались отдѣльно, какъ особыя поселенія, которыя также обводились валомъ и рвомъ, черезъ который пролагался мостъ. Такъ какъ въ террамарахъ все устраивалось по извѣстной нормѣ, то слѣдуетъ думать, что это устройство было не исключеніемъ для Кастеллаццо, а правиломъ, которому слѣдовали по крайней мѣрѣ многія террамары ³⁶⁹). Грубая керамика, представляемая намъ оссуаріями (урнами) изъ кладбищъ террамаръ представлена у насъ на табл. XXII въ числѣ шести сосудовъ, изъ которыхъ одинъ (фиг. 1), изъ могильника Копеццато, Пармской провинціи, безъ всякихъ орнаментовъ, а пять другихъ, происходящихъ изъ могильниковъ: веронскаго—Кастелло въ общинѣ Боволоне (фиг. 5—6), мантуанскихъ — Монте Лонато (фиг. 2) и Пьетоле (фиг. 4) и пармскаго — Копеццато (фиг. 3) съ простѣйшими рельефными украшеніями, волнисто-веревочными или бугорчатыми (фиг. 5).

Характерная особенность населенія террамаръ Мы не разъ упоминали объ опредѣленныхъ нормахъ, какія соблюдались во всемъ устройствѣ террамаръ. Дѣйствительно, несмотря на грубость издѣлій глиняныхъ и бронзовыхъ, несмотря на отвратительныя гигиеническія условія, въ которыхъ жили обитатели террамаръ, среди нечистотъ, вони, безчисленнаго количества разныхъ насекомыхъ, между прочимъ мухъ, личинки которыхъ были находимы и въ черепахъ животныхъ, мы видимъ, что у населенія этихъ свайныхъ сооруженій была выработана любовь къ порядку. Мы говорили объ ориентировкѣ этихъ поселеній по солнцу, о соблюденіи разными поселеніями одной и той-же геометрической формы, трапеции, о соблюденіи опредѣленныхъ разстояній между свайными рядами, равно какъ и между отдѣльными сваями, опредѣленныхъ отношеній ширины между главными и второстепенными улицами и т. п. Однообразный планъ устройства поселеній съ окружающими ихъ валомъ и рвомъ,

устройство мѣстъ погребенія внѣ черты селенія, какъ это строго соблюдалось потомъ у Римлянъ и было внесено въ законъ двѣнадцати таблицъ ³⁷⁰), тотъ-же планъ устройства жилищъ для умершихъ, какъ и для живыхъ: все это черты народа, которыя невольно бросаются въ глаза, особенно когда дѣло идетъ о столь отдаленной эпохѣ, и мы необходимо должны отмѣтить этотъ фактъ, относящійся къ первымъ арійскимъ поселенцамъ на почвѣ Италіи, для дальнѣйшихъ заключеній. Къ этимъ поразительнымъ чертамъ любви къ порядку и стройности общественнаго быта мы должны прибавить трудолюбіе и выносливость, какихъ требовало устройство каждаго свайнаго поселенія съ его обстановкой изъ рва съ каналомъ для проведенія въ него воды, и другимъ для выпуска ея (эmissаріемъ), и вала съ подпирающими его деревянными контрфорсами, — устройство, невозможное безъ труда, хорошо организованнаго, который только и могъ побѣдить огромныя трудности работы при несовершенствѣ техническихъ орудій и вообще строительныхъ средствъ того отдаленнаго времени.

Народъ, жившій въ террамарахъ, строившій на сухой землѣ тамъ свайныя поселенія, есть, очевидно, народъ, который привыкъ жить на сваяхъ раньше и принесъ свои привычки въ долину По изъ другого мѣста. Откуда же?

На вопросъ этотъ отвѣчать не трудно. Къ Сѣверу и Сѣверо-востоку отъ свайныхъ поселеній террамаръ мы находимъ свайныя поселенія въ Венетскихъ озерахъ — Гардскомъ отъ Пескьеры до Паденго и дальше къ Сѣверу до Бора, въ Фимонскомъ, близъ Виченцы, и въ озерѣ Арква-Петрарка, въ Эвганейскихъ горахъ (Colli Euganei), въ пров. Падуи. Въ этихъ озерныхъ поселеніяхъ, относящихся также къ бронзовому вѣку, найдены остатки той-же самой культуры, которая намъ извѣстна по террамарамъ нижней долины По, начиная съ характернаго, — въ извѣстной степени по крайней мѣрѣ, — признака керамики этихъ послѣднихъ, луно- или рога-образной ручки до обоюдоострыхъ бронзовыхъ бритвъ (ножей) включительно. Особенный интересъ представляетъ свайное поселеніе въ Гардскомъ озерѣ у Пескьеры, которое обстоятельно изслѣдовано и богато культурными данными. Хотя культура въ палафиттахъ Гардскаго озера представляется полнѣе развитою, чѣмъ въ террамарахъ, т. е. имѣвшею болѣе долгое существованіе, но что это одна и та-же культура, что она принадлежитъ одному и тому-же населенію, это бросается въ глаза съ перваго раза.

Посмотримъ вкратцѣ, что даютъ озерныя жилища сравнительно съ террамарами, сходнаго и различнаго ³⁷¹).

Изъ культивированныхъ растений въ Гардскомъ озерѣ найдена рожь (*Secale segetale* Linn.), которой въ террамаряхъ нѣтъ; но ея нѣтъ и въ палафиттахъ Варезскаго озера и даже швейцарскихъ озеръ. Рожь въ Италіи считается принесенною уже Галлами; во всякомъ случаѣ она принесена позже, чѣмъ террамары окончили свое существованіе. Пигорини ³⁷²⁾ объясняетъ ея присутствіе въ свайныхъ постройкахъ Гардскаго озера именно тѣмъ, что стоянка Пескьеры продолжала существовать и позднѣе бронзоваго вѣка. Кастельфранко ³⁷³⁾, дѣлаетъ излишнее предположеніе, что присутствіе это въ Пескьерѣ какъ бы указываетъ (*semblerait annoncer*) на то, что «*cette habitation lacustre est plus moderne que les terremares*». Къ этому онъ уместно прибавляетъ, что въ Ольмюцѣ, въ Моравіи, рожь была найдена съ предметами желѣзнаго вѣка, чѣмъ характеризуется появленіе этого растенія не только въ Южной Европѣ, но и въ Средней. Этимъ-же указывается, пожалуй, и то, что рожь пришла въ Италію не съ Запада, а съ Сѣверо-Востока. Монтелиусъ ³⁷⁴⁾ высказываетъ оригинальное соображеніе, заявляя, что это не рожь, а ячмень, который указывается во всѣхъ современныхъ стоянкахъ Италіи и Швейцаріи, но не указывается въ стоянкѣ Пескьеры. Такимъ образомъ выходитъ, что мы должны предоставить рѣшеніе этого вопроса ботаникамъ. Кромѣ ржи мы видимъ тамъ и виноградную лозу, которую мы видѣли и въ террамаряхъ. Этимъ исключается основательность высказаннаго Геномъ ³⁷⁵⁾ и повторяемаго нѣкоторыми нѣмецкими учеными мнѣнія, будто не только вино, но и сама виноградная лоза принесена въ Италію греческими колонистами. Изъ животнаго царства мы видимъ въ свайныхъ постройкахъ Гардскаго озера разныхъ моллюсковъ, а изъ млекопитающихъ собаку, быка, оленя, лошадь, овцу и свинью, т. е. въ сущности тѣхъ же самыхъ, что и въ террамаряхъ, хотя и меньше количествомъ видовъ, чѣмъ въ послѣднихъ. Изъ этихъ остатковъ животныхъ во всякомъ случаѣ видно, что человекъ озерныхъ построекъ былъ любителемъ моллюсковъ, былъ охотникомъ и скотоводомъ, какъ и земледѣльцемъ, наравнѣ съ обитателями свайныхъ жилищъ въ террамаряхъ.

Ближайшее родство жителей террамаръ съ обитателями свайныхъ построекъ на Гардскомъ озерѣ яснѣе вытекаетъ изъ сравненія культурной обстановки тѣхъ и другихъ, изъ того, какія производились въ томъ и другомъ мѣстѣ издѣлія, относящіяся къ керамикѣ, оружію, орудіямъ, украшеніямъ. Сравненіе это уже сдѣлано Пигорини въ указанномъ нами раньше образцовомъ его трудѣ «Объ Озерныхъ обитателяхъ Пескьеры въ Гардскомъ озерѣ», и намъ остается лишь за нимъ послѣдовать, прибавляя къ сказанному имъ кое-какія свои замѣчанія.

Остатки посуды, найденной въ палафиттахъ Пескъеры, двухъ видовъ: одни указываютъ на издѣлія изъ чистой глины, носятъ слѣды изящнаго орнамента и иногда свѣтятся покровомъ какой-то муравы; другіе, которые составляютъ огромное большинство, сдѣланы изъ грубой пасты, гдѣ глина смѣшана съ кварцевыми зернами и худо обожжена на вольномъ огнѣ. Грубость этого послѣдняго рода издѣлій, далеко уступающихъ и своими формами сосудамъ свайныхъ поселеній Швейцаріи и не имѣющихъ разнообразія ихъ орнамента, нарѣзнаго и рельефнаго, заставляетъ Мартинати ³⁷⁶⁾ относить свайныя постройки Пескъеры ко времени, предшествующему бронзовому періоду. Но, съ другой стороны, нѣтъ основаній, которыя бы давали поводъ относить ихъ къ каменному вѣку, какъ это дѣлаетъ Серджи ³⁷⁷⁾ и въ новѣйшемъ своемъ трудѣ, приписывая, вмѣстѣ съ Бриціо, постройку этихъ озерныхъ палафиттъ, какъ и террамаръ, обитателямъ этихъ мѣстъ въ каменномъ вѣкѣ, Лигурамъ. Нѣтъ основаній потому, что находимыя тамъ въ небольшомъ числѣ каменные орудія находятся рядомъ съ бронзовыми. Не имѣемъ мы основаній относить ихъ и къ мѣдному вѣку, какъ это казалось извѣстному изслѣдователю швейцарскихъ свайныхъ построекъ, Келлеру ³⁷⁸⁾. Съ террамарами эту грубую посуду связываетъ рогообразная ручка, общее достоиніе древнѣйшихъ поселеній восточной половины Верхней Италіи, выходящее однако и за ея предѣлы далеко на Сѣверъ въ Богемію, Нижнюю Австрію, Венгрію, и на Востокъ—въ Истрію и даже въ Боснію, о чемъ нами уже было замѣчено, но показавшееся лишь въ эмбриональномъ состояніи въ Невшатальскомъ озерѣ, а также въ Тюрингіи, да и то въ видѣ исключенія ³⁷⁹⁾.

Палафитты Пескъеры особенно богаты бронзою. Тутъ есть топоры съ поднятыми краями и топоры съ крылышками, долота, серпы, скребки, иглы, пила, гарпуны, обоюдоострыя бритвы, ножи съ остріемъ на одной сторонѣ и на двухъ, копья, фибулы, ожерелья, браслеты, иглы, бѣлашки. По техникѣ и по самимъ предметамъ, издѣлія эти распадаются на двѣ группы: раннюю, которая находитъ себѣ соотвѣтствіе въ террамарахъ и предметы которой мы воспроизводили безразлично, относятся-ли они къ террамарамъ или къ палафиттамъ Гардскаго озера, и позднюю, соотвѣтствія которой въ террамарахъ нѣтъ. Къ первой группѣ относятся прежде всего топоры обоихъ видовъ, изъ которыхъ первый распространенъ по всей Европѣ, а второй, пальстабъ, будучи тождественнымъ съ тѣмъ, что даютъ террамары Эмилиі, воспроизводитъ также формы, болѣе всего встрѣчающіяся въ Хорватіи и Венгріи, въ Австріи и Моравіи, но попадающіяся также и въ Швейцаріи, за предѣлами которой, къ Западу, эти

Керамика
Гардскаго
озера

Бронзы Гардскаго озера.
Общность культуры съ долиной Дуная

формы мало-по-малу исчезаютъ. Сюда-же относятся скребки, представляющіеся по цвѣту сдѣланными скорѣе изъ мѣди, чѣмъ изъ бронзы, подобные которымъ встрѣчаются въ террамаряхъ, но также и въ Швейцаріи, и въ Венгріи, а по формѣ общи многимъ другимъ странамъ Европы. Серпы палафиттъ Пескьеры и террамарь обращаютъ на себя вниманіе своей слегка загнутой формой. Подобные встрѣчаются въ Хорватіи, Венгріи, Австріи и Баваріи и нигдѣ больше. Почти то-же самое можно сказать и объ обоюдоострыхъ бритвахъ, которыя въ формахъ, общихъ террамарамъ и палафиттамъ Гардскаго озера, встрѣчаются въ Венгріи и Австріи, т. е. въ той-же долинѣ Дуная, куда насъ постоянно ведутъ аналогіи террамарь и палафиттъ Венетскихъ озеръ. Сюда-же относятся и обоюдоострые ножи въ видѣ оливковаго листа, общіе съ этими палафиттами террамарамъ, Венгріи, Австріи и Хорватіи, какъ и въ формѣ оливковаго листа клинки дротиковъ и копій съ хвостомъ и безъ хвоста, но часто съ гвоздикомъ или съ гвоздиками для прикрѣпленія ручки или древка къ основанію. Въ Гардскомъ озерѣ и въ террамаряхъ Эмиліи встрѣчается въ простѣйшей формѣ, безъ орнамента, и то копье съ втулкой (а саппоне), которое, сохраняя тотъ-же типъ въ Венгріи, распространено по всей Европѣ и даже за Ураломъ. Наконецъ, въ террамаряхъ и въ палафиттахъ Гардскаго озера мы находимъ одинъ и тотъ-же типъ продолговатой фибулы смычкомъ, который на нашей XX таблицѣ приведенъ въ двухъ экземплярахъ, взятыхъ изъ палафиттъ Гардскаго озера. Общи также террамарамъ и восточнымъ палафиттамъ такія орудія, какъ гарпуны, удочки, которыя представлены у насъ также по экземплярамъ Гардскаго озера (табл. XVI, 2 и XVII, 9. Что же касается бронзовыхъ издѣлій другой группы, куда относятся, кромѣ нѣкоторыхъ украшеній, еще бронзовые ножи съ однимъ лезвіемъ (ихъ нѣтъ въ террамаряхъ) и съ дырой для ручки, а также тонкіе клинки, складывающіеся въ видѣ пружины, то она, не имѣя соответствія въ террамаряхъ, ведетъ прежде всего въ озерныя стоянки Баваріи, Швейцаріи и Савойи; затѣмъ предметы ея въ соответствующихъ формахъ встрѣчаются въ разныхъ альпійскихъ и заальпійскихъ странахъ, и между прочимъ въ Австріи и Венгріи, а также и въ самой Италіи, но вездѣ относятся уже къ слѣдующей за бронзовою эпохѣ и именно къ началу желѣзнаго вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ тонкій браслетъ и трубочки изъ витыхъ бронзовыхъ нитей, находятъ себѣ соответствіе въ знаменитомъ Галльштаттскомъ могильникѣ, служащемъ главнымъ представителемъ желѣзной эпохи въ Австріи.

Заключенія
Пигорини

Сравненіе культуры террамарь съ культурой свайныхъ по-

строетъ Гардскаго озера Пигорини заканчиваетъ слѣдующими выводами, остающимися до сихъ поръ въ полной силѣ:

«Предметы палафиттъ Пескьеры составляютъ два вполне различныхъ класса, одинъ изъ которыхъ обнимаетъ остатки, тождественные съ характеристическими остатками террамаръ *бронзоваго вѣка*, а второй—остатки, тождественные остаткамъ археологическихъ слоевъ *начала желѣзнаго вѣка*. Такимъ образомъ, въ стоянкѣ Пескьеры мы имѣемъ два періода, слѣдовавшихъ непосредственно одинъ за другимъ, и группа предметовъ, одинаковыхъ съ предметами террамаръ Эмилиі, показываетъ намъ, что эти самыя террамары и стоянка Пескьеры въ первомъ своемъ періодѣ современны и обязаны существованіемъ одному и тому-же населенію.

2) «Бронзовое оружіе и утварь какъ стоянки Пескьеры (перваго періода), такъ и террамаръ тѣсно связаны съ оружіемъ и утварью *долины Дуная*. Слѣдовательно, между семьями, распространившимися въ теченіе бронзоваго вѣка въ восточной части Верхней Италіи, и современными имъ семьями Венгріи существовала общность культуры и, быть можетъ, происхожденія.

3) «Присутствіе въ палафиттахъ Пескьеры ржи, янтаря и другихъ предметовъ, которыхъ нѣтъ въ слояхъ бронзоваго вѣка террамаръ, но которые находятся или въ слоѣ начала желѣзнаго вѣка, покрывающемъ многія изъ террамаръ, или въ другихъ стоянкахъ и некрополяхъ Италіи или внѣ ея, восходящихъ къ началу желѣзнаго вѣка, показываетъ, что озерныя поселенія Пескьеры занимали еще первоначальное мѣстопробываніе въ то время, когда вводилось употребленіе желѣза.

4) «Наконецъ, такъ какъ предметы стоянки Пескьеры второго періода, по отношенію къ числу кусковъ, не находятся въ такомъ изобиліи, чтобы казались преобладающими въ сравненіи съ предметами перваго періода, и, сверхъ того, не кажутся намъ очень усовершенствованными, то это—знакъ, что озерныя жилища Пескьеры исчезли въ первое время новаго вѣка ³⁸⁰).

Выводы эти ясны и логически вытекаютъ изъ данныхъ, выше Наши заключенія указанныхъ. Для насъ имѣетъ особенную важность то обстоятельство, что культура террамаръ, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ культурой подъ-альпійскихъ озеръ восточной части Верхней Италіи, находитъ лишь отчасти соотвѣтствіе себѣ въ Швейцаріи, а въ существенной своей части ведетъ насъ за Альпы, именно въ долину Дуная. Отсюда безъ всякой натяжки вытекаетъ предположеніе, что культура террамаръ Эмилиі въ своемъ основаніи, какъ и народъ, обитавшій въ нихъ, пришли съ Сѣвера вмѣстѣ съ народомъ, устроившимъ свайныя по-

селенія въ Гардскомъ озерѣ, равно какъ въ озерахъ Фимонскомъ и Арквѣ-Петрарка ³⁸¹). Если древнѣйшая культура террамаръ совершенно обща съ культурой палафиттъ Венетскихъ озеръ, то нужно признать, что и поселенія въ озерныхъ палафиттахъ и террамарахъ принадлежать одному и тому-же времени, и нельзя поэтому думать, какъ думаютъ Пигорини и Гельбигъ, а за ними и другіе, что народъ, населявшій террамары, прежде жилъ на предъ-альпійскихъ озерахъ и затѣмъ уже, спустившись въ долину По, сталъ устраивать свайныя поселенія на сухихъ мѣстахъ. Скорѣе слѣдуетъ полагать, что народъ, расположившійся въ озерахъ, тамъ и оставался, прожилъ тамъ, какъ это мы сейчасъ видѣли, даже дольше чѣмъ оставались на своихъ мѣстахъ обитатели свайныхъ построекъ на сухомъ пути, а пришедшій съ нимъ одновременно или короткое время спустя народъ, занявшій Нижнюю долину По, прямо занялся устройствомъ свайныхъ поселеній въ этой долинѣ. Но такъ какъ онъ вездѣ устраивалъ эти поселенія по одному типу, по строго опредѣленнымъ нормамъ, то естественно думать, что народъ террамаръ откуда-то принесъ уже готовую систему свайныхъ построекъ на сушѣ, какъ народъ озерныхъ палафиттъ Венетской области явился въ Италію также съ опытомъ жизни на сваяхъ въ озерахъ. Раньше ³⁸²) авторъ этихъ строкъ считалъ возможнымъ предположеніе, что, можетъ быть, первоначальная школа устройства свайныхъ поселеній на сухомъ пути была пройдена жителями террамаръ на лѣвомъ берегу По въ тѣхъ относительно болѣе раннихъ стоянкахъ, какими представляются по своему археологическому матеріалу, сравнительно съ Эмилійскими террамарами, террамары Мантуанской и Брешианской провинцій, къ которымъ можно прибавить еще пожалуй Кремонскія террамары, но это предположеніе я нахожу теперь вѣрнымъ лишь отчасти, лишь въ томъ смыслѣ, что на италійской почвѣ свайныя постройки на сушѣ въ этихъ провинціяхъ уже по географическимъ основаніямъ должны были предшествовать другимъ, т. е. террамарамъ Эмиліи, гдѣ этотъ родъ сооруженій получилъ наибольшее развитіе. Но вѣдь и террамары долины лѣваго берега По построены всѣ по одному образцу, общему съ Эмилійскими; слѣдовательно, опытъ устройства ихъ не можетъ быть первымъ. Первая школа должна была быть пройдена въ другомъ мѣстѣ и скорѣе всего внѣ Италиі, въ томъ мѣстѣ, откуда этотъ народъ, какъ и народъ озерныхъ палафиттъ Венетской области, появился въ Италію.

Происхожденіе народа и культуры террамаръ и озерныхъ палафиттъ Венетскихъ озеръ

Откуда же онъ явился?

Палафитты Гардскаго озера, обнаруженные отъ устья рѣки Минчо къ Сѣверу вдоль Гардскаго озера до Боры, повидимому, показываютъ, что народъ, общій этимъ палафиттамъ и террамарамъ, пришелъ съ Сѣвера,

спустившись съ Альпъ по долинѣ Адидже (или Эчи), пришелъ черезъ Тирольскія Альпы изъ Средней Европы, гдѣ еще въ неолитическій періодъ свайныя постройки наполняли озера, идя съ Востока къ Западу, начиная съ Венгріи и Краины и кончая Швейцаріей, Савойей и юго-восточной Франціи (Дофинэ). Въ какомъ именно мѣстѣ онъ жилъ раньше, въ Баваріи, въ Верхней или Нижней Австріи, мы не знаемъ теперь и вѣроятно не узнаемъ и впоследствии. Можно только съ увѣренностью сказать, что онъ жилъ не въ Верхней Баваріи, по крайней мѣрѣ не въ области между Ammer-и Staffelsee и близъ Штарнбергскаго озера, гдѣ древнѣйшая бронзовая культура принадлежала населенію долихокефальнаго типа и погребавшему, а не сожигавшему умершихъ, какъ это видно изъ раскопокъ и изслѣдованій Юл. Науэ^{382а}). Мы знаемъ только, что онъ состоялъ потомъ въ связи съ мѣстами своего за-альпійскаго пребыванія, имѣя общую бронзовую культуру съ Баваріей, Австріей, Хорватіей и Венгріей, но представляясь болѣе далекимъ по отношенію къ озерной культурѣ не только Швейцаріи, но и Центральной и Западной Ломбардіи, стоявшей въ это время въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Швейцарскими палафиттами. Вполнѣ ясно только то, что это былъ народъ *арійскаго*, иначе индо-европейскаго племени, центромъ котораго въ Европѣ служили, какъ все заставляетъ думать, при-карпатскія земли, откуда оно въ концѣ неолитической эпохи распространялось въ разныя стороны Средней Европы. Что народъ, оставившій памятники своего бытія въ террамарахъ равнинъ Эмилии, какъ и провинцій Брешии, Мантуи и Кремоны, а также въ озерныхъ стоянкахъ подъ-альпійскихъ озеръ Венетской области, былъ вѣтвью арійскаго племени, объ этомъ ясно свидѣтельствовали два факта: принесенный имъ въ Италію обрядъ *трупосожженія* и принесенный имъ до тѣхъ поръ неизвѣстный въ этихъ мѣстахъ, но богатый флексіями *языкъ*, который онъ оставилъ въ этихъ мѣстахъ навсегда и который впоследствии, частію подъ его влияніемъ, частію подъ влияніемъ новыхъ родственныхъ ему поселеній съ Сѣвера, сталъ языкомъ всего Апеннинскаго полуострова.

Итакъ въ террамарахъ мы имѣемъ тотъ пунктъ, гдѣ въ первый разъ выступило на сцену индо-европейское племя на Апеннинскомъ полуостровѣ. Мы утверждаемъ это, какъ фактъ, котораго нельзя оспаривать въ виду тѣхъ новыхъ палео-этнологическихъ данныхъ, которыя внесли обитатели террамаръ въ жизнь италійскихъ народовъ, каковы: бронзовая культура, имѣющая ближайшее соотвѣтствіе съ культурой странъ при-дунайскихъ, трупосожженіе и языкъ, который вмѣстѣ съ несомнѣннымъ, какъ мы увидимъ ниже, культурнымъ наслѣдіемъ террамаръ былъ перенесенъ на берега Нижняго Тибра и въ Альбанскія

Принадлежность террамаръ индо-европейскому народу, а не Лигурамъ

горы. Если такой уважаемый изслѣдователь Италійской старины, какъ Болонскій профессор нумизматики и археологіи Эд. Бриціо, продолжаетъ ³⁸³⁾ стоять на томъ, что создатели свайныхъ построекъ террамаръ и обитатели ихъ были Лигуры, то-есть, такое населеніе, которое жило въ каменную эпоху въ пещерахъ и въ *fondi di saranne*, то здѣсь мы имѣемъ примѣръ того печальнаго явленія, что люди, даже очень крупные по уму и знанію, разъ усвоивъ себѣ ложное мнѣніе, остаются при немъ во чтобы то ни стало. Для этого почтенный ученый не только до крайности преувеличилъ значеніе остатковъ каменныхъ орудій въ террамарахъ, бронзовая культура которыхъ есть фактъ очевидный, значеніе, которое мы разбирали раньше, но и нашель тамъ обрядъ ингумациі, не смотря на то, что всѣ принадлежащія террамарамъ могильники заключаютъ въ себѣ могилы исключительно съ обрядомъ сожженія. Для него здѣсь служить аргументомъ въ его пользу и то, что въ могильникѣ общины Боволоне (Верона) нашлось нѣсколько скелетовъ, которые, однако, лежали въ сопровожденіи предметовъ желѣзныхъ и остатковъ сосудовъ изъ горшечнаго камня (*pietra ollage*) и, слѣдовательно, попали туда изъ позднѣйшей эпохи, какъ мы на это указывали, ссылаясь на Пигорини, нѣсколько разъ это замѣчавшаго ³⁸⁴⁾. Служить, какъ доказательство ингумациі въ террамарахъ, и то, что въ могильникѣ Повельяно (Верона) находится обрядъ трупопогребенія съ обстановкой предметовъ свойственныхъ террамарамъ, хотя могильникъ этотъ все не принадлежитъ террамарамъ, а населенію, въ которомъ Коллини ³⁸⁵⁾ основательно видитъ потомковъ энеолитическаго населенія, каково населеніе могильника Ремеделло. Что обитатели террамаръ были будто-бы Лигуры, Бриціо видитъ и въ томъ, что въ гротѣ Фарнэ (или Фарнетто), близъ Болоньи, и въ Кастеллаччо, близъ Имолы (одно изъ поселеній *fondi di saranne*), нашлись предметы вполне свойственные террамарамъ, вмѣсто того, чтобы въ этихъ мѣстахъ, столь близкихъ къ террамарамъ, видѣть естественное вліяніе культуры этихъ послѣднихъ на ближайшее къ нимъ населеніе Лигуровъ, оставшееся отъ неолитической эпохи. Бриціо указываетъ на одинаковость археологическаго каменнаго матеріала въ *fondi di saranne* и террамарахъ. На это ему, какъ уже нами было раньше замѣчено, Пигорини, совсѣмъ, принадлежащимъ этому первостепенному изслѣдователю и знатоку террамаръ, авторитетомъ еще въ 1884 г. отвѣчалъ, что каменные предметы неолитической эпохи, которая въ Италіи принадлежитъ Лигурамъ, совершенно различны отъ каменныхъ предметовъ бронзовой эпохи, чего, конечно, не могъ не замѣтить и самъ Бриціо, ссылаясь свое заявленіе общимъ замѣчаніемъ, что каменные орудія террамаръ «представляютъ работу

болѣе законченную»³⁸⁶). Принадлежность террамарь Лигурамь Бриціо доказываетъ и тѣмъ, что въ нихъ такъ-же, какъ и въ *fondi di saranne*, есть украшенія изъ раковинъ *cardium* и др. и, наконецъ, тѣмъ, что и тамъ, и здѣсь одна и та-же фауна. Что касается перваго замѣчанія, то оно едва-ли серьезно, такъ какъ украшенія изъ раковинъ у первобытныхъ народовъ вещь самая обыкновенная, и мы видимъ ихъ начиная съ палеолитической эпохи вплоть до настоящаго времени³⁸⁷), при чемъ, естественно, употребляются раковины, водящіяся на мѣстахъ обитанія, морскія или рѣчныя безразлично; а относительно общности фауны въ террамарахъ и *fondi di saranne* Эмили слѣдуетъ замѣтить, во-1-хъ, то, что какъ нельзя болѣе естественно, что въ однѣхъ и тѣхъ-же мѣстахъ водилась въ теченіе неолитическаго и бронзоваго вѣка одна и та-же фауна, а во-2-хъ, то, что полной общности фауны террамарь съ фауной *fondi di saranne* далеко нѣтъ. Самъ-же Бриціо замѣчаетъ, что въ террамарахъ изобиліе быка меньшей породы, а въ *fondi di saranne*—большой породы; въ террамарахъ есть собака, а на мѣстахъ неолитическихъ *fondi di saranne* ея нѣтъ, какъ нѣтъ совсѣмъ кошки и осла.

Раньше мы говорили, что теорію Бриціо въ извѣстной степени раздѣляетъ и профессоръ антропологии въ римскомъ университетѣ Дж. Серджи. И онъ считаетъ террамары произведеніемъ Лигуровъ, и онъ думаетъ, что первоначальный погребальный обрядъ въ террамарахъ былъ обрядъ трупопогребенія, свойственный неолитической эпохѣ, т.-е. Лигурамь³⁸⁸). Но онъ считаетъ яснымъ (для себя), что Лигурамь здѣсь наслѣдовало, т.-е. ихъ вытѣснило изъ террамарь другое племя, арійское, доказательство чего онъ видитъ исключительно въ перемѣнѣ погребальнаго обряда, т.-е. во введеніи трупосожженія, въ которомъ перемѣны расы Бриціо, напротивъ, не усматриваетъ. «Этотъ фактъ, говоритъ Серджи, есть уже признакъ новаго народа, пришедшаго въ долину По, который занялъ жилища прежнихъ обитателей,—явленіе общее (?) и обычное,—ввелъ бронзу и новый обычай обращаться съ мертвыми, но также усвоилъ себѣ кое-какіе обычаи побѣжденныхъ и воспользовался многими ремеслами самихъ первоначальныхъ обитателей»³⁸⁹). Какъ антропологъ, проф. Серджи считаетъ главными доказательства антропологическія и въ частности краниологическія. Собрать въ долину По въ области террамарь 59 череповъ, онъ нашель въ нихъ всѣ признаки населенія средиземноморской расы, о которой у насъ была рѣчь раньше, и которая въ Италіи характеризуется именемъ Лигуровъ. Это, безъ сомнѣнія, остатки прежняго населенія, вытѣсненнаго съ долины Нижняго По новыми пришельцами. Но такъ какъ эти новые пришельцы своихъ покойниковъ не хоронили, а со-

жигали, то антропологическихъ доказательствъ въ видѣ скелетовъ и череповъ не оставили. Профессору Серджи для добычи этихъ доказательствъ ничего не осталось, какъ обратиться къ антропологическимъ даннымъ, представляемымъ современнымъ населеніемъ мѣстъ, которыя были въ до-историческую эпоху заняты пришельцами съ Сѣвера. И вотъ, по его наблюденіямъ, которыя имъ изъяснены въ таблицахъ его извѣстной статьи «*Liguri e Celti nella valle del Po*»³⁹⁰) выходитъ, что населенія Пизомонта, Ломбардіи, Эмилии и Венеціи, за малыми исключеніями, не принадлежатъ къ Лигурійскому племени, долихокефальному, а представляютъ физическія свойства кельтской расы, за исключеніемъ Венетовъ, которые имѣютъ черты расы славянской. Для насъ имѣютъ значеніе лишь выводы, относящіеся къ Эмилии, восточной Ломбардіи и западной Венеціи, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ поселилось то племя, которое заняло террамары. Здѣсь Серджи видитъ то-же племя, которое впоследствии заняло всю Ломбардію и Пизомонтъ, т.-е. Кельтовъ. Заняли-ли долину Нижняго По, какъ и Венетскія озера въ началѣ бронзоваго вѣка, именно Кельты, мы не знаемъ и думаемъ, что въ ту отдаленную эпоху Кельты еще не выдѣлялись такъ рѣзко отъ другихъ арійскихъ племенъ; но во всякомъ случаѣ это было племя близкое къ Кельтамъ, о чемъ свидѣлствуетъ и латинскій языкъ, наибольшая близость котораго къ Кельтскому давно уже признана несомнѣнною³⁹¹). Племя это принято между германскими филологами называть «Италиками», но противъ этого названія, конечно, до нѣкоторой степени произвольнаго, возстаютъ нѣкоторые палео-этнологи (Бриціо), лингвисты (Де-Кара) и антропологи (Серджи), для которыхъ Италики—тѣ, которые были основнымъ населеніемъ Апеннинскаго полуострова. Къ тому-же извѣстно, что названіе *Италии* вышло не съ Сѣвера, а съ Юга полуострова. Но, съ другой стороны, если мы говоримъ *италійское племя, италійскіе языки*, то этимъ достаточно характеризуется понятіе, которое этими терминами выражается, и мѣнять этихъ терминовъ на другіе мы не имѣемъ нужды. Во всякомъ случаѣ вѣтвь арійскаго племени, спустившаяся изъ-за Альпъ на Апеннинскій полуостровъ, дала странѣ, которая впоследствии стала называться Италіей, свою печать, свою исторію, и потому можетъ справедливо называться именемъ страны, ею покоренной и занятой.

Несостоя- Мы, однако, еще не кончили съ опроверженіемъ теоріи Бриціо
 тельностьтео- населенія и культуръ террамаръ, раздѣляемой въ значительной
 ріи Бриціо и степени и Серджи. Несостоятельность этой теоріи ни въ какомъ
 Серджи о Ли- пунктѣ такъ не очевидна, какъ въ стремленіи Бриціо объяснить брон-
 гурахъ, какъ зовый періодъ и обрядъ трупосожженія въ террамарахъ. По его мнѣ-
 основателяхъ
 террамаръ

нію, террамары современны началу желѣзнаго вѣка, такъ-называемой эпохѣ Виллановы, которая была особенно богата бронзою и, имѣя своимъ центромъ болоньскую и при-болоньскую территорію, производила вліяніе на населеніе террамаръ, гдѣ и измѣнила культуру и обрядъ погребенія. Серджи ³⁹³) уже такъ не думаетъ: онъ, какъ и противники теоріи Бриціо, обращаетъ вниманіе на то, что бронзовыя издѣлія террамаръ представляютъ собою примитивную стадию бронзовой культуры, тогда какъ умбрская культура періода Виллановы представляетъ ее въ наиболѣе развитомъ видѣ, и потому считаетъ необходимымъ признаніе факта прибытія новаго населенія съ Сѣвера въ болѣе древнюю эпоху, чѣмъ періодъ Виллановы, населенія, которое принесло вмѣстѣ съ бронзой и новый погребальный обрядъ, каковой, какъ онъ вѣрно замѣчаетъ, «не можетъ уничтожить старый въ силу лишь простаго вліянія, а предполагаетъ владычество новаго населенія надъ прежнимъ и отсюда наложеніе на послѣднее своихъ обычаевъ «во всѣхъ направленіяхъ». Но извѣстно, что населеніе, давшее культуру Виллановы, не владѣло мѣстностью террамаръ, такъ какъ нигдѣ въ области ихъ не открыто могильниковъ съ культурой при-болоньской территоріи начала желѣзнаго вѣка.

И дѣйствительно, нѣтъ никакой возможности признавать вліяніе культуры Виллановы на культуру террамаръ. Первая принадлежитъ началу желѣзнаго вѣка, вторая бронзовому. Какъ примитивны въ этой послѣдней издѣлія бронзовыя (ср. таблицы XV, XVII, XVIII, XX, XXI съ табл. XXIX, XXX, XXXI, XXXII), такъ примитивна и керамика, не выдерживающая никакого сравненія съ керамикой Виллановы (ср. табл. XV, XXII съ табл. XXIII, XXVI, XXVI, XXVII, XXVIII), начиная съ погребальной урны (оссуарія) и кончая добавочными сосудами, которыхъ, кстати замѣтить, погребальный обрядъ террамаръ не знаетъ, какъ онъ не знаетъ и вложенія въ оссуаріи разныхъ предметовъ, составляющихъ могильное убранство въ эпоху Виллановы. Пигорини, опровергая Бриціо въ одной изъ тѣхъ образцовыхъ статей, какія только онъ способенъ писать, когда рѣчь идетъ о террамарахъ, считаетъ, напротивъ, культуру Виллановы продолженіемъ ³⁹⁴) культуры террамаръ, что мнѣ кажется трудно доказуемымъ, но онъ безусловно правъ, когда не видитъ никакой современности въ обоихъ культурахъ. Онъ спрашиваетъ: Развѣ предметы террамаръ и Виллановы одни и тѣ же? Развѣ предметы склада S. Francesco въ Болоньѣ, современные могильнику Виллановы, находятъ себѣ соотвѣтствіе въ террамарахъ? Развѣ обоюдоострыя бритвы, столь характеристическія для террамаръ, находятся въ могильникахъ типа Виллановы? Если же въ упомянутомъ складѣ бронзовыхъ вещей, найденномъ въ

Болоньѣ, являются въ видѣ исключенія два ножа-топора (*coltelli-ascie*) и нѣсколько ножей-кинжаловъ (*coltelli-pugnali*), то это легко объяснимо тѣмъ, что въ складѣ, гдѣ собрана масса вещей, сданныхъ для передѣлки, естественно могли попадаться и очень старыя вещи, но затѣмъ въ этомъ складѣ все остальное чуждо террамарамъ. Однимъ словомъ, какъ нѣтъ основаній связывать террамары съ населеніемъ пещеръ и *fondi di saranne*, этихъ разсѣянныхъ среди скалъ и лѣсовъ обиталищъ дикихъ людей, съ правильно построенными селеніями, такъ нѣтъ никакихъ основаній выводить истинную культуру террамаръ изъ вліянія болѣе поздняго періода, представляющаго собой культуру гораздо болѣе совершенную.

Заключеніе о
террамарахъ

Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право выставить, какъ не подлежащее опроверженію положеніе, что обитатели террамаръ и носители ея бронзовой культуры были народомъ, спустившимся въ долину По изъ-за Альпъ, гдѣ культура ихъ, именно въ долинѣ Дуная, имѣетъ много родственнаго, что они принесли съ собою неизвѣстный до тѣхъ поръ на Апеннинскомъ полуостровѣ обрядъ сожженія труповъ, что они внесли на этотъ полуостровъ совершенно новую здѣсь въ то время систему обитанія въ селахъ, построенныхъ по строгому плану, какъ потомъ строились латинскіе города и всегда строились лагеря (линіи *kardo* и *decumanus*, главные и второстепенныя), и что они принесли въ Италію новый языкъ, языкъ арійскаго или индоевропейскаго корня. Первый ученый, который призналъ въ обитателяхъ террамаръ вѣтвь этого племени, былъ Кьеричи (въ 1871 г.);³⁹⁵ затѣмъ Гельбигъ³⁹⁶ выстроилъ теорію, что жители террамаръ, *Итамиты*, какъ онъ ихъ называетъ, были одного семейства съ Латинянами. Съ Гельбигомъ согласился Пигорини³⁹⁷, и теперь эта теорія признается въ Италіи всѣми выдающимися учеными, за исключеніемъ Бриціо, который видитъ въ обитателяхъ террамаръ Лигуровъ, оставшихся тамъ до римскихъ временъ, Серджи, который жителей террамаръ считаетъ Кельтами и не выпускаетъ ихъ изъ долины По, и о.-Де-Кары³⁹⁸, который хотя и не считаетъ ихъ Кельтами, но также не позволяетъ себѣ видѣть въ нихъ предковъ Латинянъ. Ученые другихъ странъ до сихъ поръ не принимали дѣятельнаго участія въ вопросѣ объ отношеніи жителей террамаръ къ арійскому населенію остальной Итали.

ГЛАВА V.

Распространеніе первыхъ арійскихъ пришельцевъ изъ террамаръ по Италіи.

Мы уже знаемъ, что террамары въ концѣ бронзоваго періода, или въ началѣ желѣзнаго, прекращаютъ свое существованіе: это ясно изъ того, что въ нихъ встрѣчаются только начатки культуры, которыми ознаменовывается появленіе желѣзнаго вѣка въ Италіи, именно глиняныя фигурки животныхъ, роговые и бронзовые колесики для головныхъ шпилекъ, и нѣкоторые другіе предметы,—къ которымъ, пожалуй, можно отнести и фибулы,—указывающіе на переходъ италійской культуры въ новый фазисъ. Слѣды обитанія человѣка на мѣстахъ свайныхъ построекъ прекращаются затѣмъ, приблизительно, на тысячу лѣтъ, до римскаго времени. Нѣсколько дольше, какъ мы видѣли, прожили на своихъ мѣстахъ обитатели озерныхъ построекъ въ Гардскомъ озерѣ, гдѣ сохранились болѣе полные слѣды обитанія въ началѣ желѣзнаго вѣка, каковы бронзовые ножи съ однимъ лезвіемъ, тонкіе браслеты и трубочки изъ витыхъ бронзовыхъ нитей; но обитателямъ свайныхъ построекъ на сухомъ пути пришлось покинуть насиженные мѣста равше. Что за причина была этому?

Гельбигъ ³⁹⁹⁾ думаетъ, что этихъ первыхъ арійцевъ въ долинѣ По заставили бросить свои мѣста вторгнувшіеся изъ Ретійскихъ Альпъ Этруски, но мнѣніе это совершенно произвольно, тѣмъ болѣе, что теорію происхожденія Этрусковъ изъ Ретійскихъ Альпъ, господствующую среди ученыхъ германской національности со временъ Нибура, надо совершенно оставить. Оно не оправдывается ни филологически, ни археологически, ни исторически, о чемъ мы высказывались неоднократно и будемъ говорить подробно ниже. Теперь же скажемъ лишь то, что Этруски — пришельцы съ Востока, откуда ихъ выводило еще Геродотовское преданіе, пришельцы моремъ, народъ съ запасомъ старой культуры, а не съ-

Неизвѣстность причины выселенія изъ террамаръ долины По

верные варвары, въ сравненіи съ которыми обитатели свайныхъ построекъ въ террамарахъ должны были-бы считаться народомъ высшей культуры. Если вообще необходимо принять, что обитатели террамаръ должны были оставить свои мѣста вслѣдствіе вражескаго нашествія, то это нашествіе могло быть не только съ Сѣвера, но и съ Востока, и съ Запада. Съ Востока могли двинуться на нихъ Венеты, которые около Эсте оставили могилы новаго въ Италіи типа, иллирійскаго, извѣстнаго намъ по могильникамъ Истрии, Хорутаніи, Штирии, Верхней Австріи съ ея знаменитымъ Галдыштаттскимъ некрополемъ; съ Запада обитатели Ломбардскихъ палафиттъ, которые оставили могилы, сходные съ тѣми, какія встрѣчаются въ провинціи Лоди и Милана. Но всего вѣроятнѣе это были новые пришельцы съ Сѣвера, или, лучше, съ Сѣверо-Востока, которые вторглись въ самую середину области террамаръ и заставили ихъ обитателей бѣжать изъ своихъ мѣстъ къ Югу. Только этими новыми пришельцами съ Сѣвера были не Этруски, народъ совсѣмъ не сѣвернаго пошиба, а Умбры, или, быть можетъ, это будетъ точнѣе, Умбро-Сабеллы, которые, однако, не нашли удобнымъ для себя остаться въ покинутыхъ поселеніяхъ свайныхъ построекъ, прошли дальше и остановились главной своей массой у подножія Апенниновъ, между р. Панаро и Адриатическимъ моремъ, избравъ своимъ центромъ территорію Болоньи, гдѣ у нихъ возникъ тотъ городской центръ, который, современемъ отнявъ у нихъ, Этруски называли Фельсиной, а Галлы-Бои, завладѣвшіе имъ два столѣтія спустя, назвали Бононіей, какъ этотъ городъ потомъ назывался и Римлянами. На этой территоріи и развилась въ Италіи наиболѣе роскошнымъ образомъ культура начала желѣзнаго вѣка, извѣстная подъ именемъ Виллановы, культура, которая потомъ перешла черезъ Апеннины и проявилась съ особенною силой въ Западной Этруріи, отразилась въ извѣстной мѣрѣ даже на лѣвомъ берегу Тибра, въ Лаціумѣ. Новѣйшія данныя даютъ основаніе заключить, что она не остановилась и въ долинѣ Тибра, а проникла въ извѣстную мѣрѣ и въ Южную Италію, именно въ Кампанію, въ Базиликату и даже въ Калабрию. Но мы еще не занимаемся періодомъ Виллановы. Насъ заставили объ этомъ говорить Умбры, первые ея носители въ Сѣверной и Средней Италіи. Это—народъ, который появляется на сцену лишь съ культурой начала желѣзнаго вѣка, не раньше конца XI или начала X вѣка до Р. Хр. Его культура смѣнила бронзовую культуру террамаръ въ долинѣ По.

Террамара
на берегу
Ионійскаго
моря

Но бронзовая культура въ Италіи, полнѣе и типичнѣе представляемая въ долинѣ Нижняго По, не остановилась въ этой долинѣ, а, какъ теперь это уже выяснилось, пошла дальше, на Югъ. Двигаясь на Югъ по берегу Адриатическаго моря, оставившіе долину По обитатели

террамарь, первые арійцы, поселившіеся въ Италіи, остановились только на берегахъ Іонійскаго моря. Фактъ этотъ, два года тому назадъ невѣроятный, теперь не подлежитъ сомнѣнію. Въ *Notizie degli Scavi*, официальномъ органѣ римской академіи Линчеевъ, въ сентябрьскомъ выпускѣ 1900 г., обнародованъ подробный отчетъ проф. Квальяти, о террамарѣ, открытой имъ еще весной 1899 г., въ Таранто, т. е. на территоріи древняго Тарента, со всѣми существенными особенностями террамарь долины По: съ палафиттой, хотя селеніе было расположено на горѣ, со рвомъ и валомъ, поддерживаемымъ контрфорсами, съ лунообразными ручками въ посудѣ, съ топоромъ съ крылышками, съ обоюдоострой бритвой, ноже-виднымъ кинжаломъ, фибулой въ формѣ скрипичнаго смычка (*ad arco di violino*) и нѣкоторыми другими предметами, находимыми въ террамарахъ, каковы рыболовный бронзовый крючекъ, головныя шпильки и др. Болѣе подробныя иллюстраціи будутъ даны счастливымъ археологомъ въ *Monumenti antichi*, но и тѣхъ, какія имъ даны въ раньше указанномъ изданіи въ связи съ подробнымъ описаніемъ раскопокъ, достаточно для того, чтобы вполне убѣдиться въ фактѣ террамары, перенесенной изъ долины По, на скалу Іонійскаго берега, на территорію древняго Тарента.

Поразительный фактъ появленія террамары въ Тарентѣ, со всѣми типическими условіями террамарь долины По, есть одно изъ наиболѣе крупныхъ открытій въ области итальянской палео-этнологіи. Онъ раскрываетъ передъ нами новую страницу до-исторической эпохи, именно страницу, касающуюся распространенія пришедшаго изъ-за Альпъ арійскаго элемента по Италіи, ясно указывая, что это распространеніе началось еще въ бронзовую эпоху, т. е. раньше окончанія 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Фактъ этотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не стоитъ изолированно и не можетъ по существу дѣла возбуждать никакого сомнѣнія. Но тѣмъ не менѣе онъ не встрѣтилъ въ Италіи общаго признанія. Проф. Бриціо, который раньше не выпускалъ обитателей террамарь изъ ихъ свайныхъ поселеній и заставлялъ ихъ жить тамъ до римскихъ временъ, называя ихъ, въ одномъ изъ самыхъ недавнихъ своихъ трудовъ ⁴⁰⁰⁾, народомъ примитивнымъ и въ высокой степени консервативнымъ, ставившимъ въ своихъ могильникахъ оссуаріи въ нѣсколько этажей именно «за тѣмъ, чтобы не оставлять мѣсть, однажды занятыхъ», счелъ нужнымъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ, въ другихъ отношеніяхъ очень важномъ и интересномъ, въ трудѣ о «Галльскомъ могильникѣ Монтефертино близъ Арчевіи» ⁴⁰¹⁾, въ Умбріи, привести и открытіе террамары въ Таранто въ связь съ своей теоріей о томъ, что террамары принадлежатъ Лигурамъ. Онъ не видитъ тутъ никакого распространенія обитателей террамарь долины По съ Сѣ-

Неосновательность возвращенія Бриціо

вера на Югъ, а видитъ въ устройствѣ этой террамары дѣло южныхъ Лигуровъ, принадлежавшихъ къ «тому самому народу, который въ неолитическій періодъ занималъ деревни въ округѣ Матеры». Мало того, онъ прямо заявляетъ, что открытіе террамары въ Таранто подтверждаетъ поддерживаемое имъ положеніе, «что культура террамаръ развилась изъ культуры неолитической и *fondi di saranne*», такъ какъ подъ слоемъ бронзовой эпохи тамъ находятся каменные орудія, «указывающія на второй каменный вѣкъ». Когда проф. Бриціо писалъ эти строки въ видѣ прибавленія (*aggiunta*) къ первому отдѣлу своей статьи о Галльскомъ могильникѣ, то онъ еще не зналъ, что въ этомъ самомъ округѣ Матеры открытъ могильникъ съ трупосоженіемъ и съ утварью конца бронзовой эпохи. Это—могильникъ горы Тиммари, въ 10 километрахъ отъ Матеры, открытый и описанный д-ромъ Ридолой (*Ridola*) въ 1-мъ выпускѣ *Bullettino di paletnologia Italiana*, 1901, въ письмѣ къ Пигорини (р. 27—41). Могильника террамары Таранто не найдено, но могильникъ съ трупосоженіемъ близъ Матеры показываетъ, что террамару на берегу Ионійскаго моря устроили не Лигуры, оставшіе въ этой мѣстности слѣды не только неолитической эпохи, но и поздней бронзовой въ своихъ *fondi di saranne* и въ искусственныхъ погребальныхъ пещерахъ во вкусѣ Сикудовъ, съ ингумаціей и притомъ съ поджатыми ногами скелетовъ, и потому поселеніе этого рода на Мурджіа Тимоне названо было открывшимъ его проф. Патрони «Сиккульскою деревней» ⁴⁰²). Проф. Бриціо видитъ въ этомъ могильникѣ, которымъ онъ также старается подкрѣпить свое мнѣніе о происхожденіи тарантинской террамары, лигурійское населеніе, и совершенно основательно. Но какое отношеніе оно можетъ имѣть къ террамарѣ, когда тутъ открытъ могильникъ съ трупосоженіемъ и съ керамикой, аналогіи для которой, какъ основательно замѣчаетъ д-ръ Ридола, надо искать именно въ Верхней Италіи? «Кто», говоритъ послѣдній «знакомъ съ формами, какія представляютъ, въ разные періоды, *ossuarii* наиболѣе древнихъ италійскихъ некрополей съ сожженіемъ, тотъ изъ изображеній, какія я представилъ, увидитъ, что могилы Тиммари имѣютъ тѣсныя отношенія съ современными имъ могилами Верхней Италіи, стоящими между чистымъ бронзовымъ вѣкомъ и началомъ перваго желѣзнаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно открыть атласъ Монтеліуса,—чтобъ не ссылаться, для краткости, на другіе труды,—чтобъ увидѣть, что по отношенію къ бронзовой эпохѣ *ossuarii* эти замѣчательно совпадаютъ съ *ossuarii* Казинальбо въ Моденской провинціи и Креспеллано въ Болоньской и въ то-же время имѣютъ большее сходство съ *ossuarii* Бисмантовы, въ пров. Реджо, которые принадлежатъ къ самымъ древнимъ начала желѣзнаго вѣка» ⁴⁰³). Но

этотъ могильникъ съ сожженіемъ, бронзовой эпохи, въ Базпикатѣ, конечно, не единственный. Со временемъ должны быть найдены другіе. Въ 1896 г. была найдена могила бронзоваго періода въ Парко деи Моначи, въ 4-хъ километрахъ отъ Матеры, три бронзовыхъ предмета которыхъ: ножъ листомъ съ двойнымъ лезвіемъ, кинжалъ съ полной металлической рукояткой и топоръ съ поднятыми краями ⁴⁰⁴), принадлежать къ наиболѣе древнему періоду бронзоваго вѣка ⁴⁰⁵), представителемъ котораго въ Италіи служатъ террамары долины По. Такимъ образомъ, факты, указывающіе на связь Южной Италіи съ бронзовой эпохой террамаръ, въ послѣдніе годы выступаютъ одинъ за другимъ, и такіе факты, какъ террамара на скалѣ Тонно (Scoglio del Tonno) въ Таранто и могильникъ съ трупосожженіемъ въ Тиммари, прямо указываютъ на то, что эта связь была живая, свидѣтельствующая о распространеніи арійскаго элемента бронзовой эпохи съ Сѣвера на Югъ Апеннинскаго полуострова.

Движеніе обитателей террамаръ на Югъ, какъ видно по слѣдамъ его, направилось по берегу Адриатическаго моря въ Пиценъ, а не <sup>Движеніе че-
резъ Пиценъ
и Апеннины
къ Средизем-
ному морю</sup> черезъ Апеннины долиной Рено, куда направилось позднѣйшее движеніе арійскаго племени, двинувшееся къ берегамъ Тирренскаго моря, въ Западную Этрурію. Дорога въ Пиценъ была проще и была дорога открытая, не загроможденная горами. Двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, была найдена г. Аллеви близъ Оффиды террамара, которая въ сущности была, какъ видно, озерной палафиттой. Вокругъ прямоугольной платформы, длиной не меньше 48 метровъ, шириной 14, глубиной м. 0,60, были найдены угли, кости животныхъ, осколки посуды и каменные орудія, а также формы для отливки бронзовыхъ орудій. Въ отбросахъ пищи найдены кости оленя и коровы. Одинъ большой сосудъ грубой работы имѣетъ своимъ орнаментомъ бугорки, какъ это мы видѣли и на посудѣ террамаръ, но есть осколокъ сосуда чернаго цвѣта и хорошей работы съ орнаментомъ изъ зигзаговъ. Пигорини ⁴⁰⁶), у котораго мы беремъ эти данныя, не сомнѣвается, что эта станція принадлежитъ тому-же народу, который жилъ въ террамарахъ Эміліи и въ палафиттахъ Венетскихъ озеръ. Во всякомъ случаѣ тутъ мы имѣемъ живые слѣды распространенія культуры террамаръ въ Пиценѣ, этой мѣстности древнѣйшихъ обиталищъ человѣка въ Италіи, бывшей вмѣстѣ съ тѣмъ ареной народныхъ передвиженій какъ въ до-историческое, такъ и въ послѣдующее время. Но это не единственные слѣды бронзовой культуры въ Пиценѣ. Не подалеку отъ нихъ въ Абруццахъ близъ Терамо Кончеціо Роза открылъ складъ бронзовыхъ орудій и fondi di saranne бронзоваго вѣка съ предметами, обычными въ террамарахъ ⁴⁰⁷) и хранящимися въ До-историческомъ

Музеѣ въ Римѣ. Идя дальше по берегу Адриатическаго моря, мы встрѣчаемся съ остатками бронзоваго періода въ Апуліи и прежде всего въ Бари ⁴⁰⁸), затѣмъ внутри страны близъ Матеры (въ нынѣшней Базиликатѣ), о чемъ было говорено выше, гдѣ мы видѣли могильникъ съ сожженіемъ, и, наконецъ, на берегу Ионическаго моря, гдѣ оказалась террамара.

Какъ мы не знаемъ, что собственно заставило обитателей террамаръ покинуть свои свайныя постройки въ долинѣ По и двинуться къ Югу, такъ не знаемъ и того, что помѣшало имъ остановиться въ Пиценѣ, области плодородной, орошаемой многочисленными рѣками и ручьями, прилегающей къ морю. Быть можетъ, новымъ поселенцамъ было не легко держаться среди тамошнихъ аборигеновъ, обитавшихъ на склонахъ и въ долинахъ Абрुццсвъ съ палеолитической эпохи и потому многочисленныхъ ⁴⁰⁹). Быть можетъ, — и это вѣроятнѣе, — на нихъ стали напирать новыя племена, арийскаго происхожденія, пришедшія искать себѣ мѣстъ поселенія на прекраснѣйшемъ изъ полуострововъ, составляющихъ Южную Европу, племена Сабелльской или, пожалуй, Умбро-Сабелльской вѣтви, одно изъ которыхъ и осѣло въ Пиценѣ (Пиценты), оттѣснивъ пришедшихъ сюда раньше. Часть этихъ послѣднихъ пошла дальше къ Гарганскому мысу и оттуда въ Апулію, гдѣ оставила свой слѣдъ около Бари, но не дошла до оконечности полуострова, слѣдуя берегомъ Адриатическаго моря. Тутъ она могла встрѣтить отпоръ со стороны, быть можетъ, уже населявшихъ юго-восточный уголъ полуострова Мессаповъ, также арийцевъ, но, по всей вѣроятности, прибывшихъ моремъ съ Балканскаго полуострова. Во всякомъ случаѣ она, дошедши до Бари, а быть можетъ и до Бриндизи, двинулась внутрь Апуліи, основала поселеніе близъ Матеры, она-же дошла и до Ионическаго моря и завела тамъ поселеніе на сваяхъ, какъ въ долинѣ По. Другая же часть повернула изъ Пицена въ горы, но не утвердилась тамъ, въ области Реате, гдѣ преданіе ⁴¹⁰) помѣщаетъ виновниковъ изгнанія Сикуловъ и Лигуровъ съ территоріи будущаго Рима. Область эта, какъ мы знаемъ, была занята потомъ Сабинянами, которые шли по путамъ латинскаго племени вплоть до самаго Рима, занявъ въ немъ Квириналъ и даже стараясь овладѣть Капитоліемъ въ эпоху возникновенія города Ромула. Вышедшее изъ террамаръ населеніе прошло, такимъ образомъ, отъ Адриатическаго моря къ Средиземному и нашло себѣ пріютъ на обоихъ берегахъ Нижняго Тибра, но главная часть его основалась на лѣвомъ берегу, въ Лаціумѣ, гдѣ она укрылась ⁴¹¹) въ Альбанскихъ горахъ и, современемъ, засѣла на Тибрскомъ Семигорьи, которому суждено было стать несокрушимымъ оплотомъ всего племени.

Переселеніе части бывшихъ обитателей террамаръ черезъ Пи-^{Связь Пице-}ценъ въ Лаціумъ не наша фантазія, а явленіе, которое само собой навя-^{на съ Лаціу-}зывается изслѣдователю. Если несомнѣнно то, что населеніе, въ пер-^{момъ}вый разъ заговорившее на берегахъ Тибра латинскимъ языкомъ, не родилось на мѣстѣ; а пришло съ Сѣвера, то вѣрно и то, что, принимая во вниманіе преданія и факты до-исторической археологіи, мы не можемъ указать ему никакого другого пути, какъ именно путь изъ террамаръ по берегу Адриатическаго моря, тогда еще не занятому Умбрами, какъ онъ былъ потомъ занятъ до Римини, въ Пиценъ, гдѣ мы близъ Оффиды видѣли даже свайное сооруженіе, и гдѣ, по всей вѣроятности, выходцы изъ террамаръ долины По имѣли болѣе или менѣе продолжительную стоянку. Съ Пиценомъ впоследствии связывали Римляны преданія и религіозныя вѣрованія, каковыя мнѣ о дѣдѣ царя Латина, Пикѣ, считавшемся первымъ царемъ Лаціума (въ Лаврентѣ) и бывшемъ богомъ-предсказателемъ въ священной рошѣ на Авентинѣ. Пикъ-же былъ путеводителемъ и Сабиняны по этой области. Веревочный орнаментъ, такъ обычный въ посудѣ Лаціума и террамаръ, былъ свойственъ и Пицену. Нельзя, конечно, при этомъ не замѣтить, что веревочный орнаментъ въ керамикѣ принадлежитъ къ орнаментамъ еще неолитической эпохи и чрезвычайно распространенъ по Европѣ, начиная отъ Пермской губерніи и при-ладожскихъ мѣстностей черезъ всю Среднюю Европу, а на Югѣ ея былъ въ употребленіи не только въ Италиі, но и во Франціи ⁴¹²), и мы его встрѣчаемъ даже въ микенскую эпоху на о. Критѣ на большихъ Кносскихъ бокалахъ ⁴¹³); но эта сѣточная форма орнамента, такъ употребительная въ Пиценѣ и Лаціумѣ, на что было еще раньше указано Маріани ⁴¹⁴) и образецъ которой представленъ у насъ на таблицѣ (XXXIII, фиг. 8), бросается въ глаза своимъ сходствомъ, обращая въ то-же время вниманіе къ исходному ея пункту — террамарамъ долины По и Венецкимъ палафиттамъ. Проф. Маріани ставитъ въ связь съ Пиценомъ разныя украшенія въ первоначальномъ Римѣ, каковы: сплюснутыя ромбовидныя бронзовыя кольца, подвѣски въ формѣ топорика съ крылышками, ромбовидныя подвѣски изъ янтаря и даже полусферической шлемъ съ полями ⁴¹⁵). Но эти аналогіи не относятся къ эпохѣ передвиженій арийскихъ племенъ на полуостровѣ и могутъ свидѣтельствовать лишь о сходствѣ культуры или о существованіи культурной связи между Лаціумомъ и Пиценомъ въ первый періодъ желѣзнаго вѣка. Эта же культура имѣла другія основы и распространялась по Италиі помимо ближайшихъ родственныхъ связей между отдельными племенами.

Несмотря на то, ближайшую связь Пицена съ Лаціумомъ для

древнѣйшей эпохи мы считаемъ не подверженною сомнѣнію, такъ какъ никакой другой путь изъ террамаръ въ долину Тибра не оставилъ по себѣ слѣдовъ, и весьма естественно, что этотъ путь изъ Лаціума въ долину По или наоборотъ практиковался и въ эпоху Виллановы, чѣмъ и объясняется сходство въ украшеніяхъ обѣихъ странъ этого времени, отмѣченное Маріани. Такъ какъ римскія преданія связаны съ остановкою въ области Реате, то всего естественнѣе предполагать путь, которымъ слѣдовало движеніе изъ террамаръ и Пипена въ Лаціумъ, черезъ долины Тронто и Велино. Мы не говоримъ, что этотъ именно путь былъ изъ Пипена въ Лаціумъ для первыхъ его арійскихъ поселенцевъ, но онъ представляется, въ виду выше изложенныхъ данныхъ, наиболѣе вѣроятнымъ.

ГЛАВА VI.

Латиняне въ долинѣ Тибра.

Появившееся впервые на берегахъ Тибра индо-европейское племя было то, которое стало потомъ извѣстно подъ именемъ латинскаго. Часть этого племени заняла лѣвый берегъ Нижняго Тибра, другая, сдѣлавшаяся извѣстною потомъ подъ именемъ Фалисковъ, заняла правый, но не на большомъ пространствѣ, которое заключалось между Тибромъ съ одной стороны, озерами Лаго ди Вико и Лаго ди Браччано съ другой. Ближайшее кровное родство этихъ двухъ народовъ, чтобъ не сказать ихъ этническое тождество, есть фактъ, уже признанный наукой съ тѣхъ поръ, какъ открытіе въ 1860 году іезуитомъ Гаруччи ⁴¹⁶⁾ фалисскихъ надписей дало поводъ вскорѣ-же, убѣдиться ⁴¹⁷⁾, что фалисскій и латинскій языки суть одинъ и тотъ-же языкъ съ небольшою діалектической разницей, что русскіе филологи называютъ *говоромъ*. Дальнѣйшія открытія этихъ надписей ⁴¹⁸⁾ не только не поколебали этого убѣжденія, но еще болѣе утвердили его, такъ что одинъ изъ новѣйшихъ историковъ фалисскаго народа, Декке ⁴¹⁹⁾, находить, безъ большого впрочемъ основанія, что Римляне, чувствуя эту кровную близость, въ войнахъ съ Фалисками поступали съ ними съ замѣчательнымъ чувствомъ пощады. Выставленная Гаруччи ⁴²⁰⁾ теорія, будто Фалиски народъ сабинскаго племени, но усвоившій себѣ лишь латинскій языкъ, не имѣетъ твердаго основанія. Что въ составъ фалисскаго населенія входилъ отчасти сабинскій элементъ, это представляется вѣроятнымъ при географической близости того и другого населенія, какъ этотъ элементъ по тѣмъ-же причинамъ входилъ и въ составъ римскаго населенія, и сабинское вліяніе среди Фалисковъ доказывается сабинскимъ культомъ Юноны *Кавртинъ* въ Фалеріяхъ; но чтобы Фалиски, будучи будто-бы Сабиня-

нами, приняли латинскій языкъ въ ту эпоху, когда они не были подчинены Римлянамъ, это не правдоподобно. Я заявлялъ еще въ статьѣ о Фалискахъ (1895) и теперь повторяю, что для Фалисковъ, покоренныхъ Этрусками и принявшихъ этрусскую культуру, было-бы всего естественнѣе подчиниться этрусскому языку. Между тѣмъ они не только сохранили общій съ Латинянами языкъ, но и общій съ ними алфавитъ, ясно указывая этимъ на общность народности, уцѣлѣвшую и подъ этрусскимъ вліяніемъ. Но латинское племя, прибывшее изъ террамаръ въ долину Тибра, засѣло не только въ юго-восточномъ углу будущей Этруріи на правомъ берегу и въ Альбанскихъ горахъ на лѣвомъ, но распространилось по тому и другому берегу до самого моря. Объ этомъ ясно свидѣлствуютъ, съ одной стороны, древнѣйшіе слѣды его пребыванія близъ Ардеи въ видѣ двухъ лунообразныхъ ручекъ, совершенно тождественныхъ съ таковыми-же Эмилиа⁴²¹), съ другой—болѣе многочисленные слѣды, найденные близъ Чивитавеккіи въ мѣстностяхъ Тольфы и Аллюмьере, гдѣ среди предметовъ, представляющихъ переходную эпоху отъ бронзовой эпохи террамаръ къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, находятся и чисто предметы террамаръ, каковы напр. топоръ съ крылышками, оказавшійся въ складѣ архаическихъ бронзовыхъ предметовъ, и лунистые колесики въ Тольфѣ⁴²²). Но и самый характеръ означенной *переходной* эпохи, какой обнаруживаютъ бронзы Тольфы и керамика и бронзы Аллюмьере (см. табл. XXX, фиг. 3, 4, 5, 6, 7; XXIX, фиг. 6, 7; XXVI, фиг. 4; XXIV, фиг. 2, 3, 5; XXIII, фиг. 3, 4, 5) ясно свидѣлствуетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ арійскимъ населеніемъ, пришедшимъ въ эти мѣста еще до начала періода Виллановы, который потомъ такъ ярко проявился въ сосѣдней мѣстности древнихъ Тарвиніи (Корнето) въ колодцеобразныхъ могилахъ (tombe a rozzo) и обнаружилъ свое вліяніе и на населенія, пришедшія на берега Тибра раньше возникновенія этого столь характеристическаго періода, когда особенно проявилась въ до-историческое время жизнь арійскихъ элементовъ, распространившихся по Италіи. Это смѣшеніе двухъ эпохъ мы находимъ и въ Лациумѣ. Съ одной стороны, какъ въ Альбанскихъ горахъ, такъ и въ Римѣ мы находимъ воспроизведеніе въ керамикѣ формъ характеристическихъ для террамаръ Эмилиа, куда относится и столь характеристическая для террамаръ лунообразная ручка, нѣсколько разъ встрѣтившаяся въ Эсквилинскомъ могильникѣ, съ другой—мы встрѣчаемся и въ Альбанскомъ некрополѣ и въ древнѣйшихъ могилахъ Рима съ предметами и формами чисто желѣзнаго вѣка, куда относятся и наиболѣе характеристическія для этого періода по сю сторону Апеннинъ урны-хижины, общія Альбанскому и, Эсквилинскому

могильникамъ, съ одной стороны (табл. XXV, фиг. 9; XXVIII, фиг. 3 *) и древнѣйшимъ могильникамъ Тарквиніи, Ветулоніи и Бизенціо, съ другой (табл. XVIII, фиг. 1, 2), находившимся подъ сильнымъ вліяніемъ культуры Виллановы, хотя ни въ могильникѣ Виллановы, ни въ другихъ родственныхъ ему при-болоньскихъ могильникахъ типа урны-хижины и не встрѣтилось. Но мы теперь не говоримъ еще о культурѣ Виллановы, вліянію которой въ свою очередь подверглось латинское племя, не только жившее въ предѣлахъ Этруріи, именно въ землѣ Фалисковъ и въ области устья Тибра, но и въ самихъ Альбанскихъ горахъ, хотя и далеко не въ той степени, въ какой по ту сторону Тибра, какъ это видно изъ самой утвари, среди которой характеристическая урна Виллановы, состоящая изъ двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ, почти отсутствуетъ ⁴²³).

Уже давно Пигорини ⁴²⁴), а за нимъ еще положительнѣе Гель-Связь терра-марь съ Ла-циумомъ бигъ ^{423а}) указывали на параллельность извѣстныхъ типовъ посуды террамарь и Лаціума, чтобы вывести отсюда заключеніе, что народъ террамарь далъ арійское населеніе Лаціуму. Затѣмъ Пигорини, начиная съ 1882 года ⁴²⁵), не перестаетъ твердить о связи населенія Лаціума съ террамарами. Въ 1885 г. эту связь онъ доказывалъ въ интересномъ засѣданіи 27 Марта института археологической корреспонденціи ⁴²⁶). Въ 1896 г. онъ далъ ⁴²⁷) особенно интересное сравненіе утвари, найденной въ 1877 г., подъ лѣстницей церкви S. Maria Victoria на Квириналѣ (М. Ст. де-Росси, а вслѣдъ за нимъ и другіе итальянскіе археологи ошибочно говорятъ: на *Виминалѣ*), съ утварью террамарь. М. Ст. де-Росси, который прежде всѣхъ обратилъ вниманіе на важность этого склада нѣсколькихъ сотенъ сосудовъ на Квириналѣ, въ числѣ которыхъ находились и сосуды съ *ansa lunata*, заявлялъ предположеніе ⁴²⁸) о поддерживаніи сношеній между населеніемъ береговъ Тибра съ террамарами Эмилии. Но сношеніями въ то далекое время трудно объяснить то обстоятельство, что поразительное сходство большихъ и маленькихъ сосудовъ съ сосудами террамарь является исключительно лишь на территоріи Лаціума, тѣмъ болѣе сношеніями съ террамарами, раньше эпохи желѣзнаго вѣка, къ которой относится складъ римскихъ сосудовъ на Квириналѣ, прекратившими свое существованіе (см. выше). Было-бы не такъ удивительно еще сходство въ большихъ сосудахъ обыкновеннаго упо-

*) Урны-хижины, найденной въ некронолѣ S. Eusebio на Эсквилинѣ, сохранившейся въ весьма поврежденномъ видѣ, цѣтъ на нашихъ таблицахъ. Она дана мною на таблицѣ (фиг. 13), приложенной къ статьѣ «О томъ, откуда пришли и кто были Латиняне» (Журн. Мин. Нар. Просв., Декабрь 1898) и въ отд. оттискѣ.

требленія, которые могутъ представлять собой типы, распространившіеся на большомъ пространствѣ въ силу передвиженій, существовавшихъ въ незапамятное время еще у первобытныхъ населеній. Но масса маленькихъ сосудовъ, воспроизводящихъ до малѣйшихъ подробностей большіе и не могшихъ служить для обыкновеннаго употребленія, а долженствовавшихъ имѣть какое-либо спеціальное значеніе, эта масса, повторяясь въ другомъ мѣстѣ, указываетъ прежде всего на сходство обычая или обряда. Населеніе Лаціума вынесло съ собой изъ прежнихъ мѣстъ обитанія обрядъ, который сохраняло долгое время и на новыхъ мѣстахъ своего жительства. М. Ст. де-Росси полагалъ, что яма, въ которой найдены были эти сотни сосудовъ, была могилой, но еще Ланчани⁴²⁹), тогда-же заявлялъ, что это не могильная утварь, а складъ обѣтныхъ предметовъ⁴³⁰). За то, что тутъ находились именно предметы votivные, говорило уже то, что они не принадлежатъ къ одной эпохѣ, а идутъ отъ древнѣйшихъ сосудовъ типа террамаръ до расписныхъ сосудовъ изъ buccheго, которые стали дѣлаться въ этрусскихъ городахъ не раньше конца VII ст. до Р. Хр., и до греко-халкидскихъ, переносившихъ насъ въ эпоху торговыхъ сношеній Средней Италіи съ греческими колоніями Южной; тутъ-же вмѣстѣ съ бронзовыми предметами найдены были и два *железныхъ* наконечника копій. Въ настоящее время за то, что здѣсь будто-бы дѣло идетъ о могилѣ, держится проф. Маріани⁴³¹). Но Пигорини⁴³²), рѣшительно отвергаетъ такое мнѣніе, указывая на то, что тутъ нѣтъ никакого присутствія человѣческихъ костей, цѣльныхъ или обожженныхъ, и никакого оссуарія, если дѣло идетъ о могилѣ съ сожженіемъ. Могильному значенію сосудовъ, добавляетъ онъ, противорѣчить и то, что подобные маленькіе глиняные сосуды никогда не были находимы въ могильникахъ террамаръ, тогда какъ жителями послѣднихъ оставлено ихъ множество въ своихъ обиталищахъ. Наконецъ, и то, что подобная-же яма съ множествомъ votivныхъ предметовъ (фибулъ, другихъ бронзовыхъ украшеній и грубыхъ глиняныхъ сосудовъ вмѣстѣ съ тонкими) была найдена подъ храмомъ (внутри его) *Matris Matutae*⁴³³), недавно открытымъ на мѣстѣ древняго Сатрика (*Satricum*), въ нынѣшней Конкѣ, на территоріи Вольсковъ, и въ этой ямѣ среди другихъ сосудовъ найдены сотни такихъ-же маленькихъ сосудовъ, какіе дали террамары и складъ на Квириналѣ, и даже нѣкоторые съ той-же *ansa lunata* или *cornuta*, которую Пигорини и воспроизводитъ въ своей статьѣ вмѣстѣ съ двумя сосудами, чтобы показать ихъ сходство съ воспроизведенными на предыдущихъ страницахъ образчиками сосудовъ террамаръ и сосудовъ votivнаго склада Квиринала⁴³⁴). Тождественность этихъ votivныхъ сосудовъ въ трехъ мѣстахъ очевидна.

Источники ихъ—этого нѣтъ нужды и прибавлять—террамары. Можетъ ли быть болѣе наглядное доказательство ближайшей связи древнѣйшаго населенія Лаціума съ населеніемъ террамаръ?

Описывая устройство свайныхъ поселеній въ террамарахъ, мы неоднократно указывали на строгое соблюденіе извѣстныхъ нормъ въ расположеніи селенія, въ зашитѣ его рвомъ и валомъ, въ распредѣленіи улицъ, большихъ и малыхъ, по линиямъ *cardo* и *decumanus*, въ разстояніяхъ между рядами свай и отдѣльными сваями, въ высотѣ свайныхъ столбовъ и т. д. Мы видѣли въ этомъ строгую общественную организацію, безъ которой такое соблюденіе нормъ было бы немислимо, любовь къ порядку и стройности, выносливость и тому подобныя качества, которыя дѣлаютъ народъ сильнымъ и закаляютъ его противъ опасностей. Всѣ эти свойства мы потомъ встрѣчаемъ и въ латинскомъ народѣ: такое-же вниманіе къ правильной постройкѣ городовъ, лагерей, по той-же строгой четверугольной системѣ (*Roma quadrata*) съ *cardines* и *decumani maximi* и *minores* въ лагеряхъ, подобіяхъ городовъ въ военное время, къ устройству всякаго рода *templa*. Всюду мы видимъ въ Римлянахъ народъ опредѣленныхъ нормъ, строгихъ отношеній, общественной дисциплины, народъ, изобиловавшій качествами, которыя мы впервые видимъ примѣненными въ террамарахъ долины По, гдѣ прежде всего появилось арійское населеніе на Апеннинскомъ полуостровѣ. Если бы не было никакихъ археологическихъ доказательствъ ближайшей связи населенія Лаціума съ террамарами, мы и тогда съ меньшимъ убѣжденіемъ выводили бы предковъ Римлянъ, этихъ *prisci Latini*, изъ террамаръ въ силу психическихъ свойствъ, провлеченныхъ обоими населеніями. «Обстоятельство»,—писалъ я въ статьѣ о происхожденіи Латинянъ⁴³⁵),—«что латинскій народъ, съ самой своей колыбели, слумѣлъ создать среди себя такую крѣпкую организацію, что она помогла ему не только отстоять свою независимость, но еще въ до-римскую эпоху занять первенствующее положеніе среди народовъ, захватившихъ себѣ мѣста между Тибромъ и Лирисомъ, невольно заставляетъ обращать взоръ къ террамарамъ долины По, обитатели которыхъ создавали свои поселенія путемъ хорошо организованнаго общиннаго труда и вносили въ свое общественное дѣло опредѣленные нормы и правила. Это умѣнье организоваться, эта любовь къ порядку и правильности общественныхъ отправленій должны были сыграть огромную роль въ латинскомъ племени. Въ то время какъ Умбры, одно время господствующее племя въ Сѣверной и Средней Италиі, были раздавлены сначала Этрусками потомъ Галлами, Латиняне, сильные не числомъ, а умѣньемъ сплочиваться, закаленнымъ въ борьбѣ съ препятствіями ха-

Любовь къ
опредѣлен-
нымъ нормамъ
въ террамар-
ахъ и у
Римлянъ

ракторомъ, крѣпостью своей общественной организаціи, не могли быть сокрушены никакими внѣшними врагами, а побѣждая и подчиняя себѣ мало по малу все окружающее, дошли до всемірнаго владычества. Латиняне—не Умбры, не по культурѣ только, которая у нихъ въ Альбанскихъ горахъ была бѣдна и своеобразна, а по тому проявленію духовныхъ свойствъ, какое мы видимъ въ исторической судьбѣ того и другого племени. Изъ Умбровъ, у которыхъ прибывшіе въ ихъ землю Этруски отняли, по словамъ Плинія ⁴³⁶), триста городовъ, не могли вытти Римляне; Римляне могли вытти только изъ Латинянъ, у которыхъ никогда никто ничего не отнималъ безвозвратно.

Неоснова-
тельность
смѣшенія па-
лео-этнологи-
ческой шко-
лой Умбровъ
съ Латиня-
нами

Итакъ мы строго отдѣляемъ Латинянъ, потомковъ обитателей террамаръ, отъ Умбровъ, которымъ принадлежитъ развитіе въ Сѣверной и Средней Италиі культуры начала желѣзнаго вѣка, иначе называемой у итальянскихъ палео-этнологовъ и археологовъ культурой Виллановы. Но итальянскіе палео-этнологи, и во главѣ ихъ Пигорини со своей школой, такъ не думаютъ. Для нихъ названія Умбровъ и даже Латинянъ, не говоря о другихъ народахъ арійскаго корня, населившихъ Италию въ эпоху металловъ, ступшевываются и какъ бы не существуютъ. Для нихъ существуетъ бронзовый вѣкъ и смѣнившій его первый вѣкъ желѣзный. Они признаютъ, что носителями того и другого является въ Италиі арійскій элементъ, но этотъ арійскій элементъ у нихъ выражается общимъ словомъ *Italici*, Италики, которое, какъ мы замѣчали, было произнесено Кьеричи для обозначенія пришельцевъ съ Сѣвера въ бронзовую эпоху и распространено Гельбигомъ, поставившимъ его даже во главѣ своей книги о террамарахъ «Италики въ долинѣ По», не разъ нами указанной. Такъ какъ у этихъ «Италиковъ» была сначала бронзовая эпоха, а потомъ появилось начало желѣзной, утварь же Альбанскихъ горъ и Рима представляетъ собою черты первой и черты второй, то Пигорини ⁴³⁷) и заключаетъ, что «какъ въ террамарахъ Эмилиі бронзоваго вѣка, такъ въ некрополяхъ перваго желѣзнаго вѣка, называемыхъ—вѣка Виллановы, мы имѣемъ *одинъ и тотъ-же народъ*, но въ разные моменты своей культуры», и къ этому прибавляетъ: «Быть можетъ, въ *Laçium* и осуществился впервые переходъ изъ одной фазы въ другую по причинѣ вліяній, которымъ пришедшіе туда обитатели террамаръ подверглись при столкновеніи съ новыми народами, приставшими къ берегамъ Средней и Южной Италиі». Предположенія, высказаннаго въ 1882 году, о переходѣ изъ бронзоваго вѣка въ желѣзный прежде всего населеніемъ, поселившимся на берегахъ Тибра, Пигорини, насколько мнѣ извѣстно, уже болѣе не повторилъ, но мысль объ единствѣ народа и обитавшаго въ террамарахъ, и оставшаго могилы съ куль-

түрой Виллановы въ Болоньѣ и ея округѣ, а также въ Этрурїи, въ Альбанскихъ горахъ и въ Эсквилинскомъ некрополѣ, осталась у него незыблемою и повторяется при всякомъ случаѣ.

Какъ читатель уже знаетъ, моя мысль та, что бронзовый и Два вторже-новый желѣзный вѣкъ принадлежатъ въ Италиі двумъ разнымъ эле- ніа съ Сѣвераментамъ индо-европейскаго корня, двумъ вторженіямъ съ Сѣвера въ разноеразное время и, всего вѣроятнѣе, изъ разныхъ мѣстъ. Бронзовая куль- въ разноетура въ ея начаткахъ, конечно, была принесена тѣмъ вторженіемъ время. Боль-въ Италию, которое, слѣдуя изъ Тироля по долинѣ Эча (Адидже), шая разностьостановилось въ Венецкихъ озерахъ и въ террамарахъ Эмилиі и за- въ языкахъпадной Ломбардіи. Это было населеніе, пришедшее изъ долины Дуная, Умбрско-Са-жившее тамъ въ свайныхъ постройкахъ и перенесшее этотъ способъ белльской побитанія и по южную сторону Альпъ. Хронологически оно соотвѣт- Латинскойствуетъ въ общемъ Эгейско-Микенской эпохѣ, именно занимаетъ собой вѣтвивремя второго тысячелѣтія до Р. Хр. Въ концѣ этого тысячелѣтія, именно въ послѣднемъ или въ предпослѣднемъ его столѣтіи оно покинуло террамары и нѣсколько позже палафитты Гардскаго озера, двинулось на Югъ и, дошедши, вѣроятно черезъ южный Пиценъ и Реатинскую область, до долины нижняго Тибра, остановилось тамъ на обоихъ берегахъ его, давъ южному, лѣвому, то населеніе, которое потомъ стало извѣстно подъ именемъ Латинянъ. Эти Латиняне, родственные Фалискамъ на правомъ берегу Тибра, и были тѣмъ основнымъ элементомъ, который положилъ основаніе Римской исторіи. Въ эпоху удаленія Латинянъ (будемъ теперь такъ ихъ называть) появилось въ Италиі новое вторженіе изъ-за Альпъ, которое всего вѣроятнѣе и было причиною оставленія прежними арійскими поселенцами населенныхъ мѣстъ, — населеніе, также сжигавшее мертвыхъ и говорившее языкомъ, близкимъ къ языку Латинянъ, но не тождественнымъ съ нимъ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ надписи умбрскія, сабелльскія, осскія и др., которыя (за исключеніемъ умбрскихъ) собраны въ очень цѣнномъ европейскими учеными изданіи профессора Ив. Вл. Цвѣтаева ⁴³⁸) и языкъ которыхъ, во многихъ случаяхъ не достаточно, а иногда и вовсе не понятый, разрабатывался, начиная съ Ланци ⁴³⁹), многими специалистами, между прочимъ такими, какъ Бреаль ⁴⁴⁰), Бюхелеръ ⁴⁴¹), Декке ⁴⁴²), Паули ^{442а}), и изслѣдованы съ особенною подробностью грамматически Робертомъ Плантой ⁴⁴³) и болѣе сжато Конвѣ (Conrau) ⁴⁴⁴). Если никто не отважится сказать, что Іоняне и Доряне — одинъ и тотъ-же народъ, только представляющій собой разные фазы развитія, не можетъ сказать, во-первыхъ потому, что вторженіе Дорянъ, какъ особой вѣтви Эллиновъ, въ Пелопоннесѣ есть фактъ, засвидѣтельствованный не только преданіемъ, но и исторіей.

а во-вторыхъ потому, что народъ этотъ представлялъ рѣзкія различія въ характерѣ и культурѣ и особенности въ языкѣ, этому племени свойственныя и чуждыя другимъ племенамъ эллинскимъ, то въ гораздо большей степени нельзя назвать однимъ и тѣмъ-же народомъ Латинянь и Умбровъ, языки которыхъ въ флексивной своей части представляютъ гораздо больше разницы, чѣмъ какая существуетъ между іонійскимъ и дорійскимъ діалектами ⁴⁴⁵), и которые, слѣдовательно, хотя и принадлежали къ одной семьѣ арійскаго племени, разошлись другъ съ другомъ на долгое время, прежде чѣмъ снова сойтись уже на другой почвѣ, на Апеннинскомъ полуостровѣ. Разошлись между собой въ до-италійское время группы, образовавшія со временемъ не однихъ Латинянь и Умбровъ, а Латинянь съ Фалисками, съ одной стороны, и Умбро-Сабелловъ съ другой, такъ какъ Латинянямъ въ флексивномъ отношеніи языка рѣзко противопоставляются не только Умбры, но и все семейство сабелльскихъ племенъ, во главѣ которыхъ стоитъ осскій языкъ, зашедшій южнѣе латинскаго, въ Кампанію. Противоположность языковъ умбрско-сабелльской семьи латинской группѣ, не смотря на географическое сосѣдство ихъ въ Италіи, такое близкое сосѣдство, которое, напр., по отношенію къ латинскому и вольскому или фалисскому и эквскому, или латинскому и сабинскому можно назвать сожительствомъ, оставалась неизмѣнною и въ историческое время, насколько о ней можно судить по сохранившимся надписямъ, а потому она въ филологахъ не можетъ оставлять большого сомнѣнія, что Латиняне и Фалиски не одновременно съ другими племенами общей «италійской» семьи поселились на Апеннинскомъ полуостровѣ. Декке ⁴⁴⁶) прямо видитъ это раздѣленіе группъ совершившимся въ то время, когда Италики находились или, какъ онъ выражается, «отдыхали» на пути въ Италію въ Дунайскихъ долинахъ или въ Альпахъ». Болѣе осторожный Планта ⁴⁴⁷) отзывается неизвѣстностью, когда произошло это нарушеніе «первобытнаго италійскаго единства» (*igitalische Einheit*), допуская, что оно могло произойти и не разомъ и что *частью* различія въ языкахъ обѣихъ группъ образовались и при совмѣстной жизни на Апеннинскомъ полуостровѣ; но относительно того, что раздѣленіе произошло въ существенномъ еще не на почвѣ Италіи, въ этомъ нѣмецкій авторъ «грамматики осско-умбрскихъ діалектовъ», повидимому, мало сомнѣвается.

Послѣ всего сказаннаго о разницѣ по культурѣ, характеру и языку между Латинянами и Умбрами, страннымъ кажется заявленіе римскаго антрополога, бывшаго однако раньше филологомъ и лингвистомъ ⁴⁴⁸), проф. Серджи ⁴⁴⁹), что Латиняне составляютъ часть Умбровъ, *frazione degli Umbri*, находившуюся одно время подъ умбрскимъ го-

сподствомъ, кончившимся съ основаніемъ Рима, которому предшествовало завоеваніе умбрскихъ владѣній Этрусками. Серджи, который въ своемъ «возстановленіи до-историческихъ событій», хотя, по его словамъ ⁴⁵⁰), и составляющемъ естественное наведеніе изъ фактовъ археологіи, антропологіи и послѣдующей исторіи, но въ сущности вполне фантастическомъ, держится мнѣнія, что арійцы террамаръ были Кельты ⁴⁵¹), которые въ массѣ своей и остались въ долинѣ По, не думая выселяться куда-бы то ни было, и только черезъ нѣкоторое смѣшеніе съ Умбрами, кельтскіе элементы проникли въ Среднюю Италию вплоть до береговъ Тибра ⁴⁵²). Впрочемъ этотъ путь достиженія арійскимъ элементомъ долины Тибра Серджи оставилъ вмѣстѣ съ своей теоріей о пелазгическомъ происхожденіи Умбровъ, которыхъ онъ въ своемъ трудѣ «Арійцы и Италики», не разъ нами упомянутомъ, считаетъ уже чистыми арійцами и притомъ иллирійскаго или, какъ онъ поясняетъ, къ нашему удивленію, «прого-славянскаго» происхожденія ⁴⁵³). Но еще раньше, чѣмъ Серджи, отождествлялъ Умбровъ съ спустившимися въ долину Тибра арійцами ученый также филологическаго образованія и очень извѣстный археологъ Гельбигъ, только онъ, въ противоположность Серджи, Умбрами считалъ тѣхъ самыхъ арійскихъ обитателей террамаръ, которыхъ Серджи считаетъ Кельтами, такъ что для Гельбига «Италики», т. е. поселившіеся въ долину По первые Арійцы, и Умбры—одно и тоже, и онъ о жителяхъ террамаръ выражается ^{453а}) «Италики или Умбры», «италійская или умбрская народность въ долину По». Послѣ этого нечего удивляться, что не дѣлають между Умбрами и Латинянами различія палео-этнолога, которые въ разницу языковъ и душевныхъ свойствъ народовъ не входятъ, имѣя въ виду лишь культуру, оставленную населеніями въ могилахъ, вмѣстѣ съ свидѣтельствами того или другого религіознаго обряда, и въ остаткахъ жилищъ, ея сходство и различіе и культурныя вліянія. При этомъ методѣ, если имъ пользоваться исключительно, можно еще отличать одну отъ другой цѣлыя расы, но нѣтъ возможности отличать одинъ отъ другого отдѣльные народы одного племени, естественно близкіе въ до-историческое время другъ къ другу по культурѣ и религіознымъ понятіямъ, но различающіеся главнымъ образомъ по языку, который и на будущее время большею частію остается существеннымъ признакомъ народности.

Но объ Умбрахъ и ихъ роли въ культурномъ развитіи Италіи у насъ будетъ идти рѣчь впереди, и намъ необходимо возвратиться къ поселившимся въ Лаціумѣ арійскимъ выходцамъ изъ долины По, или Латинянамъ.

Могильники Альбанскихъ горъ. Исторія п разработкѣ. Главнымъ мѣстомъ поселенія латинскаго племени въ Лациумѣ были Альбанскія горы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только историческое преданіе ⁴⁵⁴), считающее Альбу Лонгу метрополіей латинскихъ колоній и даже прямо тридцати городовъ въ Лациумѣ, но и могильники, идущіе отъ Маріно кругомъ Альбанскаго озера и поднимающіеся къ Рокка ди Папа и даже выше по направленію къ Монте-Каво. Производящіяся съ 1816 года, прекращающіяся и по временемъ возобновляемыя раскопки въ этихъ мѣстахъ дали археологамъ довольно богатый матеріалъ, часть котораго разбѣяна по разнымъ европейскимъ музеямъ, но главная сосредоточена въ Италіи, и именно въ Римѣ, въ музеяхъ: Ватиканскомъ, Капитолійскомъ и въ До-историческомъ, помѣщающемся въ Collegio Romano, куда недавно (1900) поступила богатая коллекція, принадлежавшая покойному М. Ст. де-Росси, брату болѣе знаменитаго римскаго археолога. Первое ученое сообщеніе о раскопкахъ, на этой необыкновенно важной для первоначальной исторіи Рима территоріи было сдѣлано въ *Atti dell' Accademia Romana di archeologia* 1817 г. знаменитымъ Висконти, который въ письмѣ «Sopra alcuni vasi sepolcrali rinvenuti nelle vicinanze di Alba Longa», сообщилъ данныя о сосудахъ, найденныхъ въ могильникѣ пастбища Капель-Гандольфо и обратилъ на этотъ новый родъ памятниковъ вниманіе ученаго міра, давъ ихъ изображеніе на четырехъ таблицахъ. Для Висконти было ясно одно, что предметы эти, среди которыхъ въ первый разъ появилась и урна въ видѣ хлѣбини (*urna sarapna*), относятся къ до-исторической эпохѣ. Но интересъ, возбужденный раскопками 1816 и 1817 годовъ, успѣлъ уже значительно утратиться, когда въ 1866—1868 гг. онъ былъ снова возбужденъ, и уже въ большей мѣрѣ, раскопками, произведенными на Monte Crescenziо и въ другихъ мѣстахъ древнихъ погребеній близъ Маріно. Участвовавшій до нѣкоторой степени въ этихъ раскопкахъ М. Ст. де-Росси посвятилъ описанію и разъясненію добытаго здѣсь археологическаго матеріала четыре отчета ⁴⁵⁵). Открытія однако продолжались и впоследствии; важнѣйшими изъ ихъ были сдѣланныя въ могильникѣ Гротаферраты (1886). Здѣсь опять выступаетъ на сцену М. Ст. де-Росси, которому мы обязаны новымъ обстоятельнымъ мемуаромъ ⁴⁵⁶). Открытіе могильника Гротаферраты вызвало въ началѣ 1871 г. пренія и въ Капитолійскомъ Институтѣ археологической корреспонденціи ⁴⁵⁷), которымъ предшествовали спеціальныя отчеты Чезелли ⁴⁵⁸). Новый интересъ Альбанскимъ могильникамъ придали произведенныя въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ окончившагося столѣтія открытія древнѣйшихъ могильниковъ въ Римѣ на холмахъ — Эсквилинѣ, Виминалѣ и Квириналѣ, равно какъ складъ votivныхъ предметовъ подъ лѣстницей

церкви S. M. Victoria на Квириналъ,—открытія, давшія много данныхъ для сравненія древности археологическаго матеріала древнѣйшаго Рима съ матеріаломъ древнѣйшихъ поселеній Альбанскихъ горъ. Въ этихъ сравненіяхъ могильниковъ тѣхъ и другихъ мѣсть главная роль опять принадлежала тому-же Росси⁴⁵⁹). Въ послѣднее время вопросомъ о могильникахъ Альбанскихъ горъ и древнѣйшихъ римскихъ занялся молодой и талантливый римскій палео-этнологъ Джованни Пинца, который посвятилъ этому предмету двѣ статьи, одну, раздѣленную на двѣ, въ 1898 г., и одну въ 1900 г.:—обѣ помѣщены въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma* указанныхъ годовъ. Первая носитъ заглавіе: «Le Civiltà primitive del Lazio»; вторая: «Necropoli Laziali della prima età del ferro». Нѣкоторыя данныя, касающіяся исторіи открытій Альбанскихъ могильниковъ, взяты нами у г. Пинцы.

На статьяхъ этого ученаго я считаю нужнымъ остановиться,—не потому, чтобъ онѣ имѣли преимущество надъ работами М. Ст. де-Росси, но потому, что, во-первыхъ, о статьяхъ этого послѣдняго мнѣ прихо- Связь Альбанскаго некрополи съ террамарамъ. дилось говорить раньше⁴⁶⁰), и во-вторыхъ—потому, что статьи г. Пинцы новѣе и снабжены таблицами, охватывающими въ болѣе полномъ видѣ археологическій матеріалъ, доставленный раскопками Альбанскихъ могильниковъ. Затѣмъ, помѣщенные въ очень видномъ изданіи, статьи г. Пинцы вызываютъ къ себѣ вниманіе уже тѣмъ, что взгляды ихъ легко могутъ найти для себя распространеніе, тогда какъ они нерѣдко требуютъ опроверженія. Мы, конечно, не думаемъ писать здѣсь цѣлую рецензію работъ г. Пинцы; но, по необходимости, должны войти съ нимъ въ нѣкоторый споръ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о вопросахъ, весьма существенныхъ въ нашей книгѣ. Но и споръ этотъ мы будемъ вести мимоходомъ, какъ этого требуетъ общій тонъ нашей книги, въ какомъ она ведется.

Мы уже знаемъ, что пришедшіе въ долину Тибра изъ долины По Арійцы (Латиняне), принесли туда, не смотря на остановки въ Пиценѣ и въ области Реате, еще бронзовую культуру террамаръ съ ея характеристическимъ орудіемъ, обоюдоострой бритвой, которой не знала культура начала желѣзнаго вѣка, съ столь-же характеристической лунообразной ручкой въ керамикѣ, принесли извѣстныя формы сосудовъ и орнаменты бугорочный и веревочный. Если для обоюдоострой бритвы мы имѣемъ одинъ фактъ въ экземплярѣ Аллюмьере, то матеріалъ лунообразной ручки, которую мы видимъ, къ удивленію, въ древнѣйшей римской утвари, мы находимъ еще въ Ардеѣ и въ Сатричѣ, а для общихъ съ террамарамъ формъ сосудовъ и орнаментовъ особенно богатымъ источникомъ являются Альбанскія горы (см. табл. XXXIII). Этой очевидной связи культуры Лаціума съ пред-

метами культуры террамарь не думаетъ отрицать п г. Пинца, отмѣчая эту связь въ снабженной веревочнымъ рельефомъ вокругъ горла кружки (фиг. 2 указанной таблицы) Гротаферраты и С. Себастьяно съ такимъ-же сосудомъ, находимымъ въ палафитгахъ Фимонскаго озера, террамары Горцано, могильниковъ Боволоне, Креспеллано и Казинальбо, далѣе въ маленькихъ сосудахъ въ формѣ суживающагося къ верху усѣченного конуса (фиг. 1), въ глиняныхъ фузайлахъ (табл. XXIX, фиг. 8 — 9), общихъ террамарамъ и альбанскимъ могильникамъ, въ очень оригинальномъ яйцевидномъ сосудѣ изъ Гротаферраты, встрѣчающемся въ могильникахъ бронзовой эпохи (террамарь), и въ разныхъ другихъ предметахъ керамики, каковъ, напр., конусообразный въ обратномъ смыслѣ сосудъ, съ веревкой на шеѣ, служившій иногда оссуаріемъ (табл. XXXIII, фиг. 4), или сферическій сосудъ съ бурчататымъ орнаментомъ (*ibid.* фиг. 3); къ этому онъ прибавляетъ и сходство въ орнаментахъ, среди которыхъ указываетъ и на волчьи зубы,— орнаментъ, который мало принадлежитъ террамарамъ, а скорѣе началу желѣзнаго вѣка и который Пинца выводитъ изъ каменнаго.

Но само собою разумѣется, что, занявъ свои новыя мѣста, Латиняне не остались и не могли остаться въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій на одномъ и томъ-же уровнѣ культуры, на томъ уровнѣ, съ какимъ пришли. Видоизмѣненія въ ихъ культурномъ развитіи должны были произвести двѣ причины. Во-первыхъ, они нашли извѣстную культуру на этихъ самыхъ мѣстахъ, ту, какою жило население, имъ предшествовавшее и имъ частію изгнанное и истребленное, частію покоренное. Культура же этого населенія была еще неолитическая, хотя и въ послѣднемъ ея фазисѣ, энеолитическомъ, какъ мы это видѣли на могилахъ Канталупо-Манделы и Стурголы. Во-вторыхъ, они естественно должны были испытывать на себѣ вліяніе новой культуры, которая стала мало-по-малу распространяться въ Средней Италіи, смѣнивъ собою какъ въ долинѣ По, такъ и въ долинѣ Тибра бронзовую, съ какою вышли изъ террамарь новыя поселенцы въ Лаціумѣ. Это была культура начала желѣзнаго вѣка, обыкновенно называемая въ Италіи культурой Виллановы.

Мы не будемъ повторять того, что мы раньше говорили о слѣдствіяхъ палеолитической, неолитической и энеолитической эпохъ въ связи съ неолитической эпохой. Увлеченіе г. Пинца. Лаціумѣ. Намъ нужно знать, что изъ культуры первобытныхъ населеній этой мѣстности перешло и было усвоено арійскими поселенцами. По мнѣнію г. Пинца, ими усвоено было очень много, гораздо больше, чѣмъ сколько они принесли изъ террамарь. Онъ говоритъ ⁴⁶¹⁾, что изъ каменнаго вѣка въ культуру Лаціума происходятъ: «обряды, техническіе приемы, жилища, могильная архитектура, артистическіе

вкусы». Тутъ сказано, очевидно, слишкомъ много; за то изъ этой широкой посылки дѣлается и широкій выводъ. Пинца говоритъ: «это доказываетъ все болѣе и болѣе основательность выраженного мною въ указанномъ трудѣ ⁴⁶²⁾ о первоначальныхъ культурахъ Лаціума мнѣнія, что культура перваго желѣзнаго вѣка, на сколько она теперь изучена (*ad ora studiat*) происходитъ непосредственно изъ культуры процвѣтавшихъ здѣсь послѣднихъ періодовъ каменнаго, будучи впрочемъ видоизмѣнена прогрессомъ и сношеніями съ культурой террамаръ и съ культурами заморскими, которымъ Италія обязана настоящими элементами культуры Виллановы».

Но какіе это обряды, которые перешли изъ каменнаго вѣка въ желѣзный?

Обрядъ погребальный въ могильникахъ Альбанскихъ горъ, о которыхъ прежде всего идетъ рѣчь, состоялъ почти исключительно въ томъ, что *сожженные* смертные останки умершаго клались, въ видѣ пепла и обожженныхъ костей, въ глиняный оссуарій, иначе — урну, которая ставилась или прямо въ могилу, или въ свою очередь помѣщалась вмѣстѣ съ добавочными сосудами или безъ нихъ въ большую глиняную бочку (*dolium*), а эта послѣдняя опускалась въ неглубокую колодеобразную яму, обложенную или не обложенную камнемъ и закрывавшуюся также камнемъ грубымъ или нѣсколько обдѣланнымъ. Вотъ эту колодеобразную форму могиль съ обшивкой стѣнъ ея въ томъ или другомъ видѣ камнемъ Пинца считаетъ наслѣдіемъ каменнаго вѣка (!). Между тѣмъ намъ хорошо извѣстно, что въ каменномъ вѣкѣ могилами служили природныя и искусственныя пещеры и наконецъ продолговатыя эллиптическія или четырехугольныя ямы въ родѣ нашихъ могиль. Основаніемъ же, по которому молодой ученый выводитъ колодеобразную форму могиль изъ каменнаго вѣка, послужило для него сообщеніе Кафичи ⁴⁶³⁾ о находкѣ *одной* круглой формы могилы въ С. Коно, близъ Ликодіи Эвбейской въ *Сициліи*. Полнѣйшая неосновательность такого основанія очевидно и не требуетъ дальнѣйшаго разсужденія. Колодеобразное неглубокое отверстіе въ землѣ для погребенія есть принадлежность обряда трупосожженія, который какъ въ Италіи, такъ и вообще въ Европѣ принадлежитъ по своему началу арійцамъ и въ Италіи появился лишь съ бронзовой эпохи, о чемъ у насъ было говорено выше. Слѣдовательно, арійцамъ-же принадлежитъ и введеніе этой могильной формы, такъ отвѣчающей ихъ погребальному обряду и совсѣмъ не пригодной для обряда трупопогребенія. Что же касается до укрѣпленія стѣнъ могилы такою или другою каменною обшивкой, то подобный обычай какъ въ каменномъ, такъ и въ желѣзномъ вѣкѣ вызывался необходимостью, а не подражаніемъ, и чуждъ, по сообщенію самого-

же г. Пинцы, Альбанскимъ могильникамъ тамъ, гдѣ земля была устойчива.

Не менѣе странно и то, что авторъ труда о могильникахъ въ Альбанскихъ горахъ выводитъ изъ неолитическаго вѣка и самую урну-хижину: правда, не прямо, — такъ какъ такой урны каменный вѣкъ даже послѣдняго періода вовсе не знаетъ, — а идею урны въ видѣ жилища, на томъ основаніи, что уже въ неолитическомъ вѣкѣ, какъ объ этомъ было у насъ говорено раньше, могильная форма была воспроизведеніемъ формы жилища; по его мнѣнію ⁴⁶⁴), и колодцеобразная форма могилы есть не что иное, какъ «воспроизведение въ маломъ видѣ» неолитической хижины-ямы круглой или эллиптической формы. Не касаясь болѣе предположенія о такомъ происхожденіи колодцеобразной формы могилы въ эпоху начала желѣзнаго вѣка, какъ совершенно произвольнаго и невѣрнаго, считаемъ нужнымъ напомнить, что урна-хижина не есть исключительная принадлежность могильнаго пеплохраненія въ Лациумѣ и въ Южной Этруріи, но встрѣчается, какъ это извѣстно г. Пинцѣ, и въ другихъ мѣстахъ Европы. Ихъ не мало находимо было въ Германіи ⁴⁶⁵), но также были находимы онѣ и на о. Критѣ ⁴⁶⁶); слѣдовательно, идея такой урны, которой совсѣмъ не знало неолитическое населеніе, никакъ не могла быть дана арійскимъ обитателямъ Альбанскихъ горъ предшествовавшимъ имъ въ этихъ мѣстахъ населеніемъ лигурійскаго племени, а выражаетъ собой исконное арійское представленіе о загробной жизни, которое принадлежитъ ему, какъ самостоятельное въ той-же мѣрѣ, въ какой погребальный обрядъ искусственныхъ гротовъ составляетъ принадлежность населенія каменнаго вѣка на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ.

Обрядъ трупопогребенія въ Лациумѣ

Что изъ религиозныхъ представленій и, слѣдовательно, обрядовъ неолитическаго населенія кое-что вошло въ религиозныя представленія и обряды Альбанскихъ поселенцевъ и потомковъ ихъ, Латинянъ и Римлянъ, это было вполне естественно, но объ этомъ у насъ можетъ идти рѣчь тогда, когда мы дойдемъ до вопроса о римской религіи. Теперь же мы можемъ указать лишь на фактъ, что погребальный обрядъ трупопогребенія, бывшій исключительнымъ у неолитическаго населенія этихъ мѣстъ, не остался безъ вліянія на арійскихъ пришельцевъ. Правда, въ Альбанскихъ могильникахъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, найдено всего двѣ такихъ могилы, принадлежащихъ къ могильнику въ окрестностяхъ Марино (*vigna Carraci*); но за то въ древнѣйшемъ изъ римскихъ могильниковъ, Эсквилинскомъ, оказалась только одна могила съ трупосожженіемъ. На виллѣ Спиттѣвера близъ Porta Collina, на Квириналѣ, подъ стѣной Сервія Туллія въ 1878 г.

были найдены три могилы, изъ которыхъ въ двухъ оказались въ глиняныхъ гробахъ два трупа; при этомъ можно замѣтить, что одинъ скелетъ и въ Эсквилинскомъ могильникѣ найденъ лежащимъ въ глиняномъ гробу⁴⁶⁷). Вопросъ лишь въ томъ, во всѣхъ-ли случаяхъ обрядъ трупопогребенія въ древнѣйшихъ римскихъ могильникахъ былъ наследіемъ, доставшимся отъ совместной жизни съ аборигенами каменнаго вѣка, или во многихъ изъ нихъ онъ появился уже подъ этрусскимъ вліяніемъ, которое явилось на подмогу прежнему обряду каменнаго вѣка. Что этрусское вліяніе въ періодъ царей было очень дѣятельнымъ на почвѣ Рима, это мы знаемъ и увидимъ впоследствии. Но Эсквилинскій могильникъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, а именно ближайшихъ къ церкви св. Евсевія и св. Мартина, несомнѣнно древнѣе этрусскаго вліянія. Подлѣ церкви св. Евсевія была найдена урна-хижина, а подлѣ церкви св. Мартина было найдено до семи десятковъ могилъ, наполненныхъ лишь посудой мѣстнаго производства. О большой древности могилъ близъ этихъ церквей говоритъ и то, что гробницы здѣсь устроены изъ неправильныхъ туфовыхъ глыбъ, кое-какъ наложенныхъ одна на другую, что далеко не соответствуетъ степени архитектурнаго искусства, достигнутаго въ эпоху кладки стѣнъ Сервія Туллія. Этрусское вліяніе въ Римѣ обнаружилось не раньше конца 7-го столѣтія до Р. Хр., а могилы близъ церкви св. Евсевія, среди которыхъ нашлась урна-хижина и сосуды съ рогообразной ручкой, являющейся наиболее характеристическою принадлежностью посуды террамаръ, очевидно, гораздо древнѣе этой эпохи и говорятъ о времени, когда населенія на лѣвомъ берегу Тибра жили еще первобытной культурой. Слѣдовательно, похоронный обрядъ трупопогребенія былъ усвоенъ этими древнѣйшими населеніями не подъ вліяніемъ этрусской культуры, а подъ вліяніемъ обычаевъ того населенія, какое тутъ застали арійскіе пришельцы. Такъ какъ среди Альбанскихъ могильниковъ обрядъ трупопогребенія почти вовсе не встрѣчается, а въ архаическихъ могильникахъ восточной части Рима онъ является почти постояннымъ, то это указываетъ на то, что арійское населеніе въ этихъ мѣстахъ, хотя оно, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не менѣе древне по своему началу, чѣмъ населеніе въ Альбанскихъ горахъ, или не было такъ многочисленно, какъ въ этихъ горахъ, или не было такъ изолировано отъ туземнаго элемента, какъ было изолировано, повидимому, то, которое жило кругомъ Альбанскаго озера, почему и не могло удержать своего обряда погребенія. Во всякомъ случаѣ, фактъ — тотъ, что наиболее древнее населеніе римской территоріи оказывается слѣдующимъ обряду трупопогребенія. Мы могли-бы сказать, что оно совсѣмъ не латинское, если-

бы: о присутствіи этого элемента не свидѣтельствовала урна-хижина съ пепломъ и сходство могильной посуды съ посудой террамаръ, на которое мы раньше указывали. Со временемъ, когда населеніе Рима было усилено переселенцами изъ латинскихъ городовъ, начиная съ населенія разрушенной при Туллѣ Гостиліѣ Альбы Лонги, обрядъ трупосоженія снова получилъ перевѣсъ, хотя уже никогда не исчезалъ съ римской почвы и обрядъ трупопогребенія, пока онъ во время Имперіи не получилъ перевѣса и не сдѣлался со времени Христіанства единственнымъ обрядомъ на римской почвѣ. Къ этому можно прибавить еще одно соображеніе. Именно, очень вѣроятно, что могилы на Квириналѣ, найденныя подъ стѣной Сервія Туллія, куда относятся и могилы съ двумя глиняными гробами, навиллѣ Спитгёвера, принадлежали не Латинянамъ, а Сабинянамъ. У Сабинянъ же, насколько извѣстно, вездѣ обрядъ трупопогребенія, точно такъ же, какъ и въ родственномъ имъ древнемъ Самніѣ, гдѣ огромный некрополь въ Альфеденѣ (древняя Aufidena), недавно ⁴⁷¹⁾ превосходно разработанный и иллюстрированный пизанскимъ профессоромъ Маріани *), не заключаетъ въ себѣ ни одной могилы съ трупосоженіемъ. Некрополь этотъ, судя по находящемуся въ немъ археологическому матеріалу, не старше, а позже VIII столѣтія до Р. Хр., — Маріани ^{471a)} относитъ его къ VII—III ст. до. Р. Хр., — слѣдовательно, долженъ былъ бы представлять собой не коренное здѣсь иберо-лигурійское населеніе, а то, которое принесло сюда арійскій языкъ, населеніе Сабельскаго племени. Между тѣмъ оно является тутъ безъ обряда соженія труповъ, какъ почти и населеніе, хоронившее покойниковъ на восточныхъ холмахъ Рима. Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса, почему Сабиняне и другія племена Сабельскаго корня не оставили намъ могильниковъ съ соженіемъ труповъ, какъ Умбры и Латиняне: для рѣшенія этого вопроса нѣтъ данныхъ. У насъ есть только предположеніе, что они, являясь наиболѣе подвижными колонистами на италійской почвѣ, всюду оказывались настолько въ незначительномъ числѣ **), что легко подчинялись туземному обряду погребенія, какъ это произошло и съ первыми арійскими поселенцами на восточныхъ холмахъ Рима. Быть можетъ, и въ Самніи былъ

*) Почтенный археологъ продолжаетъ эту разработку, пахоясь и въ настоящую минуту (конецъ Августа 1901) на мѣстѣ этого некрополя.

**) Эта численная незначительность Сабельской колонизаціи подтверждается и тѣмъ, что черепа напр. въ некрополѣ Альфедены принадлежатъ не арійскому (короткоголовому типу), а лигурійскому (длинноголовому), каковымъ мы его уже знаемъ. См. Серджи, *Arii e Italic. Torino, 1898, p. 115 sq; Monumenti antichi. X, p. 422 sq.*

принесетъ обрядъ сожженія, что, повидимому, допускаетъ и Маріани ^{471b}), и мы не знаемъ здѣсь о немъ только потому, что до сихъ поръ мы не напали еще на могильникъ начала желѣзнаго вѣка. Такъ или иначе, неолитическое населеніе, какое было найдено въ Лаціумѣ арійскими пришельцами, назвавшимися латинянами, обнаружило въ нихъ свое вліяніе тѣмъ, что первые могильники римскихъ холмовъ являются почти исключительно могильниками съ трупопогребеніемъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, въ нихъ является преобладающимъ не арійскій элементъ, брахикефальный, а элементъ коренного населенія долихокефальный, какъ это показываютъ изслѣдованія, сдѣланныя проф. Серджи надъ 28 эсквилнскими черепами ^{471c}).

Что арійскіе пришельцы въ Лаціумѣ испытали вліяніе туземной керамической техники, это было очень естественно, тѣмъ болѣе, что керамика террамаръ (табл. XV, XXII), съ которою они явились въ долину Тибра, была очень невысокаго качества и уступала какъ по формамъ, такъ и по орнаменту керамикѣ неолитическихъ хижинъ (см. табл. VI и VII) и энеолитическихъ погребальныхъ гротовъ и могилъ (табл. XI), равно какъ и ломбардскимъ палафиттамъ (табл. XIV) съ ихъ энеолитическою культурой. Къ сожалѣнію, керамическіе остатки въ Лаціумѣ изъ эпохи неолитической или лучше энеолитической очень скудны и сводятся къ двумъ, хорошо сохранившимся, горшкамъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Сгурголь, а другой Канталупо-Манделъ. Оба воспроизведены у. Колини ⁴⁷²). Они сдѣланы изъ очень грубой пасты и воспроизводятъ одну и ту-же луковинообразную форму съ длиннымъ цилиндрическимъ горломъ. Хотя г. Пинца и заявляетъ, что форма эта часто повторяется въ латинской керамикѣ вплоть до сосудовъ изъ буккоро, однако въ массѣ экземпляровъ сосудовъ латинской керамики, представленныхъ имъ на четырехъ таблицахъ, подобнаго сосуда мы не находимъ, а указываемый имъ (на табл. XIII, фиг. 18) сосудъ изъ буккоро представляетъ лишь слабое подобіе горшкамъ изъ Канталупо и Сгурголы. Чтобы показать, какое сильное вліяніе каменный вѣкъ имѣлъ на первый желѣзный, къ которому принадлежитъ культура Альбанскихъ могильниковъ, г. Пинца старается и типическому оссуарію культуры Виллановы, имѣющему форму двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ, и встрѣчающемуся, хотя рѣдко и въ слабomъ видѣ, въ могильникахъ Альбанскихъ горъ, приписать неолитическое происхожденіе. Въ то время какъ Пигорини ⁴⁷³) выводитъ его изъ террамаръ, видя посредствующія его формы въ могильникахъ Бисмантовы и Фонтанеллы, представляющихъ собой культуру переходнаго времени между бронзовымъ вѣкомъ террамаръ и началомъ желѣзнаго вѣка при-болоньскихъ

Связь съ каменнымъ вѣкомъ въ керамикѣ

могильниковъ типа Виллановы, г. Пинца видятъ оссуаріи подобной формы еще въ двуконическомъ сосудѣ неолитическаго могильника Ремеделло-Сотто, обнаруженномъ Колини ⁴⁷⁴) въ его замѣчательномъ трудѣ объ этомъ могильникѣ. Правда, онъ говоритъ, что не этотъ оссуарій былъ прототипомъ оссуарія Виллановы, а болѣе близкій по формѣ къ послѣднему оссуарій, который былъ найденъ въ Раццѣ, въ могилѣ каменнаго вѣка, и сходный съ нимъ оссуарій начала бронзоваго вѣка, найденный въ Скандинавіи и обнаруженный Софусомъ Мюллеромъ ⁴⁷⁵. Мы противъ этого соображенія не думаемъ приводить возраженій, тѣмъ болѣе, что произведеніе оссуарія Виллановы изъ террамаръ намъ всегда казалось лишеннымъ строгихъ основаній. Та рѣзко типическая форма оссуарія, какую намъ далъ могильникъ Виллановы, по нашему мнѣнію, также принесена въ Италію извнѣ, — такъ какъ до появленія культуры Виллановы мы ея нигдѣ въ Италіи не видимъ, — и очень можетъ быть, что была въ основѣ своей перенята Умбрами еще за Альпами, гдѣ мы и впоследствии встрѣчаемъ ее въ широкомъ распространеніи отъ Италіи до Балтійскаго моря, въ Австріи, въ Венгріи, въ Германіи почти вплоть до Берлина ⁴⁷⁶), хотя она распространялась, получивъ толчекъ уже изъ Италіи.

Произвольность и нелогичность выводовъ г. Пинцы относительно культуры перваго желѣзнаго вѣка въ Лациумѣ

Гораздо болѣе смѣлъ г. Пинца, когда онъ почти всею орнаментальными мотивами перваго желѣзнаго вѣка выводитъ изъ неолитическаго періода, относя къ послѣднему даже лѣсничныи орнаментъ, который такъ выдержанъ въ диллонскомъ стилѣ, имѣвшемъ очевидно вліяніе на орнаментальную систему сосудовъ Виллановы ⁴⁷⁷). Впрочемъ, на выводахъ г. Пинцы мы не можемъ останавливаться потому, что они сдѣланы не изъ данныхъ, относящихся къ Лациуму, а собираемыхъ имъ не только въ другихъ частяхъ полуострова, но даже за его предѣлами—въ Сициліи, въ Босніи, въ Великобританіи, гдѣ онъ ищетъ доказательствъ тому рискованному утверженію, будто вся система орнаментовъ латинской посуды имѣетъ неолитическое происхожденіе; при чемъ все разсужденіе его кончается не вытекающимъ изъ выставленныхъ раньше посылокъ выводомъ, что культура Лациума въ продолженіе перваго желѣзнаго вѣка есть культура типа Виллановы, и что она въ то же время «вытекаетъ непосредственно изъ культуръ послѣднихъ каменныхъ вѣковъ (sic!), тамъ процвѣтавшихъ». Но такъ какъ молодой авторъ къ этому добавляетъ, что эта каменная культура была «видоизмѣнена прогрессомъ, сношеніями съ культурой террамаръ и съ культурами, процвѣтавшими за моремъ, которымъ Италія обязана собственными (настоящими) элементами культуры Виллановы», то мы находимся въ недоумѣніи, что же составляетъ сущность, по мнѣнію г. Пинцы, культуры перваго желѣзнаго вѣка въ Лациумѣ,—наслѣдіе

ли каменнаго вѣка, или заморскія вліянія, которыя дали «*настоящіе элементы культуры Виллановы*» (gli elementi propri della civiltà villanoviana) ⁴⁷⁸).

Оставляя въ сторонѣ произвольные и нѣсколько нелогическіе выводы г. Пинцы относительно вліянія кореннаго населенія Лациума на арійскихъ пришельцевъ, мы, послѣ того какъ нами былъ указанъ важный фактъ этого вліянія въ сообщеніи сожигавшимъ своихъ покойниковъ пришельцамъ обряда трупопогребенія, считаемъ нужнымъ указать на другой, еще болѣе важный, фактъ этого вліянія,—на внесеніе мѣстнаго элемента въ латинскій языкъ.

Вліяніе кореннаго населенія Лациума на латинскій языкъ

Давно извѣстно, что въ каждомъ изъ индо-европейскихъ языковъ есть масса словъ, которыя не поддаются этимологическому объясненію, какъ не мало и такихъ, которыя *видимо* заимствованы изъ другихъ языковъ. Эти послѣднія слова входили и продолжаютъ входить въ каждый языкъ въ силу сношеній одного народа съ другимъ и заимствуются вмѣстѣ съ переносимыми изъ страны въ страну новыми предметами и новыми понятіями. Происхожденіе этихъ словъ болшею частью ясно само по себѣ и не укрывается отъ опытнаго филологическаго глаза даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слова, принявъ въ другомъ языкѣ національную форму, считаются какъ бы своими собственными. Таковы въ русскомъ языкѣ слова: *кафтанъ, бабка, лошадь, казна* и др., которыя для лингвиста и филолога несомнѣнно чужія, хотя для массы народа свои собственные. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло со множествомъ словъ, которыя не перешли къ намъ вслѣдствіе торговыхъ, государственныхъ, религіозныхъ, научныхъ и другихъ сношеній, а принадлежатъ къ коренному составу языка, хотя при этимологическомъ анализѣ оказываются не того происхожденія, какое имѣеть или считаетъ себя имѣющимъ народъ, ихъ употребляющій. При внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что арійскихъ словъ въ любомъ европейскомъ языкѣ несравненно меньше, чѣмъ кажется. Несомнѣнно арійскія слова въ томъ или другомъ европейскомъ языкѣ суть тѣ, которыя, принадлежа къ коренному составу этого языка, имѣются въ томъ или другомъ видѣ если не во всѣхъ другихъ языкахъ индо-европейской семьи, то во многихъ изъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что общихъ словъ между индо-европейскими языками очень не много. Такъ, Іоганнъ Шмидтъ ⁴⁷⁹) насчитываетъ, что у греческаго языка, у одного изъ самыхъ богатыхъ языковъ въ индо-европейской семьѣ, общихъ съ словами индо-иранскаго языка, съ которымъ — надо замѣтить — у него болше всего сходства, всего 99, а общихъ съ латинскимъ, съ ближайшимъ къ нему географически языкомъ, всего 132 слова. Если

взять во вниманіе, что связь греческаго языка съ средне- и сѣверо-европейскими нарѣчіями гораздо слабѣе, чѣмъ съ азіатской отраслю арійскихъ языковъ и съ италійскими языками, то выходитъ, что огромное множество словъ греческаго языка не арійскаго происхожденія. По расчету того-же Шмидта оказывается, что между ближайшими между собою европейскими языками—славянскимъ, литовскимъ и тевтонскимъ—общихъ всѣмъ тремъ языкамъ словъ всего 59, словъ же общихъ лишь славянскому и тевтонскому всего 50, а общихъ лишь тевтонскому и литовскому и того менѣе—34. Есть, конечно, у этой группы языковъ свои связи и съ азіатскими арійскими языками (90 словъ) и съ греческимъ (10 словъ между нимъ и славяно-литовскими языками), но все это вмѣстѣ дѣлаетъ составъ нашего языка, какъ и нѣмецкаго, очень мало арійскимъ.

Факты эти указываютъ на то, что арійскіе языки, которые теперь представляются такими роскошными и богатыми, вобрали въ себя еще въ до-историческое время массу словъ чуждаго имъ происхожденія, и, какъ само собою явствуетъ, это должны быть преимущественно, если не исключительно, слова тѣхъ населеній, на которыя, послѣ своего раздѣленія, арійскіе народы насѣли, занявъ ихъ территоріи.

Такъ было и съ языкомъ Лаціума. Общихъ словъ у него съ греческимъ языкомъ, какъ мы видѣли, по счету Юг. Шмидта всего 132, съ индо-иранской семьей 20; сколько у него было общихъ словъ съ кельтскимъ и съ сѣверо-европейскими языками, Шмидтъ не высчитываетъ, но ихъ не можетъ быть много больше, чѣмъ сколько ихъ оказывается съ греческимъ и съ азіатской вѣтвью арійскихъ языковъ. Если даже допустить нѣкоторую неполноту въ счетѣ извѣстнаго германскаго филолога, которую онъ самъ допускаетъ, то все-таки несомнѣнно, что значительная часть латинскаго словаря состоитъ изъ словъ, чуждыхъ арійскому словарю и переданныхъ ему первобытнымъ населеніемъ Лаціума, а если взять во вниманіе послѣдующее обогащеніе латинскаго языка другими италійскими нарѣчіями, испытанными одинаковую съ нимъ судьбу, то и вообще первобытнымъ населеніемъ Итали. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется то, что въ дошедшихъ до насъ надписяхъ какъ другихъ италійскихъ нарѣчій, такъ и въ древнѣйшихъ надписяхъ латинскихъ находится столько темнаго и непонятнаго, и что разные ученые въ однихъ и тѣхъ-же словахъ видятъ совершенно разныя вещи. Такъ какъ между этими учеными есть сильныя спеціалисты, каковы Бреаль, Бюхелеръ, Декке, Паули и др., то такое рѣдкое разногласіе въ пониманіи однихъ и тѣхъ-же словъ или однихъ и тѣхъ-же формъ возможно для нихъ только потому, что они имѣютъ дѣло съ такими элементами языка, которые

происходятъ изъ источника, имъ неизвѣстнаго и наукою сравнительнаго языкознанія не объяснимы. На эту сторону дѣла, именно какъ на причину нашего безсилія въ точномъ пониманіи текста умбрскихъ, сабелльскихъ, даже осскихъ и древне-латинскихъ надписей, давно уже указывалъ и не перестаетъ указывать извѣстный ученый языковѣдъ и археологъ отецъ Чезаре Де-Кара, издавшій еще въ 1887 году проникнутую рѣдкимъ скептицизмомъ по отношенію къ наукѣ языкознанія книгу подъ заглавіемъ: *Del presente stato degli studii linguistici* (Prato, 1887), на которую онъ неоднократно ссылается въ одной изъ своихъ статей 1899 г. ⁴⁸⁰), но съ которою, по случаю поздняго полученія ея, намъ не удалось ближе познакомиться. Затѣмъ онъ повторяетъ настойчиво свое положеніе по поводу открытія въ томъ-же году архаической надписи на Римскомъ Форумѣ и, чтобъ яснѣе выставить трудность ея возстановленія, указываетъ на фактъ ⁴⁸¹), что открытая въ 1880 г. Дресселемъ латинская надпись, извѣстная подъ именемъ *Duenos* и принадлежащая, какъ слѣдуетъ думать, 5-му столѣтію до Р. Хр., будучи разсмотрѣна цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ филологовъ, въ числѣ которыхъ были Конвэ, Бюхелеръ, Бреаль, Жорданъ, Остгоффъ, Паули, Турнейзенъ, Компаретти, остается до сихъ поръ не объясненною и не понятою; всѣ эти филологи читали и понимали ее, каждый по своему, каждый различно. Правда, въ этой послѣдней надписи труденъ не составъ языка, — такъ какъ почти всѣ слова ея, читаемыя такъ или иначе учеными, представляются словами, для ученыхъ не неизвѣстными, — а способъ ея чтенія, у каждаго ученаго различный; правда и то, что въ надписи Форума непонятность скорѣе зависитъ отъ крайне дурнаго состоянія, въ какомъ надпись дошла до насъ, а всѣ сохранившіяся въ ней въ цѣломъ или въ приблизительно цѣломъ видѣ отдѣльныя слова, за исключеніемъ *havelod* и послѣдняго ея термина *oivoviod*, не представляются сами по себѣ затруднительными: но это не ослабляетъ вѣрности факта, что въ дошедшемъ до насъ лексическомъ составѣ италійскихъ нарѣчій есть слова, которыя никакъ не поддаются сближенію съ арійскимъ лексикономъ и видимо ему чужды. Этотъ чуждый элементъ отразился, впрочемъ, не только на составѣ италійскихъ нарѣчій, но, какъ этого и слѣдовало ожидать, и на ихъ фонетикѣ и флексіи, дѣйствуя разлагающимъ образомъ на принесенную «Италиками» систему арійскихъ окончаній въ именахъ и глаголахъ, какъ это особенно проявилось въ умбрскомъ, въ которомъ флексія, особенно глагольная, представляется какъ бы вполне разрушенною. По Бреалю ⁴⁸²), умбрскій языкъ игувинскихъ таблицъ, по его «*altération phonétique*» и «*décomposition grammaticale*», можетъ въ извѣстной степеніи быть рассматри-

ваемъ какъ предтеча романскихъ языковъ, хотя — и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго для языка, не имѣвшаго большого литературнаго развитія,—онъ, съ другой стороны, и сохранилъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ болѣе древній обликъ, чѣмъ латинскій ⁴⁸³).

Видоизмѣненіе взглядовъ на составъ латинскаго языка

Изучаемый нами языкъ латинскихъ писателей поражаетъ насъ своей ясностью и опредѣленностью въ этимологіи и синтаксисѣ. По этому въ настоящее время рѣдко приходитъ кому въ голову искать въ немъ какого-либо чуждаго элемента, кромѣ греческаго, который, выражаясь въ немногихъ извѣстныхъ словахъ и извѣстныхъ формахъ падежей, равно какъ и въ извѣстныхъ синтаксическихъ оборотахъ, ясно выдѣлялся изъ чисто-латинскаго лексикона и грамматики, и притомъ, какъ элементъ, введенный литературнымъ подражаніемъ. Со времени Шлегера, которому предшествовали заявленія А. В. Шлегеля, Лассена, Лепсіуса, Потта, утвердилось мнѣніе ⁴⁸⁴), что латинскій языкъ есть языкъ, развившійся органически, какъ одна изъ отраслей общаго индо-европейскаго языка, безъ примѣси какого-нибудь чуждаго ему элемента, какъ и римскій народъ не есть какой-либо смѣшанный народъ. Мнѣніе это было выставлено и развито въ противность Нибуrowsкой гипотезѣ ⁴⁸⁵) о томъ, что въ латинскомъ языкѣ, какъ и въ римскомъ народѣ, заключалось два элемента — греческій или, правильнѣе, общій съ греческимъ, и варварскій, и что первый элементъ былъ пелазгическій, а второй—тотъ элементъ, который онъ называлъ касскимъ и который былъ родственъ съ осскимъ. Мнѣніе о греческомъ и не греческомъ элементахъ въ римскомъ языкѣ и народѣ раздѣлялъ съ Нибуромъ также знаменитый его младшій современникъ Отфридъ Мюллеръ ⁴⁸⁶). Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Нибуръ съ своей теоріей о смѣшанности латинскаго языка изъ элементовъ греческаго и не греческаго или варварскаго имѣлъ предшественниковъ еще въ древности, именно въ лицѣ Діонисія Галикарнасскаго ⁴⁸⁷), а въ новое время въ лицѣ сильнѣйшаго изъ старшихъ итальянскихъ филологовъ, Ланци, заявившаго эту теорію еще въ первомъ изданіи своего замѣчательнаго для того времени труда подъ заглавіемъ «Saggio di lingua Etrusca» ⁴⁸⁸), вышедшаго въ Римѣ въ 1789 г., т.-е. двадцатью двумя годами раньше 1-го изданія перваго тома «Римской Исторіи» Нибура. Греческіе, а за ними и римскіе ученые (Варронъ, Квинтиліанъ, Геллій, Присціанъ, Теренціанъ Мавръ) ⁴⁸⁹) производили латинскій языкъ отъ эолическаго діалекта греческаго языка, и это мнѣніе еще въ первой половинѣ только-что истекшаго столѣтія и даже позже было самымъ ходячимъ между филологами и проповѣдывалось съ университетскихъ кафедръ, какъ чистая истина ⁴⁹⁰), пока, наконецъ, въ половинѣ XIX ст., проныкновеніе въ среду филологовъ результа-

товъ сравнительнаго языкознанія не разбѣло этого заблужденія, по крайней мѣрѣ среди менѣе отсталыхъ. Затѣмъ восторжествовала теорія чистоты латинскаго языка, какъ одного изъ главныхъ членовъ семи языковъ индо-европейскихъ, хотя и прежняя теорія о греческомъ и не греческомъ элементѣ въ этомъ языкѣ, имѣя за себя авторитетъ Нибура и О. Мюллера, продолжала еще держаться на сценѣ. Ее еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтїа поддерживаетъ историкъ Римской литературы Хр. Бэръ ⁴⁹¹⁾, давшій четыре изданія своего очень извѣстнаго и ученаго сочиненія. Въ послѣднее время теорія греческаго и не греческаго элемента совершенно оставлена, но и арійская чистота въ латинскомъ языкѣ перестала быть догматомъ. Мы указывали на ученаго іезуита о. Де-Кару, какъ на проводника мнѣнїя о томъ, что въ латинскомъ языкѣ кромѣ арійскаго есть еще другой элементъ, который онъ, къ сожалѣнїю, называетъ пелазгическимъ, страннымъ образомъ полагая, что арійцы захватили этотъ элементъ въ Малой Азїи и такимъ образомъ явились на почву Италїи смѣшаннымъ народомъ и съ смѣшаннымъ языкомъ ⁴⁹²⁾. Разсужденіе это очень своеобразно и при всемъ нашемъ уваженїи къ познанїямъ и проницательности почтеннаго римскаго ученаго, удостоивающаго насъ, къ тому-же, весьма цѣнимою нами личной дружбой, не можетъ быть нами принято: оно совершенно выходитъ изъ того круга данныхъ и идей, въ которомъ мы до сихъ поръ двигались и продолжаемъ двигаться. Но самая мысль о томъ, что латинскїй языкъ не представляетъ чистоты однороднаго языка, мы считаемъ безусловно вѣрною. Идею эту поддерживаетъ и Бреаль, который, видя чуждое арійскому корню происхожденіе именъ нѣкоторыхъ римскихъ божествъ и, между ними, такихъ, съ виду архи-римскихъ, какъ Марсъ и Минерва, которыхъ онъ считаетъ заимствованными отъ Этрусковъ, долженъ былъ заявить о необходимости считаться съ тѣмъ, что въ латинскомъ языкѣ есть многое такое, что не можетъ быть объяснено при помощи индо-европейской этимологїи, что *se refuse à une étymologie indo-européenne*, а это происходитъ отъ того, что «много (?) народовъ жило и умерло на старой почвѣ Италїи, прежде чѣмъ на ней раздались звуки арійскаго языка», и что арійское населеніе Лаціума, какъ и арійское населеніе Умбріи, «сѣло поверхъ расы туземной» ⁴⁹³⁾. Можно только пожалѣть, что знаменитый французскїй лингвистъ и филологъ ограничился этими общими заявленїями, не опредѣливъ ближе вліяній, какимъ латинскїй языкъ подвергся со стороны чуждыхъ ему языковъ. Но это, конечно, было бы дѣло не легкое.

Бреаль высказываетъ приведенныя мысли по поводу вошедшихъ, по его мнѣнїю, въ латинскую мифологїю нѣсколькихъ этрусскихъ бо-

жествъ. Но слова, заимствованныя Римлянами отъ Этрусковъ, почти всё на-перечетъ. Они относятся или къ культу, или къ государственнымъ учрежденіямъ, или къ сценическимъ представленіямъ и вообще это слова, которыя одинъ народъ, находясь въ торговыхъ или политическихъ сношеніяхъ съ другимъ, заимствуетъ отъ этого другого вмѣстѣ съ новыми понятіями, въ силу его высшей культуры, по подражанію, и какія, только въ гораздо большемъ размѣрѣ, Римляне заимствовали отъ Грековъ. Слова этого рода не рѣдко, и навсегда остаются въ языкѣ какъ иностранныя, особенно когда рядомъ съ ними стоятъ слова національныя, выражающія то-же понятіе. Мы же имѣемъ въ виду чужія слова, вошедшія въ самый организмъ языка и переработанныя въ немъ народнымъ духомъ до того, что составляютъ необходимое его достояніе. Особенно часты чужія названія мѣстностей. Мы видѣли напр. цѣлый рядъ корней, суффиксовъ, служащихъ къ образованію словъ и служащихъ для ихъ окончанія, корней и суффиксовъ, приписываемыхъ Мюлленгофомъ и Д'Арбуа де-Жюбэнвилемъ языку Лигуровъ. Слова или названія мѣстъ, народовъ и лицъ, образуемая изъ этихъ корней и суффиксовъ, имѣютъ большею частію видъ совершенно латинскихъ. Такова напр. впадающая въ Генуэзскій заливъ рѣка *Aventia*, нын. *Avenza*, имѣющая себѣ соотвѣтствіе по окончанію въ рѣкахъ *Druentia* (нын. *Dugance*), лѣвый притокъ Роны, *Argentia* (нын. *Argence*) въ департаментѣ Вара и въ другихъ, показывающихъ, что происходящій отъ причастія суффиксъ — *ent-ia*, какъ онъ ни кажется латинскимъ (напр. *diligentia*, *benevolentia*) встрѣчаетъ себѣ аналогію въ *до-историческихъ* названіяхъ, гдѣ причастное происхождение, выражающее отвлеченное понятіе, трудно допустимо. Въ этомъ смыслѣ и орошавшій виллу Горация въ Сабинскихъ горахъ потокъ *Digentia*, конечно, также не имѣвшій причастнаго происхожденія, можетъ быть не латинскаго (или вообще италійскаго) происхожденія, такъ какъ словъ съ окончаніемъ на *entia*, не происходящихъ отъ причастныхъ формъ, въ латинскомъ языкѣ нѣтъ. Другой примѣръ яснѣе. Нѣтъ болѣе, казалось бы, латинскаго названія города, какъ *Alba Longa*. Въ латинскомъ языкѣ есть прилагательное *albus*, бѣлый. Это слово, имѣющее соотвѣтствіе въ греческомъ *αλφός*, въ умбрскомъ *alfu*, *alfer*, *alfir* ⁴⁹⁴), есть слово индо-европейскаго характера, и названія городовъ или селеній по цвѣту въ Европѣ есть вещь обыкновенная. Такъ у насъ Бѣлевъ, Бѣльскъ, Бѣлгородъ, Черниговъ, Красный и т. п.; у Нѣмцевъ *Weissenfels*, *Rothenburg*, *Grüneberg* и т. п.; да и въ самой древней Итали въ нихъ не было недостатка. Корсенъ ^{494а}), кромѣ Альбы, указываетъ на *At Ua*, какъ Черный городъ, на *Rufrium*, какъ красный; Моммзенъ ⁴⁹⁵) указываетъ на *Gatrio* (Адрию), какъ Черный городъ. Но названіе города *Alba*, отъ котораго происходитъ

Albanus mons и lacus не можетъ быть арійское. Название это и съ этимъ корнемъ особенно часто—въ Лигуріи. Болѣе извѣстны: Alba Docilia, Alba Pompeja, къ которымъ присоединяются Album Ingaunum или Albingaunum, Album Intemelium, иначе Albintemelium или Albintimilium (нын. Ventimiglia), Alba Augusta не подалеку отъ Нижней Роны, т.-е. въ мѣстности, нѣкогда Лигурійской или въ такой, гдѣ Лигуры смѣшивались съ Иберами, въ той-же Нарбонской Галліи—Alba Helvia; далѣе мы имѣемъ два города съ названіемъ Альбы въ Испаніи (въ Тарраконской и въ Южной) и тамъ-же рѣку Альбу, впадающую въ Средиземное море; Alba назывались горы въ Германіи, идущія по лѣвому берегу Верхняго Дуная; Albis рѣка, нын. Эльба, слав. Лаба; есть Albius (mons) названіе юго-восточной вѣтви Альпъ, есть Albania и Albani на Кавказѣ; есть, наконецъ, нѣсколько названій городовъ именемъ Alba внутри Италіи (Alba Fucens въ странѣ Эрвовъ, Alba Julia въ Апуліи); называлась Alpinia рѣка въ Этруріи; наконецъ, Albula—древнее названіе Тибра. Есть и еще въ разныхъ мѣстахъ и другія названія, связанная съ корнемъ alb: Albona (городъ на полуостровѣ Истріи), Albonica гор. въ Тарраконской Италіи, Alburnus (mons) въ Луканіи, и др. Возможно, что нѣкоторые изъ приведенныхъ названій имѣютъ этимологическую связь съ *albus*, бѣлый, но что названія Лигурійскихъ мѣстностей и Кавказскихъ мѣстностей не латинскаго корня, не имѣютъ отношенія къ идеѣ бѣлизны, это должно быть ясно для филолога. Такимъ образомъ, названіе главнаго изъ латинскихъ городовъ является такъ-же мало латинскимъ, какъ названіе Москвы является не русскимъ. Тамъ и здѣсь сказалось вліяніе коренного населенія. Но это—вопросъ, требующій особаго разсужденія.

Послѣ того какъ мы достаточно говорили о двухъ элементахъ, изъ которыхъ сложилась культура въ Лаціумѣ явившихся туда въ концѣ бронзовой эпохи арійскихъ поселенцевъ изъ долины По, именно объ элементахъ культуры террамаръ и элементахъ энеолитической культуры, найденной на мѣстѣ, намъ необходимо сказать о третьемъ элементѣ, который также въ извѣстной степени сыгралъ свою роль въ культурной обстановкѣ Лаціума къ тому времени, когда на него стало обнаруживаться вліяніе съ одной стороны греческой, съ другой—этрусской образованности.

Вліяніе культуры начала желѣзнаго вѣка (иначе — перваго желѣзнаго вѣка), на время развитія и господства которой въ Средней и Сѣверной Италіи падаютъ первыя столѣтія жизни Латинянъ въ бассейнѣ Тибра, было естественно, хотя оно и не могло быть велико какъ въ виду нѣсколько обособленнаго положенія колонистовъ Альбанскихъ горъ, такъ и въ силу не малаго культурнаго наслѣдства,

Вліяніе культуры Виллановы на Лаціумъ

доставшагося имъ съ одной стороны изъ бронзовой культуры террамаръ, съ другой изъ неолитической культуры коренного населенія. Но оно тѣмъ не менѣе сказывалось: именно въ усвоеніи извѣстныхъ формъ керамики, извѣстныхъ декоративныхъ на ней элементовъ, въ употребленіи формъ фибулъ, появившихся въ теченіе перваго желѣзнаго вѣка, и другихъ личныхъ украшеній, наконецъ, въ устройствѣ могилъ, отличномъ отъ того способа помѣщенія погребальныхъ урнъ, какое мы видѣли въ террамарахъ и въ могильникахъ эпохи террамаръ въ долинѣ По.

Слабость этого вліянія въ погребальной керамикѣ

Изъ керамики, общей Альбанскимъ горамъ и культурѣ перваго желѣзнаго вѣка, выдается больше всего урна-хижина, которой, правда, нѣтъ въ при-болоньскихъ могильникахъ, не исключая и могильника Виллановы, но которая за то встрѣчается въ древнѣйшихъ могильникахъ юго-западной Этруріи (въ Аллюмберѣ, въ Тарквиніяхъ, особенно въ Ветулоніи, а также въ Бизенціо), въ мѣстахъ, съ которыми (по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ) у обитателей Альбанскихъ горъ долины были связи еще съ начала эпохи переселенія въ долину Тибра (см. выше) и, очевидно, продолжались и впоследствии, такъ какъ предметы древнѣйшихъ могилъ на территоріи Тарквиніи и древнѣйшихъ Альбанскихъ могильниковъ представляютъ необыкновенное сходство, составляя какъ бы одну группу, чего, по заявленію Пигорини ⁴⁹⁶), нѣтъ нужды и доказывать. Нужно однако при этомъ замѣтить, что урны-хижины Альбанскихъ могильниковъ, имѣя форму, болѣе приближающуюся къ круглому жилищу, древнѣе найденныхъ въ этрусскихъ могильникахъ. Я не хочу этимъ сказать, что урна-хижина пришла въ Этрурію съ Альбанскихъ горъ, тѣмъ болѣе, что она, какъ это уже было нами замѣчено, не есть исключительная принадлежность италійскихъ арійцевъ, а встрѣчается и въ Германіи, и даже на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря. Фактъ болѣе древней формы урны въ Альбанскихъ горахъ свидѣтельствуеетъ лишь о большой древности латинскихъ поселеній на Альбанскихъ горахъ, представляя эти поселенія одною изъ самыхъ древнихъ арійскихъ стоянокъ къ югу отъ Апеннинъ, на что указывали раньше Пигорини ⁴⁹⁷), Ундсетъ ⁴⁹⁸), Гзель ⁴⁹⁹) и Тарамелли ⁵⁰⁰), и что безъ серьезнѣхъ основаній оспариваетъ, нападая и на меня, г. Пинца ⁵⁰¹), видя въ древнѣйшихъ формахъ какъ урны-хижины, такъ и другихъ древностей Лаціума лишь «пережитки» старыхъ вліяній на культуру Виллановы какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Тибра.

Что касается до типической урны Виллановы, то, хотя и нельзя совершенно отрицать присутствія подобія ея въ Альбанскомъ некрополѣ, но, съ другой стороны, два экземпляра, изъ которыхъ одинъ (табл. XXXIII,

фиг. 6) безъ всякихъ орнаментовъ, а другой (та-же таблица фиг. 7) съ меандромъ въ верхней половинѣ и съ квадратами въ нижней, сами по себѣ представляютъ для такого большого некрополя очень слабое доказательство господства культуры Виллановы въ Альбанскихъ горахъ, особенно, если взять во вниманіе, что и эти два экземпляра далеко не близко воспроизводятъ ту типичную форму двухъ неравныхъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ, какую представляютъ намъ оригиналы могильника Виллановы (табл. XXXIV, фиг. 1, 2). Въ этомъ отношеніи они значительно дальше отъ оригинала, чѣмъ представляемые у насъ на таблицѣ XXVII экземпляры изъ Тарквиній (фиг. 2) и Кьюзи (фиг. 5), а скорѣе несовершенныя, какъ бы еще зачаточныя его формы, какія мы видимъ въ нѣкоторыхъ оссуаріяхъ Фонтанеллы (см. табл. XXIV, фиг. 1 и 4), могильника, считающагося переходнымъ отъ бронзовой культуры къ началу желѣзной. Ближе къ оригиналу стоитъ одинъ изъ добавочныхъ сосудовъ; появленіе этихъ послѣднихъ само по себѣ обнаруживаетъ влияние на характеръ Альбанскихъ могильниковъ со стороны некрополей типа Виллановы праваго берега Тибра, что, конечно, относится не къ первому періоду развитія латинской жизни въ Лаціумъ. Во всякомъ случаѣ нужно твердо установить фактъ, что типическій оссуарій могильника Виллановы, т. е. сосудъ формы двухъ неравныхъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ, является въ Альбанскихъ могильникахъ лишь въ видѣ исключенія; типическимъ же оссуаріемъ послѣднихъ была урна-хижина и рядомъ съ нею оссуарій другихъ формъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ формой оссуарія Виллановы. Таковъ оссуарій грушевидной формы съ орнаментомъ изъ меандра; таковъ чаще другихъ встрѣчающійся оссуарій въ простой формѣ сосуда съ поднятыми плечами и сходный съ нимъ шарообразный сосудъ (табл. XXXIII, фиг. 3) и съ двумя бугорками. Этого рода сосуды, какъ на это я указывалъ въ статьѣ «О томъ, откуда пришли и кто были латиняне»⁵⁰²), составляютъ такой же пережитокъ прежней эпохи, какимъ являются въ могильникѣ Виллановы три грубыхъ сосуда той-же формы, которые замѣшались тамъ среди другихъ и явились въ этой мѣстности только свидѣтелями культуры прежняго времени. Къ этой-же категоріи относится и тотъ сжатый снизу и расширенный кверху сосудъ въ видѣ перевернутаго усѣченнаго конуса съ веревкой вокругъ плечъ (табл. XXXIII, фиг. 4), который, какъ принадлежность неолитической эпохи, находится себѣ соотвѣтствіе въ сосудахъ Пиринейскаго полуострова и центральной Франціи. Если онъ встрѣчается въ могильникахъ Терни и Торре дель Мордилло, то это не значитъ, что сосудъ этотъ пришелъ въ Лаціумъ изъ Умбріи или изъ Калабріи (древ-

няго Бруттія), могильники которыхъ принадлежать не къ раннему періоду Виллановы, а могъ быть мѣстною принадлежностью неолитической керамики. Характеристиченъ также высокоплечій оссуарій съ крышкой въ видѣ шлемообразной кровли и имѣющій двѣ ручки, расположенныхъ вмѣстѣ и соединенныхъ съ краями горла (табл. XXXIII, фиг. 5). Онъ показываетъ, что форма оссуарія, свойственная могильникамъ Альбанскихъ горъ, есть форма жилища, которая въ данномъ случаѣ выражается одной крышкой, и что даже не въ ранній періодъ двуконусообразный сосудъ Виллановы былъ почти совсѣмъ чуждъ этой мѣстности, какъ онъ остался чуждымъ и римскимъ могильникамъ.

Добавочные
сосуды въ мо-
гильникахъ
Лаціума

Керамика типа могильниковъ Виллановы въ могильникахъ Лаціума есть керамика добавочныхъ сосудовъ. Таковы кружки, чашки съ вертикальной высокой ручкой и съ двумя ушными мочками, пузыреобразныя небольшія амфоры и другіе сосуды (частію сдѣланныя уже на гончарномъ кругу), между прочимъ маленькіе сосуды въ формѣ, старающейся воспроизвести оссуарій Виллановы, какіе встрѣчаются и въ римскомъ эсквилинскомъ могильникѣ⁵⁰⁴) и даже перешли въ южно-италійскіе могильники, даже въ такіе, гдѣ, какъ и въ римскихъ, совсѣмъ не находится оссуарія Виллановы, каковы напр. сосуды въ могильникахъ Суэсулы (см. на нашей табл. XXV, фиг. 1 — 3). Но, не считая нужнымъ для своей задачи долго останавливаться на подражательной керамикѣ Альбанскихъ горъ, прошу интересующагося ея читателя обратиться къ таблицамъ X, XI, XII и XIII, приложеннымъ къ вышеуказанному труду Пинцы въ *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, 1900 г., гдѣ воспроизведены въ возможной полнотѣ предметы коллекціи покойнаго М. Ст. де-Росси, приобрѣтенной теперь римскимъ До-историческимъ Музеемъ.

Бронзовые
предметы

Больше всего связи Альбанскихъ могильниковъ съ могильниками Виллановы оказывается въ бронзовыхъ предметахъ, впрочемъ вообще немногочисленныхъ, и прежде всего въ фибулахъ. Нужно замѣтить, что развитіе фибулъ въ Италіи вообще совпадаетъ съ періодомъ Виллановы, раннимъ и позднимъ. Бронзовый вѣкъ, да и то на своемъ исходѣ зналъ только фибулу въ формѣ скрипачнаго смычка (табл. XX, фиг. 5 и 6). Въ переходную эпоху, какую представляютъ въ долинѣ По могильники Бисмантовы и Фонтанеллы, мы видимъ (табл. XXIX, фиг. 1 — 3) фибулу простой дужкой, которая затѣмъ является намъ также въ древнѣйшемъ изъ могильниковъ долины Тибра праваго берега въ Roggio alla Pozza (Аллюмьере) (табл. XXX, фиг. 4), гдѣ была найдена и обоюдоострая бритва, характеристическій предметъ террамаръ долины По, воспроизведенный у насъ на той-же таблицѣ.

Этимъ-же типомъ фибулы начинаются и въ Альбанскомъ могильникѣ. Спорящій противъ древности этой стоянки сравнительно съ другими мѣстами арійскихъ поселеній къ югу отъ Апеннинъ, г. Пинца, стараются ослабить фактъ отсутствія въ Альбанскомъ некрополѣ фибулы типа съ простой дужкой заявленіемъ будто фибула этого типа проходитъ черезъ весь періодъ Виллановы ⁵⁰⁵). Но заявленіе это, которое лишаетъ фибулы ихъ хронологическаго значенія, какимъ онѣ до сихъ поръ по праву пользовались въ до-исторической археологіи Италіи ⁵⁰⁶), не вынуждаетъ насъ снова поднимать вопросъ о древности некрополя, достаточно уже нами выясненный. Продолжая рѣчь нашу о фибулахъ Альбанскаго некрополя и пользуясь при этомъ данными, сообщенными г. Пинцой въ его двухъ статьяхъ (1898 и 1900), мы должны сказать, что фибулы съ простой дужкой тутъ имѣютъ свои разновидности, встрѣчающіяся однако и въ другихъ некрополяхъ. Такъ, есть фибулы не только съ гладкой дужкой, но и съ витой, фибула съ колечнымъ рельефнымъ орнаментомъ на верху ея, или съ нарѣзанными остріемъ полосками подъ колечный узоръ, есть съ тремя ребрами на дужкѣ, есть фибулы утолщенные и, наконецъ, такія, у которыхъ шпилька загнута и застежка снабжена дискомъ. Всѣ эти формы имѣются въ достаточной степени въ древнѣйшихъ некрополяхъ Этруріи, но особенно въ при-болоньскомъ могильникѣ Беначчи I. ⁵⁰⁷). Но кромѣ фибулъ съ простой дугой, Альбанскіе могильники представляютъ намъ и фибулы разныхъ видовъ съ извивающейся дужкой (*arco serpeggiante*), каковы напр. у насъ фибулы на таблицѣ XXX, фиг. 2, или на табл. XXXV, фиг. 8. Хронологически фибулы эти новѣе предыдущихъ, но обычны въ могильникахъ Этруріи. Среди этого болѣе поздняго типа фибулъ встрѣчается одна фибула съ очень длинной застежкой, какия мы особенно видимъ въ при-болоньскихъ могильникахъ Виллановы и Арноальди, и образцы которыхъ представляетъ Монтелиусъ на таблицахъ VIII—X первой серіи своего атласа, приложеннаго къ I-му тому его извѣстнаго труда: *La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux* (Stockholm, 1895). Встрѣглась и фибула *на-левкой* (*a sanguisuga*) или ладьеобразная (*a navicella*), съ кольцами на дужкѣ и шпилькѣ, какихъ довольно было найдено и въ эсквилнскомъ могильникѣ ⁵⁰⁸), и которыя во 2-й періодъ желѣзнаго вѣка были очень распространены въ сосѣдней съ Лаціумомъ землѣ Фалисковъ, усвоившихъ культуру Виллановы въ полномъ объемѣ. Изъ другихъ бронзовыхъ украшеній обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя колесики, служившіе для украшенія головныхъ булавокъ еще въ террамарахъ и озерныхъ палафиттахъ и находимыхъ даже въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. Типъ колесика съ трубчатою, какъ

ихъ находятъ и въ болѣ древнихъ могилахъ Этруріи—въ Аллюмбере, Корнето, Ветулоніи ⁵⁰⁹), представляетъ предметъ, найденный въ эсквилинскомъ могильникѣ (у Пинцы табл. VII, фиг. 1). Г. Пинца указываетъ еще на браслетъ Гротаферраты и маленькія кольца изъ этого-же могильника и могильника близъ С. Себастьяно, то и другое «типа довольно общаго», какъ и шарики съ рельефной декорацией изъ гвоздиковъ ⁵¹⁰). Къ бронзовымъ предметамъ, вообще, какъ было замѣчено, очень не многочисленнымъ въ Альбанскихъ могильникахъ, изъ эпохи Виллановы принадлежатъ ножи кривой формы и съ однимъ лезвиемъ, какихъ мы почти не встрѣчаемъ въ Этруріи, но которые находятся въ Виллановѣ въ могильникѣ Беначчи II и въ известномъ болоньскомъ складѣ С. Франческо. Собственно оружія мы почти тутъ не находимъ. Г. Пинца упоминаетъ объ одномъ наконечникѣ стрѣлы и даетъ ея изображеніе вмѣстѣ съ изображеніемъ вышеупомянутаго ножа ⁵¹¹), объ одномъ щитѣ, одномъ мечѣ и одномъ копѣѣ съ втулкой, но прибавляетъ, что эти три предмета такихъ малыхъ размѣровъ, что ихъ можно счесть за символическіе.

Значеніе малочисленныхъ бронзовыхъ изделий въ Альбанскомъ некрополѣ

Малочисленность бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ Альбанскомъ некрополѣ, не только показываетъ бѣдность населенія Альбанскихъ горъ эпохи Виллановы, но и подтверждаетъ слабость вліяній центровъ этой характеристической культуры на долину лѣваго берега Тибра въ то время, когда на правомъ берегу рѣки культура эта находилась въ цвѣтущемъ развитіи. Интересно въ этомъ отношеніи употребленіе бронзоваго колесика въ той именно формѣ, какая была свойственна еще террамарамъ. «Это значитъ», писали мы въ статьѣ о происхожденіи Латинянъ ⁵¹²), что Лаціумъ и въ предметахъ роскоши, какъ и въ предметахъ обыкновенной глиняной утвари, не совсѣмъ входилъ въ общій кругъ культуры Виллановы, сохраняя въ видѣ своихъ украшеній предметы, которые въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ древнѣйшихъ некрополяхъ Этруріи, съ которыми было наиболѣе связи у Лаціума, почти совсѣмъ не встрѣчаются, а попадаютъ лишь въ могильникахъ при-болоньскихъ или вообще по сѣверную сторону Апенниновъ, какъ это показываетъ экземпляръ, найденный въ Веруккіо, близъ Римини. Очевидно, Лаціумъ имѣлъ свои вкусы и не поддавался слишкомъ сосѣднимъ вліяніямъ. Нельзя не повторить здѣсь и сдѣланнаго нами вслѣдъ за приведенными словами замѣчанія относительно того факта, что Альбанскіе могильники не дали намъ ножа столь обычной для культуры Виллановы формы въ видѣ полудувія, а дали изогнутый ножъ, какой изъ этрусскихъ могильниковъ встрѣтился намъ лишь въ Вульчи, но за то встрѣчается къ югу отъ Лаціума и въ Сициліи. Такъ какъ въ Лаціумѣ онъ встрѣчается не только

въ сѣверной, болѣе ранней, части Альбанскаго некрополя, но и въ южной, то естественно заключить о продолжительности періода его употребленія, между тѣмъ какъ въ Вульчи⁵¹³) онъ принадлежитъ позднѣйшимъ могиламъ а rozzo. Это намъ даетъ поводъ предполагать, что онъ пришелъ въ Лациумъ не съ сѣвера, а съ юга Италіи.

Несомнѣнно, хотя оно и очень ограниченно, вліяніе культуры Виллановы на Лациумъ сказывается въ орнаментации сосудовъ, принадлежащихъ къ типамъ, заимствованнымъ съ праваго берега Тибра. Что вмѣстѣ съ типомъ сосуда заимствовался и свойственный ему орнаментъ, это вполне естественно. Главнымъ образомъ здѣсь обращаетъ на себя вниманіе геометрической орнаментъ, который съ главнымъ своимъ элементомъ, меандромъ, обыкновенно служилъ декорацией характеристическихъ оссуаріевъ Виллановы. Употребленіе же его не могло быть велико въ Лациумъ уже потому, что сами сосуды этого рода, даже и въ видѣ добавочныхъ, не были многочисленны въ могильникахъ Альбанскихъ горъ, а въ обширномъ Эсквилинскомъ некрополѣ Рима и совсѣмъ не встрѣчаются. Какъ мало орнаментъ эпохи Виллановы проникъ въ Лациумъ, видно изъ того, что латинская керамика Альбанскихъ ли горъ, Эсквилинскаго ли могильника, какъ и сосудовъ, воспроизводящихъ древнѣйшія формы въ силу религіозныхъ правилъ, каковы сосуды, найденные въ оградѣ храма Deae Diae, обыкновенно лишены всякаго орнамента, а тѣ, которые его имѣютъ, если они—не заимствованныхъ формъ, ничего не знаютъ о геометрической орнаментации и всячески объ ея системѣ. Рѣчь объ этомъ орнаментѣ у насъ будетъ въ слѣдующей главѣ и потому здѣсь о немъ больше не станемъ распространяться.

Займствованіе орнамента

Что касается до могильной формы колодца, то она, какъ это было уже замѣчено, хотя и принадлежитъ періоду Виллановы, но въ Альбанскихъ горахъ форма эта, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ не представляла архитектурнаго развитія и разнообразія, какія были свойственны могиламъ а rozzo къ сѣверу отъ Тибра и какія можно видѣть въ шести образцахъ на таблицѣ, приложенной мною къ статьѣ «О томъ, откуда пришли и кто были Латиняне», и въ трехъ на табл. XXXIV (фиг. 3, 4, 5) настоящаго сочиненія.

Заключая нашу рѣчь о Латинянахъ Альбанскихъ горъ, мы должны повторить свое несогласіе съ мнѣніемъ г. Пинцы, который хотя и не повторяетъ теперь своего прежняго заявленія, будтобы Альбанскіе могильники принадлежатъ хронологически уже второму періоду Виллановы, но все-таки утверждаетъ⁵¹⁴), что «хронологически эти могильники нѣсколько новѣе наиболѣе древнихъ могилъ а rozzo въ Этруріи». Мы принимаемъ во вниманіе эту поправку, но находимъ

ее недостаточную и потому позволяемъ себѣ оставаться при своемъ убѣжденіи, въ которомъ, къ счастью, находимъ опору въ такихъ компетентныхъ судьяхъ, какъ Пигорини ⁵¹⁵) и покойный Ундсетъ ⁵¹⁶), что Альбанскій некрополь въ древнѣйшей своей части представляетъ болѣе древній типъ культуры, чѣмъ вся культура Виллановы, и что онъ древнѣе этой культуры по своему происхожденію. Правда, большую древность этого типа не отрицаетъ теперь и г. Пинца; но для него предметы керамики и бронзы, ее представляющіе, суть только «воспоминанія о болѣе древнихъ временахъ», *reminiscenze dei tempi anteriori*, или «пережитки», *sorgavivenze*, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, которые продолжали держаться и при новой фазѣ культуры. Пережитки есть у всякаго народа, но когда эти пережитки, какъ урна-хижина, держатся упорно, составляя одну изъ отличительныхъ чертъ культурной обстановки, то это значитъ, что обстановка эта покоится на крѣпко установившихся началахъ, которые восходятъ къ тому времени, когда, напримѣръ, другого типа погребальной урны, какова двуконическая урна Виллановы, еще не было. Это для насъ будетъ еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что Альбанскія горы даютъ намъ и наидревнѣйшіе типы этой урны-хижины, начиная съ ея простѣйшей формы (принадлежитъ Ватиканскому музею), гдѣ стѣна и кровля совсѣмъ не отдѣляются другъ отъ друга. Уже на этомъ основаніи мы не можемъ дать первенство урнамъ Ветулоніи или Тарквиній, какъ и вообще урнамъ-хижинамъ Этрурїи передъ альбанскими. Ясное дѣло, что если-бы Альбанскій некрополь начался позднѣе другихъ, съ которыми его сравниваютъ, то онъ обнаружилъ бы и больше общихъ чертъ съ некрополями Виллановы: онъ усвоилъ бы себѣ и типическую урну Виллановы, а не замѣнялъ-бы ее урной-хижиной или урной овоидальнаго вида съ глиняной веревкой вокругъ шеи (табл. XXXIII фиг. 4), представляющей собой типъ сосуда еще, какъ мы видѣли, неолитической эпохи, или урной съ двойной ручкой съ крышкой въ видѣ кровли (*Ibid.* фиг. 5), а не обернутой миски, какою покрывался сосудъ Виллановы, онъ обнаружилъ бы въ себѣ и больше роскоши въ бронзовыхъ предметахъ, какъ и больше новизны въ ихъ типахъ, а не представилъ бы намъ украшенія головной булавки въ видѣ колесика эпохи террамаръ, какого не знаютъ этрусскіе могильники, и т. п.

Все это насъ заставляетъ думать, что арїйское населеніе Альбанскихъ горъ заняло свои мѣста еще въ ту переходную отъ бронзовой культуры къ началу желѣзнаго вѣка эпоху, о которой намъ говорятъ древности Аллюмбере и Тольфы, гдѣ нашлась еще обоюдоострая бритва террамаръ (табл. XXX, фиг. 5), что какъ нельзя болѣе

согласуется съ принимаемой нами эпохой расселенія обитателей свайныхъ построекъ долины По по Италіи вслѣдствіе обстоятельствъ, которыхъ еще не оказалось возможнымъ выяснитъ. Данныя Альбанскихъ могильниковъ дають намъ право думать, что въ нихъ погребалось арійское населеніе приблизительно съ конца XI вѣка до Р. Хр., когда оно явилось сюда еще съ преобладаніемъ культуры террамаръ, до періода привоза иностранныхъ или этрусскихъ издѣлій, т.-е. до VIII—VII вѣка включительно, когда появляются въ могильникахъ этихъ горъ начатки трупопогребенія въ могилахъ а fossa вмѣстѣ съ привозными предметами такъ-называемаго въ Италіи «восточнаго искусства». Конецъ этого трех- или четырехвѣкового, такъ сказать, вступительнаго періода латинской жизни какъ разъ совпадаетъ съ начальнымъ періодомъ Рима, древнѣйшіе могильники котораго говорятъ уже о проникновеніи на его территорію предметовъ иностранной торговли. Возникновеніе Рима и дѣйствовавшія на близкомъ разстояніи внѣшнія вліянія дали жизни этого племени новое направленіе. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію условій возникновенія въ этомъ важнѣйшемъ центрѣ Италіи новаго рода культуры, мы должны обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію той культурной фазы, которая непосредственно этому новому періоду предшествовала и до извѣстной степени его подготовила. Эта — та фаза, о проявленіяхъ которой мы часто говорили и которая называется періодомъ Виллановы или началомъ желѣзнаго вѣка (первымъ желѣзнымъ вѣкомъ).

ГЛАВА VII.

Первый желѣзный вѣкъ въ Италіи. Культура Виллановы.

Центръ куль-
туры Вилла-
новы и ея рас-
пространеніе

Періодъ италійской жизни, называемый обыкновенно, хотя не совсѣмъ точно, періодомъ культуры Виллановы, по имени могильника этого имени (въ 8 верстахъ отъ Болоньи, въ которомъ она въ первый разъ была открыта), есть періодъ очень богатый сохранившимися памятниками. Главная масса этихъ памятниковъ хранится въ Болоньскомъ музеѣ (Museo Civico), въ Флорентинскомъ археологическомъ музеѣ и во многихъ мѣстныхъ музеяхъ городовъ, принадлежавшихъ въ древности Этруріи, какъ въ Тарквиніяхъ (Корнето), Кьюзи, Орвьето и др. Всего больше ихъ найдено тамъ, гдѣ было мѣсто сосредоточенія этой культуры и центръ ея распространенія, именно къ сѣверу отъ Апеннинъ, къ югу отъ По, на территории, которая съ Запада ограничивалась рѣкой Панаро, съ Востока Адриатическимъ моремъ вплоть до Римини. Главнымъ центромъ среди этой мѣстности была Болонья (у Римлянъ *Вопоніа*, у Этрусковъ и Умбровъ *Фельсина*), въ которой и около которой найдена главная масса глиняныхъ и бронзовыхъ произведеній, составляющихъ отличительный характеръ этой культуры, найдена частію въ складахъ и въ остаткахъ жилищъ, но преимущественно въ характеристическихъ могилахъ періода Виллановы, въ могилахъ колодцемъ, *tombe a rozzo*, по выраженію итальянскихъ археологовъ. Могилы эти, въ первый разъ встрѣтившіяся въ могильникѣ Виллановы, имѣнія графа Гоццадини, до того тѣсно связаны съ характеромъ этой культуры, что по нимъ всего легче можно прослѣдить ея распространеніе, тѣмъ болѣе, что онѣ обыкновенно сопровождаются и составляющимъ ихъ необходимую принадлежность оссуаріемъ совершенно типической формы: два усѣченныхъ конуса, соединенные въ своихъ основаніяхъ. Гдѣ эти своеобразныя могилы и гдѣ въ нихъ эти типическіе оссуаріи, тамъ, значитъ, и несомнѣнные слѣды распространенія культуры Виллановы. Такія могилы и такіе оссуаріи были най-

дены также къ югу отъ Апенниновъ въ древнѣйшихъ, могильникахъ разсѣянныхъ по территоріи древней Этруріи, преимущественно юго-западной. Въ свое время ихъ перечислялъ норвежскій археологъ Ундсетъ и, начиная отъ устья Тибра, наименовалъ слѣдующія мѣстности: Черветри (древн. Цере), Аллюмере и Тольфу около Чивитабекки, Корнето (Тарквиніи), Вульчи, Козу, Гроссето и Рузелле (древн. Rusellae), Вегулонію, Волтерру (древн. Volaterrae), Ливорно, Сиену, Кортону, Перуджію (древн. Perugia), Кьюзи (древн. Clusium), Орте, Орвieto, Бомарцо. Къ нимъ онъ присоединилъ еще островъ Эльбу, затѣмъ Вей, Витербо, Совану, Аретцо (Arretium). Десять лѣтъ спустя послѣ появленія изслѣдованія Ундсета были найдены многочисленныя могилы этого типа въ юго-восточной Этруріи, въ землѣ Фалисковъ: на горѣ Монгарано, на холмѣ Нарче и на горѣ С.-Анджело. Изъ множества найденныхъ въ нихъ предметовъ составила часть музея въ окрестностяхъ Рима, Villa Giulia, неправильно называющагося «Этрүскимъ музеемъ». Но вліяніе этой культуры не остановилось на правомъ берегу Тибра: оно чувствовалось въ извѣстной степени и въ Лаціумѣ, какъ мы это видѣли, и даже въ Южной Италіи, такъ что типическій сосудъ Виллановы былъ найденъ даже въ Кумахъ, а въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ въ Капуѣ, въ Таранто и въ Торре дель Мордило (въ Ближней Калабріи). Отсюда видно, какъ культура эта была сильна среди италійскихъ народовъ, принесшихъ на Апеннинскій полуостровъ обрядъ трупосожженія: она распространялась по полуострову вмѣстѣ съ распространеніемъ самого племени, оказывая вліяніе на туземцевъ, но уступая и ихъ культурѣ тамъ, гдѣ арійскіе пришельцы оказались малочисленными, пока не была, наконецъ, подавлена новыми сильнѣйшими культурными вліяніями — на Сѣверѣ и въ центрѣ этрусскимъ, на Югѣ — греческимъ.

Существенныя черты культуры Виллановы замѣчаются въ слѣдующемъ: трупосожженіе, могилы колодцемъ, оссуарій, имѣющіе форму двухъ усѣченныхъ неравныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ, появленіе добавочныхъ погребальныхъ сосудовъ, геометрической орнаментъ, возведенный въ систему, литая бронза, разнообразіе и богатство бронзовыхъ предметовъ, присутствіе желѣза сначала въ видѣ рѣдкости, какъ матеріала для украшеній, а затѣмъ и для оружія, наконецъ, появленіе буквенныхъ знаковъ на разныхъ предметахъ. Культура эта совсѣмъ новая въ Италіи. Съ культурой террамаръ она имѣетъ лишь одно сходство: обрядъ трупосожженія. Откуда взялась она?

Это вопросъ очень важный, но еще не разъясненный. Пиго-

Происхожденіе культуры Виллановы

рини ⁵¹⁸⁾ прежде высказывалъ мнѣніе, что культура Виллановы есть произведеніе Средней Италіи, гдѣ она возникла подѣ вліяніемъ «новыхъ иммиграцій». При этомъ онъ приводилъ въ основаніе вполнѣ вѣрную мысль Кьеричи, что въ Верхней Италіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ постепеннаго перехода отъ бронзоваго вѣка къ началу желѣзнаго. Вступивъ на этотъ путь предположеній, онъ нѣсколько позже ⁵¹⁹⁾ высказался яснѣе и именно въ томъ смыслѣ, что къ этой новой фазѣ культуры пришли прежде всего бывшіе обитатели террамаръ, когда они, поселившись на берегахъ Тибра, вошли въ соприкосновеніе съ новыми людьми, высадившимися на берега Италіи Средней и Южной. Потомъ онъ сталъ думать иначе. Онъ сталъ находить, что переходъ отъ одной культуры къ другой совершился въ самой долинѣ По путемъ естественной эволюціи,—другими словами, что культура Виллановы развилась изъ культуры террамаръ подѣ дѣйствіемъ на нее иноземныхъ вліяній, шедшихъ съ Востока. Это онъ высказывалъ при всякомъ случаѣ, начиная, по крайней мѣрѣ, съ 1884 года ⁵²⁰⁾ и высказалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ еще недавно ⁵²¹⁾, говоря даже, что онъ старался сдѣлать это положеніе «очевиднымъ». Читатель имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ высоко наше уваженіе къ ученымъ заслугамъ Пигорини, истиннаго вождя итальянской палео-этнологіи и одного изъ основателей этой науки на почвѣ Италіи; но въ данномъ случаѣ мы не находимъ возможности стоять съ нимъ на одной дорогѣ, какъ это ему хорошо извѣстно и изъ личныхъ бесѣдъ нашихъ, изъ которыхъ я всегда извлекалъ столько для себя поучительнаго.

Мнѣніе Пигорини о происхожденіи ея изъ террамаръ

Мнѣніе Пигорини о превращеніи бронзовой культуры террамаръ въ культуру перваго желѣзнаго вѣка или, какъ это говорится, въ культуру Виллановы имѣло бы надлежащее основаніе лишь въ томъ случаѣ, если бы между предметами керамики, бронзовыми и другими издѣліями была видна преемственная связь, которая бы и показывала, какъ одна культура переходила въ другую. Но это преемство связи между той и другой фазой культуры въ долинѣ По отвергалъ не только Кьеричи, но и самъ Пигорини, какъ тогда, когда онъ, выводя культуру Виллановы изъ Средней Италіи, ссылаясь на заявленіе Кьеричи объ отсутствіи какого бы то ни было постепеннаго перехода изъ одной культуры въ другую (см. выше), такъ и тогда, когда онъ спорилъ съ Бриціо, который производитъ бронзовую культуру террамаръ изъ культуры Виллановы. Въ своей превосходной статьѣ, подѣ заглавіемъ «*Comparazioni tra i fondi di capanne dell'età della pietra, le terremare dell'età del bronzo e le necropoli del periodo di Villanova*» ⁵²²⁾, онъ привелъ для своего противника не мало со-

ображеній о томъ, что различіе въ бронзовой культурѣ террамаръ и Виллановы не допускаетъ возможности вліянія послѣдней на первыя, а за тѣмъ три года спустя ⁵²³), онъ высказываетъ слѣдующее любопытное соображеніе. «Хотя я стою на томъ, что культура, открываемая подобными могилами (т. е. Виллановы), происходитъ изъ культуры, о которой свидѣтельствуютъ террамары, я все-таки признаю, что археологическій матеріалъ одной въ высокой степени (*grandement*) различенъ отъ матеріала другой, и *понимаю*, какъ поэтому легко притти къ предположенію, что каждая изъ нихъ имѣетъ особое происхожденіе». Признаніе драгоцѣнное, хотя онъ и замѣчаетъ далѣе, что, по тщательномъ сравненіи, разности въ той и другой культурѣ не имѣютъ «всей той важности, какую иные имъ приписываютъ». И на самомъ дѣлѣ, все, что онъ можетъ выставить сходнаго, или имѣетъ лишь гадательный характеръ, или еще ничего не доказываетъ. Такъ, онъ видитъ сходство въ бронзовыхъ мечахъ, которое, пожалуй, еще въ извѣстной степени допустимо (см. напр. табл. XXXI, фиг. 3 или XXXII, фиг. 1 и 2), и *не сомнѣвается* въ томъ, что полудунный ножъ Виллановы (табл. XXIX, фиг. 4) происходитъ изъ обоюдоостраго ножа террамаръ (табл. XX, фиг. 1 и 4; табл. XVI, фиг. 4 и 5), что, однако, можетъ быть высказываемо лишь въ видѣ предположенія, и нѣкоторые ученые, какъ напр. Гёрнесъ ⁵²⁴), даже вовсе не допускаютъ этой теоріи Пигорини; что же касается до серповъ и мелкихъ предметовъ, какъ головныя булавки, то здѣсь нужно имѣть въ виду, что и эти серпы, и мелкіе предметы украшеній найдены уже въ верхнихъ слояхъ террамаръ и принадлежатъ къ эпохѣ внѣшнихъ вліяній, произведшихъ начало желѣзнаго вѣка въ Италіи, и слѣдовательно, не стоявшихъ въ зависимости отъ культуры террамаръ. Далѣе Пигорини находитъ возможнымъ утверждать, что и грубая посуда террамаръ съ рогообразной ручкой также находится въ Виллановѣ въ измѣненномъ видѣ. Слабость этихъ доказательствъ была впрочемъ настолько чувствительна для самого ихъ автора, что, съ одной стороны, онъ старается прикрыться высказаннымъ Ундсетомъ ⁵²⁵) предположеніемъ о возможности открытія современемъ болѣе древнихъ могильниковъ въ Болоннѣ, въ которыхъ обнаружались бы новыя и болѣе ясныя отношенія между обѣими культурами, съ другой — считаетъ себя вынужденнымъ признаться, что его доказательства въ пользу связи керамики террамаръ съ керамикой Виллановы слишкомъ натянуты, ибо онъ говоритъ слѣдующее: «но все-таки внѣ сомнѣній, что различія въ этой посудѣ очень значительны и гораздо больше, чѣмъ аналогіи». Послѣ этого заявленія кажется страннымъ, какъ французскій ученый римской школы Стеф. Гзелъ въ своемъ

очень почтенномъ трудѣ о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Вульчи ⁵²⁶), ссылаясь прежде всего на Пигорини, заявляетъ, что форма урны Виллановы происходитъ изъ террамарь и въ добавокъ упрекаетъ Бриціо въ томъ, что онъ этого сходства вовсе не видитъ.

Фонтанелла и Висмантова—Пигорини ⁵²⁷) основываетъ преимущественно, если не исключительно, промежуточные стоянки на двухъ могильникахъ Сѣверной Италіи: на могильникѣ Фонтанеллы (Fontanella di Casalromano), въ провинціи Мантуи, и на могильникѣ Висмантовы, въ пров. Реджо. По своему археологическому матеріалу, тотъ и другой могильникъ принадлежатъ къ эпохѣ промежуточной между бронзовымъ и первымъ желѣзнымъ вѣкомъ. Въ Фонтанеллѣ, которая нѣсколько древнѣе Висмантовы, находится два некрополя, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ еще энеолитической эпохѣ т.-е. съ матеріаломъ, соответствующимъ Сгурголь и Канталупо-Манделѣ (см. стр. 15); другой именно представляетъ переходную эпоху отъ террамарь къ Виллановѣ. Въ немъ, какъ и раньше его въ Висмантовѣ ⁵²⁸), встрѣтились фибулы съ простой дугой и съ однимъ завиткомъ, такія, какія именно были найдены на Кавказѣ въ могильникахъ Кобани и Казбека, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сходными предметами (ожерелья, браслеты, головныя булавки и др.) привело Кьеричи ⁵²⁹) къ заключенію о вліяніи Кавказа на первый желѣзный вѣкъ въ Италіи. Признанная всѣми (между прочимъ Филимоновымъ, Шантромъ, Вихровымъ, Монтелиусомъ), за заключеніемъ отечественныхъ археологовъ—графа И. И. Толстого и акад. Никод. П. Кондакова ⁵³⁰), большая древность Кобаньскаго могильника, судя по его предметамъ должствующаго восходить еще къ бронзовому вѣку или, по крайней мѣрѣ къ началу желѣзнаго, всего вѣроятнѣе къ концу 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. ⁵³¹), находитъ себѣ, дѣйствительно, серьезное подтвержденіе въ древностяхъ Висмантовы и Фонтанеллы, хронологія которыхъ, какъ могильниковъ, стоящихъ между бронзовой и желѣзной эпохой, не можетъ подлежать никакому спору или сомнѣнію. Но было-ли какое-либо вліяніе Кавказа на Сѣверную Италію этой эпохи, этого мы рѣшить не можемъ. Мы видимъ только, что въ область, въ которой прежде были расположены террамары, стало проникать стороннее вліяніе, выразившееся въ сходствѣ нѣкоторыхъ бронзовыхъ предметовъ даже съ такою отдаленною мѣстностью, каковъ Кавказъ. Но для вліянія культуры террамарь на культуру Виллановы этимъ еще ничего не выиграно. Поэтому Пигорини налегаетъ всего болѣе на то, что изъ могильника Фонтанеллы дошелъ оссуарій (см. табл. XXIV, фиг. 1, 4, 6), который можно счесть прототипомъ извѣстнаго типическаго оссуарія Виллановы. Онъ охотно повторяетъ

его изображеніе въ своемъ *Bullettino* нынѣшняго года (р. 23), сопоставляя его съ недавно появившимся на свѣтъ интереснымъ могильникомъ той-же переходной эпохи (отъ террамаръ къ Виллановѣ), открытымъ въ Южной Италиі, въ Базиликатѣ, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Оссуарій могильника Тиммари, какъ этотъ интересный могильникъ съ трупосоженіемъ называется, дѣйствительно очень похожъ на оссуарій Фонтанеллы. Онъ изображенъ въ томъ-же выпускѣ того-же *Bullettino* на табл. II (фиг. 5). Такимъ образомъ мы знаемъ, что въ долинѣ По уже существовала форма, хотя и въ грубомъ видѣ двуконического сосуда, изъ котораго могъ развиться со временемъ столь характеристическій для эпохи перваго желѣзнаго вѣка и столь распространенный потомъ по Европѣ оссуарій Виллановы. Какъ появилась эта форма, это другой вопросъ. Въ керамикѣ террамаръ также встрѣчаются сосуды, указывающіе на двуконическую форму, каковы напр. оссуаріи изъ Казинальбо и Креспеллано, приводимые на 38 (фиг. 15) и 39 (фиг. 11 и 16) таблицахъ Атласа Монтелиуса; но въ этихъ экземплярахъ образца для сосуда Виллановы мы не видимъ, какъ его не видитъ и Бриціо, наибольшій въ настоящее время знатокъ керамики Виллановы, образцовая коллекція которой находится въ управляемомъ имъ Болонскомъ Museo Civico. Г. Пинца даже выводитъ этотъ образецъ изъ энеолитическаго вѣка, видя его какъ бы прототипъ еще въ сосудахъ могильника Ремеделло (см. выше, стр. 46 слд.), изображеніе которыхъ далъ Колини въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1898 (стр. 97—98); но отъ этихъ широкихъ и неуклюжихъ формъ не только чрезмѣрно далеко до типическаго оссуарія Виллановы, но не близко и до, какъ кажется, родственныхъ послѣднему оссуарію сосудовъ Фонтанеллы и Тиммари.

Такимъ образомъ, двуконическій оссуарій Фонтанеллы, служившій, въ глазахъ Пигорини, такимъ важнымъ свидѣтельствомъ эволюціоннаго перехода бронзовой культуры террамаръ въ культуру Виллановы, служить только однимъ изъ указаній давнишняго существованія въ долинѣ По такой формы сосуда, которая въ развитомъ видѣ стала типическою для оссуаріевъ періода Виллановы. Если даже допустить, что форма эта передана Фонтанеллѣ террамарами, что, по видимому, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ оссуаріѣ Тиммари, занесенномъ въ Базиликату изъ долины По еще въ періодъ, ближе стоявшій къ культурѣ террамаръ, чѣмъ къ культурѣ Виллановы *), то все-таки отъ этого слабого намека на форму сосуда

*) Объ этомъ свидѣствуетъ прежде всего фактъ, что почти во всѣхъ оссуаріяхъ Тиммари нѣтъ ничего кромѣ пепла, какъ и въ оссуаріяхъ террамаръ: во-вторыхъ—форма бритвы, напоминающая еще форму этихъ орудій въ террама-

Виллановы, форму, встрѣчающуюся и въ энеолитическомъ вѣкѣ, намъ кажется невозможнымъ заключать къ эволюционному преемству съ культурой весьма характерической, цѣльной и очень своеобразной.

Несостоя-
тельность тео-
риі о про-
исхожденіи
культуры
Виллановы
изъ терра-
маръ

Нѣтъ, эта, сосредоточенная въ долину По на очень тѣсномъ пространствѣ и перенесенная за Апеннины въ будущую Этрурію, культура долины По имѣетъ совсѣмъ другое происхожденіе. Что въ нее могло и должно было попасть что-нибудь изъ наслѣдства процвѣтавшихъ по сосѣдству террамаръ, это понятно само собой. Но не понятно, какъ культура, вышедшая будто-бы изъ террамаръ, не оставила никакихъ слѣдовъ тамъ, гдѣ эта послѣдняя особенно процвѣтала, именно къ Западу отъ рѣки Панаро, гдѣ находятся провинціи Модена, Реджо и Парма. Фактъ этотъ, на который уже давно обращалъ вниманіе Бриціо ⁵³²), самъ по себѣ достаточенъ, чтобы опрокинуть всѣ доводы, приводимые Пигорини и его послѣдователями, особенно Гзеллемъ, который ихъ формулируетъ ⁵³³), съ особеннымъ тщаніемъ признавая въ то-же время между этими двумя культурами существующія «важныя различія», *des differences importantes*. Различія эти дѣйствительно очень важны. Считаю нужнымъ указать на нихъ, чтобы больше къ нимъ не возвращаться. Но, коснувшись Бриціо, не могу не заявить, что они уже имъ формулированы, и притомъ такъ ясно и положительно, что мнѣ по-неволѣ приходится предоставить слово этому выдающемуся ученому.

Возраженія
Бриціо

«Если-бы культура Виллановы произошла изъ культуры палафиттъ и террамаръ, то должны были-бы оправдаться слѣдующіе факты: 1) некрополи типа Виллановы находились бы въ области, гдѣ террамары были наиболѣе густы и многочисленны, т. е. въ мѣстностяхъ Модены, Реджо и Пармы; 2) некрополи террамаръ должны были-бы представлять какую-либо аналогію съ некрополями типа Виллановы; 3) мѣстныя производства обитателей террамаръ, особенно керамика, должны были-бы продолжаться, по крайней мѣрѣ отчасти, и въ стоянкахъ, занятыхъ народами, которымъ принадлежатъ могилы типа Виллановы.

«Наоборотъ открытіями доказано: 1) что во всемъ поясѣ, простирающемся отъ лѣваго берега Панаро до Треббії, гдѣ насчитывается такъ много террамаръ, нигдѣ не появился некрополь типа Виллановы; 2) что некрополи террамаръ, за исключеніемъ погребальнаго обряда сожженія, не имѣютъ съ некрополями типа Виллановы ничего общаго. Ибо въ первыхъ оссуаріи принимаютъ самыя разнообразныя формы, но

рахъ. См. объ этомъ въ письмѣ Ридолы къ Пигорини въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1901 (XXVI), p. 39—40.

никогда той типической, такъ сказать священной формы могилъ Виллановы. Осуаріи обитателей террамаръ клались не внутрь выкопанныхъ и отличныхъ одна отъ другой ямъ, а на поверхности земли, на общей обширной плоскости, прилегая одни къ другимъ такъ, что иногда на одномъ квадратномъ метрѣ поверхности ихъ содержитсяъ больше тридцати. Не только это одно, но часто они открываются расположенными въ двухъ слояхъ непосредственно лежащихъ одинъ надъ другимъ, такъ что иногда верхній осуарій проникалъ въ нижній слой. Въ могилахъ типа Виллановы, напротивъ, характеристично расположеніе осуарія внутри глубокой ямы, нарочито выкопанной. Въ нее бросалось, кромѣ того, все, что только принадлежало усопшему, большею частію будучи приведено въ куски: въ некрополяхъ обитателей террамаръ никогда не находится ничего изъ принадлежавшаго умершимъ. 3) Керамика террамаръ всецѣло различна отъ керамики стоянокъ, занятыхъ народомъ, которому принадлежать могилы типа Виллановы. Въ самомъ дѣлѣ, особенность террамаръ составляютъ лунообразныя и желобчатыя ручки, которыя тамъ набираются сотнями. Но приблизительно въ 800 хижинъ, изслѣдованныхъ Цаннони въ Болоньѣ и содержавшихъ безчисленные осколки сосудовъ съ нарѣзными рисунками типа Виллановы, не было усмотрѣно ни одной ручки, какъ лунообразной, такъ и желобчатой»⁵³⁴).

Приведа эти возраженія, указывающія, какъ онъ говоритъ, на «существенныя, глубокія различія» между культурой террамаръ и культурой Виллановы, проф. Бриціо считаетъ себя вправѣ сохранять свое мнѣніе, что «культура Виллановы не составляетъ ни продолженія, ни развитія культуры террамаръ».

Возраженія эти такъ рѣшительны, что они не допускаютъ ни малѣйшаго компромисса. Они отвергаютъ гипотезу Пигорини всецѣло, не находя въ ней никакого основанія, на которомъ она могла бы поддерживаться. Впослѣдствіи Пигорини не разъ⁵³⁵) указывалъ на слѣды существованія рогообразной ручки въ керамикѣ могильниковъ типа Виллановы или на «мотивъ» ея, какъ выражается слѣдующій всецѣло его гипотезѣ Гзелль⁵³⁶), равно какъ⁵³⁷) на существованіе въ террамарахъ сосуда въ формѣ двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ (выше мы указывали на далекія формы такихъ сосудовъ въ Казинальбо и Креспеллано), но для всякаго ясно, что эти, такъ сказать, притянутыя за волосы, сближенія не способны дать сколько-нибудь значительную поддержку гипотезѣ, противъ которой говорятъ факты рѣзкаго различія между двумя культурами, крупные, ясные и положительные. Спорадическое появленіе тамъ и сямъ рогообразной ручки, и при томъ нерѣдко лишь въ слабomъ на нее на-

мерѣ, какъ напр. въ Вульчи, по нашему мнѣнію такъ-же рѣшительно не можетъ считаться аргументомъ въ пользу теоріи Пигорини, какъ и появленіе во всей массѣ посуды террамаръ нѣсколькихъ сосудовъ, напоминающихъ двуконическую форму. Что можетъ значить какой-нибудь положимъ десятокъ такихъ ручекъ, разбѣянныхъ среди массы некрополей Этруріи, сравнительно съ приводимымъ Бриціо фактомъ, что въ восьми стахъ приблизительно болонскихъ хижинъ не нашлось ничего подобнаго! Бриціо не присоединилъ къ приведеннымъ имъ фактамъ еще двухъ другихъ, которые, однако, имѣютъ не меньше значенія, чѣмъ имъ формулированные: я имѣю въ виду кованую бронзу могильщиковъ Виллановы въ противоположность исключительно литой бронзы террамаръ и геометрическаго орнамента, котораго въ террамарахъ нѣтъ и въ зародышѣ. Правда, эти факты говорятъ, главнымъ образомъ, о новой фазѣ культуры долины По, но они въ то-же время усиливаютъ развиваемое нами положеніе, что между культурой террамаръ и культурой Виллановы нѣтъ точекъ соприкосновенія, хотя территоріи той и другой и соприкасались одна съ другой. Самъ Пигорини ⁵³⁸) указываетъ, хотя по другому случаю, на террамары Баццано, на границахъ Моденской и Болонской провинцій, и Реду въ Моденской, какъ на такія, которыя, несмотря на свою близость къ некрополямъ типа и періода Виллановы, не дали ровно «ничего виллановіанскаго» (*nulla di villanoviano*). Онъ говоритъ по этому поводу: «нельзя допустить, чтобъ матеріалъ такихъ стоянокъ и утварь сошедшихъ некрополей не имѣли ничего общаго, еслибъ двѣ культуры, ими представляемая, были въ извѣстный періодъ современны». Мы къ его словамъ считаемъ себя вправе прибавить: нельзя допустить, чтобъ эти культуры не имѣли ничего общаго, если-бъ одна изъ нихъ произошла изъ другой.

Мы остановились на опроверженіи теоріи Пигорини о происхожденіи культуры Виллановы изъ культуры террамаръ нѣсколько долѣе, чѣмъ для хода нашего сочиненія желательно, лишь потому, что она принадлежитъ лицу, авторитетъ котораго для насъ столь-же важенъ въ рѣшеніи вопросовъ, гдѣ мы радикально расходимся, какъ и тамъ, гдѣ мы находимъ всѣ основанія ему слѣдовать.

Произведеіе культуры Виллановы изъ энеолитическаго періода и странность этой теоріи

Совсѣмъ другую теорію о происхожденіи культуры Виллановы составилъ себѣ г. Пинца. Онъ выводитъ эту культуру непосредственно изъ энеолитическаго періода ⁵³⁹) и только позволяетъ ей усовершенствоваться подъ вліяніемъ сношеній заграничныхъ и съ террамарами. Мы подвергали ее нѣкоторому разбору по отношенію ея къ Альбанскому некрополю и тогда еще нашли въ ней много произвольнаго. Теперь мы останавливаться на ней не будемъ. Для всякаго ясно, что

у народовъ, принимающихъ новую культуру, долго еще остаются слѣды старой, которая въ извѣстной долѣ сливается съ прежнею; такъ было, конечно, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ потомъ привилась культура Виллановы. Но думать, что эта культура, характеристическая, тицичская, съ ясно опредѣленными чертами, произошла непосредственно или прямо (*direttamente*, по выраженію г. Пинцы) изъ неолитическаго или энеолитическаго слоя населеній долины По и Южной Этрурии, значить имѣть о ней представленіе, слишкомъ своеобразное и не для всякаго, знакомаго съ существенными элементами этой культуры, понятное. Элементы неолитической или хотя бы энеолитической культуры и культуры Виллановы до такой степени различны, начиная съ трупосоженія и кончая кованою бронзою и желѣзомъ, что, право, можно лишь удивляться, какъ можно было притти къ мысли о ихъ родствѣ или преемственной связи.

* * *

Читатель уже знаетъ, что обитатели террамаръ, какъ это, по нашему мнѣнію, съ полною научностью установлено Пигорини, покинули свои свайныя постройки въ концѣ бронзоваго вѣка, когда начали проникать въ долину По новыя культурныя вѣянія, и двинулись по побережью Адриатическаго моря въ Пиценъ и далѣе, съ одной стороны черезъ Апеннины въ долину Тибра, съ другой далѣе къ Югу, пока не дошли до Ионическаго моря. Причина этого исхода изъ наспяженныхъ мѣстъ долины По намъ не извѣстна. Можно утверждать съ большей долей увѣренности лишь одно: исходъ этотъ не былъ добровольнъ. Осѣдлые народы не оставляютъ своихъ мѣстъ по прихоти. Въ данномъ случаѣ намъ поможетъ уяснить себѣ дѣло появленіе въ юго-восточномъ углу долины По новаго народа, который словно вырастаетъ изъ-подъ земли, разомъ являясь намъ съ новой культурой, далеко превосходящей культуру террамаръ изяществомъ вкуса и техническимъ прогрессомъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній думать, что народъ этотъ жилъ между рѣкой Панаро и Адриатическимъ моремъ еще въ бронзовую эпоху, которой принадлежатъ террамары: самая ранняя культура его въ этихъ мѣстахъ говоритъ ясно и положительно о болѣе позднемъ періодѣ, о періодѣ начала желѣзнаго вѣка. Слѣдовательно, онъ утвердился въ этихъ мѣстахъ тогда, когда обитатели террамаръ вышли изъ своихъ свайныхъ построекъ и двинулись къ Югу. Но движеніе этого новаго народа въ нынѣшнюю Романью не было-ли тою серьезною причиною, по которой обитатели террамаръ покинули свои свайныя поселенія? Предположеніе въ та-

комъ смыслѣ мы уже дѣлали раньше. Повторяемъ его теперь на своемъ мѣстѣ, какъ наиболѣе вѣроятное.

Умбры въ до-
лину По

Эти новые пришельцы были не Этруски, которые, по Гельбигу ⁵⁴⁰), двинувшись изъ Ретійскихъ Альпъ въ долину По, положили конецъ эпохѣ террамаръ. Этруски, какъ мы увидимъ, пришли въ Италію не изъ-за Альпъ и не въ эту эпоху. Народъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ народомъ, родственнымъ обитателямъ террамаръ. Онъ такъ-же, какъ и эти послѣдніе, сожигалъ умершихъ и говорилъ языкомъ одного съ ними корня, не только языкомъ семьи арійской, но и той именно семьи, которую принято называть италійскою. Это не могли быть ни Венеты, которые никогда не переходили черезъ По; это не были Галлы, вторженія которыхъ въ Италію начались если и раньше 4-го вѣка до Р. Хр., куда ихъ относитъ Исторія, то во всякомъ случаѣ далеко позже періода, къ которому относятся древнѣйшіе памятники искомаго нами народа. Это могли быть только Умбры, древнѣйшіе обитатели этихъ мѣстъ по историческимъ преданіямъ, народность, которая раньше другихъ италійскихъ народностей арійскаго корня сдѣлалась извѣстною греческимъ жителямъ. На Умбровъ именно указываетъ Геродотъ ⁵⁴¹), когда говоритъ о прибытіи выходцевъ изъ Лидіи, Этрусковъ (Тирренцевъ), къ берегамъ Итали. Владѣнія ихъ, по представленію Геродота, были такъ обширны, что простирались до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Италиа, такъ какъ впадающія въ Дунай рѣки Карписъ и Альписъ, подъ которыми разумѣютъ Драву и Саву, вытекаютъ изъ страны, лежащей надъ страню Умбровъ ⁵⁴²). Имѣя большіе предѣлы, Умбры были и народомъ многочисленнымъ. По сообщенію Плинія ⁵⁴³), Этруски отняли у него *триста городовъ*. Плиній же ⁵⁴⁴) говоритъ и о томъ, что Умбры считаются древнѣйшимъ народомъ Италиа. Діонисій Галикарнасскій ⁵⁴⁵), съ своей стороны, приписываетъ Умбрамъ и широкіе предѣлы, и многочисленность, и большую древность. Изъ этихъ свидѣтельствъ выходитъ, что территория, которую занимала Умбрія въ историческое время, будучи ограничена съ Сѣвера Рубикономъ, съ Юга Пиценомъ и землей Сабинянь, съ Востока Адриатическимъ моремъ, съ Запада Этруріей, была слишкомъ суженная территория въ сравненіи съ до-историческими предѣлами этого народа. Что она простиралась къ Западу до Тирренскаго моря, объ этомъ говорить, съ одной стороны, вышеуказанное заявленіе Геродота о томъ, что эмигранты изъ Лидіи, т. е. Этруски, отплывъ изъ Смирны, высадились въ землѣ Умбровъ, именно на берегахъ Тирренскаго моря, какъ это свидѣтельство Геродота поясняетъ Діонисій Галикарнасскій ⁵⁴⁶), прибавляя при томъ, что тамъ въ то время обитали Умбры; съ другой—о томъ же говоритъ рѣка

Umbro, впадающая въ Тирренское море, и рядомъ съ нею мѣстность, называвшаяся Umbria, какъ говоритъ Плиніи ⁵⁴⁷), по которому и вся Этрурія прежде была населена Умбрами: только, по его словамъ, ихъ изгнали не Этруски, а Пелазги, которые потомъ были изгнаны Этрусками ^{547 а}). Ясно во всякомъ случаѣ, что преданіе объ Умбрскомъ населеніи на территоріи между Арно и Тибромъ было твердо какъ у греческихъ, такъ и у римскихъ писателей. Въ принадлежности имъ Этруріи до Этрусковъ не сомнѣваются впрочемъ и важнѣйшіе изъ новыхъ историковъ, какъ Нибуръ ⁵⁴⁸), Швевлеръ ⁵⁴⁹), Моммзенъ ⁵⁵⁰), Отфр. Мюллеръ ⁵⁵¹). Всѣ они между прочимъ указываютъ на прежнее названіе Клузія (Clusium) *умбрскимъ* именемъ Camars или Camers (Liv. X, 25), гдѣ жила умбрская народность Camertes (Polyb. I, 19,5), какъ и на очевидную связь имени умбрскаго города Ameria съ Castrum или Castellum Amerinum въ Этруріи (нын. Орте?). Но прежде, чѣмъ проникнуть за Апеннины и дойти до устьевъ Тибра, Умбры должны были обитать въ долину По. Относительно этого пункта также вполнѣ согласны писатели, хотя границы ихъ тамъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго сообщенія Геродота были неопредѣленны. Моммзенъ ⁵⁵²) допускаетъ, что въ древнѣйшее время Умбры владѣли всею Сѣверной Италіей, ограничиваемые съ Востока иллирійскимъ племенемъ, а съ Запада Лигурами. Заявленіе это не болѣе опредѣленно, чѣмъ и сообщеніе Геродота, подводящее владѣнія Умбровъ до тѣхъ мѣстъ, выше которыхъ берутъ истоки Драва и Сава. Мы не знаемъ, когда Венеты вторглись въ Италію и до какого пункта простирались ихъ владѣнія въ періодъ Виллановы, какъ не знаемъ и того, гдѣ въ это время начинались восточные предѣлы Лигурійскаго племени, оттѣсненнаго обитателями террамаръ изъ долины нижняго По. Археологически жизнь арійскаго племени въ этой долинѣ въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до Р. Хр. свидѣтельствуется къ югу отъ По лишь между рѣкой Панаро и Адриатическимъ моремъ, а къ сѣверу отъ По въ окрестностяхъ города Эсте, который лежитъ уже въ Венетской области, но территорія котораго могла принадлежать въ то время еще Умбрамъ, какъ и думаетъ Бриціо, ^{552 а}), на основаніи сравненія археологическаго матеріала Эсте и Болоньи. Тексты же говорятъ прямо лишь о томъ, что Умбрами по Сѣверную сторону Апеннинъ былъ занятъ адриатическій берегъ отъ Равенны до Римини включительно, за которымъ шла потомъ уже собственная приморская Умбрія почти до Анконы (до рѣки Aesis, нын. Esino), носившая вслѣдствіе Галльскаго завоеванія названіе Ager Gallicus ⁵⁵³). О томъ, что и Равенна и Римини были Умбрскими поселеніями, ясно говоритъ Страбонъ ⁵⁵⁴). Фактическимъ и особенно важнымъ подтвержденіемъ принадлежности Римини Умбрамъ служитъ находящійся близъ

него и разрытый въ 1894—1895 гг. богатый данными могильникъ Веруккю, описаніе и изслѣдованіе котораго сдѣлано Бриціо ⁵⁵⁵), и о которомъ мною было говорено въ одной изъ статей еще въ 1899 г. ⁵⁵⁶). Древности этого могильника, изъ которыхъ одна часть относится къ древнѣйшей порѣ культуры желѣзнаго вѣка, выражаемой въ при-болоньскихъ могильникахъ древностями могильника Беначчи I, а другая соотвѣтствуетъ болѣе поздней культуры могильника Арноальди, являюся живымъ свидѣтельствомъ, что народъ при-болоньскихъ могильниковъ и народъ окрестностей Римини одинъ и тотъ-же. Наконецъ, Моммзенъ ⁵⁵⁷) считаетъ возможнымъ приписать Умбрамъ основаніе устьевъ По двухъ древнѣйшихъ тамъ приморскихъ городовъ: Гатрія и Спины въ силу «явно италійскихъ именъ». Гатрія (иначе Гадрія и Адрія)—*Schwarzsladt* (черный городъ), а Спина *Dornstadt* (колючій городъ?). Такимъ образомъ, пребываніе Умбровъ въ раннюю эпоху къ сѣверу отъ Апеннинъ, и именно между рѣкой Панаро и Адриатическимъ моремъ удостовѣрено, съ одной стороны, археологическими данными, съ другой литературными свидѣтельствами, основанными на фактахъ позднѣйшаго пребыванія ихъ въ мѣстахъ Адриатическаго побережья отъ Равенны до Римини, и, наконецъ, названіями древнѣйшихъ городовъ въ устьяхъ По ⁵⁵⁸).

Откуда пришла Умбры въ Италію?

Откуда же пришелъ этотъ народъ въ Италію?

Онъ пришелъ, какъ и народъ террамаръ и Венетскихъ палафиттъ изъ-за Альпъ, но вѣроятно не всего не тѣмъ путемъ, какимъ пришелъ этотъ послѣдній. Бриціо, который до сихъ поръ является главнымъ представителемъ теоріи, что культура Виллановы принадлежитъ Умбрамъ, выводитъ ⁵⁵⁹) этотъ народъ изъ Восточныхъ Альпъ, изъ мѣсть, гдѣ протекають Драва и Сава), т.-е. по Геродоту ⁵⁶⁰), изъ страны, лежащей надъ Умбрами, до которой владычество этого народа простиралось въ то время, когда онъ жилъ уже въ Италіи. Бриціо предполагаетъ что Умбры пришли изъ Карнійскихъ Альпъ, и это самое вѣроятное предположеніе, такъ какъ проходъ черезъ Юліевы Альпы слѣдуетъ предоставлять Венетамъ, народу иллирійскаго племени, который, какъ показываютъ археологическія данныя главнаго изъ Венетскихъ могильниковъ въ Италіи, именно въ Эсте, долженъ былъ уже давно проникнуть въ Италію, если онъ представляетъ намъ такой богатый могильникъ въ эпоху культуры Виллановы и при томъ уже въ южной, далекой отъ пункта вторженія, части занятой ими области. Правда, Бриціо приписываетъ *древнѣйшійя могилы* этого некрополя Умбрамъ и видитъ въ Эсте одинъ изъ этаповъ Умбрской иммиграціи; но съ этимъ позволительно не соглашаться, такъ какъ сходство культуры Эсте съ культурой могильниковъ Виллановы, на которое онъ

главнымъ образомъ опирается, легко объясняется частію общимъ ея псточникомъ для Умбровъ и Венетовъ, частію вліяніемъ культуры Виллановы при-болоньскихъ мѣстностей на болѣе сѣверныя поселенія. Что же касается до свидѣтельства Геродота о пребываніи Умбрскаго населенія еще и въ его время у Восточныхъ Альпъ, чѣмъ Бриціо также думаетъ подтвердить принадлежность древнѣйшаго слоя некрополя Эсте Умбрамъ, то свидѣтельство Геродота по своему характеру должно касаться,—если вообще имъ нужно пользоваться въ вопросѣ о происхожденіи Умбровъ,—всего вѣроятнѣе того времени, когда Умбры представляли изъ себя могущественную націю, предѣлы которой простирались до Альпъ, а не V столѣтія до Р. Хр., когда ихъ могущество было уже вполне сломлено Этрусками какъ къ югу отъ Апеннинъ, такъ и къ сѣверу. Впрочемъ, мы не настаиваемъ на томъ, кому принадлежитъ въ основаніи этотъ замѣчательный некрополь къ сѣверу отъ По, и не отвергаемъ возможности этого направленія пути Умбрской иммиграціи отъ Альпъ къ Апеннинамъ, такъ какъ это вопросъ далеко не ясный; но съ нашимъ, ранѣе высказаннымъ, предположеніемъ, что эта новая иммиграція арійцевъ въ Италію, быть можетъ, была причиною удаленія изъ террамаръ первыхъ иммигрантовъ, болѣе согласно вести Умбровъ изъ Карнійскихъ Альпъ въ Романью нѣсколько болѣе западнымъ путемъ, гдѣ они наткнулись на свайныя поселенія своихъ, ранѣе поселившихся въ долины По, соплеменниковъ и заставили бѣжать ихъ къ Югу, но въ тоже время не соблазнились ихъ смрадными жилищами, чтобъ занять ихъ, а предпочли занять новыя мѣста. На этихъ мѣстахъ, центромъ которыхъ была территория нынѣшней Болоньи, и развилась новая культура, принесенная ими въ основѣ своей изъ мѣстъ ихъ за-альпійскаго пребыванія, та самая культура, которая намъ нѣсколько позже открывается въ цвѣтущемъ развитіи также въ могильникахъ Истріи, Хорутаніи, Крапны и далѣе къ Востоку, но всего блестящѣе представляется знаменитымъ Гальштатскимъ некрополемъ въ Верхней Австріи (Зальцкаммергутѣ), по имени котораго она за Альпами и называется.

Раньше мы видѣли, что Умбры и Латиняне—не одно и тоже, Племенное родство Умбровъ что флексивныя различія въ языкахъ этихъ народовъ указываютъ, что народы эти, будучи вполне родственными, разстались другъ съ другомъ въ очень раннее время и, какъ всего вѣроятнѣе предполагать, еще за Альпами. Къ такимъ именно выводамъ приходятъ лингвисты или глоттологи. Вывода Умбровъ изъ-за Альпъ въ другую эпоху, чѣмъ въ какую пришли въ долину По явившіеся съ начатками бронзовой культуры обитатели террамаръ, мы слѣдуемъ не только лингвистическимъ соображеніямъ, но и даннымъ особой культуры и затѣмъ

болѣе поздняго и потому болѣе сѣвернаго географическаго распространенія этого народа, чѣмъ какое принадлежитъ выходцамъ изъ террамарь, Латинянамъ. Это соображеніе относительно географическаго распространенія того и другого народа, какъ основаніе для заключенія, что ушедшій далѣе къ Югу народъ пришелъ раньше, сдѣлано было еще Моммзеномъ и представляется намъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ его соображеній. Но не всѣ думаютъ такъ, какъ лингвисты (Планта, Декке) и историки (Моммзенъ). Для палео-этнологовъ и археологовъ этого различія между Умбрами и Латинянами какъ-бы не существуетъ. По Гельбигу, жители террамарь были Умбры, которые и дали индо-европейское населеніе Лаціуму, а то, что мы называемъ Умбрами, для него были Этруски. Это—наиболѣе странное мнѣніе. По мнѣнію французскихъ археологовъ Сол. Рейнака и Бертрана ⁵⁶¹), Умбры были «старшими братьями Кельтовъ» (*frères aînés des Celtes*). каково также мнѣніе и Бреалья ⁵⁶²), который признаетъ Умбровъ принадлежащими къ кельтской расѣ, хотя и не находитъ въ сохранившихся данныхъ ихъ языка никакихъ элементовъ, ни фонетическихъ, ни грамматическихъ, кельтскихъ нарѣчій. Такое мнѣніе со стороны выдающагося лингвиста кажется намъ очень страннымъ, но не потому, чтобы мы не считали вовсе возможною принадлежность Умбровъ къ кельтской расѣ, а потому, что онъ языкъ Умбровъ въ Италіи считаетъ не природнымъ, а заимствованнымъ на мѣстѣ, не сообщая, однако, отъ кого именно. Отъ Латинянъ они заимствовать его не могли, такъ какъ мы знаемъ, что діалектически языки Умбровъ и Латинянъ глубоко различны. Во всякомъ случаѣ заявленіе этого рода со стороны Бреалья есть крупная ошибка, которой знаменитый французскій ученый, къ счастью, кажется, больше нигдѣ не повторяетъ. Мнѣніе о принадлежности Умбровъ къ кельтской расѣ также существовало и въ древности, но только у писателей не авторитетныхъ. Таковъ схолиастъ къ Александрійскому поэту-грамматiku Ликофрону ⁵⁶³) и таковъ цитуемый Солпномъ ⁵⁶⁴) латинскій грамматикъ и риторъ, времени Суллы, Антоній Гнифонъ, бывший родомъ изъ Галліи ⁵⁶⁵). Для насъ болѣе важно свидѣтельство Страбона ⁵⁶⁶), который отличаетъ ихъ какъ отъ Этрусковъ, съ которыми ихъ смѣшиваютъ Цицеронъ и Гельбигъ съ ихъ послѣдователями, такъ и отъ другихъ народностей, бывшихъ ихъ сосѣдами въ Сѣверной Италіи: Лигуровъ, Инсубровъ и Венетовъ. Отличаетъ ихъ отъ Кельтовъ, какъ и отъ другихъ сосѣдей ихъ, и Полвій ⁵⁶⁷).

Несостоя-
тельность те-
оріи Серджи
о протосла-
вянскомъ про-
исхожденіи
Умбровъ

и отъ другихъ сосѣдей ихъ, и Полвій ⁵⁶⁷).
Говоря о племенномъ родствѣ Умбровъ, мы не можемъ оставить
безъ вниманія теоріи, недавно высказанной проф. Серджи. Обнаруживъ
раньше значительныя колебанія въ опредѣленіи умбрской народности,
именно считая ихъ сначала за Целазговъ ⁵⁶⁸), т. е. причисляя ихъ,

согласно своей теоріи къ средиземноморской расѣ, къ народамъ хамитскаго или африканскаго племени, онъ потомъ ⁵⁶⁹⁾ прибавилъ къ нимъ примѣсь арійскихъ элементовъ и провозгласилъ ихъ «Италиками (въ его смыслѣ), смѣшанными съ Арійцами». Наконецъ, въ новѣйшемъ трудѣ, нѣсколько разъ нами упомянутомъ и носящемъ названіе «Арійцы и Италики», онъ рѣшается дать Умбрамъ иллирійское или, что у него одно и то-же, *протославянское* происхожденіе. Онъ говоритъ ⁵⁷⁰⁾: «Протославяне или Иллирійцы вторглись въ Италію съ Сѣверо-Востока, заняли Венетскую территорію и спустились до долины Тибра, гдѣ въ области Фалисковъ оставили слѣды своихъ городовъ, построенныхъ сообразно ихъ обычаю, на горныхъ вершинахъ съ оградами изъ камня, какъ они дѣлали это въ Богеміи, въ Истріи, въ Далмаціи, въ Босніи и въ Герцеговинѣ».

Въ своемъ трудѣ о происхожденіи Латинянъ ⁵⁷¹⁾ я старался доказать всю шаткость этой теоріи, не имѣющей ни въ чемъ прочнаго основанія. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что мы вообще мало знаемъ, что такое Иллирійцы, но видѣть въ Иллирійцахъ прото-Славянъ мы еще не имѣемъ никакого научнаго основанія. Славяне, какъ особое племя, появляются поздно, и ихъ движеніе за Дунай относится лишь къ эпохѣ переселенія народовъ, обозначившей собою конецъ древняго и начало новаго міра во всемірной исторіи. Изъ того, что впослѣдствіи многія иллирійскія мѣстности были заняты Славянами, еще не вытекаетъ, что Иллирійцы были прото-Славяне. И наука языковѣдѣнія съ своей стороны также еще не дала какихъ-либо основаній для подобнаго мнѣнія. То обстоятельство, что въ землѣ Фалисковъ, которыхъ Серджи тоже безъ всякаго основанія считаетъ Умбрами, обнаружены горныя поселенія на вершинахъ горъ, обнесенныя кольцеобразными каменными оградами (Ringwälle, по нѣмецкой терминологіи), какъ это встрѣчается въ Истріи (castellieri), въ Босніи, Герцеговинѣ, въ Далмаціи и въ Богеміи (городища), также не можетъ свидѣтельствовать въ пользу прото-славянскаго происхожденія Умбровъ. Такія городища принадлежатъ не однимъ Славянамъ, а разсыяны почти по всей Европѣ и строились еще въ неолитическую эпоху въ Италіи, на Пиринейскомъ полуостровѣ, на Балеарскихъ островахъ и въ другихъ мѣстахъ, куда совсѣмъ не заходили Славяне. Пинца ⁵⁷²⁾ находитъ не мало слѣдовъ такихъ городищъ и въ Лациумѣ, но относитъ ихъ еще къ неолитической эпохѣ, приписывая сооруженіе ихъ Лигурамъ. Правда, Серджи не ограничивается этими доказательствами своей теоріи о происхожденіи Умбровъ, а обращается для поддержки ея и къ помощи своей спеціальности, антропологии. Онъ находитъ антропологическое сходство между нынѣшними обитателями южно-славянскихъ странъ съ древними

ихъ обитателями, Иллирійцами. Но, сводя арійское населеніе Европы къ Кельтамъ, Германцамъ и Славянамъ (о Литовцахъ онъ забылъ, а Грековъ, какъ и «Италиковъ», онъ не считаетъ Арійцами), онъ еще раньше замѣтилъ ⁵⁷³), что «антропология не имѣетъ средствъ для того, чтобъ различать эти три вѣтви въ древности, такъ какъ физическія скелетныя свойства всѣхъ ихъ совсѣмъ не различаются». Такимъ образомъ, прото-славянское происхожденіе Умбровъ ничѣмъ не доказывается.

Позволительно надѣяться, что современемъ языковеденіе съ одной стороны, палео-этнология съ другой лучше установятъ этническое отношеніе Умбровъ къ Иллирійцамъ и Кельтамъ, обнаружатъ связь, безспорно между всѣми этими племенами существовавшую и бывшую болѣе близкою въ тотъ періодъ, когда Умбры жили за Альпами; но до тѣхъ поръ намъ ничего не остается болѣе вѣрнаго, какъ считать Умбровъ принадлежащими къ той-же расѣ (италийской), къ которой принадлежали и пришедшіе изъ террамаръ первые арійскіе обитатели Лациума, древнѣйшіе Латиняне, тѣ *prisci Latini*, которыхъ мы видѣли уединившимися въ Альбанскія горы и выработавшимъ тамъ свою латинскую народность въ теченіе перваго желѣзнаго вѣка. Не мы рѣшительно отвергаемъ тождество Умбровъ съ Латинянами, основанія для чего приведены нами съ достаточною полнотою выше. Иное дѣло—связь ихъ съ сабелльскими племенами: о ней положительнымъ образомъ говоритъ фамиллярная близость языковъ этихъ племенъ къ умброскому, въ противоположность латинскому, о чемъ у насъ была уже раньше рѣчь. Да и древніе, повидимому, чувствовали это ближайшее родство сабелльской вѣтви Италиковъ съ Умбрами, какъ это видно изъ свидѣтельства трезенскаго историка Зенодота, занимавшагося исторіей Умбрин: онъ говорилъ, что Умбры жили когда-то и въ Реатинской области и что Сабиняне, которымъ потомъ принадлежала эта область, тѣ-же Умбры, только перемѣнившіе имя ⁵⁷⁵).

* * *

Могильникъ
Виллановы
мѣстныя ученыя

Періодъ умброской культуры носить названіе періода культуры Виллановы. Вилланова — это могильникъ въ имѣніи графа Гоццадини близъ Болоньи, въ восьми километрахъ къ Юго-Востоку, или точнѣе, къ В. Ю. В., гдѣ, какъ извѣстно въ первый разъ открыты были могилы колодцемъ (а *rozzo*) со всѣми существенными признаками культуры перваго желѣзнаго вѣка. Это было въ 1853—1855 гг., когда были начаты и окончены раскопки могильника. Новизна формы могилъ и заключавшагося въ нихъ археологическаго матеріала съ типическою

урной или оссуаріемъ, представлявшимъ два усѣченныхъ конуса, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ, была такова, что далеко не сразу нашлись въ опредѣленіи культуры и народа, которому она принадлежала. Такъ какъ этой мѣстностью владѣли одно время Этруски, то и могильникъ этотъ сочтенъ былъ *этрускимъ*, какъ и называетъ его въ своемъ отчетѣ ⁵⁷⁶) о раскопкахъ въ немъ хозяинъ его, графъ Джованни Гоццadini. Въ этомъ мнѣніи его поддерживали тогдашніе авторитеты: Минервини, Фабретти и Конестабиле изъ Итальянцевъ, Генценъ и Форхгаммеръ изъ нѣмцевъ, о чемъ онъ самъ сообщаетъ ⁵⁷⁷) въ своемъ описаніи открытаго имъ могильника, посвященномъ членамъ международнаго съѣзда по антропологии и до-исторической археологии, который происходилъ въ 1870 г. въ Болоньѣ. Оправдывая тогдашнюю законность своихъ взглядовъ, Гоццadini ссылается и на то, что въ то время было вообще очень трудно какое-либо другое заключеніе о принадлежности могильника влѣдствіе отсутствія тѣхъ точекъ сравненія, которыя появились лишь впоследствии: не были открыты еще террамары, а свайныя постройки въ Цюрихскомъ озерѣ только еще начали показываться (1854). Если могильникъ принадлежалъ не Этрускамъ, то въ то время всего естественнѣе было думать о Галлахъ, которые оставили въ этихъ мѣстахъ всего больше памяти изъ до-римской эпохи. Такъ и думали сначала Стробель и Пигорини, начавшіе раскопку террамаръ въ Пармской провинціи. Рѣшительно противъ принадлежности могильника Этрускамъ высказывались лишь Болоньскіи профессоръ Ориоли, и то выступившій анонимно, и извѣстный парижскій геологъ Габріэль де-Мортилье въ своемъ прослаившемся изслѣдованіи подъ заглавіемъ *Le signe de la croix avant le Christianisme* (Paris, 1866), въ которомъ онъ, сравнивая археологическіи матеріалъ могильника съ матеріаломъ террамаръ, опредѣлили его культурную степень, какъ посредствующую между эпохой террамаръ и эпохой Этрусковъ, и отнесъ къ первому желѣзному вѣку (р. 90), не опредѣляя народа, которому принадлежитъ эта культура. Заявленіе Мортилье имѣло большую важность: оно открыло путь къ правильному рѣшенію вопроса. Открытіе дѣйствительно этрусскаго могильника въ Марцаботто (въ долинѣ Рено, въ 27 килом. отъ Болоньи), методическіе раскопки въ которомъ начались обладателемъ его кавалеромъ Аріа (теперь графомъ) еще въ 1862 г. и продолжались восемь лѣтъ подъ надзоромъ того-же графа Гоццadini, показало, что между культурой того и другаго могильника существуетъ весьма значительная разница, полная разница въ религіозномъ обрядѣ, въ устройствѣ могилъ, въ культурѣ, въ богатствѣ, и это дало сильную точку опоры тѣмъ, кто въ могильникѣ Виллановы не видѣлъ этрусскаго послѣд-

ства. Но тогда противники этихъ послѣднихъ, начиная съ самого Гоццадини, стали говорить и частію продолжаютъ оставаться при такомъ мнѣніи и до сихъ поръ, что могильникъ Виллановы принадлежитъ ранней, а могильникъ Марцаботто поздней эпохѣ того-же этрускаго господства въ этой мѣстности.

Принадле-
жность могиль-
ника Вилла-
новы Ум-
брамъ, а не
Этрускамъ

Огромная разница между культурой могилъ Виллановы и Марцаботто, разница, которой нельзя стереть никакими посредствующими звеньями, стала еще яснѣе, когда съ 1869 г. была открыта обширная площадь могильниковъ въ ближайшихъ окрестностяхъ самой Болоньи, рѣзко отличающихся отъ тамъ-же открытаго, подъ Чертозой, этрускаго некрополя, видимо принадлежавшаго народу особаго типа и особой культуры. Подробный отчетъ ⁵⁷³⁾ объ этихъ раскопкахъ, которыя велъ систематически подъ руководствомъ Гоццадини, Цаннони, успѣвшаго уже раньше открыть этрусскій некрополь подъ Чертозой, и Бриціо, былъ обнародованъ въ первый разъ Гоццадини въ Болоньѣ въ 1873 г. Съ этой минуты вопросъ получилъ новое освѣщеніе. Если могилы типа Виллановы съ ихъ содержаніемъ рѣзко отличались отъ этрусскихъ и въ то-же время не были схожи ни на галльскія, ни на римскія, тамъ-же найденныя, то стало ясно, что онѣ, наиболѣе многочисленные (болѣе 1,400), должны были принадлежать народу, о пребываніи и господствѣ котораго до Этрусковъ въ этихъ мѣстахъ говорятъ древніе писатели, т. е. Умбрамъ. Это было ясно, но не для всѣхъ. Нѣкоторые, главнымъ представителемъ которыхъ явился Гельбигъ, повернули дѣло такъ, что Умбры — тѣ-же Этруски, съ которыми они слились, и что вся эта серія могильниковъ а rozzo принадлежитъ первоначальной этрусской культурѣ, которая потомъ преобразовалась въ культуру могилъ а fossa (т. е. могилъ въ нашемъ смыслѣ) и затѣмъ уже въ блестящую культуру могилъ а самега, которою такъ богаты некрополи собственной Этрурии. Такъ, кромѣ Гельбига, стали думать между прочимъ Пигорини и Гирардини, чтобъ назвать наиболѣе крупныхъ ученыхъ между Итальянцами. За то же, что культура типа Виллановы принадлежитъ не кому другому, какъ Умбрамъ, сталъ твердо раньше всѣхъ и теперь стоитъ Бриціо. Рѣшеніе этого вопроса какъ у Гельбига, такъ и у Бриціо стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о происхожденіи Этрусковъ. Теорія Гельбига была высказана въ главномъ его трудѣ на эту тему, появившемся въ 1884 г. въ *Annali* Института Археологической Корреспонденціи ⁵⁷⁹⁾; теорія второго была развита въ 1885 г. въ официальномъ историческомъ органѣ Романи ⁵⁸⁰⁾ и дополнена блестящей статьей въ *Nuova Antologia* (мартъ, 1892). Въ главѣ объ Этрускахъ мы разсмотримъ подробно основанія той и другой теоріи. Теперь же

достаточно будетъ лишь заявить (и это уже не въ первый разъ), что мы, вмѣстѣ съ Бриціо и Монтелиусомъ, чтобы не называть множества равныхъ ученыхъ этого направленія, считаемъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что Этруски—народъ пришлый, прибывшій въ Италію моремъ изъ Азіи, какъ объ этомъ думали, начиная съ Геродота, всѣ, касавшіеся вопроса о прибытіи Тирренцевъ въ Италію, древніе писатели, за исключеніемъ Діонисія Галикарнасскаго ⁵⁸¹), объявившаго ихъ туземнымъ народомъ, *ἐπιχθόνιον τὸ ἔθνος*, и представляющаго при этомъ довольно странное основаніе, именно то, что у этого народа, очень древняго, нѣтъ сходства ни въ языкѣ, ни въ нравахъ ни съ какимъ другимъ народомъ. Впрочемъ Діонисій при этомъ говоритъ не отъ своего только лица, а пристаётъ къ мнѣнію другихъ, которыхъ онъ, однако, не обозначаетъ и которые намъ остаются неизвѣстными.

Мы уже говорили, что въ могильникѣ Виллановы мы въ первый разъ встрѣтились съ особымъ типомъ могилъ въ Италіи, колодцеобразнымъ, который потомъ оказался существенной особенностью культуры перваго желѣзнаго вѣка, какъ и того народа, которому онъ принадлежалъ, пока этотъ народъ былъ народомъ свободнымъ, пока на него не насѣли пришельцы. Изъ той небольшой территоріи, на которой мы видимъ сосредоточеніе умбрской культуры по сѣверную сторону Апеннинъ, онъ перешелъ Апеннины и распространился по всей внутренней и при-тирренской Этруріи, почти вплоть до устьевъ Тибра, вездѣ обозначая собой ту самую культуру, которою полны окрестности Болоньи. Типъ этотъ перешелъ даже и Тибръ, отразился, какъ мы видѣли до извѣстной степени въ Лаціумѣ. Это—типъ могилъ колодцеобразныхъ, что у итальянцевъ называется *tombe a rozzo*. Въ круглую или четырехъ-угольную яму, отъ 20 сантим. до полутора метровъ глубины и до 1 метра 40 саят. ширины, обложенную или не обложенную камнемъ безъ цемента, ставился сосудъ съ пепломъ и обожженными костями. (Табл. XXXIV, фиг. 3, 4, 5). Онъ ставился или прямо на дно, или чаще всего на пепель, образовавшійся при сжиганіи трупа, или не просто на дно ямы, а къ образованное въ серединѣ dna углубленіе, обложенное или необложенное камнемъ; или же клался въ нефровую или глиняную бочку, которая и ставилась на дно могилы: иногда въ ямѣ составлялось изъ четырехъ большихъ камней особое помѣщеніе, куда и ставился оссуарій вмѣстѣ съ другими предметами, назначенными для покойника. Предметы эти (обыкновенно меньшей величины сосуды, украшенія изъ бронзы, янтаря, стекла, наконецъ, желѣза, оружіе цѣльное или сломанное) клались частью прямо въ оссуарій, частью кругомъ его, иногда только въ оссуарій, иногда только около

Устройство
могилъ типа
Виллановы

него, а иногда въ особыя ниши боковъ ямы. Самая же яма зарывалась частью извлеченною изъ нея землей, частью поверхъ нея еще мелкимъ и средней величины камнемъ. На верху ея, повидимому образовывался небольшой бугорокъ, который и служилъ признакомъ мѣста погребенія. Таковы различныя, болѣе общіе виды и характеры могилъ а роззо какъ въ Виллановѣ и въ большихъ могильникахъ Болоньи, такъ и по южную сторону Апенниновъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ Этруріи и на территоріи Фалисковъ сохранились во множествѣ могилы чисто умбрскаго типа, или, какъ принято говорить, типа Виллановы.

Типическій
оссуарій Вил-
лановы и его
орнаментъ

Въ могилахъ этого рода оссуарій или погребальная урна имѣетъ свой болѣе или менѣе типическій характеръ *оссуарія* (или *урны*) *Виллановы*, который имѣетъ покрывку въ формѣ обернутой чашки или миски съ ушкомъ. Въ самомъ могильникѣ Виллановы всѣ урны—этого типа (табл. XXXIV, фиг. 1, 2), за исключеніемъ трехъ, имѣющихъ болѣе простую форму (табл. XXXIV, фиг. 6). Сосуды такой формы у Римлянъ назывались *dolia*, что мы переводимъ болѣе или менѣе неправильно *бочками*, на которыя они больше похожи по назначенію, чѣмъ по виду. У нихъ вмѣсто ушковъ или ручекъ три бугорка и нѣтъ никакого узора, высота ихъ 34 сантиметра. Цвѣта они краснаго, тогда какъ почти всѣ остальные чернаго. Что же касается всей массы оссуаріевъ, извлеченныхъ изъ 179 колодцеобразныхъ могилъ, изъ которыхъ состоитъ могильникъ Виллановы, то они имѣютъ форму двухъ неравныхъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ. Высота ихъ отъ 19 до 39 сантим., и всѣ они снабжены на боку нижней своей половины однимъ ушкомъ (другое отламывалось), большею частью полу-эллиптической или извилистой формы. Дѣланы они отъ руки и обожжены на вольномъ огнѣ. Орнаментъ ихъ или сдѣланъ остриемъ (болѣе древніе сосуды), или вытиснуть (менѣе древніе), когда глиняная масса была еще мягка. Господствующій рисунокъ ихъ состоитъ изъ меандра, простого или сложнаго, концентрическихъ кружковъ, квадратовъ, треугольниковъ или простыхъ и двойныхъ пирамидокъ; далѣе слѣдуютъ своеобразныя змѣйки, а въ болѣе позднихъ птицы, утки или гуси, и даже человѣческія фигурки съ широкими головами, наконецъ, крестики. Никакихъ слѣдовъ живописи въ могильникѣ Виллановы. На добавочныхъ сосудахъ, каковы чашки, маленькія вазы, въ сущности тѣже рисунки, что и на оссуаріяхъ, разница развѣ лишь въ томъ, что они, повидимому, старательнѣе сдѣланы, а глина, изъ которой они сдѣланы, чище, стѣнки ихъ тоньше. Встрѣчается въ могильникѣ Виллановы много фузаіоль, этихъ съ проходящимъ черезъ нихъ отверстіемъ коническихъ фигуръ, которыя служили здѣсь, повидимому, всего скорѣе

въ качествѣ подвѣсокъ къ ожерельямъ и другимъ украшеніямъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ могилахъ ихъ находилось до восьми штукъ, а въ одной вазѣ даже 12: да на это указываетъ и ихъ очень небольшая величина (отъ 6 до 28 миллим. высоты).

Въ могильникѣ Виллановы найдено было много предметовъ ме-Бронзы въ мо-таллическихъ, но почти исключительно изъ бронзы и лишь кое-что изъ таллики Вил-жельза. Найдено было даже девять кусковъ *aes rude*, т. е., не чека-лановы. Же-ленной монеты, вложеніе которой въ могилы вѣроятно было связано съ какимъ либо религіознымъ представленіемъ о загробной жизни; но такъ какъ эти куски нашлись только въ четырехъ могилахъ, то, значитъ, представленіе это не было распространеннымъ. Наибольшую же часть бронзовыхъ предметовъ составляли фибулы, число которыхъ Гоццadini опредѣляетъ въ 550, насчитывая при этомъ одиннадцать ихъ видовъ. Обыкновенно это—дугобразныя фибулы, нерѣдко украшенныя дисками изъ синяго, иногда бѣложелтоватаго или зеленоватаго стекла, изъ янтаря, изъ кусковъ кости съ инкрустаціей изъ янтаря, а также пуговицами и птицами (утками). Дужки фибулъ или простыя (формы круглой, овальной, четырехугольной, впалой), тонкія и расширенныя, какъ бы ладьеобразныя, или иногда змѣевидныя. Иныя имѣютъ украшенія въ видѣ муфты посрединѣ дужекъ. См. таблицу XXXV, фиг. 1, 4, 8, 11. Затѣмъ слѣдуютъ головныя булавки, иногда съ головками изъ синяго стекла или изъ янтаря, иголки, браслеты, перстни изъ спиральныхъ нитей, пуговицы, гвозди, пряжки, гирыки (вѣсомъ отъ 24 до 43 граммовъ). Оружія очень мало, какъ и вообще въ при-болоньскихъ могилахъ Виллановы. Есть топоры съ крыльями формы перваго желѣзнаго вѣка (табл. XXIX, фиг. 6), есть топоры съ пяткой, съ втулкой, съ стержнемъ, есть топорики, изъ которыхъ одинъ, на половину бронзовый, съ втулкой, въ которую всажень желѣзный клинокъ, но есть топоры, прямо желѣзные (два), одинъ узкій и длинный съ крылышками на одной сторонѣ, другой толстый и широкий съ втулкой. Есть ножи бронзовые и желѣзные, но первыхъ почти вдвое больше, чѣмъ послѣднихъ (18 на 10). Характеристическимъ является бронзовый ножъ или бритва лунообразной формы, которую, какъ мы видѣли, Пигорини считаетъ производной изъ обоюдоострой бритвы террамаръ. Изъ желѣзныхъ вещей найдено также два наконечника копья. Изъ бронзовыхъ предметовъ слѣдуетъ еще назвать привѣски въ формѣ топора съ узоромъ изъ змѣекъ, кружки съ отверстіемъ по срединѣ, похожимъ, по мнѣнію Гоццadini, на замочную скважину, и палочки съ шарами на концахъ назначеніе которыхъ неизвѣстно, если не считать ихъ вмѣстѣ съ Гоццadini, колотушками для извлеченія звука изъ брон-

зоваго предмета, служившаго колоколомъ. См. изображенія этихъ бронзь у Монтелиуса на табл. 89.

Письменные
знаки на утвар
и Виллановы

Могильникъ Виллановы характеризуютъ еще два явленія, изъ которыхъ одно наиболѣе замѣчательно. Это—появленіе на его бронзовыхъ издѣліяхъ письменныхъ знаковъ, которые можно разсматривать, какъ марки фабриканта этихъ издѣлій. Таковъ знакъ \surd на одномъ браслетѣ, знакъ, обычный въ письменности микенскаго періода (на Критѣ, на островахъ Эгейскаго моря) и въ обернутомъ видѣ въ Кипрскомъ алфавитѣ ⁵⁸³), таковъ знакъ V, встрѣтившійся между крыльями одного изъ топоровъ ⁵⁸⁴), и также принадлежавшій микенской письменности и находящійся въ кипрскомъ алфавитѣ ⁵⁸⁵). Эти письменные знаки, вмѣстѣ со многими другими, какъ потомъ оказалось, свойственны и другимъ при-болоньскимъ могильникамъ, какъ и огромному бронзовому складу, найденному въ самой Болоньѣ на площади Prato di S. Francesco, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Желающихъ видѣть изображенія этихъ знаковъ я позволяю себѣ адресовать къ 70 таблицѣ атласа Монтелиуса. Тамъ они найдутъ между прочимъ знаки X, M, I, II, III, VI и нѣкоторые другіе, для которыхъ у насъ нѣтъ соответствующихъ, и среди которыхъ стоитъ и крючковатый крестъ (sgose gammata, sgois gammée, Hakenkreuz) или такъ называемая свастика. Фактъ появленія буквенныхъ знаковъ въ умбрскихъ могильникахъ начала желѣзнаго вѣка по меньшей мѣрѣ свидѣтельствуетъ о раннихъ сношеніяхъ населенія Сѣверной Италіи съ культурными странами, у которыхъ употребленіе письменныхъ знаковъ было уже въ обычаѣ. Въ одной изъ своихъ статей ⁵⁸⁶) я приводилъ мнѣніе специалиста по изученію письменныхъ знаковъ на стѣнахъ и сосудахъ древнѣйшей эпохи Рима, барнабита Бруццы, мнѣніе, что глиняные двухголовые цилиндры одного изъ болѣе дальнихъ при-болоньскихъ могильниковъ съ знакомъ V относятся къ одной эпохѣ со стѣнами Сервія Туллія. Но если бы это было и возможно допустить, то вообще употребленіе письменныхъ знаковъ въ Болоньѣ и ея окрестностяхъ принадлежитъ гораздо болѣе ранней эпохѣ, такъ какъ эпоха Виллановы или первый періодъ желѣзнаго вѣка не однимъ столѣтіемъ предшествоуетъ постройкѣ стѣнъ Сервія Туллія.

Четырнадцать
скелетовъ въ
могильникѣ
Виллановы

Другое явленіе, обращающее на себя вниманіе въ могильникѣ съ трупосоженіемъ, присутствіе въ немъ 14 скелетовъ. Скелеты эти не находились въ особыхъ могилахъ, а лежали тамъ и сямъ рядомъ съ могилами сожженныхъ тѣлъ. Подлѣ нихъ и частію на нихъ были тѣ-же предметы погребальнаго убранства, какіе находились въ могилахъ съ пепломъ и съ обожженными костями. На пальцѣ одной женщины осталось нетронутымъ бронзовое кольцо; на верхней части

руки мужчины находился желѣзный браслетъ. Нельзя не видѣть, что скелеты эти одновременны съ могилами; подлѣ которыхъ они лежали. Для объясненія существованія ихъ нельзя придумать ничего другого, кромѣ того, что это — скелеты рабовъ и рабынь, принесенныхъ въ жертву на могилахъ своихъ господъ для того, чтобъ послѣдніе могли имѣть себѣ слугъ и за гробомъ. Такіе-же скелеты и въ такомъ-же видѣ, т.-е. лежавшіе безъ гробовъ у могилъ или надъ могилами съ урнами, содержащими пепель и обожженные кости, встрѣчаются и въ другихъ умбрскихъ могильникахъ, именно болоньскихъ, къ которымъ мы и переходимъ.

На могильникѣ Виллановы мы остановились потому, что это Относительная важность могильника Виллановы былъ первый могильникъ, открывшій современнымъ ученымъ новую культуру эпоху въ Италіи. Но собственно говоря, онъ не имѣетъ той важности, какая принадлежитъ могильникамъ непосредственно окружающимъ Болонью, этотъ важнѣйшій центръ умбрской жизни въ до-этрусскую эпоху. Отчетъ о раскопкахъ въ немъ не былъ данъ съ той полнотой и точностью, какія мы имѣемъ относительно произведенныхъ потомъ раскопокъ вокругъ Болоньи и въ Этруріи, въ могильникахъ того-же періода могилъ а rosso. Къ тому-же, цѣлый рядъ могильниковъ, идущихъ за воротами Св. Исаи, къ западу отъ Болоньи, открываетъ намъ ихъ хронологическую преемственность, которая позволяетъ намъ прослѣдить развитіе умбрской культуры до момента подчиненія ея культурѣ завоевателей Болоньи, Этрусковъ. Наиболѣе роскошный матеріалъ, доставленный этими могильниками, сосредоточенъ въ болоньскомъ Museo Civico и представленъ въ своихъ типическихъ образцахъ въ атласѣ Монтелиуса на таблицахъ (Серіи В) 73—86. Описанію и разработкѣ его посвящена значительная литература, которую въ полнотѣ указываетъ тотъ-же Монтелиусъ на страницахъ 371—373 своего прекраснаго и столь полезнаго изданія: «La civilisation primitive en Italie (1 часть), нѣсколько разъ нами здѣсь поименованнаго. Мы будемъ указывать на важнѣйшіе изъ трудовъ сюда относящихся, по мѣрѣ надобности, указывая при этомъ главнымъ образомъ на фактическій матеріалъ атласа Монтелиуса, какъ наиболѣе доступный читателю. Своихъ снимковъ съ предметовъ Museo Civico Болоньи намъ не пришлось сдѣлать, но мы надѣемся восполнить недостающее здѣсь во 2-й части своей книги, къ которой и адресуемъ читателя, не имѣющаго возможности имѣть подъ руками столь рѣдкаго у насъ *) атласа Монтелиуса.

*) Мы имѣемъ лишь одинъ экземпляръ его въ Россіи, именно принадлежащій Академіи Наукъ, бібліотека которой выписала его, четыре года назадъ, по моему просьбѣ.

Умбрские мо- Культура, представляемая могильниками, идущими за воротами
 гильники св. Исаия отъ рѣки Равоне по обѣ стороны дороги къ Чертозѣ, вы-
 близъ Болоньи нѣжнему кладбищу, подъ которымъ лежитъ этрусскій некрополь,
 и ихъ періодъ нѣжнему кладбищу, подъ которымъ лежитъ этрусскій некрополь,
 начинается самой древней порой желѣзнаго вѣка и кончается данными,
 современными этрусскому періоду, однако съ нимъ не смѣшиваясь.
 Весь матеріалъ этихъ могильниковъ легко подраздѣляется на три
 періода, которые принято обозначать племенами владѣльцевъ территоріи
 этихъ некрополей: Беначчи и Арноальди. Именемъ перваго обозна-
 чаются два періода: 1-й, древнѣйшій, къ которому относится наиболѣе
 восточная часть могильниковъ, и 2-й, къ которому принадлежатъ
 западная часть восточной группы. Именемъ Арноальди обозначается
 3-й періодъ, обнимающій могилы, идущія къ западу отъ означенныхъ
 могилъ по направленію къ Чертозѣ, гдѣ онѣ вдругъ прекращаются,
отдѣляясь пространствомъ въ 56 метровъ и ровомъ отъ могильниковъ
этрускиихъ. Смѣшенія между тѣми и другими, какъ это ясно видно,
 въ до-историческій періодъ не было, и это—очень важное обстоятель-
 ство, говорящее о томъ, что тутъ передъ нами двѣ разныхъ народ-
 ности.

Могильникъ Разница между тремя указанными періодами очень чувствительна.
 Беначчи I Въ могилахъ перваго періода, обозначаемыхъ названіемъ *перваго*
періода Беначчи, почти совсѣмъ нѣтъ желѣза. Оссуаріи — только
 глиняные съ тѣмъ-же, хотя и не тождественнымъ, орнамен-
 томъ, какой мы видѣли на типическихъ оссуаріяхъ Виллановы:
 меандры, трехугольнички или пирамидки, точки, иногда кружки, есть
 и свастика. Орнаментъ этотъ большею частью нарѣзной и только
 пзрѣдка вытиснутый. Добавочные сосуды встрѣчаются лишь къ концу
 этого періода, къ которому относятся и попытки геометрическаго орна-
 мента въ краскахъ (бѣлой и желтоватой). Нѣтъ оссуарія на ножкѣ. Топоры
 изъ бронзы, съ пяткой (табл. XXXV, фиг. 7) съ втулкой (та-же табл.,
 фиг. 9) и съ стержнемъ для топорща (*haches à soie*): Ножи луну-
 образной формы, съ нарѣзнымъ узоромъ изъ трехугольничковъ
 (волчьихъ зубовъ). Бронзовые пояса съ орнаментомъ нарѣзнымъ или
 насѣченнымъ и выпуклымъ (*heroisé*), изъ точечныхъ и вырѣзанныхъ
 концентрическихъ круговъ или изъ кружковъ съ шариками, иногда раз-
 дѣленными другъ отъ друга большимъ крестомъ, изъ дисковъ, точекъ,
 змѣекъ (см. образцы въ атласѣ Монтелиуса, табл. 74). Далѣе, бронзо-
 выя конскія удила (табл. XXXV, фиг. 6), трубки съ тонкими нарѣз-
 ными линиями и изъ бронзовыхъ нитей спиралью, щипчики, диски
 съ концентрическими рельефными кругами, служившіе украшеніемъ
 конской сбруи, привѣски въ формѣ шариковъ и, наконецъ, фибулы съ
 круглой дужкой, массивной, украшенной параллельными поперечными

линіями, плоской, тройной со спиральными пятами на каждомъ стволѣ, съ дужкой, окруженной темными стеклянными и костяными зернами, или поперечными и продольными бронзовыми бляжками, раздѣленными надвое и обернутыми въ спиральные диски или конуса. Въ этомъ описаніи бронзъ могиль до 1-го періода Беначчи мы слѣдовали таблицамъ 73 — 75 Монтелиуса. Но вообще слѣдуетъ замѣтить, что главный матеріалъ для могиль обоихъ періодовъ Беначчи представляютъ работы Брaccio ⁵⁸⁷).

Могилы 2-го періода Беначчи, куда относятся не только могильники, лежащіе на землѣ самого Беначчи, но и принадлежащіе импѣріямъ Де-Лука, Гульельмини, Тальявини (теперь Грабинскаго) какъ и находящіеся подъ Stradello della Certosa *), открываютъ передъ нами уже новый слой культуры. Тутъ оссуаріи не только глиняные, но и бронзовые (табл. XXXV, фиг. 5), да и самый типъ ихъ видоизмѣняется: они являются уже съ ножками. Появляются въ большомъ числѣ добавочные сосуды, но сдѣланные не только изъ глины, но и изъ бронзы. Являются новые типы, сосудовъ: цисты, ситулы, первыя глиняныя и бронзовыя (табл. XXXV, фиг. 3), вторыя только бронзовыя, сосуды не только съ цѣпью для вѣшанія, въ родѣ тѣхъ бронзовыхъ, какъ у насъ представлены на табл. XXVI, изъ Бизенціо (фиг. 1), и изъ Тарквиній (фиг. 3), но и съ цѣпочками для украшенія. Выступаютъ на сцену и новые орнаменты, каковы выпуклые веревочные полосы (cordons relevés), опоясывающіе сосудъ сверху до низу (XXXV, фиг. 3). Много желѣза. Желѣзные топоры плоскаго вида. Появились и желѣзныя фибулы—тѣхъ же формъ, что и бронзовыя (табл. XXXV, фиг. 2). Бронзовые мечи съ усцами, хотя и не такъ еще смѣло закрученными, какъ на изображенномъ у насъ на табл. XXXI (фиг. 1) мечъ изъ Умбріи (Терни), или какъ у Монтелиуса (табл. 70, фиг. 4) на эфесѣ меча изъ склада S. Francesco, о которомъ будемъ говорить ниже.

Могилы
Беначчи II

Уже совсѣмъ новый фазисъ умбрской культуры представляютъ могилы 3-го періода, Арноальди. Хотя основной типъ оссуарія сохраняется, но формы его становятся еще болѣе подвижными, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Сосуды эти дѣлаются разныхъ величинъ, примѣняясь къ разнымъ возрастамъ, и имѣютъ форму то очень широкую, то очень узкую, и вмѣсто ручекъ имѣя иногда два бугорка съ одного бока и одинъ съ другого. Количество добавочныхъ сосудовъ увеличивается до того, что доходитъ иногда до тридцати. Орнаментъ почти всегда оттиснутый (estampé); но мотивы его не только геометриче-

Могильникъ
Арноальди

*) См. карту могильниковъ у Монте іуса I, p. 333.

скаго характера, но берутся также изъ растительнаго, животнаго (птицы, обезьяны) и даже человѣческаго міра. Все это ново, но есть сосуды и съ выпуклымъ веревочнымъ орнаментомъ и безъ всякаго орнамента, очень изящные (табл. XXXV, фиг. 10). Дѣлаются глиняные сосуды не только отъ руки, но и на гончарномъ станкѣ. Въ орудіяхъ полное преобладаніе желѣза. Въ украшеніяхъ является уже серебро, иногда съ позолотой. Съ этимъ мы входимъ уже въ періодъ вліянія этрусской культуры. Все яснѣе и яснѣе слѣды проникновенія восточной торговли. Таковы: изображенія льва и человѣка изъ слоновой кости, скарабей изъ лазурной пасты, египетскіе идолы. Наконецъ, множество буквенныхъ знаковъ, встрѣчающихся то на внутреннемъ днѣ сосуда, то на наружномъ, то на ручкѣ, то на краяхъ сосуда. Въ отчетѣ о раскопкахъ этого могильника, изданномъ Гоццадини ⁵⁸⁸), который и является главнымъ источникомъ знакомства съ этимъ могильникомъ, отпечатана цѣлая страница этихъ знаковъ, раздѣленныхъ на три таблицы, и между ними встрѣчаются новые, раньше нами не замѣченные, какъ, напр. T, +, ⊕. Это увеличеніе письменныхъ знаковъ есть новый признакъ того, что съ этими могилами мы приблизились на Сѣверной сторонѣ Апенниновъ къ исторической эпохѣ, которая и открывается этрусскими могилами, найденными въ имѣніи того-же владѣльца и еще яснѣе въ сосѣднемъ съ ними некрополѣ подъ Чертозой. Этрусскія могилы начинаются тамъ, гдѣ кончается трупосожженіе и начинается сплошное трупопогребеніе (ингумация).

Начало трупопогребенія у Умбровъ, какъ результатъ этрусскаго вліянія. Могильникъ Арноальди важенъ тѣмъ, что въ немъ мы можемъ наблюдать, какъ Умбры, подъ вліяніемъ Этрусковъ, мало по малу переходили отъ своего исконнаго обряда трупосожженія къ новому для нихъ обряду трупопогребенія. По свидѣтельству Гоццадини ⁵⁸⁹), которымъ воспользовался для своихъ комбинацій и Бриціо ⁵⁹⁰) въ своемъ превосходномъ отчетѣ о раскопкахъ умбрскаго могильника въ Веруккіо близъ Римини, не въ самомъ древнемъ поясѣ могильника Арноальди приходится на *сто* могилъ съ сожженіемъ *одиннадцати* съ трупопогребеніемъ; но когда въ слѣдующихъ раскопкахъ (1883) дошли до послѣдней части этого могильника, то количество погребенныхъ труповъ уже *почти равнялось* сожженнымъ ⁵⁹¹). Затѣмъ слѣдовалъ ровъ, а за нимъ пустое пространство въ 50 метровъ, за которымъ уже шли могилы только съ трупопогребеніемъ. Въ нихъ не было ничего похожаго на могилы типа Виллановы. Если въ немъ хоронились и Умбры, то уже совершенно измѣнившіеся въ своей культурѣ и національности. Въ то время какъ въ предыдущемъ могильникѣ Умбры, принявшіе обрядъ завоевателей, не установили еще правиль-

ной ориентаціи положенія трупа, кладя его головой то въ одну сторону, то въ другую, прямо противоположную, въ этрусскомъ могильникѣ Арноальди этого не было, какъ и въ могильникѣ Чертозы, гдѣ трупы всегда лежали головой къ Западу а ногами къ Востоку. Бриццо⁵⁹²), съ полною основательностью заключаетъ отсюда, что народъ который не зналъ надлежащей ориентаціи трупа, т. е. не усвоилъ еще себѣ строгаго соблюденія обряда, былъ народъ, для котораго трупопогребеніе было лишь подражаніемъ новому для него погребальному обряду, принесенному Этруссками. И по южную сторону Апенниновъ, въ могилахъ а fossa мы видимъ то-же колебаніе въ ориентаціи труповъ, на примѣръ въ могильникѣ Гверруччи близъ Волтерры (древнихъ Волатерръ⁵⁹³).

Указанные Умбрскіе могильники—не единственные, которые на-
ходятся близъ Болоньи: есть также могилы и на сѣверъ, и на востокъ,
и на югъ отъ города, какъ и въ чертѣ его самого. Но намъ нѣтъ
нужды на нихъ останавливаться. Въ общемъ онѣ даютъ тотъ-же ма-
териалъ, чтó и могилы большого некрополя за Porta S. Isaia. Инте-
ресно развѣ отмѣтить нѣкоторые факты, указывающіе на сношенія
древней Фельсины съ заморскими торговцами. Таковы найденные въ
могилахъ а rozzo подъ Арсеналомъ⁵⁹⁵) предметы, изображенные у
Монтеліуса на таблицѣ 87: изящное украшеніе изъ синяго стекла въ
формѣ цвѣтка (фиг. 1); украшеніе изъ двойной золотой нити, на
одной изъ которыхъ висятъ два серебряныхъ кольца, украшенные зо-
лотою спиралью, а расширенные концы этой нити отдѣланы ажур-
ной работой съ четырьмя человѣческими головами, изъ которыхъ у
Монтеліуса представлены (фиг. 13) только двѣ; золотая фибула
(фиг. 14), широкая дужка которой украшена фигурами животныхъ,
en granulé. Очень интересна также плита (фиг. 22), найденная на
via Maggiore подъ домомъ графа Мальвазія, прежде Торторелли⁵⁹⁶),
съ рельефнымъ изображеніемъ двухъ четвероногихъ, стоящихъ на зад-
нихъ лапахъ, а переднія положившихъ на края раздѣляющей ихъ ко-
лонны. Предполагается, что этотъ камень лежалъ вверху городскихъ
воротъ, подобно знаменитому скульптурному камню Львиныхъ воротъ
въ Микенахъ. Фактъ этотъ указываетъ, откуда шла заморская тор-
говля въ первый желѣзный вѣкъ съ мѣстами, не далекими отъ устьевъ
По. Обыкновенно говорятъ о Финикіянахъ, но это мнѣніе пора, ка-
жется, оставить.

Интересные
предметы ино-
страннаго
ввоза

Богатая дѣятельностью умбрская жизнь въ Фельсинѣ оставила
намъ по себѣ еще два важныхъ памятника: остатки жилищъ въ гра-
ницахъ нынѣшняго города и громаднй складъ бронзовыхъ предме-
товъ.

Остатки умбр-
скихъ жилищъ
въ Фельсинѣ,
и ихъ перво-
бытный ха-
рактеръ

Въ чертѣ нынѣшней Болоньи открыто инженеромъ Цаннони⁵⁹⁷), во время устройства водопровода, нѣсколько сотъ фундаментовъ жилищъ, въ которыхъ были найдены тѣ-же предметы, что и въ могиллахъ a. rozzo: осколки оссуаріевъ съ извѣстными намъ орнаментами, цилиндры, фузайолы, бронзовые топоры, ножи, фибулы, булавки, иглы, человѣческія фигуры изъ бронзы, формы для отливки бронзовыхъ предметовъ, куски необдѣланной бронзы и остатки заржавленнаго желѣза, а также оленьи рога и множество костей. Самыя хижины⁵⁹⁸), имѣвшія круглый или эллиптическій видъ, были не что иное, какъ мазанки изъ покрытаго глиной тростника или прутьевъ съ устоями изъ деревянныхъ столбовъ, отъ которыхъ остались въ землѣ дыры съ остатками сгнившаго дерева. Круглая форма жилищъ, какъ мы не разъ говорили, исконна въ Италиі. Она была еще у Лигуровъ, она была въ террамарахъ, ею же начались и постройки въ самомъ Римѣ, какова была casa Romuli на Палатинѣ, каковъ былъ храмъ Весты на Форумѣ, какова была и первоначальная урна-хижина, игна сарапна, по итальянскому выраженію. Открытіе этихъ остатковъ жилищъ начала желѣзнаго вѣка—фактъ большой важности. Во-первыхъ, онъ намъ показываетъ древность Болоньи, возводя ее по крайней мѣрѣ за 1000 лѣтъ до Р. Хр.; во-вторыхъ, въ немъ мы имѣемъ наглядное свидѣтельство о первобытности архитектурнаго искусства у арійскихъ пришельцевъ въ Италию. Извѣстно, что строить каменные дома и храмы Римляне научились у Этрусковъ и Грековъ, а до тѣхъ поръ имъ, какъ и Умбрамъ, это искусство было совершенно чуждо: обстоятельство, которое поясняетъ намъ, почему отъ метрополиа латинскихъ городовъ, отъ Альбы Лонги, до насъ ничего не сохранилось, такъ что даже и самое положеніе этого города остается до нѣкоторой степени спорнымъ. Наконецъ, открытіе этихъ слѣдовъ умбрскихъ жилищъ важно и въ томъ отношеніи, что оно даетъ намъ лишній аргументъ противъ тѣхъ, кто обитателей террамаръ и Умбровъ считаетъ за одинъ и тотъ же народъ. Уже то одно, что хижины Умбровъ были не только круглой формы, но и продолговатой (иногда и квадратной), указываетъ на то, что онѣ и круглыя хижины террамаръ принадлежатъ не одному народу; но важнѣе вотъ что: въ террамарахъ селеніе было общимъ дѣломъ, въ которомъ каждый домъ былъ лишь частью дѣлага, органически связаннаго съ другими, и отдѣльно отъ другихъ быть построены не могъ. У Умбровъ хижины стоятъ отдѣльно, каждая сама по себѣ, и только иногда стоятъ рядомъ двѣ хижины, сообщаясь между собой корридоромъ, и вѣроятно такія принадлежали одному семейству⁵⁹⁹).

Складъ брон-
зовыхъ пред-
метовъ

Но убогость жилищъ Умбровъ въ древнѣйшую ихъ пору еще не свидѣтельствуетъ объ ихъ большой бѣдности. Мы видѣли убранство

ихъ могилъ, далеко не бѣдное по утвари и украшеніямъ. О бѣдности не свидѣтельствуемъ и присутствіе въ нихъ иногда предметовъ морской торговли. Но вотъ и еще одно обстоятельство этого-же рода. Тотъ же самый инженеръ Цаннони, которому принадлежитъ открытіе некрополя подь Чертозой и которому посчастливилось открыть и такое большое количество умбрскихъ обиталищъ внутри нынѣшней черты города, при постройкѣ, въ 1877, водосточнаго канала на площади Prato di San Francesco, напалъ на огромный складъ оружія и другихъ бронзовыхъ предметовъ въ колоссальномъ сосудѣ. Тамъ было счетомъ 14,841 предметъ, какъ это значится подь подробной таблицей ихъ у Монтелиуса ⁶⁰⁰). Тутъ было около 4,000 топоровъ съ крыльями и съ втулкой, 92 съ поперечной дырой; тутъ были разнообразныя долота, ножи, косы, серпы, бурава, пилы, гарпуны, удочные крючки, мечи, кинжалы, копія, стрѣлы, словомъ цѣлый арсеналь оружія съ принадлежностями конской сбруи (удила, фалеры, кольца, stimulus), орудія и предметы полевого хозяйства и разныхъ ремесль. Но рядомъ съ этимъ и предметы украшенія: разныхъ видовъ фибулы, булавки, браслеты, кольца, пояса, привѣски, зерна для ожерельевъ, а затѣмъ обломки бронзовыхъ сосудовъ и другіе предметы, какъ гвозди, гребни и пр. Такъ какъ множество изъ этихъ предметовъ представляютъ собой сломанныя вещи, то это указывало на то, что тутъ находился лигійскій заводъ, въ которомъ эти сломанныя вещи подлежали переливкѣ и починкѣ. Потому-то Цаннони и счелъ себя въ правѣ озаглавить свое сообщеніе объ этомъ складѣ и описаніе его: *Болонская литейная*, La fonderia di Bologna (Bologna, 1888). Полагаютъ, что вещи эти, тщательно складенныя въ одно помѣщеніе, были отложены въ сторону, при приближеніи какой-либо опасности, съ намѣреніемъ заняться ихъ передѣлкою въ благоприятное время. Объ этомъ удивительномъ складѣ существуетъ уже большая литература ⁶⁰¹), во главѣ которой все-таки стоитъ указанный трудъ Цаннони, къ которому приложено 60 таблицъ. Семь отдѣльныхъ таблицъ посвящено изображенію предметовъ этого склада у Монтелиуса (66—72). Но намъ нѣтъ нужды на немъ останавливаться, такъ какъ это не соответствовало бы характеру нашего труда. Мы считаемъ нужнымъ лишь указать на то, что въ этомъ складѣ представляется намъ хорошій инвентарь культурныхъ средствъ, какими располагали древнѣйшіе Умбры въ Италіи, и показатель культурныхъ привычекъ, какія были ими усвоены ⁶⁰²).

Мы знаемъ уже, что Умбры, этотъ очень большой и древній народъ, *ἔθνος πάλαι μέγα τε καὶ ἀρχαῖον*, распространился, изъ сѣверной Италіи, гдѣ у него былъ такой важный центръ, какова была Фельсина или Болонья, на югъ отъ Апеннинъ почти до устьевъ Тибра. Приведенныя

Единство на-
рода и куль-
туры при-
болоньскихъ
могальниковъ
и могиль а
rozzo въ
Этруріи

выше свидѣтельства древнихъ говорятъ намъ, что къ ихъ западнымъ берегамъ пристали Этруски, которые, воюя съ ними, отняли у нихъ триста городовъ, *trescenta oppida*, по выраженію Плинія ⁶⁰³), Гельбигъ ⁶⁰⁴), который Умбрами считаетъ жителей террамаръ, считаетъ возможнымъ допустить, что подъ этими, «*trescenta oppida*», Плиній разумѣетъ триста террамаръ. Но мы знаемъ, что не Умбры обитали въ террамарахъ, и, слѣдовательно, этихъ трехсотъ городовъ надо искать въ другомъ мѣстѣ. Главная сцена жизни Этрусковъ — между Арно и Тибромъ. Здѣсь были самые цвѣгущіе и самые могущественные ихъ города; здѣсь-же они намъ оставили и самые богатые некрополи. Значитъ, тутъ они и сломили силу Умбровъ, отгѣснивъ ихъ отъ Тирренскаго моря на Сѣверо-Востокъ за Тибръ въ горы. Но память о себѣ Умбры здѣсь оставили не только въ названіяхъ разныхъ городовъ, занятыхъ потомъ Этрусками, но и въ такихъ-же точно могилахъ *a rozzo*, какими они наполнили окрестности Болоньи. Древнѣйшій слой могильниковъ въ Тарквиніяхъ, Вульчи, Ветулоніи, Волатеррахъ, Кьюзи и другихъ, раньше нами перечисленныхъ, представляетъ совершенно ту-же культуру: то-же устройство могилъ, то-же ихъ убранство, начиная съ типическаго двуконусообразнаго оссуарія, замѣняемаго иногда въ самыхъ древнихъ частяхъ некрополей, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Аллюмьере, Тарквинія, Ветулонія, Бизенціо), урной-хижиной, тѣ-же типы бронзовыхъ орудій, тѣ-же фибулы и другія украшенія, наконецъ—тотъ-же характеристическій орнаментъ. Однимъ словомъ: какъ къ сѣверу отъ Апенниновъ между р. Панаро и Адриатическимъ моремъ, такъ и къ югу отъ нихъ въ Этрурію, мы видимъ въ древнѣйшихъ археологическихъ слояхъ, представляемыхъ могилами *a rozzo*, одинъ и тотъ-же народъ со всѣми его характеристическими отличіями въ похоронномъ обрядѣ и культурной обстановкѣ; тамъ и здѣсь мы видимъ одинаковое проявленіе въ цѣломъ и частяхъ культуры Виллановы. Намъ нѣтъ поэтому ни малѣйшаго повода идти теперь-же для продолженія изученія умбрской культуры въ Этрурію, гдѣ мы, за исключеніемъ мелкихъ, чисто мѣстныхъ особенностей нашли-бы то-же самое, что мы уже видѣли. Мы пойдемъ туда тогда, когда будемъ говорить о культурѣ, насѣвшихъ на Умбровъ, Этрусковъ.

Теперь намъ остается лишь коснуться вопроса о томъ, откуда или тѣ иностранныя вліянія, которыя произвели въ Италіи культуру перваго желѣзнаго вѣка или то, что мы называемъ культурой Виллановъ.

Иностранныя вліянія, приведшія культуру Виллановы
 Всѣ согласны тѣ томъ, что знакомство съ желѣзомъ и съ сопро-
 вождавшимъ его введеніе уровнемъ обработки бронзовыхъ издѣлій
 пришло въ Италію морскимъ путемъ, посредствомъ ли простыхъ тор-
 говыхъ сношеній, или посредствомъ иммиграціи изъ восточныхъ

областей Средиземнаго моря. Эту иммиграцію допускалъ раньше Пигорини ⁶⁰⁵), видя вмѣстѣ съ Кьеричи, что культура начала желѣзнаго вѣка смѣнила бронзовую какъ-то вдругъ, безъ признаковъ постепеннаго перехода. Морской путь внесенія желѣзной культуры въ Италію провозгласилъ, какъ наиболѣе вѣроятный, — не говоря впрочемъ объ иммиграціи, — въ своей рѣчи, произнесенной 13 января 1882 г. въ Институтѣ археологической корреспонденціи, и Ундсетъ ⁶⁰⁶), покойный норвежскій археологъ, такъ много и основательно занимавшійся до-историческою Италіей. Впрочемъ онъ допускалъ отчасти и *сухопутное* вліяніе черезъ Балканскій полуостровъ и сѣверный берегъ Адриатическаго моря ^{606а}). Путь иностранныхъ вліяній посредствомъ морской торговли указываетъ и Гзелль ⁶⁰⁷), объясняя, съ своей стороны, происхожденіе культуры Виллановы съ ея новой техникой въ керамикѣ и бронзахъ. Къ тому-же заключенію приходили и ученые, занимавшіеся вопросомъ о геометрическомъ орнаментѣ въ сосудахъ типа Виллановы: прямо заявляетъ объ этомъ Гельбигъ ⁶⁰⁸), и косвенно Бѣлау ⁶⁰⁹) и Гёрнесъ ⁶¹⁰). Не было согласія лишь въ томъ, какому народу принадлежали эти заморскія вліянія. Гельбигъ ⁶¹¹), Пигорини ⁶¹²) и Гзелль ⁶¹³) приписываютъ ихъ Финикійцамъ, Бѣлау ⁶¹⁴) и Гёрнесъ ⁶¹⁵) Грекамъ. Гельбигъ, Бѣлау и Гёрнесъ имѣютъ при этомъ въ виду исключительно геометрическій орнаментъ, который является такимъ характеристическимъ и постояннымъ признакомъ культуры Виллановы. И дѣйствительно, найти происхожденіе этого орнамента значитъ найти источникъ, подъ вліяніемъ котораго развилась эта культура, такъ какъ съ нимъ связаны не только торговыя сношенія, но и настоящія цивилизаторскія вліянія, каковы вліянія художественнаго вкуса, вліянія искусства.

Финикіяне были издавна любимымъ конькомъ Гельбига, для котораго даже и микенская культура была дѣломъ Финикіянь. Но въ послѣднее десятилѣтіе эта финикійская теорія утратила почти всякій кредитъ, и отважный бой, данный Гельбигомъ въ 1896 году въ Парнаксской Академіи надписей въ защиту этой теоріи ⁶¹⁶), не поднялъ ея значенія. При тщательномъ изслѣдованіи дѣла въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось финикійское вліяніе, его не оказывалось. Орси, раньше допускавшій его въ микенскую или даже въ до-микенскую эпоху въ Восточной Сициліи ⁶¹⁷), пришелъ, послѣ многолѣтнихъ поисковъ слѣдовъ финикійскихъ факторій тамъ, къ заключенію, что такихъ слѣдовъ нѣтъ вовсе, ни прямыхъ, ни косвенныхъ ⁶¹⁸). Что же касается собственно Италіи, то вообще до VIII ст. до Р. Хр., когда въ могилахъ Этруріи начинаютъ все больше и больше появляться предметы восточной торговли, мы здѣсь о финикійской торговлѣ ничего не

Неосновательность теоріи о Финикійскомъ вліяніи

знаемъ. Въ могильникахъ Виллановы, какъ и Беначчи 1-го и 2-го періода нѣтъ никакого слѣда этой торговли и только въ могильникѣ Арноальди, представляющемъ послѣднее время могилъ а rozzo и переходъ къ могиламъ а fossa, когда восточная торговля видимо проникаетъ внутрь полуострова, мы встрѣчаемъ изображенія льва и человѣка изъ слоновой кости, скарабея изъ лазурной пасты, египетскіе идолы и нѣкоторые другіе предметы финикійскаго ввоза. Но когда рѣчь идетъ о внѣшнихъ вліяніяхъ, подъ которыми стала развиваться культура Виллановы, то о Финикійцахъ говорить нѣтъ ровно никакого повода. Если, поэтому, мы читаемъ у Гзелля ⁶¹⁹⁾ слѣдующія строки: «То были *безъ сомнѣнія финикійскіе корабли*, а также подъ конецъ этого періода греческія суда, что привезли на берега Средиземнаго моря предметы, зачатки новыхъ производствъ, которыя придали культурѣ Виллановы фizioномію, очень отличную отъ фizioноміи террамаръ», то можемъ только удивляться, откуда у автора столь почтеннаго труда взялась смѣлость сдѣлать столь рискованное заявленіе. Фактовъ для его подтвержденія нѣтъ никакихъ.

Греческое
вліяніе

Напротивъ, есть фактъ очень крупный въ пользу ранняго греческаго вліянія. Это—геометрическій орнаментъ, особенно въ видѣ меандра, который обыкновенно покрываетъ собой какъ типическій оссуарій, такъ и добавочные сосуды и часто бронзовыя издѣлія. Еще не такъ давно была въ ходу высказанная очень солиднымъ берлинскимъ археологомъ, Конце ⁶²⁰⁾, теорія о томъ, что геометрическій орнаментъ есть орнаментъ индо-европейскаго племени и происходитъ изъ общаго мѣстожителства Грековъ и Италиковъ въ Средней Европѣ; откуда они, раздѣлившись, принесли его каждый на свой полуостровъ. Но теорія эта оказалась вполне несостоятельною по двумъ основаніямъ. Первое—то, что, какъ нами это было разъяснено раньше, греко-италійское единство, считавшееся германскими египтологами одно время догматомъ, никогда не существовало, что результаты сравнительнаго языковѣдѣнія находятся въ полномъ противорѣчій съ такимъ представленіемъ. Второе основаніе заключается съ одной стороны въ томъ, что керамика террамаръ, гдѣ прежде всего устроились въ Италіи разошедшіеся будто бы изъ одного мѣста съ Греками Италики, совсѣмъ не знаетъ геометрическаго орнамента, на что было указано Конце еще Гельбигомъ ⁶²¹⁾; съ другой стороны—въ томъ, что господствующая въ италійскомъ геометрическомъ орнаментѣ форма, именно меандра, чужда всѣмъ греческимъ системамъ кромѣ диплонской, чего не могло бы быть, еслибъ меандръ былъ достояніемъ еще Грековъ и Италиковъ на ихъ будто бы общей родинѣ въ Средней Европѣ: этотъ аргументъ противъ теоріи Конце выста-

вилъ Бѣлау ⁶²²). Такимъ образомъ, приходится теорію эту для объясненія происхожденія геометрическаго стила въ умбрской керамикѣ совершенно оставить. Тогда само собою навязывается развитое Бѣлау и затѣмъ Гёрнесомъ положеніе, что этотъ стиль прибылъ въ Италію изъ Греціи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что древнѣйшіе оссуаріи типа Виллановы этого стила не имѣютъ, или, правильнѣе, вовсе безъ украшенія. На это обстоятельство также было указано еще Гельбигомъ ⁶²³), который приводитъ въ примѣръ находящіяся на верху горы могилы некрополя Поджо Ренцо, близъ Кьюзи, и могилы сосѣдняго могильника Сартеано, гдѣ всѣ оссуаріи безъ орнамента. Въ дополненіе къ этому мы можемъ прибавить, что геометрическій орнаментъ является рѣдкостью и въ наиболѣе древнихъ могилахъ Ветулоніи, а представленный у насъ на табл. XXXIV (фиг. 1) типическій оссуарій могильника Виллановы служитъ доказательствомъ, что и по сѣверную сторону Апенниновъ сосуды безъ орнамента предшествовали сосудамъ съ орнаментомъ, что еще яснѣе видно изъ тѣхъ трехъ совершенно грубыхъ (табл. XXXIV, фиг. 6) оссуаріевъ, которые, лишенные всякой декораціи и имѣющіе лишь три бугорка вмѣсто ручекъ, какъ-то уцѣлѣли въ Виллановѣ среди массы оссуаріевъ типической формы. Все это показываетъ, что было время, когда сосуды въ умбрскихъ могильникахъ еще не знали геометрическаго орнамента и что онъ появился позже.

Какъ же онъ появился?

Еще раньше высказывалось мнѣніе, что иностранное вліяніе, ^{Путь, какимъ} содѣйствовавшее развитію культуры Виллановы, проникло въ Италію ^{шло грече-ское вліяніе} черезъ Тирренское море и изъ Средней Италіи, гдѣ оно проявилось раньше, и оттуда распространилось къ Сѣверу, за Апеннины, въ Болонью. Такъ высказывался Нигорини съ Кьеричи ⁶²⁴), Ундсетъ ⁶²⁵), Гзелль ⁶²⁶), Гирардини ⁶²⁷). Послѣдній видѣлъ это движеніе съ Юга на Сѣверъ на ситулѣ, которою онъ спеціально занимается. Теперь Бѣлау ⁶²⁸) высказываетъ то-же самое по отношенію къ геометрическому орнаменту. Въ примѣненіи меандра въ этомъ орнаментѣ въ Болоньѣ и ея окрестностяхъ онъ обратилъ вниманіе на его направленіе, вообще на то, что онъ называетъ патологическими явленіями въ этомъ стилѣ; и такъ какъ форма орнаментики этого рода въ Этруріи чище, чѣмъ по сѣверную сторону Апенниновъ, гдѣ она является уже преобразованною, то онъ и заключаетъ отсюда, что орнаментъ этотъ позже пришелъ въ долину По, тогда какъ нельзя видѣть какого либо «странствованія» декоративныхъ типовъ съ Сѣвера на Югъ ⁶²⁹). Вслѣдъ за Бѣлау то-же мнѣніе, только съ большою настойчивостью высказалъ и Гёрнесъ, видоизмѣняя его въ томъ смыслѣ, что орнаментъ Виллановы вышелъ не изъ Средней, а изъ Южной Италіи ⁶³⁰). Наибольшую простоту

типа онъ видѣть въ хранящемся въ Неаполитанскомъ музеѣ оссуаріѣ изъ Кумъ (Обнародованъ въ *Notizie degli Scavi*, 1896, р. 531). Но если ничего нельзя возразить противъ правильности комбинаціи Бѣлау, тѣмъ болѣе, что какъ и въ самыя отдаленныя, такъ и въ позднѣйшія времена плаваніе по Тирренскому морю было всегда удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ по Адриатическому, то заявленіе Гёрнеса встрѣчаетъ сильное противорѣчіе въ обстоятельствахъ первой важности. Культура Виллановы, которая такъ роскошно рацѣла въ Болоньѣ и въ Юго-Западной Этруріи, въ Южной Италіи является лишь спорадически, да и то въ могильникахъ, какъ Суэссула, Пьедимонте д'Алифе, Торредель Мордилло, наконецъ—Кумы, которые относятся далеко не къ раннему періоду этой культуры, а къ такому, когда она была уже соединена съ обрядомъ трупопогребенія. Исключеніе составляетъ недавно открытый могильникъ горы Тиммари въ Базиликатѣ, который представляетъ переходное состояніе отъ бронзовой эпохи къ желѣзной и гдѣ въ могилахъ—обрядъ трупосожженія. Какъ ни важно значеніе этого послѣдняго могильника, но отсутствіе слѣдовъ того развитія культуры Виллановы въ Южной Италіи, какъ она проявилась въ Средней и въ Сѣверной, заставляетъ насъ стоять въ этомъ пунктѣ скорѣе на сторонѣ Патрони, который отрицаетъ ⁶³¹⁾ всякое развитіе культуры Виллановы въ Южной Италіи, чѣмъ на сторонѣ Пигорини, который такъ ратуетъ за это развитіе въ своей, правда, превосходной статьѣ «О бронзовомъ и первомъ желѣзномъ вѣкѣ въ Южной Италіи» ⁶³²⁾. Типъ Кумскаго оссуарія дѣйствительно очень простъ, какъ и его орнаментъ. Но думать, что эта именно простота послѣдняго свидѣтельствуеетъ объ его наибольшей близости къ источнику, нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ въ массѣ образцовъ диллонскаго стиля, представленныхъ намъ въ интересной работѣ Сама Виде, о «Геометрическихъ вазахъ изъ Греціи» ⁶³³⁾, нѣтъ никакого подобія тому меандру (какъ и всему орнаменту), какой представляетъ намъ кумскій оссуарій. Кумскій могильникъ, какъ и вообще южно-италійскіе могильники (за исключеніемъ Тиммари), о которыхъ была рѣчь выше, представляетъ не начинающуюся культуру Виллановы, а заходящую или, лучше, лишь ея отголоски, и археологическій матеріалъ ихъ стоитъ въ ближайшей связи съ культурой Лаціума и является ея продолженіемъ. Это ясно видно и на тѣхъ сосудахъ изъ Суэссулы, которые у насъ представлены на таблицѣ XXV (фиг. 1—8), и которые встрѣчаютъ себѣ полное соотвѣтствіе и въ кумской керамикѣ. *). Если со времени греческой колонизаціи Ла-

*) Не могу не высказать сожалѣнія, что администрація До-историческаго музея въ Римѣ, которая съ такою готовностью (что въ Италіи не часто встрѣ-

ціумъ находился подъ вліяніемъ Южной Италіи, и особенно Кампаніи, то до этой колонизаціи мы видимъ обратное: италійская культура распространялась не съ Юга на Сѣверъ, а съ Сѣвера на Югъ, что такъ громко сказалась въ террамарѣ Таранто, воспроизводящей бронзовую культуру долины По, и въ могильникѣ Тиммари, ведущемъ насъ для сравненія въ Бисмантову и Фонтанеллу.

Геометрическій орнаментъ на керамикѣ и бронзахъ Виллановы, греческое происхожденіе котораго неоспоримо, необходимо заставляетъ насъ предположить посѣщеніе Италіи греческими кораблями въ эпоху, далеко предшествовавшую греческой колонизаціи, что, разумѣется, и естественно, такъ какъ прежде чѣмъ селиться въ какой-либо странѣ, нужно съ ней внимательно познакомиться. И выбранныя Греками мѣста для поселеній, начиная съ Кумъ, показываютъ, что мѣста для колоній ими выбирались не на обумъ: лучшаго, болѣе защищеннаго отъ бурь и внезапныхъ нападеній приморскаго пункта, какъ лежащая за островомъ Исхией прибрежная гора, на которой расположились Кумы, найти въ Италіи было невозможно. Если Орси⁶³⁴), изслѣдуя восточно-сицилійскіе некрополи и видя исчезновеніе городовъ и селеній Сикуловъ къ началу желѣзнаго вѣка съ побережья, долженъ былъ неизбежно притти къ заключенію, что это обстоятельство можетъ быть объяснено единственно появленіемъ уже около 1000 лѣтъ до Р. Хр. первыхъ греческихъ колонистовъ, заставившихъ удалиться Сикуловъ внутрь страны, то появленіе культуры Виллановы съ греческой геометрической системой орнамента столь-же естественно влечетъ къ заключенію, что столкновеніе Грековъ съ Италиками началось также не позже X вѣка до Р. Хр., когда этотъ орнаментъ былъ у Грековъ въ наибольшемъ развитіи и греческое искусство было свободно отъ восточныхъ вліяній, которыя измѣнили орнаментацию греческихъ сосудовъ къ VIII столѣтію. Какой эллинскій народъ принесъ его къ берегамъ Италіи, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Что первые мореплаватели къ берегамъ Гесперіи были Іоняне, объ этомъ говоритъ и самое названіе *Ионическимъ* того моря, которое ведетъ изъ Греціи въ Италію и Сицилію. Іонянамъ-же принадлежатъ и первыя греческія колоніи какъ въ Великой Греціи, такъ и на сосѣднемъ съ нею островѣ. Но позволительно предполагать, что Іоняне уже тогда посѣщали не только восточныя берега Іоническаго моря и западныя берега полуострова, омываемые Тирренскимъ моремъ, но и воды Адриатическаго моря, которое въ южной своей части носило названіе Іонійскаго залива, *Ἰωνίος κόλπος*⁶³⁵).

чается) и любезностью предоставила мнѣ свободу снѣтія фотографій съ ея богатыхъ коллекцій, затруднилась предоставить мнѣ для этой цѣли ея кумскую коллекцію.

Для такихъ предприимчивыхъ мореплавателей не сдѣлать попытку проникнуть, насколько возможно, въ заливъ столь хорошо знакомаго имъ моря было бы странно. Впрочемъ пускаться въ область рискованныхъ предположеній—не наше дѣло.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Römische Geschichte, 3-е изд. Berlin, 1861, т. I, p. 8—9; ср. 8-е изд., I, Berl. 1888, p. 8—9.
- 2) Géologie des environs de Rome въ *Atti della Società Italiana di scienze naturali*, Milano. Vol. VI (1864), p. 530 — 538. Вотъ что говоритъ авторъ мемуара въ его заключеніи: «L'homme, dont les restes ont été trouvés dans le travertin, avec des ossements d'animaux divers, entre autres de hyène et du bos primigenius, espèce de boeuf éteinte, aurait été contemporain de la dernière période de l'époque quaternaire».
- 3) Stromenti in silice della prima epoca della pietra della Campagna Romana. Lettera, diretta al Prof. Luigi Pigorini. Roma, 1866.
- 4) См. отчетъ о засѣданіяхъ 16 Февраля и 23 Марта въ *Bullettino dell' Instituto di corr. archeol.* 1866, p. 35—36 и 97—98.
- 5) Французскій авторъ говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи «L'homme antediluvien et ses oeuvres», Paris, 1860.
- 6) Sugli strumenti in pietra focaia, rinvenuti nelle cave di breccie presso Roma, riferibili all'industria primitiva въ *Atti dell'Accadem. Pontif. de'Nuovi Lincei* (засѣданіе 8 Марта 1866) и Sui manufatti in focaia, rinvenuti all'Inviolatella nella Campagna Romana, e sull'uomo all'epoca della pietra въ тѣхъ-же *Atti* т. XX (засѣданіе 2 декабря 1866). Отдѣльный оттискъ 1867. Кромѣ того, Dell'Aniene e suoi relitti, — брошюра цитуемая М. Ст. де-Росси и мнѣ невѣстная.
- 7) La Paleoeologia in Roma, in Napoli, nelle Marche e nelle Legazioni. Relazione del dottore Luigi Pigorini a S. E. il ministro della Pubblica Istruzione. Roma, 1867, p. 9—16.
- 8) Rapporto sugli studi e sulle scoperte paleoeologiche nel bacino della Campagna Romana въ *Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica*, 1867, p. 11 sq. Secondo rapporto sugli studi e sulle scoperte paleoeologiche nel bacino della Campagna Romana въ *Giornale Arcadico* т. VIII (Юль, 1868). Отд. оттискъ стр. 1 — 14.
- 9) Antichità dell'uomo nell'Italia Centrale въ *Rendiconti* Неаполитанской академіи наукъ физическихъ и математическихъ (засѣданіе 1-го августа 1868). Napoli, 1868, p. 130—135.
- 9a) Въ *Bullettino di paleologia Italiana* 1878 (IV), p. 91 sq. Раньше о мастерской, найденной имъ будто бы на Монте Каньоло близъ Чивита-Лавинія, онъ говоритъ въ *Bullettino* 1876 (II), p. 199.

- 10) Intorno alle armi antiche di pietra dura, che sono state raccolte nell'Imolese въ *Nuovi Annali delle scienze naturali di Bologna*, 1850.
- 11) См. особенно статью Адриана де-Мортилье въ *Revue mensuelle de l'École d'Anthropologie de Paris*, vol. I. (1891), p. 330 sq. fig. 78—80.
- 11a) Oggetti litici degli Abruzzi Chietino ed Aquilano conservati nel Museo Preistorico di Roma въ *Archivio per l'Antropologia* di Firenze, vol. XXVI, 1896, p. 318—343.
- 12) Les restes de l'âge de pierre dans la province de Chieti (Abruzes). Siena, 1879, p. 3—4.
- 13) Ricerche di archeologia preistorica nella valle della Vibrata nell'Abruzzo Teramano. L'età della pietra, con X tavole. Firenze, 1871. Scoperte paleontologiche nella valle della Vibrata ed in altri luoghi del Teramano. Firenze, 1873.
- 14) «Certo è, che nella nostra valle sono stati trovati avanzi d'industria umana, che sono da riferire *al cominciare* del primo periodo dell'età della pietra». *Ricerche* etc. p. 27.
- 15) Ricerche, p. 30.
- 16) Selci lavorate dall'uomo въ *Archivio per l'antropologia e la etnologia*. Firenze 1877 и 1878.
- 17) Oggetti di silice macrolitici nel Parmegiano въ *Bullettino di paleontologia Italiana* 1883 (IX).
- 18) Fournet, Du mineur. Son rôle et son influence sur les progrès de la civilisation d'après les données actuelles de l'archéologie et de la géologie. Lyon, 1862. На это сочинение указываетъ генуэзскій проф. Артуръ Иссель въ своей Liguria geologica e preistorica. Genova, 1892, II, p. 78. Что же касается до двухъ сообщений о своихъ раскопкахъ Фореля, то они намъ неизвестны и по заглавию, которое Исседемъ не указываетъ.
- 19) P. 250—267.
- 20) Di una caverna ossifera di Finale въ *Atti della Società Italiana di scienze naturali*, Vol. VII. Milano, 1864.
- 21) Въ *Memorie della R. Accademia delle scienze di Torino*. Serie 2-a, Vol. XXIV. Torino, 1866.
- 22) См. *Memorie della R. Accademia dei Lincei*, Vol. IX, Roma, 1888.
- 23) Иссель, Liguria geologica e preistorica, II, p. 252—259.
- 24) Ibid. p. 267—268.
- 25) Нѣкоторое сомнѣнiе въ существованiи челоуѣка въ Balzi Rossi вмѣстѣ съ большими, исчезнувшими потомъ, млекопитающими четвертичной эпохи высказываетъ и Иссель, но не выставляя для своего сомнѣнiя серьезнаго основанiя.
- 26) Сущность разныхъ мнѣнiй, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаютъ мнѣнiя, высказанныя въ разное время Ривьеромъ, начиная съ его труда De l'antiquité de l'homme dans les Alpes Maritimes, Paris, 1877, и кончая его заявленiями на географическомъ съѣздѣ 1875 въ Парижѣ, изложена Коллинъ въ статьѣ: Scoperte paleontologiche nelle caverne dei Barzi Rossi въ *Bullettino di paleontol. Ital.* XIX (1893) p. 117—161.
- 27) На основанiи раскопокъ Морелли о содержимомъ въ пещерахъ Подлеры и Arene Candide обстоятельно говорилъ еще Кастельфранко въ *Revue d'anthropologie*, 1889, въ статьѣ: Age de la pierre en Italie, p. 589—598. Болѣе подробно — Иссель въ Liguria geol. e preist., II, 158—259.
- 28) Такъ именно думаетъ Пигорини въ *Bullettino di Paleont. Ital.* XIV (1888) p. 139 XVII (1891), p. 49, XXI (1895) p. 98. Ср. Пеллегрини, Officina preistorica a

- Rivoli Veronese, p. 23, 29—30, 57—58 и въ др. мѣст. Остальную литературу см. у Колинни въ *Bullettino di paletn. Ital.* XXV (1899), p. 279—283.
- 29) См. Кастельфранко въ его *Age de la pierre en Italie* въ *Revue d'anthropologie* 1889, p. 609.
- 30) *Praehistorische Studien aus Sicilien*. Berl. 1878. (Изъ *Zeitschrift für Ethnologie* 1878).
- 31) См. Theobald Fischer, *Beiträge zur physischen Geographie der Mittelmeerländer, besonders Siciliens*. Leipzig, 1877, p. 21.
- 32) *Monumenti antichi*, изд. Академією Линчеевъ, IX, p. 500.
- 33) *Орси*, *ibid.* p. 466.
- 34) *Dei primi abitanti della Sardegna*, Bologna, 1881, p. 50; 10—11, 26.
- 35) Ceselli, *Scoperta di un sepolcro dell'epoca neolitica alle Caprivi*. Roma, 1873 (въ *Вуонаротти*).
- 36) *Rapporto sugli studi e sulle scoperte palenologiche nel bacino della Campagna Romana* въ *Annali* Института археол. корреспонденціи, 1867, p. 23 sq. Къ отчету приложенъ трактатъ проф. Поппи о скелетахъ человѣческихъ и костяхъ животныхъ, найденныхъ въ могилахъ Кантадуно (*Appendice Osteologica*), p. 54 sq.
- 37) *Il Sepolcreto eneolitico di Remedello-Sotto nel Bresciano e il periodo eneolitico in Italia* въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1898—1900 (XXIV—XXVI). Кромѣ массы фактическихъ данныхъ, собранныхъ авторомъ, его трудъ отличается особенною полнотою библиографіи, какая могла быть достигнута лишь благодаря превосходной, быть можетъ, единственной въ своемъ родѣ, библиотекѣ музея, при которомъ Колинни работаетъ.
- 38) О связи раскрашиванія съ декаризаціей писалъ, по поводу Стургольской могилы, Пигорини въ *Bullettino di paletnol. Ital.* 1880 (VI), p. 33 и въ томъ-же изданіи писалъ, съ указаніемъ литературы предмета, касающагося также Дани, Великобританіи, Франціи, Крима, Алжира и Америки Сѣверной, Центральной и Южной, Колинни 1893 (XIX) въ упомянутой уже статьѣ: *Scoperte palenologiche nelle caverne dei Balzi Rossi*, p. 117—161, 233—350. Изображеніе раскрашеннаго черепа Колинни представилъ въ *Bullettino di pal. Ital.* 1898 (XXIV) на табл. XVI. Вирховъ относительно этой окраски черепа высказался въ томъ смыслѣ, что она столько-же могла быть преднамѣренною, какъ и случайною. См. *Zeitschrift für Ethnologie* 1897 (*Verhandlungen*, p. 537; 1898, p. 70). Ср. Петерсена въ *Mittheilungen* римскаго археол. института 1898, p. 160 sq. 1899, p. 166 sq. Петерсенъ, сомнѣваясь въ преднамѣренности окраски, ударяетъ на то, что окрашеннымъ является не только черепъ, но и два наконечника стрѣлы.
- 39) Мѣста такого погребенія указываются въ Европѣ, Азіи и Африкѣ Возникшимъ (Wosinsky) въ его *Das prachistorische Schanzwerk von Lengyel*, III, p. 184 sq.
- 40) См. у М. Ст. де-Росси *Rapporto etc.* въ *Annali* Инст. арх. корр. 1867, p. 29 и 65, и у Колинни въ *Bullettino di Paletn. Ital.* 1898 (XXXIV), p. 208 sq. 1899 (XXV), p. 296.
- 41) Послѣ Беллуччи (*Archivio per l'Antropologia e l'Etnol.* VII) указываетъ на эти столпки Колинни въ *Bull. di pal. Ital.* 1900 (XXVI), p. 135.
- 42) *Bullettino di paletn. Ital.* 1899 (XXV), p. 299.
- 43) *Ibid.* p. 304.
- 44) *Notizie degli scavi*, 1899, p. 286.

- 44a) Ibid, p. 287.
- 45) *Archivio per l'Antropologia* etc. vol. IV, (1874), p. 102.
- 46) Ibid. p. 196—198, или въ *Ricerche*, p. 67—73.
- 47) *Ricerche* etc., p. 43—75.
- 48) См. *Bullettino di paleon. Ital.* 1898 (XXIV) и мою статью въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1899, Май, стр. 114 слд.
- 49) *Bullettino di paleon. Ital.* 1899 (XXV), p. 53 sq.
- 50) Id. *Bullettino* 1876 (II), p. 83.
- 51) Id. *Bullettino* 1899, p. 231. Здѣсь (p. 227 sq.) Коллинн указываетъ и литературу предмета относительно распространения обидиана въ Итали.
- 52) *Notizie degli scavi*, 1900, p. 32.
- 53) Въ Катанин (*Notizie degli scavi* 1898, p. 222) и въ Канателло, пров. Джордженти (*Bull. di paleon. Ital.* 1897 (XXIII), p. 111 sq. Относительно формы хижины, слѣды которой открыты Орси въ Монтерачелло, см. *Bull. di paleon. Ital.* 1898 (XXIV), p. 204, и въ моей статьѣ «Еще о Сикудлахъ, Умбрахъ и Латинянахъ» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1899, Май, стр. 124.
- 54) См. въ *Bull. di pal. Ital.* 1897 (XXIII), p. 154.
- 55) См. *Notizie degli scavi* 1900, p. 89.
- 56) См. особенно статьи Кьеричи: Villaggio dell'età della pietra nella prov. di Reggio dell'Emilia въ *Bullettino di paleon Ital.* 1877 (III), p. 1—12, табл. I, которая мною воспроизведена (см. табл. VII) и Саранне sepolcri dell'età della pietra въ томъ-же *Bullettino* 1879 (V) p. 97—114, табл. VI, которая воспроизведена и у насъ (табл. VII); Мы воспроизвели эти таблицы потому, что изображенные на нихъ предметы большею частию утрачены.
- 57) Въ *Revue d'Anthropologie* 1889, p. 601.
- 58) Gli Iberici in grotte artificiali, in fondi di capanne e in caverne въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1882 (VIII), p. 5—6.
- 59) См. по преимуществу мою статью въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1890—1894, которые собраны и въ отдельномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Quattro anni di esplorazioni sicule nella provincia di Siracusa», затѣмъ статьи въ томъ-же журналѣ отъ 1897 года и слд.; также въ *Monumenti Antichi* Академіи Линччевъ, VI, IX, и въ *Notizie degli scavi* послѣднихъ лѣтъ.
- 60) Монтедиусъ владеть прямоугольными домами Санторина (Феры), сохранившимися подъ вулканическими изверженіями, около 2000 лѣтъ до Р. Хр. См. его *Orient und Europa*, I, p. 186.
- 61) Un villaggio Siculo presso Matera nell'antica Apulia въ *Monumenti Antichi* VIII (1898) и въ отдельномъ оттискѣ. См. объ этой работѣ мою статью въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1899, Май, p. 125—137.
- 62) См. у Монтедиуса въ *Orient und Europa*, I, p. 163—168, гдѣ даны изображенія этой формы могилъ, начиная съ Египта и кончая Франціей.
- 63) *Ricerche* etc. p. 33.
- 64) Terzo Rapporto sugli studi e sulle scoperte paleontologiche nell'Italia Media, напечатанный въ *Bullettino Universale della corrispondenza scientifica di Roma per l'avanzamento delle scienze* Anno XXIII, № 5, Dicembre 1870. Отд. оттискъ Roma, 1871. 2-е изданіе напечатано въ *Il Buonarroti*, ser. III, vol. VI, Maggio 1871, и vol. VII, Marzo 1872.
- 65) *Ricerche* etc., p. 35—37.
- 66) Въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1898 (XXIV), p. 247 sq.
- 67) Описанія Морелли относительно Поллеры см. въ *Memorie della R. Accademia*

- dei Lincei*, vol. IV (1888); относительно *Agene Candide* въ *Atti della società ligustica di scienze naturali e geografiche*, vol. V, Genova, 1890. Исторія изслѣдованія этихъ пещеръ съ указаніемъ результатовъ отдѣльныхъ изслѣдователей находится въ упомянутой книгѣ Песселя.
- 68) Подробности у Морелли въ выше указанныхъ *Memorie* Академіи Линчеевъ и въ статьѣ Кастельфранко въ *Revue d'Anthropologie* 1889, p. 589 sq.
- 69) Plios, франц. изд. (Paris, 1885), p. 278, 283, 427, 429.
- 70) См. *Bullettino di paleont. Ital.* 1887 (XIII), табл. VII.
- 71) Liguria etc., II, p. 220.
- 72) Мнѣніе его приводитъ Кастельфранко въ *Revue d'Anthropologie*, 1889, p. 597.
- 73) Liguria etc. II, p. 350.
- 74) Ibid. p. 188.
- 75) Studi antropologici et etnografici sulla Nuova Guinea. Firenze, 1877, p. 55. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на два фотографическихъ изображенія Австраліицевъ въ *Revue d'Anthropologie* 1887 (p. 228) снятыхъ во время пребыванія ихъ въ Европѣ, съ палочками въ ноздряхъ, въ которыхъ явственно видна одна; но она не дугообразнаго вида.
- 76) Liguria etc. II, p. 200.
- 77) *Bullettino di paleont. Ital.* 1876 (II), p. 147, 1883 (IX), p. 16 и 206.
- 78) См. въ Атласѣ Морелли табл. XXVIII, фиг. 11 и 14.
- 79) Приведено у Песселя въ Liguria etc. II, p. 206.
- 80) Dei primi abitanti della Sardegna. Bologna, 1881, p. 35 sq.
- 81) *Bullettino di paleont. Ital.* 1898 (XXIV), p. 254.
- 82) Dei primi abitanti etc., p. 50.
- 83) *Bullettino di pal. Ital.* 1898 (XXIV), p. 256.
- 84) Ibid. p. 258—259.
- 85) Id. *Bullettino* 1879 (V), 1881 (VII), 1884 (X). См. также у Колпы въ *Bullettino* 1898, p. 245 sq., гдѣ сравнивается археологическій характеръ этой пещеры съ другими, ей подобными, на островахъ и на материкѣ. Колпы предпочитаетъ отнести въ общемъ матеріалъ этой пещеры къ энеолитическому періоду, не исключая впрочемъ возможности видѣть здѣсь и бронзовый періодъ, въ который оружіе и предметы издѣлія изъ камня и кости не выходили совершенно изъ употребленія.
- 86) Sopra una collezione d'oggetti antistorici trovata nelle isole dell'Arcipelago Toscano. Fir. 1867, p. 25—29. Ср. Кьеричи, *Antichi monumenti nella Pianosa. Reggio nell'Emilia*, 1875.
- 87) См. выше приведенный трудъ *Præhistorische Studien aus Sicilien, mit acht Tafeln*. Berl. 1878, p. 30 sq.
- 88) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1897, Ноябрь, отдѣльный листокъ стр. 30.
- 89) См. его прекрасную статью: Scoperte paleontologiche nel territorio di Modica in Sicilia въ *Bullettino di paleont. Italiana* 1882 (VIII), p. 61.
- 90) Id. *Bullettino* 1898 (XXIV), p. 283.
- 91) Die Chronologie der ältesten Bronzezeit, in Nord-Deutschland und Scandinavien. Braunschweig, 1900, p. 89—90. Пигорини большую часть этихъ иллюстрацій далъ еще въ своемъ *Bullettino* 1884 (VIII), на табл. II.
- 92) Петерсенъ въ *Mittheilungen* римскаго археол. института, 1898, p. 176—179 разбирая элементы этого орнамента, указываетъ на постепенное его усовершенствованіе.
- 93) *Notizie degli scavi*, 1884, p. 261, табл. II.

- 94) Колпни въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 (XXIV), p. 283; Петерсенъ въ *Mittheilungen* 1898, p. 176.
- 95) См. Орси въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1890 (XVI), p. 196.
- 96) Id. *Bullettino* 1898 (XXIV), p. 281.
- 97) Мауджини, Scoperte preistoriche in Sicilia въ *Rivista scientifica It.*, 15 Апрѣля 1879, цитуемая Пигорини въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1882 (VIII), p. 22—23.
- 98) Ихъ описываетъ и даетъ изображенія Орси въ Id. *Bullettino* 1892, 7—9, въ отд. отт. p. 155—157. ср. таблицу IV, 1—2.
- 99) *Mittheilungen* римск. арх. инст. 1898, p. 163.
- 100) См. у Шлпмана въ Pios, fig. 564 и 565.
- 101) Die Chronologie der ältesten Bronzezeit, p. 188.
- 102) *Notizie degli scavi* 1898, p. 35—36.
- 103) *Bullettino di pal. Ital.* 1898 (XXIV), p. 178 sq.
- 104) Stazione neolitica di Alba in prov. di Cuneo въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1893 (XIX), p. 162—168.
- 105) Id. *Bullettino* 1810, p. 177 sq. См. также мою статью «О происхожденіи Сикуловъ» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, Ноябрь, 1897; отд. оттиска стр. 27—31.
- 106) См. въ моей вышеуказанной статьѣ (стр. 30 отд. оттиска) указанія на разные статьи Пигорини, въ которыхъ онъ наираетъ на этническую связь между населеніями Сициліи, Сардиніи, Португаліи и дольменовъ и погребальныхъ гротовъ южной Франціи.
- 107) *Bullettino di paletn. Ital.* 1899 (XXV), 147.
- 108) Ibid. p. 247—250, гдѣ указывается и обильная специальная литература, относящаяся къ этому предмету.
- 109) См. *Bullettino* 1884 (X), p. 133 sq., гдѣ и появилось въ первый разъ въ Италіи названіе энеолитическаго періода (p. 151).
- 110) *Commentari dell'Ateneo di Brescia*, 1886.
- 111) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1895—1900 (XXIV—XXVI). Отдѣльный оттискъ подъ заглавіемъ: Il Sepolcreto di Remedello-Sotto nel Bresciano e il periodo eneolitico in Italia. Parte prima. Parma, 1899. Parte seconda, 1900.
- 112) Эту декарнизацию мы потомъ встрѣтимъ въ огромныхъ размѣрахъ въ энеолитическую эпоху въ Сициліи, но она была свойственна не одному неолитическому населенію Италіи и Сициліи.
- 113) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1884 (X). Статья Кьеричи носитъ заглавіе: I Sepolcri di Remedello nel Bresciano e i Pelasgi in Italia, p. 133—164.
- 114) См. въ *Журналъ Минист. Нар. Просв.* 1897 г., Ноябрь. Въ отдѣльномъ оттискѣ (С.-Петербургъ, 1898) энеолитическому періоду отведены страницы 31—45. Дополненіе къ этому труду представляетъ статья «Еще о Сикулахъ» и пр., помѣщенная въ томъ-же журналѣ 1899, Май, стр. 113 слд.
- 115) См. статью Пигорини въ *Atti Академіи Линччевъ* 1884: Sul costume delle età neolitica di seppellire le ossa umane già scarnite, а также Hostmann, Das Skelettiren der Leichen. Schweig., 1890.
- 116) Подробнѣйшая библиографія и указанія по этому вопросу представлены у Колпни въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1898, p. 240—242.
- 117) См. формы этихъ могилъ какъ съ корридормъ, такъ и съ колодцемъ въ видѣ предверія у Монтедіуса въ *Orient und Europa*, p. 45 sq.
- 118) См. у Шлпмана въ Мукенае (*Leipzig*. 1871) фиг. 339. О самомъ сосудѣ подробно трактуется у Гельбига въ *Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert*. Lpz. 1884, p. 220 sq.

- 119) См. у Шлимана въ Мукенае, фиг. 346, у Гельбига въ op. cit. p. 272.
- 120) *Mittheilungen* германскаго археол. института въ Римѣ, 1898, p. 177 sq.
- 121) *Bullettino di paleon. Ital.* 1893 (XIX), p. 33.
- 122) Орскі ibidem, p. 19 (примѣч. 22), указываетъ на мѣстности Spaccaforno, Kagusa и Scicli, poste tutte a poche ore di distanza da Castelluccio.
- 123) Въ этомъ случаѣ мы можемъ сослаться на Пигорини, который въ *Rendiconti* академіи Линчеевъ 1899, p. 249 говоритъ: «Fin a qui la Terra d'Otranto è la sola regione dell'Italia continentale, nella quale s'incontrano i dolmen».
- 124) См. отчетъ Ниолуччи объ этомъ сѣздѣ въ *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*, 1874, p. 309.
- 125) *Bullettino di paleon. Ital.*, 1898 (XXIV), p. 192 и 202.
- 126) *Der Orient und Europa*. Stockholm, 1899, 1 Hefst, p. 30 sq.
- 127) Crani preistorici della Sicilia въ *Atti della Società Romana di Antropologia*, 1899, vol. VI, fasc. I. Отд. отиска.
- 128) См. въ моей статьѣ о происхожденіи Сякуловъ въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* Декабрь 1897. Отдѣл. отд. стр. 73 слѣд.
- 129) *Archiv für Anthropologie*, 1899, p. 511; Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Norddeutschland und Scandinavien. Braunschweig, 1900, p. 91.
- 130) Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient. 4-е изд. Paris., 1886, p. 157. Цилиндръ Нарамъ-Сина относятъ къ тому-же времени А. Н. Say, Hilprecht и др. См. отчетъ Онефальшъ-Рихтера въ *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 1899, p. 39. См. также Naue, Die Bronzezeit in Cypern въ отчетѣ über die 19 Allgem. Versammlung der deutschen anthropol. Gesellschaft zu Bonn, 1888 въ *Correspondenzblatt der Deutschen Anthropol. Gesellschaft*, 1888, p. 125—127.
- 131) См. De-Morgan, Sur les origines de l'Egypte. Paris, 1896, p. 199.
- 132) Масперо, l. c. p. 41; Flinders Petrie, History of Egypt I (2-е изд. Lond. 1895 p. 80), относятъ перваго царя 4-й династіи, Несру, приблизительно за 4000 лѣтъ до Р. Хр. Съ этой хронологіей первыхъ трехъ египетскихъ династій заявляетъ полное согласіе и Монтелиусъ въ своей Die Chronologie der ältesten Bronzezeit etc., p. 144.
- 133) The Journal of Hellenic studies, XVII, p. 138. Montelius, Die Chronologie etc., p. 152.
- 134) Nagada and Ballas. Lond. 1896, p. 60.
- 135) См. въ вышеупомянутыхъ *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie etc.* 1899, p. 311.
- 136) См. Dörpfeld, Troja 1893. Bericht über die im Jahre 1893 in Troja veranstalteten Ausgrabungen. Leipzig, 1894.
- 136) Ibid., p. 61.
- 137) См. Much, Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur der Indogermanen. Jena, 1893 (2-е изд.), p. 136—138.
- 138) Victor Gross, Les Protohelvètes. Berl. 1883, табл. XXXIII.
- 139) G. de Mortillet, Musée préhistorique, n. 541.
- 140) Монтелиусъ, Chronologie etc., p. 184.
- 141) Шлиманъ,lios, p. 266.
- 142) См. у Дюмлера въ его Mittheilungen von den griechischen Inseln въ *Mittheilungen* аѳинскаго института, 1886, p. 37 sq.
- 143) Шлиманъ,lios, p. 259.
- 144) Дюмлеръ, op. cit. въ *Mittheilungen* аѳинскаго института, 1886, p. 15 sq.

- 145) Much, lib. cit., p. 137.
- 146) См. примѣчаніе 130.
- 147) Much, l. c. p. 73: «Es hat ein ~~Grund~~ Grund von Wahrscheinlichkeit an sich, dass man in Kupferreichen Cypern früher in den Besitz des Kupfers gekommen ist, als in Babylonien und Aegypten».
- 148) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1891 (XVII), p. 116. См. также у меня въ статьѣ «О происхожденіи Сиколовъ» отд. изд. стр. 45.
- 149) Въ вышеуказанныхъ *Verhandlungen* берл. общества Антропологін, Этнологін и пр., 1899, p. 29 слд.
- 150) Die Chronologie etc., p. 188.
- 151) *Notizie degli scavi 1897* (Мартъ, Апрель, Май) и въ *Monumenti antichi VIII* (1898) статья: Un Villaggio Siculo presso Matera nell'antica Arabia. См. также въ моей статьѣ въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1899 (Май), подъ заглавіемъ: «Еще о Сикюлахъ, Умбрахъ и Латинянахъ», стр. 125 слд.
- 152) *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 (XXIV), p. 224; 1899 (XXV), p. 196.
- 153) I sepolcri di Remedello nel Bresciano e i Pelasgi in Italia въ томъ-же *Bullettino* 1884 (X) p. 133—164.
- 154) Въ А. Р. I, 17 Дюнсий говорятъ о прибытіи Пелазговъ изъ Фессалии, а не изъ Эллы.
- 155) Указывается Мухомъ, Kupferzeit etc., p. 91.
- 155a) Иссель въ *Liguria geologica e preistorica*, II, p. 115.
- 156) См. у Кошши въ *Bullettino di pal. Ital.* 1898, на табл. VIII.
- 157) См. ихъ изображенія у Пульского въ *Kupferzeit in Ungarn*. 1884, p. 41—44.
- 158) См. у Онефальша-Рихтера op. cit., фиг. XXI, 9; ср. у Монтелиуса въ *Chronologie etc.*, p. 153, фиг. 366 (по экземпляру, находящемуся въ Стокгольмскомъ музеѣ).
- 159) Въ *Notizie degli Scavi*, 1899, p. 287. Брицію сравниваетъ (p. 288) съ кипрскимъ топоромъ обнаруженный Эвансомъ въ L'âge du bronze de la Grande-Bretagne et de l'Irlande, p. 43, фиг. 1.
- 160) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 (XXXIV), табл. XVII, фиг. 6.
- 161) Онефальшъ-Рихтеръ, op. cit., p. 314—315. Одинъ изъ такихъ мѣдныхъ топоровъ, найденныхъ на о. Аморгосъ, обнаруженъ въ *Эпиграфическа археологичка* 1898, табл. XII, фиг. 7. Швейцарскій экземпляръ см. у Гросса въ *Les Protohelvetes*, а верхне-австрийскій у Муха въ *Die Kupferzeit etc.*
- 162) *Die Kupferzeit in Ungarn*, p. 93.
- 163) У Монтелиуса, *Die Chronologie etc.*, p. 101, приведены изображенія этихъ кнжаловъ изъ Кипра, Венгрии и Швейцарии. См. также для Венгрии Пульского, l. c., p. 77.
- 164) См. у Онефальшъ-Рихтера, o. c., p. 316.
- 165) Die neolithic Station von Butmir bei Sarajevo in Bosnien. I. Theil, Вѣна, 1895. Воспроизведенъ орнаментъ у Монтелиуса въ *Die Chronologie etc.*, p. 175.
- 166) См. у Монтелиуса *ibid.*, p. 92 sq.
- 167) Въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1892 (XVIII), p. 232—235, 1896 (XXII), p. 267, 1900 (XXVI), p. 95.
- 168) Археологія Россіи. Каменный періодъ. Графа А. С. Уварова, Москва, 1889. Приложение. Таблицы 3, 6, 8, 10, 14, 21, 26, 27, 30, 34, 36—40, 45—49. Нужно впрочемъ замѣтить, что формы орудій, называемыя у Кошши молотами, у гр. Уварова большою частію обозначаются топорами.

- 169) См. у Пульскаго, l. c., p. 41, 44, 47, 86.
- 170) Orient und Europa, p. 8 sq.
- 171) Die Chronologie der ältesten Bronzezeit etc., p. 88.
- 172) *Bullettino di paleon. Ital.* 1898 (XXIV) 199; *Monumenti Antichi*, IX (Pantalica), p. 97—98.
- 173) Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne, Anvers, 1887, фиг. 449, 533 и табл. XV.
- 174) См. у Сирэ въ Les premiers âges etc., табл. VI.
- 175) См. интересную статью Л. Сирэ, L'Espagne préhistorique въ *Revue des questions scientifiques* 1893 (Octobre), Bruxelles, p. 735.
- 176) *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia* 1890, p. 345—365.
- 177) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1897, Декабрь; отд. отд. стр. 75.
- 178) Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques. 11-ème session. Moscou. Т. II, Moscou, p. 398. Мѣсто это приведено у меня и въ статьѣ о происхожденіи Скуловъ, стр. 75 отд. изд.
- 179) Origine e diffusione della stirpe Mediterranea, p. 47—48. Приведено мѣсто также въ статьѣ о происхожденіи Скуловъ, стр. 76—77; отд. изд. 115—139.
- 180) Ibid. p. 76—77. Большая часть приведена въ статьѣ о происхожденіи Скуловъ, стр. 77 отд. изд.
- 181) См. Иностранцева, До-историческій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Спб., 1882.
- 182) Lib. cit. p. 49—89.
- 183) Помѣщенъ въ *Atti della Società Romana di Antropologia*, Vol. VI, fasc. II, 1899; въ отд. отд. (Lanciano, 1899), p. 13.
- 184) Въ этомъ пунктѣ Серджи ссылается на Шпенгеля, который (Schädel von Neanderthaltypus въ *Archiv für Anthropologie*, 1875) доказалъ существованіе его въ Фрисландіи, и самъ убѣдился въ томъ, по нѣкоторымъ Фрисландскимъ черепамя, изучавшимся Зассе и Вирховымъ; но онъ склоненъ видѣть этотъ черепъ перемѣшаннымъ съ другими элементами и въ другихъ мѣстахъ Средней Европы, напр. въ Штиріи и Хорутаніи. См. его *Intorno ai primi abitanti di Europa* (въ *Atti della società Romana di Antropologia*, Vol. VI, fasc. II, 1899). Отд. оттискъ, p. 13.
- 185) Габр. де-Мортлье, Le Préhistorique. Antiquité de l'homme, Paris, 1883, p. 101 и 478, которою оканчивается изложеніе о человекѣ четвертичной эпохи.
- 186) *Intorno ai primi abitanti di Europa*, p. 14 и 17.
- 187) *Intorno etc.*, p. 17.
- 188) G. Schweinfurth въ *Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Ethnologie etc.* 1898, p. 264; Myres, Prehistoric man in the Eastern Mediterranean въ *Science Progress* 1898, p. 1 sq.
- 189) *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, Декабрь 1897; отд. стлбкъ, стр. 14 слѣд.
- 190) Вотъ что говоритъ Теобальдъ Фишеръ въ своихъ Beiträge zur physischen Geographie der Mittelmeerländer, besonders Siciliens (Leipz. 1877) по поводу этой фауны, видя въ ней одно изъ доказательствъ соединенія въ четвертичную эпоху Сициліи съ Африкой: «Dass eine Landverbindung in nachtertiärer Zeit stattgefunden hat, muss namentlich aus der fossilen Fauna Siciliens geschlossen werden, da dasselbe unmöglich in seiner jetzigen Grösse auch bei weit günstigerem Klima so ungeheure Mengen von Dickhäuten zu ernähren im Stande gewesen wäre, wie sie nach den erstaunlichen Massen ihrer Knochen, die man in Höhlen und Knochenbreccien findet, hier existirt

- haben müssen. Gleichzeitig weist das Vorkommen von *Elephas meridionalis*, *Elephas antiquus*, *Elephas Armeniacus*, *Elephas Africanus*, *Hippopotamus Pentlandi*, *Hyaena crocuta* etc., und das Fehlen von *Elephas primigenius*, *Hippopotamus major*, *Mastodon Borsoni*, vielleicht auch *Ursus spelaeus* auf eine Verbindung mit Africa hin (p. 21—22).
- 191) VII, 3, 7 (p. 300 C.); въ изданіи Didot Hesiod. Fragm., p. 62; у Кинкеда fragm. 46.
- 192) Liv. V, 35: prope antiquam gentem Laevos Ligures; Plin. N. H. III, 17 (2), 129: antiqua Ligurum stirpe.
- 193) Эрастосѣвъ у Страбона II, 4, (C. 106) также II, 5, (C. 122), 5, (C. 128), 5, (C. 128) Ptolem. III, I; VII, 8.
- 194) Colum. VII, 2; Plin. II, 47, (46) 121; III, 5, (9) 61; 6 (10), 75.
- 195) Avien., Descr. Orb. 113.
- 196) У Страбона, I, 1 (C. 92).
- 197) У Страбона, II, 1, (C. 183).
- 198) III, 41, 4; II, 16, 1.
- 199) *Ora maritima*, v. 612—614
- 200) *Pertopl.* ed. Didot (Geographi Graeci minores) I, p. 17. Ἀπὸ δὲ Ἰβηρῶν ἔχονται Ἀλγυες καὶ Ἰβήρης μέχρι ποταμοῦ Ῥοδαίου.
- 201) Avien., *Ora marit.*, v. 284—285, говорить, что рѣка Тартессъ (Бѣгистъ), нын. Гвадалкивиръ, вытекаетъ изъ Лигурійскаго озера; у Стефана Византийскаго указывается, вблизи рѣки Тартесса, и городъ Лигуровъ, Λιγυστινὴ πόλις, и жители его, говорятъ онъ, называются Лигурами, οἱ οἰκοῦντες Ἀλγυες καλοῦνται.
- 202) Thucid. VI, 2; Dionys. Halic. I, 22; Diod. V, 6; Sil. Italic. XIV, 34 sq.
- 202a) Senec., Consol. ad Helviam, 8; Sallust. Historiarum Fragmenta, II, 8 (p. 33 ed. Dietsch); Isid. *Origines*, XIV, 6, 41.
- 202b) Felt., *Sacranis* (p. 321 M.); Serv. ad Virg. *Aen.* XI, 317: Ligures a Sacranis (pulsi sunt).
- 202c) Dionys. I, 10.
- 202d) Дионисій ibidem: ἡποτέρᾳ δ' αὐταῖς ἐστὶ γῆ πατρὶς, ἄδελφον. οὐ γὰρ ἐπι λέγεται περὶ αὐτῶν προσωτέρω σαφεὲς οὐδέν.
- 202e) Dionys. I, 11; Strab. IV, 2 (C. 202).
- 202f) Avien., *Ora marit.*, 132 sq.
- 203) Strab. II, 28 (C. 128).
- 204) См. прим. 200.
- 205) Röm. Geschichte, I, 183; 93 изданіи въ одномъ томѣ.
- 206) Römische Geschichte. Восемь изданій, начиная съ 1854 года и кончая 1888.
- 207) Geschichte des Alterthums, II, Stuttg. 1893, p. 503.
- 208a) N. H. XVIII, 15 (37), 141: Secale Taurini sub Alpibus asiam vocant, deterrimum, sed tantum ad arcendam famem etc.
- 208b) Id. III, 17 (21), 123.
- 209) Les premiers habitants etc. I, p. 179.
- 210) La stirpe Ligure in Italia ne'tempi antichi e moderni въ *Atti della R. Accademia della scienze fisiche e matematiche di Napoli*. Vol. II, Napoli 1863; также въ мемуарѣ *Sopra la stirpe Japigia e sopra tre crani* etc. Napoli 1866 p. 9, гдѣ авторъ говоритъ объ un popolo turaniano, che ebbe in suo dominio in tempi remotissimi tutto il suolo italico dalle Alpi al capo di Leuca (отдѣльный отпекъ изъ *Atti* той-же академіи, 1 65).

- 211) The origin of the Aryans. London, 1890; 2-е изд. Lond. 1892, гл. VII, р. 116 sq.; русскій переводъ (очень плохой), Москва, 1897, стр. 109 слд.
- 212) Въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1891 (XVII), р. 171.
- 213) La Liguria geologica e preistorica. II, р. 70 Исследъ говоритъ, что, очевидно, Николуччи пзмбрлялъ черепа riferibili ad altra schiatta.
- 214) Мы пользовались двумя отдѣльными оттисками: Die Ligererfrage von Dr. C. Mehlis. Erste Abtheilung, Braunschweig, 1899; Zweite Abtheilung, Braunsch. 1900.
- 215) Стр. 80 и 93 отд. отт.
- 216) Agric., 11: Silurum colorati vultus, torti plerumque crines et posita contra Hispania Iberos veteres trajecisse easque sedes occupasse fidem faciunt.
- 217) Plin. III, 2 (3), 8. *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, Маѣ 1899, стр. 114 слд.
- 218) III, 5 (С. р. 158).
- 219) Особенно стр. 137 слд.
- 220) Isid. *Origin.*, XIV, 6, 39: Sardus, Hercule procreatus, cum magna multitudine a Libya profectus, Sardiniam occupavit et ex suo vocabulo insulae nomen dedit. Ср. Pausan. X, 17, 5, Solin., 4, 1; Silius Ital., *Punic.* XII, 359—360.
- 221) *Consol. ad Helviam*, 8: Transferunt deinde Ligures in eam, transierunt et Hispani, quod ex similitudine ritus apparet. Eadem enim tegumenta capitum, idemque genus calceamenti, quod Cantabris est, et verba quaedam; nam totus sermo, conversatione Graecorum Ligurumque, a patrio descivit.
- 222) См. Кьеричи, Antichi monumenti della Pianosa. Reggio nell'Emilia, 1875, р. 6 sq.; также его статью въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1882 (VIII), гдѣ онъ указываетъ на сходство искусственныхъ гротовъ на Пьянозѣ съ формой fondi di capanne въ Эмпиди (табл. I).
- 223) Молленгофъ, D'Arbois de Jubainville, Паули и др.
- 224) Кьеричи и Пигорини въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1882 (VIII), р. 1—21; 1881 (VII), р. 124 sq. Пигорини въ *Atti Академ. Линчеевъ* CCLXXIX, 1881—1882, ser. 3; въ *Transunti*, vol. VI, Roma, 1882, р. 156—157; въ *Rendiconti*, III, р. 296.
- 225) La Liguria geolog. e preist., II, р. 356.
- 226) Les premiers âges du métal dans le Sud—Est de l'Espagne, р. 370.
- 227) Въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1891 (XVII), р. 169—170.
- 228) Вотъ списокъ прежнихъ трудовъ, сообщаемый самимъ авторомъ въ хронологическомъ порядкѣ: La stirpe Ligure nel Bolognese. Bologna, 1883; Liguri e Celti nella valle del Po. Fienze, 1883; Un cranio nella necropoli di Villanova. Fir. 1883; Antropologia storica del Bolognese. Bologna, 1884. Къ этимъ мы должны прибавить: Crani Siculi neolitici въ *Bullett. di paleon. Ital.* 1891 (XVIII); Di alcune varietà umane della Sicilia въ *Atti Академ. Линчеевъ* 1892; Di alcune varietà umane della Sardegna въ *Bullettino dell' Accademia medica di Roma* 1892; Studi di antropologia Laziale, ibid. 1895; Varietà umane della Russia e del Mediterraneo въ *Atti della società Romana di antropologia*, Roma, 1894; Crani Siculi neolitici, ibid., vol. II, 1893. Crani preistorici della Sicilia, ibid., vol. VI, 1899; Crani umani delle antiche tombe di Alfedena, ibid., vol. VII, 1900.
- 229) Caratteri fisici di delinquenti etc. въ *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia* vol. XX, 1890.
- 230) L'Indice cefalico degli Italiani въ *Archivio per l'Antropologia etc.* 1886; въ *Revue d'anthropologie*, 1887, р. 257—258.

- 231) Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelt der Vaskischen Sprache. Berl. 1824.
- 232) *Журналь Мин. Нар. Просв.*, Декабрь, 1897; отд. отд. стр. 66.
- 233) A. R. I, 7.
- 234) De L. L., V, 101.
- 235) См. у Феста *Sacrani* (M. p. 321).
- 236) N. H. III, 9, 56.
- 237) *Aeneid.* VII, 795; VIII, 328; XI, 316—317.
- 238) Ad *Aeneid.* III, 500; VIII, 795; XI, 117. Самые мѣста приведены мною, какъ и къ предыдущему примѣчанію, въ статьѣ «О происхожденіи Сикудовъ». (Отд. отд. стр. 4).
- 239) Діонисій Галлкарнасскій, II, 35, говоритъ о занятіи Сикудами Ценины, Аптемы, Габій; Солинъ, 2, 10, объ Арпци, Габіяхъ и Тибурѣ; Сервій, ad *Aen.* VII, 63, о Крустумеріѣ; Діонисій, I, 21, о Фалеріяхъ и Фесценніѣ; Сервій, ad *Aen.* I, 2, о Лавиніѣ и Лаврентѣ; онъ-же ad *Aen.* VIII, 638, о Сабинской землѣ; Діонисій, I, 20, объ Этрури (Joh. Lydus, *De magistratib.*, Proem., помѣщаеъ тутъ Сякановъ); Плиніи, III, 19, 112, о Инцерѣ; Гелліи, I, 101, и Макробіи, *Saturn.*, I, 5, 1; 7, 30 о всей Италіи.
- 240) I, 16.
- 241) I, 9, 16, 20, 22.
- 242) Fest. *Sacrani* (M. 321): *Sacrani appellati sunt Reate orti, qui ex Septimontio Ligures Siculosque exegerunt.*
- 243) Ad *Aeneid.*, XI, 317.
- 244) Стр. 7 слѣд. отдѣльнаго изданія.
- 245) *Notizie degli scavi*, 1900, p. 411—464.
- 246) Къ прежнимъ защитникамъ латинизма Сикудовъ, каковы, между прочимъ, историки: Э. Э. Соколовъ (Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи, Спб. 1865), Гольмъ (*Storia della Sicilia nell'antichità*, перев. съ нѣм. Vol. I, Torino, 1896, и въ рецензій на мой трудъ о происхожденіи Сикудовъ въ *Berl. Philologische Wochenschrift* 1899, № 12), Фриманъ (*History of Sicily*, I, 1890—1892; нѣм. изд. *Geschichte Siciliens*, Leipzig, 1895, p. 107, 115, 117, 433—434, 450—457), Павсъ (*Storia della Sicilia e della Magna Grecia*, I, p. 119 sq.), Жоржъ Перро (въ *Revue des deux Mondes* 1897, 1-er Juin, p. 599), Дрбуа де-Жюбэвилль (*Les premiers habitants de l'Europe*, I, p. 265 и 308)—авторы, которыхъ я разбираю и опровергаю въ своемъ трудѣ «О происхожденіи Сикудовъ», присоедиается теперь проф. Л. Чечя, который въ своемъ новомъ трудѣ «*Per la Storia della civiltà Italica. Discorso inaugurale*» etc. Roma, 1901, становится горячимъ защитникомъ принадлежности къ латинскому племени не только Сикудовъ, но и Сякановъ: «*Siculi e Sicani, говоритъ онъ, sono rami della stessa stirpe, sono ambedue popoli di lingue indoeuropee, strettamente affini, come or si dirà, agli Umbro-Sanniti ed ai Latini*». См. p. 11 и прим. 29, гдѣ онъ ставитъ мнѣ въ вину отнесеніе Сикудовъ къ Иbero-Лигурамъ.
- 247) Polluc. *Onom.*, V, 75.
- 248) De L. L. V, 101.
- 249) См. мой разборъ сдѣланныхъ Павсомъ сопоставленій сицилійскихъ городовъ съ италійскими въ статьѣ «О происхожденіи Сикудовъ, стр. 63 слѣд. отд. изданія.
- 250) Dionys. I, 22.

- 251) XIV, 37.
 252) VI, 2.
 253) Thuc. *ibid.*; Diod. Sic. V, 6.
 254) Diod. Sic. *ibid.*
 255) У Страбона VI, 4 (С. 270): Ἰβηρες, οὐκ ἐπερ πρώτους φησὶ τῶν βαρβάρων Ἐσπερος λέγεσθαι τῆς Σικελίας οὐκιστάς.
 256) Эту непростительную ошибку дѣлаетъ, къ сожалѣнію, и Чечи въ упомянутомъ (въ примѣч. 246) сочиненіи, р. 11.
 257) Стефанъ Византійскій, подъ словомъ *Σικελία*, ссылается на Аполлодора.
 258) Heisterbergk, *Fragen der ältesten Geschichte Siciliens*. Berl. 1889, p. 27 sq.; Пачсъ, *Storia della Sicilia*, I, 87 и 93 (прим. 4).
 259) Мюлленгофъ (*Deutsche Alterthumskunde*, III (Berl. 1892, p. 172) основываясь на Периплѣ Авіена (*Ora marit.*, 479—480, говорящаго о Sicana civitas, propinquo ab amni sic vocata Hibericis), считаетъ за эту рѣку вып. Хужарь, древн. Susro. Гольмъ (*Storia della Sicilia*, I, 182), напротивъ, видитъ въ Сканѣ рѣку Sicoris, нын. Cerpe. Съ Мюлленгофомъ согласенъ Пачсъ (*Storia della Sicilia etc.* I, p. 86).
 260) Diod. XII, 7.
 261) VI, 2.
 262) I, 22.
 263) Steph. Byz. *Σικελία*.
 264) Въ *Журналь Министертства Народн. Просв.* 1899, Май, стр. 149 слд.
 265) *Bullettino di paleon. Ital.* 1890 (XVI), p. 198.
 266) *Idem Bullett.* 1893 (XXI), p. 84.
 267) *Idem Bullettino* 1898 (XXIV), p. 203.
 268) *Momenti Antichi*, IX, p. 111.
 269) *Ibid.* p. 112—113: È oramai generalmente ammesso, che i miei Siculi del T periodo da identificare in un senso più ristretto coi Sicani della tradizione, sieno un rame della grande stirpe mediterranea, quindi di razza libica o iberica, razza venuta del continente africano e di qui irradiata sulle isole di Sardegna e Corsica, nonche sul continente Italiano od almeno (?) sul versante tirreno di esso.
 270) См. Ниссенъ, *Italische Landeskunde*, I, Berl., 1883, p. 215.
 271) Эги канарскія и мексиканскія пштадеры сравниваетъ Renato Verneau въ *Anales de la sociedad Española de historie natural*, том. XII. На это указываетъ Баррилли въ *Gli antichissimi Liguri*, Genova, 1889. Отгиснуты лигурійскія, канарскія и мексиканскія пштадеры въ сочиненіи De Albertis, *Crociara del Corsaro alle isole Madera e Canarie*. Genova, 1884. Лигурійская издана Исседемъ въ *Atti Академіи Линчеевъ* 1878. Литература о письменныхъ знакахъ на скалахъ Лигурии и другихъ мѣстъ указана Исседемъ въ *Liguria geologica e preistorica*, II, p. 343 въ примѣчаніи.
 272) О связи Старога Свѣта съ Новымъ разсуждаютъ филологи: Лунджи Скьяварелли, *Le stirpi Ibero-Liguri nell'Occidente e nell'Italia Centrale*. Torino, 1880, и Антонъ Баррилли, *Gli antichissimi Liguri*, Genova, 1890 (*Estratto dell'Ateneo Ligure*, Gennaio—Marzo 1889).
 273) *Lib. cit.*, p. 39.
 274) Объ этихъ послѣднихъ писалъ извѣстный изслѣдователь Лигурии E. Rivière подъ заглавіемъ: *Gravure sur roches des lacs des Merveilles au Val d'Enfer (Italie)*. Paris, 1878; также Эмануэль Челезіа въ *Escursione Alpine*. Roma, 1880.

- 275) *Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris*. 1893.
- 276) См. его Etudes d'Ethnographie préhistorique. III. Les galets coloriés du Mas d'Azil (съ атласомъ) въ *L'Anthropologie* 1896 (VII), p. 383—425.
- 277) Cretan pictographs and praephoenician Script. London, 1895.
- 278) См. статью Эванса въ *Hellenic Journal*, XIV, 319; *Prähistorische Blätter*. 1900, № 1, p. 3—4 (пзъ статьи Фл. Петри); *Berl. Phil. Wochenschrift*, 1900, № 28, p. 894.
- 279) Открытіе сдѣлано итальянской археологической школой на о. Критѣ. Но подробный отчетъ о немъ еще не появился въ печати. Имѣются пока лишь газетныя извѣстія.
- 280) Въ *Origines préhistoriques de l'écriture (Bulletins de la Société dauphinoise d'Ethnographie et d'Anthropologie*, IV, Grenoble, 1897). Указывается Серджи въ *Arzi e Italici*, p. 207.
- 281) *Vorhistorische Skulpturdenkmäler im Canton Wallis (Schweiz)* въ *Archiv für Anthropologie*, XX, XXI и XXIV.
- 282) *Op. cit.*, p. 208.
- 283) Извѣстный этрусологъ Паули приписываетъ (см. его *Urvölker der Apenninischen Halbinsel* въ *Weltgeschichte Gельмгольца*, IV, Leipz. 1901 p. 302) Лигурамъ надписи, принадлежащія Девонтямъ, родственнымъ (по Катону и Плинію) Салассамъ, народу гельтскаго племени, о чемъ прежде заявлялъ и самъ Паули въ *Die Inschriften nordetruskischen Alphabets* (p. 6 sq., 70 sq., 90 sq.), какъ объ этомъ напоминаетъ ему проф. Чечи въ своемъ трактатѣ «*Per la storia della civiltà Italica*, Roma, 1901, p. 51, прим. 10.
- 284) Надписи эти изданы берл. профессоромъ Эм. Гюбнеромъ, подъ заглавіемъ: *Monumenta linguae Ibericae*. Berolini, 1893.
- 285) Изъ прежнихъ изслѣдователей укажемъ на уже упомянутый капитальный, хотя теперь уже и во многомъ устарѣвшій, трудъ Вильг. Гумбольдта: *Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens, vermittelt der Vaskischen Sprache* (Berl. 1824), p. 79 sq., 177. Въ последнее время обращаетъ на себя внимание изслѣдованіе иберійскаго языка, принадлежащее мпланскому профессору Джакомини въ *Supplementi periodici all'Archivio glottologico Italiano*, 4-a Dispensa, Torino, 1897, p. 1—20.
- 286) См. въ *Sitzungsberichte* этой академіи XXXI (1893), p. 593—613.
- 287) *Lib. cit.* p. 11.
- 288) *Delle relazioni tra il Basco e l'Egizio* въ *Supplementi periodici all'Archivio glottologico Italiano*, 2-a Dispensa, 1895, p. 15—96.
- 289) Въ курганахъ около Смѣды (см. докладъ Антоновича на Московскомъ археол. съѣздѣ 1890 о могилахъ каменнаго періода); кромѣ того, въ Бессарабіи, Новороссіи и въ другихъ мѣстахъ Кіевской губерніи, въ Подтавской губ., въ Кубанской области, въ Крыму, въ Подольской губ. См. прим. проф. Анучина къ сочиненію Нидерле: «*Человѣчество въ до-историческія времена*». Спб. 1898, стр. 147—148.
- 290) См. у Сирэ, *Les premiers âges du métal etc.* p. 154, гдѣ онъ говоритъ объ ossements colorés en rouge par du cinabre въ могильничкѣ эль-Аргара.
- 291) Въ *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*, XX, 1890, p. 345—365.
- 292) *I sepolcreti di Remedello nel Bresciano ed i Pelasgi in Italia* въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1884 (X), p. 163.
- 293) *Recherches sur les monuments cyclopéens, publiées d'après les manuscrits de l'auteur*. Paris, 1841.

- 294) Römische Geschichte, I, p. 163 sq.
- 295) Römische Geschichte, I, p. 28 3-го изд.; p. 16 изданія 1863 г. въ одномъ томѣ.
- 296) Hethei-Pelasgi nelle loro migrazioni dall'Asia in Europa. I. Roma, 1894.
- 297) Отдѣльный оттискъ изъ *Dissertazioni della Pontificia Accademia Romana di archeologia* ser. II, tom. VII, Roma, 1899.
- 298) Въ мемуарѣ Sulla stirpe Japigia e sopra tre crani etc. Napoli, 1866 (оттискъ изъ *Atti* неаполитанской Accademia delle scienze fisiche e matematiche, II, p. 9.
- 299) *L'Anthropologie* 1899 (X), p. 340—344.
- 299a) Ellis Hesselmeier, Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit (Tübingen, 1890), p. 120.
- 299b) Orchomenos, 2-е изд., p. 236.
- 300) *Monumenti antichi* Академіи Личеевъ, VIII, p. 213.
- 301) I monumenti preromani del Lazio. Roma, 1900 (оттискъ изъ *Dissertazioni della Pontificia Accad. Rom. di archeologia. Ser. II, tom. VII*), p. 49.
- 302) *L'Art étrusque*. Paris, 1889, p. 141.
- 303) Кьершп, очевидно, не обратилъ вниманія на этюдъ о Пелазгахъ, сдѣланный его соотечественникомъ Скъяпарелли, этюдъ, вышедшій пятью годами раньше и показавшій, что нѣтъ научныхъ основаній принимать Пелазговъ въ исторической Италіи, какъ что-либо реальное. Онъ озаглавивается: *I Pelasghi nell'Italia antica*. Torino, 1879.
- 304) Le stazioni lacustri dei laghi di Monate e di Varano e considerazioni generali intorno alle palafitte въ *Atti della società italiana di scienze naturali*. Milano, 1879, p. 433.
- 305) Виды этихъ предметовъ, съ обозначеніемъ количества каждаго изъ нихъ, перечислены у Мэнро (Robert Munro) въ его известной книгѣ: *The Lake-Dwellings of Europe, being the Rhind Lectures in Archaeology for 1888*. Lond. 1890, p. 98.
- 306) Вышеуказанной книгой Мэнро, между прочимъ, мы пользовались при обзорѣ палеолитъ Средней Европы. Въ частности для австрійскихъ палеолитъ статьей Гернеа въ *Revue d'Anthropologie* 1888; p. 340 sq., для швейцарскихъ статьей Гросса «*La paleoethnologie en Suisse*» въ *Revue d'Anthropologie* 1888, p. 725 sq. и его известнымъ трудомъ «*Les Protohelvètes*», Berlin, 1883, раньше нами указаннымъ. Что же касается Ломбардскихъ палеолитъ, то тутъ передъ нами были статьи Кастельфранко: *Paletnologia Lombarda* въ *Atti della società italiana di scienze naturali*. Milano, 1875; *Le stazioni lacustri di Monate e Varano* въ тѣхъ-жѣ *Atti* 1879, p. 398 sq., о стоянкѣ Лагоцца статьями: «*Notizie intorno alla stazione lacustre della Lagozza nel comune di Besnate*» въ тѣхъ-же *Atti* 1880, въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1880 (VI) и въ *Notizie degli scavi* 1880 (Апрѣль); къ этому нужн прибавить его статью объ итальянскихъ палеолитахъ въ *Revue d'Anthropologie* 1887, p. 608 sq. См. о Лагоцѣ также статьи: Регацони въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1887 (XIII): *La stazione preistorica della Lagozza*, p. 1—18, гдѣ на таблицѣ II изображенъ, между прочимъ, и деревянный гребень, единственный сохранившійся (раньше имъ помѣщена была статья о Лагоцѣ въ *Bullett. di pal. Ital.*, 1880 (VI), p. 45); Сорделли, *Sulle piante della torbiera e della stazione preistorica Lagozza* въ *Atti* итальянскаго общества естеств. наукъ въ Миланѣ, 1880.
- 307) *De bello Gallico*, VI, 17.
- 308) Объ этихъ римскихъ мотылахъ намъ придется говорить въ свое время. О нихъ писалъ Лаучани въ *Bullettino della Commissione archeologica Comunale di*

- Roma*, 1873, въ статьѣ подъ заглавіемъ: Le antichissime sepolture Esquiline, p. 43 sq.
- 309) Cenni su alcune armi di pietra e di bronzo, trovate nell'Imolese, nelle marniere del Modenese e del Parmigiano e nelle torbiere della Lombardia e del Piemonte въ *Atti della società Ital. di sc. nat.* Vol. II. 1861.
- 310) Nuovi cenni sugli oggetti d'alta antichità trovati nelle torbiere e nelle marniere dell'Italia. Torino., 1862.
- 311) Вполнѣ оны излагають свою теорію въ трудѣ: Le antichità preromane della provincia di Reggio nell'Emilia. Reggio, 1871.
- 312) *Atti della R. Accademia dei Lincei* 1882—1883, p. 263—318. Заглавіе мемуара: Terramara dell'età di bronzo situata in Castione dei Marchesi (territorio Parmegiano). Memoria letta nella seduta del 1878. Con cinque tavoli.
- 313) Die Italiker in der Poebene. Mit einer Karte und zwei Tafeln. Leipzig, 1879.
- 314) Въ *Revue d'Anthropologie* 1887, p. 303 sq. Продолженіе въ 1889 г.
- 315) The Lake-Dwellings etc., p. 238 sq.
- 316) О томъ, откуда пришли и кто были Латиняне въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* Ноябрь, 1898, стр. 9. Въ отдѣльномъ отпускѣ стр. 11 слд.
- 317) См. его отчетъ объ этой террамарѣ, подъ заглавіемъ: Terramara Montata dell'Orto, situata nel territorio del Comune Alseno, въ *Notizie degli Scavi* 1900, 118—127, съ планомъ террамары (р. 119). Отчетъ этотъ перепечатанъ Пигорини въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1900 (XXVI), p. 151—164, съ небольшимъ предисловіемъ Пигорини, который еще раньше, въ *Bullettino* 1898 (XXIV), p. 296—300, сообщаетъ объ открытіи столь важной террамары.
- 318) До сихъ поръ, какъ мы упоминали, имѣется лишь предварительный отчетъ его въ *Notizie degli Scavi* 1900, p. 411—464 съ нѣсколькими изображеніями найденныхъ предметовъ, характеристическихъ для террамары, и съ планомъ раскопокъ.
- 319) См. Пигорини въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1900 (XXVI), p. 108 sq. Именно эта форма выяснилась на террамарахъ Когоццо (въ пров. Мантуя), Казале Цаффапелла (въ тѣ-же пров.), въ Кастеллаццо ди Фонтанеллато (Парма), въ Коломбаре ди Берсано, Ровере ди Каорсо, Монтата дель Орто (Пьяченца).
- 320) *Bullettino di paletn. Ital.* 1897 (XXIII), p. 61; 1898 (XXIV), p. 296.
- 321) *Monumenti antichi*, I, p. 334.
- 322) *Bullettino di paletn. Ital.* 1881 (VII), p. 68.
- 323) Данныя беремъ въ статьѣ Пигорини *Bullettino di paletn. Ital.* 1897 (XXIII), p. 56 sq.
- 324) Пигорини въ *Notizie degli scavi* 1893, p. 14.
- 325) Le antichità preromane della provincia di Reggio nell'Emilia. Reggio, 1871, p. 12—13. Но ср. Гельбига Die Italiker etc., p. 12, и Габріэля де-Мортилье Habitations de l'âge du bronze, Terramares, въ *Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris*, 1894, p. 33—47.
- 326) *Bullettino di paletn. Ital.* 1897 (XXIII), p. 60.
- 327) Id. *Bullettino* 1900 (XXVI), p. 112.
- 328) См. съ этимъ, между прочимъ, у Бриццо въ *Nuova Antologia* 1880, Апрель, p. 437.
- 329) Le signe de la croix avant le Christianisme. Paris, 1866.
- 330) *Bullettino di paletn. Ital.* 1898 (XXIV), p. 264.
- 331) Въ *Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris*, 1894, p. 39.
- 332) The Lake-Dwellings of Europe, p. 271.

- 333) См. *Bullettino dell' Instituto di corrispondenza archeologica* 1876, p. 10—12; 39—42.
- 334) Изслѣдованія эти принадлежатъ преимущественно Стробелю. См. его и Пигорини 2-й отчетъ о Пармскихъ террамарахъ въ *Atti* итальянскаго общества естеств. наукъ Vol. VI, Milano, 1864; ср. *Bullettino dell' Instituto di corr. arch.* 1878. Перечень растений террамаръ можно видѣть напр. въ *Nuova Enciclor. Italiana* Vol. XXII. Torino, 1887, p. 2.
- 335) См. вышеупомянутый 2-й отчетъ (2-a relazione) Стробеля и Пигорини, p. 120. Гельбигъ, *Die Italiker*, p. 17.
- 336) Списокъ животныхъ террамаръ приводитъ по Стробелю Мёнро въ *The Lake-Dwellings of Europa*, p. 273—274.
- 337) *Bullettino di paleon. Ital.* 1892 (XVIII), p. 56.
- 338) *Id. Bullettino* 1894 (XX), p. 103.
- 339) *Die Italiker etc.*, p. 15 sq.
- 340) *Εφημερίς αρχαιολογική*, 1891, p. 42.
- 341) *Bullettino di paleon. Ital.* 1891 (XVII), p. 177.
- 342) См. его *La pesca presso gli Italici dell'età del bronzo* въ *Rendiconti* Академіи Линчеевъ Ser. V, Vol. I, p. 267 и въ *Bullettino di pal. Ital.* 1892 (XVII), p. 96; *Bullettino* 1894 (XX), p. 179 (въ рецензіи на книгу Надаляка *Les populations lacustres del l'Europe*, Bruxelles, 1894).
- 343) Въ *Bullettino di pal. Ital.* 1894, p. 173, въ рецензіи на трактатъ Мортилье *Origines de la chasse, de la pêche e de l'agriculture*, I (Paris, 1890).
- 344) См. у Нидерле, Человѣчество въ доисторическія времена (Спб. 1898). Русскій переводъ Ѳ. Водкова подъ редакціей Анучина, p. 155.
- 345) *Archivio per l'Antropologia*, I, p. 504 и 514; IV, p. 195.
- 346) См. въ моей статьѣ «Древнѣйшій періодъ Рима» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1895, Іюнь, стр. 309—310.
- 347) См. у Пигорини въ статьѣ: *Terramara di Castellazzo di Fontanellato etc.* въ *Monumenti antichi* I, p. 142, и въ статьѣ *Appunti per lo studio delle stoviglie arcaiche* въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1889 (XV), p. 65 sq.
- 348) *Id. Bullettino* 1894 (XX), p. 138.
- 349) См. въ Атласѣ Монтелиуса на табл. 20 и 21 изображенія дунообразной ручки, найденной въ Монте Кастеллаццо и въ Превизѣ близъ Имолы, въ Берторинѣ ди Веккьянцано близъ Форли, въ гротѣ Фарна близъ Болоньи.
- 350) *Monumenti Antichi*, I, p. 143 sq.
- 351) *I Liguri nelle terremare* въ *Nuova Antologia* 1880, XXII, p. 679 sq.; *Della stirpe Ligure nel Bolognese* въ *Atti della Deputazione di Storia patria per la Romagna*, Vol. III, p. 254, 320; въ *Storia politica d'Italia*, scritta da una società di professori. Epoca preistorica, Fasc. 35 и 36, Milano, отдѣльнаго оттиска, p. LXXXVII.
- 352) *La stirpe Ligure nel Bolognese* въ *Atti della Deput. di Stor. patr. per la Romagna*, Vol. I; *Un cranio della necropoli di Villanova* въ *Archivio per l'Antropologia* XIII; *Liguri e Celti nella Valle del Po*, *Ibid.*; *Arii e Italici*. Torino, 1898, p. 51 sq. 73 sq.
- 353) *Comparazioni tra i fondi di capanne dell'età della pietra, le terremare dell'età del bronzo e le necropoli del periodo di Villanova* въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1884 (X), p. 33—50.
- 354) *Epoca preistorica* въ *Storia politica d'Italia etc.*; отд. отт. p. LXXXV.
- 355) Въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1901 (XXVII), p. 21, прим. 20.

- 356) Id. *Bullettino*, 1900 (XXVI), 41—42.
- 357) Топоръ изъ Кастіоне воспроизведенъ Коллинъ въ Id. *Bullettino* 1901 (XXVII), р. 11, изъ Монгаде у Мэнро табл. LXXXIII, 4, у Монтедиуса въ *La civilisation primitive en Italie*, табл. 19, 2, а топоръ изъ Редю хранится въ Историческомъ музеѣ въ Римѣ.
- 358) Такой топоръ найденъ былъ въ террамарѣ Казинальбо (Моденской пров.).
- 359) *Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*, XIX, p. 139 sq., 175.
- 360) См. Пигорини въ рецензін на книгу Монтедиуса «*La civilisation primitive en Italie*» въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1895 (XXI), p. 178.
- 361) *Bullettino di paleon. Ital.* 1891 (XVI): Ancora sulla ficula a Micene e nelle terremare, p. 174—177.
- 362) См. Пигорини въ *Monumenti antichi* I, 133—135.
- 363) См. статью Пигорини: *Le spade e gli scudi delle terremare dell'età del bronzo e delle necropoli Laziali della 1-a età del ferro* въ *Bullettino* 1883 (IX), p. 81—107.
- 364) Pantalica, въ *Monum. antichi*. IX, p. 99.
- 365) *Bullettino di paleon. Ital.* 1900 (XXVI), p. 11.
- 366) I gasoi Italiani di bronzo въ *Bullettino di paleon. Ital.*, 1894 (XX), p. 6—10.
- 367) См. объ этомъ статью Пигорини: *Le abitazioni lacustri di Peschiera nel lago di Garda* въ *Atti Академіи Личеевъ*, I (1876—1877), p. 295 sq.
- 368) Въ *Bullettino di paleon. Ital.*, 1900 (XXVI), p. 1—6.
- 369) О могильникахъ террамарѣ писалъ неоднократно Пигорини. См. въ *Bullettino di paleon. Ital.*, 1890 (XVI), p. 21 sq.: *Necropoli dell'età del bronzo di Coppezzato*; въ id. *Bullettino*, 1891, p. 139 sq.: *Necropoli di terramaricoli nella provincia di Parma*; въ *Monumenti antichi*, I: *La terramara di Castellazzo di Fontanellato nella provincia-di Parma*.
- 370) Cic. de Legib. II, 23.
- 371) Закленъ, *Ueber den Pfahlbau in Garda-See* въ *Sitzungsberichte* вѣнской академіи наукъ философско-истор. класса XLVIII (1864), p. 298—335; Пигорини *Le abitazioni lacustri di Peschiera nel lago di Garda* въ *Atti Академіи Личеевъ* I, (1876—1877), p. 295 sq.; Antonio Stopani, *Sulle antiche abitazioni lacustre del lago di Garda* въ *Atti della società italiana di scienze naturali*. Milano, 1864, vol. VI, p. 181 sq., но особенно его *Sopra gli scavi fatti nella palafitta centrale del golfo di Peschiera ed in quella del Mincio* въ *Atti веронской академіи агрикультуры etc.* (Verona, 1884).
- 372) Въ только-что указанномъ мемуарѣ, p. 296, примѣч. 4.
- 373) *Revue d'Anthropologie*, 1883, p. 582.
- 374) *La civilisation primitive en Italie etc.*, p. 57, прим. 7.
- 375) Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азін въ Грецію и Италію и пр. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ, 1872, стр. 22 и прим. 37.
- 376) *Storia della paleontologia Veronese*. Verona, 1876.
- 377) *Arii e Italici*. Torino, 1898, p. sq.
- 378) *Pfahlbauberichte* въ *Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich* (Band IX sq.), VI Bericht, p. 12—13.
- 379) Пигорини къ *Monumenti antichi* I, p. 50 42.
- 380) *Notizie degli scavi 1876—1877*, p. 308—309. Мѣсто это приведено и въ моемъ трудѣ «О томъ, откуда пришли и кто были Латиняне» въ *Журн. Мин. Нар.*

- Просв.* 1898, Ноябрь, стр. 33 — 34; въ отд. оттискѣ (С.-Петербургъ, 1898), стр. 35—36.
- 381) О палафитгахъ озера Арква-Петрарка писалъ Пигорини въ своемъ *Bullettino* 1888 (XIV) и 1889 (XV), а о Фимонскомъ озерѣ и вообще объ этихъ озергахъ см. у Мёяро *lib. cit.* p. 226—232.
- 382) *Журналъ Министертва Нар. Просв.*, 1898, Ноябрь стр. 35; отд. оттиск. стр. 37.
- 382a) Die Bronzezeit in Oberbayern. München, 1894, p. 267.
- 383) Кромѣ указанной статьи въ *Nuova Antologia* 1880, XXIII, p. 688, и въ *Storia politica d'Italia*, fasc. 33 и 36, (Epoca preistorica), p. LXXXVII отд. оттиска; см. его новѣйшій трудъ о гальскомъ могильникѣ: Il sepolcreto gallico di Montefortino presso Arcevia въ *Monumenti antichi* IX, p. 640.
- 384) Въ его *Bullettino* 1884 (X); p. 44, прим. 19; 1890 (XIV) p. 24, прим. 1, и, наконецъ, недавно въ *Bullettino* 1901 (XXVII) p. 21, примѣч. 29.
- 385) *Bullettino di paletn. Ital.* 1900 (XXVI), p. 143.
- 386) Въ *Storia politica etc.* (Epoca preistorica), p. XXXVIII отд. оттиска.
- 387) Доказательства можно видѣть въ этнографическихъ музеяхъ.
- 388) Аргументы Серджи, разсѣянные въ разныхъ статьяхъ, раньше нами указанныхъ (см. прим. 352), сосредоточены въ книгѣ: *Arii e Italici* (Туринъ, 1898), p. 49 sq.
- 389) *Ibid.*, p. 70.
- 390) Въ *Archivio per l'Antropologia*, 1883 (XIII).
- 391) См. въ моей статьѣ «О томъ, откуда пришли и кто были Латиняне» (*Unde venerint et qui fuerint Latini*) въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1898, Ноябрь, p. 7, въ отд. оттискѣ стр. 9.
- 392) Въ *Nuova Antologia*, 1880, XXIII, p. 684; Epoca preistor. въ *Storia politica d'Italia*, отд. отт. p. XCIII.
- 393) *Arii e Italici*, p. 70.
- 394) Раньше упомянутая статья въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1884 (X), p. 42—43.
- 395) *Le antichità preromane della prov. di Reggio nell'Emilia* (Reggio, 1871), p. 20.
- 396) *Die Italiker in der Poebene*, Leipzig, 1879, p. 41 sq.
- 397) Въ *Bullettino di paletn. Ital.*, 1882 (VIII), p. 116, и затѣмъ это повт. раять во многихъ статьяхъ.
- 398) *Del Lazio e dei suoi popoli primitivi*, Roma, 1899, p. 91 sq. Последнее заявленіе въ смыслѣ, противоположномъ Гельбигу и Пигорини, почтенный іезуитъ сдѣлалъ въ Польскій статьѣ *Civiltà Cattolica* 1901, p. 9 — 10 отд. оттиска. Второй томъ сочиненія почтеннаго ученаго «*Nethel Pelasgi*», гдѣ этотъ вопросъ имъ разсматривается подробно, уже печатается.
- 399) *Italiker etc.*, p. 99 sq.
- 400) *Storia pol. d'Italia* (Epoca preistorica), p. XC отдѣльнаго изданія.
- 401) Il sepolcreto gallico di Montefertino presso Arcevia въ *Monumenti antichi*, IX, p. 640.
- 402) Un villaggio Siculo presso Matera nell'antica Apulia въ *Monumenti antichi* VIII (1898). См. мою статью: «Еще о Сикюлахъ, Умбрахъ и Латинянахъ» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* Май, 1899, стр. 123 слд.
- 403) *Bullettino di paletn. Ital.* 1901 (XXVII), p. 39.
- 404) Изображенія этихъ предметовъ см. на табл. I *Bullettino di paletn. Ital.*, 1900 (XXVI).
- 405) Пигорини въ томъ-же *Bullettino* (1900) p. 10.

- 406) *Bullettino di paleon. Ital.* 1879 (V), p. 73—77.
- 407) *Id. Bullettino*, 1876 (II), p. 50; *Archivio per l'Antropologia* II, p. 396; IV, p. 198.
- 408) *Id. Bullettino*, 1873 (I), p. 40.
- 409) О многочисленности населения въ Пипенѣ, правда, уже историческаго времени, говорятъ Плиній: N. H. 13 (18), 110: Quinta regio Piceni est quondam uberimae multitudinis.
- 410) *Fest. Sacrami* (p. 321 M.). См. мою статью «О происхожденіи Сякуловъ» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1897, Ноябрь; отд. изд. (С.-Петербургъ, 1898), стр. 4.
- 411) *Latium dictum, quod ibi latuerunt homines*. Saufejus у Сервія (Aen. VIII, 322). См. De-Cara, *Del Lazio e dei suoi popoli primitivi*. Roma, 1899, p. 88—89. Почтенный римскій лингвистъ и археологъ съ полнымъ основаніемъ отвергаетъ этимологию Абекена, производящаго *Latium* отъ *latus* широкій, такъ какъ въ одномъ случаѣ а долгое, а въ другомъ короткое. Но не мѣшаетъ тутъ отмѣтить и курьезную этимологию Рубино, производящаго (*Beiträge zur Vorgeschichte Italiens* Lpz., 1868), p. 42) отъ греческаго корня λ=Ф, значащаго камень или скала. Такое созображеніе не удивительно у ученаго, по мнѣнію котораго латинскій народъ состоялъ изъ Аборигеновъ и изъ греческихъ переселенцевъ (*Ibid.*).
- 412) См. у Гёрреса въ *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr.* Wien, 1898, p. 263 и 274.
- 413) См. у Маріани *Antichità Cretesi* въ *Monumenti Antichi* Академіи Линчеевъ VI, p. 343.
- 414) *Bullettino della Commissione archeologica Comunale di Roma* 1896, p. 37.
- 415) *Ibid.* p. 30 sq., 43.
- 416) *Annali dell'Instituto di corrisp. archeologica*, 1860, p. 211, съ таблицами F, G, H.
- 417) Моммзенъ въ *Monatsberichte* Берл. Акад. Наукъ, 1860, p. 453; Детлефсенъ въ *Bullettino* Института Археол. Корреспонденціи, 1861, p. 198. Кирхгофъ въ *Abhandlungen* Берлин. Акад., 1863, p. 229 и 234; Нюэль де-Верже (*Novel de Vergers*), *L'Etrurie et les Etrusques*, Paris, 1862—1864, III, p. 49. Ричъ въ своихъ лекціяхъ въ Боннскомъ университетѣ, слушанныхъ мною въ 1862—1863 гг.
- 418) Исторія увеличенія ихъ числа указана мною въ статьѣ «Фалиски» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, Мартъ, 1893, стр. 132.
- 419) *Die Falisker*. Strassburg, 1888, p. 22.
- 420) *Annali dell'Instituto di corrisp. arch.* 1860, p. 222 sq.; *Sylogae inscriptionum Latinarum aevi Romanae reipublicae* (Туринъ, 1877), p. 195.
- 421) См. Пягорни въ статьѣ *Antichità Laziali di Ardea* въ *Bullettino di paleon. Ital.* 1882 (VIII), p. 115.
- 422) См. Кличе де ла Гранжъ, *Nuovi ritrovamenti paleontologici nei territorii di Tolfa e di Allumiere*. Roma, 1881, p. 4—5.
- 423) На заявленіе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное мною раньше, въ статьѣ «О томъ, откуда пришли и кто были Латиняне» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1898, Декабрь, стр. 238, отд. оттиска стр. 73, г. Пизца въ *Bullettino della Commissione archeol. Comunale di Roma* 1900, p. 189, возражаетъ указаніемъ на два оссуарія типа Вилтановы, обнаруженныхъ имъ въ томъ же *Bullettino* 1898 (табл. VI, фиг. 8) и 1900 (табл. XII, фиг. 12). Но лишь два оссуарія этого

- типа, найденные въ огромномъ некрополѣ, указываютъ только на ихъ исключительность; притомъ же форма этихъ оссуаріевъ представляетъ типъ оссуарія Видлановы лишь въ слабой степени.
- 424) *La paleoetnologia in Roma, in Napoli etc.* Parma, 1867, p. 24 sq.
- 424a) *Die Italiker etc.*, p. 84 sq. и табл. I и II.
- 425) *Bullettino di paleon. Ital.* 1882 (VIII), p. 84, 114—117.
- 426) *Bullettino dell' Instituto di corr. archeol.* 1885, p. 75.
- 427) Въ *Rendiconti* Академіи Линчеевъ класса наукъ нравственныхъ, историческихъ и филологическихъ (Ser. 5-a Vol. V) 1896, p. 449—456.
- 428) *Bullettino della Commissione archeol. comunale di Roma*, 1878, p. 78.
- 429) Свое мнѣніе Лазчани высказалъ и въ 1894 г., при открытіи *Magazzino Archeologico* на Целтѣ, гдѣ были выставлены и многіе изъ этихъ сосудовъ. См. *Id. Bullettino* 1894, p. 145.
- 430) См. объ этомъ въ моей статьѣ «Древнѣйшій періодъ Рима» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1895, Іюль. Отдѣльный оттискъ (Спб. 1895), стр. 20 слд.
- 431) *Bullettino della Comm. arch. Comm. di Roma* 1896, p. 37.
- 432) Вышеуказанные *Rendiconti* Акад. Линчеевъ 1896, p. 433.
- 433) См. *Notizie degli Scavi* 1896, p. 29.
- 434) См. *Rendiconti* 1896, p. 450, 451 и 455 (последняя относится къ Конкѣ).
- 435) *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, Декабрь, 1898, стр. 269—270; отд. отт. стр. 84—85.
- 436) N. H. III, 14 (19), 13: Trecenta eorum oppida Tusci debellasse reperiuntur.
- 437) *Bullettino di paleon. Ital.* 1882 (VIII), p. 84 и 116—117.
- 438) Сборникъ осскнхъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологіи и глосса-ріемъ. Кіевъ, 1877; *Sylloge Inscriptionum Oskarum*, Petropoli, 1878; *Inscriptiones Italiae Mediae dialecticae. Accedit volumen tabularum.* Lipsiae, 1884; *Inscriptiones Italiae Inferioris dialecticae in usum praecipue academicum.* Mosquae, 1886.
- 439) *Saggio di lingua etrusca e di altre antiche d'Italia. I—II.* Roma, 1789. 2-е изд. 1824.
- 440) *Les tables Eugubines. Texte, traduction et commentaire.* Paris, 1875.
- 441) *Umbrica*, Bonn, 1883; *Lexicon Italicum*, Bonn, 1881, и др.
- 442) *Die Falisker.* Strassburg, 1888.
- 442a) *Altitalische Studien I—V.* Hannover, 1883—1887.
- 443) *Grammatik des oskisch-umbrischen Dialekte.* Strassburg, 1892—1897.
- 444) *The Italic dialects, edited with a grammar and glossary I—II.* Кембриджъ, 1897.
- 445) См. *Planta, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte*, I, p. 9—12.
- 446) Въ *Grundriss der Romanischen Sprachen* Грѣбера, I, p. 337.
- 447) *Lib. cit.* I, p. 12.
- 448) См. у меня въ статьѣ «О происхожденіи Скулдовъ», *Журн. Мин. Нар. Просв.*, Декабрь, 1897, въ отд. оттискѣ стр. 79, прим. 2.
- 449) *Arii e Italici*, p. 148—151; 221 sq.
- 450) *Ibid.* p. 150.
- 451) *Liguri e Celti nella valle del Po*, Firenze, 1883. Помѣщено въ *Archivio per l'Antropologia* 1883; *Le influenze celtiche e gl'Italici*, Roma, 1895, p. 9. Отд. оттискъ изъ *Atti della Società Romana di Antropologia*. Vol. III, fasc. 2-o, 1895; *Arii e Italici*, Torino, 1898, p. 142 et passim.
- 452) *Le influenze celtiche*, p. 10.
- 453) *Arii e Italici*, p. 149: *Gli Arii erano venuti fino al Lazio: e questi Arii non*

- potevano essere che gli stessi Umbri, che occupavano il territorio fino alla destra del Tevere; p. 163: I Protoslavi o Illirici hanno invaso l'Italia dal Settentrione orientale, hanno occupato il territorio veneto e sono discesi fino alla valle del Tevere, dove, nel territorio falisco, lasciarono i residui delle loro città, costruite, come era loro costume, su vette montane con recinti di pietre e come fecero in Boemia, nell'Istria, nella Dalmazia, nella Bosnia e nell'Erzegovina.*
- 453a) Die Italiker in der Poebene, p. 99; 106.
- 454) Liv. I, 52: Cum omnes Latini ab Alba oriundi sint., I, 3: coloniae aliquot deductae (ab Aenea Silvio); *prisci Latini* appellati. Dionys. I, 45: Ἐξ ἧς (изъ Альбы) ὀρθώμενοι (Троянцы, начавшие называться Латинянами) πολλὰς μὲν καὶ ἄλλως πόλεις ἔκτισαν, τῶν κληθέντων Πρίσκων Λατίνων; III, 43: ἡ τὰς τριάκοντα Λατίνων ἀποικίασα πόλις; VI, 20: ἔξ ἧς Λατίνων καὶ πᾶσαι πόλεις.
- 455) Первый отчетъ помѣщенъ въ *Annali* института археологической корреспонденции 1866 г.; второй въ *Giornale Arcadico* 1868 г.; третий въ *Bullettino Universale della corrispondenza scientifica di Roma*. Vol. VIII. № 5, Декабрь, 1870; четвертый въ *Annali* Института археологической корреспонденции 1871, подъ заглавiемъ: Nuove scoperte nella necropoli arcaica Albana e Paes-gravé fra le rocce vulcaniche Laziali. Quarto rapporto paleoetnologico. О содержанiи сообщенiй автора я писалъ отчасти въ статьѣ «Древнѣйшiй перiодъ Рима» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* Июнь, 1895. Отд. отг., стр. 13—14.
- 456) Помѣщенъ въ *Gli Studi in Italia*, Vol. II (1880), p. 481 sq. Мемуаръ этотъ былъ прочтенъ въ засѣданiи Папской Археологической Академiи (Pontificia Accademia Romana di Archeologia), 15 Января 1880.
- 457) См. *Bullettino dell' Instituto di corrispondenza archeologica* 1878 (засѣданiе 4 янв.), p. 7—9.
- 458) Scoperte preistoriche ed una necropoli Laziale al prato del Fico, въ журналѣ *Buonarotti* (Ноябрь, 1877) и М. Ст. де-Росси въ *Bullettino del Vulcanismo Italiano*, 1876—1877, p. 100 sq.
- 459) См. его статьи: Necropoli arcaica Romana e parte di essa scoperta presso S. Martino ai monti въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1885; Tre sepolcri arcaici nella villa Spithoever sotto le mura di Servio Tullio въ *Annali* Института археологич. к. корреспонденцiи 1885. Относительно склада вотивныхъ предметовъ, которые онъ ошибочно считаегъ мольскими, подъ дѣтинцей церкви S. M. Victoria, Росси писалъ специальную статью подъ заглавiемъ: Intorno ad un copioso deposito di stoviglie ed altri oggetti arcaici rinvenuto nel Viminale (правильнѣе: Quirinale), въ римскомъ *Bullettino della Comm. archeologica Comunale*, 1878. О всѣхъ этихъ работахъ читатель найдетъ характеризующiя ихъ свѣдѣнiя въ моей вышеупомянутой статьѣ: «Древнѣйшiй перiодъ Рима» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1895 (Июнь).
- 460) См. предыдущую ссылку.
- 461) Цитованный *Bullettino* 1900, p. 201, отд. отг. 57 sq.
- 462) Въ *Bullettino* 1898.
- 463) Въ *Bullettino di paleologia Italiana* 1899 (XXV, p. 56). Въ статьѣ г. Пинцы, у котораго вообще много неправильно напечатанныхъ цитатъ, обозначена стр. 59.
- 464) *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1900, p. 196; отд. стг. 52.

- 465) О германскихъ Hausurnen писали Липшъ (Шверинъ, 1856), Вирхсвъ въ *Sitzungsberichte* Берл. акад. 1883, Беккеръ въ *Verhandlungen* Берлинскаго археол. общества 1892. Болѣе подробныя цитаты см. у меня въ статьѣ «О томъ, откуда пришли и кто были Латвіяне» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1898, Декабрь, стр. 256—257; отд. отд. 71—72.
- 466) См. Орси въ *Monumenti antichi*, I (1890): Urne funerarie cretesi dipinte nello stile di Micene; Joubin, Urnes cineraires cretoises въ *Bullettin de correspondance hellénique* 1892, p. 223. Вообще о распространеніи этихъ урнъ въ Европѣ см. статью Тарамелли: I cinerari antichissimi in forma di saranna, scoperti nell'Eugora, въ *Rendiconti* Академіи Линчевъ класса наукъ нравственныхъ, историческихъ и филологическихъ 1893.
- 467) См. О содержаніи римскихъ могильниковъ я писалъ въ статьѣ «Древнѣйшіи періодъ Рима» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, Июнь, 1895.
- 471) (468) Въ X томѣ *Monumenti antichi* Академіи Линчевъ, p. 227—638: Aufidena. Ricerche storische ed archeologiche nel Sannio settentrionale.
- 471a) (469) *Ibid.*, p. 402.
- 471b) (470) *Ibid.*, p. 397—8.
- 471c) Studi di antropologia medica di Roma 1894—1895. См. также статью Мариани въ *Bullett. della comm. arch. Com. di Roma*, 1896, p. 48 sq.
- 472) *Bullettino di paleol. Ital.* 1898 (XXIV), табл. XV, фиг. 6; 1899, p. 298.
- 473) *Bullettino di paleol. Ital.* 1884 (X), p. 46 и 1894 (XX) p. 168.
- 474) *Id. Bullettino* 1898 (XXIV), p. 97, фиг. 38 и p. 98, фиг. 39.
- 475) См. указанія у Пипцы въ *Bullett. Arch. Com. di Roma*, 1900, p. 198, отд. отд. 54.
- 476) Zeitschrift für Ethnologie etc. 1900, табл. II—III. Сосуды найдены близъ Wilmersdorf въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Шпре, въ округѣ Beeskow—Storkow. Статья Busse подъ заглавіемъ: Das Urnenfeld bei Wilmersdorf, Kreis Beeskow—Storkow, p. 1 sq. Вообще же см. Ундсета въ *Bullettino di paleol. Ital.* 1882 (VIII), p. 36—44: Di alcune relazioni paleontologiche fra l'Italia e l'Europa centrale e settentrionale.
- 477) См. Böhlau, zur Ornamentik der Villanovaperiode въ *Festschrift der deutschen Anthropologischen Gesellschaft zur XXVI allgemeinen Versammlung in Cassel* gewidmet. Cassel, 1895, p. 108.
- 478) *Op. cit.*, p. 200—201; отд. отд. 56—57.
- 479) Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogerm. Sprachen. Weimar, 1872, p. 59—63.
- 480) Въ *Civiltà Cattolica* 1899, 1-го Юля (p. 3, 5 и 8 отд. отд.).
- 481) *Ibidem*, 18 Нолбря 1899 (p. 3 sq. отд. отпуска).
- 482) Les tables Eugubines. Introduction, p. XXVIII.
- 483) *Ibid.*, p. XXIX.
- 484) Römische Geschichte, I, p. 190 sq.
- 485) Рядъ заявленій на эту тему у Нибуръ въ его Römische Geschichte идетъ съ страницы 32 I тома 3-го изданія (p. 17 изданія въ одномъ томѣ, Berl. 1853), гдѣ онъ говоритъ, что die lateinische Sprache ein halbgriechisches Element enthält, dessen palasgischer Ursprung nicht zweifelhaft zu sein scheint. См. далѣе p. 63 (p. 33 изд. 1853 г.): «Im Lateinischen sind zwei Elemente gemischt: ein dem griechischen verwandtes, und ein ganz fremdes». Странице мнѣніе объ отношеніи осскаго къ латинск.му Нибуръ высказываетъ p. 77 (40); 92 (47).
- 486) Dorig, I, p. 7; II, 490. Мѣста приведены у Швердера, I, p. 187.

- 487) A. R. I, 90, въ началѣ: Ῥωμαῖοι δὲ φωνήν μὲν οὐκ ἔχουσι βάρβαρον, οὐδ' ἀπρητισμένους Ἑλλάδα φθίζουσι, μικτὴν δὲ τινὰ ἔχουσιν, ἣς ἔστιν ἡ κλισίων Διολίς.
- 488) См. т. I, p. 438 sq.
- 489) См. указанія мѣстъ у Шведлера Lib. cit. I, p. 161—163.
- 490) Такъ говорили выдающіеся филологи, какъ Рейзингъ (Vorlesungen über die lateinische Sprachwissenschaft, Leipz. 1839, p. 40), Дёдерлейнъ (Synonymik der lateinischen Sprache, V, предисл. p. VI sq) и другіе.
- 491) Geschichte der Römischen Literatur, I, (Carlsruhe, 1868), p. 5.
- 492) *Civiltà Cattolica*, 15 Августа 1899, p. 10 sq. отд. отд.
- 493) См. его рефератъ «De quelques divinités italiques» представленный Съѣзду Ориенталистовъ въ Женевѣ и напечатанный въ *Congres International des Orientalistes, Session de Geneve, 2-me partie. Section 1-bis: Linguistique et langues Argyennes.*
- 493) См. Corssen, Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache. 2-e Ausgabe, II, Leipzig, 1870, p. 39.
- 494) См. Bréal, Les tables Eugubines I, 6 29: alfu; Dictionnaire étymologique latin par M. Bréal et Anat. Bailly (Paris, 1885), p. 8.
- 494a) Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung I, p. 483.
- 495) Röm. Geschichte. I, глава VIII въ началѣ.
- 496) *Bullettino di paletn. Ital.* 1883 (IX), p. 103.
- 497) Idem. *Bullett.* 1832, p. 106.
- 498) *Annali dell'Inst. di corrisp. archeol.* 1883, p. 48—49.
- 499) Les fouilles dans la nécropole de Vulci, p.
- 500) Въ *Rendiconti* Академіи Линчесевъ класса наукъ нравственныхъ, историческихъ и филологическихъ, 1893, p. 438.
- 501) *Bullettino della Commissione archeologica Comunale di Roma*, 1900, p. 190; отд. отд. 46.
- 502) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1898, Декабрь, стр. 260, отд. отд. стр. 75.
- 503) *Bullettino della Commiss. arch. Comunale di Roma*, 1900, p. 168; отд. отд. p. 21, 70.
- 504) См. у Маріани въ Id. *Bullettino* 1896, табл. V, фиг. 11.
- 505) Id. *Bullettino* 1900, p. 169, отд. отд. p. 23.
- 506) Монтедіусъ, La Civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux. Première partie. Stockholm, 1895. Evolution de la fibule en Italie, p. IV—VI.
- 507) См. въ атласѣ Монтедіуса, Op. cit. 2 серия, табл. 75.
- 508) См. у Маріани въ указанномъ *Bullettino* римской муниципальной археол. Коммиссіи 1896 табл. III, фиг. 2.
- 509) См. въ статьѣ Пинцы 1900 г., p. 160, отд. отд. 25, прил. 3.
- 510) Всѣ эти предметы у него изображены на стр. 162 (отд. отд. 18) статьи 1900 г.
- 511) Въ статьѣ 1898 г., p. 123.
- 512) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1898, Декабрь, стр. 261, отд. отд. стр. 79.
- 513) Gsell, Fouilles dans la nécropole de Vulci, p. 203.
- 514) *Bullettino della Commiss. Arch. Comunale di Roma*, 1900, p. 191, отд. отд. p. 47.
- 515) Пигорини заявлялъ еще въ одной изъ первыхъ своихъ палео-этнологическихъ работъ—La paleoethnologia in Roma, in Napoli nelle Marche e nelle Legazioni (Parma, 1867), p. 24, что Альбанскій некрополь представляетъ собой переходную эпоху отъ бронзы къ жельзу. Этого взгляда онъ не покидалъ и впоследствии.

- 516) *Annali dell' Instituto di corrisp. archeol.*, 1885, p. 48—49.
 517) *Ibid.*, p. 5.
 518) Въ *Bullettino di paletnol. Ital.*, 1878 (IV), p. 126.
 519) *Id. Bullettino* 1882 (VIII), p. 117.
 520) *Id. Bullettino* 1874 (X), p. 46.
 521) *Id. Bullettino* 1901 (XXVII), p. 14 Cercai di mettere in evidenza, quanto ho parecchie volte trattato nel *Bullettino*, vole a dire, che *la civiltà di Villanova procede da quella anteriore dei terramaricoli*.
 522) *Id. Bullettino* 1884 (X), p. 33—50.
 523) *Id. Bullettino* 1887 (XIII), p. 75 и 78.
 524) *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr.* Wien, 1898, p. 605.
 525) *Annali dell' Instituto di corr. archeol.* 1845, p. 57.
 526) *Fouilles dans la nécropole de Vulci.* Paris, 1891, p. 257.
 527) *Bullettino di paletnol. Ital.* 1890 (XVI), p. 50 sq.
 528) Могильникъ Бисмантовы подробно разработалъ Кьеричи въ *Bullettino di paletnologia Ital.* 1875 (I), p. 42—47; 1876 (II), p. 242—253; 1882 (VIII), p. 118—139. Изображенія предметовъ можно видѣть и въ атласѣ Монтедіуса, 2-я сер., табл. 41.
 529) *Id. Bullettino* 1882 (VIII), p. 118 sq.
 530) *Русскія древности въ памятникахъ искусства*, III. С.-Петербургъ, 1890, стр. 109 слд.
 531) Шантръ относитъ его ко времени между XV и VII ст., Монтедіусъ къ XIII ст., Вирховъ къ XI—X. См. Нидерле, Человѣчество въ до-историческія времена. Русскій переводъ Водкова, подъ редакціей проф. Анучина (Спб. 1888), стр. 331—2.
 532) *Atti e memorie della Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna*, 1883, p. 264 sq., 1885, p. 173 sq.
 533) *Fouilles dans la nécropole de Vulci*, p. 334 sq.
 534) Указанныя выше *Atti e memorie*, 1885, p. 173—174. Статья Брицци носитъ заглавіе: «La provenienza degli Etruschi» (Происхожденіе Этрусковъ) и есть одна изъ лучшихъ работъ этого даровитаго и сильнаго ученаго.
 535) См. его статьи въ *Bullettino di paletn. Ital.* 1889 (XV), p. 65 sq. 1890 (XV), p. 54. *Monumenti antichi* Академіи Линчеевъ I, p. 140 sq.
 536) *Op. cit.* p. 269 и 334.
 537) *Bullettino*, 1887 (XIII), p. 75.
 538) *Bullettino*, 1900 (XXVI), p. 122.
 539) Въ первый разъ г. Пицца развилъ эту теорію въ *Bullettino della Commissione archeologica Comunale di Roma* 1898, p. 210 sq. и повторяетъ ее въ томъ-же *Bullettino* 1900, гдѣ высказываетъ свое заключеніе, p. 201 (отд. отд. 57).
 540) *Italiker in der Poebene*, p. 99.
 541) I, 94. Ср. *Dionys. Ital.* I, 27.
 542) IV, 49: Ἐκ δὲ τῆς κατ' ὑπερθε χώρας Ὀμβρικών.
 543) N. H. III, 14 (19), 113: Trecenta eorum (Umbrorum) oppida Tusci debellasse reperiuntur.
 544) *Ibid.* III, 14 (19) 112.
 545) I, 19: Πολλὰ δὲ καὶ ἄλλα τῆς Ἰταλίας χωρὶς ὄκνου Ὀμβρικοί, καὶ ἦν τοῦτο τὸ ἔθνος ἐκ τοῖς πάνυ μέγα τε καὶ ἀρχαῖον.
 546) I, 27: ὀρμασμένῳ δ' ἐπὶ τοῖς ἑσπεροῖς μέρεσι Ἰταλίας, ἔθθα ἦν Ὀμβρικοῖς ἢ οὐκ ἔστι.

- 547) См. N. H. III, (8), 51.
 547a) Ibid. III, (8), 50.
 548) Römische Geschichte, I, p. 161 3-го изд., p. 82 изд. 1853 г.
 549) Röm. Geschichte, I, p. 270.
 550) Römische Geschichte, I, гл. VIII въ началѣ.
 551) Die Etrusker, I, 102 sq.
 552) Röm. Geschichte, I, въ вышеуказ. мѣстѣ.
 552a) Opus cit., p. 173.
 553) Plin. N. H. III, 14 (19), 112: Jungetur his sexta regio Umbriam complexa agrumque Gallicum circa Ariminum. Ср. Varr. *De re rustic.* I, 2, 7; 14, 4; II, 3, 9; Cic. *Brut.* 14, pro Sext. 4; Liv. XXXIX, 44.
 554) V, I (217 C.): τὸ δὲ Ἀριμινοῦ Ὀμβρικῶν ἐστὶ κατοικία, καθάπερ καὶ ἡ Ἐχούεσσα.
 555) Въ *Notizie degli scavi* 1894, p. 292 sq. п особенно 1893, p. 333—390.
 556) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1889, Сентябрь, въ статьѣ подъ заглавьемъ: «Еще о Сивулахъ, Умбрахъ п Латинянахъ. II. Умбры п Латиняне», стр. 1—20.
 557) Lib. cit. Ibid.
 558) По отношенію къ городу *Gampia* или *Adria* служить ясными свидѣтельствами умбрскія прилагательныя формы: *atru, adro, adrer, adriv.* См. у Бреаля *Les Tables Eugubines*, Index, p. 373. По отношенію къ городу *Спина* формы: *Spiniam, Spinam, Spina, Spinia* въ тѣхъ-же игувинскихъ таблицахъ. Ibidem, p. 386.
 559) Op. cit., p. 173.
 560) IV, 49.
 561) *Les Celtes dans les vallées du Pô et du Danube* (Paris, 1894), p. 71.
 562) *Les tables Eugubines*, Introduction, p. XXVIII.
 563) Примѣчаніе къ стиху 1360: Ὀμβροί, γένος Γαλιτῶν.
 564) Solin., ed. M. p. 34, 11.
 565) Suet. *Gramm.*, 7, p. 105 ed. Reifferscheu.
 566) V, I, 50.
 567) II, 16—17.
 568) *Origine e diffusione della stirpe mediterranea.* Roma. 1893, p. 144.
 569) Umbri, Italici, Ariti e loro relazioni въ *Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna*, III Serie, Vol. XV. Отдѣльный оттискъ, Bologna, 1897, p. 23.
 570) Ariti e Italici (Torino, 1898), p. 163 sq.
 571) О томъ, откуда пришли п кто были Латиняне въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* Декабрь, 1898, стр. 247 слд.; въ отд. оттискѣ стр. 62 слд.
 572) *Bullettino della Commissione archeologica Comunale di Roma*, 1898, p. 58 sq.
 573) Ariti e Italici, p. 134.
 574) Plut., *Rom.*, 11.
 575) Dionys., II, 49.
 576) *Di un sepolcreto etrusco, scoperto presso Bologna.* Bologna, 1855.
 577) *La nécropole de Villanova* (Bologne, 1870), p. 74 sq.
 578) *Rapporto alla R. Deputazione di storia patria intorno agli scavi fatti e alle scoperte archeologiche avvenute recentemente in Bologna e nei dintorni.*
 579) *Sulla provenienza degli Etruschi* въ *Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica*, 1884.
 580) *La provenienza degli Etruschi* въ *Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna*, Vol. II, Fasc. III e IV. Bologna, 1883.

- 581) I. 30.
- 582) О разныхъ видахъ мсгалъ тина Виллановы подрѣбѣе говорится въ *Monumenti antichi* IV, p. 120 sq.
- 583) См. у Эванса въ его *Cretan pictographs and prae-phoenician script*. London und New-York 1895, p. 80 (табл. I) 88 и 84 (табл. II).
- 584) Годцадини, *La necropole de Villanova*, p. 56.
- 585) У Эванса *Op. cit.*, p. 80 (табл. I).
- 586) «Древнѣйшій періодъ Рима» въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1895, Июль, стр. 322.
- 587) *Monumenti archeologici della provincia di Bologna* (Bologna 1881) и *Scavi dell'arcaica necropoli Italica nel predio già Benacci, ora Caprara, presso Bologna, negli anni 1887—1888* въ *Notizie degli scavi* 1889, p. 298 sq.
- 588) *Intorno agli scavi archeologici, fatti dal Sign. A. Arnoaldi Veli presso Bologna. Bologna, 1877*, p. 32.
- 589) *Ibid.*, p. 7.
- 590) *Notizie degli scavi* 1898, p. 388.
- 591) См. *Notizie degli scavi* 1884, p. 73.
- 592) *Notizie degli scavi* 1898, p. 389.
- 593) См. статью Гирардини въ *Monumenti antichi* Академіи Линчеевъ 1898, p. 100—215. Впрочемъ Гирардини (p. 175) находятъ только «una lieve divergenza».
- 595) Годцадини, *Intorno ad alcuni sepolcri scavati nell'arsenale militare di Bologna. Bologna, 1875*. Ст. 1 табл.
- 596) Годцадини, *Di alcuni sepolcri della necropoli Felsinea. Bologna, 1863*.
- 597) *Antiche abitazioni di Bologna. Bologna, 1893* съ 25-ю табл.
- 598) Планъ и разрѣзъ представлены въ Атласѣ Монтелиуса, *Serie B*, табл. 87, фиг. 20 и 21.
- 599) См. у Цаннони, табл. IV, фиг. 33, 33, и др. плн у Монтелиуса въ *La civilisation primitive en Italie, I*, p. 409.
- 600) Монтелиусъ, p. 334.
- 601) Указана у Монтелиуса *ibid.*, p. 345—346.
- 602) Считаю нужнымъ указать по этому поводу небольшую, но прекрасную статью проф. Брицио: *Costumi degli Umbri nel territorio Felsineo* въ *Nuova Antologia*, 1889, XXII, p. 217—242. Статьей этой мы неоднократно пользовались, говоря о при-болоньскихъ могильникахъ.
- 603) N. H. III, 14 (19), 113: *Trecenta eorum opp'da Tusci debellasse reperiuntur*.
- 604) *Annali dell'istituto di corrispondenza archeologica*, 1875, p. 231 (прим. 2).
- 605) *Bullettino di patetn. Ital.* 1878 (IV), p. 124; 1884 (X), p. 49.
- 606) *Id. Bullettino* 1882 (VIII), p. 37.
- 606a) *Annali* 1885, p. 90.
- 607) *Fouilles dans la necropole de Vulci*, p. 337.
- 608) *Osservazioni sopra la provenienza della decorazione geometrica* въ *Annali института археол. корресп.* 1875, p. 245.
- 609) *Zur Ornamentik der Villanovaperiode* въ *Festschrift der deutschen Anthropol. Gesellschaft zur XXVI allgem. Versammlung zu Cassel. Cassel, 1895*, p. 91 sq. Если Бѣдау прямо и не говорить о морской торговлѣ, какъ пути греческихъ вліаній на внесеніе Италію орнамента въ этотъ періодъ, то это у него само собой подразумѣвается.
- 610) *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr.* Wien, 1898, p. 550 sq.

- 611) *Annali* 1875, p. 256.
 612) *Bullettino di paleon. Ital.* 1884 (VIII), p. 49.
 613) Fouilles, etc., p. 337.
 614) Op. cit., p. 108.
 615) Lib. cit., p. 540.
 616) Sur la question Mycénienne. Paris, 1896.
 617) *Bullettino di paleonol. Ital.* 1899 (XIX), p. 25.
 618) *Notizie degli scavi*, 1899, p. 26.
 619) Lib. cit., p. 337.
 620) Zur Geschichte der Anfänge Griechischer Kunst въ Sitzungsberichte върской Академіи, 1870, p. 505 sq.
 621) Въ упомянутой (прим. 608) статьѣ *Annali* 1875 г., p. 229.
 622) Zur Ornamentik der Villanova-Periode въ упомянутомъ (прим. 609) *Festschrift* п т. д., p. 92.
 623) Op. cit., p. 221.
 624) *Bullettino*, 1878 (IV), p. 124; 1884 (X), p. 49.
 625) Id. *Bullettino*, 1882, p. 37.
 626) Fouilles etc., p. 337.
 627) *Monumenti antichi* Академіи Линччевъ, II, p. 222 sq.
 628) Opus citat., p. 98—99 въ упомянутомъ раньше *Festschrift*.
 629) Эту послѣднюю мысль онъ высказываетъ въ *Jahrbuch des kaiserlich-deutschen Archäologischen Instituts*, 1901, p. 191.
 630) *Urgeschichte der bildenden Kunst* etc., p. 550.
 631) *Bullettino di paleonol. Italiana* 1899 (XXV), p. 199.
 632) Id. *Bullettino* 1901 (XXVII), p. 12—27.
 633) Geometrische Vasen aus Griechenland, mit 104 Abbildungen въ *Jahrbuch* Германскаго археол. Института 1899.
 634) *Notizie degli scavi* 1899, p. 35.
 635) *Hecat. fragm.* 39—60; Herod. VI, 127; Thuc. I, 24.

ОПИСАНІЕ ТАБЛИЦЪ.

а) предметы, снятые авторомъ фотографически въ Римскомъ До-историческомъ Музеѣ (таблицы I—VI, VIII—XXXII).

ТАБЛИЦА I.

Палеолитическія орудія шельскаго и мустьерскаго типовъ. *Фиг.* 1, 2, 4, 7 происходятъ изъ разныхъ мѣстностей Майеллы (въ Ближнемъ Аbruцѣ, пров. Chieti) и значатся въ инвентарѣ Музея подъ № 39.270, 39.274, 39.268—9, а *фиг.* 5, 6, 3 найдены въ долинѣ Вибраты (пров. Teramo) и значатся въ инвентарѣ подъ № 7.300—7.302.

ТАБЛИЦА II.

Неолитическія орудія. *Фиг.* 1, 2, 3, 4, 5, 6. Три топора (1, 2, 4) и три долота (3, 5, 6) происходятъ изъ неолитической стоянки Alba, на лѣвомъ берегу Кераско (пров. Cuneo). № музейнаго инвентаря (по порядку указанныхъ нумеровъ) 45.365—6, 61.786, 61.788, 45.494—5. *Фиг.* 7, 8, 9, 10, 11. Ножи и скребки происходятъ изъ стоянокъ р. Энцы (Enza), именно 7 и 11 (№ инв. 64.279—80) изъ Roncone di Vignale (общины Traversolo, пров. Parma), 8 (№ инв. 64.278) изъ Caserotte—Carcarecchio (Traversetolo, Parma); 9 и 10 изъ Monte Santa Maria (Traversetolo, Parma) и значатся подъ № инв. 64.281—2.

ТАБЛИЦА III.

Фиг. 1, 4, 5, 6, 10. Кремневые орудія ромбовидной формы; извлечены изъ основаній хижинъ (fondi di capanne) долины р. Vibrata. № инв. 10334—10.338. *Фиг.* 2. Обломокъ браслета изъ ядента; № инв. 45.424. *Фиг.* 3. Ромбовидное кремневое орудіе; № инв. 45.516. *Фиг.* 9. Кремневое

орудіе съ скошенной оконечностью при обработкѣ; № инв. 45.517. Всѣ три происходятъ изъ неолитической стоянки Alba (Cuneo). *Фиг.* 7, 8, 11, 12, 13, 14. Очень заостренные костяные орудія; № инв. 55.765, 55.768, 55.760—63. Происходятъ изъ Лигурійской пещеры Pollera (Finalmarina, Genova).

ТАБЛИЦА IV.

Фиг. 1—3. Кремневые ядрища; № инв. 45.553—55. *Фиг.* 4, 5, 6, 10, 13. Кремневые орудія, могущія служить ножами и пилами; № инв. 45.506—10. *Фиг.* 7. Шило, № инв. 45.511. *Фиг.* 8, 9, 11, 12. Кремневые скребки; № инв. 45.518—21. Всѣ орудія этой таблицы происходятъ изъ неолитической стоянки Alba на лѣвомъ берегу Кераско (Cuneo).

ТАБЛИЦА V.

Фиг. 1 и 4. Острыя орудія (кинжалы); № инв. 55.766, 55.759. Происходятъ изъ Лигурійской пещеры Pollera (Finalmarina, Genova). *Фиг.* 2, 3, 5—8. Осколки глиняной посуды, отчасти съ линейнымъ (8) и вытиснутымъ пальцами (6) орнаментомъ; № инв. 45.273, 45.275. Происходятъ изъ неолитич. стоянки Alba (Cuneo).

ТАБЛИЦА VIII.

Фиг. 1. Большой кремневый кинжаль съ рѣзной ручкой, *фиг.* 2—ножъ и *фиг.* 3 и 4—двѣ стрѣлы; найдены въ могилѣ Santalupo—Mandela (Roma) и носятъ № инв. 63.368—71. *Фиг.* 5, 6. Два кинжала, одинъ трехугольный съ широкой ручкой (6), другой въ формѣ лавроваго листа (5) происходятъ изъ могильника Remedello (Brescia) и значатся въ инвентарѣ: первый подъ № 55.711, второй подъ № 55.410.

ТАБЛИЦА IX.

Фиг. 1. Мѣдный кинжаль изъ могилы I имѣнія Santa Cristina (Fiesse, Brescia); № инв. 62.536. *Фиг.* 2 и 6. Мѣдные топоры изъ области Фалисковъ (territorio Falisco); носятъ № 54.073, 54.075. *Фиг.* 3. Мѣдное долото изъ Mensano (Casole d'Elsa, Siena); № инв. 55.730. *Фиг.* 4. Мѣдный топоръ изъ могилы II имѣнія Santa Cristina (Brescia); № инв. 62.539. *Фиг.* 5. Мѣдный топоръ мѣстечка Казали близъ Sgurgola (Roma); № инв. 55.731.

ТАБЛИЦА X.

Фиг. 1, 2, 3. Три мѣдныхъ кинжала изъ грота Monte Bradoni (Volterra). № инв. 62,624—26. *Фиг.* 4 и 5. Два бронзовыхъ топора съ узкимъ лез-

вѣемъ происходятъ изъ *torbiera di Polada* (*Lonato, Brescia*), № инв. 59.946—47. *Фиг. 6.* Бронзовый топоръ съ широкимъ круглымъ лезвиемъ, происходитъ изъ палатиттъ *Lago di Varese* (*prov. Como*), № инв. 47,725.

ТАБЛИЦА XI.

Фиг. 2, 3, 4, 5, 6, 7 (№ инвентаря 25.876, 25.842, 25.875, 25.874, 25.830, 25.825). Посуда (чашка, тазъ, крышка), изъ пещеры Св. Варооломея, *Caverna di S. Bartolomeo*, на о. Сардиніи (*prov. Cagliari*). *Фиг. 1*, колоколообразный стаканъ изъ могилы II имѣнія *Santa Cristina* (*Brescia*); № инвент. 62,540.

ТАБЛИЦА XII.

Фиг. 1, 2, 3. Бронзовые кинжалы изъ палатиттъ *Lago di Verese*; № инвен. 47.726—8. *Фиг. 4, 5, 6, 7.* Кремневья пилы (№ инв. 60.594—7), происходятъ изъ торбьеры *Polada*. *Фиг. 8.* Наконечникъ стрѣлы изъ рога (№ инв. 60.924). 11, 12, 17, трехугольные кремневые наконечники стрѣлъ съ выдолбленнымъ основаніемъ (№ инв. 60.225—7), 10, 16, кремневые наконечники стрѣлъ съ однимъ крылышкомъ (№ инв. 60.479—80), 9, 13, 14, 1560. № инв. (468—71), маленькія геометрическія орудія съ ножкой и безъ ножки: всѣ эти орудія происходятъ также изъ *Polada*.

ТАБЛИЦА XIII.

Фиг. 1. Молотокъ съ желобками у головы и съ отверстіемъ (сверлиной) посрединѣ (№ инв. 6.132) происходитъ изъ *Jesi* (*Ancona*). *Фиг. 2.* Молотокъ съ простой головой и съ боковымъ отверстіемъ (№ инв. 53.875),—изъ террамары *Casaroldo di Samboseto* (*Parma*). *Фиг. 3.* Небольшая мотыка изъ оленьяго рога (№ инв. 61,011), изъ торфяного болота *Polada* (*Brescia*). *Фиг. 4.* Кинжалъ, сдѣланный изъ локтя (№ инв. 60.971), также изъ *Polada*. *Фиг. 5.* Бронзовый топоръ съ крылышками (№ инв. 18,075), изъ террамары «*il Grumo*», общины *Campeggine*, *prov. Reggio* (въ Эмилии). Всѣ эти предметы изображены приблизительно въ $\frac{2}{3}$ натуральной величины.

ТАБЛИЦА XIV.

Глиняная посуда (горшки, чаши, кувшины, кружки, котлы); часть ея съ орнаментомъ: точечнымъ (*фиг. 5* и *10*), веревочнымъ (*фиг. 8* и *9*), желобчато-выпуклымъ (*фиг. 2*); одинъ (*фиг. 1*) съ подобіемъ рогообразной ручки. Всѣ эти сосуды происходятъ изъ палатитты *Polada* (*Lonato, Brescia*). Въ инвентарѣ музея значатся подъ №№ (по порядку фигуръ): 59.850, 59.799, 59.681, 59.767, 59.738, 59.834, 59.672, 59.742, 59.750, 59.720.

ТАБЛИЦА XV.

Глиняная посуда террамарь. *Фиг.* 1. Три рогообразныя ручки (№ инв. 41.196) изъ террамары Castione dei Marchesi (община Борго Санъ-Доннино, Парма). *Фиг.* 2. Три рогообразныхъ ручки (№ инв. 41.198) изъ той-же террамары. *Фиг.* 3. Чашка съ желобчато-выпуклымъ орнаментомъ и съ слѣдами рогообразной ручки (№ инв. 48.972) изъ террамары Colombare di Bersano (Besenzone, Piacenza). *Фиг.* 4. Кружка (№ инв. 42.713) изъ террамары Casaroldo di Samboseto (Parma). *Фиг.* 5. Чаша (№ инв. 49.407) изъ террам. Castellaro (общ. Vho, Cremona). *Фиг.* 6. горшокъ съ бугоркомъ по срединѣ (№ инв. 45.640) изъ террам. Casaroldo di Samboseto (Busseto, Parma). *Фиг.* 7. Горшокъ съ бугорчатымъ орнаментомъ и съ кругообразнымъ узоромъ на буграхъ (№ инв. 33,326) изъ террамары Castiglione di Marano (Savignano на Панаро, Parma). *Фиг.* 8. Горшокъ съ бугорчатымъ орнаментомъ (№ инв. 154,117) изъ террам. Ognisanti (Pieve San Giacomo, Cremona). *Фиг.* 9. Кружка (№ инв. 48,981) изъ террам. Monte di Ramole (Busseto, Parma). *Фиг.* 10. Чашка съ орнаментомъ изъ параллельныхъ полу-круговъ (№ инв. 48,980) изъ той-же террамары. *Фиг.* 11. Горшокъ съ бугорками вмѣсто ручекъ (№ инв. 42,501) изъ террамары Gorzano (Maranello, Modena).

ТАБЛИЦА XVI.

Бронзовыя издѣлія. *Фиг.* 1. Коса (или серпъ) изъ террамары Castellaro (общ. Gottolengo, Brescia); № инв. 64.204. *Фиг.* 2. Гарпунъ изъ палафиттъ Lago di Garda; № инв. 19.023. *Фиг.* 3. Кинжалъ изъ террамары Villa Cappella (Ceresara, Mantova), № инв. 46.061. *Фиг.* 4 и 5. Бронзовыя бритвы. Первая (№ инв. 36,333) изъ террамары Castellaro (Gottolengo, Brescia), вторая (№ инв. 18.705) изъ палафиттъ Гардскаго озера).

ТАБЛИЦА XVII.

Фиг. 1—4. Костяныя или роговыя долота (или лопатки?) изъ террамары Colombare di Bersano (Besenzone, Piacenza); № инв. 48,970, 48,837, 48,868, 53,886). *Фиг.* 5 и 11. Бронзовые наконечники стрѣлъ, первый съ ножкой (№ инв. 42,663) изъ террамары Castione dei Marchesi (Borgo San-Donnino, Parma), другой съ втулкой (№ инв. 42.716) изъ террам. Montigone di Marano (S. Lazzaro, Parma). *Фиг.* 6 и 10. Бронзовыя шпильки (большія булавки) изъ террам. Colombare di Bersano (Besenzone, Piacenza), (№ инв. 56.224, 53 897). *Фиг.* 7. Шпилька (№ инв. 42,493) изъ террам. Gorzano (Maranello, Modena). *Фиг.* 8. Шпилька (№ инв. 42,509) изъ террамары Montale (Castelnuovo Rangoni, Modena). *Фиг.* 9. Удочный крючекъ

(№ инв. 19.143) изъ палафиттъ Lago di Garda. Всѣ предметы приблизительно натуральной величины.

ТАБЛИЦА XVIII.

Фиг. 1. Бронзовый топоръ съ поднятыми краями изъ террамары Scandiano (Reggio въ Эмилии). № инв. 42.719. *Фиг. 2.* Бронзовое шило съ костяной ручкой, на которой узоръ изъ двухъ рядовъ кружковъ съ точками въ серединѣ и изъ одного меньшаго ряда кружковъ овальной формы, также съ точками по серединѣ. Происходитъ изъ террам. Castione dei Marchesi (общ. Борго Санъ-Доннино, пров. Парма). № инвент. 42,675. *Фиг. 3.* Бронзовый изконечникъ копья съ втулкой изъ террам. Castellaro (Gottolengo, Brescia). № инв. 56.328. *Фиг. 4.* Бронзовое шило съ костяной ручкой, на которой узоръ изъ кружковъ, просгыхъ и концентрическихъ съ точками въ серединѣ, какъ въ узорѣ фиг. 2. Происходитъ изъ террам. Casaroldo di Samboseto (Busseto, Parma) № инв. 48.951. *Фиг. 5.* Бронзовое долото (№ инв. 64.120) изъ террамары Colombare di Bersano (Besenzone, Piacenza).

ТАБЛИЦА XIX.

Бронзовые кинжалы и кинжалычки изъ палафиттъ Lago di Garda. № инв. 17.292—95, 20.520—22.

ТАБЛИЦА XX.

Фиг. 1. Бронзовая бритва изъ террамары Castione dei Marchesi (Borgo S. Donnino, Parma). № инв. 18.093. *Фиг. 2.* Бронзовые щипчики изъ террамары Castellaro (Gottolengo, Brescia). № инв. 56.336. *Фиг. 3.* Роговой гребень изъ терр. Castione dei Marchesi. № инв. 42.703. *Фиг. 4.* Бронзовая бритва изъ палафиттъ Lago di Garda. № инв. 18.706. *Фиг. 5 и 6.* Бронзовыя фибулы въ формѣ скрипачнаго смычка изъ палафиттъ того-же озера. № инв. 19.099—100. *Фиг. 7, 8, 9, 10.* Бронзовые привѣски изъ палафиттъ того-же озера. № инв. 19.122—25.

ТАБЛИЦА XXI.

Фиг. 1. Костяная шпилька или булавка изъ террам. Colombare di Bersano (Besenzone, Piacenza). № инв. 49.363. *Фиг. 2, 3, 4, 6.* Бронзовыя шпильки изъ палафиттъ Lago di Garda. № инв. 18.329—32. *Фиг. 5.* Костяная игла изъ террам. Colombare di Bersano (Besenzone, Piacenza). № инв. 49.364. *Фиг. 7.* Часть удила изъ рога, изъ террам. Casaroldo di Samboseto (Busseto, Parma). № инв. 49.013. *Фиг. 8.* Роговой колесикъ для головной булавки изъ той-же

террамары. № инв. 41.326. *Фиг.* 9 и 10. Роговые головки для головной булавки, изъ той-же террамары. № инв. 41.327—28.

ТАБЛИЦА XXII.

Фиг. 1—3. Оссуаріи могильника Corezzato (общ. San Secondo, пров. Parma). № инв. 37.985, 45.582 (№ 3-яго инвъ невѣтъстенъ). *Фиг.* 4. Оссуарія изъ могильника Pietole (общ. Virgilio, пров. Mantova). № инв. 47.728. *Фиг.* 5 и 6. Оссуаріи могильника Castello (Bovolone, Verona). № инв. 21.502, 21.509. Оссуаріи этой таблицы носятъ на себѣ (исключая *фиг.* 1) грубые рельефныя или бугорчатыя украшенія.

ТАБЛИЦА XXIII.

Фиг. 1, 2, 6, 7, 8. Добавочные могильные сосуды изъ некрополя Corneto Tarquinia (contrada Monterozzi, Roma). № инв. 25.357, 25.355, 25.353, 25.354, 25.256. *Фиг.* 3, 4, 5. Добавочные могильные сосуды некрополя Poggio la Pozza (Allumiere, близъ Чивитавеккїи). № инв. 62.833, 62.835, 62.876. На двухъ изъ нихъ нарѣзной геометрической орнаментъ. *Фиг.* 5 имѣетъ форму аскоса.

ТАБЛИЦА XXIV.

Фиг. 1, 4, 6. Оссуаріи изъ Fontanella di Casalromano (Mantova). № инв. 45.718, 56.968, 50.942. *Фиг.* 2, 3, 5. Оссуаріи изъ некрополя Poggio la Pozza (Allumiere, близъ Чивитавеккїи). № инв. 62.825, 62.824, 62.812. Всѣ три съ нарѣзнымъ орнаментомъ изъ подобія треугольника.

ТАБЛИЦА XXV.

Фиг. 1—8. Сосуды изъ могильника Суэсулы, Suessola (близъ Taniello, Terra di lavoro). № инв. 21.082, 21.537, 21.084, 21.525, 21.521, 21.534, 21.083, 21.522. Первые три стараются воспроизвести форму двуконического оссуарія типа Виллановы, два слѣдующихъ (горшечникъ и чаша) имѣютъ рельефныя украшенія. Три круговыя линїи идутъ вокругъ блюда (*фиг.* 8). *Фиг.* 9. Урна-хижина изъ Альбанскаго могильника Pascolare di Castel Gandolfo. № инв. 65.059.

ТАБЛИЦА XXVI.

Фиг. 1 и 3. Бронзовые сосуды изъ некрополя Bisenzio (Carodimonte, Roma). Оба съ цѣпочками для вѣшанія. На второмъ изъ нихъ рельефный орнаментъ изъ линїи, между которыми точки и черточки. № инвент. 51.980,

51.961. *Фиг.* 2. Глиняный сосудъ изъ Corneto Tarquinia съ орнаментомъ изъ меандра. № инв. 25.360. *Фиг.* 4. Оссуарій изъ некрополя Roggia la Pozza (Allumiere, близъ Чивитавеккиа). № инв. 62.796. *Фиг.* 5. Сосудъ въ формѣ амфоры съ геометрическимъ орнаментомъ красками изъ некрополя Bisenzio (Capodimonte, Roma). № инв. 51.970. *Фиг.* 6. Оссуарій съ крышкой въ видѣ кровли хижины, съ нарѣзнымъ орнаментомъ изъ меандра. Также изъ Бизенціо. № инв. 51.961.

ТАБЛИЦА XXVII.

Фиг. 1 и 3. Глиняныя воспроизведенія шлема, изъ Corneto Tarquinia. № инв. 25.361, 25.362. *Фиг.* 2. Оссуарій изъ Corneto Tarquinia съ геометрическимъ орнаментомъ, вверху меандръ, и съ характеристической крышкой (обернутой чашкой) типа Виллановы. № инв. 25.352, 25.359. *Фиг.* 4. Оссуарій съ такой-же крышкой; въ нижней части орнаментъ изъ меандра. Происходить изъ Veguschio близъ Римини (пров. Forlì); открытъ въ имѣніи Вира. № инв. 62.929. *Фиг.* 5. Оссуарій изъ могилъ а роzzo близъ Chiusi. Орнаментъ изъ меандра и двухъ квадратовъ на самомъ сосудѣ и изъ треугольниковъ на типической крышкѣ. № инв. 24.315.

ТАБЛИЦА XXVIII.

Фиг. 1. Урна-хижина изъ некрополя Bisenzio (Capodimonte, Roma). № инв. 51.753. *Фиг.* 2. Урна-хижина изъ Corneto Tarquinia. № инв. 25.363. *Фиг.* 3. Урна-хижина изъ могильника Campo Fattore въ общ. Marino, въ Альбанскихъ горахъ. № инв. 63.393.

ТАБЛИЦА XXIX.

Фиг. 1, 2, 3. Бронзовыя фибулы съ узлами изъ могильника Fontanella (Mantova). № инв. 45.700—2. *Фиг.* 4. Лунообразная бронзовая бритва изъ могилъ а роzzo близъ Chiusi. № инв. 24.954. *Фиг.* 5. Бронзовый топоръ съ втулкой изъ некрополя Bisenzio (Capodimonte, Roma). № инв. 51.967. *Фиг.* 6. Бронзовый топоръ съ крылышками типа Виллановы изъ склада Monte Novello (Allumiere, близъ Чивитавеккиа). *Фиг.* 7. Сѣкира изъ того-же склада. № инв. 62.872. Всѣ предметы приблизительно въ $\frac{2}{3}$ натуральной величины. *Фиг.* 8 и 9 фузаіолы.

ТАБЛИЦА XXX.

Фиг. 1. Бронзовая бритва или ножъ изъ могильника Fontanella (Mantova). № инв. 45.711. *Фиг.* 2. Бронзовая змѣеобразная фибула изъ могилы, открытой въ contrada «Forchetta di Palano». *Фиг.* 3. Бронзовая булавка.

Фиг. 4, Фибула, какъ *фиг.* 1—3 на табл. XXIX. *Фиг.* 5, Бронзовая бритва. *Фиг.* 6. Фузайола. Все четыре предмета изъ одной могилы некрополя Poggio alla Pozza (Allumiere, близъ Чивитавеккии). *Фиг.* 7. Фибула изъ могилы, открытой въ contrada «Coste del Marano» (Tolfa, близъ Чивитавеккии). № инвентаря обозначены близъ самихъ фигуръ.

ТАБЛИЦА XXXI.

Фиг. 1. Бронзовый мечъ съ усиками изъ могильника Sant'Agnese (Terni, Umbria), перваго желѣзнаго вѣка; при немъ ножны. *Фиг.* 2 и 3. Бронзовые мечи изъ могильника Rovigliano Veronese, бронзоваго вѣка. № инв. 20.997—8. *Фиг.* 4. Бронзовый мечъ изъ Celano (Aquila), перваго желѣзнаго вѣка. № инв. 22.909.

ТАБЛИЦА XXXII.

Фиг. 1 и 2. Бронзовые мечи, прибрѣтенные во Флоренціи, какъ происходящіе изъ Fucino. № инв. 23.210—11. *Фиг.* 3. Бронзовый мечъ съ ножнами изъ некрополя Bisenzio (Capodimonte, Roma). № инв. 51.968. *Фиг.* 4 и 5. Бронзовые кинжалы склада Castelano (Ripascansone, Ascoli—Piceno). № инв. 36.467—8.

в) Предметы, изображенные на таблицахъ, сдѣланныхъ Кьеричи
(Табл. VI—VII).

ТАБЛИЦА VI.

Предметы этой таблицы, принадлежащіе деревнѣ неолитической эпохи, найдены въ мѣстности, называющейся теперь Rizza di Campeggine въ пров. Reggio (Emilia). Въ краткомъ видѣ мы воспроизводимъ здѣсь описаніе таблицъ, сдѣланное самимъ Кьеричи. *Фиг.* 1. Сосудъ сферической формы, очищенной пасты. *Фиг.* 2 и 3. Чашки безъ ручекъ, напоминаютъ по формѣ сосуда террамаръ, сдѣланы изъ черной и жирной пасты. *Фиг.* 4. Стаканъ изъ грубой пасты. *Фиг.* 5. Чашечка. *Фиг.* 6, 7, 8, 9. Ручки сосудовъ. Ручка *фиг.* 8 похожа на такую изъ террамары Monte Venega. *Фиг.* 10. Ножка сосуда. *Фиг.* 11 и 12. Верхнія части сосуда, съ веревочнымъ орнаментомъ. *Фиг.* 13. Горло сосуда изъ чистой и сѣрой пасты, какъ № 1. *Фиг.* 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22: обломки, замѣчательные по орнаментамъ, нарѣзнымъ и вытиснутымъ. *Фиг.* 24. Странный предметъ, накрапленный бѣлыми точками. Кьеричи дѣлаетъ предположеніе: не есть-ли это амулетъ, или печать, или штампъ? *Фиг.* 25. Костяное шило. *Фиг.* 26. Костяная игла. *Фиг.* 27 и 28. Кремневые привѣски (?). *Фиг.* 29. Пила. *Фиг.* 30. Массивный закругленный

съ двухъ концовъ предметъ неизвѣстнаго употребленія, если не ножевой клинокъ. *Фиг.* 31 и 32. Шило или буравъ. *Фиг.* 33. Небольшой топоръ изъ хлоромеленита. *Фиг.* 34. Кольцо или привѣсокъ. *Фиг.* 35. Буравъ и лошило.

ТАБЛИЦА VII.

Это — предметы, найденные въ той-же деревнѣ, но не собственно въ хижинахъ, а въ находившихся подъ ними могилахъ въ сараппе — *sepolcri*, по его выраженію. Кьеричи здѣсь видѣлъ явленіе, до сихъ поръ не встрѣчавшеся, неолитическую хижину, поставленную надъ могилой. *Фиг.* 1. Урна; но это—явленіе, которое не могло быть фактомъ неолитической эпохи. *Фиг.* 2. Сосудъ, соединенный съ вышеуказанной урной. *Фиг.* 3. Урна съ крышкой, съ орнаментомъ изъ параллельныхъ линій и трехугольниковъ на сосудѣ, и съ точечнымъ на его крышкѣ. *Фиг.* 4. Чашечка, соединенная съ остатками ѣды. *Фиг.* 5—9. Осколки съ нарѣзнымъ орнаментомъ. *Фиг.* 10. Костяное шило, найденное на полу хижины. *Фиг.* 11—14. Разныя кремневая орудія. Клинокъ, скошенный къ конечности одной стороны (11), клинокъ, отдѣланный въ головѣ (12); пила (13), но возможно, что и ножъ; ядрище (14); зеленый отшлифованный камень (15), который кажется кьеричи частію топора; жерновъ съ остатками ѣды (16)

с) Предметы, изображенія которыхъ взяты изъ таблицъ гг. Пинцы и Монтелиуса и *Monumenti antichi* IV. (Табл. XXXIII—XXXV).

ТАБЛИЦА XXXIII.

Фиг. 1.—Небольшой сосудъ въ формѣ суживающагося къ верху усѣченного конуса; *фиг.* 2—кружка съ веревкой вокругъ горла; *фиг.* 3—урна съ поднятыми плечами и съ бугорками на плечахъ; *фиг.* 4—оссуарій съ веревкой вокругъ горла; *фиг.* 5—урна съ крышкой въ видѣ кровли; *фиг.* 6—оссуарій типа оссуаріевъ Виллановы безъ орнамента; *фиг.* 7—оссуарій типа Виллановы съ геометрическимъ орнаментомъ оссуаріевъ Виллановы (меандръ, квадратъ, трехугольники); *фиг.* 8—сосудъ съ стѣчатымъ рельефнымъ орнаментомъ: всѣ эти сосуды принадлежатъ Альбанскимъ могильникамъ и взяты нами изъ таблицъ г. Пинцы, помѣщенныхъ въ *Bullettino della Comm. archeol. Comunale di Roma* 1898 и 1900 гг.

ТАБЛИЦА XXXIV:

Фиг. 1.—Типическій оссуарій могильника Виллановы безъ украшеній съ типической покрывкой въ видѣ обернутой чашки съ ушкомъ; *фиг.* 2—оссуарій могильника Виллановы съ типическимъ геометрическимъ орнаментомъ

частью нарезнымъ, частью оттиснутымъ; *Фиг.* 3 — четырехугольная могила колодцемъ (a. rozzo); *Фиг.* 6, оссуарій простѣйшей формы съ тремя коническими бугорками: всѣ изображенія взяты изъ Атласа Монтелиуса (табл. 93). *Фиг.* 4 и 5, изображающія круглыя могилы колодцемъ въ землѣ Фалисковъ, въ Этруріи, взяты изъ *Monum. Antichi IV*.

ТАБЛИЦА XXXV.

Фиг. 1.—Бронзовая фибула съ широкой дужкой, украшенная двумя пуговицами и тремя птицами (утками); *Фиг.* 4—бронзовая фибула, украшенная по простой дужкѣ стеклянными и янтарными зернами; *Фиг.* 8 — бронзовая фибула змѣеобразной формы; *Фиг.* 12—фибула съ муфтой: всѣ принадлежатъ могильнику Виллановы и взяты у Монтелиуса (табл. 90). *Фиг.* 6, бронзовыя конскія удила; *Фиг.* 7—бронзовый топоръ съ пяткой; *Фиг.* 9—бронзовый топоръ съ втулкой: всѣ эти предметы изъ могильника Беначчи I и изображенія взяты у Монтелиуса (табл. 73). *Фиг.* 3—бронзовая писта, украшенная веревочнымъ рельефомъ, кружками и точками au geroussé; *Фиг.* 5—бронзовый оссуарій съ ножкой и крышкой, типа Виллановы; *Фиг.* 2—фибула желѣзная змѣеобразной формы: предметы, принадлежащіе могильнику Беначчи II; изображены у Монтелиуса на табл. 81, 76 и 79. *Фиг.* 10—глиняный оссуарій на ножкѣ, безъ орнамента, принадлежитъ могильнику Арноальди и изображенъ у Монтелиуса на табл. 85.

SOMMAIRE DES MATIÈRES

DU LIVRE PRÉSENT.

PRÉFACE.

L'auteur montre avant tout, quelle voie l'a amené vers la composition de l'ouvrage, dont la première partie est présentée maintenant au monde savant. Cette voie a été déjà indiquée par lui, il y a un an, dans une séance de la Société de philologie classique et de pédagogie de Saint-Pétersbourg, dont il est un membre honoraire. Il cite, comme ses travaux préparatoires pour cet ouvrage, ses études, qui ont été toutes publiées dans le *Journal du ministère de l'instruction publique*. Les voici: *La vie savante à Rome* (1892), *Les Falisques* (1895), *La plus ancienne période de Rome* (1895), *La poésie dans l'histoire Romaine* (1897), *Sur l'origine des Sicules* (1897), *D'où sont venus et qui étaient les Latins* (1898), *Encore sur les Sicules, les Ombriens et les Latins* (1899), *Les monuments de la période des rois et la plus ancienne inscription au Forum Romain* (1900), *Encore sur les monuments de la période des rois et sur la plus ancienne inscription au Forum Romain* (1900).

L'auteur croit, que la nouvelle direction, que devraient prendre maintenant les études sur la plus ancienne période de l'histoire Romaine, justifie le rôle que joue dans son livre la paléoethnologie ou l'archéologie préhistorique. Ce rôle dans les sept chapitres, composant cette première partie du livre, est vraiment très grand, mais il est subordonné à l'idée qu'avec les données paléoethnologiques nous marchons ici vers les commencements de Rome. L'auteur voudrait entrer dans la ville de Romulus non pas avec les mythes et légendes, interprétés par chacun à sa manière, à son goût,—et vraiment, l'arbitraire, sous le nom de la critique, est arrivé, dans nos jours, à son apogée,—mais avec les faits positifs à la main, et

ces faits lui sont donnés surtout par la paléoethnologie, dans laquelle la science italienne a fait des progrès énormes. Les travaux de M. M. Pigorini, Brizio, Orsi, Colini et d'autres encore peuvent être regardés, comme des vraies conquêtes scientifiques.

L'auteur remercie chaleureusement les savants italiens, qui lui ont rendu des services variés pendant son séjour à Rome, soit par les entretiens qui étaient souvent très instructifs pour lui, soit par l'envoi des extraits de leur articles et mémoires, insérés dans des recueils, qu'il n'était pas toujours facile d'avoir sous la main, soit par la courtoisie, avec laquelle ils lui facilitaient les études dans les musées et dans les bibliothèques. Il nomme sous ce rapport Messieurs: Pigorini, Colini, De Cara, Sergi, Mariani, Gamurrini, Comparetti, Brizio, Patroni, Giovenale et y adjoint les noms aussi bien respectés de M. M. Petersen et Hülsen, secrétaires de l'Institut archéologique allemand, dont l'excellente bibliothèque a été l'un des centres les plus agréables de ses études à Rome. Les plus grands services lui ont été rendus par M. Colini, inspecteur du Musée Préhistorique à Rome, qui non seulement l'a grandement aidé dans le choix des objets, reproduits dans les premières trente-deux tables, annexées à l'ouvrage présent, comme sa principale illustration, mais encore a eu la bonté d'indiquer la provenance de chaque objet, ainsi que son numéro dans l'inventaire du Musée. La plupart de ces objets n'étaient pas jusqu'à présent publiés.

CHAPITRE I.

Époque paléolithique.

En dépit des affirmations de M. Mommsen, renouvelées avec obstination dans chaque nouvelle édition de sa célèbre « Histoire Romaine », l'âge de la pierre a existé en Italie aussi bien, que dans tous les autres pays de l'Europe, et même l'époque paléolithique est suffisamment représentée au Musée Préhistorique de Rome. Nous voyons les traces de cette époque aux environs de Rome et dans la Campagne Romaine, comme sur le versant Adriatique de la Péninsule: dans la Capitanate, dans la province de Chieti, dans le Picène; nous les voyons dans la région du Tibre Supérieur (province de Pérouse), dans la prov. de Parme, dans les cavernes de la Ligurie (Balzi Rossi), dans les Pré-Alpes Véronaises, enfin dans la Basilicate et en Sicile. Sont cités les travaux de M. M. Gabr. de Mortillet, Ceselli, Ponzi, Pigorini, M. St. de Rossi, Nicolucci, Nardoni, Bidou, Colini, Conc. Rosa, Bellucci, Strobel, Chierici, Issel, Morelli, Pellegrini, Castelfranco, Andrian, Théobald Fischer, Orsi, Orsoni et d'autres.

CHAPITRE II.

Époque néolithique.

L'époque néolithique est la plus importante époque de la vie préhistorique en Italie par le développement et, dans un certain degré, par la perfection de sa *culture*, qui est devenue l'héritage des peuples aryens, venus du Nord. Elle s'étendait partout sur le continent de l'Italie et nous trouvons ses restes aussi bien dans la péninsule, que dans les îles, telles que la Sicile, la Sardaigne, la Pianose. Les principaux restes néolithiques du Latium se rapportent surtout à la fin de cette époque, appelée par les savants italiens *période énéolithique*. Ces restes ont été trouvés dans les tombes à Sgurgola, à Cantalupo-Mandela et ils ont une analogie complète avec ceux des autres stations de la période énéolithique en Italie dont la plus importante est la station de Remedello-Sotto, nouvellement étudiée, ainsi que toute la période énéolithique en Italie, avec tant de talent et d'érudition par le prof. Colini, inspecteur du Musée Préhistorique à Rome. Il n'y a pas beaucoup de tombes néolithiques, dont nous ayons connaissance, en Toscane et en Ombrie. Plus connues sont les tombes de Monte Bradoni (prov. Volterra) et de Poggio Aquilone (prov. Pérouse), appartenant aussi à la période énéolithique. Beaucoup plus nous sont parvenus de restes de l'époque néolithique au Picène (les Marches d'aujourd'hui), où l'âge de la pierre est représenté depuis les temps les plus reculés de l'existence de l'homme en Italie. Ici l'homme néolithique, qui était enseveli dans les grottes artificielles, nous a laissé des traces très nombreuses de ses habitations dans les *fondi di capanne*. M. Concezio Rosa, à qui surtout nous devons la connaissance de la vie préhistorique au Picène, en a trouvés 581, dispersés dans les 15 villages néolithiques, et 15121 objets néolithiques de tout genre dans la vallée de la Vibrata. En outre, le même M. Rosa nous a montré dans la même vallée une quantité d'ateliers, où étaient fabriqués les instruments et les armes de pierre. Ces ateliers existaient dans beaucoup d'endroits en Italie, et il y a des preuves évidentes que dès cette époque existait un échange actif des produits et marchandises entre les contrées lointaines du pays, les îles non exclues. La forme identique des cabanes, circulaire ou ovale, sur toute la surface de la péninsule, comme leur construction intérieure, nous donnent un certain droit de conclure à l'unité de la population de l'époque néolithique en Italie. Une source encore plus grande, d'où nous pouvons nous faire une idée précise de la vie et des moeurs, comme d'un degré

de civilisation de cette population, et en même temps de sa propagation en Italie, nous est donnée par les grottes artificielles, qui étaient construites, surtout dans l'Italie centrale et méridionale, comme en Sicile, en Sardaigne et dans la Pianose, pour la sépulture des morts. Mais les grottes artificielles, destinées à la sépulture des morts, et qui reproduisaient la forme des cabanes, destinées à l'habitation, ne sont pas une exclusive propriété de l'Italie et de ses îles: de toutes semblables se trouvent en Espagne, et la construction d'une grotte funéraire avec entrée par un petit puits vertical était connue déjà en Egypte sous la XII-ème dynastie, Chypre et Rhodes, enfin en Phénicie; et d'un autre côté, les grottes avec le corridor, si communes en Sicile Orientale, existaient de temps immémorial dans l'Asie Mineure, d'où elles se sont propagées dans l'Europe Occidentale, comme cela est bien illustré par M. Montelius, qui pourtant a oublié la Sicile (voir son ouvrage — *Der Orient und Europa*, Stockholm, 1899).

En parlant des grottes naturelles ou des cavernes, qui à l'époque paléolithique servaient comme lieux d'habitation ou de refuge, à l'époque néolithique étaient employées surtout pour la sépulture, sans cesser tout-à-fait d'être lieux d'habitation, l'auteur passe de cavernes du Picène à celles de la Ligurie, où il s'arrête longuement sur la *Pollera* et sur les *Arene Candide*. La matière pour traiter cette question lui a été fournie principalement par l'ouvrage capital de M. Issel sur la Ligurie. L'existence dans la *Pollera* des coquilles qui n'appartiennent pas à la mer de la Ligurie et proviennent des mers du Midi, même des eaux de l'Océan Indien, d'après l'auteur, à peine peut-elle être expliquée par la venue, comme marchandise; dans ce cas *Mitra oleacea* ou *Meleagrina margaritifera*, qui a été trouvée par Strobel dans une des cabanes néolithiques de Rivalentella (en Emilie), ne seraient pas isolées. Après les cavernes de la Ligurie sont traitées les couches archéologiques des cavernes naturelles de la Sardaigne et de la Sicile, surtout d'après les matériaux donnés par M. Orsoni (Sardaigne) et M. Andrian (Sicile). Ses conclusions, à savoir, sur la race des habitants de toutes ces grottes artificielles et naturelles l'auteur expose dans le chapitre suivant. Le chapitre présent il finit en parlant sur les stations néolithiques ouvertes: d'Alba (en Piémont) et de Stentinello (en Sicile). La première, découverte et décrite par M. Traverso, est suffisamment illustrée par les tables II, III, IV et V; la seconde, découverte par M. Orsi, était traitée par l'auteur encore dans son travail *Sur l'origine des Sicules*, d'après les données et les tables, présentées par M. Orsi en 1891 dans le *Bullettino di Paletnologia Italiana*. La première, par le caractère général des restes de sa civilisation, correspond à la civilisation des *fondi di capanne* et des cavernes naturelles, comme l'a constaté M. Pigo-rini; la dernière, par les formes et les ornements de ses objets céramiques,

a des analogies avec des formes et ornements de la céramique des *dolmens* du Portugal, comme des dolmens et des grottes sépulcrales de la France méridionale.

CHAPITRE III.

Fin de l'époque néolithique. Période énéolithique.

L'âge néolithique a eu deux phases, dont la dernière, qui a conduit la civilisation néolithique jusqu'à une haute perfection, finit par l'introduction du cuivre et enfin du bronze, ce qu'a donné la naissance à l'âge du bronze. De là le nom de l'âge énéolithique, donné à cette phase de l'époque néolithique par les archéologues italiens d'après l'initiative de Chierici. Des stations de la période énéolithique ont été trouvées d'abord dans l'Italie Centrale (Latium, Toscane, Ombrie) puis dans les autres contrées de l'Italie, mais des plus grandes sont découvertes au Nord et en Sicile. La principale station du Nord est la nécropole de Remedello-Sotto, dans la province de Brescia, explorée d'abord par Chierici et tout nouvellement illustrée par M. Colini, dont le travail, sous le titre *Il Sepolcreto di Remedello-Sotto nel Bresciano e il periodo eneolitico in Italia*, publié dans le *Bullettino di paleontologia Italiana* (1898—1900) est un des plus solides et beaux oeuvres de la paléo-ethnologie italienne. Toute la période énéolithique s'y révèle à nous avec une clarté et une plénitude jusqu'ici inconnues. La nécropole de Remedello nous offre un type nouveau, non pas celui des grottes artificielles ou des cavernes naturelles, mais un type de nécropole *all'aperto*, avec des particularités, qui jusque-là n'étaient pas observées en Italie de l'âge néolithique. Son importance dérive de ce qu'étant une nécropole la plus grande dans son genre, elle nous présente un terrain très favorable pour la comparaison avec tous les lieux, où s'est épanouie la civilisation énéolithique.

Les tombes énéolithiques de la Sicile orientale, découvertes en beaucoup de centaines par les fouilles extraordinairement heureuses de M. Orsi, sont les tombes des grottes artificielles et à cause de leur formes extérieures sont nommées tombes à four, *tombe a forno*. Elles portent des traces multiples et évidentes de l'influence des relations commerciales de la Sicile avec l'Orient de l'époque pré-micénienne. C'est pourquoi l'auteur s'arrête sur la question de cette influence. La Sicile l'a subi depuis les temps très reculés, qui remontent au moins à la fin du troisième millénaire av. J. Chr. Cela dérive des découvertes récentes, faites en Egypte, à Hissarlik, à Chypre, à Santorin, à Melos. Ces découvertes ont éclairci suffisamment

le caractère de la civilisation, dont le centre était Chypre, de la civilisation, qui était celle de la seconde ville de Troie, dont les calculs de M. Dörpfeld mettent la fondation environ à 2500 ans avant notre ère et dont la durée ne pouvait pas dépasser 500 ans.

L'origine de la civilisation énéolithique en Italie du Nord n'était pas tout-à-fait la même. L'Italie du Nord ne pouvait pas avoir des relations directes avec Chypre ou avec un autre centre maritime de la partie orientale de la Méditerranée. Pourtant l'hypothèse de Chierici, d'après laquelle c'étaient les Pelasges qui ont apporté la civilisation énéolithique en Italie, est privée de tout fondement. Mais les formes des hâches de cuivre comme celles des premières hâches de bronze en Italie sont les mêmes, qu'au delà des Alpes, surtout en Hongrie, et partant de ce pays-là nous pouvons suivre les mêmes formes jusqu'au Chypre. Le même fait se produit pour les poignards à feuille. Tout cela prouve que la source principale de la civilisation énéolithique en Italie du Nord, comme en Italie Centrale, a été aussi Chypre, mais son influence n'y était pas immédiate: elle passait par l'Europe Centrale. Les premières hâches et les poignards de cuivre, ayant des formes de ceux de Chypre, sont venus en Italie de l'Europe Centrale aussi bien, que les marteaux avec ouverture, qui se trouvent en grande quantité en Russie, depuis la Sibérie jusqu'à la Finlande et depuis le gouvernement d'Archangelsk jusqu'au Caucase, et en même temps sont très nombreux dans les palafittes de l'Europe Centrale, mais ne sont pas nombreux en Italie, étant objets d'importation étrangère.

Il est bien possible que l'Italie de la période énéolithique ait subi aussi une certaine influence de la part de la péninsule Ibérique, au moins les îles, et notamment la Sicile et la Sardaigne. Les mines de cuivre et d'autres métaux, dont l'Espagne était si riche, ont provoqué depuis les temps reculés la convoitise des navigateurs orientaux, et la production métallurgique y a été introduite, à toute vraisemblance, plus tôt, que dans les autres parties de l'Europe Occidentale ou dans l'Europe Centrale. Une certaine parenté de la civilisation énéolithique de la Sicile avec celle de l'Espagne, comme avec celles de la Sardaigne, en céramique surtout, atteste qu'entre l'Espagne et ces îles existaient outre la parenté ethnique qui est une chose prouvée, encore des liens, des relations commerciales; et il est bien à présumer, que le rôle actif de ces relations appartenait à la péninsule Ibérique avec ses riches mines des métaux et son industrie métallurgique.

En dehors des influences de l'Orient et peut-être aussi de la péninsule Ibérique, d'une part, et en dehors des relations commerciales, qui existaient en Italie à la dernière période de l'âge néolithique avec les pays au-delà des Alpes, l'auteur admet encore *une immigration partielle* de ces

pays-là dans l'Italie du Nord, comme une des causes, qui ont y produit la période énéolithique. Cette immigration partielle, qui a précédé celle des terramares et qui a pénétré même dans l'Italie Centrale, se laisse déduire du mélange des crânes dolichocéphales avec des crânes brachycéphales, qui est constatée par M. Zampa dans les stations énéolithiques, comme de Remedello-Sotto, Fontanella, Cumarola, Sgurgola, Cantalupo-Mandéla et Tagliacozzo. Cela nous mène à étudier la question de la race, qui peuplait l'Italie à l'époque néolithique, et le caractère ethnique des éléments nouveaux, qui ont commencé à pénétrer dans l'Italie à la fin de cette époque-là.

Cette question de la population de l'Italie à l'époque préaryenne, si importante en soi et par rapport à la nationalité romaine et si complètement négligée par les historiens modernes de Rome, l'auteur l'a traité sur une trentaine de pages. Il accepte en traits généraux la théorie de la race méditerranéenne du prof. Sergi et régarde les Ligures, qui faisaient la population fondamentale de la péninsule Italique, et les Ibères, qui peuplaient la péninsule Pyrénéique et, en grande partie, les îles et notamment la Sicile et la Sardaigne, comme la même grande race, venue d'Afrique et repandue dans beaucoup de contrées de l'Europe Occidentale et Centrale et qui n'était pas étrangère même à l'Europe Orientale et Septentrionale. Les points détaillés de l'exposition des vues de l'auteur sont indiqués dans le sommaire du chapitre III.

CHAPITRE IV.

L'âge du bronze en Italie. Irruption de races nouvelles dans la péninsule des Apennins.

Le changement de la civilisation dans un pays se produit par deux faits: par l'influence des relations extérieures, surtout commerciales, et par une immigration de nouveaux éléments ethniques, pacifiques ou conquérants. Nous avons des exemples classiques de ce changement, produit par une ou par une autre des causes indiquées, dans l'hellénisation complète de la Sicile, dans la romanisation de l'Espagne, de la Gaule, de la Dacie, de l'Afrique septentrionale, dans une civilisation imposée par les Arabes en Asie, en Afrique et même à un certain degré en Europe. Quant à l'Italie, Chierici ne pouvait pas s'expliquer le changement dans la civilisation, survenu à la fin de la période néolithique, autrement, que par l'immigration des Pélasges. Point de vue tout-à-fait arbitraire. La théorie sur les Pélasges, qui a été lancée avec une force et une érudition extraordi-

naïres par Niebuhr, a déjà perdu son crédit, il y a cinquante ans au moins, simplement à cause de l'absence absolue des faits tangibles ou des traces quelconques, que ces Pélasges auraient laissé en Italie. Quant aux murs, nommés *Pélasgiques* par Petit-Radel, nous ne pouvons jusqu'à présent dire rien sur les auteurs de ces constructions polygonales si nombreuses en Italie Centrale et Méridionale. M. Giovenale, savant architecte romain, un des meilleurs connaisseurs de ces constructions gigantesques, dans son intéressant mémoire sur les constructions polygonales du Latium n'a pu arriver qu'à une conclusion, c'est, qu'elles sont *préromaines*. Mais de là il y a très loin jusqu'aux Pélasges. Et si mon bien estimé ami et très savant père jésuite De Cara soutient de nos jours la théorie pélasgique avec une insistance et une érudition hors ligne, nous pouvons admirer la force de son caractère, ainsi que sa haute et profonde érudition, mais ne pouvons pas augurer à sa théorie un meilleur succès, que celui qu'a eu la théorie pélasgique jusqu'à présent.

La civilisation énéolitique en Italie a été interrompue par une immigration en masse de delà des Alpes, qui a apporté les éléments de la civilisation de bronze, dont les porteurs et représentants furent les constructeurs des palafittes des lacs de la Vénétie et des *terramares* (palafittes sur la terre ferme) sur les deux rives du Pô, c'est à dire, en Lombardie et surtout en Emilie.

L'auteur traite d'abord brièvement des palafittes dans l'Europe Centrale et en Suisse, puis des habitations lacustres de Lombardie Occidentale et Centrale, montre la différence entre les palafittes occidentales et orientales suivant la division, adoptée par M. Pigorini pour les habitations lacustres de l'Italie du Nord, et insiste sur les *terramares*, où la civilisation de l'âge du bronze a trouvé sa plus nette expression, étant la même que la civilisation des palafittes des lacs de la Vénétie. Suit l'histoire des *terramares*, leur construction, partout la même, qui a conservé son caractère essentiel même sur les bords de la mer Ionienne, où une *terramare* avec les traits caractéristiques des *terramares* de l'Italie du Nord a été découverte, il y a deux ans, par le prof. Quagliati. Trente-quatre pages sont consacrées aux *terramares* par l'auteur, qui se laisse conduire dans cette question surtout par M. Pigorini, dont le nom scientifique est lié avec tout ce qui a rapport aux *terramares*. Dans la question, si vivement discutée jusqu'à présent entre M. Pigorini et M. Brizio, sur les vrais constructeurs et habitants des *terramares*, l'auteur prend résolument le parti du premier, c'est à dire, que les *terramares* sont des constructions de l'âge du bronze et appartiennent à une population de race aryenne, pas aux Ligures, représentants de l'âge de la pierre, comme le veut M. Brizio, soutenu en partie par M. Sergi. Pour l'auteur c'est une chose évidente, que les habitants des *terramares* ont été un peuple,

venu du Nord, de la vallée du Danube, qui a apporté en Italie rite funéraire de l'incinération, un système tout nouveau pour l'Italie de l'habitation dans les villages, construits d'après un plan sévèrement défini, comme on construisait ensuite des villes et des camps militaires, d'après les lignes de *kardo* et *decumanus*, et enfin une langue de souche aryenne ou indo-européenne. Chierici a été le premier, qui a reconnu dans les habitants des terramares une branche de la race aryenne; cette idée, acceptée bientôt et développée par M. M. Helbig et Pigorini, maintenant est entrée dans le domain public; seul M. Brizio persiste toujours à voir dans les habitants des terramares des Ligures, et le père De Cara ne peut pas admettre, que les ancêtres des Latins soient venus des villages fétides de la vallée du Pô. Si M. Sergi, qui voit dans les habitants des terramares des Celtes (!), ne permet pas à ces Celtes prétendus de traverser les Apennins et descendre jusqu'à la vallée du Tibre, c'est un des préjugés de cet anthropologue éminent, qui a pris une si grande part dans la résolution des questions préhistoriques, concernant l'Italie.

CHAPITRE V.

Diffusion des premiers immigrants aryens de terramares en Italie.

Dans le chapitre précédent nous avons établi, comme un fait prouvé (par Pigorini), qu'à la fin de l'âge du bronze les terramares ont terminé leur existence. La cause de l'émigration de leur habitants est inconnue. Mais en tout cas ce n'était pas l'invasion des Etrusques, comme le prétendait M. Helbig, qui, suivant Niebuhr, fait venir les Etrusques des Alpes Rhétiques: ce peuple, qui a joué un si grand rôle dans l'histoire de l'Italie, est venu, au contraire, de l'Orient et par la mer, comme cela sera prouvé ensuite. C'étaient plutôt les immigrants nouveaux du Nord, mais aussi de la race indo-européenne, avec l'arrivée desquels a commencé dans la Haute Italie le nouvel âge des métaux, celui du fer, et devant lesquels devaient s'enfuir les immigrants du commencement de l'âge du bronze. Ces derniers, en quittant la vallée du Pô, emportaient avec eux leur civilisation du bronze vers le Sud de l'Italie. En allant le long de la mer Adriatique, ils sont parvenus jusqu'à la mer Ionienne. Une terramare, découverte, il y a deux ans, à Taranto, en est une preuve évidente. Elle a toutes les particularités essentielles des terramares de la vallée du Pô: une palafite, bien que le village fût disposé sur un rocher, une fossé, un *agger*, soutenu par les contreforts, des anses cornues ou

lunulées aux vases, des haches à ailerons, des rasoirs à deux tranchants, des poignards-couteaux, des fibules en forme d'archet de violon, des hameçons de bronze etc. Certes, M. Brizio, qui a, en général, une toute autre idée sur les terramares, voit dans la terramare de Taranto, aussi un oeuvre des Ligures. Mais la nécropole du mont Timmari, avec le rite d'incinération et avec ustensiles de la fin de l'époque du bronze, découverte un an après dans la même province de Matera par M. Ridola, ne laisse aucun doute, qu'il n'y a ici aucune place pour les Ligures, dont le rite funéraire a été toujours celui de l'inhumation. Une partie des émigrants de la vallée du Pô, passant par le Picène, a traversé les Apennins, est descendue à la vallée du Tibre inférieur et a occupé les deux rives de ce fleuve, mais plus solidement la rive gauche, le Latium, où les monts Albains sont devenus son séjour principal, le centre de la vie Latine jusqu'aux temps de la domination de Rome. Il y a des traces du séjour préalable de cette partie des émigrants en Picène, d'où ils auraient été chassés vraisemblablement par les avantgardes des tribus sabelliques, qui en les poursuivant les auraient contraint de s'éloigner aux montagnes et même au delà. La voie, qu'ils auraient suivi, serait les vallées de Tronto et de Velino, et il y a des raisons de croire, qu'ils s'arrêteraient d'abord sur le plateau de Réate, qui a été ensuite occupé par les Sabins: la tradition place ici les auteurs de l'expulsion des Sicules et des Ligures du territoire de Rome à venir.

CHAPITRE VI.

Les Latins dans la vallée du Tibre.

Les tribus latines, venues des terramares sur les rives du Tibre, ont occupé sur la rive droite de ce fleuve non seulement le territoire, qui aux temps historiques appartenait aux Falisques, frères germains des Latins, comme l'atteste leur langue, mais se sont repandus jusqu'à la mer Tyrrhénienne, comme on pourrait conclure surtout des antiquités de Tolfa et d'Allumière, qui nous représentent la période transitoire des terramares à Villanova. De même sur la rive gauche ces tribus-là se sont établies non seulement sur les monts Albains, mais aussi sur les bords de la mer, comme cela est indiqué par les anses cornues, trouvées près d'Ardée, tout-à-fait semblables à celles de l'Emilie. Le lien qui unit les terramares et le Latium et qui se manifeste surtout dans la céramique, est prouvé depuis longtemps par M. Pigorini, d'une part, par M. Heblig, d'une autre, et est constaté

de nouveau par la découverte de la nécropole de l'Esquilin et du dépôt des objets votifs, qui a été trouvé sous l'escalier de l'église de S. Marie Victoire sur le Quirinal. Mais expliquer ce lien par la continuation des rapports entre le Latium et les terramares, comme le faisait M. St. de Rossi, est une chose insoutenable, surtout quand nous sommes bien sûrs, que les terramares de la vallée du Pô ont cessé d'exister. La provenance de la population du Latium des terramares se reconnaît non seulement par la ressemblance dans les objets de la vie commune et du culte, mais aussi dans les certaines dispositions morales et sociales. Cette tendance aux normes précises, que la population des terramares montrait dans la disposition de ses villages, dans l'arrangement des rues principales et secondaires d'après lignes de *kardo* et *decumanus*, dans la conservation des distances précises entre les rangées des pilotis, comme entre les pilotis eux-mêmes, dans la hauteur déterminée de ces pilotis etc., cette sévère organisation sociale, sans laquelle la conservation de ces normes n'est pas imaginable, cet amour de l'ordre, toutes ces qualités, qui étaient propres aux habitants des terramares, étaient aussi qualités naturelles des Romains. Ces qualités, héritées par les Latins de leurs ancêtres des terramares, mettent une ligne de distinction entre eux et les Ombriens, que nous distinguons bien des Latins. Les Ombriens, étant autrefois une nation nombreuse et possédant un vaste territoire, mais n'ayant pas passé par la sévère école de la vie sociale, fortement organisée et unie, du peuple des terramares, ont été écrasés d'abord par les Etrusques, puis par les Gaulois; les Latins, forts non par le nombre, mais par l'art de s'unir, par le caractère aguerri dans la lutte avec obstacles, par la vigueur de leur organisation sociale, ne pouvaient être écrasés par aucun ennemi extérieur, mais sont parvenus à la domination universelle. Des Ombriens, auxquels les Etrusques, venus dans leur pays, enlevèrent, comme le dit Pline, trois cent villes, ne pouvaient pas devenir les Romains; les Romains ne pouvaient provenir, que des Latins, auxquels personne n'enlevait rien irrévocablement.

C'est pourquoi les paléoethnologues, M. Pigorini à la tête, sont dans l'erreur, quand ils voient dans les habitants des terramares et les Ombriens le même peuple, mais seulement dans les différentes phases de la civilisation. Selon nous, il y a eu deux invasions du Nord, venues dans les temps différents. L'une, au commencement de l'époque du bronze, l'autre au commencement de l'époque du fer. La première appartenait au peuple des terramares et des palafittes des lacs de la Vénétie; l'autre aux Ombriens, porteurs de la civilisation de Villanova. La grande différence, qui existe entre la langue latine et la langue Ombrienne, quoique toutes les deux soient de la même famille, prouve que l'un et l'autre peuple se sont se-

parés longtemps avant de se rencontrer en Italie. C'est un des résultats de la philologie comparée, qui a constaté, que la différence dans la flexion entre les langues umbro-sabelliques et la latine est beaucoup plus grande qu'elle n'est entre l'ancien hindou et l'ancien iranien, les dialectes grecs, ou — ajoutons-nous — les langues slaves.

Mais nous avons à parler sur les Ombriens dans le chapitre suivant.

L'auteur passe aux nécropoles des monts Albains, où était le centre de la vie des Latins dans la période préromaine. Avant tout il raconte brièvement l'histoire des fouilles et découvertes, faites sur les monts Albains, et après avoir dit quelques mots sur les travaux antérieurs, qui se rapportent à ces découvertes, s'arrête sur les deux articles de M. Pinza, insérés récemment dans le *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, en constatant plusieurs erreurs, qui ne sont pas tout à fait indifférentes, dans les travaux de ce jeune, mais très laborieux et ingénieux paléoethnologue romain.

Le lien de la plus ancienne nécropole des monts Albains avec les terramars est bien visible dans la céramique aussi bien, que dans les ornements. Il y a des traces dans la civilisation des Latins de ces monts, lesquelles a laissé à eux en héritage l'époque néolithique, dont les représentants en Latium étaient les populations précédentes de la race Ligurienne. Pourtant M. Pinza n'est pas du tout dans le vrai, quand il ne parle pas des simples traces, mais déduit de l'âge de la pierre presque *tout* dans la civilisation du Latium pendant le 1-er âge du fer: «rites, procédés techniques, habitations, architectures sépulcrales, goûts artistiques». Ce sont ses propres paroles. En réfutant les assertions mal fondées de M. Pinza, l'auteur admet l'influence (négligée par M. Pinza) de la population précédente dans l'introduction du rite de l'inhumation, qui se révèle, presque comme exclusif, chez la plus ancienne population de Rome. Telle est la nécropole de l'Esquilin et telles sont les tombes de la villa Spithöver. Pour expliquer le fait, que les premiers Latins, qui s'établirent sur les collines orientales de Rome (avant la fondation de la ville), ont subi le rite étranger, l'auteur suppose, que ces premiers colons ne devaient pas être nombreux et qu'ils vivaient là isolés des autres immigrants aryens. Nous savons qu'ensuite, quand la population latine sur les collines de Rome s'est accrue, surtout après la destruction d'Alba Longue, le rite aryen de l'incinérateur a pris une forte prépondérance sur l'inhumation, qui n'a récupéré ses droits qu'au temps de l'Empire. L'influence de la céramique néolithique est aussi à un certain degré admissible, mais M. Pinza en dit trop, déduisant même la forme typique de l'ossuaire de Villanova de la période néolithique de l'Italie. Mais le plus grand arbitraire de ses jugements et conclusions consiste en ce, qu'il fait venir presque

tous les ornements dans la poterie du Latium du 1-er âge du fer aussi de l'époque néolithique, en ajoutant, qu'ils seraient modifiés par le progrès, venu de dehors.

L'auteur, de son côté, voit une influence importante, que la population précédente du Latium a exercée sur la population Latine, dans la modification des éléments de la langue de cette dernière, et non seulement dans le vocabulaire, mais aussi dans la morphologie de la langue. D'accord avec le père De Cara il explique les difficultés souvent insurmontables, qui se présentent dans l'interprétation des inscriptions italiques, les plus anciennes latines non exclues, par l'existence dans ces inscriptions des mots et des formes, qui ne peuvent pas être éclairés par les langues indo-européennes, «se refusent à une étymologie indo-européenne», comme s'exprime M. Bréal, pour qui l'influence des langues des populations précédentes sur la modification des langues italiques est aussi hors de doute. En invoquant les recherches de M. M. Müllenhof et D'Arbois de Jubainville sur les restes des mots, des racines et des suffixes de la langue des Ligures, l'auteur croit possible de voir dans les noms des fleuves italiques avec les suffixes ent-ia, comme, par exemple, *Aventia* dans la Ligurie et même le torrent des monts Sabins *Digentia*, les noms liguriens, malgré leur forme tout-à-fait latine en apparence. Ces suffixes-là, qui dans le latin ont l'origine participale et servent pour exprimer toujours une idée abstraite (*intelligentia*, *potentia*, *benevolentia*) ne pourraient pas avoir une telle idée, concernant une civilisation avancée, dans les noms des temps primitifs et, en conséquent, ne peuvent pas être déduits des formes participales des mots latins. L'auteur est persuadé, que même le nom *Alba* (*Alba Longa*) qui se rencontre sans cesse avec ses modifications dans les noms des lieux en Ligurie, qui est répandu en forme diverse dans l'Europe Centrale et même n'est pas étranger au Caucase, n'est pas latin et ne provient pas de la même racine, que *albus* (blanc), le mot indubitablement indo-européen (*ἀλβός* en grec).

Dans la question de l'influence de la civilisation de Villanova sur le Latium l'auteur n'est pas de la même opinion, que les paléoethnologues. D'après lui, cette influence, en général, n'était pas si grande, qu'elle était en Etrurie, et elle était très modérée dans la céramique. L'ossuaire typique de Villanova ne paraît sur les monts Albains, que par exclusion, et est remplacé par les ossuaires d'autres formes, parmi lesquelles seule urne-cabane, tout-à fait inconnue au Nord des Apennins, était en usage dans quelques nécropoles de l'Etrurie, et il n'est par clair, d'où cette urne est venue, de l'Etrurie en Latium, ou vice versa. L'influence de la céramique de Villanova se manifeste plus clairement dans les vases supplémentaires et dans les bronzes. Mais les nécropoles du Latium ne sont pas riches de bronzes, ce qui les met dans une position un peu différente de celle des

villes de l'Etrurie. En outre, dans les bronzes, comme dans la céramique, le Latium aimait à conserver des formes plus anciennes, comme, par exemple, dans les rouelles pour l'ornement des épingle de tête, qui nous représentent encore la forme, usitée dans les terramares. Quant à l'ornement géométrique des objets de Villanova, il n'était usité en Latium, que dans les vases qui avaient des formes, empruntées de dehors. Enfin, la forme des tombe à puits en Latium ne présentait pas le développement et la variété architectonique, qu'étaient propres aux tombes à puits au delà du Tibre, en Etrurie, ou au Nord des Apennins.

L'auteur conclut ce chapitre par la reconnaissance, en dépit de M. Pinza, de la haute antiquité de la partie septentrionale de la vaste nécropole des monts Albains et croit que ces monts étaient occupés par les émigrants des terramares encore dans l'époque transitoire de l'âge du bronze vers le premier âge du fer.

CHAPITRE VII.

Le premier âge du fer. Civilisation de Villanova.

Après avoir indiqué le centre de la civilisation de Villanova au Nord des Apennins entre le Panaro et la mer Adriatique et dit quelques mots sur la propagation de cette civilisation au sud des Apennins, l'auteur parle sur son origine. Sur cette question il est en plein désaccord avec M. Pigorini et son école. Il ne peut pas admettre, que la civilisation de Villanova soit provenue de celle des terramares, parce que l'une et l'autre ont, d'après les aveux mêmes de M. Pigorini et ses disciples, des différences très grandes, et nous ne trouvons pas dans la vallée du Pô de vraies traces de transition d'une civilisation à l'autre. Certes, M. Pigorini voit ces traces transitoires dans les nécropoles de Fontanella di Casalromano (Mantoue) et de Bismantova (Reggio). Notamment, à Fontanella a été trouvé un ossuaire à deux cônes tronqués, unis à leurs bases, qui, selon lui, peut être regardé, comme un prototype de l'ossuaire de Villanova. Mais les ossuaires à deux cônes tronqués se rencontrent aussi dans les terramares mêmes (à Casinalbo et Crespellano), et, si l'on veut, les vases de cette forme ont été trouvés même dans les couches énéolitiques (à Remedello); nous ne voyons pas pourtant dans ces vases-là des modèles quelconques pour l'ossuaire de Villanova, si typique dans son genre et si original, comme, parait-il, ne le voit pas non plus M. Brizio, le plus grand connaisseur de la céramique de Villanova, dont la superbe collection est exposée au Musée Civique de Bologne, administré par lui. En tout cas,

même en admettant l'origine de l'ossuaire de Villanova des certaines formes de la céramique de la vallée du Pô, il nous faut faire un très grand pas pour arriver des terramares à cette tout caractéristique civilisation de Villanova, qui s'épanouit entre le Panaro et la mer Adriatique comme tout d'un coup. Chose étrange! Dans la vaste zone, où florissaient les terramares, jusqu'à présent on n'a trouvé rien de semblable aux nécropoles du type de Villanova en ce qui concerne la construction de la tombe et sa garniture. Les objections à la théorie de M. Pigorini, faites par M. Brizio, il y a 20 ans, n'ont rien perdu de leur importance: la civilisation de Villanova n'a aucune parenté avec celle des terramares. M. Pinza se fait une ingénieuse théorie: la civilisation de Villanova serait une production immédiate de la civilisation néolithique. Mais c'est vraiment trop ingénieux.

Comme nous l'avons déjà dit, nous ne savons pas, pour quelle cause les habitants des terramares ont quitter leurs cabanes, construites sur pilotis, et de se sont transportés dans les contrées plus méridionales de la péninsule. Selon toute vraisemblance, c'était une invasion d'un autre peuple, pénétré par les Alpes dans la vallée du Pô. M. Helbig croit que ce peuple était celui des Etrusques. Nous croyons que c'étaient les Ombriens, une nation, qui, d'après les auteurs grecs et latins, étant très ancienne en-Italie et nombreuse, dominait une grande partie du pays. C'est chez les Ombriens qu'Hérodote fait descendre les Tyrrhènes (Etrusques), qui étaient arrivés par la mer de l'Asie Mineure en Italie. Leurs possessions s'étendaient des Alpes jusqu'à Rimini du côté de l'Adriatique et presque jusqu'aux embouchures du Tibre du côté de la mer Tyrrhénienne. Cela explique la communication de Plin, que les Etrusques auraient conquis chez les Ombriens trois cent villes. Mais les Ombriens ne sont pas un peuple aborigène en Italie: ils sont venus de dehors. D'où donc? Comme M. Brizio, comme M. Sergi, l'auteur croit qu'ils sont venus du côté des Alpes orientales. Qui étaient-ils? Ils étaient de la même race que leur précurseurs, les habitants des terramares, peut-être proches parents des Celtes, mais les restes de leur langue ne contiennent, selon M. Bréal, rien de celtique. Ils n'étaient pas de la même race que les Vénètes, desquels Strabon les distingue, comme aussi des Ligures et des Insubres; Polybe les distingue aussi des Celtes et des autres voisins de la vallée du Pô. La théorie de M. Sergi, d'après laquelle les Ombriens seraient des protoslaves, n'a aucun fondement.

La civilisation ombrienne s'est révélée à nous pour la première fois dans la nécropole de Villanova, non loin de Bologne. On croyait d'abord, que c'est une nécropole étrusque, mais après avoir trouvé aux environs de Bologne de vraies nécropoles Etrusques, si différentes des autres,

on est venu, pas généralement pourtant, à croire, que la civilisation de la nécropole de Villanova est ombrienne. M. M. Helbig, Pigorini, Ghirardini continuent à croire, que dans les tombes *à pozzo* de Villanova se révèle pour nous la civilisation étrusque de la première période, qui a été suivie par la civilisation plus avancée des tombes *à fossa* et enfin *à camera*. Mais nous, en voyant avec presque toute l'antiquité dans les Etrusques un peuple, venu de l'Asie, et qui a apporté les moeurs et les rites asiatiques aussi bien, qu'une langue, qui n'a aucune parenté avec langues italiques, ne pouvons pas partager une opinion si arbitrairement conçue. Nous avons, comme philologues, toutes raisons d'être plutôt avec M. Brizio, qui avec ses arguments paleoethnologiques et archéologiques mieux, que tout autre, a prouvé, que la civilisation de Villanova est une civilisation des Ombriens, auxquels ensuite a été imposée par les Etrusques conquérants une autre civilisation, caractérisée avant tout par le rite de l'inhumation.

Après avoir donné la description de la nécropole de Villanova avec son ossuaire typique, avec les ornements caractéristiques de ses vases, avec ses bronzes, fer, signes alphabétiques etc., l'auteur passe à la description des autres nécropoles du type de Villanova, situées près de Bologne, en montrant leur différences chronologiques, depuis Benacci I jusqu'à Arnoaldi, où l'on peut déjà poursuivre une influence étrusque surtout dans l'augmentation graduelle des tombes avec inhumation. En parlant sur les fonds des habitations ombriennes, découvertes à Bologne même par M. Zannoni, l'auteur fait une remarque sur la différence complète, que présentent ces habitations avec celles des terramares, ce qui donne un argument de plus contre ceux, qui s'obstinent à déduire la civilisation de Villanova de celle des terramares. Tandis que dans les terramares le village a été une oeuvre commune, où chaque cabane n'était qu'une partie du tout, liée organiquement avec les autres, ici les cabanes se présentent isolées, chacune pour soi, et seulement dans les cas exceptionnels nous voyons deux cabanes unies, qui appartaient probablement à une seule famille.

Après cela l'auteur parle du remarquable dépôt des objets de bronze, trouvés par le même M. Zannoni toujours à Bologne, centre de la vie ombrienne au Nord des Apennins. La même vie ou la même civilisation se manifeste à nous au Sud des Apennins, dans les tombes à puits en Etrurie. Mais l'auteur réserve l'Etrurie pour la deuxième partie de son livre.

La civilisation de Villanova, dont les Ombriens sont les porteurs, s'est développée sous les influences qui venaient d'outre-mer. L'auteur est d'accord avec M. M. Pigorini, Undset, Helbig, Gsell et autres que ces influences venaient par la voie de mer. Mais il ne peut partager l'opinion de ceux,

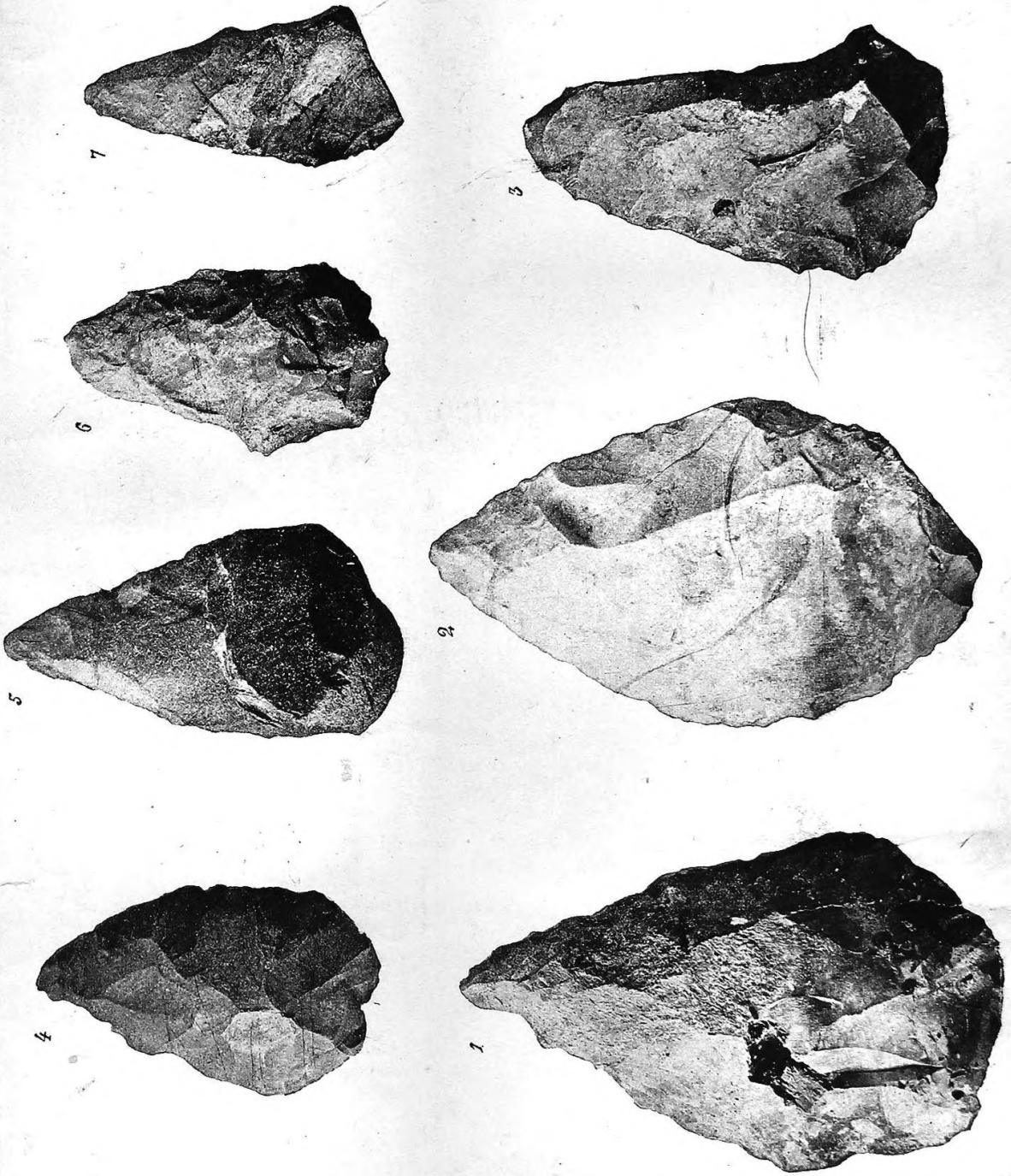
qui, avec M. Helbig à la tête, attribuent ces influences maritimes aux Phéniciens. L'ornement géométrique, que M. Helbig voulait déduire de la Phénicie, est une oeuvre tout-à-fait grecque. Après les arguments, apportés par M. Boehlau et puis par M. Hörnes, c'est une chose prouvée. Et, en général, il y a toutes sortes de raisons de croire, que des navires grecs ont visité les côtes de l'Italie avant des navires phéniciens. Le commerce phénicien n'apparaît pas ici avant le huitième siècle, tandis que les tombes à puits, qui ne montrent aucune trace du commerce étranger, sont bien antérieures à cette époque. L'auteur n'a rien contre l'opinion de M. Boehlau, d'après laquelle l'ornement géométrique est entré d'abord en Etrurie et de là a fait sa voie au Nord des Apennins. M. Boehlau appuie son opinion sur ce qu'il nomme des «phénomènes pathologiques» dans le méandre et dans les carrés de l'ornement bolognais, et cette circonstance vraiment ne se comprend que dans les formes dérivées. Encore auparavant M. M. Chierici, Pigorini et Ghirardini ont observé que les influences étrangères, à la période de Villanova, allaient de l'Etrurie au Nord. Et cette voie était naturelle, parce qu'il est difficile de supposer, que des relations maritimes en Italie aient commencé aux bords de l'Adriatique plutôt qu'aux bords de la Méditerranée. Plus risquée est l'assertion de M. Hörnes, que l'ornement géométrique aurait pénétré dans la péninsule par l'Italie méridionale. La simplicité de l'ornement de l'ossuaire de Cumes, qu'il invoque à l'appui de son assertion, ne prouve rien, parce que dans la foule des modèles déjà connus du style géométrique de Dipylon, d'où est dérivé le style géométrique de Villanova, on ne trouve rien de cette simplicité primitive. Et puis, nous savons que dans les nécropoles de l'Italie méridionale, comme Cumes, Suessola, Torre del Mordillo etc., la civilisation de Villanova n'apparaît que tard, à l'époque de l'inhumation. Une exclusion fait la nécropole, récemment découverte, du mont Timmari, en Basilicate, qui avec le rite de l'incinération nous représente par le contenu de ses tombes encore la fin de l'âge du bronze ou au moins la période de transition à l'âge du fer, quand il n'était pas question de l'ornement géométrique. Et cette nécropole-la, avec la voisine terramare de Taranto, nous montrent clairement leur dérivation de la civilisation du bronze de la vallée du Pô. Si depuis la colonisation grecque l'Italie Centrale se trouvait sous l'influence de l'Italie Méridionale, avant cette colonisation, inversement, la civilisation italique se répandait non pas du Midi au Nord, mais du Nord au Midi.

Comme conclusion, l'auteur attribue le commencement des relations maritimes des Grecs avec les côtes de l'Italie et de la Sicile, à une époque bien antérieure à la colonisation du VIII siècle av. J. Ch. et les attribue aux Ioniens, qui étaient aussi les premiers colons grecs en Italie.

О П Е Ч А Т К И

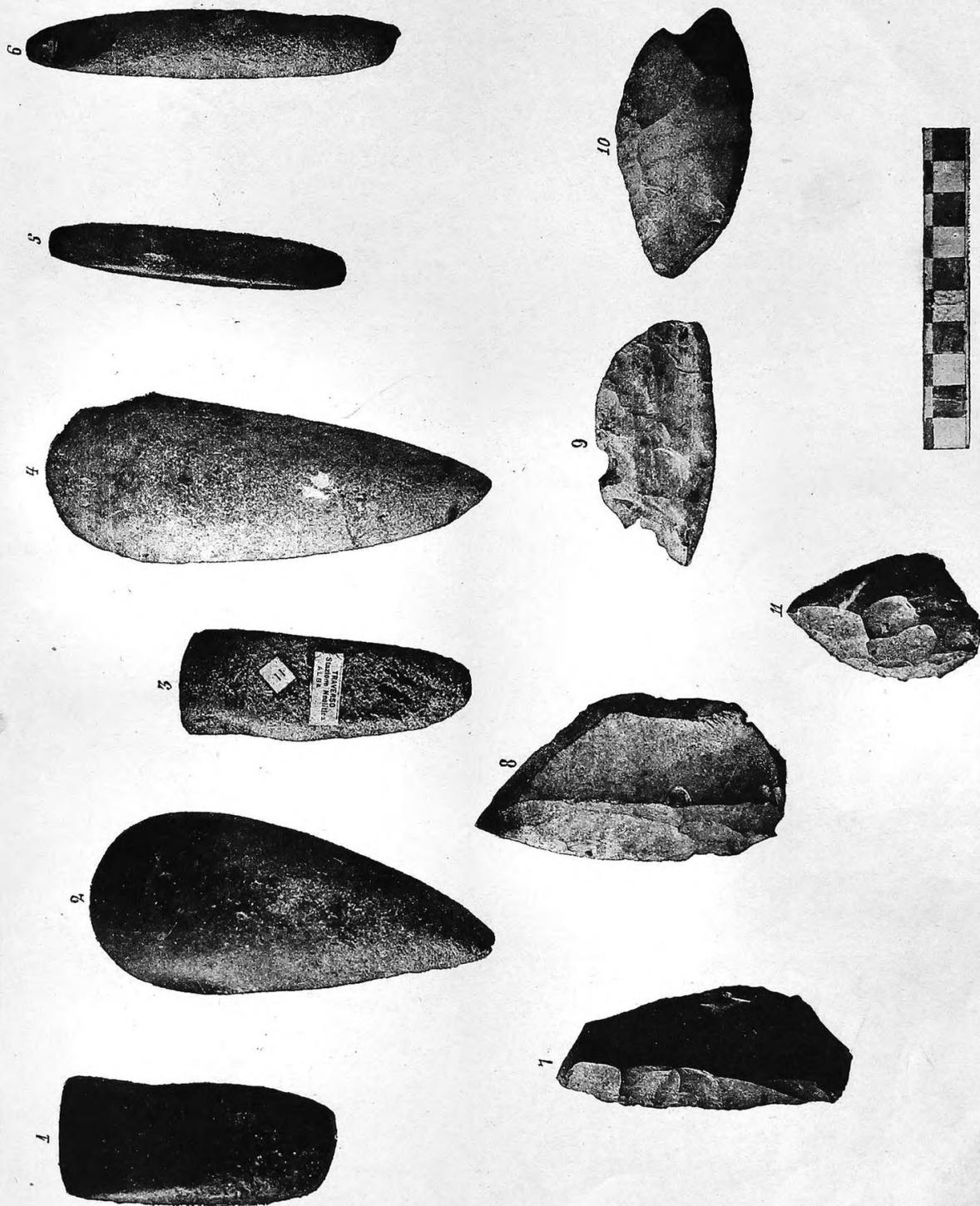
<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
34	1 снизу (прим.)	Пицы	Пинцы
35	20 сверху	Мадоннійскимъ	Мадонійскимъ
—	28 сверху	Мадоннійскихъ	Мадонійскихъ
—	2 снизу (прим.)	Пицой	Пинцой
100	17 сверху	31	3
102	19 сверху	неополитанскій	неаполитанскій
103	13 сверху	пропущена буква т	
113	18 снизу	да Маркези	деа Маркези
161	11 снизу	очевидно	очевидна
172	3 —	пропущена буква е	

Таблица I.

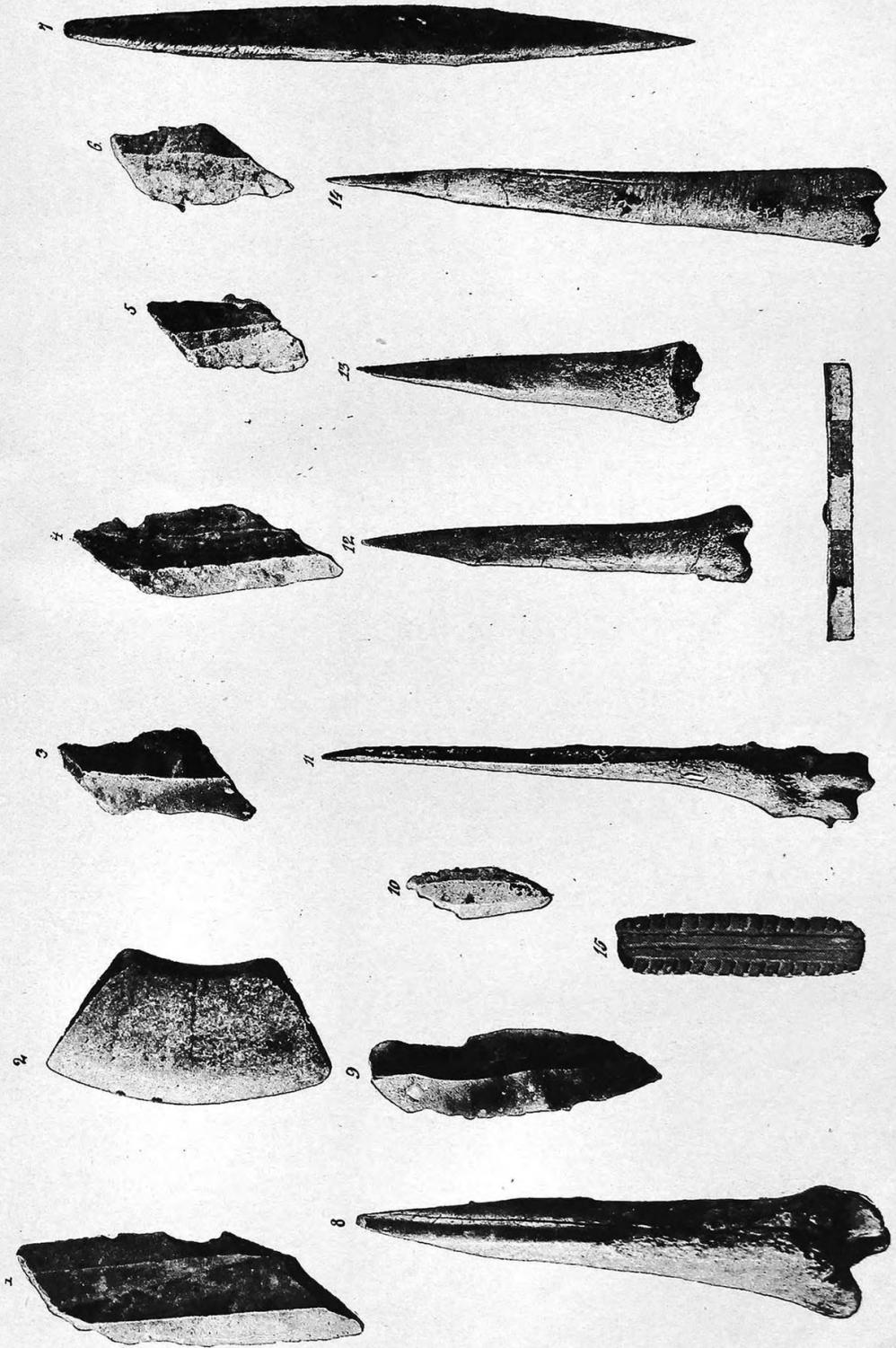

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

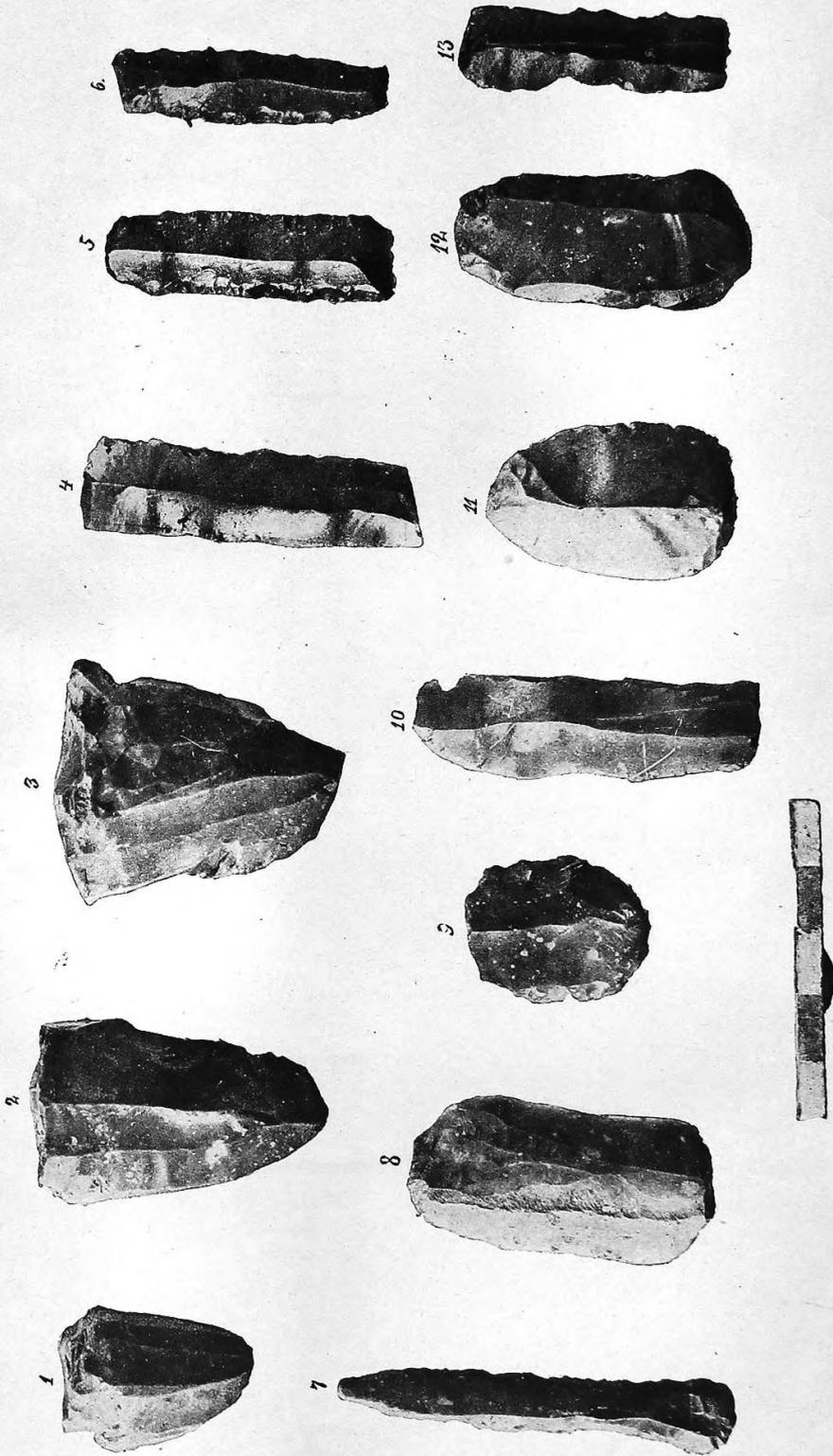
Таблица II.

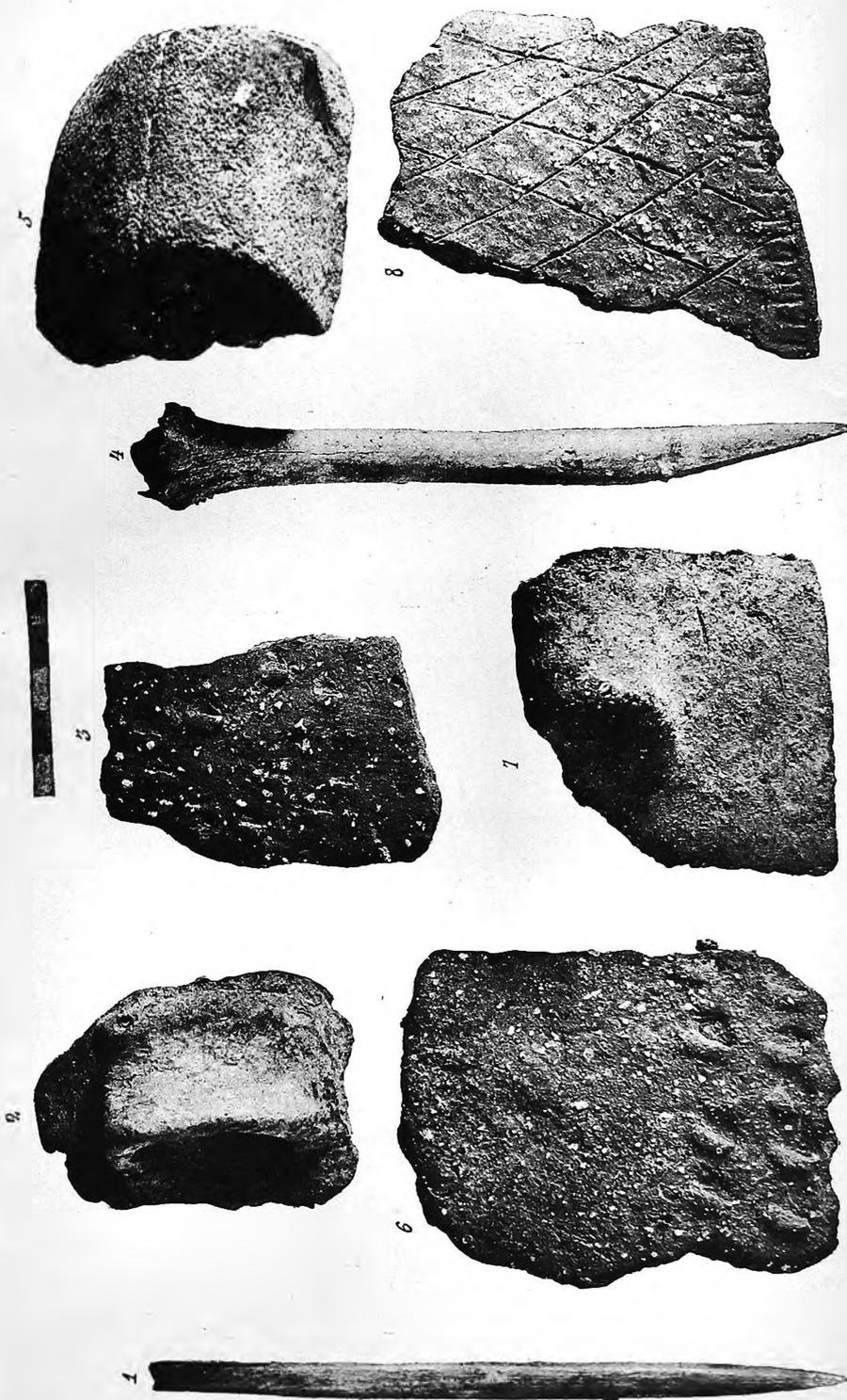
НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

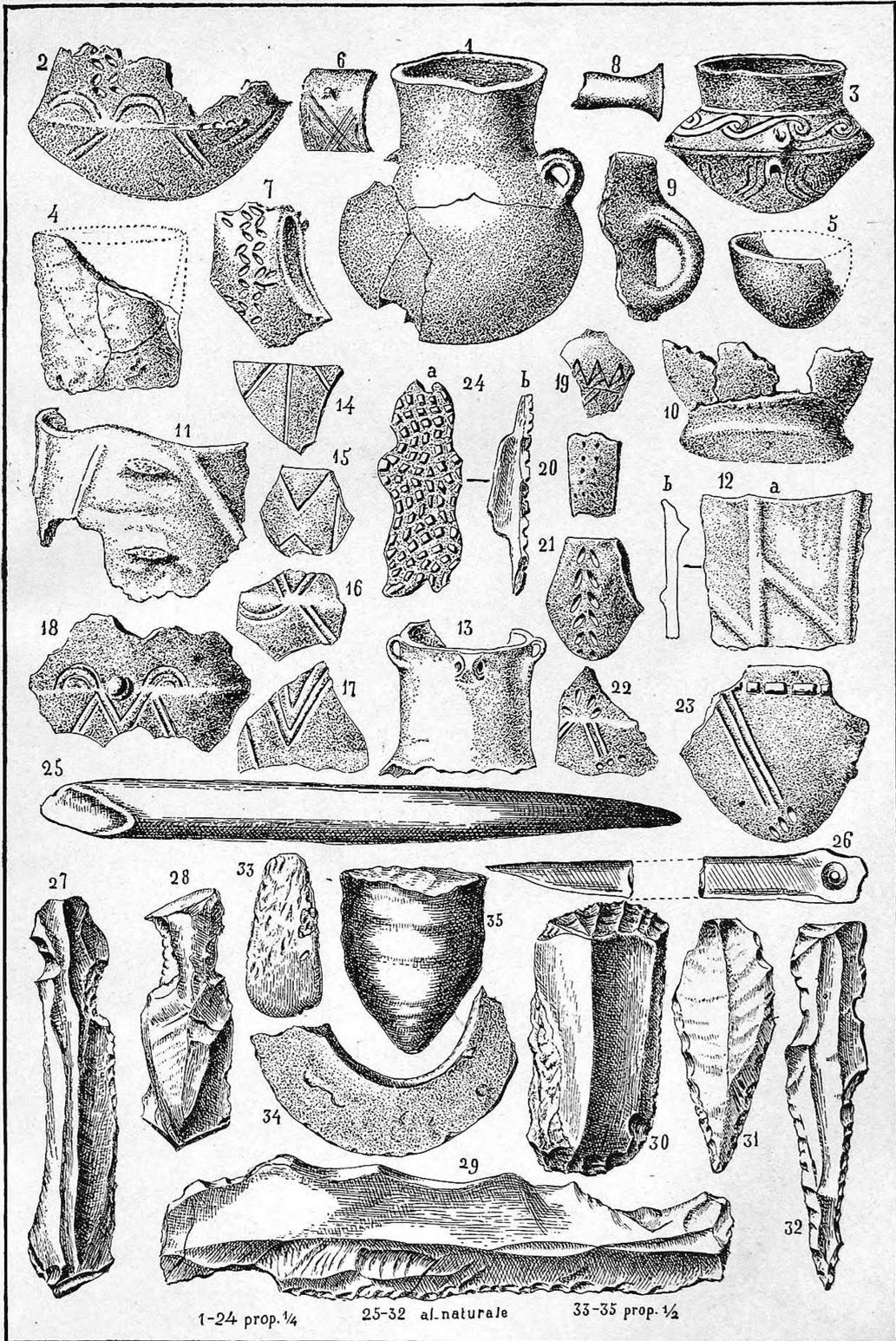
НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

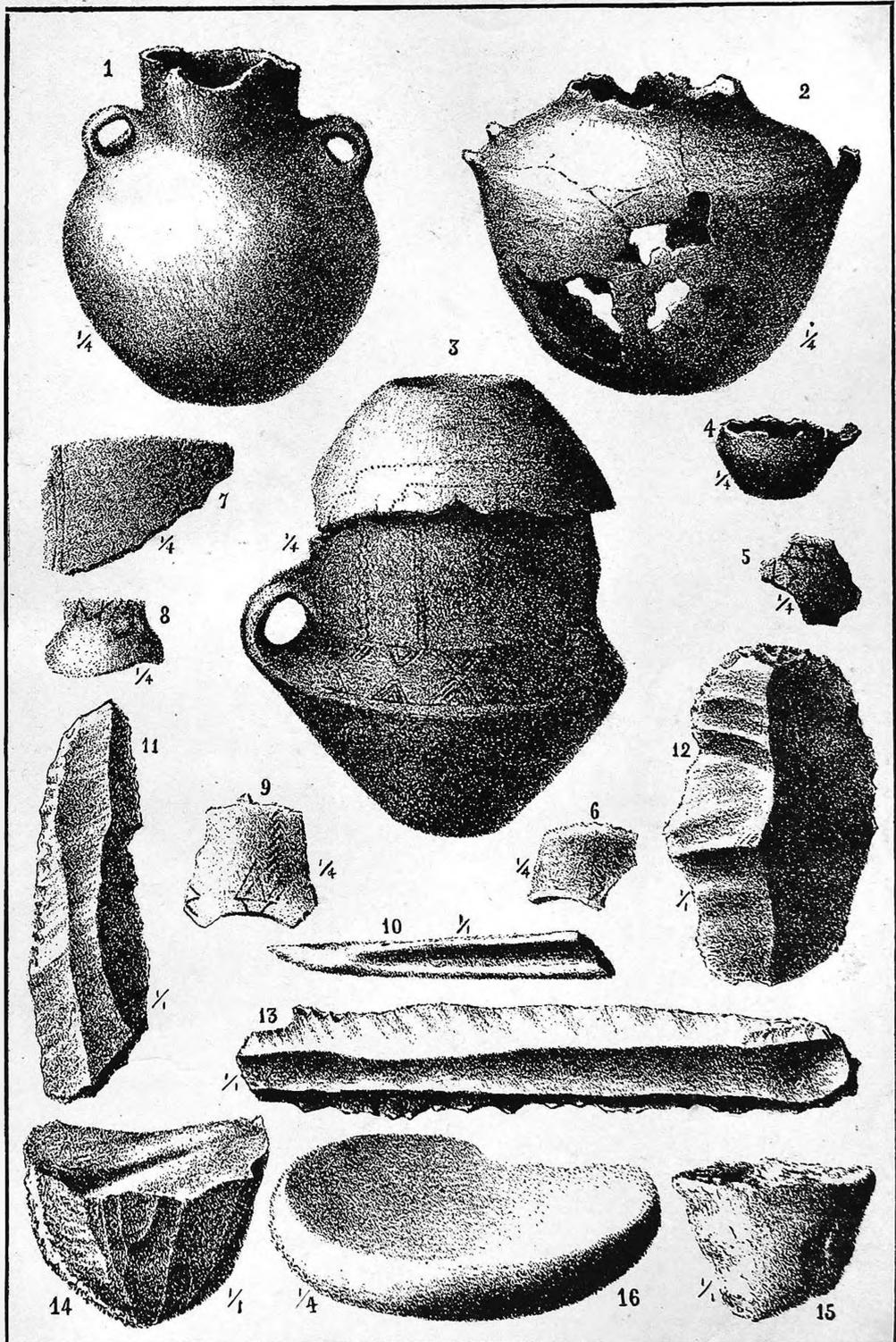

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

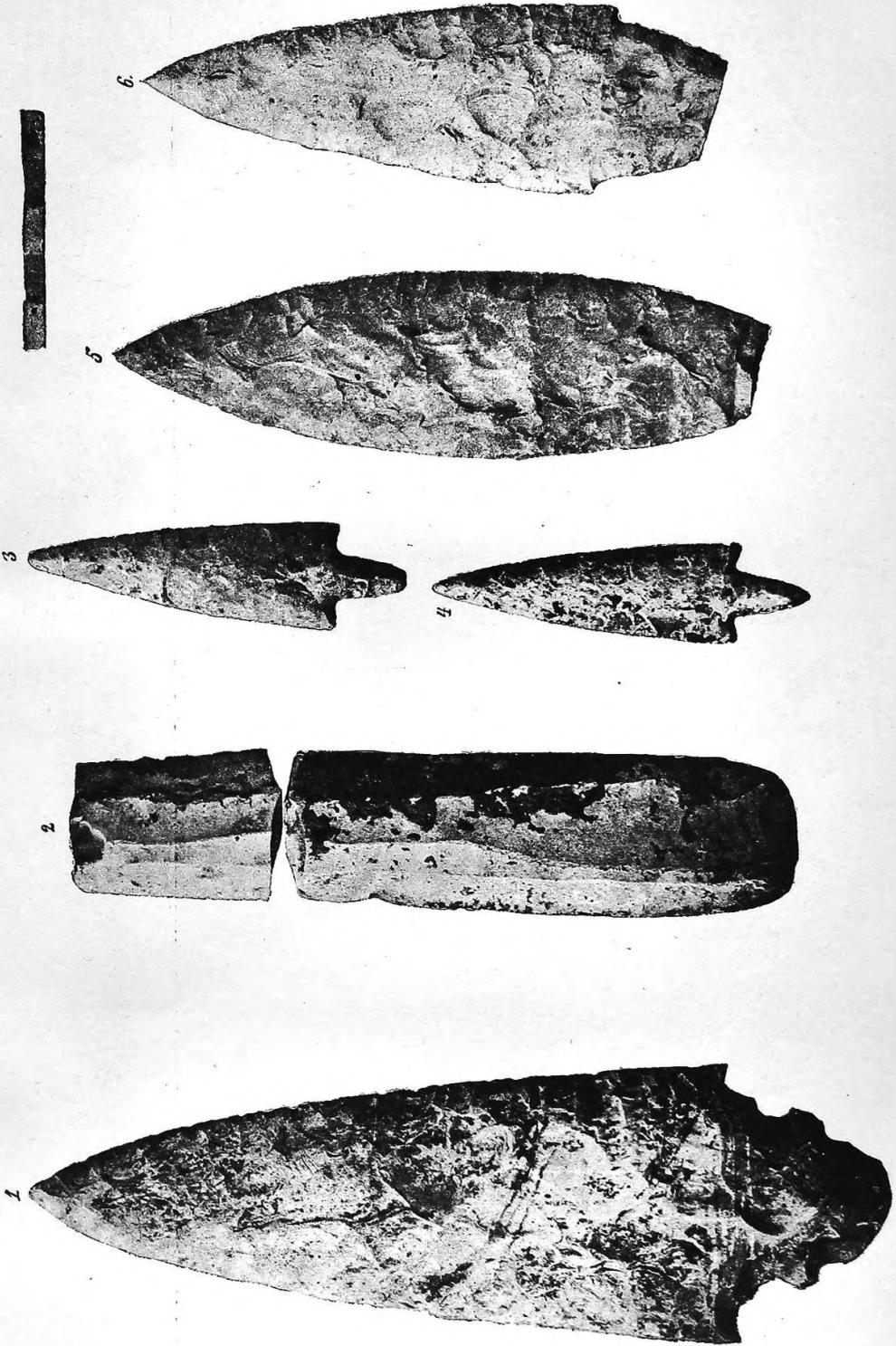
МЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

Предметы из Fondi di saranne пров. Реджо, въ Эмилии (воспроизведено по Кьеричи изъ Bull. di paletn. Ital., III).

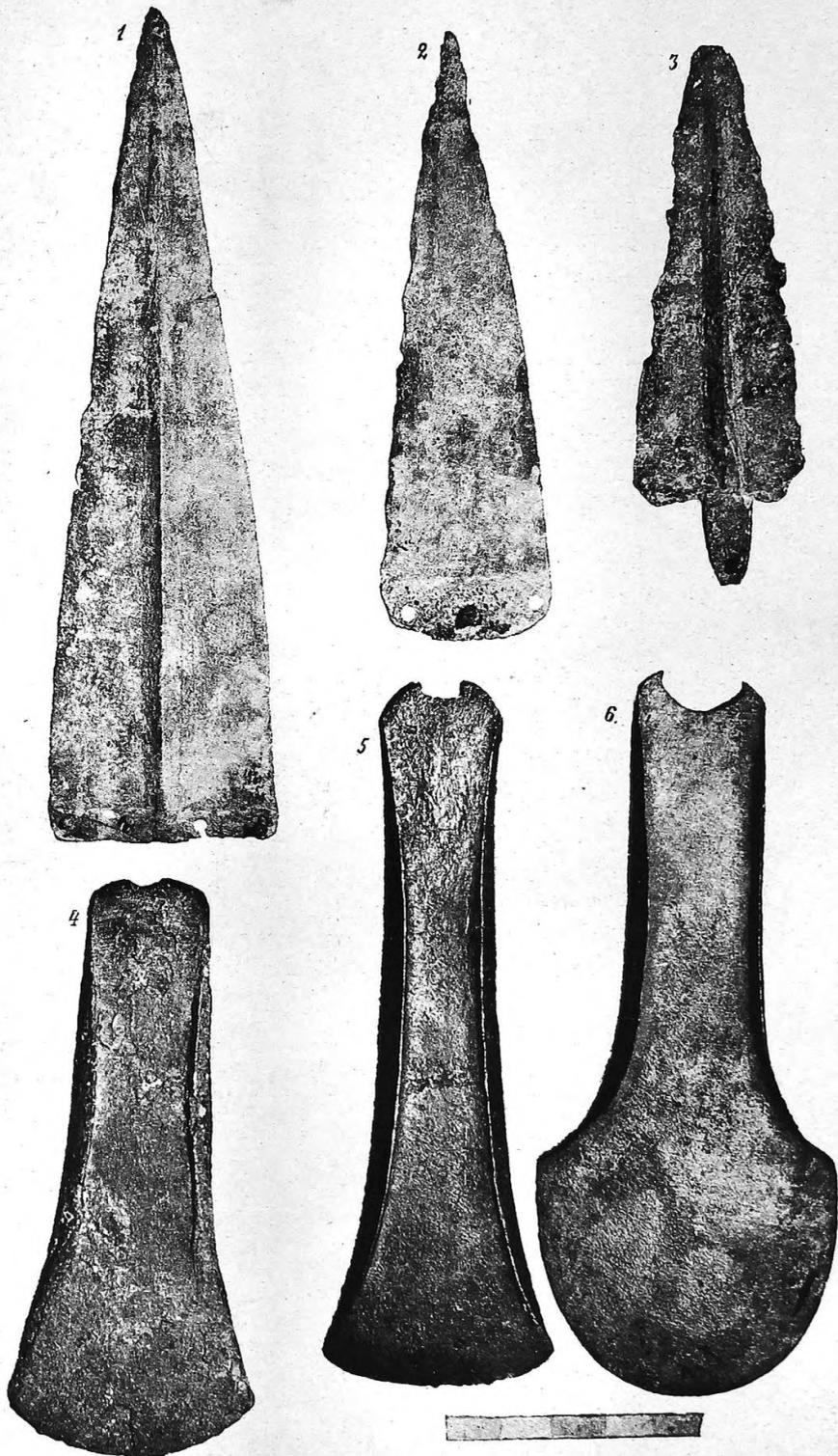

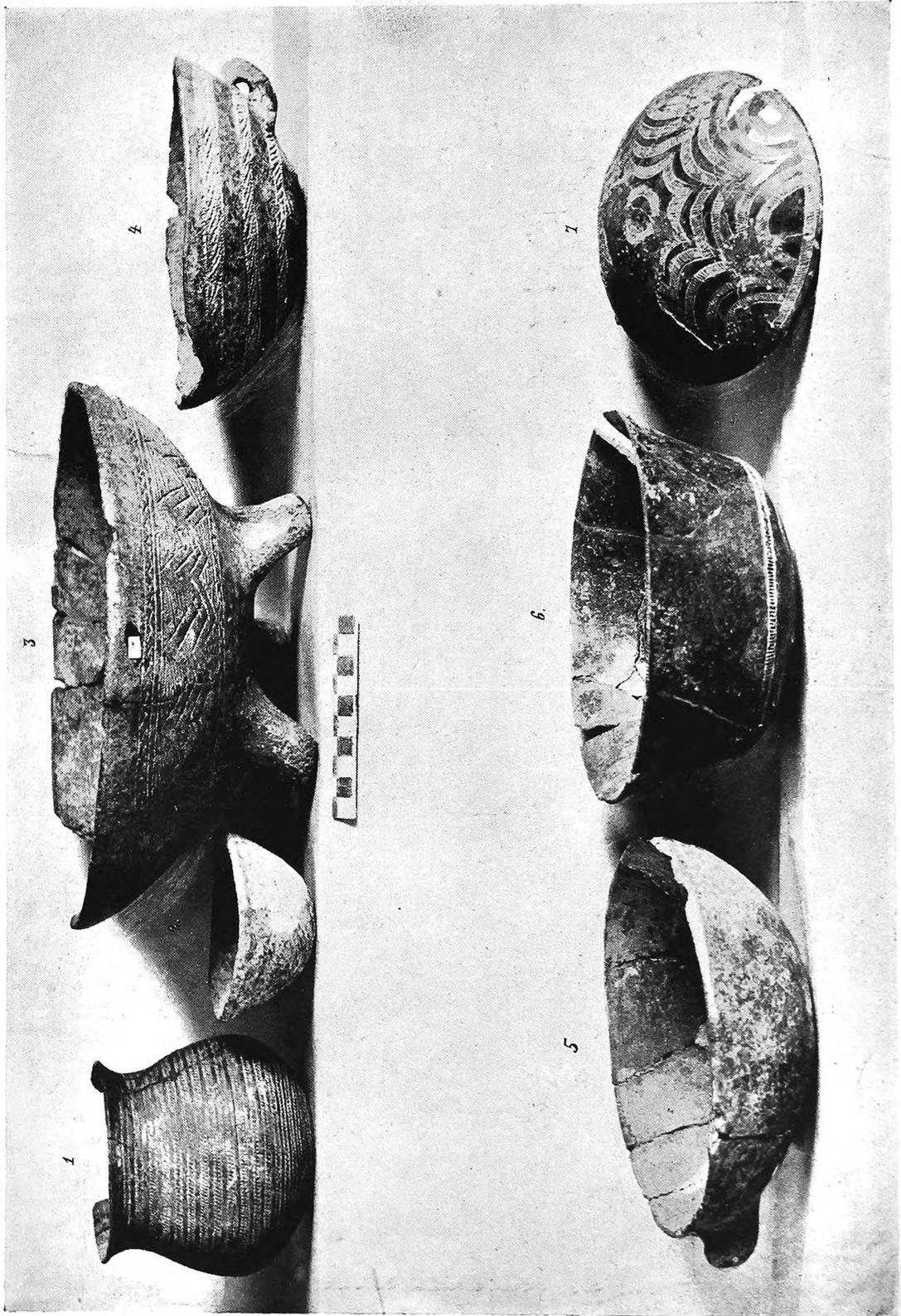
НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

Предметы из могил, соединенныхъ съ хижинами каменнаго вѣка (воспроизведено по Кьеричи изъ Bull. di paletn. Ital., V).

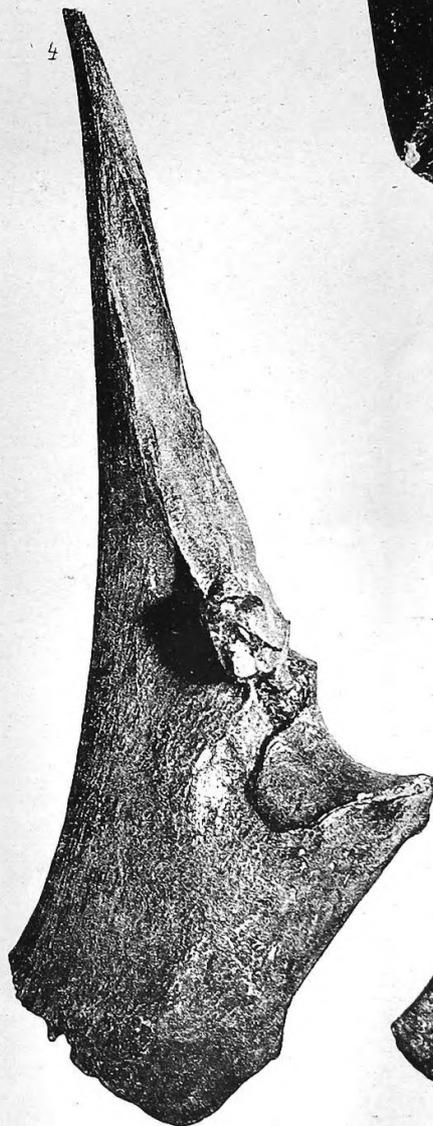
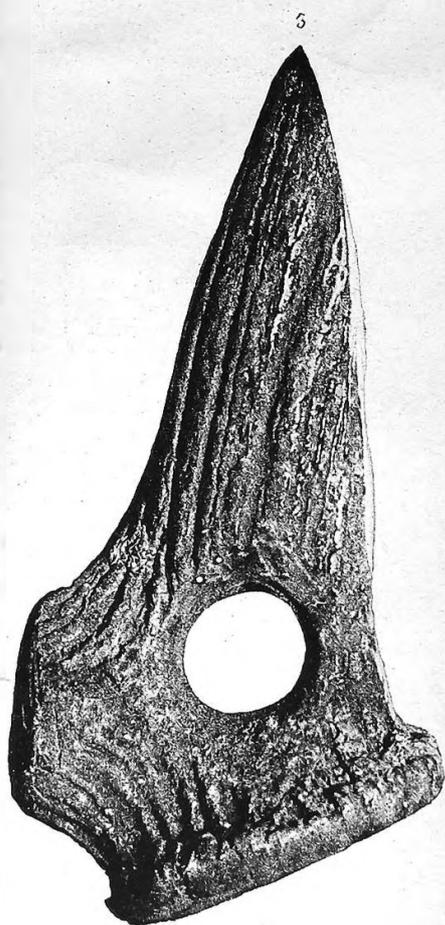
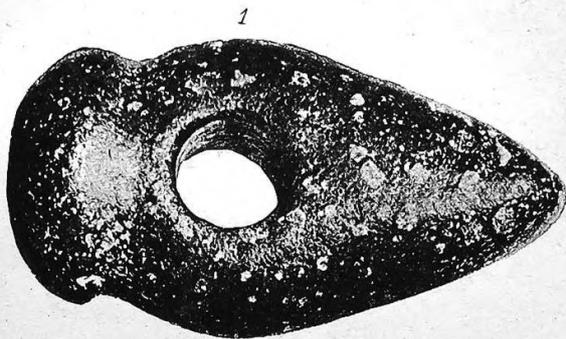

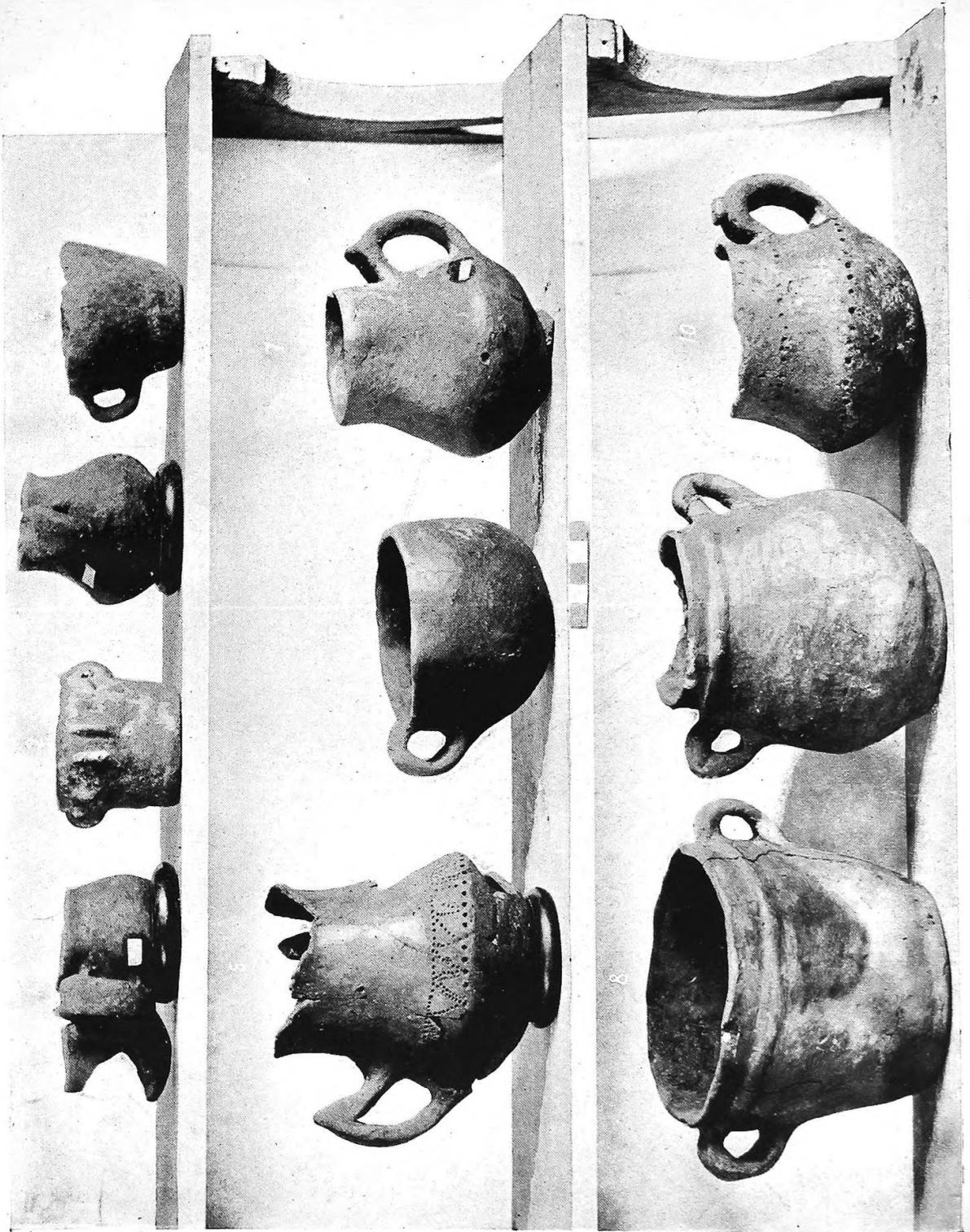

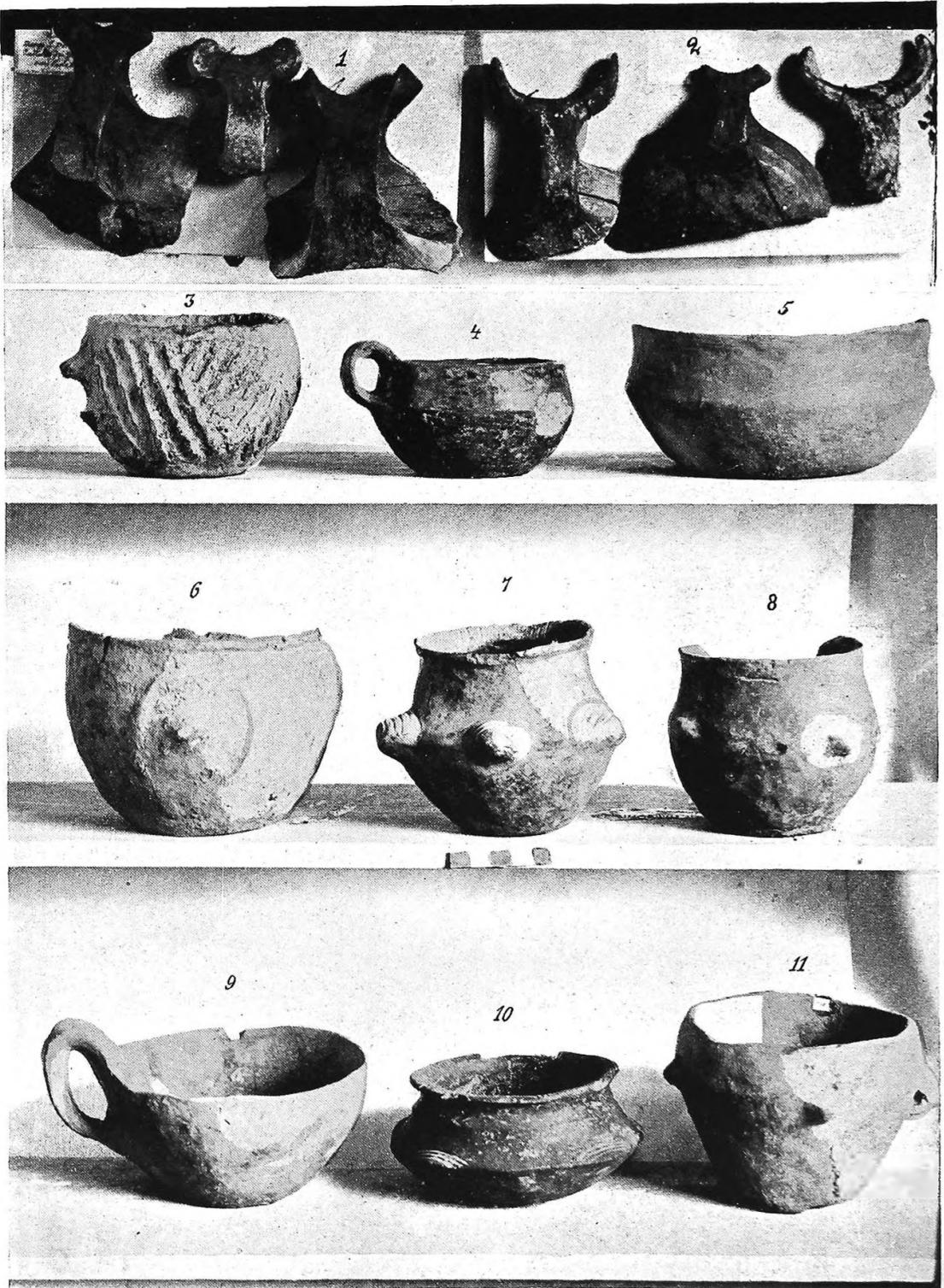

ПАЛАФИТТЫ ЛОМБАРДСКИХЪ ОЗЕРЪ. ЭНЕОЛИТИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ И
НАЧАТКИ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ.

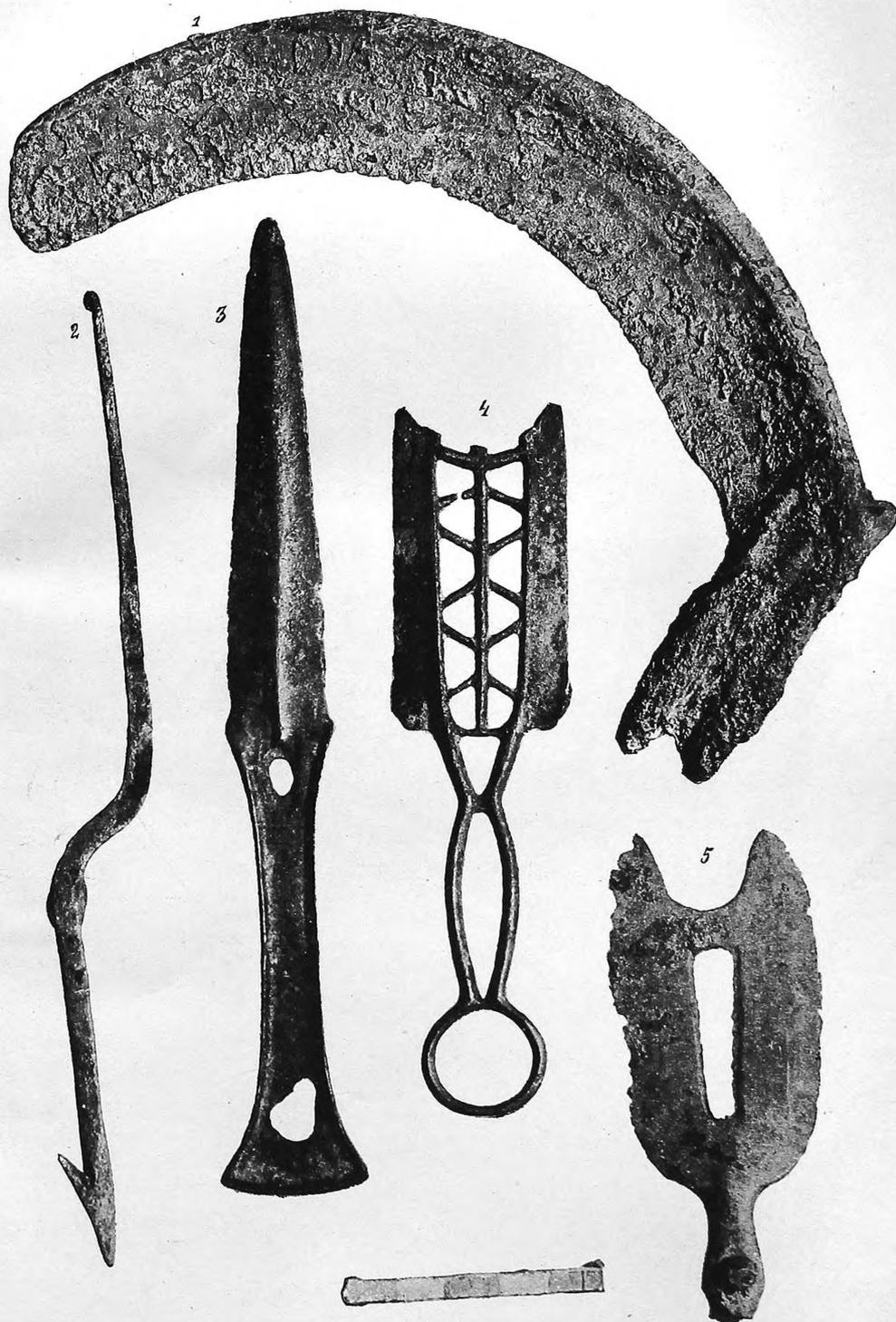

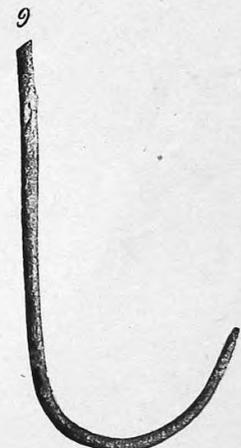
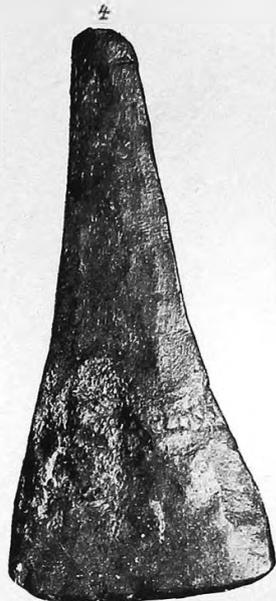
ВОСТОЧНО-ЛОМБАРДСКІЯ ПАЛАФІТТЫ. ПЕРЕХОДЪ НЪ БРОМЗОВОЙ ЭПОХЪ.

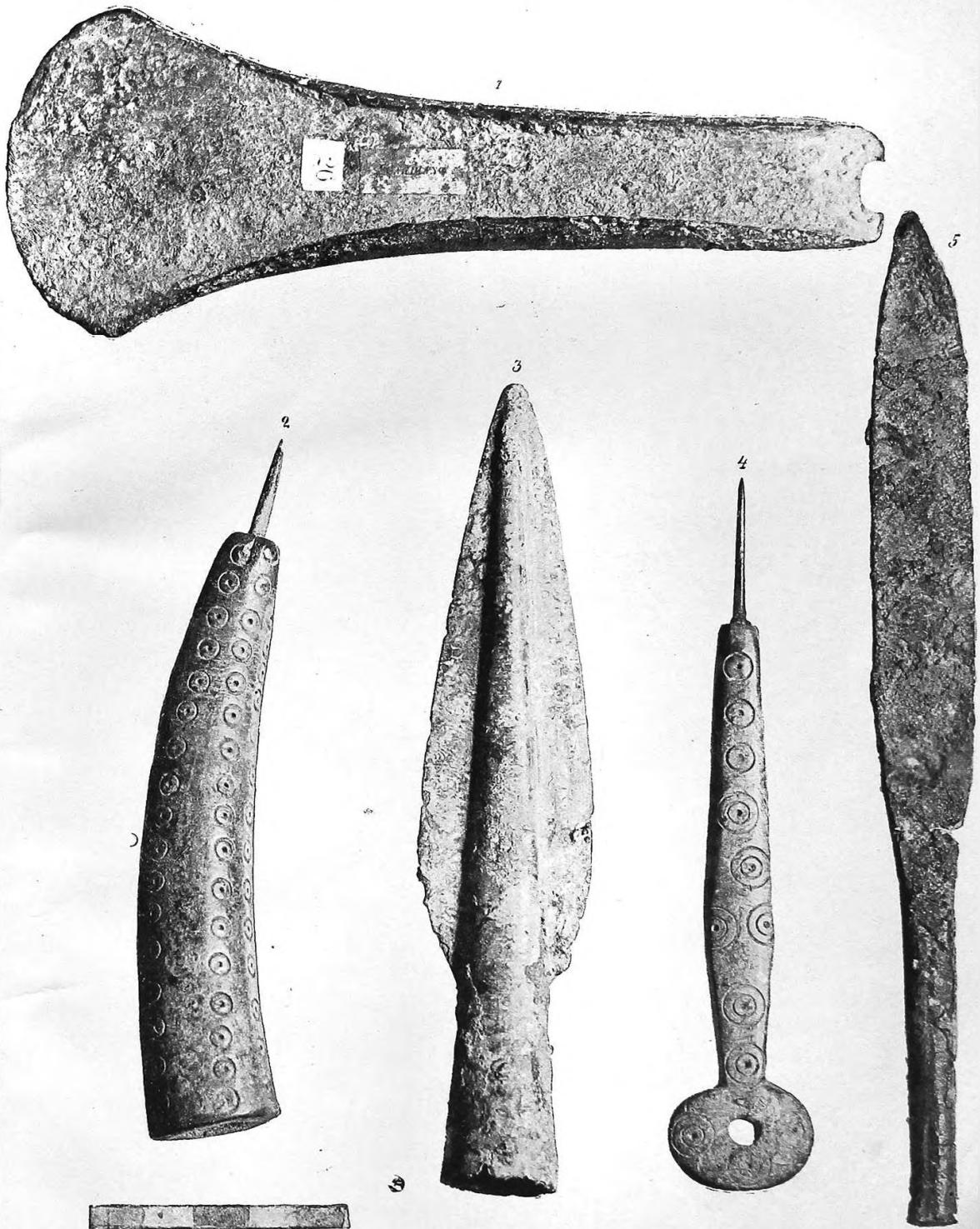

БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (ТЕРРАМАРЫ).

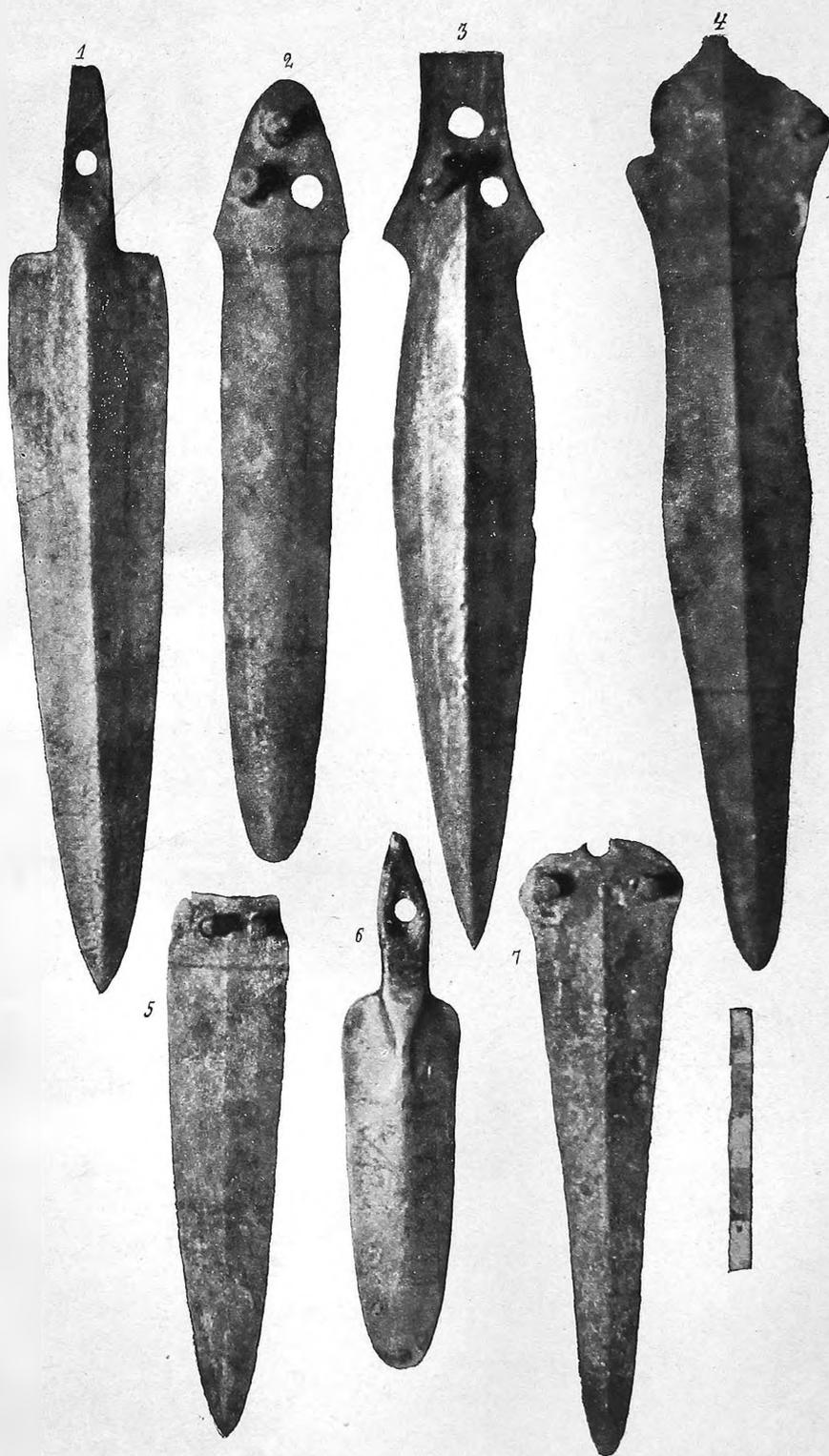

БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (ТЕРРАМАРЫ И ПАЛАФИТТЫ ВЕНЕТСКИХЪ ОЗЕРЪ).

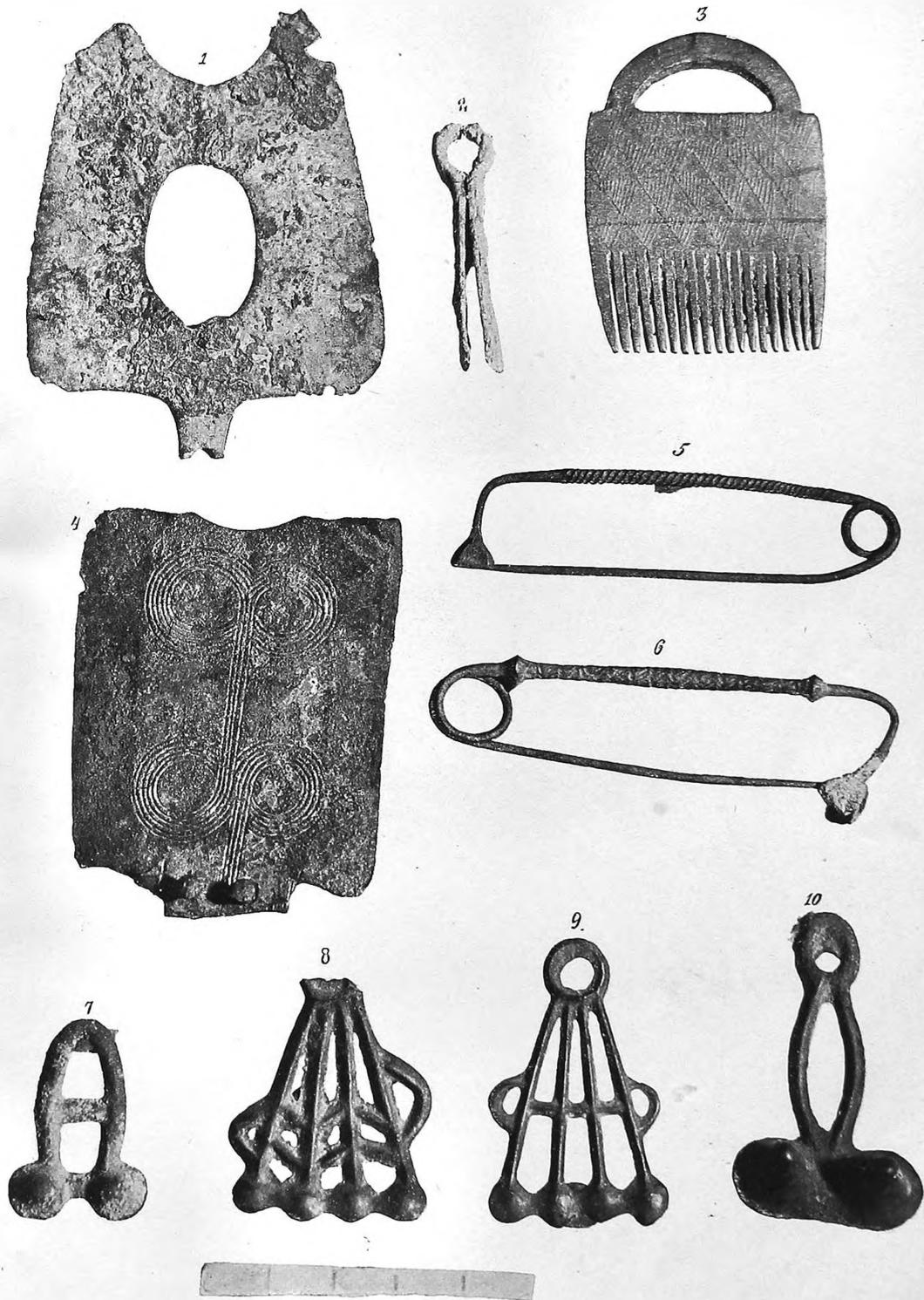

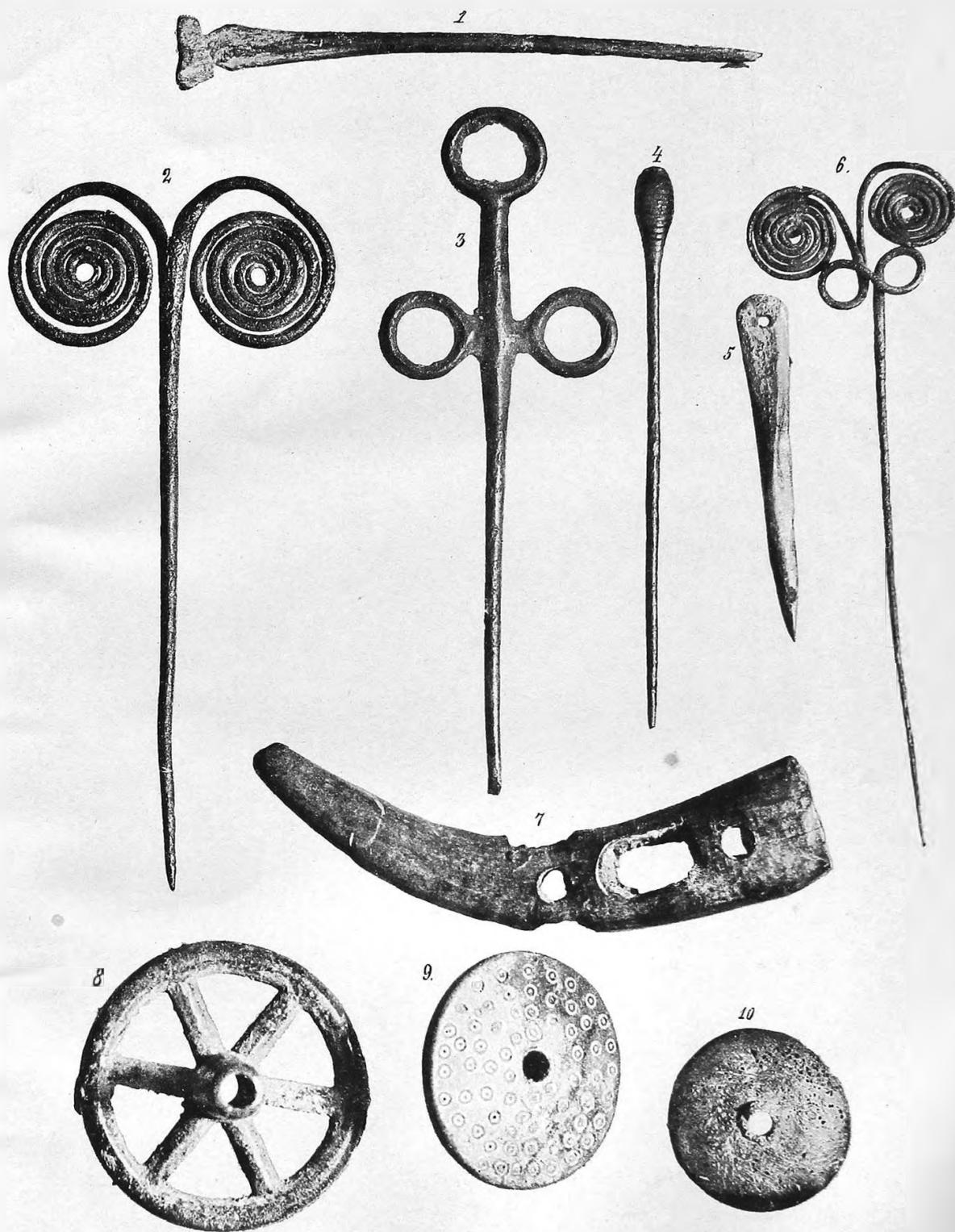
БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (ТЕРРАМАРЫ).

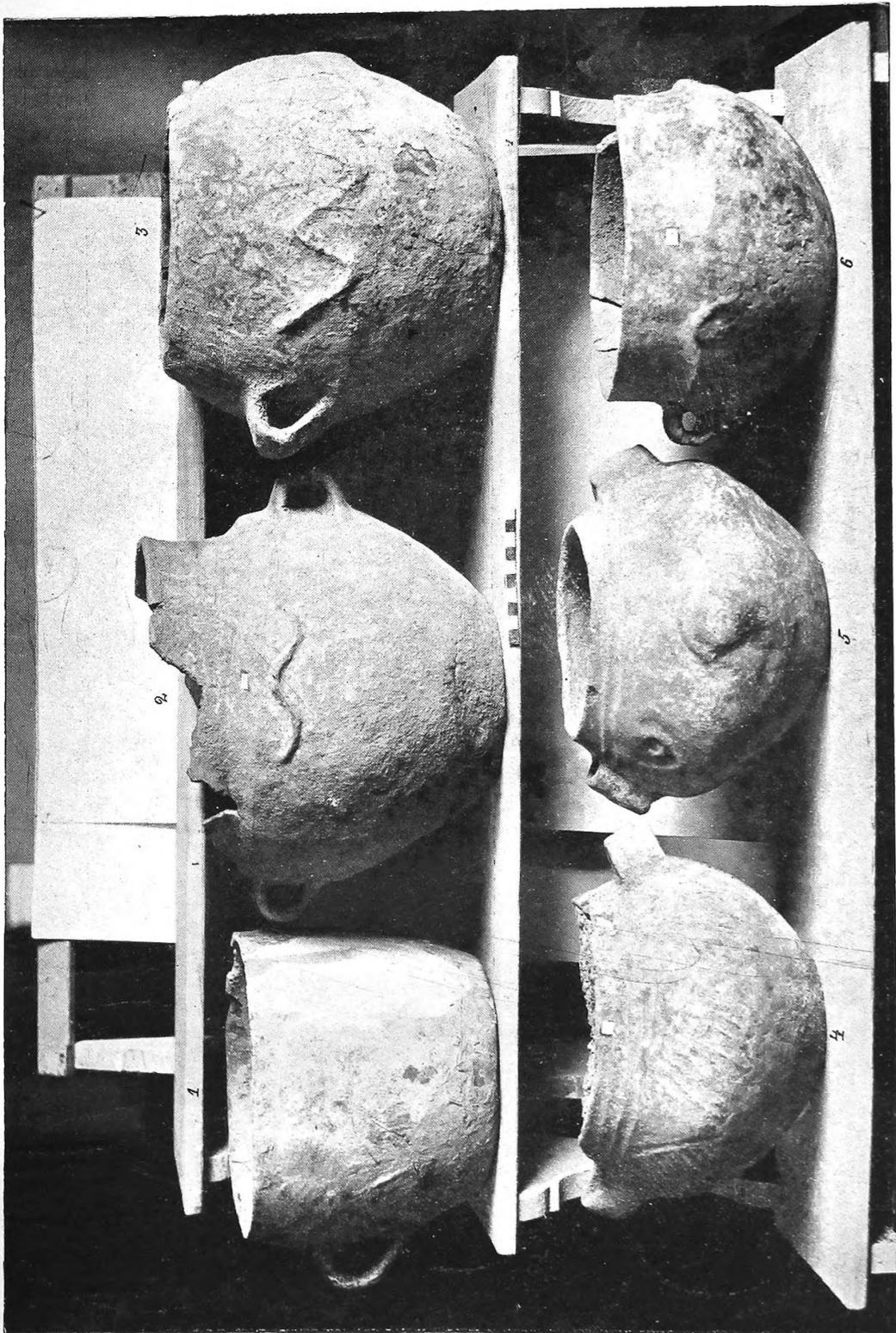
БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (ПАЛАФИТТЫ ГАРДСКАГО ОЗЕРА).

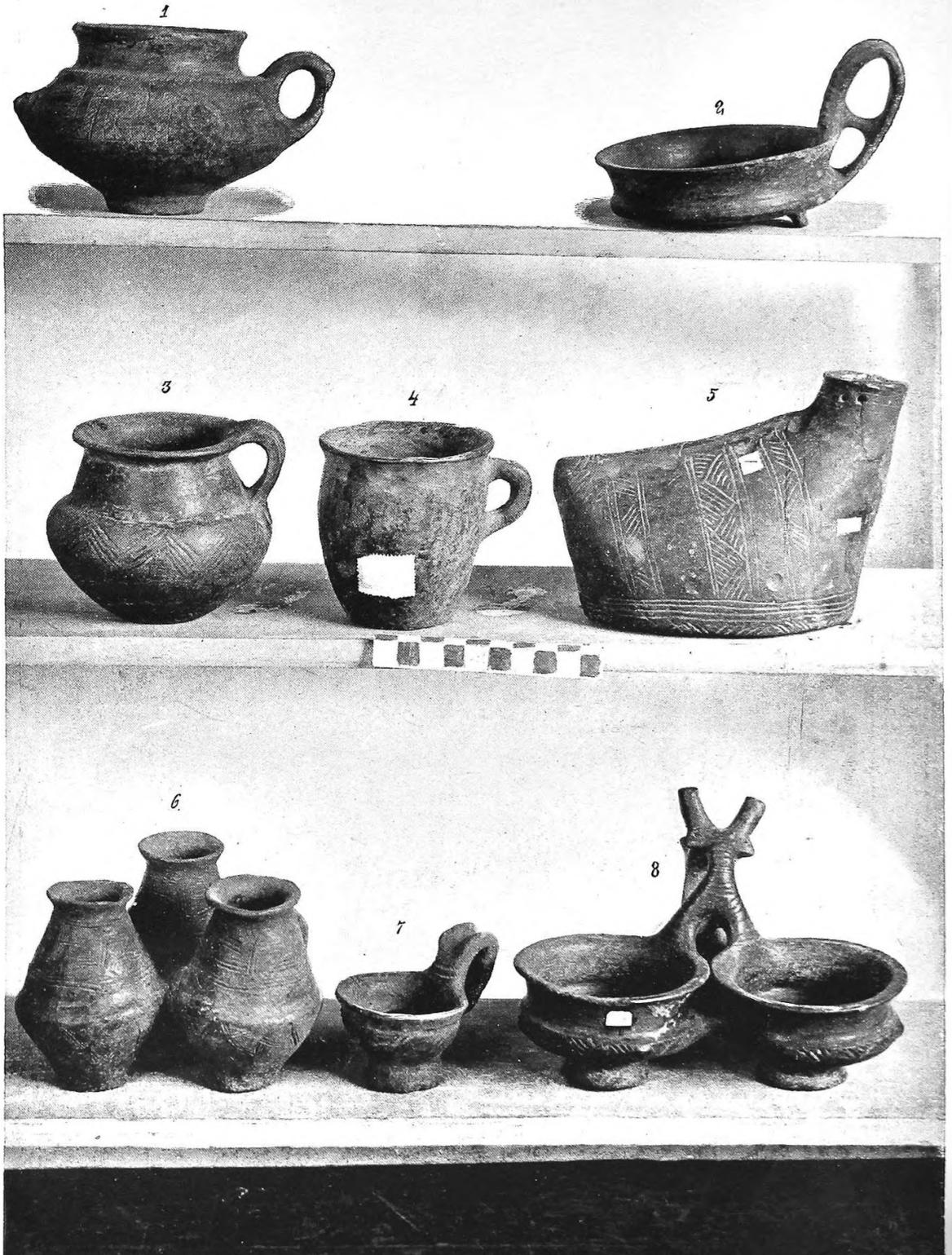
БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (ТЕРРАМАРЫ И ПАЛАФИТТЫ ГАРДСКАГО ОЗЕРА).

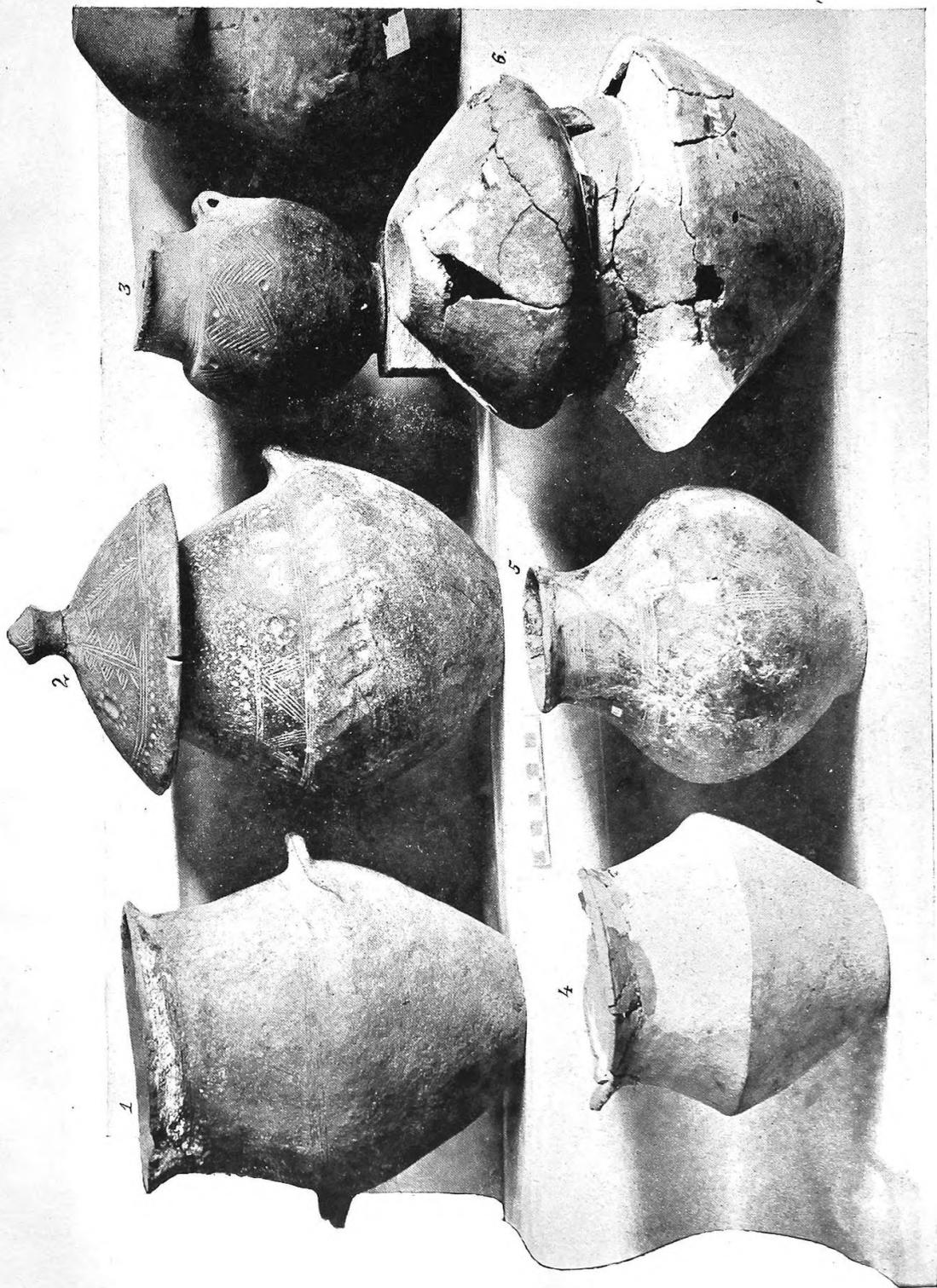

БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (ТЕРРАМАРЫ И ПАЛАФИТТЫ ГАРДСКАГО ОЗЕРА).

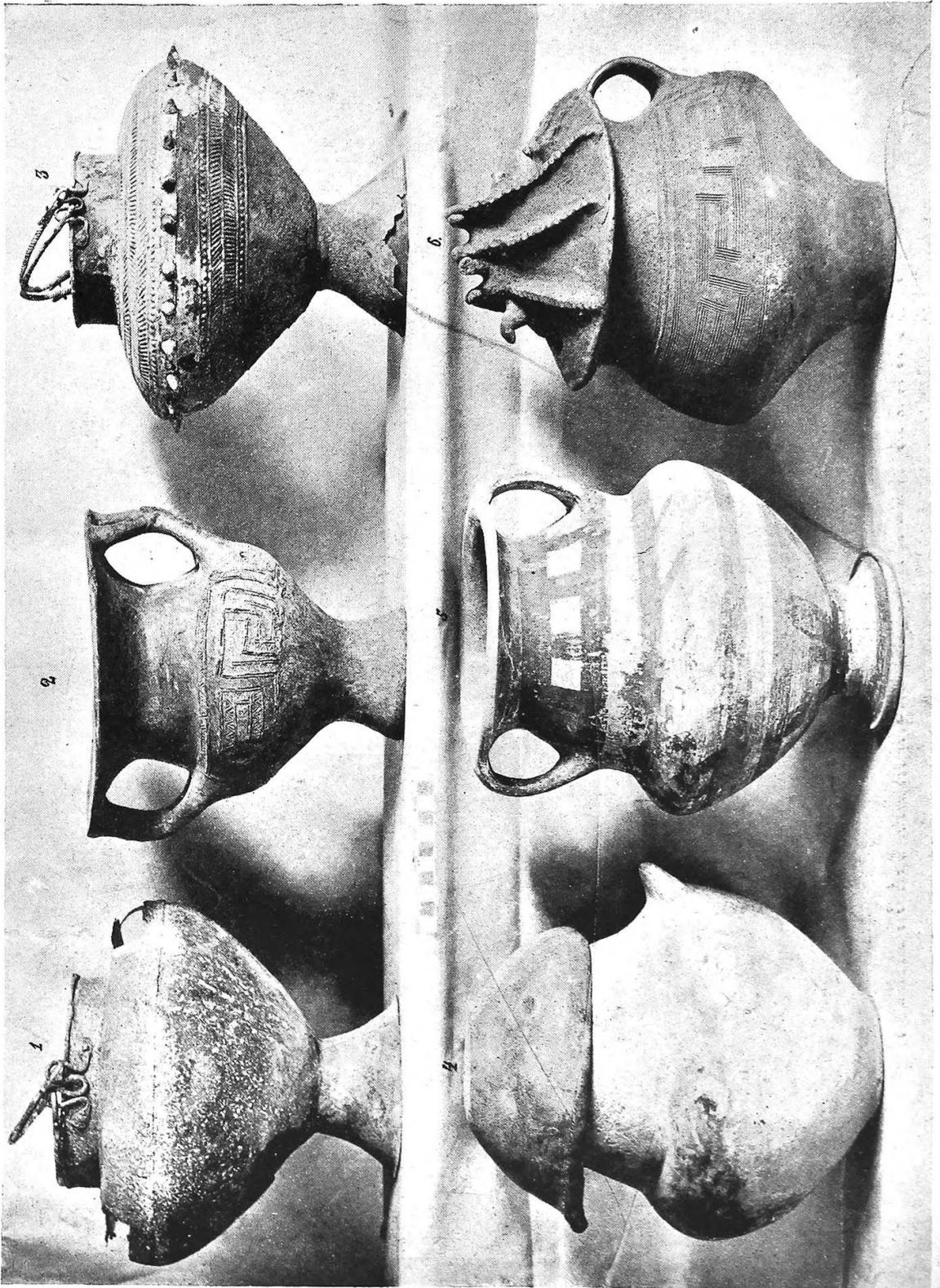
БРОНЗОВАЯ ЭПОХА (МОГИЛЬНИКИ ТЕРРАМАРЬ).

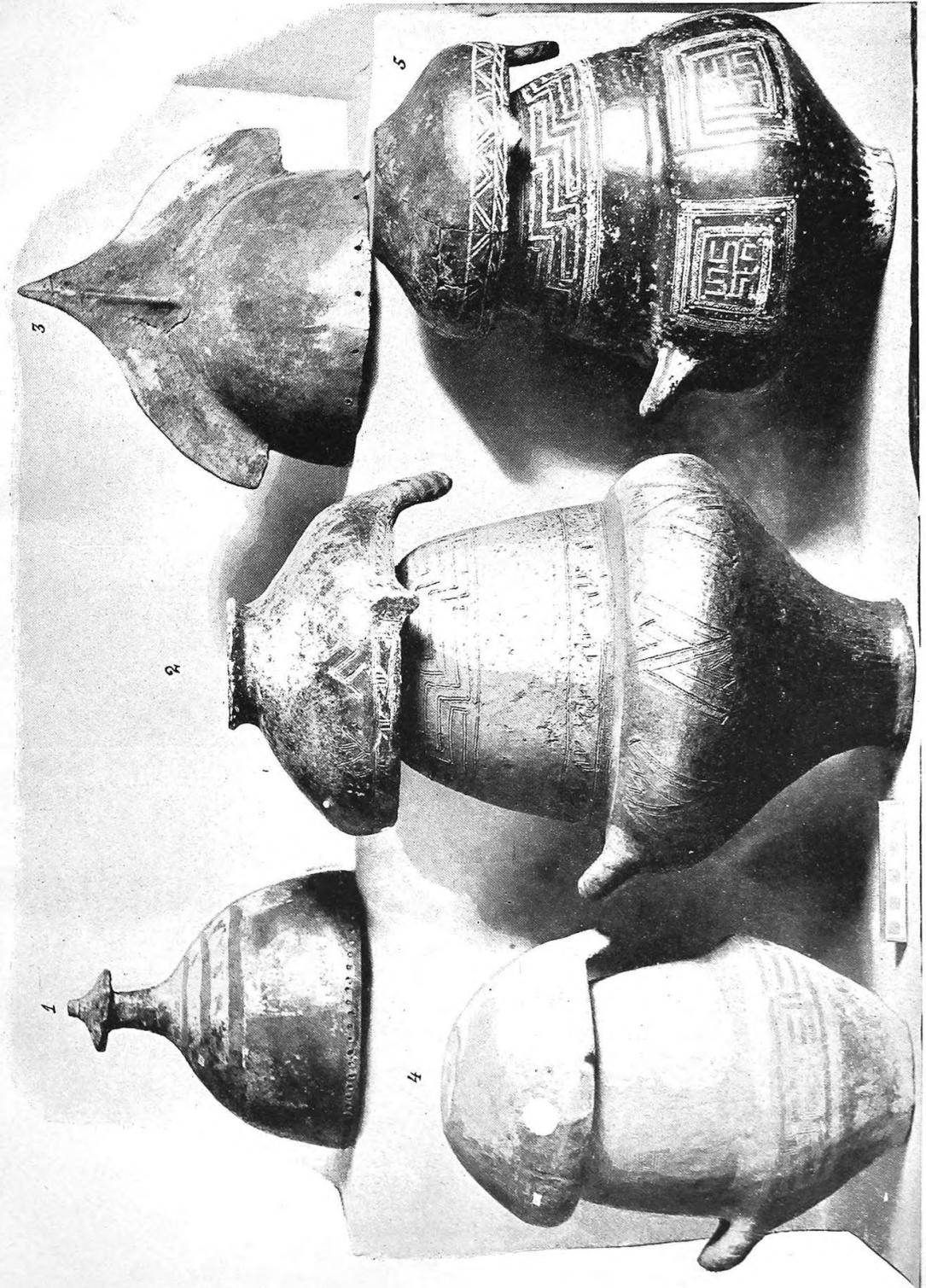

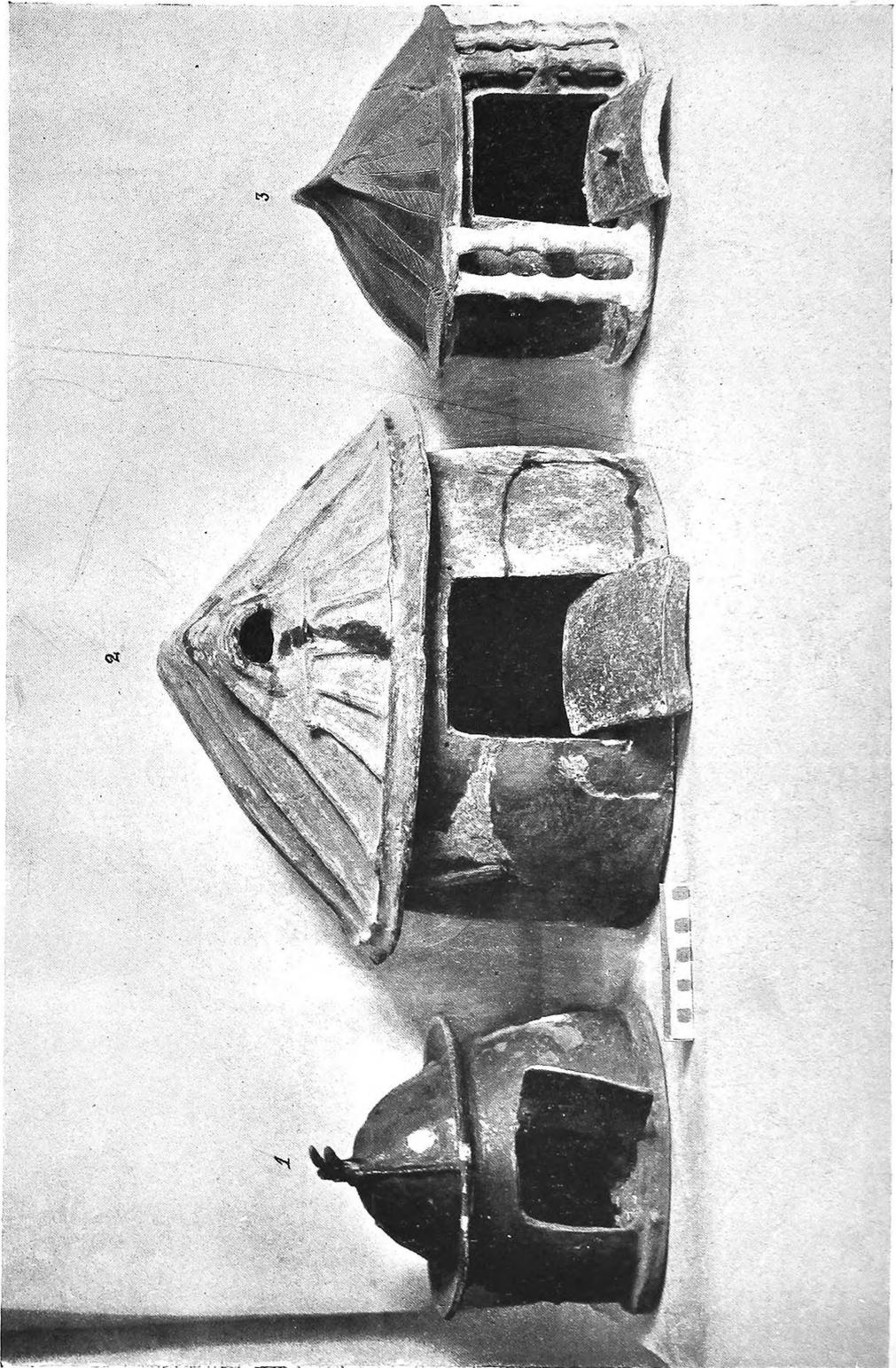
ПЕРВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЪКЪ ВЪ ЛАЦУМЪ И ВЪ НИЖНЕЙ ИТАЛИИ.

ПЕРВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКЪ (КУЛЬТУРА ВИЛЛАНОВЫ).

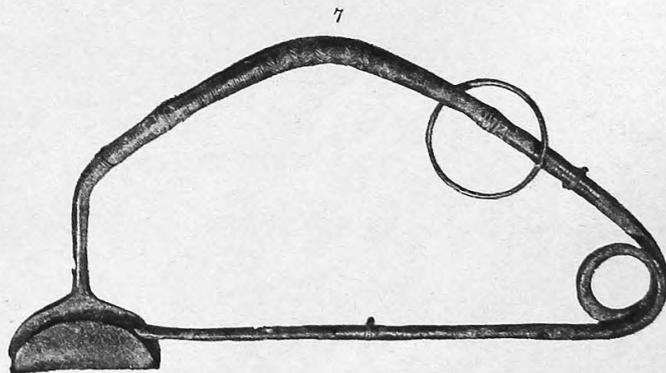
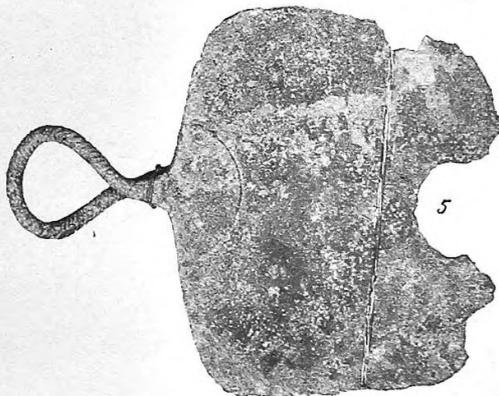
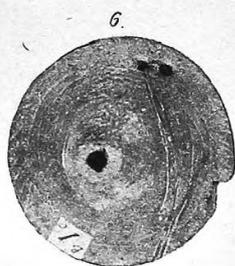
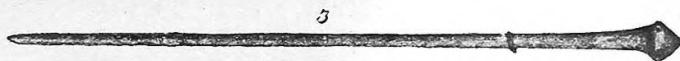
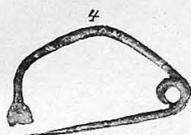
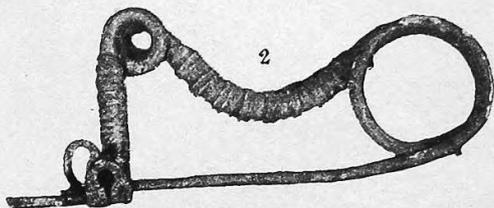
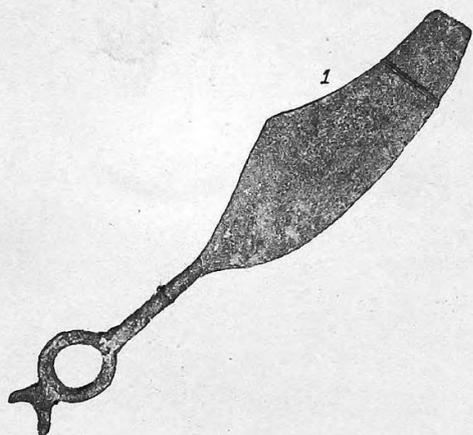
ПЕРВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЪКЪ (КУЛЬТУРА ВИЛАНОВЫ).

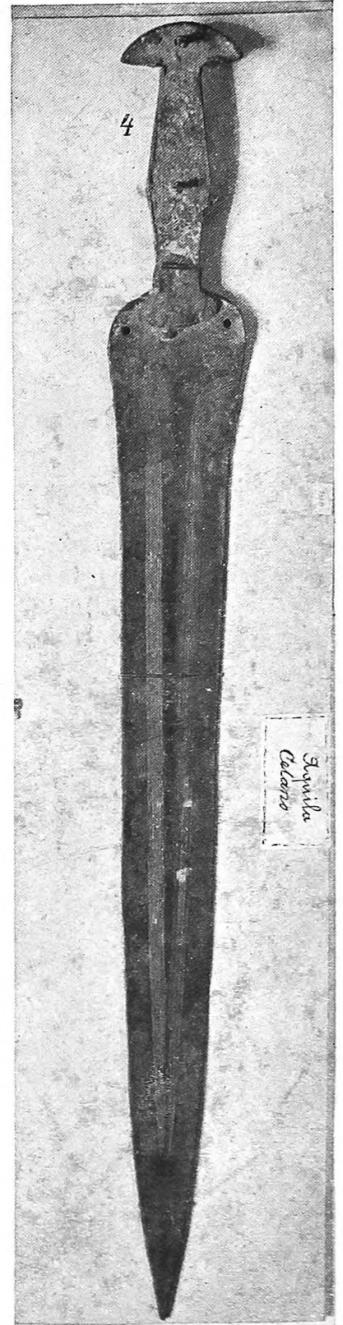
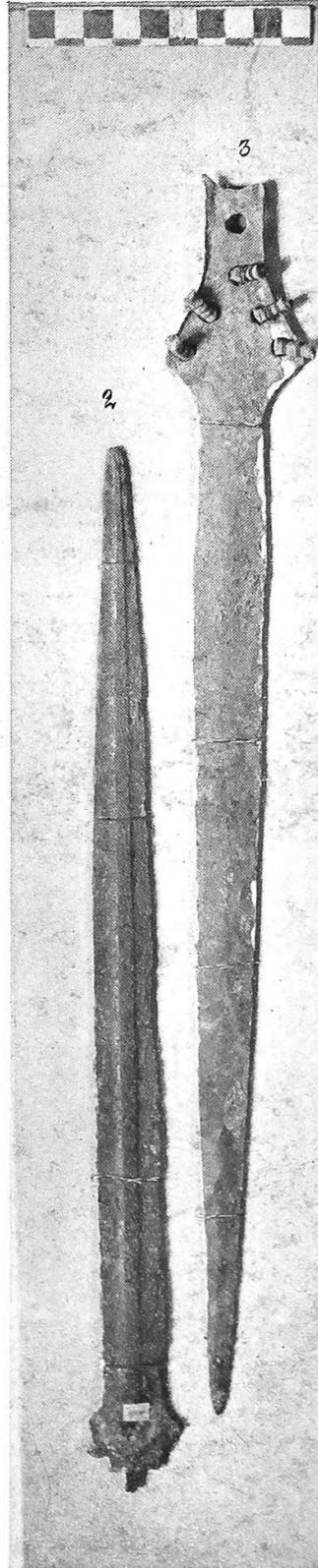
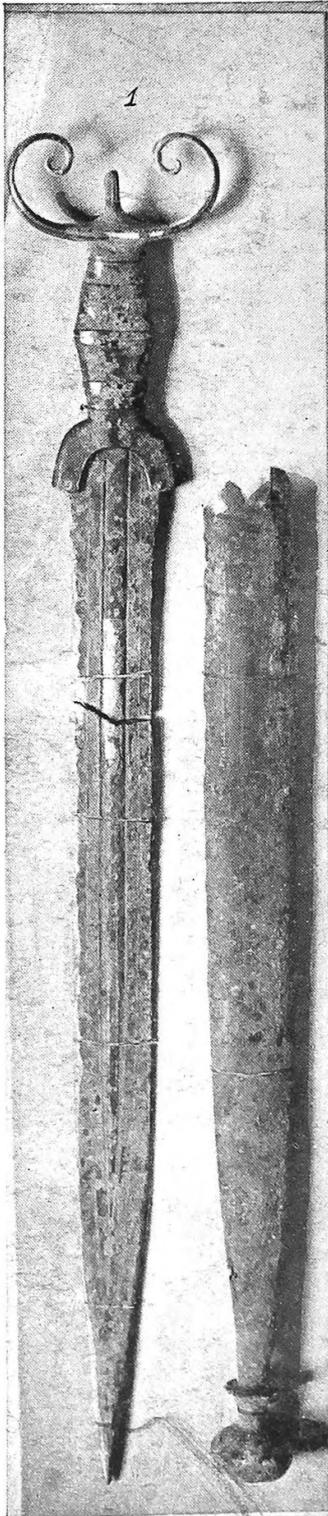
ПЕРВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКЪ ВЪ ДАЦУМЪ И ВЪ ЮЖНОЙ ЭТРУРІИ.

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНАГО ВѢКА И ФУЗАЙОЛЫ ИЗЪ ТЕРРАМАРЬ.

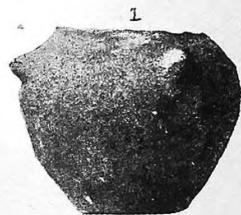

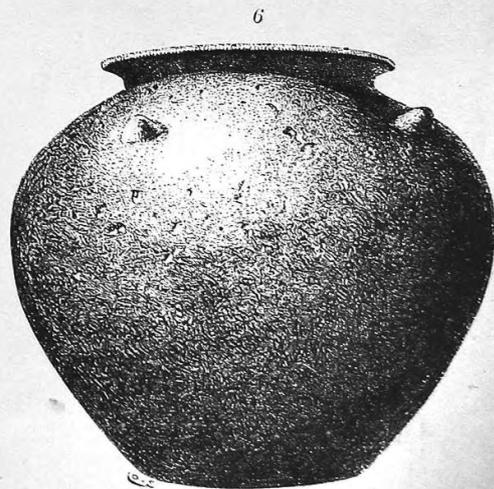
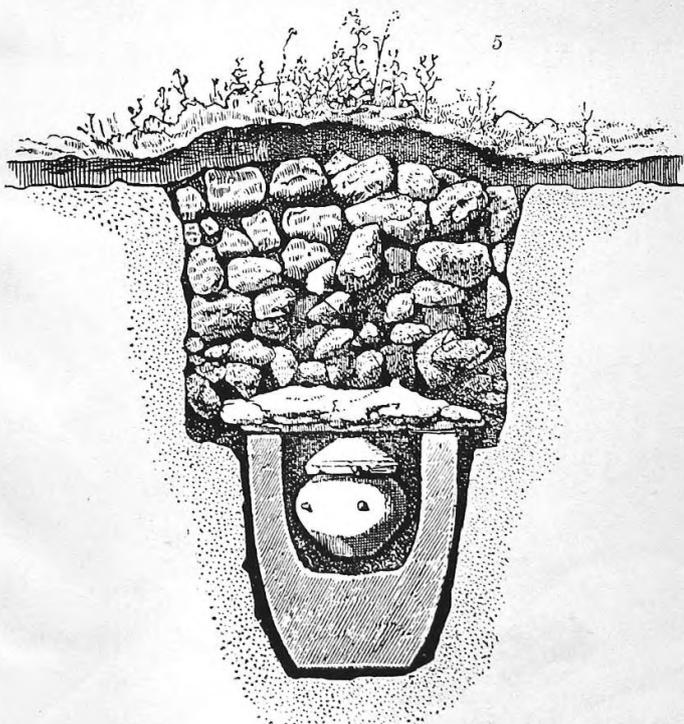
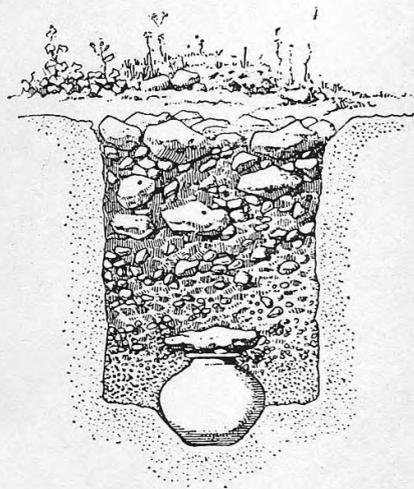
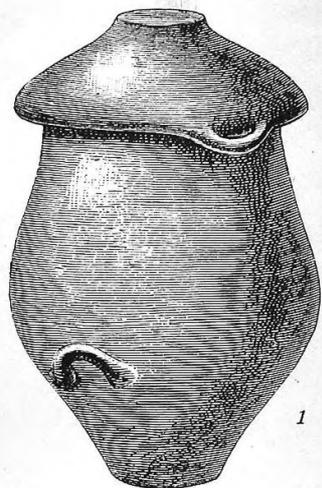

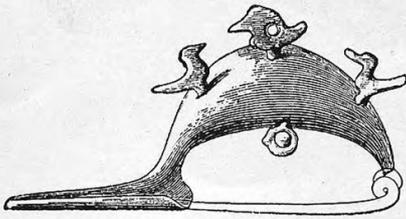

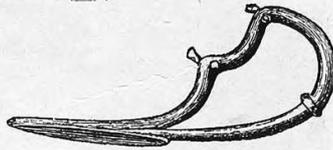
ПЕРВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЪКЪ.

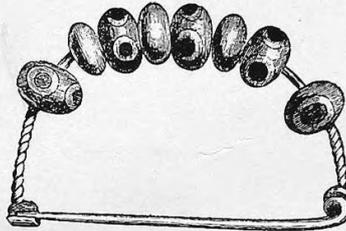
1.

2.

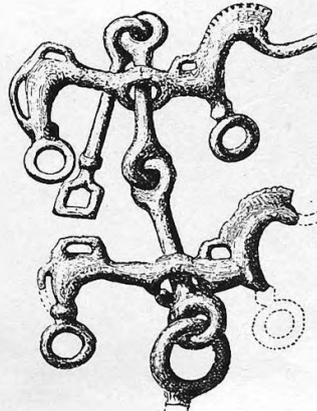
3.

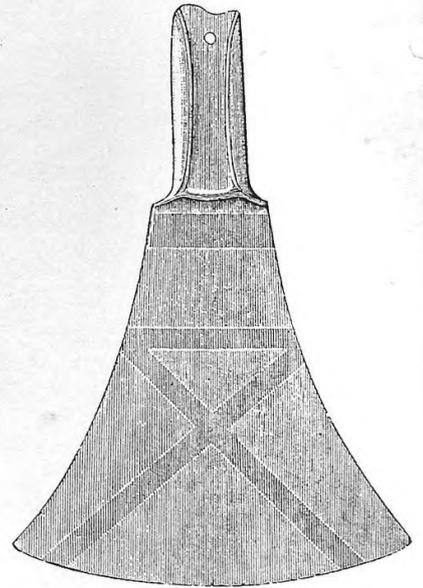
4.

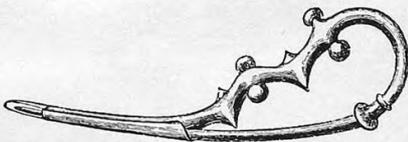
5.

6.

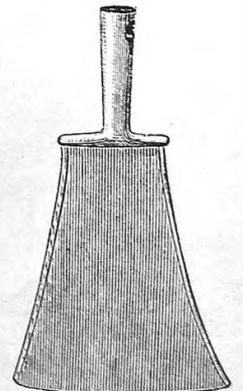
7.

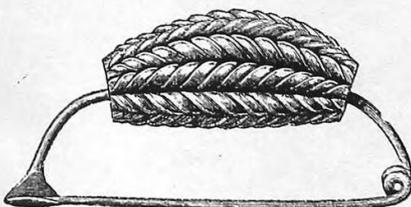
8.

10.

9.

11.

